

217
82

А. МЮЛЛЕРЪ.

И С Т О Р І Я

И С Л А М А

СЪ ОСНОВАНІЯ ДО НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

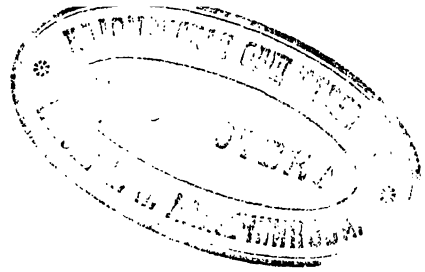
ПОДЪ РЕДАКЦ. ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА Н. А. МѢДНИКОВА.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.
1895.

№-648-38

АВГУСТЪ МЮЛЛЕРЪ.

Пользуясь обязательнымъ разрѣшеніемъ академика бар. В. Р. Розена, приводимъ изъ его рѣчи, читанной въ Засѣданіи Вост. Отд. И. Р. А. О., 29-го сентября 1892, и напечатанной въ Запискахъ Вост. Отд. т. VII, 329-334, нѣкоторыя біографическія данныя объ Августѣ Мюллерѣ, а также оцѣнку его научной дѣятельности.

Жизнь Августа Мюллера была небогата внѣшними событіями: онъ родился въ 1848 году въ Штеттинѣ, гдѣ и получилъ гимназическое образованіе; затѣмъ поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, въ которомъ занимался филологіей классической и восточными языками, принадлежа къ самымъ прилежнымъ и вѣрнымъ ученикамъ незабвеннаго и несравненнаго «шейха» Флейшера. Въ 1868 г. получилъ докторскій дипломъ отъ университета въ Галле, тамъ-же въ 1870 г. построился приватъ-доцентомъ и въ 1874 г. былъ произведенъ въ экстраординарные профессоры. Въ 1882 г. онъ былъ переведенъ ординарнымъ профессоромъ въ Кенигсбергъ и въ 1889 г. въ томъ же званіи опять приглашенъ въ Галле.

Въ ученой литературѣ А. Мюллеръ впервые выступилъ въ 1869 г., со смѣлой попыткой критическаго—въ строго-филологическомъ смыслѣ—изданія моаллаки Имрулькейса *). Этотъ первый опытъ молодого ученаго, помимо разбросанныхъ въ немъ отдѣльныхъ остроумныхъ замѣчаній, заслуживаетъ вниманія тѣмъ, что въ немъ весьма ясно обрисовывается научный идеалъ, къ которому А. Мюллеръ стремился всю свою жизнь. Этотъ идеалъ—примѣненіе къ арабской филологіи строгаго, точнаго метода, выработаннаго для классической трудами Ф. А. Вольфа, Ф. Германа, К. Лахмана, А. Бѣка и другихъ, поднятіе арабской филологіи на высоту классической. Къ вопросамъ, касавшимся древнеарабской поэзіи, онъ больше не возвра-

*) Imruulkaishi Mu'allaka. Edidit Augustus Mueller. Halis. G. E. Barthel СЮЮСССLXIX. XXII + 31 p. 8°.

щася, но своему идеалу онъ оставался вѣрнымъ и въ той области арабской филологіи, которой онъ посвятилъ лучшія свои силы.

Въ 1870 году на него было возложено редактированіе примѣчаній и составленіе указателя къ Флюгелевскому изданію ал-Фихриста. Подъ вліяніемъ ли этой работы, или же вообще соображеній о важности предмета, у А. Мюллера созрѣла мысль посвятить свои труды исторіи принятія и развитія греческой науки арабами, т. е. именно такой области, въ которой, несмотря на сравнительно большое число изслѣдованій, необходимость примѣненія строгаго метода давала себя чувствовать особенно сильно. Вмѣстѣ съ тѣмъ именно здѣсь, въ силу самаго свойства сохранившихся матеріаловъ, примѣненіе этого метода обѣщало весьма богатые и прочные результаты *). На первомъ планѣ тутъ естественно должно было стоять критическое изданіе главнѣйшихъ источниковъ, т. е. біографическихъ сборниковъ Ибн-Аби Усейбіи и ал-Кифтія, и двухъ-трехъ менѣе важныхъ авторовъ, какъ-то Сә'ида Толедскаго, Мубашшира-ибн-Фатика, ал-Шаһразурія, ал-Бейһакія. И вотъ мы видимъ, что А. Мюллеръ многіе годы усидчивой, утомительной работы посвящаетъ приготовленію этихъ изданій, и одно изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, и при томъ самое объемистое и важное, ему удастся довести до желаннаго конца. Въ 1884 появилось въ трехъ томахъ Ibn Abi Useibia. Herausgegeben von August Müller. Königsberg i. Pr. Selbstverlag. Въѣшнія обстоятельства—стремленіе къ возможному сокращенію расходовъ печатанія **)—заставили издателя прибѣгнуть къ услугамъ египетскаго типографщика, благодаря недобросовѣстности котораго все изданіе вышло съ *внѣшней* стороны довольно непривлекательнымъ и неудобнымъ для пользованія. Но внутренняя цѣнность его, разумѣется, нисколько не пострадала, и оно является классическимъ въ своемъ родѣ образцомъ истинно-научнаго, критическаго изданія, какихъ мы имѣемъ весьма небольшое число. Сборникъ біографій медиковъ Ибн-Аби Усейбіи пользуется извѣстностью въ ученomъ мірѣ уже около 200 лѣтъ; извлеченія изъ него, ссылки на него дѣлались весьма усердно, но только съ появленіемъ изданія А. Мюллера этотъ драгоценный памятникъ сталъ дѣйствительно достояніемъ науки. Только теперь мы имѣемъ текстъ, установленный настолько твердо, насколько это вообще возможно при нынѣшнемъ состояніи науки и сохранившихся матеріалахъ. А. Мюллеръ работалъ надъ своей задачей такъ методически и такъ тщательно, пользовался сравнительнымъ обиліемъ рукописныхъ матеріаловъ такъ удачно и умѣло, что критикѣ остается

*) Ср. ZDMG. 34, 165.

**) Частнаго издателя не нашлось, а многочисленныя ученые учрежденія Германіи повидимому не сочли возможнымъ оказать содѣйствіе этому крупному ученому предпріятію.

только отмѣчать случайные, отдѣльные промахи—недочеты, неизбежныя при всякой человѣческой работѣ. Всякій, кто знакомъ съ положеніемъ арабской филологіи, всякій, кто знаетъ, какъ часто приходится намъ опираться на совершенно необработанные и, такъ сказать, сырые тексты, другими словами, строить прямо на пескѣ, исполнѣ оцѣнить заслугу А. Мюллера. Если-бы ему удалось такимъ-же образомъ издать еще ал-Кифтія и Са'ида Толедскаго, то мы для одной по крайней мѣрѣ области исторіи арабской цивилизаціи получили бы твердый фундаментъ, на которомъ можно было бы продолжать строить безъ опасенія катастрофы.

Къ сожалѣнію А. Мюллеръ, частью вслѣдствіе разныхъ чисто внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, частью вслѣдствіе живости своего ума и разносторонности научныхъ интересовъ, равно какъ и свойственной ему всегдашней готовности жертвовать своими интересами на пользу другимъ, былъ нѣсколько отвлеченъ отъ этой спеціальной задачи. Въ 1881 году онъ принялъ предложеніе составить для извѣстной исторической серіи Онкена «Исторію Ислама на Востокъ и Западъ», которая была окончена имъ въ 1887 *). Приступая къ этому труду, Мюллеръ нисколько не увлекался несбыточными мечтами о возможности исполнѣ научнаго изложенія исторіи ислама въ столь короткій срокъ, при нынѣшнемъ состояніи науки, и въ тѣхъ рамкахъ, которыя ему были поставлены условіями всего изданія. Онъ весьма ясно понялъ и опредѣлилъ свою задачу въ предисловіи къ первому тому: «Ich will ein Handbuch darbieten, welches den augenblicklichen Stand der Forschung möglichst zuverlässig zu einem hoffentlich lesbaren Ausdruck bringt; auch damit werde ich, wenn es gelingt, nichts Ueberflüssiges gethan haben».

Мнѣ кажется, что всякій неспеціалистъ, читавшій «Исламъ», согласится, что эта книга написана съ большимъ талантомъ и весьма «lesbar», а всякій спеціалистъ скажетъ, что въ ней сдѣлано все, что только возможно было, чтобы представить читателю вѣрную картину достигнутыхъ до сихъ поръ наукой результатовъ. Если не всѣ періоды освѣщены одинаково, не всѣ стороны исторической жизни мусульманскихъ народовъ выяснены равномерно, то виноватъ тутъ не авторъ, а настоящее положеніе науки. Вообще-же говоря, «Исламъ» А. Мюллера является не только не «лишнимъ», но даже въ высшей степени полезнымъ произведеніемъ и я не знаю ни одного другаго сочиненія, которое давало бы столь ясный связанный и осмысленный общій обзоръ преимущественно *внѣшней* исторіи мусульманскаго міра, не говоря уже о томъ, что и во многихъ частныхъ вопросахъ

*) Der Islam im Morgen- und Abendland. Berlin, 1886—87.

оно даетъ вѣскія и цѣнныя указанія и разъясненія, свидѣтельствующія какъ о добросовѣстности, съ которой авторъ всюду провѣрялъ своихъ предшественниковъ по доступнымъ ему источникамъ, такъ и объ самостоятельности его взглядовъ.

Легко понять, какъ много пользы такая работа должна была принести самому автору, какое ясное представленіе онъ долженъ былъ получить между прочимъ о важнѣйшихъ пробѣлахъ въ нашихъ знаніяхъ. Изъ его писемъ дѣйствительно выходитъ, что онъ носился съ планомъ не одной исторической монографіи. При его глубокомъ знаніи языка и созрѣвшемъ историческомъ талантѣ эти монографіи несомнѣнно вышли бы образцовыми.

Рядомъ съ этими трудами А. Мюллеръ находилъ время еще для множества работъ меньшаго объема, работъ, частью стоявшихъ въ тѣснѣйшей связи съ его главнымъ трудомъ, частью вызванныхъ потребностями преподаванія или текущими интересами научной литературы. Къ первой категоріи принадлежатъ нѣсколько замѣчательныхъ статей въ *Ztschr. d. d. morgenl. Ges.*, ко второй—его грамматики арабскаго и турецкаго языковъ и участіе въ составленной Нельдеке хрестоматіи древней арабской поэзіи. Объ арабской грамматикѣ, весьма распространенной и извѣстной далеко за предѣлами Германіи, равно какъ о турецкой, были своевременно помѣщены отзывы въ нашихъ «Запискахъ». Замѣчу только, что преждевременная кончина А. Мюллера лишила насъ плодовъ долготѣнихъ его изысканій въ области исторіи арабскаго языка. Именно занятіе Ибн-Аби Усейбіей и родственными ему авторами должно было особенно укоренить въ немъ сознаніе въ полной необходимости спеціальнаго изслѣдованія языка разныхъ періодовъ и разныхъ отраслей средневѣковой арабской литературы для выясненія вопроса объ отношеніяхъ его къ языку грамматиковъ-теоретиковъ классическаго періода. Изысканія, направленные въ эту сторону, обѣщали не только богатые результаты для исторіи арабской рѣчи, для арабской исторической грамматики, но должны были имѣть также и весьма важныя практическія послѣдствія при будущихъ изданіяхъ средневѣковыхъ арабскихъ текстовъ извѣстныхъ категорій. Если-бы А. Мюллеру суждено было напр. довести до конца и опубликовать хотя бы только начатыя имъ наблюденія надъ нѣкоторыми несомнѣнными автографами знаменитыхъ арабскихъ ученыхъ, то издатели арабскихъ средневѣковыхъ текстовъ приобрѣли бы просто неоцѣнимое пособіе для рѣшенія, по крайней мѣрѣ приблизительнаго, массы «мучительныхъ» вопросовъ критики текста, которые теперь являются часто вполне неразрѣшимыми и ставятъ издателя въ печальную необходимость довольствоваться завѣдомо неудовлетворительнымъ состояніемъ текста.

Но самую широкую популярность, самое большое право на признательность уже не только арабистовъ, но ориенталистовъ всѣхъ специальностей, археологовъ, лингвистовъ, историковъ и филологовъ, сколько нибудь заинтересованныхъ развитіемъ востоковѣдѣнія—а кто нынѣ имъ не заинтересованъ?—приобрѣлъ себѣ А. Мюллеръ предпринятымъ имъ въ 1887, по почину и съ матеріальной поддержкой Германскаго Общества Ориенталистовъ, изданіемъ «*Orientalische Bibliographie*». По истинѣ неоцѣнимыя услуги, которыя это съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе улучшавшееся изданіе оказывало и оказываетъ наукѣ вотъ уже 5 лѣтъ, слишкомъ очевидны для каждаго, чтобы нужно было о нихъ распространяться. Но на одну характерную черту этого изданія, рѣзко выдѣляющую его изъ другихъ подобныхъ библиографическихъ сборниковъ, я долженъ указать: это *систематическая* *) регистрація въ немъ русской литературы по востоковѣдѣнію. Починъ этого благого дѣла принадлежитъ всецѣло А. Мюллеру и его заслуга нисколько не умаляется тѣмъ, что исполненіе было ему значительно облегчено дѣятельнымъ сотрудничествомъ К. Г. Залемана. А. Мюллеръ былъ убѣжденъ—и при своемъ свѣтломъ умѣ и широкомъ образованіи долженъ былъ быть убѣжденнымъ—въ неизбежности и неминуемости развитія и расширенія научной литературы на разныхъ языкахъ, не вошедшихъ еще, такъ сказать, въ обиходъ западноевропейской образованности, и относился по крайней мѣрѣ къ одной такой литературѣ, т. е. къ русской, съ полнымъ сочувствіемъ, которое онъ доказалъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Ему конечно не были совсѣмъ чужды и тѣ опасенія, то чувство нѣкотораго, вполнѣ впрочемъ понятнаго, безпокойства, которыя вызываетъ это явленіе въ громадномъ большинствѣ западныхъ ученыхъ, предвидящихъ новое затрудненіе на достаточно уже трудномъ, тяжеломъ и заставленномъ всякими преградами пути паломниковъ науки. Но его глубоко справедливая и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельная, бодрая и въ лучшемъ смыслѣ практическая натура не могла успокоиться на безплодныхъ вздохахъ или примириться съ бессмысленнымъ глумленіемъ: она заставляла его искать выхода, могущаго удовлетворить всѣ стороны, и онъ нашелъ этотъ выходъ въ остроумномъ предложеніи, чтобы всякій ориенталистъ, помимо общеизвѣстныхъ трехъ, четырехъ главныхъ европейскихъ языковъ, изучалъ еще одинъ изъ менѣе извѣстныхъ и затѣмъ отъ времени до времени давалъ по возможности подробный отчетъ объ относящихся къ его специальности трудахъ на данномъ языкѣ. Соединяя слово съ дѣломъ и проповѣдь съ примѣромъ, онъ

*) *Спорадически* это дѣлалось и раньше, хотя бы напр. въ предшествовавшей Мюллеровой библиографіи,—библиографіи J. Klatt'a, приложенной къ *Litteraturblatt f. or. Philol. E. Kuhn'a*.

выбралъ себѣ русскій языкъ, не потому только, какъ онъ самъ говорить, что этотъ языкъ былъ ближайшимъ къ нему географически *), но и потому, что «русскіе ученые давно уже показали, что нельзя игнорировать ихъ труды» **). Онъ принялся весьма ревностно за изученіе русскаго языка и очень скоро уже былъ въ состояніи напечатать первый отзывъ и отчетъ свой о русскихъ трудахъ по востоковѣдѣнію. Этотъ отзывъ посвященъ Запискамъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Арх. Общества, специально первому ихъ тому. Постоянно возраставшее количество неотложныхъ и буквально тѣснившихъ его со всѣхъ сторонъ работъ мѣшало ему продолжать эти отчеты, но онъ неоднократно въ письмахъ ко мнѣ выражалъ надежду, что ему когда-нибудь удастся вернуться къ этому дѣлу и довести его до конца, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Запискамъ В. О.

Онъ умеръ 44 лѣтъ, 31 августа 1892 г.

1892/93

*) Онъ тогда былъ профессоромъ въ Кѣнигсбергѣ.

***) См. его рецензію на первый томъ «Записокъ В. О.» въ Götting. Gel Anz. отъ 15 Sept. 1889 № 19, стр. 762.

КНИГА ПЕРВАЯ.

АРАБЫ И ИСЛАМЪ.

ГЛАВА I.

До Мухаммеда.

Въ исходѣ пятого столѣтія по Р. Х., сообразно арабскимъ сказаніямъ, могущественнѣйшимъ человѣкомъ во всей Аравіи считался Кулейбъ, сынъ Рабі'и. Онъ былъ главой сильнаго племени Бену Таглибъ, которое занимало тогда, вмѣстѣ съ родственнымъ ему Бену Бекръ, весь сѣверо-востокъ полуострова, отъ сирійской пустыни до высочайшаго кряжа горъ центральной Аравіи. Оба племени, въ соединеніи съ нѣкоторыми сосѣдними, неоднократно, и всегда успѣшно, отражали нападенія мелкихъ правителей южной Аравіи. Передъ славой Кулейба, затмившей геройскіе подвиги всѣхъ остальныхъ, даже Амръ, сынъ Худжра, принужденъ былъ отодвинуться на второй планъ, не взирая на то, что отецъ послѣдняго, не задолго передъ тѣмъ, сумѣлъ образовать изъ бедуиновъ центральной Аравіи сильную коалицію. Такимъ образомъ родъ Кинда, едва только достигшій гегемоніи, лишился ея опять на нѣкоторое время. Ибо большинство союзныхъ племенъ согласилось подчиниться верховенству Кулейба. Но, попутно съ могуществомъ героя, гласитъ преданіе, росла и его гордость. Самомнѣнію его, казалось, не было предѣловъ. Въ позднѣйшія столѣтія дѣти пустыни не даромъ говорили: «онъ превосходитъ гордостью даже Кулейба Ва'іля». Такъ прозывали его, благодаря общимъ предкамъ Бекръ и Таглибъ. Жена его Джеліла взята была имъ изъ родственнаго колѣна Бекръ. Всѣ братья ея, со своими ближайшими родственниками, дружили съ Кулейбомъ, и рядомъ съ его палаткой поселился одинъ изъ шуриновъ, Джессасъ. Пріѣхала разъ въ гости къ послѣднему род-

ная его тетка Бесу́сь. Чуждая обоимъ колѣнамъ (Бекръ и Таглибъ), она могла рассчитывать только на покровительство своего племянника. Вслѣдъ за ней прибылъ вскорѣ землякъ ея, нѣкто Са'дъ и остановился на нѣкоторое время тоже у Джессаса. Онъ привелъ съ собою верблюдицу, кличкою Сар'абъ. Находясь подъ кровлей, а стало быть и защитой Джессаса, Са'дъ выпускалъ свою верблюдицу вмѣстѣ съ остальными верблюдами на пастбище, а ходили они вмѣстѣ со стадомъ Кулейба. Разъ какъ-то Кулейбъ обходилъ ограду выгона. Случайно взоръ его упалъ на жаворонка, сидѣвшаго на яйцахъ. Птичка вскрикнула пронзительно и затрепетала крылышками. Кулейбъ былъ тогда въ хорошемъ настроеніи и сказалъ: «Чего боишься, ты и твои яйца находятся подъ моимъ покровительствомъ. Повѣрь никто не посмѣетъ тебя тронуть». А когда, немного спустя, проходилъ онъ опять тѣмъ же мѣстомъ, замѣтилъ слѣдъ верблюда, ему неизвѣстнаго, яйца же были растоптаны. Вернулся домой сердитый. Когда на другой день, вмѣстѣ съ Джессасомъ, обходилъ онъ пастбище, снова вдругъ увидѣлъ верблюдицу Са'да. Тотчасъ же догадался, что это она раздавила яйца и крикнувъ Джессасу: «Смотри у меня! Я кое-что подозреваю. Если узнаю доподлинно, приму мѣры, чтобы эта верблюдица никогда болѣе не ходила съ моимъ стадомъ».—Сильно не понравилась Джессасу рѣзкость тона родственника и онъ отвѣтилъ: «Клянусь Создателемъ, она вернется сюда опять какъ было и прежде»... Слово за слово, поднялась ссора. Кулейбъ сталъ грозить, что если онъ опять увидитъ верблюдицу, то пронзитъ ей стрѣлою вымя.—На это отвѣтилъ въ запальчивости Джессасъ: «Попробуй только ранить ее въ вымя, мое копые не замедлитъ пробить твой позвоночный столбъ». А самъ, между тѣмъ, погналъ верблюдицу прочь. И опять вернулся Кулейбъ мрачнѣе ночи домой. Жена его Джелила, родная сестра Джессаса, замѣтила сразу, что что-то не ладно. Стала его спрашивать, допытываться. Наконецъ онъ произнесъ мрачно: «Знаешь ли ты такого, кто бы осмѣлился защищать любимца своего, наперекоръ мнѣ?» Она отвѣтила, не долго думая: «Едва ли кто на это рѣшится, развѣ вотъ братъ мой Джессасъ». Кулейбъ не пожелалъ дать этому вѣры. Съ его устъ сорвалась ѣдкая эпиграмма по адресу шурина. Насмѣшка его не осталась безъ отвѣта. Съ обѣихъ сторонъ посыпались грубые перекоры. Однажды Кулейбъ вышелъ опять поглядѣть на верблюдовъ. Какъ разъ въ это время вели ихъ на водопой, впереди, конечно, шли Кулейбовы. Сар'абъ, верблюдица Са'да, находившаяся въ стадѣ Джессаса, рванулась впередъ и бросилась первая къ водопою. Кулейба передернуло. Ему сообщили при этомъ, что это животное принадлежит чужестранцу. Показалось гордому шейху, что такъ случилось нарочито; все это штуки Джессаса, подумалъ онъ. Схватился за лукъ, натянулъ тетиву, и стрѣла пробо-

дала вымя верблюдицы. Съ крикомъ понеслась она прямо въ стойло, у самой палатки Джессаса. Бесѹсь все это видѣла и вознегодовала, горько сѣтуя на нанесенный ущербъ собственности ея родственника: «О позоръ! О поношеніе! Гостя моего обидѣли!» голосила она въ надеждѣ, что Джессасъ отомститъ за нанесенную ея гостю обиду. Напрасно старался Джессасъ успокоить ее обѣщаніемъ богатаго вознагражденія. День за днемъ не переставала она преслѣдовать его и насмѣшками и упреками, укоряя, что гость подъ кровлей его не можетъ найти защиты, которую всякій честный человѣкъ обязанъ оказывать даже чужому, принятому въ домъ. Не выдержалъ Джессасъ и разразился проклятіями: «Замолчишь ли ты, наконецъ, женщина! Завтра будетъ убитъ одинъ, и погибель его для Ва'иля (т. е. Бекра и Таглиба) обойдется дороже твоей верблюдицы!» Слова эти переданы были буквально Кулейбу. Шейхъ подумалъ было, что дѣло идетъ о его любимцѣ верблюдѣ и порѣшилъ въ умѣ жестоко отомстить, если шуринъ осмѣлится это сдѣлать. Но съ этого момента Джессасъ сталъ подстерегать самого Кулейба. Однажды, когда шейхъ вышелъ безъ оружія, онъ бросился вслѣдъ за нимъ и крикнулъ ему: «Берегись, я убью тебя!»—«Иди же впередъ, если ты не лжешь», отвѣчалъ ему хладнокровно Кулейбъ—непомѣрная гордость не позволяла шейху даже обернуться. Джессасъ напалъ на него сзади и всадилъ ему копье въ спину. Противникъ грохнулся на землю, а убійца бросился бѣжать. Въ это самое время отецъ убійцы, окруженный старѣйшинами колѣна Шейбанъ, племени Бену Бекръ, сидѣлъ возлѣ своей палатки. Увидя стремительно прибѣжавшаго сына, старикъ воскликнулъ: «О Боже, Джессасъ совершилъ, должно быть, что-то ужасное!» Затѣмъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Что съ тобой?» Сынъ прошепталъ: «Я убилъ Кулейба». Старецъ горячо запротестовалъ: «Такъ одинъ ты и будешь въ отвѣтъ, я тебя свяжу, чтобы домочадцамъ Кулейба дать возможность убить тебя! И все же—истинно говорю, прибавилъ со вздохомъ старикъ, никогда болѣе Ва'иль (т. е. племени Бекръ и Таглибъ) не соединятся на хорошее дѣло, благодаря предательской смерти Кулейба. Горе намъ, что ты надѣлалъ, Джессасъ! Умертвилъ главу народа, разорвалъ узы единенія, факель раздора бросилъ въ средину племень!» Но Джессасъ не угомонился, онъ продолжалъ хвастаться тѣмъ, что совершилъ. Отецъ связалъ его и повелъ въ палатку. Сюда же позваны были старѣйшины всѣхъ колѣнъ племени Бекръ. Старикъ началъ свою рѣчь такъ: «Дѣлайте что хотите съ Джессасомъ. Онъ убилъ Кулейба. Я его связалъ. Намъ остается ждать, пока не появятся призванные на кровомщеніе и не потребуютъ выдачи его». Но представители рода не пожелали и слышать о выдачѣ убійцы. Правъ онъ или виноватъ, честь рода требовала защищать его всѣми средствами противъ преслѣдователей. Такъ былъ порванъ тѣсный союзъ родствен-

ныхъ племенъ и началась кровавая бойня. Иногда затихала, заключалось на нѣкоторое время перемиріе, даже образовывались временные союзы, для пораженія общаго врага, но вражда не прекращалась продолжительное время, въ теченіе 40 лѣтъ. Наконецъ обѣ стороны утомились и заключенъ былъ миръ.

Хотя эта «война Бесусы», благодаря поводамъ и распространенности ея, вошла, такъ сказать, въ поговорку, но и другая братоубійственная распря между родственными племенами, возникшая нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя (приблизительно около 560 г.), не менѣе замѣчательна. И поводы къ ней представляютъ также характеристическія черты старинныхъ нравовъ Аравіи. Въ то время заселяли центръ полуострова большія группы племенъ, подъ общимъ названіемъ Бену Кайсъ. Между ними самымъ выдающимся было поколѣніе Бену Гатафъанъ. Въ свою очередь Бену Абсъ и Бену Зубьянъ, подраздѣленія племени Гатафъанъ, пользовались наибольшимъ почетомъ. Благодаря общему происхожденію, оба они жили въ тѣсномъ единеніи. Старѣйшиной у Абсъ былъ Кайсъ, сынъ Зухейра. Обладалъ онъ знаменитымъ скакуномъ, носившимъ названіе Дѣхисъ. Разъ какъ-то одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ посѣтилъ старѣйшину племени Зубьянъ. Ему показывали многихъ лошадей и стали, въ присутствіи его, чрезмѣрно восхвалять превосходныя качества кобылицы Габрѣ. Гость сталъ доказывать, что не сравнятся ей съ Дѣхисъ. Возникли горячіе споры, кончившіеся тѣмъ, что побились обѣ закладъ, которое изъ обоихъ животныхъ обгонитъ другого. Рѣшено было выставить съ обѣихъ сторонъ закладъ по десяти верблюдовъ. Побѣдившей сторонѣ назначался въ награду этотъ призъ. Не особенно понравилось Кайсу, когда ему передали о случившемся. Онъ предчувствовалъ, что хорошаго не много выйдетъ изъ спора. Зналъ онъ прекрасно, что за народъ Зубьяниты. Старѣйшины этого племени славились насиліемъ и несправедливостью. Боясь, однако, чтобы не вышло какого несчастія, отправился самъ на мѣсто стоянки сосѣдей, съ твердымъ намѣреніемъ отступить отъ пари. Но владѣлецъ Габры, нѣкто Хузейфа и его братъ Хамаль, оба старѣйшины, люди сильно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, наотрѣзъ отказали ему. Они стали доказывать, что если шейхъ не желаетъ пустить свою лошадь на перегонки, этимъ самымъ онъ сознается, что долженъ проиграть, стало быть, обязанъ выдать десять верблюдовъ. Эти безумныя рѣчи окончательно взорвали Кайса.—«Нѣтъ, никогда я и не думалъ, что могу проиграть,» заговорилъ онъ. «Но, по моему, ежели ужъ биться обѣ закладъ, такъ по крайней мѣрѣ на порядочное пари».—Послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ порѣшили на сотнѣ верблюдовъ. Дистанціей назначили сто полетовъ стрѣлы (около 3-хъ миль). Кайсъ и Хузей-

фа, каждый изъ нихъ, передалъ на руки избраннаго ими сообщать третьяго лица по сотнѣ верблюдовъ. Двое сутокъ не поили (обѣихъ) лошадей. Вырыли яму возлѣ цѣли, куда должны были добѣжать скакуны и наполнили ее водою. Та изъ лошадей, которая первая утолитъ свою жажду изъ водою, такъ согласились обѣ стороны, будетъ считаться побѣдившей. Въ заранѣ опредѣленный день, большія толпы зрителей изъ обоихъ племенъ собрались на мѣсто ристалища. Гораздо болѣе, разумѣется, было Зубьянитовъ, такъ какъ мѣсто состязанія назначили на ихъ территоріи. По данному знаку пустили лошадей одновременно. Обѣ, сразу, ринулись съ быстротою вѣтра, такъ что Кайсь и Хузейфа, слѣдовавшіе верхами за ними, вдоль ристалища, не поспѣвали за скакунами и, чѣмъ далѣе, все болѣе и болѣе теряли ихъ изъ виду. Вначалѣ, пока Габра бѣжала по заранѣ утрамбованному Хузейфомъ, нарочито для своей лошади, пути, она шла нѣсколько впереди. Но когда твердая почва постепенно перешла въ песчаную, Дэхисъ сталъ замѣтно выказывать большую рѣзвость и выдвинулся на значительное разстояніе впередъ. Давно уже обѣ лошади скрылись изъ глазъ своихъ владѣльцевъ. Приближались онѣ уже къ цѣли, Дэхисъ далеко впереди, какъ вдругъ изъ подготовленной коварнымъ Хамалемъ засады, выскочила парочка Зубьянитовъ. Сильными ударами по ноздрямъ, заставляють они шарахнуться лошадь въ сторону и даютъ этимъ полную возможность прибѣжать Габра первой къ водою. Но въ числѣ зрителей нашлись такіе, которые присутствовали при этой недостойной сценѣ и, когда нѣсколько спустя, подѣхали Кайсь рядомъ съ Хузейфомъ, потерпѣвшему тотчасъ же передано было, какимъ образомъ помѣшали его скакуну одержать неоспоримую побѣду. Онъ сзумѣлъ, однако, подавить свой гнѣвъ—Абсовъ было немного—и обратился, повидимому, хладнокровно къ Хузейфу и Хамалу съ слѣдующею рѣчью: «Дѣти Багида,—такъ звали общаго прародителя обоихъ племенъ,—несправедливость ужаснѣйшее зло между братьями. Совѣтую вамъ, возвратите намъ то, что вы выиграли. Вы не выиграли, собственно, ничего. Отдайте же, по крайней мѣрѣ, ту часть верблюдовъ, которая намъ принадлежитъ.—Никогда этого не будетъ.—По крайней мѣрѣ дайте одного верблюда на убой. Надо же угостить людей, наполнившихъ водою водою.—Одного или сотню—это все равно. Этимъ самымъ мы признаемъ васъ за побѣдителей. А этого отъ насъ не дождетесь. Мы не считаемъ себя побѣжденными».—Напрасно пробовалъ одинъ изъ среды Зубьянитовъ, благомыслящій человѣкъ, устранить угрожавшій разрывъ предложеніемъ взаимныхъ уступокъ. Всѣ его старанія не привели ни къ чему. Кайсь удалился со своими, глубоко убѣжденный въ томъ, что его самымъ постыднымъ образомъ провели. Пылая мсткою къ обманувшимъ его,

умерщвляетъ онъ, пользуясь первымъ благопріятнымъ случаемъ, одного изъ братьевъ Хузейфа. Возгорается тотчасъ же братоубійственная война между обоими племенами. И ей арабскіе разсказчики отводятъ періодъ въ сорокъ лѣтъ. Издавна на Востокѣ число 40 неизмѣнно фигурируетъ въ лѣтописяхъ. Не велика важность, разсуждаютъ мѣстные лѣтописцы, продолжалось ли событіе лѣтъ на десять болѣе или менѣе. Въ нескончаемой рѣзнѣ падаетъ полъ рукой самого Кайса, одинъ за другимъ, двое изъ братьевъ Хузейфа и самъ Хамаль, но пали многіе и изъ числа знатнѣйшихъ племени Абсъ. Наконецъ обѣ стороны истомлены продолжительной враждой, а рои тѣней убитыхъ не дають имъ все покоя. Кровь смывается у арабовъ одною кровью и неумолимый законъ пустыни гласитъ: око за око, зубъ за зубъ. Среди племени Зубьянъ отыскались, однако, двое мужей возвышеннаго сердца—Хáрисъ Ибнъ *) Ауфъ и Хáримъ Ибнъ Синанъ, рѣшившіеся добиться, во что бы ни стало, примиренія родственныхъ племенъ съ помощью великой личной жертвы. Они занялись подсчетомъ павшихъ съ обѣихъ сторонъ и пришли къ заключенію, что остается извѣстное число, кровь которыхъ еще не отомщена. Дѣло въ томъ, что кодексъ чести у арабовъ допускаетъ, во всякомъ случаѣ, выкупъ крови убійцъ въ пользу родственниковъ и домочадцевъ убитаго. Конечно, въ рѣдкихъ весьма случаяхъ и неохотно, соглашались дѣти пустыни на подобную сдѣлку. Но теперь всѣ ощущали потребность помириться и каждый охотно согласился на предложеніе вышепоименованныхъ лицъ—уплатить, по соглашенію, извѣстную сумму родственникамъ, въ формѣ соотвѣтствующаго числа верблюжьихъ головъ (о золотѣ и серебрѣ имѣютъ весьма слабое понятіе въ пустынѣ). 3000

*) Т. е. сынъ Ауфа. У арабовъ не въ обычаѣ фамилія, а число существующихъ собственныхъ именъ крайне ограничено. Поэтому вошло во всеобщее употребленіе отличать каждого особыми приставками. Такъ напр., говоря о комъ либо, прибавляютъ—сынъ (Ibn) такого-то, или отецъ (Abu) того-то, либо изъ племени N, или города A. Въ позднѣйшую эпоху появляются обыкновенно еще и прозвища, чаще всего въ соединеніи съ dín (религія). Такъ напр. *Саладдинъ* (болѣе точно *Saláh-ud-dín* „чистота религіи“) и т. п. Такимъ образомъ, по старинному говорили такъ: Abu'l-kássim Mohámmed Ibn Abdallah El-Náshimi, что, собственно, значить „Отецъ А ль К а с и м а, М у х а м м е д ъ, сынъ А б у д л л и, изъ рода Х а ш и м ъ. Н е р ѣ д к о; для болѣе точнаго индивидуализированія присоединяють особыя характерныя прозвища, обозначающія либо родъ ремесла (напр. El—Nagiri „торговецъ шелкомъ“, Et—Tachân „мельникъ“), либо тѣлесную примѣту (Ed—Darir „слѣпой“, El—A'aradsch „хромой“, ср. у римлянъ Cicero, Nasica). По большей части одно только изъ всѣхъ этихъ именъ принадлежитъ, собственно, лицу, о которомъ говорится.—Встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ именахъ el, а передъ гласными 'l, есть арабскій членъ. Передъ согласными d, n, r, t, s, z, онъ ассимилируется со звукомъ слѣдующей согласной, напр. Ed—Darir.

лучшихъ животныхъ пришлось миротворцамъ раздать, чтобы достичь, предполагаемой ими цѣли. Въ глазахъ жадныхъ арабовъ это было поразительнымъ актомъ великодушія и щедрости, даже со стороны самыхъ зажиточныхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ можно было, наконецъ, добиться замиренія, хотя, до самаго послѣдняго момента, разные эпизоды угрожали ежеминутно возобновить снова жесточайшую рѣзню. Одинъ только, по глубокому убѣжденію, уклонился отъ мира. Это былъ старецъ Кайсъ Ибнъ Зухейръ, изъ-за злосчастнаго жеребца котораго возникла вся эта распря. Не то, чтобы онъ въ душѣ не одобрялъ мира. Изъ первыхъ, старикъ убѣждалъ членовъ своего племени согласиться на предложеніе обоихъ благородныхъ Зубьянитовъ. Но и для него даже, истаго бедуина, эта война стала страшилищемъ. «Я не въ состояніи выносить взгляда ни одной изъ Зубьянитокъ», признавался онъ. «Нѣтъ почти ни одной межъ ними, у которой бы я не убилъ кого-нибудь—отца, брата, мужа или сына». Поэтому со своими ближайшими родственниками онъ удалился за Евфратъ, къ племени Бену Намиръ, родственному Ваилю, кочевавшему среди поселеній месопотамскихъ христіанъ. Тамъ, какъ говоритъ преданіе, перешелъ онъ въ христіанство и кончилъ мирно жизнь монахомъ въ далекомъ Омáнѣ (на юго-востокѣ Аравіи).

И другія безчисленныя, возникавшія часто, междоусобныя распри воспѣваются въ арабскихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ описанію подвиговъ любимыхъ народныхъ героевъ. Подобно провансальскимъ трубадурамъ, у всѣхъ арабскихъ племенъ вошло въ обычай прославлять мечъ и пѣсню и сплетать имъ одинъ и тотъ же лавровый вѣнокъ. Спустя тринадцать столѣтій, нѣмецкій поэтъ Рюккертъ перевелъ большинство ихъ на родной языкъ *). Также и великодушіе обоихъ вышепомянутыхъ миротворцевъ было воспѣто величайшимъ поэтомъ того времени Зухейръ Ибнъ Аби Сульмой въ большомъ стихотвореніи, попавшемъ въ знаменитый сборникъ Му'аллакáтъ. Рюккертъ перевелъ и это произведеніе. (Hamâsa I, 147).

Если эти старинныя пѣсни отмѣчаютъ отдѣльные историческіе моменты, въ видѣ устныхъ разсказовъ домухаммеданскаго періода, то, съ другой стороны, существуетъ не мало указаній, что вѣчно живой источникъ образованія легендъ заставляетъ насъ взглянуть на цѣлое въ освѣщеніи чего-то слишкомъ отдаленнаго, чрезвычайно своеобразно отгѣвеннаго. Приходится, волей неволей, придти къ заключенію, что основанія и перипетіи этихъ безконечныхъ раздоровъ между отдѣльными племенами все одни и тѣ же. Постоянно они оказываются почти

*) Hamâsa oder die ältesten arabischen Volkslieder, gesammelt von Abu Temâm, übersetzt und erläutert von Friedrich Rückert. 2 Th. Stuttgart. 1846.

тождественными съ тѣмъ, что сообщено было выше о двухъ, наиболѣе типичныхъ, исторіяхъ. Поэтому не слѣдуетъ глядѣть на нихъ какъ на факты первостепенной исторической важности, а только какъ на почти исчерпывающую предметъ характеристику бедуиновъ, на самый сильный, побудительный, преимущественно предъ всякимъ другимъ, элементъ всей арабской національности. Не трудно наполнить цѣлые томы подобными сообщеніями, но намъ кажется достаточнымъ ограничиться только что рассказаннымъ, дающимъ болѣе ясное представленіе о духѣ самого бедуинства, о дикомъ его упорствѣ и храбрости, беззаветномъ и крайне щекотливомъ чувствѣ чести и вытекающемъ непосредственно отсюда порывѣ великодушія, а рядомъ жадности и коварствѣ обитающихъ степи арабовъ, чѣмъ длинныя разсужденія о душевныхъ качествахъ народовъ. Прежде всего развертываются передъ нами, во всей своей широтѣ, двѣ характеристическія черты этого замѣчательнаго народа, которыя вездѣ, куда только успѣли проникнуть бедуины, издавна препятствовали имъ установить прочный государственный порядокъ. Я говорю о необузданной страстности и чрезмѣрной самоощенкѣ индивидуальной силы, приводящихъ ихъ вѣчно къ рѣзкому партикуляризму. Эти два самые неискоренимые недостатка содѣлали невозможнымъ самое существованіе кельтовъ, а итальянцевъ держали цѣлыя столѣтія въ невыносимомъ, для національнаго чувства, гнетѣ.

Въ самой природѣ вещей лежитъ, конечно, почему эти пороки достигли кульминаціоннаго пункта. Это случилось благодаря постоянной жизни въ пустынѣ. Она предъявляла настойчиво наивысшія требованія къ личнымъ качествамъ каждой особи и даровала успѣхъ лишь избранникамъ своимъ. И опять-таки свойства самой пустыни препятствуютъ не только переходу изъ жизни номадовъ въ осѣдлую, но даже къ мало-мальски сносной государственной организаціи, ко всякому мирному сожителству народныхъ группъ. Тамъ, гдѣ раздѣленіе на провинціи и округа вещь немыслимая, гдѣ вся топографія, такъ сказать, начертана на спицѣ верблюдовъ—управленіе становится невозможнымъ. Случайная неудача въ сборѣ, и безъ того скудной, жатвы, вынуждаетъ къ грабежу у сосѣда; какой же, послѣ того, можетъ быть покой. Такъ было споконъ вѣковъ, 13 столѣтій тому назадъ. И доселѣ бедуинъ изображаетъ изъ себя одну изъ безчисленныхъ волнъ моря. Каждый вѣтерокъ бросаетъ его изъ стороны въ сторону и никогда-то онъ не успокоивается, то налетаетъ на сосѣдей и сливается съ ними, то все опять разлетается на всѣ четыре стороны и, какъ бы, исчезаетъ.

Но бедуинство не захватываетъ цѣлой области громаднаго, равняющагося, по пространству, почти четверти Европы, полуострова. Великая

сирійская пустыня, отдѣляющая къ сѣверу Аравію и обширное, прорѣзанное горными хребтами, центральное плоскогорье, обрывающееся снова, на востокъ и югъ, въ пустыню, а на западѣ ограниченное довольно дикими, крутыми горными отрогами, есть собственно классическая почва неподдѣльной арабской національности. Этотъ Недждъ (ан-неждъ, плоскогорье), какъ его называютъ арабы, при почти совершенномъ отсутствіи расчлененія почвы, въ совершенствѣ замкнутъ своими естественными границами. Поэтому, совсѣмъ остальнымъ міромъ и его исторіей, только дважды, приходитъ онъ въ дѣйствительное столкновение, въ теченіе долгой своей жизни, а именно: вскорѣ послѣ Мухаммеда и въ серединѣ прошлаго столѣтія, когда революція Ваххабитовъ заставила еще разъ, на мгновение, вылиться избытку народонаселенія, клокотавшаго лишь внутри котла, наружу; но по окраинамъ, обнимающимъ это средоточіе, животворное вліяніе моря и сосѣдство другихъ націй могли воздѣйствовать далеко свободнѣе. Вотъ почему, задолго еще до Мухаммеда, встрѣчаемся мы съ нѣкоторыми попытками устройства подобія государственной организаціи. Положимъ, это были только опыты и, за исключеніемъ одного случая, имѣли всѣ они нѣчто въ себѣ, по продолжительности, бедуинское, т. е. неопредѣленное и измѣнчивое.

Сосѣдство двухъ громаднхъ міровыхъ имперій Персіи и Византіи, на сѣверѣ, производили на пограничныя арабскія племена какъ бы воздѣйствіе магнитнаго притяженія и способствовали образованію даже двухъ подобій «царствъ». Конечно, если продолжить прежнее сравненіе, они походили скорѣе на громадную безформенную кучу желѣзныхъ опилокъ, чѣмъ на благоустроенную государственную машину. Но, такъ или иначе, царства эти просуществовали нѣкоторое время.

Большая сирійская пустыня, или лучше сказать немногочисленные ея оазисы, давашіеномадамъ возможность существовать, находились въ рукахъ бедуиновъ. Къ нимъ примыкали, съ обѣихъ сторонъ треугольника, въ видѣ котораго клиномъ врѣзывались они между Сиріей и Месопотаміей, страны издревле культурныя и богатая. Бедуинамъ, лишеннымъ самыхъ элементарныхъ потребностей культуры, казались онѣ почти баснословными явленіями, слѣдовательно служили непрестанно предметомъ возбужденнаго подстрекательства ихъ неутомимой жажды къ добычѣ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ властители Персіи и Сиріи, попеременно, напрягали силы, дабы положить предѣлъ хищническимъ набѣгамъ многочисленныхъ племенъ пустыни. Борьба съ внезапно появившимися подвижными полчищами арабовъ представляла громадныя трудности. По совершеніи набѣга и грабежа, съ быстротою молніи, уплывали они, на «корабляхъ пустыни»,

въ свое море песку. Преслѣдовать ихъ было почти невозможно, чему лучшимъ примѣромъ можетъ служить походъ римлянина Красса противъ паряевъ, совершенный имъ при подобныхъ же неблагоприятныхъ условіяхъ. Приходилось, поэтому, прибѣгнуть къ единственно возможному средству, которымъ и понынѣ пользуются турки въ этихъ самыхъ мѣстностяхъ: учредить на границахъ пустыни хорошо укрѣпленныя военныя поселенія, которыя представляли бы для государственной власти надежный оплотъ. Необходимо было привлечь на свою сторону массы варваровъ различными заманчивыми обѣщаніями. Платой постоянной и приманкой богатой добычи во внѣшнихъ войнахъ удалось, наконецъ, склонить нѣкоторыя безпокойныя племена къ переходу подъ знамена постоянныхъ пограничныхъ армій. При помощи ихъ, стало значительно легче отражать вторженія другихъ племенъ и даже быстрымъ натискомъ, за набѣгъ и разореніе, отплачивать немедленно тѣмъ же. Такимъ образомъ, нѣкоторыя племена арабовъ очутились въ новой роли пограничной стражи противъ другихъ дѣтей пустыни, а равно и сосѣднихъ непріятельскихъ государствъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ возгорѣлись безконечныя войны между римлянами и персами, необходимымъ слѣдствіемъ которыхъ было движеніе всемірныхъ завоевателей за Евфратъ. За триста лѣтъ уже до рожденія Мухаммеда, одинъ арабскій старѣйшина *) успѣлъ сразу возвыситься изъ положенія одного изъ обыкновенныхъ пограничныхъ римскихъ сторожей въ Пальмирѣ до фактическаго поста властителя большей части государства. Это былъ Узейна, называемый римлянами Оденатъ. Въ самыя безпокойныя времена римской исторіи, когда изъ-за обладанія трономъ велась ожесточенная междоусобная война, онъ счумѣлъ не только оградить государство отъ нападеній персидскихъ Хозроевъ, но и внушить снова панической страхъ къ римскому оружію, проникнувъ въ самое сердце Персіи и покоривъ, въ 265 г. по Р. Х., даже столицу ея, Ктезифонъ. Но не долго носилъ онъ королевскій титулъ, преподнесенный ему благодарнымъ Галліеномъ. Подъ конецъ 266 г., благодаря кознямъ римской національной партіи, его умертвили. Подозрительнымъ римлянамъ показалось слишкомъ опаснымъ могущество этого варвара. Злодѣйство это не принесло, однако, предполагаемыхъ плодовъ. Супругъ убитаго, Батъ-Себинѣ, или, какъ называли ее римляне, Зенобіи, чуть не удалось образовать обширную греко-восточную имперію, въ родѣ того, какъ этого же нѣкогда добивалась Клеопатра. Въ 271 г. она заставила признать сына своего Вах-

*) Хотя я очень хорошо знаю, что арабское происхожденіе Септиміевъ не доказано вполне, но, основываясь на выводахъ Блау, считаю возможнымъ придерживаться предположенія о нѣкоторой достовѣрности этого событія.

баллата повелителемъ (Caesar Augustus) Египта и Малой Азіи. Но благоденствіе новой имперіи продолжалось недолго. Уже въ 273 г. пала она подъ тяжкими ударами Авреліана. Пальмира превратилась снова въ незначительное, пограничное съ пустыней, мѣстечко. Но изъ памяти арабовъ великія дѣянія этой женщины не совершенно изгладились. Существуютъ легенды о томъ, что здѣсь, въ первый разъ, одинъ изъ сыновей народа, а что еще болѣе удивительно, одаренная мужествомъ жена, крови арабской, вывели ихъ націю на арену всемірной исторіи. Въ основной арабской легендѣ причудливо перевились съ историческимъ событіемъ удивительныя подробности, такъ часто повторяющіяся и у многихъ другихъ народностей, какъ отголоски, такъ называемой, легенды о Зо пирѣ. Все это до такой степени поразительно, что я позволю себѣ вкратцѣ привести содержаніе этой легенды.

Въ срединѣ третьяго столѣтія по Р. Х. преданіе гласитъ: нѣкто Джазима былъ королемъ Тенухитовъ. Это былъ союзъ нѣсколькихъ арабскихъ племенъ, кочевавшихъ по обоемъ берегамъ нижняго Евфрата, вдоль сирийской пустыни, на территоріи, составляющей часть персидской провинціи Иракъ. Были они вассалами Ардешира, сына Папака, перваго царя изъ сассанидской династіи. По сосѣдству жило тутъ же племя подъ главенствомъ Амра, праправнука Узейны, перекочевавшее съ сѣвернаго Евфрата, ближе къ пустынѣ. Между обоими сосѣдними князьями вскорѣ возгорѣлась война, въ которой палъ Амръ. Противникъ завладѣлъ частью его земель. Но противъ него возстала вдова убитаго, по имени Себба—одни считали ее дочерью месопотамскаго короля и супругой убитаго Амра, другіе римлянкой, но говорившею по-арабски. По болѣе же распространенному мнѣнію, она была дочерью павшаго въ бою князя, слѣдовательно тоже изъ дома Узейны. Арабскіе историки почитаютъ ее не только за красивѣйшую и умнѣйшую, но также сильнѣйшую, храбрѣйшую изъ всѣхъ женщинъ цѣлаго свѣта. Сокровища свои употребила она на наемъ римскихъ войскъ. Съ помощью ихъ напала на Джазиму и прогнала его изъ покоренной имъ провинціи. Для охраненія же своихъ новыхъ владѣній отъ внезапныхъ нападеній, построила она двѣ крѣпости, одну противъ другой, по обоемъ берегамъ Евфрата, соединивъ ихъ между собой подземнымъ ходомъ, проходящимъ подъ русломъ рѣки. Окруженная своими войсками, задумала она здѣсь проводить зиму. Въ одной крѣпости поселилась сама, въ другой—командовала сестра ея Зейнабъ. Лѣтомъ уѣзжала она въ Пальмиру. Возстановивъ свое владычество, она рѣшилась отомстить Джазиму за умерщвленіе Амра. Съ этою цѣлью послала къ нему посольство, извѣщая, что рука женщины слишкомъ слаба для управленія браздами государства. Не зная другаго князя, болѣе достойнаго, предлагаетъ ему свою руку, а съ нею

соединеніе ихъ владѣній. Если онъ согласенъ, пусть прибѣдетъ лично, для переговоровъ о подробностяхъ. Ослѣпленный такимъ блестящимъ предложеніемъ, князь не слушаетъ предостереженій мудраго своего совѣтника Касіра и отправляется въ путь, въ сопровожденіи немногочисленной свиты. Уже показалась вдали громадная толпа всадниковъ, и впереди ихъ Себбá. Снова Касіръ предостерегаетъ властителя: «если эти всадники приблизятся въ сомкнутыхъ рядахъ, знай—это будетъ почетной встрѣчей. А если разсыпятся и станутъ огибать съ обѣихъ фланговъ, берегись. Это будетъ означать, что они хотятъ обойти и поймать тебя. Не медля вскакивай на твою кобылицу Аль-Аса и бѣги». Аль-Аса считалась быстрѣйшей, во всемъ мірѣ, лошадыю. Между тѣмъ Джазима и тутъ не обратилъ никакого вниманія на мудрый совѣтъ, допустилъ себя окружить. Его сорвали съ сѣдла и быстро умчали въ плѣнъ. Касіръ успѣлъ въ-время вскочить на Аль-Аса. Цѣлый день, безъ передышки, мчался онъ, и ни одинъ изъ преслѣдующихъ не могъ его догнать. Лошадь доскакала, вмѣстѣ съ всадникомъ, до лагеря Джазимы и пала, бездыханная, у входа. Между тѣмъ плѣннаго короля привели къ Себбá. «Какою смертью желаешь умереть?» спросила она. Отвѣтъ былъ: «королевской». Посадили его за столъ, уставленный яствами и питіями. Когда же онъ замѣтно опьянѣлъ, посадили его прислуживавшія дѣвушки на коверъ и открыли жилы. Вѣщуны объявили Себбѣ, что если хоть одна капля крови не попадетъ подъ поставленныя чаши, смерть Джазима будетъ отомщена. Вдругъ умирающій князь пошевельнулъ рукой, и струя крови обогрела одну изъ мраморныхъ колоннъ залы. Предсказаніе исполнилось въ точности. Племянникъ, усыновленный Джазимой, Амръ, сынъ Адія, поклялся отомстить Себбѣ. Управление арабами Ирака перешло, по прямому наслѣдству, къ нему, и онъ поселился въ городъ Хіръ. Но какъ совершить задуманное? ломалъ онъ себѣ голову. Вѣдь она, подобно орлу въ поднебесьи, недоступима.—Касіръ предлагаетъ ему принести себя въ жертву. Онъ приказалъ отрѣзать себѣ носъ и въ такомъ ужасномъ видѣ предсталъ предъ Себбой. «Вотъ какъ искалѣчилъ меня новый князь», сказалъ онъ ей. «Онъ обвинилъ меня, что это я выдалъ Джазиму въ руки непріятелей». Королеву поразила очевидность и она повѣрила. А когда онъ успѣлъ оказать услуги въ различныхъ ея мирныхъ предпріятіяхъ, принесшихъ большія выгоды, этотъ хитрецъ овладѣлъ ею окончательно и сталъ ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ. Онъ узналъ о существованіи подземнаго хода и рѣшилъ воспользоваться этой тайной. Разъ подходитъ караванъ въ 1.000 верблюдовъ, медленно подвигается онъ къ самой крѣпости; глядѣла на него сверху изъ-за зубцовъ Себбá, изумленная тяжестью व्यюковъ. На каждомъ животномъ было по два огромныхъ мѣшка. Когда послѣдній верблюдъ миновалъ входныя во-

рота, тогда только замѣтила стража, что изъ мѣшковъ стали выскакивать вооруженные люди. Но было уже поздно. Амръ, со своими, успѣлъ высвободиться изъ скрывавшей ихъ оболочки и завладѣлъ главными пунктами. Себбá бѣжить по подземному ходу, но Касиръ успѣлъ уже ее предупредить и пресѣкъ ей путь дальше. Она возвращается назадъ и видитъ у входа воиновъ Амра. Тогда съ крикомъ: «такъ не дамъ же я живую Амру!» рѣшительная женщина проглатываетъ сильный ядъ, который всегда имѣла при себѣ въ кольцѣ. Амръ едва успѣлъ ударомъ меча сократить послѣднiя мгновенiя ея жизни.

Въ этомъ полуфантастическомъ разсказѣ, легко подмѣтить существенныя черты исторiи Зенобiи. Но онѣ сильно измѣнены и примѣнены къ воззрѣнiямъ бедуиновъ. Сама Зенобiя—несомнѣнно Зейнабъ, одно и то же имя въ арабскомъ пересказѣ—отходить на второй планъ, а въ Себбá легко усмотрѣть ея сирiйскаго генерала Сабдаи. Эта личность, какъ извѣстно, наводила бѣльшiй страхъ, чѣмъ она сама, на всѣхъ пограничныхъ арабовъ. Вотъ почему въ легендѣ одно имя замѣнено другимъ. Смерть Одената на пиршествѣ перенесена на врага Себбы. Подземный ходъ соотвѣтствуетъ той лазейкѣ въ стѣнѣ, чрезъ которую пыталась Зенобiя ускользнуть отъ Аврелiана. Одно только въ этомъ бедуинизированномъ разсказѣ непреложная истина—это старинное соперничество римско-сирiйскихъ арабовъ съ ихъ одноплеменниками, служившими въ Иракѣ персамъ. А что римскiя войска состояли подъ предводительствомъ арабской принцессы, этого арабская національная гордость не могла, конечно, никогда забыть, ибо, обыкновенно, было наоборотъ. Такъ или иначе, всѣ дошедшiя до насъ извѣстiя о судьбахъ Сирiи, за позднѣйшее время владычествованiя здѣсь римлянъ и византiйцевъ, единогласно подтверждаютъ, что арабскiя, пограничныя съ пустыней, племена служили постоянно наемниками у правителей этой области. Но такъ какъ свободолюбивые бедуины не выносили чужеземныхъ военачальниковъ, они поставлены были подъ команду соплеменныхъ князей, филарховъ, какъ ихъ называютъ греческiе историки. Совершенно такой же кордонъ былъ и у персовъ изъ иракскихъ арабовъ, тянувшiйся вдоль Евфрата и организованный подъ управленiемъ царей Хiры. Оба лена сильно отличались по внутреннему управленiю отъ порядковъ, существовавшихъ въ племенахъ, обитавшихъ внутри Аравiи. Въ то время какъ у независимыхъ бедуиновъ власть шейха *), въ племени, основывалась на добровольномъ подчиненiи всѣхъ членовъ и никогда не давала права на преемство власти по наследiю, у филарховъ и королей Хiры мы видимъ совсѣмъ другое. Власть переходила здѣсь отъ отца къ сыну, либо брату. Каждое изъ

*) Значитъ собственно старецъ, пожилой, отсюда старшiй, старшiшина

этихъ ленныхъ государствъ имѣло свою династію: въ Хірѣ управляли Лахмиды потомки Амръ-Ибнъ Адія, побѣдителя Себбы—Зенобія, а въ Сиріи—Гассаниды, фамилія южно-арабскаго происхожденія. По общераспространеннымъ извѣстіямъ, задолго до времени управленія Зенобія, появилась эта семья въ Сиріи и при ней играла уже видную роль. Но насколько эти преданія близки къ правдѣ—сказать трудно. Раньше уже мы видѣли, какъ сказанія арабовъ часто опережаютъ историческую эпоху; контролировать всѣ эти сказанія возможно только при помощи случайныхъ замѣтокъ византійскихъ историковъ или же равно случайныхъ совпаденій ихъ съ моментами исторіи восточной другихъ народностей, хорошо извѣстныхъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно примѣнять этотъ пріемъ къ Гассанидамъ. Приходится, поэтому, принимать съ большою осторожностью данныя хронологіи позднѣйшихъ арабскихъ историковъ. Они ввели и въ исторію Хіры такіе рассчитанно комбинизованные, впоследствии, синхронизмы, что не разъ, одной какой-нибудь мелкой, но достовѣрной замѣткой, можно ихъ легко сразу опрокинуть.

Одинаковыя условія, при которыхъ обѣ династіи управляли, имѣли слѣдствіемъ нѣкоторое сходство ихъ судебъ. Относительную же твердость ихъ власти надъ непокойными толпами бедуиновъ слѣдуетъ искать вовсе не въ уваженіи къ нимъ лично, которое они могли только отчасти внушить при нормальномъ положеніи вещей, опираясь на постороннее могущество сувереннаго великаго государства, но въ непрерывныхъ, постоянно возобновляющихся римско-персидскихъ войнахъ и въ вѣчно манившихъ, при этомъ варваровъ, набѣгахъ, такъ хорошо оплачиваемыхъ добычей. Вотъ что приковывало къ знаменамъ этихъ династій самыхъ неукротимыхъ сыновъ пустыни. Такимъ образомъ положеніе ихъ было постоянно довольно независимое, по крайней мѣрѣ каждый разъ, когда обѣ великія державы нуждались въ ихъ помощи и не были въ состояніи тотчасъ же строго обуздать нерѣдкое своеволие съ ихъ стороны. Но при первой возможности, и персидскіе цари и византійскіе намѣстники умѣли принимать суровыя мѣры, смѣщали непокорнаго начальника и даже отстраняли на нѣкоторое время самихъ членовъ династіи. Въ концѣ концовъ, однако, наступало снова соглашеніе, ибо ни арабы, на своей узкой песчаной полосѣ, не могли просуществовать въ полной независимости отъ ихъ могучихъ сосѣдей, ни обѣ великія державы—безъ ихъ помощи. Но вотъ чего, вѣроятно, не предвидѣли послѣднія. Ихъ постепенный упадокъ, благодаря гибельнымъ, для обѣихъ сторонъ, войнамъ, ихъ возрастающую слабость зоркій глазъ бедуиновъ союзниковъ подмѣчалъ отчетливо. Въ своихъ безчисленныхъ, иногда глубоко во внутрь непріятельской стороны проникающихъ хищническихъ набѣгахъ, они все болѣе и болѣе свыкались

съ мыслью, что римляне и персы могут сдѣлаться современемъ легкою и выгодной добычей арабскихъ полчищъ всадниковъ. Лишь въ недавнее только время признано всѣми историками за неопровержимый фактъ, что сама политика Византіи и Ктезифона послужила къ раскрытію глазъ арабамъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые кочевали далѣе, по ту сторону сирійской пустыни, благодаря доходившимъ до нихъ, со всѣхъ сторонъ, слухамъ о походахъ ихъ земляковъ, постепенно теряли страхъ къ могуществу великихъ державъ. А прежде, вліяніе это было велико и распространялось далеко вглубь Аравіи, хотя и теперь еще державы, такъ или иначе, силились поддерживать свой давній престижъ.

Та же самая неопредѣленность власти замѣчается и въ отношеніяхъ обѣихъ династій къ своимъ подданнымъ. Коротко и мѣтко формулируются они однимъ изъ персидскихъ царей (по всей вѣроятности Гормиздомъ IV, около 580 г.). Передъ инвеститурой въ королевскій санъ, онъ спросилъ Хиріица Нумана V:—«счумѣешь ли ты держать въ повиновеніи и порядкѣ арабовъ»? Конечно, это было не легко, даже въ Сириі, всей унизанной, по границамъ, крѣпостями, тѣмъ паче на открытой равнинѣ Евфрата. Поэтому, если вообще князья обѣихъ династій не отличались особенной кротостью, то про Лахмидовъ въ Хірѣ прямо можно сказать, что они всѣ безъ исключенія выдавались необычайною жестокостью. Это были люди, поистинѣ, варварской расы. Прозваніе Имрууль Кайса II (до 400 г.) было Ал-Мухаррикъ, что значитъ собственно «сожигатель». Онъ предпочиталъ всѣмъ наказаніямъ сожженіе живьемъ. Про Аль-Мунзира III (505—554) рассказываютъ, что онъ часто плѣнныхъ приносилъ въ жертву идоламъ. Такъ поступилъ онъ разъ со взятыми имъ 400 христіанскими монахинями. Нѣсколько мягче, кажется, были Гассаниды. Издавна они приняли христіанство (какъ большинство христіанъ передней Азіи были монофизитами) и находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ цивилизованными греками.

По своему положенію, въ качествѣ форпостовъ враждующихъ великихъ державъ, обѣ династіи стали, естественно, другъ къ другу во враждебныя отношенія. Въ большихъ сраженіяхъ, рядомъ съ главными дѣйствующими арміями державъ, Гассаниды и Хиріицы рѣзались другъ съ другомъ въ кровопролитныхъ стычкахъ. Никакой надобности нѣтъ слѣдить за всѣми этими отдѣльными схватками и хищническими набѣгами, шагъ за шагомъ. Достаточно упомянуть лишь о нѣкоторыхъ главнѣйшихъ фактахъ исторіи династій, характерныхъ, либо самихъ по себѣ, либо по отношенію къ великимъ державамъ и важныхъ для дальнѣйшаго пониманія развитія исторіи арабовъ.

Самымъ знаменитѣйшимъ изъ Гассанидовъ былъ Харисъ V (Аре-

та сь, по византійскимъ лѣтописямъ), прозванный Аль-А'радъжъ — «хромой» (530—570). Дабы противопоставить арабскимъ вассаламъ Персіи равно сильный, однородный пограничный оплотъ, императоръ Юстиніанъ соединилъ доселѣ разрозненное командованіе арабскими ордами въ однѣхъ рукахъ и даровалъ избранному лицу титулъ короля (обаятельный въ глазахъ арабовъ) и Патрикіосъ (согласно византійскому этикету). Вначалѣ, впрочемъ, ничего изъ этого не вышло хорошаго для византійцевъ. Хáриса неоднократно побивали. Было слишкомъ очевидно, что онъ вовсе не заботился одерживать побѣды въ пользу византійцевъ, жаждалъ, скорѣе, одной добычи. Его имя, кромѣ того, опозорено на скрижаляхъ лѣтописей арабскихъ жестокой расправой съ однимъ евреемъ по имени Самуиломъ, сыномъ Адія. Этому чело-вѣку Киндитъ Имрууль Кайсъ, величайшій изъ поэтовъ арабскихъ, передъ отбѣздомъ своимъ въ Константинополь, отдалъ на сохраненіе весь свой скарбъ, между прочимъ пять драгоценныхъ кольчугъ, рѣдкостныхъ качествъ. Самуилъ торжественно обѣщаль ему не отдавать ихъ никому, пока тотъ не вернется назадъ. По пути въ Византію, Имрууль Кайсъ долженъ былъ проѣзжать чрезъ владѣнія Хáриса и совершилъ этотъ проѣздъ подъ охраною отряда его войскъ. Объ отношеніяхъ его къ Самуилу, стало поэтому, вскорѣ извѣстно филарху. Между тѣмъ вскорѣ Имрууль-Кайсъ на возвратномъ пути умеръ, а Хáрисъ, случайно, во время одного изъ своихъ набѣговъ, приблизился къ мѣстечку Аблакъ, мѣстопребыванію Самуила (по близости Теѣма, въ сѣверозападномъ углу Аравіи). Принцъ потребовалъ отъ Самуила немедленной выдачи кольчугъ. Добросовѣстный еврей отказался наотрѣзъ исполнить приказаніе. Тѣмъ временемъ Хáрисъ успѣлъ захватить сына Самуилова, уже взрослою юношу. Попаль, онъ ему въ руки случайно, на возвратномъ пути съ охоты. Деспотъ сталъ грозить отцу смертью сына на его же глазахъ, если станетъ упорствовать. Самуилъ непоколебимо стоялъ на своемъ — пусть лучше погибнетъ сынъ, думалъ онъ. И сына умертвили, а Хáрисъ долженъ былъ удалиться ни съ чѣмъ. Такой примѣръ героизма и неуклоннаго исполненія взятаго на себя обязательства изумилъ даже арабовъ, такъ чрезмѣрно чуткихъ въ дѣлахъ чести. И память этого мужественнаго чело-вѣка они почитаютъ и понынѣ, подъ именемъ Samu' al-el-wafá «вѣрный Самуилъ». — Подъ старость только удалось Хáрису одержать блестящую военную побѣду. Въ 554 г. вздумалъ старый Мунзиръ III, сынъ Ма-а-с-е-м-ы, король Хіры, побѣждавшій не разъ Хáриса, двинуться снова къ сирійскимъ границамъ. Умудренный вѣчными неудачами, рѣшился на этотъ разъ Хáрисъ прибѣгнуть къ хитрости. Онъ выбралъ изъ всего своего войска сотню самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ. Чтобы еще болѣе разжечь ихъ пылъ, приказалъ красавицѣ дочери своей — Халимѣ умаститъ голову каждого воина «халúкомъ», любимѣйшими у ара-

бовъ духами. Одинъ изъ храбрецовъ не выдержалъ и сорвалъ при этомъ поцѣлуй съ чела прелестной. Глубоко уязвленное чувство чести арабской дѣвушки вылилось въ звонкой пощечинѣ дерзкому. Но старый король посмотрѣлъ на дѣло необыкновенно снисходительно и посоветовалъ дѣвушкѣ не обращать никакого вниманія на такіе пустяки. Сотня же удалцовъ немедленно отправилась въ лагерь Мунзира и явилась къ нему какъ перебѣжчики. На этотъ разъ, совершенно случайно, старого степного волка покинула обычная его осторожность. Онъ принялъ ихъ дружелюбно. Предводитель кучки храбрецовъ пользуется первымъ моментомъ оплошности, бросается на короля и закалываетъ его. Во время происшедшаго общаго смятенія, Хѣрисъ со всѣмъ войскомъ производитъ нападеніе на непріятельскій лагерь и наноситъ своимъ противникамъ полное пораженіе. Эта побѣда носить у арабовъ названіе «побойща Халимы». И въ глазахъ византійцевъ, съ этого времени, филархъ сталъ пользоваться особымъ уваженіемъ. Вскорѣ послѣ этого (566 г.), понадобилось ему, по политическимъ дѣламъ, отправиться въ Константинополь. Появленіе этого дикаго полуварвара произвело сильное впечатлѣніе на весь дворъ. Долгое время спустя слабоумнаго императора Юстина II стращали имъ какъ пугаломъ. По смерти Хѣриса, соединенная въ рукахъ его власть, какъ кажется, распалась снова на нѣсколько княжествъ. Сыну его, Аль-Мунзиру удалось, однако, въ 570 г. разбить на голову короля Хиры Кабу́са и въ лѣтописяхъ упоминается кромѣ того цѣлый рядъ властителей Гассанидовъ, между прочимъ: Амръ IV, Нуманъ VI и Хѣрисъ VII. Всѣ они покровительствовали выдающимся поэтамъ, но политическаго значенія древняго Хѣриса никто изъ нихъ не имѣлъ. Вѣроятно старый филархъ показался византійцамъ слишкомъ опаснымъ и они предпочли снова, въ каждой пограничной провинціи, поставить особаго независимаго филарха. Объ одномъ изъ нихъ мы еще услышимъ въ эпоху Мухаммеда.—Въ сраженіи при Геромаксѣ мы встрѣтимся съ послѣднимъ изъ Гассанидовъ Джа́бала VI, сыномъ А́йхама. При вторженіи мусульманъ, онъ принялъ начальство надъ всѣми арабами Сиріи.

Одинастіи Лахмидовъ въ Хірѣ мы имѣемъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ о предыдущей. Приблизительно къ эпохѣ Зенобіи, т. е. послѣ 252 года, слѣдуетъ, по всей вѣроятности, отнести возникновеніе этого пограничнаго государства. Традиція соединяетъ разсматриваемое событіе съ именемъ Амръ Ибнь Адія. По сказаніямъ арабовъ, князь получилъ королевскій титулъ отъ царя персидскаго Шапура I (241—272), т. е. права на управленіе арабами въ Иракѣ; резиденціею его и наслѣдниковъ его стала Хіра *), около 10 миль на югъ отъ развалинъ

*) Слово сирійское—значить „военный лагерь“. Такимъ образомъ оканчивается история ислама.

Вавилона, въ трехъ миляхъ отъ позднѣйшей К у ф ы, между Евфратомъ и пустыней. Весьма естественно, что авторитетъ династїи распространялся и усиливался между иракскими арабами постепенно. Такъ, напримѣръ, до насъ дошли извѣстїя о жестокихъ репрессалїяхъ многочисленныхъ бедуинскихъ племенъ, которыя, пользуясь малолѣтствомъ короля, произвели опустошительныя хищническія набѣги на Месопотамїю и Вавилонїю, по повелѣнїю Шапура II (309—379), причемъ князю Хїры не было предоставлено никакой роли. Вскорѣ затѣмъ (около 380 года) династїя Лахмидовъ даже совершенно прерывается. На тронъ возводятся чуждые ей князья. Но около 400 г. династїя Лахмидовъ снова появляется у кормила правленїя. Такъ мы видимъ, что около 420 г. управляетъ страной Ну'манъ I, Одноглазый (el-á'awar). Онъ прославился постройкой замка Хаварнакъ, который ему воздвигъ у Хїры одинъ византїйскїй архитекторъ—тогдашнїе арабы, и даже гораздо позднѣе, ничего не смыслили въ мирныхъ искусствахъ—по имени Синимаръ *). Согласно легендѣ, король, по окончанїи постройки замка, вмѣсто награды, велѣлъ сбросить строителя съ вершины стѣны за то, будто бы, что онъ хвастался выстроить, если захочетъ, еще болѣе красивый, а какъ говорятъ другїе за то, что онъ объявилъ—будто знаетъ мѣстечко въ фундаментѣ, и стоитъ лишь его сдвинуть, какъ все зданїе рушится. Всѣмъ извѣстно хорошо, что подобнаго рода исторїи тѣсно связаны обыкновенно съ постройкой многихъ другихъ громаднхъ сооруженїй. Изъ всего этого достовѣрно одно только, что имя Ну'мана, какъ владѣтеля Хаварнака, вошло въ поговорку съ 600 г. Наивысшаго могущества достигъ домъ Лахмидовъ при сынѣ Ну'мана, Аль-Мунзирѣ, который сталъ управлять, какъ извѣстно достовѣрно, до 420 года. И византїйцы называютъ его «Аламундарось, король сарацїновъ» **), т. е. доблестный, воинственный мужъ. Надо полагать, что онъ, со своими арабами, вмѣшивался въ вѣчныя споры о тронѣ Сассанидовъ, и, безъ сомнѣнїя, посодѣйствовалъ воцаренїю въ Персїи въ 420 г. Бахрѣма V Гбра, котораго онъ зналъ раньше, во время продолжительнаго, можетъ быть и принужденнаго пребыванїя его въ Хїрѣ. Но, въ возгорѣвшейся вскорѣ затѣмъ войнѣ съ византїйцами (420—422), послѣ страшнаго опустошенїя Месопотамїи, королю нанесено было чувствительное пораженїе. При его преемникахъ продолжалась и далѣе безъ перерыва, съ перемѣннымъ счастьемъ, борьба противъ византїйцевъ и Гассани-

вается, что городъ получилъ свое имя не отъ арабовъ, а отъ осѣдлаго мѣстнаго населенїя долины Евфрата, которое говорило на сирїйскомъ нарѣчїи.

*) Очевидно это имя передѣлано на арабскїй съ греческаго.

***) Настоящее происхожденїе имени сарацїновъ и по сіе время еще не найдено.

довъ. Но, въ то время, когда обѣ династіи стояли другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, выросла внезапно между ними третья держава, которая на короткое время отодвинула совершенно Лахмидовъ на задній планъ. Этотъ эпизодъ можно считать замѣчательною прелюдіею, какъ бы возвѣщающею будущія міровыя завоеванія арабовъ. Въ такомъ истинномъ свѣтѣ представлено событіе, лишь недавно, новѣйшими историками.

Было это въ началѣ второй половины пятого столѣтія, когда племя Кинда стало проявлять свое вліяніе въ центрѣ Аравіи. Хотя, по происхожденію, съ юга Аравіи, оно отличалось нетерпимостью ко всѣмъ остальнымъ обитателямъ полуострова, но ему удалось, находясь въ центрѣ юга Неджда, образовать коалицію изъ большихъ племенъ Ва'иль Бекръ и Таглибъ, а также нѣкстораго числа и другихъ, для похода, въ первый разъ, къ сѣвернымъ границамъ пустыни. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что уже издавна распространялись слухи по центральной Аравіи о большихъ добычахъ, собираемыхъ въ своихъ походахъ Сирійскими и Иракскими родственными племенами, предводимыми Гассанидами и Лахмидами; они глубоко врѣзывались въ Месопотамію и Сирію, каждый разъ когда возгоралась снова и снова вѣчная война между персами и византіянами. Главѣ Кинда, Аль-Худжръ, по прозванію Акиль-аль-Мураръ *), посчастливилось соблазнить арабовъ приманкою удовлетворенія страсти ихъ къ грабежу и увлечь за собою вышепоименованныя племена. Уже въ 480 г. находимъ мы власть союза Кинда распростирравшеюся до границъ Хіры, а вліяніе послѣдней на сосѣднихъ арабовъ чрезвычайно ослабленнымъ. По смерти Худжра ново-основанный союзъ, повидимому, на нѣкоторое время снова распался: сыну его, Амру, не удалось удержать въ связи племена, и вскорѣ онъ долженъ былъ ограничиться владѣніями на югѣ центральной Аравіи, въ то время, какъ на сѣверѣ принялъ начальство Кулейбъ, смерть котораго, какъ мы выше описали, произвела жаркіе раздоры между братскими племенами Бекръ и Таглибъ. Мы видѣли также выше какъ продолжалась, почти безъ перерыва, знаменитая сорокалѣтняя война, но, въ моментъ, когда обоимъ племенамъ опротивѣли ссоры, Хáрису, сыну Амра, Киндиту, удалось, на нѣкоторое время, водворить между ними миръ и одновременно возобновить коалицію племенъ центральной Аравіи. Хáрисъ былъ личностью замѣчательной. Необыкновенно дѣятельный, онъ обладалъ къ тому же способностью, даже изъ непо-

*) „Пожиратель горькой травы“—Мураръ значитъ горькое растеніе, при жеваніи его губы и ротъ стягиваются. О происхожденіи этого названія существуетъ цѣлая исторія, которая, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, придумана позднѣе и доказываетъ одно только, что арабы сами ничего положительнаго объ этомъ не знаютъ.

стоянныхъ элементовъ, образовывать грозную силу. Къ 496 г. силы его возросли на столько, что онъ могъ броситься снова между Хірою и Сиріей, наводняя Палестину и прилежація страны громадными полчищами. Оба его сына, во главѣ многочисленнаго войска, произвели страшнѣйшія опустошенія. Въ концѣ концовъ, намѣстнику византійскому Роману, удалось прогнать дерзкія орды разбойниковъ и даже взять въ плѣнъ одного изъ начальниковъ. Но около 500 г. снова возобновились набѣги и византійцы вынуждены были, во избѣжаніе опасныхъ диверсій во флангъ, при вновь начинающейся войнѣ съ Персіей, вступить въ переговоры съ Хáрисомъ. Посланный, дѣдъ историка Ноннозуса—онъ же это самъ и рассказываетъ—прибылъ въ 503 году ко главѣ Киндитовъ. По заключенному условію, императоръ Анастасій долженъ былъ выплатить громадныя суммы, дабы обезопасить свои сирійскія провинціи; выговорено было также, что воинственный князь бедуиновъ свои безпокойныя полчища направить противъ вассаловъ Персіи, арабовъ Хіры. Король ихъ Ну'манъ III, сынъ Асвада, какъ разъ въ это время, со своими лучшими войсками, сражался подъ знаменами персовъ въ Месопотаміи, противъ византійцевъ. Поэтому всадники Киндиты наводнили безпрепятственно плохо оберегаемое пограничное королевство и овладѣли имъ. Когда Ну'манъ, въ сентябрѣ 503 г., вслѣдствіе ранѣ имъ полученной раны умеръ подъ стѣнами Эдессы, вся его страна, за исключеніемъ Хіры, была уже въ рукахъ непріятели. Между тѣмъ новый завоеватель не могъ долго продержаться въ томъ блестящемъ положеніи, на которое вознесли его изумительная дѣятельность и искусное пользованіе обстоятельствами. Въ 506 г. византійцы заключили съ персами миръ, а еще ранѣе, въ 505 г., появился въ Хірѣ князь неменѣе энергичный чѣмъ Хáрисъ, но еще болѣе необузданный, это былъ Мунзиръ III сынъ Имрууль Кайса III и Ма-ас-семы **), дочери великаго племени Раби'а, женщины замѣчательной красоты, которую король, въ одномъ изъ набѣговъ на восточную Аравію, захватилъ и взялъ въ жены. Въ память ея звали обыкновенно и сына Мунзиръ Ибнъ Ма-ас-сема. Онъ былъ, поистинѣ, чистѣйшимъ типомъ варвара, хотя существуетъ, впрочемъ маловѣроятное, преданіе о принятіи имъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, христіанства. Но нельзя отъ него отнять, что онъ былъ дѣльнымъ властелиномъ и во многомъ не уступалъ своему предку, носившему первымъ то же самое имя. Киндиты потерпѣлъ скорѣ рядъ неудачъ. Бедуины таяли въ его рукахъ, какъ разсыпается во всѣ стороны песокъ въ пустынѣ, лишь только они примѣтили, что, вмѣсто легкихъ

**) Что значитъ «Небесная вода», что-то въ родѣ росинки. Напоминаетъ ли имя на красоту или чистоту души—неизвѣстно.

хищнических набѣговъ, дѣло теперь идетъ о горячихъ, упорныхъ битвахъ. Племя за племенемъ уходило на свои старинныя пепелища; наконецъ Мунзиръ напалъ на самого Хâриса и на оставшееся ему вѣрнымъ маленькое войско. Разбитый на голову, потерявъ все свои сокровища, съ большимъ трудомъ ускользнулъ онъ лично отъ преслѣдователей. Сорокъ плѣнныхъ, все члены семьи Акиль-аль-Мурâра, по приказанію Лахмида, были обезглавлены. Послѣ долгихъ лѣтъ скитальчества, въ 529 г., попалъ и онъ самъ въ руки Мунзира и былъ казненъ, несмотря на то, что дочь его Хинда, плѣненная, вѣроятно, въ одномъ изъ прежнихъ походовъ, стала женой побѣдителя. Эта женщина была набожной христіанкой, въ Хірѣ основала она монастырь, церковь котораго, по свидѣтельству одного мухаммеданскаго писателя, сохраняла долго надпись, свидѣтельствующую объ имени строительницы. Братья ея, сыновья Хâриса, провели всю жизнь въ бесплодныхъ стараніяхъ собрать снова воедино отпадшія племена. Одинъ изъ нихъ Худжръ, навлекшій ненависть Асадитовъ, былъ ими умерщвленъ. Послѣ него остался сынъ Имрууль Кайсъ, «поэтъ и король». Такъ зоветъ его Рюккертъ, воздвигшій ему долговѣчный памятникъ переводомъ его стихотвореній на нѣмецкій языкъ *). Вся жизнь его протекала въ блужданіяхъ отъ одного племени къ другому. Страстно желая отомстить за смерть отца и ища возрожденія величія своего дома, онъ метался, не находя ни мира, ни успокоенія, а цѣли удовлетворенія честолюбія не могъ достигнуть: такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣлствуютъ его стихотворенія, рисуя въ дѣйствительности царственного мужа, преслѣдуемаго неотступно несчастіемъ, но не преклоняющагося ни предъ людьми, ни предъ судьбою. Послѣ cadaго пораженія, снова принимается онъ за безнадежную борьбу съ безчисленными своими непріятелями. Его неисчерпаемая жизненная сила, даже на краю опасности даетъ ему способность внезапно увлекаться придорожнымъ цвѣткомъ, а иногда даже сорвать мимолетное удовольствіе, прежде чѣмъ броситься снова въ водоворотъ отчаянной борьбы. Арабы называютъ его «блуждающимъ королемъ» и признаютъ за своего величайшаго поэта. Подобно его борьбѣ и любовнымъ похождениямъ романтиченъ былъ и конецъ его жизни. Когда императоръ Юстиніанъ, около 530 г., задумалъ снова подготовить персамъ всюду ущербъ и вредъ, пришло ему въ голову попробовать возстановить Киндійское государство, которое уже разъ принесло пользу византіяцамъ. Снова посланы были агенты для переговоровъ съ «Филархомъ Кайзосъ». Былъ онъ рекомендованъ эіопскимъ намѣстникамъ Южной Аравіи, находившимся

*) Amrillkais der Dichter und König. Sein Leben dargestellt in seinen Liedern. Aus dem Arabischen übertragen von Friedrich Rückert. Stuttgart und Tübingen. 1843.

въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Византіею. Но когда оказалась очевидной неисполнимость плановъ варвара, пригласилъ его императоръ, въ концѣ концовъ, въ Константинополь, чтобы дать ему убѣжище внутри Византійскаго государства и предложить какую нибудь почетную должность. Имрууль Кайсъ не отклонилъ зова. Оставивъ на попеченіе Самуила Ибнъ Адіѣ весь свой скарбъ, пересѣкъ Сирію и Малую Азію и прибылъ въ столицу. Приемъ былъ чрезвычайно радушный; послѣ продолжительнаго пребыванія, онъ былъ назначенъ фѣлархомъ Палестины. Но, по дорогѣ къ своему новому посту, застигла его внезапная смерть въ Малой Азіи, въ Ангорѣ; по арабскому сказанію, и довольно вѣроятному, онъ былъ умерщвленъ по приказанію самого Юстиніана. Говорятъ, императоръ былъ оскорбленъ лично этимъ высоко симпатичнымъ, но легкомысленнымъ героемъ, успѣвшимъ соблазнить одну изъ принцессъ. Этотъ рыцарскій обликъ, который и понынѣ овѣянъ чудно поэтической дымкой, отличался истиннѣ необузданной страстностью и дикою отвагой Донъ Жуана.

Никѣмъ не тревожимый, страшный Мунзиръ могъ, между тѣмъ, утверждать снова въ Хірѣ владычество своей династии и, со своими ордами бедуиновъ, всюду немилосердно грабящими, стать страхомъ и бичомъ византійскихъ пограничныхъ провинцій. О томъ, какъ наконецъ умеръ онъ отъ руки Гассанида Хáриса уже было рассказано. Сынъ его Амръ (554—568 или 569) подъ вліяніемъ матери своей, Хинды, сталъ христіаниномъ, хотя это свѣдѣніе не вполне достоверно. Такъ или иначе, это ему нисколько не мѣшало раздражать отцу въ его жестокостяхъ. Царствование его памятно арабамъ, такъ какъ въ эту эпоху родился въ Меккѣ Мухаммедъ. Онъ и его братъ преемникъ Кабу́съ (569—573) продолжали, разумѣется, вести упорную войну съ Гассанидами. Послѣднему впрочемъ, въ 570 г., они подготовили весьма неприятную ловушку. Мунзиру IV (тоже сыну Хинды), наслѣдовалъ послѣдній Лахмидъ, сынъ его Ну'манъ V. Сказаніе передаетъ, что, изъ всѣхъ двѣнадцати сыновей Мунзира, онъ одинъ былъ уродливъ и малъ ростомъ, лицо его было покрыто красными пятнами и струпами, притомъ это былъ человѣкъ неуживчивый, хотя имѣлъ большую склонность къ женщинамъ и поэтамъ и обладалъ тонкимъ чувствомъ ко всему изящному. Когда царь персидскій *) сталъ переспрашивать одного за другимъ братьевъ: можешь ли ты держать арабовъ въ повиновеніи, получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: Да, всѣхъ, кромѣ Ну'мана—одинъ только Ну'манъ отвѣтилъ просто «да». А когда король спросилъ его дальше: а братьевъ тво-

*) Хосрой II, Парвѣзъ по прозванію. Но, согласно хронологіи, это былъ должно быть Хормиздъ IV.

ихъ? Онъ отвѣтилъ сухо: если ужъ съ ними не справлюсь, то съ другими, конечно, и подавно. Такимъ образомъ власть была вручена ему, и онъ управлялъ страной приблизительно отъ 580—602. Немного принесъ онъ пользы персамъ, и выказалъ при этомъ въ разныхъ случаяхъ полное неповиновеніе, такъ что Хосрой II принужденъ былъ его устранить. Заманили его хитростью въ Ктезифонъ, гдѣ онъ погибъ—одни говорятъ въ тюрьмѣ другіе—растоптанный слонами. Арабами считается онъ однимъ изъ самыхъ выдающихся королей Хіры, за его любовь къ поэзіи и поэтамъ, но рассказываютъ разное о его обхожденіи съ ними. Болѣе другихъ снискалъ его милость знаменитый поэтъ Нábига, изъ племени Зубьянъ. Хотя, все-таки, однажды произошла между ними серьезная размолвка, когда ревнивому королю показалось, что влюбленный поэтъ, въ обращеніи съ его супругой, перешелъ границы, допускаемыя этикетомъ. Нábига долженъ былъ бѣжать и удалился къ Гассаниду Амру. Но королю тяжело было оставаться долго безъ своего любимца, а Нábигъ, какъ доброму арабу съ дѣйствительно замѣчательнымъ талантомъ, привыкшему къ легкому срыванію съ дерева золотыхъ плодовъ, показался Гассанидъ немного скуповатымъ. Оба они вскорѣ помирились.

Вмѣстѣ съ Ну'маномъ пресѣкъся гордый родъ Лахмидовъ. Дочь его, Хинда, ушедшая послѣ его смерти въ монастырь, пережила не только паденіе персидскаго царства, но и первую междоусобную войну мусульманъ. Она умерла въ 660 г. Гораздо ранѣе, а именно въ 633 г., палъ послѣдній мужской отпрыскъ династіи, находясь во главѣ возставшихъ арабскихъ ордъ, не задолго до вторженія мусульманъ.

Становится теперь понятнымъ, какимъ это образомъ византіицы и цари персидскіе пришли одновременно къ одной и той же мысли—ограничивать или совсѣмъ отстранять, сдѣлавшихся слишкомъ могущественными, начальниковъ арабскихъ племенъ. Все же раздробленіе сирійскихъ ленныхъ владѣній, а еще болѣе уничтоженіе династіи Хіры были непростительно грубыя ошибки, за которыя послѣдовало вскорѣ жестокое возмездіе. Мало-по-малу между пограничными арабами, привыкшими къ грабежу и опустошеніямъ, окончательно исчезло уваженіе къ внѣшней силѣ великихъ государствъ. А тутъ еще, какъ на зло, расторгнуты были единственныя, хотя и мало ихъ сдерживающія узы. Персидскіе намѣстники и арабскіе фигуранты, отнынѣ поселившіеся въ Хіръ, теряютъ окончательно почву подъ ногами; они не въ силахъ держать въ повиновеніи арабовъ Ирака и не могутъ вдохнуть никакого уваженія сосѣднимъ бедуинамъ полуострова. И вотъ, спустя нѣсколько лѣтъ, послѣ низложенія Ну'мана, вторгаются Бену Бекръ, жившіе за послѣднія десятилѣтія въ тѣсной дружбѣ съ Лахмидами, въ область

Хиры. Затѣмъ наносятъ чувствительное пораженіе соединеннымъ силамъ персовъ и арабовъ племени Таглибъ, переселившася по окончаніи сорокалѣтней борьбы на правый берегъ Евфрата, неподалеку отъ города Зѹ-Кáръ, и несутъ опустошеніе далеко вглубь страны (между 604 и 610 гг.). Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что, 25 лѣтъ спустя, первые великіе халифы и военачальники мусульманъ не находятъ рискованнымъ повторить нападеніе еще болѣе серьезное, но предпринятое ими съ значительно болѣе громадными силами конныхъ бедуиновъ. Походъ этотъ могъ изумлять только историковъ Запада.

Въ то время какъ мы замѣчаемъ, что въ началѣ 7-го столѣтія весь сѣверъ Аравіи кипѣлъ броженіемъ и пограничныя племена стремились нахлынуть на сосѣднія великія державы, бывшія доселѣ съ ними въ близкихъ отношеніяхъ, на южныхъ окраинахъ великаго полуострова исторія какъ бы расплывается въ песку. А нѣкогда и тамъ существовали могущественныя государства, противопоставлявшія элементамъ сѣвера, силѣвшимся распространиться, непреоборимое сопротивление. Искони, насколько извѣстно, между обѣими родственными расами, населявшими Аравію, существовало глухое соперничество. Уже въ ветхомъ завѣтѣ отмѣчено глубокое различіе между дѣтьми измаилитовъ, безпокойными бедуинами сѣвера, и болѣе осѣдлыми, пріобыкшими издавна къ государственному порядку, людьми Саба, населявшими югъ. Почти поперекъ всей страны лежитъ непроходимая граница, отдѣляющая обѣ народности, это—великая, южная песчаная степь (именуемая нынѣ Рóба'-аль-Хáли). Если по сѣверной границѣ ея протянуть къ западу линію, то она достигаетъ Аравійскаго залива на одинъ градусъ, приблизительно, южнѣ Мекки. Черта эта обозначаетъ раздѣлъ, хотя и не совсѣмъ точно, отодвигаемыхъ часто границъ того пространства, гдѣ кончается естественная, положенная природою перегородка. Библія ведетъ происхожденіе Саба отъ Іоктана (Кн. Бытія, Моисей 10, 29) и называетъ, поэтому, южныхъ арабовъ Іоктанидами, а сѣверныхъ Измаилитами. Въ частности этнографическія особенности не выступаютъ совершенно ясно. Но въ странѣ, заселенной измаилитами, находившейся издавна въ связи съ Сиріей и Месопотаміей, поселялись, на примѣръ, по самой сути вещей, въ большомъ количествѣ евреи, и потому первоначальная народность не могла остаться во всей чистотѣ, благодаря разнаго рода примѣсямъ чуждыхъ элементовъ. Поэтому въ населеніи Саба естественно сохранился болѣе чистымъ настоящій типъ арабскій. Ко времени наступленія настоящей исторической эпохи, происходило, конечно, наоборотъ: измаилиты поэтому чувствуютъ и по сіе время, что они именно истые представители арабской культуры, но древнѣйшіе слѣды исторіи указываютъ,

въ дѣйствительности, на то, что задолго до измаилитовъ, іоктаниды достигли уже, достойнаго вниманія, культурнаго развитія. До самыхъ позднѣйшихъ временъ, свѣдѣнія о королевѣ Саба, изъ священнаго писанія, и еще нѣсколько въ подобномъ родѣ, мелкихъ мѣсть, также какъ и нѣкоторыя указанія греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ, описывавшихъ народы и страны «счастливой Аравіи», бросали лишь слабый свѣтъ на существовавшіе тамъ порядки. Нѣсколько прояснились взгляды историковъ, благодаря изслѣдованіямъ европейскихъ путешественниковъ, хотя изрѣдка, и съ большой опасностью, начавшихъ проникать вглубь страны, съ конца прошлаго столѣтія. Они оставили намъ описанія величественныхъ развалинъ, древнихъ храмовъ и дворцовъ, которые далеко кругомъ покрывали страну и свидѣтельствовали о давно минувшемъ великолѣпіи. Но только теперь, лѣтъ тому назадъ сорокъ, постепенно удалось дешифрировать мало понятныя письмена, высѣченныя на памятникахъ, которыя тамъ и сямъ найдены были въ цѣлости на развалинахъ. Въ большинствѣ случаевъ они были разобраны и признаны за арабское нарѣчіе, близкое къ языку сѣвера. Хотя въ нихъ, какъ и слѣдовало предполагать, найдено было большое количество именъ королей и иныя разнообразныя историческія указанія, но, къ сожалѣнію, безъ обозначенія времени, къ которому слѣдовало ихъ отнести. Для устраненія и этого затрудненія, весьма недавно, подыскана болѣе твердая почва. Въ одной ассирійской клинообразной надписи, относимой къ 715 году до Р. Х., царь Саргонъ Ниневійскій говоритъ: «Я получилъ подать... отъ Исамара, сабейца—золото, травы востока (т. е. благовонія и пряности), рабовъ, лошадей и верблюдовъ». Этотъ же самый Исамара, сабеецъ, попадаетъ въ надписяхъ южно-арабскихъ и названъ княземъ Саба «Іаса'маръ». Изъ этого можно заключить, что не только въ восьмомъ столѣтіи до Р. Х. царство Сабеевъ процвѣтало, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Библія, но что и сохранившіеся памятники южной Аравіи, въ большинствѣ случаевъ, можно отнести къ этой древней эпохѣ. По сіе время найденный матеріалъ въ надписяхъ, конечно, недостаточенъ, чтобы прослѣдить исторію страны въ отдѣльныхъ ея подробностяхъ, но достигнутыми уже результатами возможно установить главнѣйшіе моменты; болѣе существенные изъ нихъ предлагаются здѣсь вкратцѣ.

Арабы іоктаниды издавна населяли, на югѣ полуострова, страну Іеменъ *). И до сихъ поръ неизвѣстно время поселенія ихъ тамъ, но

*) Слово Іеменъ обозначаетъ, собственно, «правую сторону» или же «справа», между тѣмъ страна справа, если обратиться на востокъ, была бы именно югъ. Такимъ образомъ обозначеніе мѣста получило свое названіе отъ сѣверныхъ сосѣдей. А такъ какъ у арабовъ правая рука считается приносящею счастье, и многія отъ этого корня происходящія выраженія употребляются со значеніемъ:

несомнѣнно, что это случилось много столѣтій до Р. Х. и что они же заняли сосѣдную, гористую африканскую Абиссинію. Проникнуть туда черезъ Бѣб-аль-Мандебскій проливъ было не трудно. Не подлежитъ сомнѣнію, что колоніи семитовъ мало-по-малу смѣшались тутъ съ мѣстными африканскими элементами, такъ что обыкновенно обозначаемыхъ жителями Абиссиніи, эіоповъ историческихъ временъ слѣдуетъ считать за чистыхъ арабовъ. Во всякомъ случаѣ оба сосѣдніе народа двухъ материковъ скоро стали чужды другъ другу, и во второмъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія эіопскіе короли уже ведутъ войну съ жителями противоположащаго арабскаго берега, а въ памяти, какъ эіоповъ, такъ и арабовъ не остается болѣе ни слѣда прежняго ихъ общаго происхожденія. Въ южной Аравіи, между тѣмъ, возникаетъ множество большихъ и маленькихъ независимыхъ государствъ. Въ противоположеніе измаилитамъ-номадамъ, изъ городской ихъ жизни возникаетъ стремленіе къ торговлѣ, къ тому же на востокъ, собственно въ Хадремаутъ, находилась мѣстность, изъ которой получался высококочтимый всѣмъ древнимъ міромъ ладанъ, а на юго-западѣ, въ давнія времена, добывалось въ большомъ количествѣ и золото. Кромѣ того, между гаванями Восточной Аравіи и Индіей, издавна существовало сообщеніе моремъ. Индійскіе продукты, въ особенности пряности и рѣдкія животныя, «обезьяны и павлины», привозились къ берегамъ Омана. Отсюда шли транспорты, какъ кажется, еще съ десятаго столѣтія до Р. Х., сухопутьемъ къ Аравійскому заливу; здѣсь грузили товары на корабли и отправляли въ Египетъ, ко двору фараоновъ и его вельможъ. Здѣсь именно, въ этомъ юго-восточномъ углу упомянутаго моря, слѣдуетъ искать страну Офиръ, съ которой Соломонъ завелъ на короткое время прямыя торговыя сношенія, при помощи Хирама тирскаго. Благодаря трудностямъ плаванія по Красному морю, въ тѣ времена, приблизительно въ восьмомъ столѣтіи, предпочитали сообщеніе сухимъ путемъ изъ Йемена въ Сирію. Изъ Сабота (такъ въ древности назывался арабскій Шабватъ), главнаго города Хатрамотитовъ (Хадремаутъ) проходилъ караванный путь въ Маріабу (Ма'рибъ), въ странѣ Сабеевъ, а затѣмъ, черезъ центръ Аравіи, направлялся на Макорабу (позднѣе Мекка), черезъ страну Мидіанитовъ и, пересѣкая полуостровъ Синай, достигалъ Петры и Газы, лежащихъ на Средиземномъ морѣ. Здѣсь и былъ главный складочный пунктъ торговли между востокомъ и западомъ. Соотвѣтственно этому встрѣчаемъ мы, между страной ладана, Хадремаутомъ и Краснымъ моремъ, два довольно большія владѣнія: къ востоку

«счастливый, благословенный», то и этому названію, по недоразумѣнію, дано было значеніе *Arabia felix* «Счастливая Аравія», какъ бы происходящему отъ этой части полуострова.

Минеевъ, заимствовавшихъ свое названіе отъ главнаго города Ма'инъ (отъ него, одно время, зависѣла непосредственно страна ладана), а на западъ примыкающія къ нему владѣнія Саба, съ резиденціей Ма'рибъ. Вокругъ нихъ группировался цѣлый рядъ маленькихъ княжествъ, которыя, болѣе или менѣе, находились отъ нихъ въ зависимости. Въ особенности вліяніе Сабы распространялось далеко на сѣверъ. Жизненные интересы страны требовали, чтобы путь каравановъ до самой земли Мидіанитовъ былъ свободенъ и безопасенъ, для перевоза по немъ дорогихъ продуктовъ. И если мы замѣчаемъ въ стилѣ многихъ построекъ, а равно и въ мѣологій сабеевъ, ясные слѣды непосредственнаго вліянія ассирійско-вавилонской культуры, то этого нельзя иначе объяснить, какъ слѣдствіемъ много-различнаго, достаточно непосредственнаго и тѣснаго взаимнаго общенія. Несомнѣнно, что ассиріянне держали въ повиновеніи не только всю Сирію, но и бедуиновъ сѣверо-аравійскихъ степей, а потому и арабы юга должны были, волей неволей, еще передъ восьмымъ столѣтіемъ, для огражденія спокойствія торговли, обратиться къ нимъ же. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій государства Саба и Ма'инъ, если и не всегда безусловно успѣшно, то, во всякомъ случаѣ, старались соблюдать, какъ это и подобаеетъ торговымъ націямъ, взаимную политику мира. И въ 25 г. до Р. X., по свидѣтельству римлянина Элія Галла, арабы западнаго берега, до самаго полуострова Синая, оставались торговцами мало воинственными; такъ продолжалось еще нѣкоторое время и по Р. X. Но тутъ отношенія сразу измѣнились. Хотя походъ, предпринятый Эліемъ Галломъ въ Аравію, по приказанію императора Августа, и не удался—измѣническіе проводники направляли войска черезъ трудно проходимыя мѣстности, а осада, послѣ невыразимо трудныхъ переходовъ, достигнутого, наконецъ, римлянами Ма'риба, не удалась, такъ какъ римскій полководецъ, по недостатку воды, долженъ былъ ее снять—но во всякомъ случаѣ торговля предпріятія Востока не могли уже болѣе избѣгнуть подавляющаго вліянія римской всемірной имперіи. Направленіе торговаго пути сразу измѣнилось, корабли поплыли прямо изъ Индіи, и отъ берега ладана черезъ проливъ Ба́б-а-ль-мандебскій направились въ Міос-гормосъ, египетскую гавань у Краснаго моря. Такимъ образомъ обойдены были всѣ внутреннія складочныя мѣста торговли. Мало-по-малу гордые дворцы Сабы обезлюдѣли, искусственныя водоснабженія, при посредствѣ которыхъ пески пустыни превращались въ плодоносныя поля и сады, стали приходивъ постепенно въ упадокъ.

Арабская легенда, видимо, старается сжать длинный историческій процессъ, обнимающій болѣе столѣтія, въ одинъ конкретный фактъ. По этому сказанію, процвѣтаніе Ма'риба и всего Йемена всецѣло зави-

сѣло, будто бы, отъ гигантской плотины, считавшейся чудомъ свѣта, назначеніе которой было защищать городъ и его окрестности отъ водъ горныхъ потоковъ. Вотъ эта самая плотина (событіе приурочиваетъ легенду къ срединѣ второго столѣтія по Р. Х.) вдругъ прорвалась, воды хлынули, затопляя городъ и окрестности. Катастрофа произвела ужаснѣйшее опустошеніе, послѣдствія котораго никто не сумѣлъ устранить. Бѣольшая часть населенія вынуждена была выселиться и искать пристанища на сѣверѣ и далѣе въ Сиріи. Такъ объясняютъ арабскіе историки появленіе въ этихъ странахъ большого числа племенъ южно-арабскаго происхожденія.

Плотина Ма'рибъ частью сохранилась и понынѣ, виднѣются и теперь громадныя каменные столбы, между которыми, вѣроятно, находились ворота шлюзъ. Очень возможно, что подобнаго рода катастрофа имѣла, дѣйствительно, мѣсто. Но если предположить, что городъ и страна, хотя до извѣстной степени, находились тогда въ цвѣтущемъ положеніи, было бы, конечно, не трудно, возстановить прорвавшуюся плотину и снова обратить поля, засыпанныя пескомъ, въ плодородныя. Поэтому надо полагать, что упадокъ государства и его резиденціи предшествовалъ наводненію и причину его, главнымъ образомъ, слѣдуетъ искать въ прекращеніи движенія каравановъ по старинному торговому пути. Отклоненіе торговли по морскому пути — вотъ объясненіе, вполне удовлетворительное. Хотя въ первомъ столѣтіи по Р. Х. еще упоминается о царствѣ Сабеевъ, но только въ связи съ Гомеритами какъ ихъ называли древніе, Химьярами по арабскому произношенію, т. е. береговыми племенами, обитавшими между Сабейцами и моремъ. Уже тогда резиденціей союзнаго королевства не былъ Ма'рибъ, а Зафаръ, лежащій ближе къ морю. Позднѣе о Сабейцахъ болѣе нѣтъ и помину, говорится только о Химьярахъ. Такъ что древнее королевство Южной Аравіи, такъ еще недавно процвѣтавшее, равно какъ и его памятники, считаются уже принадлежностью Химьяровъ. Несмотря, однако, на перенесеніе центра тяжести южно аравійской цивилизаціи теперь ближе къ морю, царство Химьяровъ никогда не могло достигнуть степени процвѣтанія древней Сабы; при сложившихся новыхъ обстоятельствахъ оно очутилось въ видѣ промежуточной станціи для индійской торговли. Собственные продукты Йемена — между которыми золото постепенно отступаетъ на задній планъ, а позднѣе, въ шестомъ столѣтіи, выдвигается кожа — недостаточны были для того, чтобы страна удержала свое прежнее первенствующее положеніе. Но вполоть до самой эпохи Ислама, живой обмѣнъ мѣстныхъ продуктовъ съ таковыми же Сиріи все еще продолжается по старинному караванному пути, пролегающему черезъ Мекку, а изъ гавани Краснаго моря ведется торговля съ Абиссиніей, откуда, съ давняго времени, получались слоновая кость, пря-

ности и другіе продукты. При этомъ вся торговля стала болѣе, чѣмъ прежде, когда центръ могущества лежалъ глубоко внутри страны, подчиняться вліянію иноземному и различнаго рода нападеніямъ. И встали рину никогда особенно не заботились о содержаніи военныхъ силъ въ достаточномъ количествѣ, теперь же, со времени переменъ направленія торговаго пути, охрана значительно ослабла. И такъ, почти не остается никакого сомнѣнія, что переселеніе большинства южно-арабскихъ племенъ на сѣверъ, происшедшее по свидѣтельству арабскихъ историковъ вслѣдствіе прорыва плотины Ма'рибъ, обусловилось по меньшей мѣрѣ упадкомъ сабейской торговли: отняты были у значительной части народонаселенія средства къ существованію, а потому они были вынуждены, по необходимости, покинуть населенную, съ избыткомъ, родину. Было бы неосновательно поэтому сомнѣваться въ фактъ массоваго переселенія, имѣвшаго мѣсто во второмъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія. Если даже отнестись критически къ таблицамъ племенъ, изготовленнымъ генеалогами мухаммеданской эпохи для всей Аравіи, то, во всякомъ случаѣ, останется несомнѣннымъ, что большое число племенъ, населявшихъ сѣверо-западъ Аравіи и Сиріи, ведутъ свое происхожденіе изъ Іемена; это легко прослѣдить до самыхъ позднѣйшихъ временъ средневѣковой исторіи. Между ними и жителями средней и сѣверной Аравіи, считающими себя Измаилитами, существуетъ постоянная, смертельная расовая ненависть, которую даже Исламъ не могъ скоро сломить. Очень естественно, что переселенцы не могли и думать продолжать свои занятія мирныхъ купцовъ; имъ пришлось десятки лѣтъ, и даже столѣтія, биться съ бедуинами измаилитами и тогда только промѣнять осѣдлую жизнь на кочевую. А когда, наконецъ, они проникли частью въ Сирію, то успѣли уже совершенно бедуинизироваться, подобно своимъ землякамъ, которымъ по пути пришлось осѣсть въ сѣверной Аравіи. Сама природа страны требовала этого неуклонно. Если такъ просто объясняется присутствіе многочисленныхъ іеменскихъ племенъ въ сѣверной Аравіи, то становится, само собой понятнымъ, что потеря такихъ значительныхъ и, конечно, наиболѣе дѣятельныхъ народныхъ элементовъ должна была въ высокой степени ослабить могущество Химьяровъ. Хотя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, достигающимъ шестого столѣтія, южные аравитяне, особенно же тѣ изъ нихъ, которые оставались въ обезлюденныхъ главныхъ пунктахъ древняго Сабейскаго государства мало по малу тоже бедуинизировавшихся, неоднократно пробовали подчинить своей власти сосѣднихъ центральныхъ арабовъ—самое племя Кинда, успѣвшее на нѣкоторое время распространить свое верховенство на нѣкоторыя изъ ближайшихъ племенъ, считало себя происхожденія Іеменскаго—но эти случайныя попытки нисколько не измѣняютъ факта. Мало по малу

большинство жителей Йемена подпадаетъ подъ власть иноземную. Нападеніе эіоповъ, во 2-мъ столѣтіи, на аравійскіе берега, повторяется снова и все съ болѣе возрастающимъ успѣхомъ. Египетскіе миссіонеры, успѣвшіе ввести христіанство въ Эіопію, появляются уже въ 4-мъ столѣтіи въ столицѣ химьяровъ, а въ Аденѣ построены были даже церкви. Нѣсколько позднѣе, король Аксума, столицы Эіопіи, носить уже титулъ короля Аксумитовъ и Гомеритовъ. Очень можетъ быть, что онъ только по обычаю восточныхъ властителей и, пользуясь счастливымъ походомъ, внесъ имя непріятельской страны въ свой officialный титулъ. Во всякомъ случаѣ, это значитъ, что, хотя бы ненадолго, онъ владѣлъ югомъ Аравіи. И дѣйствительно, въ VI столѣтіи императоры византійскіе Юстинъ I (518 — 527) и Юстиніанъ I (527—565), желая, такъ или иначе, защитить себя отъ персовъ, пускались на всевозможныя хитрости по отношенію къ ихъ вассаламъ въ Хірѣ, дабы противопоставить имъ сыновей пустыни. Для этого самаго они обратились къ королю Аксума, прося его, чтобы онъ укрѣпился въ Йеменѣ и оттуда дѣйствовалъ на племена центральной Аравіи. Возникъ цѣлый рядъ войнъ между эіопами и химьярами. Исторія ихъ въ подробностяхъ мало разъяснена; извѣстно достовѣрно одно, что не разъ являлись въ южной Аравіи эіопскіе намѣстники и не разъ снова были прогоняемы туземными князьями. Также весьма знаменателенъ фактъ, что нѣкоторые изъ нихъ, для противопоставленія христіанамъ эіопамъ, пытались ввести иудейство въ Йеменъ. Межъ ними особенно выдался одинъ, котораго Арабы называютъ Зѹ-Нувасъ. Онъ возбудилъ даже кровавое преслѣдованіе христіанъ, давно уже укоренившихся въ мѣстности Неджранъ. Существуетъ затѣмъ извѣстіе объ одномъ эіопскомъ намѣстникѣ въ Йеменѣ, по имени Авраамъ, по арабской же транскрипціи Абраха; онъ предпринялъ даже походы противъ Мекки, съ цѣлью завоевать городъ и ввести въ него христіанство, но неожиданно долженъ былъ вернуться, какъ кажется потому, что въ его войскѣ, подобно какъ у Санхериба, подъ Іерусалимомъ, распространилась заразная болѣзнь (вѣроятно оспа). Этотъ походъ особенно памятенъ арабамъ, потому что за войскомъ тянулись слоны, надо полагать, привезенные изъ Африки. Аравитяне прозвали поэтому Абраха «слоновымъ человѣкомъ», а какъ всѣ историки утверждаютъ единогласно, что въ этомъ самомъ году родился Мухаммедъ, то походъ «слоновьяго человѣка» слѣдуетъ отнести къ 570 году. Ничего болѣе достовѣрнаго, впрочемъ, объ этомъ событіи неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, персы нашли необходимымъ серьезно противопоставить эіопскимъ вторженіямъ въ Аравію, опасаясь, что, рано ли поздно, они будутъ въ состояніи произвести значительную диверсію во флангъ королей Хіры. Они успѣли ловко воспользоваться отвращеніемъ іеменскаго народонаселенія къ

эіопскому владычеству. Сейфъ, сынъ Зу-Іезена, потомокъ стариннаго королевскаго рода химьяровъ, отправился, какъ говорятъ, въ Ктезифонъ, чтобы побудить короля персидскаго Хосроя Анушарва на идти походомъ въ южную Аравію. Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что Хосрой послалъ флотъ съ десантомъ, подъ предводительствомъ Вахриза, и онъ прибылъ черезъ Персидскій заливъ, въ Адень. При помощи, возбужденныхъ Сейфомъ къ возстанію, арабовъ ему удалось прогнать эіоповъ. Персы посадили на тронъ преданнаго имъ Сейфа, а сами удалились: но когда тотъ сталъ жестоко гнать жившихъ въ странѣ эіоповъ, его вскорѣ умертвили, а страна была порабощена снова. Вахризъ вернулся съ еще болѣе сильнымъ войскомъ уничтожить окончательно врага африканскаго и остался въ странѣ, въ качествѣ персидскаго намѣстника. Съ этихъ поръ Іемень сталъ подвластенъ персамъ, но они благоразумно довольствовались умѣренной податью и общимъ наблюденіемъ. Вице-король персидскій поселился въ главномъ городѣ Сан'а, межъ тѣмъ какъ управленіе предоставлено было, собственно говоря, самостоятельнымъ отдѣльнымъ князьямъ, выбираемымъ изъ стариннаго королевскаго рода. Страна успокоилась и была довольна, а о развитіи особенной внѣшней политической дѣятельности на этомъ столь отдаленномъ постѣ персидскому намѣстнику нельзя было, конечно, и думать. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Іемень не сыгралъ никакой роли въ наступавшемъ вскорѣ всемірномъ событіи.

Займемся же теперь ближайшимъ топографическимъ описаніемъ мѣстности, выступающей на политическую арену всемірной исторіи. Между плоскогорьемъ Недждъ, которое ограничено, по направленію къ Красному морю, довольно непроходимымъ пограничнымъ хребтомъ, и берегомъ—лежитъ страна Хиджъазъ (пограничная провинція). Эти горы, во многихъ мѣстахъ, подходятъ близко къ самому морю—остается узкая береговая полоса, страшно знойная и нездоровая, съ двумя маленькими гаванями. Зовутъ ее Тихама (низменная земля). Собственно Хиджъазъ—страна гористая, состоящая, главнымъ образомъ, изъ двухъ параллельныхъ отроговъ горъ. Одна изъ цѣпей идетъ вдоль моря, а другая по направленію къ Недждъ. Между ними помѣщается что-то въ родѣ плоскогорья, или, такъ называемой, сѣдловины. Оно тоже искрещено, вдоль и поперекъ, множествомъ неправильныхъ горныхъ кряжей. Эта сѣдловина, понятно, есть тотъ путь каравановъ, который велъ изъ Іемена въ Палестину и къ Синайскому полуострову. Здѣсь, задолго до Р. Х., шель торговый путь изъ Сабы чрезъ Макорабу и Ятриппу къ Петрѣ. Древняя Макораба была не что иное, какъ Мекка. Ятриппа—очевидно Іасрибъ, какъ называли до Мухаммеда Медину. Оба города были станціями караваннаго пути, и до рожденія Іисуса Христа имѣли извѣстное значеніе. Объ ихъ

тогдашнихъ жителейъ ничего точнаго, впрочемъ, неизвѣстно. Насколько можно судить по сбивчивымъ сказаніямъ позднѣйшихъ временъ, первобытные его жители состояли изъ разнообразнѣйшихъ элементовъ, въ перемежку съ людьми, проникнувшими съ сѣвера. Въ эпоху Мухаммеда, по всему сѣверу Хиджаза разбросаны были многочисленныя поселенія іудеевъ. Если принять къ тому же во вниманіе, что, задолго до выступленія пророка, самое основаніе святыни Мекки приписывается обыкновенно Аврааму, если далѣе оказывается, что ни одного названія лицъ и мѣстностей, о которыхъ пойдетъ рѣчь, нельзя объяснить арабскими словами, то весьма естественно сдѣлать заключеніе, что переселенія съ сирійскихъ границъ имѣли мѣсто издавна. Нѣтъ надобности доказывать, да едва ли и было бы это вѣроятнымъ, что первыми переселенцами оказывались іудеи. Нельзя также предполагать, что это были Эдомиты или Амалекиты. Мы слишкомъ мало знаемъ, вообще, объ этнографіи Сирійско-Арабскихъ пограничныхъ округовъ въ древности, чтобы предложить подобныя опредѣленныя предположенія. Но, во всякомъ случаѣ, можно сказать утвердительно, что, задолго до Р. Х., населеніе состояло изъ разнообразнѣйшихъ смѣшанныхъ элементовъ, постепенно и окончательно арабизировавшихся. Это народонаселеніе имѣло своимъ средоточіемъ Мекку, а здѣсь издавна находилось святилище, совершенно не арабскаго характера, Ка'ба. Въ началѣ нашего лѣтосчисленія грекъ Діодоръ видѣлъ ее собственными глазами и описалъ какъ мѣсто, въ высокой степени почитаемое арабами. Да позволено будетъ изъ позднѣйшихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ, существовавшихъ между арабскими племенами, вывести нѣкоторыя умозаключенія и, въ такомъ случаѣ, основаніе и родъ этого почитанія легко станетъ понятнымъ. Мекка лежитъ довольно близко отъ границъ стариннаго Сабейскаго государства, такъ сказать средоточія бедуинства. Обезопасить себя отъ хищническихъ поползновеній сыновъ пустыни, которые ежеминутно и легко могли спуститься съ горъ на торговый путь, съ цѣлью напасть на тянущіеся къ сѣверу караваны, было главнѣйшей заботой жителей Мекки и ея окрестностей. Всѣ помышленія ихъ устремлены были, чтобы поставить торговлю подъ покровительство, чуждаго вначалѣ для кореннаго бедуина и страшнаго, а потому и внушающаго глубокое уваженіе, храма. Вотъ и основало купеческое сословіе союзъ племенъ Хиджаза, который имѣлъ своимъ религіознымъ средоточіемъ пунктъ всеобщаго почитанія Ка'бу. Союзу этому удалось постепенно невѣрующихъ вначалѣ, но суевѣрныхъ бедуиновъ, держать въ субординаціи и даровать имъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность вступленія въ члены союза. Ежегодно праздновался, съ большимъ торжествомъ, внутри и въ окрестностяхъ Мекки, праздникъ весны, какъ это встрѣчается у

большинства семитовъ. Обычай этотъ перенесенъ сюда съ сѣвера древнѣйшими переселенцами. На празднества приглашались и остальные племена. Дабы привлечь ихъ, устраивались, вмѣстѣ съ религиозными церемоніями, большія ярмарки, которыя открывались во многихъ мѣстностяхъ, по сосѣдству Мекки, до и послѣ періода празднествъ. Здѣсь же сыны пустыни обмѣнивали выдѣланныя кожи возвращенныхъ ими же выючныхъ животныхъ и вообще все то, что въ теченіе года получалось отъ ихъ, загородьями обнесенныхъ, пастбищъ на разнаго рода продукты цивилизаціи: драгоценныя ткани Сиріи, разныя украшенія, выдѣлываемыя въ большомъ количествѣ искусными іудеями сѣвернаго Хиджаза и многое другое, что считалось между полуварварскими номадами рѣдкостью и предметомъ вожделѣній. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что даже бедуины поняли, въ какой мѣрѣ подобнаго рода отношенія требуютъ съ обѣихъ сторонъ миролюбія и прекращенія, хотя бы на срокъ ярмарокъ, излюбленныхъ ими хищническихъ набѣговъ. И еще за нѣкоторое время до Мухаммеда, удалось горожанамъ установить, чтобы, въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ въ году, царствовалъ миръ, не только въ области торговой конфедераціи Мекки, но и почти повсемѣстно, по всей Аравіи. Въ это спокойное время, отдѣльныя племена могли посылать своихъ делегатовъ въ Мекку, для устройства дѣлъ. Ворочались они назадъ, никѣмъ не обижаемые. А при замѣчательныхъ церемоніяхъ торжественнаго служенія Богу и приношенія ему жертвъ, могли присутствовать и посторонніе. Иноземцы не могли не замѣчать, что подобная образцовая набожность жителей Мекки даровала имъ благословеніе свыше, благоденствіе и успѣхъ. Поэтому многіе стали вскорѣ обдумывать, какъ бы и себѣ самимъ доставить такія же осязательныя выгоды. Мало по малу начали участвовать и посторонніе въ религиозныхъ обрядахъ, необычность пышной церемоніи которыхъ должна была съ первоначалу производить сильное впечатлѣніе на людей простыхъ. Доселѣ лишь изрѣдка, когда имъ ужъ очень плохо приходилось, обращались они со своимъ безыскусственнымъ личнымъ моленіемъ къ какому-нибудь грубому идолу, метеориту или священному дереву, — чуждые понятій религиозной общины и ея правильнаго богослуженія. Умные купцы Мекки все были готовы сдѣлать, лишь бы облегчить имъ приступъ къ ихъ выработаннымъ обычаямъ. Они охотно ставили, и внутри и возлѣ Ка'бы, кромѣ своихъ собственныхъ, также и изображенія идоловъ чуждыхъ имъ племенъ. Такимъ образомъ, мало по малу они достигли того, что всякій арабъ, не слишкомъ далеко жившій отъ нихъ, признавалъ въ храмѣ Мекки и свою святыню. Божество Ка'бы, хотя бы онъ и рѣдко прибѣгалъ къ нему, становилось въ концѣ концовъ его собственнымъ, ибо надъ сонмомъ идоловъ,

даже въ Арагіи, предчувствовали всѣ высившагося «невѣдомаго бога», всюду царилъ древній богъ семитовъ: И л ь или И л ь х х ь, какъ звали его арабы сѣвера. Вѣроятно, благодаря влиянію іудейскому, онъ былъ нѣчто въ родѣ всеотца боговъ предковъ, почитаемый не непосредственной молитвой и богослуженіемъ, но пребывающій въ сознаніи народномъ, какъ бы невидимо присутствовавшій въ качествѣ властителя Ка'бы. Такъ зачалось богопочитаніе, послѣ того какъ могущество древнихъ Сабеевъ оказалось недостаточнымъ, для поддержанія безопасности караваннаго пути, идущаго на сѣверъ. Такъ постепенно, хотя и въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, зерно гражданскихъ порядковъ Мекки содѣлало ее первенствующимъ городомъ не только Хиджаза, но и отчасти большинства арабскихъ племенъ.

Къ серединѣ періода этого гражданского развитія, надо полагать, слѣдуетъ отнести время отклоненія торговаго пути и переселенія іеменскихъ племенъ ближе къ сѣверу, что произвело также и въ Меккѣ большія переменны. Толпы южныхъ арабовъ вторгнулись въ Хиджазъ. Одни здѣсь осѣли, между тѣмъ какъ большинство потянулось далѣе на сѣверъ. Около Мекки и въ самыхъ стѣнахъ ея поселилось племя Бену Хуз'а, предводительствуемое именуемымъ впоследствии Амръ Ибнъ Лухай. Про него именно мусульмане говорятъ, что вмѣсто чистаго богопочитанія, которое господствовало доселѣ въ Меккѣ, онъ ввелъ идолопоклонство. Понятно, на это слѣдуетъ смотрѣть, только какъ на теологическое препирательство. Но, тѣмъ не менѣе, весьма вѣроятно, что южные арабы, смѣшавшись съ прежними горожанами Мекки, позаботились прежде всего помѣстить въ Ка'бѣ и своего племеннаго божка. Приблизительно еще ранѣе V-го столѣтія новые переселенцы захватили въ свои руки власть въ Меккѣ и отгѣснили на задній планъ племя Бену Курейшъ, такъ звали прежнихъ распорядителей въ городѣ. Въ упомянутое время, какъ рассказываютъ, проживала въ Меккѣ Фатима, вдова Кил'аба, одного изъ наиболѣе уважаемыхъ всѣми Курейшитовъ, со своими двумя сыновьями Зухра и Зейдъ. Когда первый изъ нихъ былъ уже юношей, а другой еще ребенкомъ, вышла она замужъ за одного человѣка изъ южн.-арабскаго племени Узра*), который жилъ въ то время къ сѣверу отъ Іатриба, позднѣйшей Медины. За нимъ послѣдовала и она на его родину и подарила ему сына Риз'ахъ. Вмѣстѣ съ нимъ воспитывался и Зейдъ, а Зухра оставался въ Меккѣ. Такъ какъ Зейдъ

*) Это и есть гейневскій Асра. Бену Узра, говоритъ одинъ арабскій ученый, славили въ своей страстностью въ любви. Однажды спросили бедуина: изъ какого онъ племени? Онъ отвѣчалъ: я принадлежу къ тѣмъ, которые умираютъ, если полюбятъ. Тогда произнесла одна молодая дѣвушка, прислушивавшаяся внимательно къ разговору: это узритъ, клянусь всемогущимъ богомъ!

выросъ вдали отъ отчаго города, получилъ онъ прозвище Кусай *). Когда онъ возмужалъ и узналъ о своемъ происхожденіи, вернулся назадъ въ Мекку. Къ тому времени Ка'ба перешла окончательно въ руки хузайтовъ, старѣйшина которыхъ Худейль стоялъ во главѣ управленія святыней. Кусая удалось снискать его благоволеніе, такъ что онъ отдалъ ему въ жены дочь свою Хуббу. Когда Худейль состарился и одряхлѣлъ, его заступалъ часто, на службѣ въ Ка'бѣ, зять. Неоднократно приставала къ старику Хубба, улещая его назначить ея мужа своимъ преемникомъ, но Худейль предпочелъ ему Абу Губшана, пріятеля изъ своего же племени, и предъ смертью вручилъ ему ключи отъ храма. Но Кусай заблаговременно задумалъ вернуть обратно своимъ одноплеменникамъ, курейшителямъ, первенство въ городѣ и въ Ка'бѣ. Онъ опоилъ Абу Губшана, за глотокъ вина выторговалъ, пользуясь его бессознательнымъ состояніемъ, ключи отъ Ка'бы. И по сію пору сохранилась у арабовъ поговорка: «Абу Губшана покупка». Круглаго дурака клеймятъ также прозваніемъ: «глупѣ Абу Губшана». Но Кусай очень хорошо понималъ, что хузайты не допустятъ безнаказанно отстраненія ихъ отъ владѣнія Ка'бой, поэтому онъ распорядился заранѣе призвать къ себѣ на помощь своднаго своего брата Ризаха, съ большой толпой Узритовъ. Въ соединеніи съ ними и курейшителями удалось ему, послѣ упорной борьбы, прогнать изъ Мекки племя Хузая. Снова передѣлалъ онъ все управленіе въ городѣ и самую службу при Ка'бѣ. Многіе изъ курейшитовъ, до того времени разсѣянные и жившіе промежъ сосѣднихъ племенъ, были имъ собраны снова въ Мекку. Каждой отдѣльной семьѣ отведенъ былъ особый кварталъ. Въ городѣ воздвигнуть былъ «Домъ собранія», куда сходились на совѣщаніе старѣйшины племени, подъ предсѣдательствомъ самого Кусая, тутъ же сохранялось и военное знамя Лива. Онъ понудилъ курейшитовъ обложить самихъ себя данью. Сумма эта предназначалась на прокормленіе бѣднѣйшихъ чужеземцевъ, которые ежегодно приходили на поклоненіе и принимали участіе въ большихъ религіозныхъ празднествахъ Мекки. Распоряженіе этими доходами, названными Рифада, (вспомоществованіе) также какъ предсѣдательство въ совѣтѣ и охраненіе знамени, сдѣлались, по его инициативѣ, почетнѣйшею должностію. Таковыми же стали: предводительствованіе на войнѣ (Кійда—веденіе); завѣдываніе колодцами и распредѣленіе воды между горожанами, также и во время церемоній, паломникамъ изъ чужестранцевъ,—столь важное въ странѣ съ климатомъ сухимъ, почти лишеннымъ дождя (Сикая—поеніе): наблюденіе за Ка'бой

*) Въ переводѣ—что то въ родѣ «бѣдняжка», а по формѣ—уменьшительное слово отъ *kassi*,—значить, „отдѣленный“, «удаленный»; но преданіе повидному, какъ это часто случается нарочито придумало все это, для объясненія мало понятнаго имени.

(Хиджаба—«должность надзирателя») и наконецъ руководство и окончательный роспускъ пилигримовъ, во время процессіи въ городѣ и окрестностяхъ (Иджаза—дозволеніе, отпускъ). Большинство этихъ должностей Кусай въ послѣдствіи закрѣпилъ по наслѣдству за главнѣйшими родами города, а именно: «Сикая» и «Рифада» въ родѣ Абдъ—Менафъ, а специально въ семьѣ Хашимъ, «Хиджаба», вмѣстѣ съ предсѣдательствованіемъ въ совѣтѣ и «Лива», въ родѣ Абдъ-адъ-Даръ.

Вся эта легенда о Кусай, которую и до сихъ поръ нѣкоторые новые историки принимаютъ за чистую монету, опять-таки нечто иное, какъ попытка найти для отношеній и учрежденій времени Мухаммеда твердое историческое обоснованіе. Въ народномъ преданіи оно и могло только вылиться сведеніемъ всего къ одной опредѣленной личности. Кусай такой же вѣроятно въ дѣйствительности историческій образъ, какъ и Гелленъ, Эолъ или Доръ. Хотя и фигурируетъ онъ въ арабскихъ генеалогіяхъ не особенно далеко, а именно, какъ пятый прадѣдъ Мухаммеда, но въ настоящее время уже доказано, что эта родословная построена искусственно, позднѣе, въ періодъ мухаммеданскій, на основаніи невѣрныхъ устныхъ преданій. Совершенно невѣроятно, чтобы всѣ эти семьи, которыя связаны тутъ съ именемъ Кусай, были бы дѣйствительными потомками единственнаго лица. Скорѣе, въ слѣдующемъ генеалогическомъ деревѣ *), слѣдуетъ искать условнаго выраженія того факта, что Мухаммедъ былъ сыномъ Абдуллы, сына Абдаль-Мутталиба изъ семьи Хашимъ, а Абу Суфьянъ сыномъ Харба, сына Омейя изъ фамиліи Абдъ Шемсъ. Затѣмъ обѣ семьи принадлежали къ основной группѣ Абдъ Менафъ, которая, съ нѣкоторыми другими группами, какъ напримѣръ: Абдъ-адъ-Даръ и Абдъ-аль-Узза, принадлежитъ къ отдѣлу Кусай, племени Бену Курейшъ. Можно принять поэтому, съ нѣкоторою достовѣрностью, что едва-ли болѣе трехъ послѣднихъ членовъ этого генеалогическаго дерева можно считать за отдѣльныя историческія личности. Такимъ образомъ, вѣроятнѣе всего Хашимъ уже не отецъ, а приблизительно прадѣдъ Абдъ-аль-Мутталиба. Абдъ Менафъ же не есть, собственно, историческая личность, а только идеальный представитель факта, что членовъ семей Абдъ Шемсъ

*)

Курейшъ

·
·
·
·

Кусай

Абдъ-аль-Узза,

Абдъ-адъ-Даръ,

Абдъ Менафъ

Абдъ Шемсъ

Хашимъ

Омейя

Абд-аль-Мутталибъ

Харбъ

Абдулла

Абу Суфьянъ

Мухаммэдъ

и Хашимъ, жившихъ во времена Мухаммеда, слѣдуетъ считать за дальнихъ родственниковъ, независимо оттого, были ли они родственники по крови, или же по мѣстному сосѣдству, случайнымъ бракамъ, либо, наконецъ, стали въ близкія отношенія, по какимъ-либо инымъ причинамъ. При этихъ обстоятельствахъ, естественно, очень трудно, изъ подобнаго втиснутаго въ генеалогическую таблицу сказанія, вывести какое-либо заключеніе о дѣйствительности событій. Итакъ, изъ всей этой исторіи Кусая можно усмотрѣть только нѣкоторые историческіе факты; надо полагать, что около 400 года,—могло быть и раньше—переселившіеся въ Мекку южные арабы успѣли, какъ это часто случалось, ассимилироваться съ первобытными жителями (женитьба Кусая на дѣвушкѣ изъ племени Хуз'а'а). Такое сплотившееся вмѣстѣ съ южными арабами, изъ племени Узра, народонаселеніе предпріяло союзную войну противъ жившихъ внѣ города и съ ними не смѣшавшихся Хуза'итовъ. Причины этого столкновенія были, можетъ быть, требованія ихъ пользованія сообща Ка'бой или что-нибудь подобное, что показалось жителямъ Мекки несправедливымъ. Сказанія же о войнѣ, для городскихъ купцовъ столь необычное явленіе, твердо запало въ ихъ память. Это и могло стать той рѣзкой эпохой, къ которой, мало-по-малу, они приурочивали начало всѣхъ элементарныхъ порядковъ, уже существовавшихъ въ Меккѣ ко времени появленія пророка. Въ концѣ концовъ, эта самая эпоха, по извѣстной манерѣ образованія миеовъ, была олицетворена въ образѣ Кусая.

Очень естественно поэтому, что эти отдѣльныя черты легенды, въ сопоставленіи съ дѣйствительными фактами, далеко не могутъ быть доведены до совершенно яснаго ихъ пониманія. Но и въ остальномъ, предъ появленіемъ Мухаммеда, хотя, мало-по-малу, исторія выступаетъ на болѣе твердую почву опредѣленныхъ и ближе контролирующихся другъ друга сказаній, едва-ли не труднѣе будетъ разобраться. Здѣсь именно мы натываемся на извѣстія, окрашенныя сознательнымъ или бессознательнымъ стремленіемъ, придать «посланнику божьему» и его семьѣ во всемъ первую роль, что почти всюду извращаетъ событія, а отчасти пахнетъ прямой поддѣлкой. Слѣдуя этимъ сказаніямъ, Хашимъ, внукъ Кусая и прадѣдъ пророка, былъ, во всѣхъ отношеніяхъ, первымъ человекомъ въ Меккѣ. По этимъ преданіямъ, онъ не только исполнялъ должность кормителя пилигримовъ, поистинѣ съ княжеской щедростью, благодаря, будто бы, своему громадному состоянію, но и во время голода въ Меккѣ питалъ все народонаселеніе, устроивъ большіе подвозы хлѣба изъ Сиріи и раздѣляя между жителями мясо большими порціями. Говорятъ про него также, что онъ далеко, за предѣлами Аравіи, заботился, съ большимъ искусствомъ и успѣшно, объ интересахъ своего народа. Такъ, наприимѣръ, передаютъ, что онъ за-

ключилъ договоръ съ Византіей и Гассанидами, касательно безпрепятственной торговли, которую Мекка издавна вела съ этими странами. Другимъ договоромъ съ бедуинами обезопасилъ онъ, будто бы, путь каравановъ, межъ тѣмъ какъ братъ его заключилъ мирныя условія съ христіанскимъ королемъ Эѳіопіи, химьярами и персами. Наконецъ, говорятъ, онъ организовалъ торговлю жителей Мекки въ той высокой степени, въ какой ее вели и позже; такъ что каждую зиму отправлялся большой караванъ въ Южную Аравію, а каждое лѣто въ Сирію. Такое вліятельное положеніе, какое занялъ онъ, не могло не возбуждать зависти, но напрасно стремились соперничать съ этимъ, всѣми уважаемымъ человѣкомъ, въ особенности честолюбивый его племянникъ Омейя. По смерти Хашима, перешли всѣ его титулы сначала на одного изъ его братьевъ, а затѣмъ на его сына Абдъ-аль-Мутталиба. Сему послѣднему посчастливилось открыть колодець Земземъ, вблизи Ка'бы, богатый источникъ великой цѣны, особенно во время священныя празднествъ, для снабженія пилигримовъ. Благодаря этому онъ занялъ, если не столь блестящее какъ его отецъ, то не менѣе всѣми уважаемое положеніе, такъ что попытка Харба, сына Омейи, затмить его славу, кончилась равно неудачно, какъ и соперничество отца его съ Хашимомъ.

На самомъ же дѣлѣ было далеко не такъ. Доказательствомъ этого могутъ служить отношенія Мухаммеда къ своимъ землякамъ, что очень ясно выступаетъ даже изъ многочисленныхъ мѣстъ корана. Оказывается, что ближайшіе предки пророка были людьми средняго класса. Сравнить ихъ съ высшей степени почтенной и зажиточной семьей Омейи никоимъ образомъ невозможно. Абдъ-аль-Мутталибъ напр., столь нѣжно любившій своего внука, маленькаго Мухаммеда, не оставилъ ему такого наслѣдства, которое хотя бы въ нѣкоторой степени могло ограждать его отъ нужды. Что же касается Абу Талиба, дяди пророка, защищавшаго его все время, пока онъ былъ живъ, и съ величайшимъ самопожертвованіемъ, какъ извѣстно достоверно, онъ, со всей своей многочисленной семьей, терпѣлъ крайній недостатокъ. Поэтому, равнымъ образомъ, весьма сомнительно, чтобы должность Сикая, распределенія воды пилигримамъ, была настолько почетна, будучи соединена съ правомъ владѣнія колодецмъ, которымъ пользовалась семья Хашимъ. Во времена ежегоднаго прилива паломниковъ, доставляла она, конечно, впрочемъ не особенно большую выгоду. Но нѣсколько позднѣе, на основаніи тѣхъ же маловѣроятныхъ преданій, должность эта возросла до равнаго, будто бы, значенія съ предсѣдательствованіемъ въ совѣтѣ курейшитовъ и командованіемъ войсками. Въ особенности подозрительно то, что величіе дома Хашимъ, по свидѣтельству самого сказанія, постепенно до Мухаммеда приходитъ въ упадокъ. Такъ напр. мы

видимъ, что состояніе отца его, Абдуллы, даже традиція не рѣшается слишкомъ преувеличивать; по сравненію съ нимъ Абдъ-аль-Мутталибъ значительно въ бѣльшемъ почетѣ, а миѣческому Хашиму приписываются, въ качествѣ тогдашняго жителя Мекки, невѣроятные подвиги. Въ особенности преданіе о заключенныхъ формальныхъ союзахъ съ персами и византійцами прямо таки смѣшно. Сказаніе о родѣ Омеи дышетъ непосредственной наивностью. Члены его искони всѣ были богаты и могущественны, имъ предоставлено было право командованія на войнѣ, о чемъ упоминается и въ исторіи Мухаммеда, отрицать этого факта не было никакой возможности. Поэтому, естественно, понадобилось семью Хашимъ поставить еще выше—отсюда вытекаетъ поразительная, и не разъ повторяющаяся безсмыслица, во всѣхъ подробностяхъ разсказа о попыткахъ Омеи и Харба, соперничать съ предками пророка. Одно только можно вывести изъ вышеприведенныхъ извѣстій, что, дѣйствительно, не безъ нѣкоторыхъ препятствій, въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, стало наслѣдственнымъ руководящее вліяніе въ Меккѣ семьи Омеи, и, понятно, въ самомъ ограниченномъ смыслѣ, въ которомъ оно только было возможно между свободолюбивыми арабами. Городскіе жители Аравіи нисколько не уступали бедуинамъ въ этомъ отношеніи; семья, отдѣль племена, распоряжались въ своемъ кварталѣ свободно и самостоятельно, какъ бедуины въ своихъ лагеряхъ въ палаткахъ, ни отъ кого не принимая приказаній. Но мирное занятіе торговлей, которое болѣе или менѣе отстраняло внутренніе раздоры между семейными группами города, налагало нѣкоторое смягченіе чрезмѣрной впечатлительности чувства чести, такъ сильно развитого у бедуиновъ; съ другой стороны вліяніе богатства и почета имѣло перевѣсъ надъ всѣмъ остальнымъ, у слишкомъ расчетливыхъ жителей Мекки. Не то мы видимъ въ пустынѣ, гдѣ эти имущественныя преимущества подвергались болѣе быстрымъ колебаніямъ и нерѣдко подчинялись личной геройской дѣятельности. Поэтому въ домѣ собранія, большею частью, мнѣніе немногочисленныхъ богатыхъ брало перевѣсъ, и людямъ незначительнымъ трудно было бороться съ могущественными. Къ этой-то группѣ, людей мало значущихъ, принадлежали, несомнѣнно, и члены семьи Хашимъ.

Подобнаго рода управленіе, какъ ни мало заслуживало названія государственной власти въ значеніи современномъ, тѣмъ не менѣе заключало въ себѣ, сообразно существовавшимъ въ Меккѣ общественнымъ отношеніямъ, нѣкоторые зародыши ея. По крайней мѣрѣ во всей Аравіи мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго, даже въ другихъ городахъ Хиджаза, которые, по сравненію съ Меккой, все же имѣли нѣкоторое значеніе, такъ напримѣръ въ Іасрибѣ, позднѣйшей Мединѣ. Это мѣсто, какъ и большая часть сѣвера Хиджаза, по дошедшимъ до насъ

свѣдѣніямъ, находилось въ рукахъ іудеевъ. Когда и откуда колонизировали они страну—неизвѣстно. Вѣроятно же всего, пробились они въ аравійскія степи, подобно тому, какъ и въ остальные части свѣта, во время возникшихъ между римлянами и іудеями войнъ, въ первое столѣтіе нашего лѣтосчисленія; едва ли возможно предположить, что это переселеніе случилось еще ранѣе. Іудеи арабскіе сильно отличаются отъ своихъ единовѣрцевъ, поселившихся въ другихъ странахъ, почти во всемъ. Что же касается повседневной жизни, во время войны и мира, и между ними замѣчается полное отсутствіе государственной организаціи, благодаря разобщенности отдѣльныхъ племенъ, ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ. Однимъ словомъ, все ихъ міровоззрѣніе совершенно арабизировалось, удержали они только свою религію и нѣсколько особенностей, сохранившихся, несмотря на долгую жизнь въ теченіе многихъ столѣтій среди арабовъ; межъ тѣмъ какъ во всемъ остальномъ, они приноровились къ нравамъ, господствующимъ на полуостровѣ. Вотъ тѣ главныя черты, по которымъ ихъ легко было отличить отъ коренныхъ арабовъ. Всего чаще живутъ они въ укрѣпленныхъ городскихъ кварталахъ, или замкахъ, что, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ Аравіи, считается неслыханной вещью; занимаются, попутно съ торговлей, и воздѣлываніемъ финиковыхъ пальмъ, также и ремесломъ: въ Мединѣ напр., жили іудеи Бену Кейнокá, славившіеся по всей Аравіи какъ искусные ювелиры—говорили между собой на особенномъ жаргонѣ, помѣси іудейскаго съ арабскимъ. Главные города, ими населенные, были Хейбаръ и Іасрибъ; но только въ первомъ изъ нихъ они жили особнякомъ, никѣмъ нетревожимые. Вслѣдствіе южно-аравійскихъ переселеній, перекочевали въ Іасрибъ племена Бену Аусъ и Бену Хазраджъ, отдѣлы іеменскаго племени Бену Аздъ. Они вытѣснили іудеевъ изъ собственнаго города и принудили ихъ поселиться въ новыхъ кварталахъ, внѣ; при этомъ, понятно, отняты были лучшія поля и сады пальмъ, на чемъ, собственно, основывалось тогда существованіе лежавшаго въ плодородной странѣ Іасриба; подобно тому какъ существованіе Мекки, окруженной голыми массами скалъ, зависѣло отъ торговли. Недолго продолжался покой между обоими племенами, вскорѣ возгорѣлись новыя распри. Арабы слишкомъ тѣсно размѣстились въ узкомъ, по ихъ понятіямъ, городѣ. Война смѣнялась миромъ, а съ 583 г. возгорѣлась нескончаемая распря, продолжавшаяся, почти безъ перерыва, до прибытія Мухаммеда въ Медину. На этотъ разъ втянуты были въ борьбу отчасти и іудеи. Съ ихъ помощью удалось болѣе слабѣйшему племени Аусъ одержать блестящую побѣду, въ 615 году, надъ Хазраджами, въ знаменитомъ сраженіи у Бо'áса (въ часѣ разстоянія къ сѣверо-востоку отъ Медины). Все же племя Хазраджъ было еще

на столько сильно, что не покинуло города. Мы встрѣтимся съ нимъ нѣсколько позднѣе.

Несмотря на всю кажущуюся разрозненность, на нескончаемыя распри между сотнями племенъ, нельзя не признать въ арабахъ націи и даже за долго до появленія пророка, когда онъ, хотя на нѣкоторое время, сдѣлалъ и по наружному виду сплотить ихъ. Подобно грекамъ, арабы тоже чувствуютъ свою общность, въ противоположеніи всѣмъ остальнымъ, говорящимъ на другомъ языкѣ. И они также смотрятъ на тѣхъ, кто не говоритъ по-арабски, какъ на чужеземную собаку, подозрительную и противную, презрѣнную даже. Такое тщеславіе чистотой своего собственнаго происхожденія, съ которымъ встрѣчаемся мы и понинѣ у всѣхъ бедуиновъ, съ древнѣйшихъ временъ одушевляло, какъ отдѣльныя личности, племя, такъ и весь народъ. Къ этому побуждалъ и самъ языкъ арабскій, одинъ изъ богатѣйшихъ, выразительнѣйшихъ и изящнѣйшихъ, если не благозвучнѣйшихъ во всемъ свѣтѣ. Національная гордость обрѣла въ немъ классическое выраженіе единства народа, изъ всѣхъ самаго своеобразнаго. Это было совершеннѣйшее орудіе для арабской поэзіи, которая сплавивала племя съ племенемъ, даже въ самое злѣйшее время внѣшней разрозненности. Поэтому каждый арабъ считаетъ языкъ свой и поэзію, не только притекающими изъ сердца, но и лучшею его частицею. Нѣтъ другого на свѣтѣ народа, кромѣ арабовъ, который бы придавалъ такое несоразмѣрно высокое значеніе чистотѣ и изяществу выраженій, даже въ обыденномъ примѣненіи къ жизни. Поэтому нигдѣ, за исключеніемъ развѣ, можетъ быть, времени высшаго процвѣтанія Авіня, не находилась поэзія, даже приблизительно, въ такомъ почетѣ у цѣлаго народа, возбуждая всеобщій интересъ, составляя главное дѣло. Каждое событіе, хотя бы нѣкотораго значенія, отражается, какъ въ зеркалѣ, въ этой поэзіи; равно и происшествія повседневной жизни даютъ ей ежеминутно поводъ предоставить выраженіе свободному человѣку, его наблюденію и образу мыслей, его, наконецъ, страсти. А тамъ, гдѣ каждый въ состояніи импровизировать, всякій можетъ оцѣнить и понять смыслъ творенія другого. Пѣснь служитъ не только украшеніемъ, но, въ нѣкоторомъ родѣ, прямымъ содержаніемъ народной жизни. Рядомъ съ героемъ стоитъ и поэтъ; во мнѣніи племени, даже чуждомъ, онъ вознесенъ высоко, его пѣсни доставляютъ его семьѣ не меньшее право на почетъ и уваженіе, какъ и дѣянія могущественныхъ воиновъ. А если оба достоинства соединяются въ одномъ и томъ же лицѣ, то онъ можетъ смѣло гордиться, что достигъ наивысшаго, что только дано человѣку въ удѣлѣ.

О характерѣ и сущности арабской поэзіи здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшія подробности. Мы позволимъ себѣ только остановиться на разсмотрѣніи широко распространеннаго заблужденія, которое приноситъ существенный вредъ и мѣшаетъ понять характеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и самую исторію этого замѣчательнаго народа. Кто не занимался специально изученіемъ восточныхъ литературъ, легко можетъ смѣшать древне-арабскую поэзію съ персидскою и произведениями позднѣйшихъ придворныхъ поэтовъ аббасидскаго періода, очевидно находившихся подъ персидскимъ вліяніемъ. Для одного только персіанина имѣетъ особое значеніе такъ называемая «огненная фантазія», а съ другой стороны «восточная высокопарность» поэтовъ туземныхъ. У арабовъ, въ нашемъ смыслѣ, продуктивности фантазіи, положимъ, весьма мало. Онъ, по своему характеру, слишкомъ воздерженъ, скептиченъ для этого. Расчетливый, даже въ мелочахъ, склоненъ и способенъ онъ къ болѣе точному наблюденію окружающей его природы, благодаря также изощренности чувствъ, развитыхъ въ постоянномъ общеніи со степью. Поэтому его душѣ ближе описаніе, въ красивой, сжатой, наполненной восхитительными эпизодами рѣчи, быстроногаго верблюда, благороднаго коня, охотничьихъ экскурсій, либо бури, а также изображенія прелестей возлюбленной, или схваченныхъ на лету глубокихъ размышлений, почерпнутыхъ изъ опытности житейской. Но для араба совершенно непонятно расплываться въ лирической сантиментальности, рисовать тончайшія чувства, передавать движенія глубокихъ внутреннихъ волненій. Драма и эпосъ на его почвѣ не произрастаютъ, какъ и вообще ни у одного народа семитскаго происхожденія *). Его пѣсни, въ лучшемъ значеніи слова, приурочены всѣ къ извѣстному случаю. Но арабскому стиху какъ-то не поддается могучее построеніе обширной стихотворной композиціи. Его поэтамъ недостаетъ глубины, возвышенности искусственной и преисполненныхъ фантазій возрѣвній. Этотъ путь, повидимому, заказанъ всѣмъ семитамъ.

Естественно, что повседневная жизнь араба пустыни намъ чужда, поэтому самому и древняя его поэзія, въ которой она отражается, намъ непонятна. Тотъ, кто глядитъ на верблюда съ интересомъ почитателя звѣринцевъ, чего добраго, заснетъ надъ чтеніемъ цѣлыхъ страницъ, посвященныхъ описанію особо идеальнаго экземпляра этого рода животныхъ. Но тотъ, для кого «корабль пустыни» представляетъ не только единственную возможность всего его существованія, но также, слишкомъ часто, храбраго спутника въ опасныхъ передвиженіяхъ по пустынѣ, вѣрнаго сподвижника, спасавшаго его изъ многихъ

*) Ассирійскій эпосъ—древне вавилонскаго происхожденія. Что касается попытокъ представить, въ видѣ драмы, книгу Іова, пѣснь пѣсней Соломона, то на это слѣдуетъ смотрѣть, только какъ на остроумную прихоть.

передрагъ, при описаніи изящества его формъ и быстроты его лядвей, весьма легко воспламеняется. На него нисходитъ то воодушевленіе, какое, хотя и въ иныхъ чарующихъ образахъ, охватываетъ лириковъ Запада при видѣ локона своей возлюбленной. Но встрѣчаются и такія отдѣльныя области, въ которыхъ и мы, вмѣстѣ съ арабскимъ поэтомъ, въ состояніи восторгаться, не имѣя нужды въ усиліяхъ предварительнаго искусственнаго размышленія, чтобы перейти на его точку зрѣнія, а именно: когда въ его пѣснѣ слышится паеосъ страсти, любви, высокоумія, ненависти, или же когда великій мастеръ издѣвки, семить, разразится тонко заостренной эпиграммой, иногда довольно скабрешной, но чаще всего пропитанной дѣйствительно остроумной злобой.

Въ дополненіе къ этимъ краткимъ замѣткамъ, рекомендую обратиться къ переводу Хамазы Рюккертомъ, но считаю своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ о самыхъ знаменитыхъ поэтахъ доисламскаго періода, которые и понынѣ составляютъ гордость маленькой образованной кучки знатоковъ арабскаго языка, а въ свое время живописали величіе народа, не обладавшаго еще тогда истинной исторіей. Съ тремя изъ нихъ мы уже встрѣчались: съ царственнымъ Имрууль-Кайсомъ, многоопытнымъ Зухейромъ и всеумудрымъ Набигой. Рядомъ съ ними, шестое столѣтіе выдвигаетъ еще большее число богато одаренныхъ поэтовъ. Большинство изъ нихъ владѣло одинаково искусно копьемъ и мечемъ, какъ и стихомъ, риемой и искусственной рѣчью. Между древнѣйшими поэтами встрѣчаемъ мы нѣсколько полумифическихъ фигуръ. Это были такъ называемые «скороходы» (adda'ún)—Шанфара и Те'аббата Шарранъ—необычные исполины, ведшіе на свой собственный страхъ одинокую жизнь въ пустынѣ, «дикіе люди, рука ихъ не сжимала ничьей и плчя ихъ». Они хвалились общеніемъ съ волками и ночными привидѣніями. Всѣмъ, вѣдь, извѣстна великолѣпная пѣснь мести Те'аббата, которую Гете помѣстилъ въ замѣткахъ къ своему «Westöstlicher Divan».—Но и позднѣе, во время великихъ войнъ между Бекръ и Таглибъ, и между Абсъ и Зубьянъ, встрѣчаются поэты въ изобиліи; требовалось воспѣвать славу племени и его превосходства, или же, по понесенномъ пораженіи, побуждать къ мести. Такъ, напримѣръ, встрѣчаемъ мы въ собраніи Му'аллакаты два большія стихотворенія Хариса сына Хиллизы, изъ племени Бекръ и Амръ Ибнъ-Кулсума, таглибита, которые изображаютъ горечь безконечно долгой распри, а также высокое самоуваженіе обоихъ племенъ; на это послѣднее чувство Амръ имѣлъ особыя права. Разъ, какъ то, находясь въ палаткѣ короля Хіры, Амра сына Хинды, въ гостяхъ, услышалъ поэтъ гнѣвный возгласъ своей матери Лейлы, которую королева, въ сосѣднемъ покоѣ, встрѣтила недружелюбно. Не долго думая, бросился онъ на короля и убилъ его, тутъ же, на мѣстѣ. Отсюда,

между арабами вошло въ поговорку: «онъ быстрѣе на руку, чѣмъ Амръ Ибнъ-Кулсумъ». Ему удалось, при помощи своихъ, пробиться изъ середины лагеря Хйры и уйти безнаказанно. Съ другими сынами племени Бекръ, Муталаммисъ и Тарафа случилось много хуже, при дворѣ неукротимо свирѣпаго короля Лахмидовъ. Первый былъ дядя, второй—племянникъ, оба знаменитые поэты. Въ особенности юношу привлекла въ резиденцію Амра надежда на богатая милости; геніальный и легкомысленный, онъ увлекался слишкомъ виномъ, женщинами и пѣсней, но стѣснительный этикетъ придворной жизни скоро надоѣлъ Тарафѣ. Никогда онъ не умѣлъ держать языкъ на привязи; разъ какъ то сочинилъ онъ ѣдкую эпиграмму. Дошло это до свѣдѣнія короля. Разгнѣванный властитель задумалъ коварное отмщеніе; съ притворнымъ дружелюбіемъ поручилъ онъ обоимъ поэтамъ отправиться съ посольствомъ къ союзному князю въ Бахрейнъ, мѣстность, лежавшую на западъ отъ Персидскаго залива. Каждый изъ нихъ получилъ письмо, подобно какъ поступилъ съ Беллерофономъ Проеетосъ. Въ нихъ предписывалось немедленно казнить посланнаго. Отправились они въ путь. Муталаммису это порученіе не понравилось. Оба, дядя и племянникъ:

Какъ слагали они и пѣвали
Сладкозвучныя, дивныя пѣсни
Да и сказывать сказки занятныя,
Любо слушать какія умѣли...
И донинѣ сказанья ихъ живы,—
А читать, да писать не умѣли.

Поэтому дядя обратился къ одному молодому человѣку въ Хйрѣ, который, какъ и большинство месопотамскихъ христіанъ, силенъ былъ въ сокровенномъ искусствѣ письменъ. Онъ разобралъ имъ Уріево посланіе. Муталаммисъ бросилъ въ рѣку страшное письмо, посоветовалъ Тарафѣ послѣдовать его примѣру и вмѣстѣ съ нимъ вернуться на родину *).

Малодушному тутъ въ нетерпѣнны
Тарафа смѣлый молвилъ въ отвѣтъ:
Хорошо знать писанье и чтенье,—
Вѣдь искусства полезябе нѣтъ...
Вздоръ! Письму не погибнуть въ потокѣ,
Гдѣ за волнами волны бѣгутъ,
Пусть его сокровенныя строки
Въ поученье потомкамъ живутъ;
И Тарафовы пѣсни простыя

*) Смотри Rückert. Sieben Bücher morgenländischer Sagen und Geschichten. Erstes bis viertes Buch. Stuttgart 1837, стр. 136.

Въ письменнахъ прочитають опять...
 За успѣхи искусства такіе
 И во славу умѣнья писать,—
 Я отправлюсь въ Бахрейнъ, и хоть сгину—
 А доставлю письмо властелину!

Такъ и сдѣлалъ юноша, и погибъ не сполна двадцати лѣтъ отъ роду. Но искусство поэзіи широко отблагодарило его за выказанный имъ возвышенный образъ мышленія. И по сіе время пѣсни его читаются и переписываются; а одинъ нѣмецкій ученый недавно отпечаталъ ихъ въ Англии, о странѣ и обычаяхъ которой дорогою арабскій вертопрахъ VI-го столѣтія, навѣрно, не могъ и мечтать....

Сказанія передають не мало романтическихъ приключеній съ поэтами, но для историка интересны только тѣ, въ которыхъ отражается характеристика народа. Поэтому мы упомянемъ, и то лишь мимоходомъ, объ огненномъ Алкама, изъ племени Темимъ, который осмѣлился, и по справедливости, соперничать съ королемъ поэтовъ Имрууль Кайсомъ; о мудромъ Лебидъ, составителѣ одной Му'аллаки, пережившемъ гріумфъ Мухаммеда и принявшемъ исламъ. О тайитѣ Хатимѣ. Щедрость его вошла, даже, въ поговорку; по великодушію никогда не допускалъ онъ возможности отклонить просьбу. Однажды, преслѣдуемый имъ непріятель воскликнулъ, озаренный счастливою мыслью: О Хатимъ, подари мнѣ свою пику! И тотъ не рѣшился отказать непріятелю въ этомъ подаркѣ, а противникъ, получивъ просимое, удалился невредимъ. Нельзя также забыть и многоопытнаго Одиссея поэтовъ Аль-Аша изъ племени Бекръ, «кимвалиста арабовъ». Свои пѣсни онъ переносилъ лично изъ племени въ племя. Разъ, на ярмаркѣ въ Указѣ *), сочинилъ онъ стихотвореніе, въ честь одного своего пріятели, человѣка малоимущаго, но имѣвшаго множество дочерей. Не успѣлъ онъ прочесть своего произведенія какъ люди, все изъ лучшихъ фамилій, разобрали мигомъ молодыхъ дѣвушекъ. Но ни одинъ изъ всѣхъ героевъ поэтовъ, даже царственный Имрууль-Кайсъ, котораго не любившій поэтовъ пророкъ почиталъ «знаменосцемъ у стихотворцевъ, но, увы, по дорогѣ въ адъ», не живетъ такъ ярко въ воспоминаніяхъ народа, какъ Антара, сынъ Шеддада, а б с и т а. Происхожденія былъ онъ низкаго, отъ матери черной рабыни. По суровымъ законамъ древнихъ арабовъ, его слѣдовало обратить въ рабство, если только отецъ не выразитъ прямого желанія освободить его; онъ не захотѣлъ, и принудилъ пылкаго юношу къ позорной бездѣтельности—пасти верблюдовъ. Однажды напали Зубьявиты на лагерь Абсовъ, слабо защищаемый:—«Помогай, Антара», крикнулъ

*) Недалеко отъ Мекки.

отець. Сынъ отвѣтилъ: «рабъ не умѣетъ сражаться, онъ знаетъ одно, доить верблюдовъ и подвязывать имъ вымя» *).—«Помоги! Я тебѣ говорю, ты свободенъ!» При этихъ словахъ Антара бросился на непріятеля. Храбрость его воодушевила немногочисленную кучку земляковъ, и, далеко превосходившій силами, непріятель былъ отброшенъ. Съ этихъ поръ Антара становится однимъ изъ доблестнѣйшихъ героевъ въ долгой распрѣ Дахиса, а когда одинъ изъ спѣсивыхъ бедуиновъ гордившійся чистотой своего происхожденія, позволилъ себѣ посмѣяться надъ его рожденіемъ, то онъ могъ, по всей справедливости, сказать:

Клянусь я—благородной крови Абсовъ,
Ее вѣдъ каждый почитаетъ.
А примѣсь горькую раба
Покроетъ ратный, вѣрный мечъ.

Воспоминаніе объ этомъ рыцарскомъ образѣ сохранилось и по сіе время между арабами всѣхъ странъ; вокругъ его личности паритъ цѣлый циклъ сагъ, подобно тому какъ вокругъ героевъ «Круглаго стола» короля Артура. Разказы о его дѣяніяхъ образуютъ излюбленное содержаніе народныхъ романовъ, обходящихъ всѣ страны, гдѣ только арабскій языкъ въ употребленіи. Искусные декламаторы проносятъ ихъ предъ толпой внимательныхъ слушателей кофейнь, и это составляетъ наилучшее препровожденіе времени на Востокѣ.

Нѣкоторыя изъ его пѣсень сохранились и понынѣ. Ибо два столѣтія спустя послѣ смерти Мухаммеда, арабскіе филологи занялись, съ большимъ стараніемъ, собираніемъ всѣхъ памятниковъ чистаго стариннаго языка. Прежде всего, конечно, записаны были пѣсни поэтовъ доисламскаго періода, которыя жили еще въ устахъ народа. Всѣ онѣ были тщательно переписаны, съ присоединеніемъ объясненій обстоятельствъ ихъ происхожденія и разнообразныхъ поясненій. Соединялись тоже всѣ стихотворенія одного и того же писателя, каковое собраніе называется Диванъ **). Бывало и такъ собирались пѣсни различныхъ авторовъ въ видѣ сборника или, такъ сказать, хрестоматіи. Самый извѣстный изъ послѣднихъ сборниковъ называется Му'аллакātъ ***).

*) Когда молодого верблюда хотятъ отнять отъ матери, перевязываютъ ей вымя, чтобы молодое животное не было въ состояніи сосать.

***) Слово персидское, перешедшее въ арабскій языкъ. Значитъ собственно списокъ. Обыкновенно же обозначаетъ счетныя книги, и тому подобное. Поэтому выраженіе это, съ одной стороны, относится къ управленію общественнымъ распорядкомъ, а съ другой—служитъ для обозначенія письменныхъ сборниковъ различнаго рода сказаній, и чаще всего въ стихотворной формѣ.

****) Слово это объясняется различнымъ образомъ. Самое распространеннѣйшее между арабскими учеными мнѣніе то, что это суть кризовыя пѣсни, а именно

Онъ заключаетъ въ себѣ 7 наиболѣе длинныхъ стихотвореній Имрӯуль-Кайса, Тарафа, Лебида, Зухейра, Амръ Ибнъ-Кулсума, Хариса Ибнъ Хиллизы и Антары—другіе причисляютъ сюда же пѣсни Аша и Набиги. О характеристикѣ Му'аллакаты можно многое почерпнуть также въ примѣчаніяхъ къ «Westöstlicher Divan» Гёте, заимствованныхъ имъ у ученаго Джонса. Переводъ же Имрӯуль-Кайса, Зухейра и Антары даетъ Рюккертъ въ «Amrilkais» и «Hamassa», а всѣхъ семи можно найти у Ф. Вольфа (Rottweil 1857). Рядомъ съ Му'аллакатою можно поставить Хамасу, антологию особенно красивыхъ мѣстъ и старинныхъ пѣсней, распределенныхъ по ихъ содержанию на различныя главы, писателемъ Абу Теммамомъ, поэта время аббасидовъ.

Этимъ самымъ собраніямъ обязаны мы знаніемъ жизни арабовъ въ періодъ до Мухаммеда. Въ нихъ и понынѣ продолжаетъ биться пульсъ древней Аравіи, а такъ какъ эту жизнь воспроизвели величайшіе поэты, то и стоитъ передъ нами эта страна какъ живая, на порогѣ своего возрожденія.

такія, которыя были признаны наилучшими изъ всѣхъ стихотвореній, прочитываемыхъ лучшими поэтами на ярмаркахъ вокругъ Мекки, а особенно въ Укәзѣ, передъ собраніемъ уполномоченныхъ всѣхъ племенъ. Эти стихотворенія переписаны были золотыми буквами и подвѣшены въ Ка'бѣ. Поэтому они извѣстны какъ «подвѣшенныя». Последній терминъ, дѣйствительно, соответствуетъ значенію слова mo'allakat; но это объясненіе противорѣчитъ, во многомъ, что намъ извѣстно объ обычаяхъ арабовъ до ислама. Вѣроятно, какъ и многое другое, придуманъ нарочито позднѣе. Кажется будетъ правдоподобнѣе если сравнить подобныя сборники съ нитками наизянныхъ рядами жемчужинъ. Итакъ, «подвѣшенныя» значатъ собственно стихотворныя жемчужины, соединенныя въ одну діядему.

ГЛАВА II.

Мухаммедъ пророкъ.

У Абдуллы въ Меккѣ, приблизительно около 570 г. по нашему лѣтосчисленію *) родился сынъ Мухаммедъ. Легенда гласитъ, что въ ночь его рожденія дворець Хосроя Анушарвана, короля сассанидскаго, въ Ктезифонѣ заколебался въ основаніяхъ и священный огонь персовъ, горѣвшій безъ перерыва въ теченіе 1000 лѣтъ, потухъ. Въ Меккѣ, во всякомъ случаѣ, объ этихъ предзнаменованіяхъ наступавшихъ событій, готовыхъ потрясти весь міръ, никто и не подозрѣвалъ. Одни ближайшіе родственники знали, что Амина, дочь Вахба, изъ семьи Зухра, произвела на свѣтъ ребенка мальчика. Бѣдная женщина находилась въ очень плачевномъ положеніи. Не задолго передъ этимъ вышла она замужъ за Абдуллу, сына Абдъ-аль-Мутталиба, изъ семьи Хашимъ, незначительнаго купца, который, вскорѣ послѣ свадьбы, долженъ былъ отправиться съ караваномъ въ городъ сирійскій Газу. Заболѣвъ на возвратномъ пути, онъ принужденъ былъ остаться въ Іасрибѣ, гдѣ и умеръ до рожденія своего ребенка. Незначительнаго имущества, оставшагося послѣ него—5 верблюдовъ, козье стадо и рабыня, по имени Умм-Аймъанъ—едва хватало на самое необходимое. Поэтому едва ли вѣроятно, что мать отдала своего ребенка на воспитаніе бедуинкѣ, жившей за городомъ, дабы онъ окрѣпъ, вдыхая свѣжій воздухъ, какъ это практиковалось позднѣе знатными горожанками. А

*) Принято считать 20-е апрѣля 571 г. Годъ событія видимо намѣренно подсчитанъ арабскими хронологами, какъ и нѣкоторые синхронизмы (напр: 42-й годъ царствованія Хосроя Анушарвана или 9-го короля Хіры Амръ-Ибнъ-Хианда и т. п.), приводимые старательно позднѣйшими историками, согласно древнѣйшимъ традиціямъ. Рожденіе пророка, какъ увѣряютъ, совпадаетъ также съ годомъ „слоновьяго человѣка“, но и это не вполне достоверно. Если вычесть 53 года, время его пребыванія въ Меккѣ, изъ года его бѣгства въ Медину (622), получается дѣйствительно приблизительно 570. Конечно не слѣдуетъ при этомъ забывать, что на Востокѣ 40 употребляется для заокругленія десятковъ, какъ 7—единиць. Впрочемъ всѣ извѣстные факты семейной жизни пророка, равно какъ и официальная его дѣятельность, согласуются съ этимъ числомъ

между тѣмъ преданіе, сообщая объ этомъ фактѣ, добавляетъ, что когда Мухаммедъ побѣдилъ въ послѣдствіи племя, къ которому принадлежала его кормилица, то оказалъ, ради ея, по отношенію къ побѣжденнымъ, необычайную кротость. Здѣсь, впервые мы встрѣчаемся со стремленіемъ — представить маленькаго Мухаммеда, какъ потомка знатной семьи. Очень понятно, также, что существуютъ всевозможныя легенды и чудесныя исторіи, которыя рожденіе и юность будущаго пророка стараются обставить сверхъестественными явленіями. Достаточно привести хотя бы одно сказаніе, въ видѣ примѣра, чтобы показать невозможную бессмыслицу традиціи, сисящейся создать мифъ. Пророкъ, такъ говорится въ ней, игралъ однажды съ другими дѣтьми. Вдругъ является ангель Гавріиль, схватываетъ его, распарываетъ тѣло, вырываетъ изнутри дымящійся кровью кусокъ и отбрасываетъ на сторону, говоря при этомъ: эта часть діавола. Затѣмъ орошаетъ внутренности водою Земземъ, находившеюся при немъ въ золотой чашѣ и закрываетъ вновь рану. Дѣти убѣжали къ его воспитательницѣ съ крикомъ: Мухаммеда убили! Она бросается къ мѣсту происшествія и видитъ его, распростертаго на землѣ, блѣднаго какъ смерть. Повѣствователь прибавляетъ отъ себя: мы сами видѣли на его груди глубокой шрамъ. Вся эта чудесная исторія повѣствователя и очевидца, само собой, вложена ему въ уста къмъ то постороннимъ. Въ данномъ случаѣ, мы можемъ даже указать на поводъ. Въ коранѣ (сура 94, 1) Мухаммедъ заставляетъ Бога обратиться къ нему со слѣдующими словами утѣшенія: развѣ я не раскрылъ тебѣ грудь?—Это значитъ (вѣдь и у араба боязнь и забота давятъ иногда грудь): развѣ я не освободилъ тебя отъ нужды и печали. Позднѣе стали понимать этотъ стихъ буквально, стали доискиваться поводовъ къ нему во внѣшнихъ, возможныхъ обстоятельствахъ и дошли до идеи, что грудь могла быть раскрыта, для удаленія первороднаго грѣха. И это совершилось по особому соизволенію Бога, а чтобы дать понять, что очищеніе совершилось основательно, и, понятно, никѣмъ инымъ, какъ только спеціальнымъ ангеломъ Мухаммеда Гавріиломъ, необходимо, стало быть, омовеніе, которое несомнѣнно могло быть совершено лишь съ помощью воды изъ священнаго колодца Земземъ. Остается только удивляться дѣйствительной скромности повѣствованія—для этого понадобилась золотая, а не брилліантовая чаша.

Болѣе вѣроятно, чѣмъ эта сказка, извѣстіе о путешествіи, предпринятомъ Аминой со своимъ шестилѣтнимъ сыномъ въ Іасрибъ. По общепринятой у арабовъ генеалогіи, отсюда происходила родомъ мать умершаго отца пророка; кромѣ того могло явиться личное желаніе у Амины—посѣтить гробъ умершаго мужа, прежде чѣмъ наступитъ ее смерть. Очень возможно, что болѣзненная женщина предчувствовала прибли-

женіе конца жизни; съ мѣсяцъ прожила она тамъ съ мальчикомъ. Сорокъ семь лѣтъ спустя, когда пророкъ переселился на постоянное жительство въ Іасрибъ, онъ призналъ мѣста дѣтскихъ игръ. И Амина тоже не вернулась изъ своего путешествія на родину. Совсѣмъ большая прибыла она въ Абва*), мѣстность между Іасрибомъ и Меккой. Здѣсь она скончалась. Когда позднѣе Мухаммедъ предпринялъ въ 628 г. паломничество въ Кабу, дорога пролегла мимо могильнаго холма его матери; онъ оросилъ его обильными слезами. Круглаго сироту отвезла на родину рабыня Уммъ-Айманъ прямо къ его дѣду Абдъ-аль-Мутталибу. Хотя этотъ старецъ достигъ уже 80-лѣтняго возраста, онъ принялъ искреннее участіе въ судьбѣ внука. Охотно взявъ къ себѣ въ домъ ребенка, онъ держалъ его постоянно возлѣ себя и всячески баловалъ. Часто, рассказываетъ биографъ пророка, когда разстилался коверъ въ тѣни Кабы для Абдъ-аль-Мутталиба, сыновья его сидѣли вокругъ. Никто изъ нихъ не осмѣливался присѣсть на коверъ, пока не придетъ отецъ. Но Мухаммедъ, — онъ былъ тогда еще маленькимъ ребенкомъ, — нисколько не церемонился и садился прямо на коверъ. Дяди обыкновенно хватили его и силились стащить съ ковра. Если Абдъ-аль-Мутталибъ замѣчалъ, то онъ имѣлъ привычку говорить: оставьте въ покоѣ моего мальчика, онъ имѣетъ на то право **).—При этомъ усаживалъ рядомъ съ собою на коверъ ребенка, трепалъ ласково рукою по спинѣ и съ удовольствіемъ глядѣлъ на все, что онъ ни продѣлывалъ. Но не долго пришлось маленькому Мухаммеду пользоваться нѣжностью дѣда. Два года спустя умеръ старый Абдъ-аль-Мутталибъ. Заботу о внукѣ передалъ онъ одному изъ сыновей своихъ Абдъ-Менафу или же Абу-Талибу, по предпочитаемому имъ самимъ прозвищу ***). Къ покойному отцу пророка этотъ дядя стоялъ особенно близко. Абу Талибъ былъ благороднаго, возвышеннаго характера; свои обязанности, по отношенію къ осиротѣлому племяннику, исполнялъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Но онъ былъ бѣденъ и обремененъ многочисленной семьей—какъ передаетъ сказаніе, имѣлъ двухъ женъ и десятокъ дѣтей—поэтому ребенку пришлось самому заботиться о приисканіи средствъ къ существованію; онъ пасъ стада овецъ ****) у зажиточныхъ жителей Мекки и собиралъ за горо-

*) Въ позднѣйшихъ сказаніяхъ говорится равно: одни считаютъ это мѣсто за деревню, другіе за гору, не существуетъ также топографическихъ указаній.

**) Буквально: это его дѣло! т. е. здѣсь предъ вами великая будущность, которая даетъ ему верховенство надъ вами. Понятно, что это, какъ и выше упоминаніе о Кабѣ,—теологическая бахрома даннаго разсказа.

***) Абдъ Менафъ значитъ рабъ Менафа. Но Менафъ—прозваніе одного изъ языческихъ божествъ; поэтому имя это позднѣе неохотно упоминается.

****) Этимъ занимались рабы или совершенно бѣдные люди. Если извѣстіе

домъ плоды и ягоды. Впослѣдствіи сопровождалъ онъ дядю въ походѣ противъ жителей сосѣдняго города Таифъ, а затѣмъ во многихъ путешествіяхъ въ Сирію, которыя тотъ предпринималъ въ качествѣ купца. Какъ передаетъ преданіе, въ это самое время, встрѣтился съ нимъ монахъ христіанинъ, отличившій его сразу, въ толпѣ сопровождавшихъ, и признавшій его за будущаго пророка. Онъ умолялъ спутниковъ охранять его отъ іудеевъ, которые стануть преслѣдовать его всю жизнь. Все это очевидно скрашено убогимъ аппаратомъ чудеснаго. Едва ли можно сомнѣваться, что не только послѣднее событіе, но и самое путешествіе съ Абу Талибомъ, обязаны своимъ существованіемъ позднѣйшимъ соображеніямъ и вымысламъ. Самое названіе монаха Бахѣра возбуждаетъ сильное подозрѣніе. Это неоспоримо сирійское слово—означаетъ «испытанный» «надежный», «вѣрный».

Съ первымъ, болѣе или менѣе достовѣрнымъ фактомъ въ жизни Мухаммеда, встрѣчаемся мы, когда ему было 24 года отъ роду. Въ это время, по недостатку личныхъ средствъ, онъ не могъ вести самостоятельныхъ занятій, и находится на службѣ у одной богатой купеческой вдовы, по имени Хадѣджа. Въ доисламскій періодъ положеніе женщинъ въ Аравіи было далеко не такъ ограничено какъ впослѣдствіи и какъ обрисовалось, въ настоящее время, на востокѣ у мухаммеданъ. Тогда еще не былъ въ ходу обычай постояннаго закутыванія женщинъ, равнымъ образомъ и нравственная самостоятельность ея существенно признавалась всѣми. Отцовская власть едва ли тяготѣла сильнѣе на дочеряхъ, чѣмъ на сыновьяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ жена имѣла одинаковое право съ мужемъ—«опрокинуть палатку» т. е. запретить ему входъ въ супружеское жилище, развестись съ нимъ. Въ особенности для вдовъ, съ нѣкоторымъ состояніемъ, дозволявшимъ жить имъ, не будучи въ тягость родственникамъ, допускалась возможность тотчасъ же заключить новыя сердечныя узы. Онѣ могли довольно свободно распоряжаться собой. Честь прочно охраняла свободу аравитянокъ того времени, даже дѣйствительнѣй, чѣмъ современные евнухи, такъ любезно принявшіе на себя эту обязанность нынѣ. Вотъ и Хадѣджа, хотя отецъ ея Хувейлидъ еще былъ въ живыхъ, продолжала въ своемъ собственномъ домѣ вести дѣла обоихъ покой-

дошло до насъ безъ всякихъ прикрасъ, то это потому, что самъ Мухаммедъ позднѣе находилъ нужнымъ непосредственное соединеніе званія пастуха овецъ съ его призваніемъ пророка. Несомнѣнно, онъ пользуется этимъ, какъ бы для указанія на юность Давида. Но во всякомъ случаѣ изъ этого факта ясно видно, насколько стѣснительно было положеніе, не только сироты, но и его родственниковъ. На это указываетъ также и коранъ (Сура 93, 6. 8). Богъ обращается къ Мухаммеду: развѣ не призрѣлъ Онъ тебя сироту? и даровалъ кровь... развѣ не обрѣлъ Онъ тебя бѣднымъ? и содѣлалъ богатымъ.

ныхъ мужей своихъ, которыхъ она не такъ давно потеряла. Только необходимыя дальнія поѣздки предоставляла она своему управляющему; отъ времени до времени долженъ былъ онъ совершать ихъ съ ея вьючными верблюдами, примыкая къ караванамъ Мекки, отправлявшимся въ южную Аравію или въ Сирію. Какъ кажется, Мухаммедъ не сразу занялъ этотъ почетный постъ; вначалѣ онъ довольствовался должностію погонщика верблюдовъ. Такъ или иначе, на службѣ у вдовы, ѣздилъ онъ на югъ, можетъ быть также и въ Бостру, главную крѣпость византійскую, въ странѣ восточнаго Іордана. Это мѣсто было значительнымъ пунктомъ торговли хлѣбомъ и часто посѣщалось арабскими купцами. Но скорѣ, отношенія его къ хозяйкѣ совершенно измѣнились. Хадиджѣ было тогда 39 лѣтъ. Имѣла она трехъ дѣтей отъ своихъ покойныхъ двухъ мужей. — О нихъ далѣе ничего не извѣстно. — Повидимому не прочь была молодая вдова выйти снова замужъ; какъ гласитъ преданіе, у ней не было недостатка въ женихахъ. И ничего мудренаго: была она женщина состоятельная и, не взирая на свои годы, достаточно привлекательная по наружности. Но непреоборимое влеченіе тянуло ее къ Мухаммеду. 24-хъ лѣтъ, онъ поражалъ ее, и не разъ, своими своеобразными дарованіями. Однимъ словомъ, какъ говоритъ одинъ остроумный писатель, это былъ весьма «интересный молодой человѣкъ». Какъ извѣстно, влеченіе женщинъ зрѣлыхъ лѣтъ къ несравненно болѣе молодымъ мужчинамъ не въ рѣдкость. Поэтому можно, не безъ основанія, предположить, что Мухаммеду сдѣлано было предложеніе влюбленной Хадиджей, черезъ посредничество третьяго лица и онъ его принялъ скорѣе изъ корыстолюбія; хотя слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что каждый настоящій арабъ, того времени по крайней мѣрѣ, едва ли находилъ въ этомъ что-либо несообразное. Какъ бы тамъ ни было, послѣдующее сожитіе доказало, что этотъ своеобразный бракъ съ обѣихъ сторонъ, даже съ точки зрѣнія новѣйшихъ христіанъ, не лишенъ былъ нравственной серьезности. Вначалѣ, конечно, возникли сразу препятствія со стороны ближайшихъ родственниковъ Хадиджи, въ особенности ея отца, согласіе котораго требовалось, ради приличія и существовавшего обычая. Понадобилось напоить старика, чтобы выманить у него это согласіе. Но когда онъ пришелъ въ сознаніе, понятно, озлобился, негодуя на то, что его такъ ловко провели. Остальные члены семьи, изъ колѣна Бену Асадъ, еще пуще негодовали. Ихъ родственница, своимъ бракомъ съ молодымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ ни имущества, ни положенія, окончательно ихъ одурачила. Между ними и родственниками Мухаммеда, которые, естественно, считали себя обязанными постоять за него, чуть не дошло до открытой схватки. Но Хувейлидъ боялся скандала и скорѣ наступило общее соглашеніе.

Для Мухаммеда настали счастливые дни. Не взирая на годы Хадиджи, брак благословенъ былъ рожденіемъ шести дѣтей: двухъ сыновей, Аль-Касима и Абдъ-Менáфа, названнаго такъ вѣроятно въ память дяди, и четырехъ дочерей: Зейнабъ, Рукайя, Уммъ-Кулсумъ и Фáтимы. По рожденіи перваго сына, онъ сталъ называться Абу'ль Касимъ. Съ болью въ сердцѣ потерялъ онъ ихъ обоихъ младенцамъ. Но дочери росли и старшая уже была замужемъ, когда онъ выступилъ открыто, какъ пророкъ. Конечно, потеря сыновей была для него очень тяжелой. По смерти мальчиковъ, онъ оставался лишеннымъ мужского наслѣдника. Лишь одно это доставляло отцу семейства почетъ и сохраняло за нимъ всеобщее уваженіе, между тѣмъ какъ дѣвушки, ничего не доставлявшія роду и не могшія позаботиться о старѣющемъ отцѣ, были, обыкновенно, болѣе чѣмъ нелюбимы въ семьѣ. Въ странѣ съ скуднымъ пропитаніемъ, такія отношенія слишкомъ понятны. Но у арабовъ доходило даже до крайностей. Существовалъ варварскій обычай—новорожденныхъ дочерей, питаніе которыхъ могло сдѣлаться затруднительнымъ для родителей, просто на просто зарывать живыми, лишь бы какъ-нибудь отъ нихъ избавиться. Поэтому позже случалось не разъ слышать Мухаммеду отъ непріятелей его проповѣдей, что домъ его лишенъ наслѣдниковъ. Тѣмъ не менѣе, никогда нельзя было упрекнуть пророка ни въ чемъ, по отношенію исполненія имъ обязанностей къ женѣ и дочерямъ. Все время, пока жила Хадиджа, онъ ни разу не подумалъ взять себѣ вторую жену, рядомъ со старѣющей первой. И это было вовсе не потому, что онъ находился въ зависимости отъ ея состоянія. Мы знаемъ, наконецъ, что до послѣднихъ минутъ ея жизни онъ относился къ ней съ величайшею любовью и уваженіемъ. Любимая жена его подъ старость, Аиша не даромъ же говорила, что ни къ одной изъ многихъ проживавшихъ съ нею женъ она не ревновала такъ, какъ къ давно умершей покойницѣ. За вѣрность и уваженіе, она отплачивала нѣжною заботливостью, которая позднѣе, когда онъ выступилъ на широкую арену пророка, неоднократно спасала его отъ гибели.

Къ этой, въ общемъ, счастливой семейной жизни присоединились и благопріятныя внѣшнія обстоятельства, которыя вдвойнѣ сдѣлали жизнь Мухаммеда счастливой, послѣ столькихъ испытанныхъ имъ въ юности лишеній. Слѣдуетъ, прежде всего, упомянуть, что по прежнему продолжалъ онъ завѣдывать дѣлами своей жены. Проходили годы и наружно не приносили ему никакихъ особенно выдающихся испытаній. Но внутри этого человѣка назрѣвало что-то великое, чего всѣ окружающіе даже и не подозрѣвали.

Нѣтъ никакой, конечно, надобности приводить доказательства, что Мухаммедъ, прежде чѣмъ онъ сталъ пророкомъ новаго ученія, раздѣлялъ религіозныя воззрѣнія своихъ земляковъ. Слишкомъ достаточно вспомнить имя его сына Абдъ-Менáфа, сохраненное традиціей по счастливому недосмотру *). Слѣдуетъ, само собой при этомъ замѣтить, что эти, такъ называемыя, «религіозныя воззрѣнія» едва-ли заслуживаютъ столь претенціознаго титула. Немного вообще знаемъ мы о религіи арабовъ до-ислама. Но то немногое указываетъ слишкомъ ясно, что понятія ихъ о божественномъ и въ старину были довольно скудны, а ко времени появленія пророка почти совершенно изгладись. Это была смѣсь тотемизма **), фетишизма и идолопоклонства, къ которому примѣшивались, по крайней мѣрѣ въ южной Аравіи и Хиджазѣ, неясныя воспоминанія о представленіяхъ и наименованіяхъ божествъ древне-вавилонскихъ, а можетъ быть и древне-израильянскихъ. Кромѣ того, у cadaго племени существовалъ свой собственный идолъ, а рядомъ съ нимъ также и фетишь, или же святая мѣстность (дерево, родникъ или что-либо подобное), что мало-по-малу становилось само по себѣ предметомъ почитанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, прежде всего въ Меккѣ, доходило до самаго гнуснаго синкретизма ***). По разнымъ поводамъ, охотно присоединяли они, къ своимъ собственнымъ, идоловъ сосѣднихъ племенъ, даже и совершенно чуждыхъ. При этомъ внутреннее содержаніе, которое первоначально приписывали почитатели отдѣльнымъ божествамъ, большею частью исчезало. Единственно изъ одной привязанности къ наслѣдственной привычкѣ отцовъ, продолжаютъ они культъ древнихъ предметовъ почитанія. О религіозномъ же содержаніи богослуженія почти нигдѣ болѣе не остается ни малѣйшей догадки. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что значеніе тамъ и сямъ сохранившихся обрядовъ, въ особенности великихъ празднествъ весеннихъ въ Меккѣ, ко времени Мухаммеда почти совершенно кануло въ лету забвенія. До насъ дошли они въ образѣ тѣхъ разнообразно измѣненныхъ формъ, которыя имъ придавъ, къ концу своей жизни, пророкъ. Несомнѣнно одно, что эти измѣненія церемоніала не коснулись ихъ основныхъ чертъ, такъ какъ объясненія мухаммеданскихъ теологовъ совершенно устарѣли; обряды, во многихъ по крайней мѣрѣ частностяхъ, стали непонятны, и это потому, что сами язычники арабы позднѣйшихъ временъ едва-ли многое въ нихъ понимали. Интересъ жителей Мекки такъ крѣпко держаться ихъ

*) Большинство сказаній замѣнило это имя другими: Абдулла (рабъ Аллаха), Ат-тáйибъ (добрый), Ат-тáхиръ (чистый). Понятно всѣ эти эуфемизмы употреблены вмѣсто настоящаго имени, упоминаемаго однимъ только писателемъ.

**) Поклоненіе животному, предполагаемому родоначальнику или покровителю даннаго племени, рода или лица.

***) Смѣшеніе разнородныхъ понятій.

зависѣлъ главнымъ образомъ отъ купеческой точки зрѣнія, о чемъ было упомянуто выше. Во всемъ же остальномъ, касающемся культа, придерживались древнихъ божествъ, вмѣстѣ съ дружественными племенами бедуиновъ, лишь изъ консерватизма, опиравшагося, понятно, не на религиозномъ чувствѣ, а на кичливомъ самомнѣніи гордящагося своимъ происхожденіемъ народа. Самая исторія ислама указываетъ ясно на то, что только у нѣкоторыхъ изъ племенъ бедуиновъ сохранялись, въ скрытой, неразвитой формѣ, религиозныя начала. И мы, по неволѣ, должны отказать массѣ этой трезвой скептической и расчетливой расы въ опредѣленномъ богопочитаніи. Даже и по сіе время арабъ пустыни, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей внутри страны, только по наружному облику мусульманинъ.

Иначе обстояло дѣло въ нѣкоторыхъ пограничныхъ полосахъ и въ части южной Аравіи. Среди древняго сабейскаго населенія страны, по крайней мѣрѣ насколько можно судить по найденнымъ на храмахъ и дворцахъ надписямъ, существовалъ живой и могучій интересъ религиозный. Выраженіе его, конечно, вылилось въ довольно стереотипной формѣ, ибо, среди потянувшихся къ сѣверу племенъ, понятіе культа, какъ кажется, довольно быстро испарилось. Имѣтъ объ этомъ болѣе опредѣленное понятіе мы не въ состояніи и теперь. Во всякомъ случаѣ, остается неопровержимымъ фактомъ, что еще за сотню лѣтъ предъ Мухаммедомъ замѣтно было теченіе сильнаго религиознаго потока, переносимаго древнѣйшими жителями на сосѣднія страны. Успѣхи, которые одержало іудейство въ Іеменѣ и Сан'а нельзя же объяснять однимъ только отвращеніемъ арабовъ къ чужеземному владычеству египетскихъ христіанъ. Одновременно встрѣчаемся мы снова, въ другой части страны, Неджранѣ, съ христіанскимъ народонаселеніемъ, которое съ большой цѣпкостью держится за свою религію и не желаетъ отказаться отъ нея, даже послѣ Мухаммеда. Доходитъ до того, что при халифѣ Омарѣ они вынуждены изъ-за религіи выселиться. Подобно этимъ христіанамъ ведутъ себя и поселившіеся издавна въ сѣверномъ Хиджазѣ іудеи, разсѣянные среди арабовъ измаилтянъ, и несомнѣнно смѣшиваясь съ ними, то тамъ, то здѣсь, они вѣроятно много способствовали прививкѣ среди окрестныхъ жителей понятій религіи откровенія, благодаря неуклонности своей въ исповѣданіи вѣры предковъ. Возлѣ нихъ, въ этихъ же сѣверныхъ странахъ, до самаго Евфрата, встрѣчались, положимъ, весьма разбросанными группами, и христіане *) почти всѣ принадлежавшіе къ неопредѣленнымъ сектамъ, по преимуществу гностикамъ, а по недавнимъ, довольно правдоподобнымъ изысканіямъ — къ толку эбіонитовъ. Въ этихъ то странахъ

*) Христіане съ примѣсью іудейскихъ и даже языческихъ вѣрованій.

гдѣ издревле встрѣчались другъ съ другомъ, вліяли взаимно и перекрещивались всевозможные отпрыски націй и вѣроученій, должны были, несомнѣнно, покоиться нѣкоторые зародыши религіознаго развитія, хотя опыты желательнаго, опредѣленнаго произрастанія ихъ до нѣкоторой поры все какъ то не удавались.

Поэтому тотъ, кто, въ качествѣ купца Мекки, былъ въ состояніи отправляться, то на югъ, къ границамъ Іемена, отстоявшимъ миль на 50, то въ города Сиріи, втрое отдаленнѣе, не могъ не обратить вниманія на нравы и обычаи, равно какъ и на нѣкоторыя учрежденія и воззрѣнія иноземцевъ. Бдльшаго впечатлѣнія не могли, конечно, подобныя мимолетныя наблюденія произвести въ общемъ на равнодушнаго купца. Понынѣ житель Востока неохотно отправляется въ путь, даже европеецъ подмѣчаетъ въ чуждыхъ ему странахъ, прежде всего, темныя стороны. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, если обыкновенный житель Мекки покачивалъ сомнительно головой при видѣ этихъ, досмѣшного странныхъ, по его понятіямъ, людей, которые, въ угоду своему божеству, вовсе не такъ, какъ благоразумные паломники въ Меккѣ, лишь для виду, а сплошь обрѣзали кругомъ всей головы волосы—эту гордость свободнаго человѣка, либо закупоривались десятками, а то и въ одиночку въ дома и даже въ пещеры, высѣченныя въ скалахъ, устраняя отъ себя всякую возможность приличнаго заработка денегъ и самомалѣйшихъ пріятностей жизни. Когда именно совершалъ Мухаммедъ свои большія путешествія, до или послѣ своей женитьбы, до сихъ поръ не вполне разъяснено, но извѣстія о нихъ такъ многочисленны, что не подлежатъ никакому сомнѣнію. Если же на самомъ дѣлѣ онъ посѣщалъ извѣстныя страны, то не могли же онѣ не возбудить пытливости его ума, по отношенію того, что видѣлъ или слышалъ тамъ про христіанъ. Иначе трудно бы было объяснить, какимъ образомъ оказался онъ вдругъ совершенно иныхъ воззрѣній, чѣмъ большинство его единоплеменниковъ. Все же, и въ этомъ отношеніи, осталось и по сіе время, многое невыясненнымъ. По нѣкоторымъ болѣе или менѣе основательнымъ предположеніямъ, Мухаммеду въ самой Меккѣ представлялось достаточно побужденій къ размышленію о религіозныхъ предметахъ.

Упадокъ старинной національной религіи становился очевиднымъ фактомъ; по крайней мѣрѣ нѣкоторые прозорливые люди были этимъ поражены. Пророкъ не былъ изъ первыхъ. Искали и до него нѣкоторые выхода къ лучшему. Въ Меккѣ проживали, положимъ не постоянно, по разнымъ торговымъ обстоятельствамъ, іудеи, появлялись также, временами, христіанскіе сектанты и анахореты, издавна разсѣянные по сѣверной части Аравіи, бродили они же по всему полуострову, въ видѣ рабовъ, христіанъ изъ Эііопіи. Всѣ они обладали, большею частью,

слишкомъ поверхностнымъ знаніемъ собственной своей религіи, а въ теченіе долготѣйшей жизни, среди язычниковъ, многое позабыли, но все же, какъ ни какъ, должно было у нихъ остаться хотя бы элементарное противоположеніе между монотеизмомъ и многобожіемъ. Положимъ, даже твердо знающему свой катехизисъ христіанину почти невозможно передать на арабскій — греческій, сирійскій или эіопскій слова, составляющія основныя понятія догматики, — языкъ этотъ, даже для Мухаммеда, въ этомъ отношеніи не всегда оказывался послушнымъ—все же одна эта трудность не составляла непреодолимаго препятствія тамъ, гдѣ приходилось формулировать разницу, скажемъ, между 1 и 9-ю. Поэтому, кто уже дошелъ до убѣжденія, что ничего не подблещешь съ глухими и нѣмыми идолами, могъ даже и не выходя изъ Мекки подловить, какъ ни какъ идею монотеизма. Весьма правдоподобно, что были и вблизи Мухаммеда люди, распростившіеся навсегда съ языческими богами. Много подобныхъ лицъ называютъ даже поименно. Наиболѣе достовѣрно то, что рассказываютъ про Зейда, сына Амра изъ дому Абдъ-аль-Узза́ и про Варака Ибнъ Науфала, двоюроднаго брата Хадіджи. Оба они положительно отстранялись отъ язычества. Но Зейдъ не нашелъ никакого удовлетворенія въ томъ, что успѣлъ повыспросить у іудеевъ и христіанъ; какъ кажется, онъ успокоился на отвлеченномъ деизмѣ. Между тѣмъ Варака извѣстенъ, дѣйствительно, за послѣдователя христіанства, съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ эбіонизма *). Обращеніе съ этими людьми могли можетъ быть, оживить и даже усилить тѣ сомнѣнія, которыя питалъ Мухаммедъ къ истинамъ древнихъ языческихъ воззрѣній. Но этимъ, конечно, нисколько не умаляются заслуги пророка, который совершеннѣе счумѣлъ проложить новый путь, онъ не удовольствовался, по примѣру тѣхъ, однимъ самоличнымъ отреченіемъ отъ старыхъ предразсудковъ, а выступилъ смѣло на поприще безстрастнаго просвѣтителя народа. Долгое время бродили въ головѣ Мухаммеда тяжкія думы и вспыхали наконецъ пламенемъ, угрожавшимъ одно время испелить самого его, пока, наконецъ, человекъ этотъ, по природѣ такой застѣнчивый, опасливый, не обрѣлъ въ себѣ силы выступить предъ цѣлымъ народомъ со свидѣтельствомъ истины и зачалъ нескончаемую войну съ косностью и предразсудками.

*) Арабы называли подобныхъ людей х а н и ф а м и. Это насмѣшливое прозвище обозначаетъ, на еврейскомъ и сирійскомъ діалектахъ, безбожника или еретика. Надо полагать, что въ этомъ значеніи оно примѣняется правовѣрными къ христіанамъ, заразившимся гностицизмомъ и эбіонизмомъ. Рядомъ съ этимъ названіемъ встрѣчаемся мы также съ выраженіемъ Сабіецъ, т. е. „обмыватель“. Подъ этимъ прованіемъ подразумѣваются извѣстныя секты гностиковъ, разселившихся по нижнему Евфрату, у которыхъ важную роль играли различнаго рода омовенія.

До сорокалѣтняго возраста, ничего особеннаго, что могло бы нарушить внутренній покой съ нимъ не происходило. Онъ уже успѣлъ выдать замужъ одну изъ старшихъ дочерей, вторую — красавицу Рукайю — за одного изъ двоюродныхъ братьевъ ея. Общественныя отношенія его становились все благопріятнѣе, и онъ занялъ между своими согражданами положеніе довольно почтенное. Преданіе даже гласить, что ему предоставлено было, лѣтъ за пять до его выступленія въ качествѣ пророка, довольно выдающаяся роль, при возобновленіи потерпѣвшаго отъ горныхъ ключей зданія Ка́бы. Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ это считать за лишнюю всякаго основанія легенду. Но онъ уже былъ въ состояніи, ради успокоенія своей собственной совѣсти, дабы хоть чѣмъ нибудь вознаградить заботы дяди Абу-Тáлиба, покровителя его юности, усыновить сына его Алія. Не нужно ему было также много раздумывать, чтобы дать свободу и усыновить Зейдъ-Ибнъ-Хáриса, раба христіанина, служившаго у него уже давно, которымъ онъ привыкъ особенно дорожить. Однако несмотря на все, расположеніе его духа постепенно все болѣе и болѣе омрачалось, онъ не чувствовалъ себя счастливымъ. Природное меланхолическое настроеніе принимало мало-по-малу зловѣщій мрачный оттѣнокъ. Зачастую углублялся онъ надолго въ пустынный лабиринтъ скалъ, окружавшій родной городъ со всѣхъ сторонъ. По цѣлымъ днямъ пропадалъ тамъ. Изъ позднѣйшихъ его проповѣдей, въ томъ видѣ, какъ онѣ сохранились въ коранѣ, мы можемъ отчасти догадываться, какія мысли роились тогда въ его головѣ и бременили его сердце. О томъ что поклоненіе единомысленцевъ идоламъ есть и заблужденіе и грѣхъ предъ единымъ истиннымъ Богомъ зналъ онъ уже давно. Но какова задача, ему предстоявшая? Страшный судъ, о которомъ рассказывали ему христіанскіе его друзья, долженъ былъ конечно пожрать этихъ безбожниковъ. Что же предстояло ему самому, дабы уклониться отъ подобной судьбы? Со страхомъ вопрошалъ онъ: «Господи, что же мнѣ дѣлать, дабы спастись?» Этотъ вопросъ, для человѣка поверхностнаго, либо по характеру гибкаго, не представлялъ никакихъ затрудненій, но для его жаждущей истины души — потрясеніе было слишкомъ глубоко и тѣмъ еще глубже, что нѣкоторыя религіозныя понятія, которыя онъ успѣлъ выпытать отъ своихъ друзей, стояли въ его умѣ особнякомъ, безъ всякой связи. Самъ же онъ, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, былъ человѣкъ совершенно необразованный, вполне неспособный къ логическому обоснованію ряда отвлеченныхъ идей. У него почти отсутствовала всякая возможность доработаться до яснаго пониманія всего этого даже для себя лично.

Обуреваемый подобными сомнѣніями блуждалъ онъ, такъ рассказы-

вають, однажды въ мѣсяцѣ Рамаданѣ *), по своему обыкновению, къ сѣверу отъ Мекки, въ пересѣченной отрогами горъ мѣстности. Въ центрѣ ландшафта воздымалась гора Хира́, а у ея подножія зіяла пещера, любимое мѣстечко искони страстнаго мечтателя. Терзаемый неотступными мыслями, впадаетъ онъ наконецъ въ безпокойную дрему. «Тогда охватило меня во-снѣ», рассказывалъ онъ позже, «смутное ощущение. Будто нѣкто приблизился ко мнѣ и сказалъ: читай! Я же ему отвѣтилъ: Нѣтъ, не могу. Затѣмъ тотъ же нѣкто сдвинулъ меня такъ, что я думалъ, что умираю, и повторилъ снова: читай! И опять я отказался. И снова меня сдвинуло, и я услышалъ явственно: читай! Во имя Господа твоего, творящаго—сотворившаго человѣка изъ кроваваго комочка—читай: Господь твой, вѣдь, всемилосердъ. Онъ даровалъ знаніе, посредствомъ пишущей тростинки—Онъ научилъ человѣка тому, чего онъ не зналъ. Тогда я прочелъ сіе... И затѣмъ видѣніе исчезло. И я проснулся. И было мнѣ, какъ бы слова сіи были начертаны на моемъ сердцѣ» **).

*) Годъ событія спорный. Это должно было быть въ 610 или 612 году.

**) Если сравнить и сопоставить тексты различныхъ преданій объ этомъ видѣніи, то получится въ главныхъ чертахъ вышеприведенное. Позднѣе оно было изукрашено на разные лады и обставлено дальнѣйшими штрихами. Такъ напр. рассказываютъ, что Ангелъ Гавриилъ—фигура эта, во всякомъ случаѣ стала появляться пророку лишь долго спустя—держалъ передъ нимъ и требовалъ отъ него прочесть по книгѣ, обернутой въ шелкъ (или, какъ иные говорятъ, это былъ кусокъ шелковой матеріи, на которой были начертаны писмена) и др. т. п. Черезъ эти добавленія, мало по малу, настоящее значеніе сна и словъ затемнены и понинѣ возбуждаютъ множество сомнѣній. Мнѣ же кажется, если принять въ соображеніе тогдашнее значеніе словъ, вошедшихъ въ Коранъ, напоминаніе о тростинкѣ для письма и наконецъ взвѣсить заключительное замѣчаніе пророка, что смыслъ совершенно ясенъ и долженъ быть слѣдующій: читай—т. е. прими съ вѣрой—то, что Господь своей небесной тростинкой для письма начерталъ какъ истину, а нынѣ восхотѣлъ начертать также на сердцѣ твоёмъ. Рѣчь идетъ о чтеніи и письмѣ. Ибо Мухаммедъ, даже и во снѣ, прежде всего, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, заботился о томъ, что на яву составляло предметъ его смутныхъ опасеній мечтаній, и онъ никакъ не могъ представить себѣ иначе, тогда и позже, откровеніе какъ только въ образѣ письма, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что и іудеи и христіане обладали подобными письменными откровеніями. Подобное представленіе сохранилось неизбежно, такъ что и нынѣ мухаммедане считаютъ, будто первоначальная рукопись корана начертана на небѣ и тамъ заботливо сохраняется. Вотъ это-то, совершившееся по вѣчному Господнему завѣту, стало быть картинно изображенное и начертанное въ небѣ и тамъ пребывающее, откровеніе обязанъ онъ читать, т. е. воспринять, дабы могъ впоследствии передать другимъ. Слова «тогда я прочелъ сіе» обозначаютъ—тогда я это запомнилъ (а также—тогда я повторилъ). Затѣмъ, что касается фигуральнаго выраженія, то оно весьма поразительно напоминаетъ о проглоченной книгѣ у пророка Іезекиила (гл. III ст. 2), а также въ откр. Іоанна (гл. 10, ст. 9) и признается за несомнѣнный символъ божественнаго откровенія.

Видѣніе это произвело на Мухаммеда дѣйствиѣ поражающее, можно сказать, уничтожающее. Словно одержимый, появился онъ предъ Хадиджей, въ наивысшемъ возбужденіи. Какъ умѣла, успокоивала она его, а тѣмъ временемъ послала за Варакомъ, съ которымъ и прежде мужъ ея не разъ бесѣдовалъ о различныхъ высокихъ предметахъ. Когда передала она о случившемся, приглашенный произнесъ: «если это такъ, о Хадиджа, духъ святой *) снизошелъ на него, тотъ самый, которому благоугодно было явиться Моисею; стало быть, онъ пророкъ народа нашего».—На время Мухаммедъ успокоился. Но слѣдовало ждать повторенія явленій, чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени **), и опять вернулись сомнѣнія съ двойной, устрашающей силой, приводя несчастнаго чуть не въ отчаяніе. И зашагалъ онъ безъ прерыва снова и снова по окружающимъ горамъ. Часто приходила ему на умъ мысль,—какъ бы хорошо броситься внизъ съ этихъ крутыхъ скалъ и отрѣшиться разъ навсегда отъ ужаса, который заволакивалъ его мозгъ. И вотъ, въ одну изъ этихъ минутъ, освѣтила его небесная ясность. Явленіе свыше—безъ словъ но всеподавляющее! Оно исполнило его сердце давно желаннымъ сознаніемъ. Но одновременно онъ почувствовалъ головокруженіе. Потрясаемый какъ бы лихорадочною дрожью, спѣшитъ онъ домой. «Заверните меня!» зываетъ онъ къ своимъ. Свершилось. И, охваченный сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ, ему чудится, что онъ слышитъ слѣдующія слова (Сура 74,1): О ты, закутанный—встань! зову тебя, истинно такъ!—Господа своего, да славь его!—Одежды твои, да очисти ихъ.—Отъ нечистоты, да бѣги.—Не будь добръ ради корыстныхъ цѣлей. И Господа твоего чти неизмѣнно! ***).—Съ этихъ самыхъ поръ, передаетъ традиція, шли откровенія, одно за другимъ, постоянно и такъ было именно потому, что отнынѣ онъ былъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ и не ждалъ болѣе дальнѣйшихъ сверхъестественныхъ явленій; онъ принималъ, безъ

*) По-арабски поставлено «великій Намусъ;» это не что иное, какъ греч. νόμος. Употребленіе слова въ данномъ случаѣ и соответствующее значеніе могутъ быть объяснены лишь въ эбонитскомъ смыслѣ (Н. I. Bestmann, Die Anfänge des katholischen Christenthums und des Islams. Nördlingen, 1884, стр. 101). Поэтому исторія доказываетъ, что Варака принадлежалъ, дѣйствительно, къ этой сектѣ христіанской.

**) Согласно сказаніямъ, черезъ два года. Какъ кажется, этотъ промежутокъ искусственно придуманъ повдѣе; на самомъ дѣлѣ прошло не болѣе нѣсколькихъ недѣль.

***) При переводѣ, мы старались подражать отрывистой формѣ оригинала.—Очищеніе одеждъ и избѣганіе нечистотъ—понятно надо понимать какъ призваніе избѣгать идолопоклонства.—«Не будь добръ ради корыстныхъ, цѣлей» значитъ не одаряй съ намѣреніемъ получить обратно еще болѣе. Заповѣдь, увы, нынѣшними жителями Востока совершенно забытая!

дальних околичностей, за божественную истину всё вырабатывающіяся въ его головѣ представленія, появившіяся въ состояніи непрестаннаго внутренняго возбужденія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что извѣстія эти, во всемъ существенномъ, основывались на глубокой психической истинѣ. Небесныя явленія, которыя окончательно вдохнули въ него сознаніе божественности его посланія, повторялись и позднѣе. А между тѣмъ за пересказ ихъ жители Мекки укоряли его во лжи. Онъ самъ описываетъ это слѣдующимъ образомъ (сура 53, 4): «...не иное что было это, какъ небесное откровеніе. — Оно даровано ему (вашему земляку) силою силъ—Всемогущимъ. И вознесся Онъ, будучи въ высшей сферѣ небесъ.—Затѣмъ сталъ приближаться и опускался—пока не остановился въ отдаленіи двойного полета стрѣлы, или еще нѣсколько ближе.—И Онъ открылъ своему рабу божественное откровеніе.—Не солгало сердце, что видѣло.—Развѣ вы осмѣлитесь оспаривать хотя что либо изъ того, что онъ видѣлъ?—И вотъ еще разъ видѣлъ онъ его спускающагося—до древа Сидра окраины*), при которомъ садъ пребыванія.—Какъ вдругъ дерево покрылось прикрытіемъ—это не было обманомъ глазъ и оно не ускользнуло отъ его зрѣнія.—Истинно говорю вамъ, тогда онъ узрѣлъ изъ чудесъ Господнихъ величайшее!»—Если бы Мухаммедъ былъ обманщикомъ, какимъ вначалѣ хотѣли представить его земляки, а нынѣ за ними повторяютъ весьма многіе писатели, онъ бы не преминулъ вдаться въ подробное описаніе небожителя, надѣливъ его множествомъ крыльевъ, и т. п. Слишкомъ ощутительно его убѣжденіе, хотя и тщетно силится обнять словами впечатлѣніе небеснаго явленія. Поэтому не остается никакого сомнѣнія, что онъ его, дѣйствительно, глазами видѣлъ. Сверхъ того, получается благоприятное предубѣжденіе въ его пользу и по всему остальному, о чемъ мы передавали выше, сообразуясь съ преданіемъ. Чувствуется во всемъ путеводная нить, внутренняя связь событій. Такимъ образомъ является нѣкоторая возможность рѣшить слишкомъ часто разбираемый вопросъ—былъ ли Мухаммедъ дѣйствительно пророкомъ, либо нѣтъ.

Конечно разрѣшеніе, научнымъ путемъ, этого вопроса допустимо лишь въ томъ направленіи, въ коемъ одинъ изъ выдающихся біографовъ Мухаммеда его характеризуетъ. Онъ говоритъ: «у насъ, въ Германіи, слово пророкъ лишили всякаго значенія и затѣмъ утвер-

*) Это значить, остановившагося на самой окраинѣ предполагаемой извѣстною мѣстности. «Садъ пребыванія» вѣроятнѣе всего можетъ быть объясняемъ паркомъ мѣстнымъ, при загородномъ домѣ одного изъ зажиточныхъ жителей Мекки. Мусульмане понимаютъ подъ этимъ «рай» и переносятъ всю сцену на небо.—Сидра есть собственно дерево Христовъ тернъ (*Zizyphus spina Christi* L.), другіе же принимаютъ его за лотосъ (*Rhamnus Lotus* L.)-

ждають, что Мухаммедъ былъ именно пророкомъ; если подвергнуть тому же самому процессу слова дождь или гора», говорить онъ, «можно сказать въ одинаковой мѣрѣ основательно, что Мухаммедъ былъ дождь и горой». Если же для кого-либо имя пророка имѣетъ значеніе не въ чисто историческомъ смыслѣ, а въ смыслѣ какой-нибудь теологической системы, то надъ значеніемъ вовсе не приходится голову ломать, при постановкѣ въ такомъ духѣ вопроса. Ибо его догматика сразу же выступить на первый планъ и отвѣтить: мухаммеданину—утвердительно, а правовѣрному іудею либо христіанину—въ отрицательномъ смыслѣ. Намъ же предстоитъ имѣть дѣло съ историческимъ понятіемъ и искать отвѣта въ самой исторіи. Итакъ, насколько намъ извѣстно, пророки появлялись только среди семитовъ, а спеціально, если мы забудемъ на время Мухаммеда, только среди іудеевъ. Постепенное развитіе пророчествъ у израильтянъ не подлежитъ конечно нашему изслѣдованію. Можемъ только отмѣтить, что въ наивысшемъ смыслѣ явленіе это, исторически совершенно ясное, вовсе не двусмысленное и въполнѣ опредѣлимое. Пророкомъ у израильтянъ считался человѣкъ, глубоко охваченный религиозной идеей, находящейся въ исключительномъ служеніи ей. Единственной задачей своей жизни поставляетъ онъ слѣдить за всѣми развѣтвленіями въ мірѣ чувствъ этого основного понятія, а такъ какъ, съ другой стороны, считаетъ охватившую его идею за проявленіе божеской воли, которой одной и приписываетъ все, переполняющее его абсолютное самосознаніе, то и то и другое постепенно сливаются во едино. Въ концѣ концовъ одушевляющую его идею принимаетъ онъ за божественную истину. Разсматривая слово въ такомъ именно смыслѣ, трудно отказать Мухаммеду въ имени пророка. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ отрицать, что вслѣдствіе необычайно чувствительной своей конституціи, подверженный всевозможнаго рода нервнымъ припадкамъ, которые иногда, какъ напримѣръ при обоихъ вышеприведенныхъ случаяхъ, доходили до галлюцинацій *), у него, по его природѣ, выступало тогда религиозное внутреннее возбужденіе, достигавшее иногда кульминацион-

*) Какого рода эти припадки были и какой медицинскій терминъ могли они носить, до сихъ поръ не установлено. Но по всей справедливости, какъ это давно было лишь недавно, они не могли быть никоимъ образомъ эпилептического свойства. Вѣроятноже всего, что они подходили къ извѣстнымъ болѣзнямъ нервовъ, которыми страдаютъ лица, подверженные религиознымъ экстазамъ. Даже Лютеръ, и тому показалось разъ, что онъ своими тѣлесными глазами увидѣлъ чорта. Мухаммеда слѣдуетъ вѣроятно разсматривать какъ промежуточное звено между этой крѣпкой натурой, которая случайно и то лишь мимоходомъ подвергалась подобнаго рода чувственнымъ обманамъ, и состояніемъ экстаза у стигматизированныхъ дѣвицъ.

наго пункта. Поэтому понятнымъ становится, что, согласно нерасходящимся и несомнѣнно достовѣрнымъ преданіямъ, эти откровенія, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, совпадали съ подобными припадками. Но попутно слѣдуетъ отмѣтить самымъ положительнымъ образомъ, что въ подобномъ состояніи онъ оставался, и въ полной мѣрѣ, человѣкомъ совершенно вмѣняемымъ. Потому нельзя давать вѣру тѣмъ поверхностнымъ воззрѣніямъ, согласно которымъ все его ученіе построено было лишь на галлюцинаціяхъ и безсвязныхъ, произвольныхъ рѣчахъ. По крайней мѣрѣ все время, пока онъ пребывалъ въ Меккѣ, даже и въ нормальномъ состояніи, дѣло его представлялось ему во всей полнотѣ и ясности, нисколько не меньшихъ, чѣмъ въ случаяхъ необычайнаго нервнаго напряженія. Чего только ни наговорили на него ненавистники: и сумасшедшій-го, и фантастъ, и обманщикъ — но послѣдовательная увѣренность всѣхъ его поступковъ, общность его направленія, ни разу однако его не изобличили и выступаютъ даже и понынѣ слишкомъ ярко въ кѣранѣ. Самыя слабости логически не вышколеннаго мышленія недостаточны, дабы свидѣтельствовать о психическомъ разстройствѣ. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, на откровеніе Мухаммеда нельзя глядѣть какъ на простое порожденіе разстроеннаго болѣзненнаго мозга или бредъ глупаго мечтателя. Тѣмъ болѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по крайней мѣрѣ въ періодъ пребыванія своего въ Меккѣ, онъ поступалъ искренно и честно; стоитъ только вспомнить, тотъ священный ужасъ, который предшествовалъ рѣшительнымъ видѣніямъ, ту достойную, дѣйствительно, глубокаго удивленія выдержку, съ которою онъ, человѣкъ вовсе не храбрый, болѣе десяти лѣтъ, несмотря на страшнѣйшія преслѣдованія, а наконецъ и угрозы, сыпавшіяся отовсюду лишить его жизни и не предвидя ни малѣйшей надежды на успѣхъ въ будущемъ, продолжалъ все-таки свою проповѣдь. Развѣ все это недостаточныя доказательства того, что подозрительная вначалѣ, даже и для него, подавляющая сила идей, охватившая и доведшая независимо отъ воли къ твердому убѣжденію, что эти понятія, налившія отовсюду на его мышленіе, естественно стали для него откровеніемъ, исходившимъ отъ самого Бога. Вотъ тотъ обликъ истиннаго пророка, который мы пытались начертать по нашему крайнему разумѣнію. Въ имени этомъ отказать Мухаммеду въ правѣ, конечно, каждый, кто полагаетъ себя посвященнымъ въ таинства божественнаго руководительства народами и вполне убѣжденъ, что, въ такой-то періодъ времени, появленіе пророка невозможно. Подобное догматическое ограниченіе приговора обыкновенно покоится на самыхъ уважительныхъ мотивахъ, и не безъ нѣкотораго основанія можно также сказать, что и въ исторіи не встрѣчается вообще абсо-

лютно бездоказательнымъ. Но все же не слѣдуетъ забывать, что существуетъ одинъ только универсальный способъ возрѣній, при недостаточности человѣческихъ познаній, и это—отнестись болѣе или менѣе безпристрастно къ вѣрѣ и образу мышления чуждыхъ народностей.

Повѣрьте, не изъ легковѣрія и вовсе не съ цѣлью иронизировать слегка озаглавлена была эта глава—Мухаммедъ пророкъ. Но съ другой стороны считаю своимъ долгомъ отклонить всякое подозрѣніе въ преувеличенной окраскѣ, и потому спѣшу прежде всего формулировать двѣ оговорки, обоснованія которыхъ, само собой, вытекаютъ изъ дальнѣйшей исторіи Мухаммеда.

Во-первыхъ, даже самое поверхностное сравненіе корана съ писаніями пророковъ израильскихъ даетъ сразу понять, что религиозныя идеи аравитянина были незначительнаго, сравнительно, достоинства. И этому нечего удивляться. Длиннымъ путемъ проходили пророки отъ Саула, пока не достигли второго Исаяи. Мухаммедъ же былъ въ одно и то же время и послѣдній и первый пророкъ своего народа. Ничего мудренаго поэтому, что онъ охватилъ лишь одну сторону божественной сущности: понятіе о святости отъ него совершенно ускользнуло, а также основы какого либо болѣе глубокаго этического порядка жизни. Но то, что представлялось необходимымъ даже его несовершеннымъ возрѣніямъ на нравственные законы, становится, по отношенію къ столь многообразно возмутительному нравственному равнодушію его современниковъ, уже значительнымъ шагомъ впередъ. Конечно, трудно безусловно обвинять его за то, что весьма часто не рѣшался переступить границы своей національности, въ позднѣйшіе же годы даже находилъ нужнымъ дѣлать еще дальнѣйшія уступки. Такъ что въ концѣ концовъ, на его ученіе легла рѣзкая печать неустраимаго, никоимъ образомъ партикуляризма. Но это постоянное опасеніе, какъ бы не переступить границъ націонализма, повело постепенно къ еще болѣе худшему, что и составляетъ сущность второй моей оговорки.

Будучи арабомъ, Мухаммедъ никакъ не могъ понять, чтобы истина не могла восторжествовать на этомъ свѣтѣ, еще при его жизни. Еще менѣе допускалъ онъ понятіе свободы совѣсти, отдѣленія государства отъ церкви, и т. п. Припомните, даже на Западѣ, не далѣе какъ въ XVI столѣтіи, было признаваемо всѣми, что еретикъ въ равной мѣрѣ и государственный преступникъ, а потому съ нимъ слѣдуетъ поступать соотвѣтственно. Тѣмъ менѣе могъ житель Востока, и къ тому же въ VII столѣтіи, видѣть въ невѣрующемъ что либо иное, какъ не изверга, и едва ли пророкъ подумалъ о томъ, что Господь, въ своемъ первомъ откровеніи, говоритъ о тростинкѣ для писанія, а не о мечѣ. Нечему удивляться поэтому, что у Мухаммеда, по отношенію къ своимъ врагамъ, нѣтъ и не могло быть никакого нравственнаго смягчающаго чувства. Пока

проживалъ онъ въ Меккѣ, вѣчно тѣснымъ, эта темная сторона его сущности и не могла развиваться; религіозная идея была единственнымъ его побужденіемъ, никакія мірскія вѣянія не могли ее потревожить. И это начало ислама напоминаетъ состояніе христіанства въ I столѣтіи. Но какъ это послѣднее при Константинѣ уже уклонилось отъ изреченія Господняго «Мое царствіе не отъ міра сего», такъ же точно наступило искаженіе ученія ислама, еще при жизни основателя. Не лишено поэтому справедливости указаніе, что для памяти арабскаго пророка было бы благомъ, если бы жизненный путь его пресѣлся одновременно съ бѣгствомъ изъ Мекки. Но далеко не самое безотрадное представляетъ собой неукротимая беспощадность, съ какою часто выступалъ онъ для уничтоженія враговъ своихъ; это была древняя черта арабской суровости. Къ тому же, можно привести въ пользу его много случаевъ, гдѣ проявлялъ онъ необыкновенную кротость. Болѣе же всего возмущаетъ его коварство и систематическая лживость, которыя все сильнѣе и сильнѣе стали проявляться со времени переселенія его въ Медину. И въ Меккѣ, даже нѣсколько позднѣе, осыпавшій насмѣшками и уликами противниковъ, пророкъ пробовалъ иногда выставять своеобразные аргументы и пользоваться довольно сомнительными увертками, чтобы какъ-нибудь да выпутаться изъ сѣти противорѣчій, опутывавшихъ его ученіе, что болѣе или менѣе объяснялось отсутствіемъ навыка логическаго мышленія. Но въ Мединѣ, сознательная лживость и вѣроломство становятся вскорѣ какъ бы внутреннимъ убѣжденіемъ. Положимъ, это тоже наследственныя народныя черты, но въ соединеніи съ официальнымъ благочестіемъ, вовсе не требовавшимъ лицемерія, становятся онѣ для насъ невыразимо противными. Въ его рукахъ съ тѣхъ поръ религія стала орудіемъ политики, и не одной только церковной. Вначалѣ можетъ быть слегка, затѣмъ на половину, а наконецъ совершенно сознательно пользуется пророкъ ложью для того, чтобы провести во что бы то ни стало истину. Насколько было въ этомъ личной инициативы, насколько неизбежной закваски арабской крови, вопросъ излишній. Если бы кто вздумалъ заняться разрѣшеніемъ его обстоятельно и разобрать со всѣхъ сторонъ, едва ли бы могъ, думается намъ, исключить какъ одно, такъ и другое.

Само собой, что Богъ могъ сдѣлать Мухаммеда лишь своимъ довѣреннымъ лицомъ, дабы сообщать волю Свою народу. На это указываютъ достаточно опредѣленно слова второго откровенія: «Встань! зову тебя, истинно такъ!» Вліяніе личности пророка, благодаря послѣднему видѣнію, возросло необычайно и немедленно отразилось на окружающихъ его. Вся семья, одинъ изъ ближайшихъ его друзей тотчасъ же увѣровали въ божественность посланничества и подчинились духовному руководству его. Кромѣ жены и дочерей, были это оба имъ усыновленные, Алій и Зейдъ. Первый изъ нихъ, положимъ, былъ еще слишкомъ малъ; что же касается Варака, то къ этому времени, какъ кажется, онъ уже не былъ въ живыхъ. Присоединился также Аль-Аткъ, извѣстный болѣе подъ прозваніемъ Абу-Бекръ *), зажиточный, всѣми почитаемый купецъ, изъ семьи Бену-Теймъ, многіе годы находившійся съ Мухаммедомъ въ тѣсной дружбѣ. Какъ разсказываютъ, былъ онъ двумя годами моложе пророка, человѣкъ спокойный и умный, при этомъ прямой и надежный, кроткій и добродушный, но когда требовалось обстоятельствами—неуклонно твердый. Это была какъ разъ подходящая личность, чтобы стоять возлѣ Мухаммеда, нравомъ меланхоличнаго, легко воспламеняющагося, но также приходящаго въ уныніе. А потому зачастую, въ дѣлахъ житейскихъ, пророкъ выказывалъ всю неустойчивость натуры своей. Ему нуженъ былъ такой помощникъ, — онъ предохранялъ его отъ преждевременнаго паденія, помогалъ ему въ осуществленіи трудной задачи. Дружба эта въ высокой степени возвысила нравственный обликъ Мухаммеда въ глазахъ всѣхъ. Этотъ человѣкъ къ тому же беззавѣтно вѣрилъ въ учителя. Не связанный никакими интересами, ни родственными отношеніями, въ теченіе всей съ нимъ своей жизни ни разу не усомнился въ чистотѣ его побужденій, неуклонно вѣрилъ въ истину божественнаго его посланничества и даже тогда, когда ближайшіе родственники приходили иногда въ недоумѣніе, онъ повиновался безусловно. Посредничество Абу Бекра доставило Мухаммеду еще нѣсколькихъ вѣрующихъ, которые въ исторіи ислама заняли немаловажную роль, таковы: Са'дъ - Ибнъ - Абу-Вахк'а съ, позднѣйшій завоеватель Персіи; Зубейръ - Ибнъ-Аль-Авв'амъ и Тальха, сынъ Убейдуллы, всѣ трое дальніе родственники пророка или его друга. Но повидимому всѣ они были тогда почти дѣти, а преданіе впоследствии утверждаетъ, понятно устами потомковъ, что эти предки ихъ принадлежали къ первымъ послѣдователямъ про-

*) Это значитъ отецъ Бекра. Имя Бекръ у арабовъ часто встрѣчается; переводъ же этого имени—„отецъ дѣвицы“—совершенно неудачная выдумка одного, во многихъ отношеніяхъ высоко цтимаго ученаго. Увы, встрѣчающіеся у него зачастую промахи подхватывались другими и распространялись во многихъ популярныхъ изданіяхъ.

рока. По тогдашнимъ понятіямъ арабскимъ, Мухаммедъ счелъ своей обязанностью обратиться прежде всего къ своей собственной семьѣ, въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. къ своимъ дядямъ и двоюроднымъ братьямъ и вообще ко всѣмъ родственникамъ рода Хашимъ. Поэтому собралъ онъ всѣхъ ихъ и изложилъ передъ ними свое ученіе. Но въ ихъ глазахъ онъ былъ такой же, какъ и всякій другой членъ семьи. Иначе курейшиты и не могли разсуждать. Дядя его Абу-Лахабъ, ожидавшій сообщеній о какомъ-нибудь серьезномъ купеческомъ предпріятіи, даже вспылилъ и крикнулъ сердито: «чертъ бы тебя побралъ! Неужели затѣмъ только насъ и позвалъ?» Съ явными знаками неудовольствія разошлась семья. Если свои же ему не повѣрили, понятно, слаба была надежда убѣдить чужихъ. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что возбужденіе момента вдохнуло Мухаммеду нѣсколько желчью облитыхъ строфъ корана. Въ нихъ онъ дѣйствительно отправилъ къ чорту недружелюбнаго дядю и заставляетъ его тамъ горѣть въ гееннѣ огненной, а его же собственная жена, съ веревкой на шеѣ, должна подкладывать подъ костеръ полѣнья. Эта малородственная, рѣзкая выходка страшно возмутила Абу-Лахаба. Предполагаемое обрученіе сына его съ дочерью Мухаммеда, Рукайей, сразу разстроилось. Произошелъ полнѣйшій разрывъ со всей семьей. Во всякомъ случаѣ, и повидимому вскорѣ красота дочери дала отцу другого зятя, а пророку новаго послѣдователя: Османъ, сына Аффана, изъ высокочтимой семьи Омеи. Но это одинокое обращеніе не возымѣло никакого вліянія на большинство курейшитовъ, тѣмъ болѣе, что Османъ хотя и зажиточный и красивый, не обладалъ энергіей и считался всѣми за зауряднаго человѣка. Можно присоединить и еще нѣсколько лицъ къ этимъ новообращеннымъ; въ общемъ, число первыхъ послѣдователей доходило, какъ говорятъ, до 43. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что большая часть маленькой общины состояла изъ бѣдняковъ и рабовъ. Понятно, они болѣе другихъ прислушивались къ проповѣди «о гнѣвѣ Божіемъ на ихъ меккскихъ господъ и о воздаяніи на томъ свѣтѣ», зажиточнымъ же было очень хорошо и здѣсь. Это обстоятельство сдѣлало еще болѣе не симпатичнымъ все движеніе въ глазахъ почтеннаго сословія; а когда продолжающееся равнодушіе къ новому ученію разожгло пророка заговорить болѣе страстнымъ языкомъ, то дошло наконецъ до открытой вражды. О томъ, что какой-то незначительный чловечекъ въ разныхъ потайныхъ собраніяхъ толкуетъ про запутанныя матеріи, которыми самъ заразился отъ разныхъ христіанскихъ сектантовъ, для крупныхъ купцовъ было рѣшительно безразлично. Но онъ осмѣливался поносить мѣстныхъ боговъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, безъ которыхъ нельзя было никакъ обойтись, ибо паломничество въ Мекку стало бы дѣломъ невозможнымъ, а это такъ необходимо для благосостоянія города, всего торговаго союза и ярмарокъ. Долѣе терпѣть было не-

возможно. Что же это такое наконецъ: одурачиваетъ рабовъ, вбиваетъ имъ въ голову, что они лучше своихъ господъ! Положимъ, неудобнаго фантазера не такъ-то легко было попросту устранить,—все еще стоялъ онъ подъ покровительствомъ своего дяди Абу-Тáлиба, хоть и бѣднаго, но всѣми уважаемаго человѣка. А тотъ жизнь былъ готовъ положить, чтобы защитить Мухаммеда отъ всякаго нападенія. Да и спѣшиться-то съ Абу Тáлибомъ, не такъ-то ловко. Вся семья Хашимъ какъ одинъ взбунтуется, хотя и слышать не хотѣла про дурачества Мухаммеда, но за каждое оскорбленіе чести семьи отвѣтитъ понятно междоусобной войной. То же самое можно было ожидать и отъ остальныхъ семей, имѣвшихъ послѣдователей въ новой партіи. Поэтому, приходилось волей неволей не задирать свободныхъ людей, въ особенности же такихъ, которые въ матеріальномъ отношеніи не находились въ зависимости отъ своихъ болѣе богатыхъ свойственниковъ. Пока довольствовались одной руганью да насмѣшками изъ-за угла, а то при случаѣ затѣвалась и легкая драка. Но рабамъ, состоявшимъ по отношенію къ своимъ господамъ въ положеніи безправныхъ, пришлось плохо; съ ними стали обходиться не только скверно, но и нерѣдко подвергали мучительнымъ истязаніямъ, въ случаѣ когда они упорно отказывались поносить Мухаммеда, или же порывались открыто не признавать старыхъ боговъ. Абу Бекръ, по собственному побужденію, употребилъ часть своего имущества на выкупъ нѣкотораго числа особенно угнетаемыхъ. Другимъ рабамъ внушилъ пророкъ, дабы они, сохраняя въ душѣ истинное вѣрованіе, исполняли наружно предъявляемыя ихъ господами требованія, во избѣжаніе дальнѣйшихъ мукъ. Въ числѣ выкупленныхъ былъ одинъ еѳіопъ, по имени Билáль. Позднѣе, благодаря своему зычному голосу, онъ былъ сдѣланъ первымъ призывникомъ на молитву (муэззиномъ) правовѣрныхъ.

Малозначительность успѣха не помѣшала Мухаммеду ревностно продолжать свою проповѣдь. То въ отдѣльной бесѣдѣ искалъ онъ случая согрѣть вѣру того либо другого, то громко возвѣщалъ откровенія ему преподанныя болѣе широкому кругу своихъ слушателей. Большинство этихъ вдохновенныхъ рѣчей, если не всѣ, дошли до насъ; онѣ образуютъ единственные, дѣйствительно подлинныя свидѣтельства первыхъ началъ ислама. Все, что случалось съ нимъ въ теченіе дня, составляло естественное содержаніе ночныхъ его размышленій. Ревностно выстаивая на молитвѣ и усердно бодрствуя, онъ быстро переходилъ отъ полной истомы и упадка силъ къ наивысшей степени возбужденія, воспринимая попутно одно за другимъ всѣ впечатлѣнія пережитаго и борьбы. То чудятся ему небесные звуки, несущіе ему утѣшеніе въ претерпѣнныхъ имъ неудачахъ и пораженіяхъ, вознаграждавшіе его сторицей за тѣ насмѣшки и ругательства, коими осыпали

его постоянно курейшиты, то начинаетъ онъ цитировать, разнообразя все новыми и новыми оборотами короткіе періоды, составляющіе содержаніе истиннаго ученія, то грозитъ своимъ противникамъ гибелью міра и страшнымъ судомъ, а рядомъ умоляетъ вѣрующихъ выдержать стойко, чтобы со временемъ обрѣсти высокую награду за свою вѣрность, то снова настойчиво совѣтуетъ имъ благодарить за тѣ дары, которыми ежедневно одѣляется человѣчество свыше. Себя самого, какъ пророка, онъ нисколько не щадитъ, лишь только замѣтитъ, что заслужилъ порицаніе или чего-либо не предусмотрѣлъ: въ короткой сурѣ 80 строго порицаетъ онъ себя за то, что однажды грубо отстранилъ одного бѣдняка слѣпца, который помѣшалъ, имѣя потребность въ духовной бесѣдѣ, его разговору съ богатымъ и гордымъ Валідъ Ибнъ Мугирой, главой знатной семьи Махзумъ—еще одно доказательство, какъ честно относился Мухаммедъ тогда къ истинѣ, ради ея не щадя даже самого себя.

Соотвѣтственно содержимому въ первомъ откровеніи назвали его «чтеніемъ», по-арабски куранъ, что, кромѣ того, понимается какъ громкое чтеніе предъ общиной, также точно передача, декламация. Слово это перенесено потомъ, какъ извѣстно, и на весь сборникъ, содержащій всѣ чтенія въ совокупности, и подъ словомъ аль-куранъ «чтеніе» (отсюда алькоранъ) принимается теперь безусловно послѣднее значеніе. Въ томъ видѣ, въ какомъ сохранились и по сіе время, собраны они были по приказанію третьяго халифа Османа. О редакціи будетъ еще рѣчь впереди. Теперь мы скажемъ только, что въ этомъ сборникѣ помѣщены были несомнѣнно подлинныя рѣчи пророка, которыя считалъ онъ за божественныя откровенія. Переданы онѣ съ величайшею точностью. Но при сведеніи въ одно, часто очень коротенькихъ отдѣльныхъ корановъ, не было обращено никакого вниманія на порядки хронологическій и предметный, такъ что рѣдкій изъ нихъ остался нетронутымъ самъ по себѣ, безъ смѣшенія съ другими. Даже въ самую раннюю эпоху, имѣли обыкновеніе соединять въ одно цѣлое многіе кораны, въ особенности одинаковаго стихосложенія, хотя бы первоначально они ничего не имѣли общаго другъ съ другомъ. Въ концѣ концовъ получилось нѣчто цѣлое, состоящее изъ суръ (т. е. «отдѣловъ»), соотвѣтствующихъ главамъ нашего священнаго писанія. Всѣ онѣ, если не принимать въ расчетъ первой, предназначаемой для ежедневной молитвы мухаммеданъ, распредѣлены чисто по внѣшнему виду, по длинѣ ихъ. Такимъ образомъ коранъ представляется намъ въ видѣ хаотической кучи отрывковъ, не имѣющихъ связи, такъ что почти невозможно толкомъ прочесть подъ рядъ хотя бы одну страницу. Къ тому же, благодаря извращенному распредѣленію порядка суръ по ихъ длинѣ, почти двѣ трети цѣлаго загромождены вначалѣ

исключительно только скучными дѣйствительно декламаціями противъ іудеевъ, а также подробностями ритуала и политическихъ предписаній закона, хотя и очень цѣнныхъ съ научной исторической точки зрѣнія. Между тѣмъ короткія, дѣйствительно прекрасныя и во всякомъ случаѣ патетическія суры, относящіяся къ древнѣйшей эпохѣ мекканской, стоятъ совершенно особнякомъ въ концѣ. Рѣдкому читателю Запада удастся до нихъ пробиться. Къ сожалѣнію въ Германіи все еще нѣтъ дѣйствительно хорошаго перевода корана. Положимъ, работа эта во многихъ отношеніяхъ представляетъ величайшія трудности. Но для историка все это представляетъ большое неудобство, ибо нельзя же ему вставлять въ свое сочиненіе длинныя выдержки изъ этой замѣчательной книги, а между тѣмъ онѣ должны быть основой всего дальнѣйшаго развитія и съ содержаніемъ ихъ, хотя въ нѣкоторой степени, необходимо познакомить читателей. Приведенныя выше коротенькія мѣста могли дать, хотя приблизительно, понятіе о своеобразной почти гіероглифической краткости древнѣйшихъ откровеній. Дабы познакомить и съ внѣшней стороною, позволю себѣ передать, не совсѣмъ можетъ быть искусно, содержаніе 93-й суры:

Клянуса пышнымъ дня сіянемъ *).—И тихой ночи обаяніемъ.—Господь тебя вѣдь не оставилъ.—И милости своеѣ Онъ не убавилъ.—По истинѣ конецъ.—Всему началу вѣнецъ.—Онъ благомъ одарить обильнымъ.—На вѣки сдѣлаетъ довольнымъ.—Не сиротой ли горькой прикутилъ?—Взыскалъ тебя бездомнаго, на вѣрный путь поставилъ.—Не бѣднымъ ли обрѣлъ?—И обогатилъ.—И ты сиротъ не притѣсняй.—Прозящему немедленно подай.—А благодать Божью прославляй **).

Непривычная быть можетъ для насъ рифмованная проза, которою написанъ весь коранъ, употреблялась Мухаммедомъ не первымъ. Хотя у арабовъ, въ древнія времена, не существовало правильного богослуженія, но у всѣхъ племенъ встрѣчались люди, исполнявшіе нѣчто въ родѣ обязанностей жреца. Называли ихъ *кахинъ*, словомъ, позаимствованнымъ отъ іудеевъ. Они собственно не исполняли должностей пастырей душъ; скорѣе походили на лѣкарей индійскихъ. По брошенной на удачу стрѣлѣ или же полету птицъ, предвѣщали они суетвѣрнымъ бедуинамъ въ туманныхъ присказкахъ, при этомъ пользовались коротенькими, въ видѣ стиховъ, но не строго размѣренныхъ, связными періодами, подобными приведеннымъ выше. Мухаммедъ не обладалъ столь широко распространенной между арабами способностью импровизиро-

*) Древнѣйшія суры начинаются, обыкновенно, такого рода обращеніями. Какъ бы сама природа призывается въ свидѣтели истины, слѣдующаго за тѣмъ божественнаго изреченія.

**) Стихосложеніе этого перевода, не совсѣмъ точно соотвѣтствуетъ оригиналу, но можетъ дать близкое понятіе о родѣ его.

вать стихами. Поэтому его непосредственныя короткія вдохновенія, естественно, выливались въ видѣ рифмованной прозы оракула. Сначала происходило это какъ бы безъ его вѣдома, далѣе продолжалъ онъ поддѣлываться подъ этотъ тонъ намѣренно. Входили затѣмъ постепенно нѣкоторыя видоизмѣненія, которыя, въ концѣ концовъ, исказили форму до неузнаваемаго. Замѣтное ослабленіе фантазіи, постоянно увеличивающаяся сухость содержанія повліяли главнымъ образомъ на удлинненіе отдѣльных періодовъ. Размѣръ стиха чувствовался все слабѣе и слабѣе. Дошло до того, что едва было можно подмѣтить ритмъ и проповѣди его позднѣйшія почти перестали отличаться отъ обыкновенной прозы. Вотъ самая существенная разница между сурами мекканскими и старѣйшими—мекканскими.

Догматическое содержаніе древнѣйшихъ частей корана весьма несложное. Существуетъ одно Божество, Аллахъ, Господь *). Онъ сотворилъ міръ и его поддерживаетъ. Ему одному подобаетъ поклоняться, слѣдуетъ отречься отъ всякаго идолопочитанія. Мухаммедъ его пророкъ **), ему поручено предостеречь людей и возвѣстить имъ, что наступитъ возстаніе изъ мертвыхъ и страшный судъ, на которомъ каждому воздастся по заслугамъ. Кромѣ исповѣданія истинной вѣры, главнѣйшія обязанности человѣка: молитвы въ опредѣленные сроки, честное отношеніе къ ближнему и милостыня бѣднымъ. Ужасный обычай арабовъ — закапывать живыми новорожденныхъ дочерей, горячо также осуждается. Очевидно, что эти основные законы, не принимая въ расчетъ божественнаго посланничества Мухаммеда, признаются какъ іудеями, такъ и христіанами. Поэтому онъ не заявляетъ никакой претензіи, что вноситъ нѣчто новое; онъ только напоминатель, дабы обратились снова къ старой, забытой истинѣ, и въ тѣ времена, не чувствуетъ еще себя, ни въ чемъ, отдѣленнымъ отъ остальныхъ, исповѣдывавшихъ монотеизмъ. Лишь позднѣе, когда успѣлъ познакомиться ближе съ христіанскимъ, а въ особенности іудейскимъ ученіемъ, онъ примѣтилъ, что у нихъ не встрѣчается рѣшительно никакого намека на божественность его посланничества. Тогда только онъ вступилъ въ открытую съ ними борьбу.

Пока же ему приходилось имѣть дѣло только съ невѣрующими жителями Мекки. Въ первыхъ рядахъ его противниковъ стояли: Аль-Валидъ Ибнъ Мугіра и Абуль-Хакамъ Амръ Ибнъ Хи-

*) Арабское Аллахъ слово сложное изъ al—iláh „Богъ“.

***) Rassulu 'llàhi „посланникъ божій“. Отсюда произошла официальная формула вѣроученія: lá ilàha illa 'lláhu wa Mohámmed rassúlu 'llàhi. „Нѣтъ Бога кромѣ Бога“—т. е. „кромѣ Аллаха“—а Мохаммедъ посланникъ Аллаха.—Отсюда произошло испорченное: „Алла-Иль-Алла. Всѣ эти переименованія арабскихъ періодовъ и словъ произошли, понятно, во время турецкихъ войнъ.“

шамъ, обыкновенно называемый, придуманнымъ Мохаммедомъ, насмѣшливымъ прозвищемъ Абу-джахль «отецъ *) глупостей». Оба они принадлежали къ извѣстному роду Махзумитовъ. Таковымъ же былъ Абу Суфьянъ изъ рода Омейи; позже выступаетъ онъ главнымъ врагомъ пророка. Кромѣ всевозможнаго вреда, какое только можно было нанести членамъ маленькой общины, не ставя ребромъ вопроса о вѣрности ихъ безопасности, старались мекканскіе аристократы всячески дискредитировать самого пророка. Всѣ кричали, что ученіе его—не то бредъ пустой фантазіи, малоискуснаго поэта, не то, пожалуй, и лжеца. Другіе, притязанію на божественность его посланничества, противопоставляли утверженіе, что все имъ излагаемое не новость—чего онъ, впрочемъ, никогда и не оспаривалъ. Все это, въ совокупности, ставило его въ безвыходное положеніе. Отъ него требовали чудесъ, какъ доказательствъ его божественной миссіи. Въ безпрестанной борьбѣ съ врагами, рѣчь его становится все горячѣе, онъ заносится. Описываетъ въ яркихъ краскахъ ужасы страшнаго суда, рисуетъ муки ада, которыя ждутъ ненавистниковъ Бога, и живописуетъ утѣхи «сада»**), ждущія вѣрующіихъ. Картины его становятся все подробнѣе и, понятно, чѣмъ далѣе—все чувственно грубѣе***). А когда противники насмѣшливо допрашиваютъ его: когда же, наконецъ, наступитъ такъ часто возвѣщаемый ужасный «часъ» страшнаго суда—Мухаммедъ въ первое время предполагалъ скорое его наступленіе,—онъ по неволѣ отсылалъ ихъ къ Богу, которому одному извѣстна сія тайна. На требованія чудесъ и на сомнѣнія, высказываемыя нѣкоторыми о возможности тѣлеснаго возстанія, предлагалъ онъ доказательства величія Божія почерпать въ чудномъ строеніи природы, въ особенности же таинственнаго возникновенія человѣка. Понятно, все это дѣлу его не много помогало. Утѣшенія продолжались своимъ чередомъ. А то обстоятельство, что Мухаммедъ собиралъ своихъ приближенныхъ въ домѣ Аркама, одного изъ первыхъ имъ обращенныхъ, гдѣ сходились они въ опредѣленное время на общую молитву****), а еще болѣе, его страстная охота затѣ-

*) Обозначенія родства: отецъ, мать, братъ, сестра, сынъ, дочь, арабы употребляютъ часто въ характеристическихъ выраженіяхъ свойствъ или отношеній лица или предметовъ. Такъ напр. лисца у нихъ „отецъ маленькой крѣпости“, гіена „мать гробовъ“, надежный человѣкъ „братъ вѣрности“, храбрый человѣкъ „сынъ войны“, вино „дочь виноградной лозы“ и т. п. Стало быть „отецъ глупостей“ есть тотъ, кто говоритъ и дѣлаетъ одиѣ глупости.

**) al—dschannatu (еврейск. гап)—садъ эдема, рай.

***) Избранныя гуріи престелныя дѣвы, предназначенныя для наслажденій вѣрующимъ, появляются довольно рано. Слово это арабское—Аль-Хуръ, множественное отъ Аль-Хаурá „волоокая“.

****) Молитва съ самаго начала возникновенія ислама составляла главную сущ-

вать религиозныя пренія со всякимъ встрѣчнымъ, имъ же чаще всего завлеченнымъ, выводило изъ терпѣнія невѣрующихъ и подавало поводъ ко многимъ безчинствамъ. Поэтому медленное возрастаніе маленькой общины, мало-по-малу, совсѣмъ прекратилось. Нѣкоторые, не выполнѣ твердые въ вѣрѣ, отпали снова отъ Мухаммеда, убоившись насмѣшекъ земляковъ или не желая раздражать недовольство сильныхъ. Новое ученіе, дѣйствительно, не могло имѣть послѣдователями полуубѣжденныхъ или же равнодушныхъ. Съ самаго начала ясно обозначились въ откровеніяхъ Мухаммеда требованія, чтобы человекъ безусловно, тѣломъ и душой, предался и слѣдовалъ заветамъ Бога. Отбросивъ въ сторону всякую заботу о своихъ собственныхъ интересахъ или самостоятельной волѣ, долженъ правовѣрный отдаться исполненію велѣній Всевышняго. Точное опредѣленіе понятія, съ которымъ арабъ связываетъ значеніе слова «исламъ», есть преданность, безусловная покорность. По всей справедливости, поэтому, исламъ носить названіе вѣры, которая требуетъ, болѣе чѣмъ всякая другая, беззаветной преданности человека Богу. Такой вѣрующей, исповѣдающей подобную преданность, получаетъ почетное названіе Муслима *), «предавшагося». Въ нѣсколько болѣе глубокомъ смыслѣ, тѣ же воззрѣнія и у христіанъ, отличіемъ будетъ только недостаточность внутреннихъ субъективныхъ убѣжденій араба. Воля Божія возвѣщается ему не по собственному побужденію, а исключительно согласно предписаніямъ пророка, подобно тому, какъ солдатъ исполняетъ волю своего военачальника чрезъ посредство командныхъ словъ ближайшаго командира своего. Въ этомъ отношеніи, выказывается нѣкотораго рода родство ислама съ извѣстными теченіями католицизма.

Подобное воззрѣніе стояло, на самомъ дѣлѣ, въ разрѣзъ съ природою араба; издавна привыкъ онъ не обращать никакого вниманія ни на чью волю, кромѣ своей. Опасность для маленькой кучки вѣрующихъ тѣмъ болѣе становилась грозной, что начиналось уже распаденіе общины. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ первой стадіи развитія ислама особенно замѣтно христіанское вліяніе, и Мухаммедъ явно искалъ поддержку у нихъ. Выше мы уже видѣли, какъ назадъ тому, около ста лѣтъ, старались христіане эіопы утвердить въ южной Аравіи свою политику и религію. Былъ моментъ, когда предполагалось, что и Мекка не избѣжитъ послѣдствій этой борьбы. Но съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ, давно уже возобновились снова друже-

ность богослуженія. При разборѣ мухаммеданскаго ученія, будутъ перечислены и ихъ роды.

*) Съ особымъ придаточнымъ прилагательнымъ окончаніемъ, по-персидски слово это произносится Muslimán, болѣе неправильно выговариваемое Musulmán, или какъ произносятъ турки Müsülmán.

скія сношенія между Абиссиніей и арабскимъ главнымъ торговымъ городомъ. Отсюда можно было въ нѣсколько дней чрезъ Шу'ейбу (невдалекѣ отъ позднѣйшей Джебды), чрезъ Красное море достигнуть страны, Надшаши *), управляемой эіопскимъ царемъ. Такъ какъ Мухаммедъ держался еще того понятія, что откровенія его, по содержанію, совершенно сходны съ тѣми, которыя Богъ преподалъ людямъ чрезъ посредство Моисея и Христа, а нынѣ, для распространенія ихъ среди арабовъ призванъ онъ, поэтому онъ смотрѣлъ собственно на абиссинцевъ, какъ на своихъ единовѣрцевъ. Вотъ почему полагалъ онъ возможнымъ отправить туда тѣхъ изъ своихъ приверженцевъ, которыхъ желательно было избавить отъ притѣвленій аристократовъ Мекки. И вотъ, по общеупотребляемой хронологіи, въ 615 году было предпринято первое переселеніе правовѣрныхъ въ Эіопію. Вначалѣ, вѣроятно для того, чтобы лучше разузнать порядки чуждой страны, отправилась маленькая группа изъ одиннадцати чело-
вѣкъ.

Одновременно, однако, глубоко страдавшему пророку, и въ этомъ тяжеломъ положеніи находящемуся въ сильномъ возбужденномъ состояніи, пришло въ голову, нельзя ли попытаться придти къ какому либо соглашенію съ земляками, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на такое рискованное ослабленіе общины, какъ выселеніе большими толпами правовѣрныхъ. Ему показалось возможнымъ признать туземныхъ боговъ, по отношенію къ Аллаху, господину Ка'бы, за ангеловъ,—за нѣкоторый родъ промежуточной инстанціи, между Творцомъ и людьми. По его позднѣйшимъ соображеніямъ, мысль эту вдохнулъ ему сатана, сильно встревоженный, понятно, его проповѣдью и давно высматривавшій случай подготовить посланнику Божию западную. Ему удалось, дѣйствительно, обмануть пророка: нашептыванія злого духа онъ принялъ было за подлинныя слова Божіи. Господь допустилъ, вѣроятно, въ наказаніе за его маловѣріе, благодаря которому пророкъ, съ нѣкотораго времени, сталъ думать о примиреніи съ невѣрующими. Случилось это такъ. Однажды Мухаммедъ передъ Ка'бой, находившейся невдалекѣ отъ дома Аркама, возвѣстилъ, въ связи съ однимъ изъ его корановъ: «хорошо ли вы поразмыслили о Л а т ѣ и У з з ѣ и третьей между ними М а н а т ѣ? Да, онѣ подобны благороднымъ лебедямъ **») и, дѣйствительно, на ихъ заступничество можно надѣяться!»

*) Такъ выговаривается по-арабски слово нагаши, которое, по древне-эіопскому нарѣчію, и по нынѣ употребляемому въ Абиссиніи, означаетъ Негусъ «царь».

**») Арабское слово обозначаетъ лебеди или журавли, а фигурально употребляется иногда, говоря о стройныхъ и красивыхъ юношахъ. Мѣсто это довольно темное, настоящій смыслъ его и до сихъ поръ не опредѣленъ точно.

Присутствующіе при этомъ курейшиты, искавшіе по своему обыкновенію всякаго случая высмѣять и опорочить пророка, услышавъ подобный оборотъ, были изумлены, понятно, и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадованы. Когда ораторъ заключилъ дальнѣйшую свою проповѣдь словами: падите же ницъ передъ Аллахомъ и служите ему! Все собраніе, какъ одинъ человекъ, повиновалось приказанію. Но едва успѣлъ Мухаммедъ вернуться домой, какъ появился предъ нимъ ангелъ Гавріиль и преподаль рѣзкій выговоръ за его легкомысліе, благодаря которому онъ впалъ въ сѣти, разставленныя сатаной. Глубоко потрясенный пророкъ, не откладывая, созвалъ на слѣдующій же день новое собраніе. Снова прочелъ онъ на немъ тотъ же самый коранъ, но уже въ истинномъ изложеніи: «правильно ли вы размышляете о Латѣ, Уззѣ и Манатѣ, третьей между ними? Неужели же когда у васъ дѣти мужескаго пола, у Него—женскаго? *) Вѣдь это же невозможное распредѣленіе!»—Услыша это, мекканцы естественно разозлились еще пуще и отвернулись окончательно отъ него. Преслѣдованіе правовѣрныхъ началось снова, но еще болѣе жестокое, чѣмъ прежде.

Мухаммедъ могъ спокойно сознаваться въ заблужденіяхъ, въ которыя иногда впадалъ, ибо, въ продолженіе всей своей жизни, онъ никогда не заявлялъ притязанія на непогрѣшимость, равно какъ и на безошибочность, за исключеніемъ случаевъ, когда говорилъ сознательно о дѣлахъ вѣры. Межъ тѣмъ мусульманскіе теологи селятся навязать ему, болѣе или менѣе, оба эти свойства, поэтому замалчиваютъ большинство исторій, для нихъ почему либо щекотливыхъ. Но рассказанное нами добыто изъ стариннаго и хорошаго источника и несомнѣнно опирается въ сущности, на правду. Но и здѣсь мы встрѣчаемся съ намѣреннымъ затемнѣніемъ факта. Объясняя по своему «отклоненіе пророка въ язычество», преданіе насильно втискиваетъ цѣлое длинное развитіе въ отдѣльный маленькій фактъ. А между тѣмъ, мы можемъ представить сколько угодно доказательствъ изъ дальнѣйшихъ дошедшихъ до насъ извѣстій, что выселившіеся, по первому слуху о происшедшемъ примиреніи, собрались назадъ на родину, послѣ двухмѣсячной побывки своей въ Абиссиніи, и вскорѣ прибыли въ Мекку. Если первоначальное признаніе Мухаммеда было бы имъ взято назадъ такъ скоро, какъ

Можетъ быть и самъ Мухаммедъ не подразумѣвалъ адѣсь ничего прямо опредѣленнаго. Притомъ извѣстно, что онъ часто старается уснащать стиль своихъ корановъ разнаго рода чужестранными словами и неясными оборотами, дабы придать имъ поражающій оттѣнокъ. Три поименованныя выше женскія божества, Латъ, Уззâ и Манатъ, принадлежать собственно сосѣднимъ племенамъ, онѣ позаимствованы отъ нихъ жителями Мекки.

*) Это значитъ, если у жителей Мекки почитается одно мужское поколѣніе, развѣ Богъ можетъ довольствоваться этими дочерями.

это изображается въ разсказѣ, то извѣстіе объ этомъ должно же было дойти до ушей возвращавшихся, ну хоть гдѣ нибудь въ дорогѣ, и понудило бы ихъ остановиться. Скорѣе всего можно предположить, что мимолетное признаніе древнихъ боговъ произошло въ видѣ нѣкотораго рода попытки войти въ соглашеніе съ аристократами Мекки. Этой уступкой, рассчитывалъ онъ, вліяніе его сильно возрастетъ. И тогда, при помощи постоянного и твердаго напоминанія объ Аллахѣ, надѣялся онъ, постепенно, уйдеть на задній планъ грѣховное почитаніе идоловъ. Съ другой стороны, противникамъ его хотѣлось остановить дерзкія нападки на освященныя традиціей преданія общественной жизни. Взаимнѣ, быть можетъ, готовы были они, вмѣстѣ съ разными другими отдѣльными божествами, оказывать и Аллаху платоническое богопочитаніе, въ извѣстныхъ случаяхъ. По ихъ понятіямъ, они не много уступали, соглашаясь принять новую вѣру пророка, лишь бы онъ все-народно возвѣстилъ свою готовность вернуться къ вѣрѣ отцовъ, въ какой угодно формѣ. Никомъ образомъ не приходило имъ въ голову, что потребуется отказаться отъ равнодушія ко всякой живой вѣрѣ, а тѣмъ болѣе не рассчитывали они подчиняться требованіямъ, отъ которыхъ не могъ отказаться посланникъ Божій, по отношенію къ истиннымъ послѣдователямъ Аллаха. Ясное представленіе полной невозможности соглашенія должно было, въ самое короткое время, проявиться. Мухаммедъ вынужденъ былъ сознаться, что обманчивую, а по его воззрѣніямъ, самимъ сатаной внушенную надежду слѣдовало оставить. Открытое сознаніе въ сдѣланной имъ ошибкѣ приносить ему, конечно, много чести, но положеніе его, все-таки, понятно, значительно ухудшилось. Стало яснымъ какъ день, что его притязанія на роль провозвѣстника Божеской истины были неосновательны. Непріатели неустанно изобличали его въ противорѣчіяхъ, которыя удавалось имъ находить въ его страстныхъ рѣчахъ. Озлобленные неудачей соглашенія и продолжавшимся непреклоннымъ упрямствомъ того, котораго почитали уличеннымъ обманщикомъ, принялись они, съ удвоенной энергіей, гнать послѣдователей ислама. Только что вернувшіеся изъ Абиссиніи должны были снова потянуться въ обратный путь. За ними слѣдовали мало-по-малу маленькими группами и многіе другіе, особенно когда узнали, что Надшаша оказываетъ благорасположеніе къ арабскимъ почитателямъ Аллаха. Въ общемъ бѣжали туда 101 чловѣкъ, между ними мужчинъ 83. Въ числѣ ихъ былъ и Османъ, уѣхавшій съ дочерью пророка, Рукайей, и одинъ изъ братьевъ Алія. Большинство вернулось сравнительно въ короткое время обратно въ Мекку. Какая была причина? Трудно сказать. Или они были обмануты тѣмъ, что ждало ихъ на чужбинѣ, или же ихъ мучила совѣсть, что они покинули своихъ товарищей однихъ, въ неравной борьбѣ. Даже слабо-

характерный Османъ, которому помимо того, какъ члену семьи Омейя, менѣе другихъ слѣдовало опасаться, скоро вернулся къ своему тестю,

А онъ нуждался сильно въ помощи. Все упорнѣе напирали аристократы на его маленькую общину. Одно мгновеніе казалось, что и Абу-Талибъ, единственный личный защитникъ его въ минуту опасности, готовъ былъ отступить отъ Мухаммеда. Курейшиты неотступно насѣдали на благороднаго человѣка. Угрозы и внушенія, наконецъ, подѣйствовали. Невѣровавшій въ ученіе своего племянника, защищавшій Мухаммеда ради семейныхъ только принциповъ, завѣщанныхъ Абдъ-аль-Мутталибомъ, позвалъ его съ собою, предложилъ искать примиренія со своимъ народомъ и не обременять его далѣе слишкомъ тяжелымъ для него долгомъ. Мухаммедъ сразу почувствовалъ, что бывшій его защитникъ хочетъ отъ него отдѣлаться. Племянникъ отвѣтилъ горячо: «еслибъ вы дали мнѣ въ правую руку солнце, а въ лѣвую мѣсяцъ, подѣлюсь условіемъ, чтобъ я оставилъ начатое мною дѣло, прежде чѣмъ Господу угодно будетъ довести его до конца, если бы даже долженъ былъ при этомъ погибнуть,—знайте же—все-таки не оставлю его».—При этомъ слезы полились изъ его глазъ, и онъ быстро повернулся къ выходу. Но великодушный дядя вернулъ его назадъ и произнесъ: «Ступай съ миромъ, сынъ моего брата, и продолжай говорить, что тебѣ угодно будетъ. Ни въ какомъ случаѣ я тебя не выдамъ».

Тѣмъ не менѣе положеніе становилось все болѣе и болѣе грознымъ. Но преслѣдователи зашли слишкомъ далеко и дѣло начинало принимать оборотъ далеко не въ ихъ пользу. Разъ сидѣлъ Мухаммедъ не вдалекѣ отъ Ка'бы. Подошелъ Абу-Джахль и сталъ осыпать его самыми отборными проклятіями. Пророкъ не отвѣчалъ ни слова. Тутъ же стоявшая невдалекѣ рабыня, присматривавшаяся къ сценѣ, поторопилась передать кругомъ стоявшимъ всѣ, слышанныя ею, оскорбительныя выраженія. Какъ разъ въ это время подошелъ Хамза, братъ Абдуллы, отца Мухаммеда. Онъ возвращался съ охоты, съ лукомъ на плечѣ, и слышалъ ругательства. Закипѣла въ немъ горячая арабская кровь. Какъ могъ кто-то осмѣлиться столь жестоко оскорбить сына его брата?

Быстрѣе стрѣлы кинулся онъ къ Ка'бѣ, подбѣгаетъ къ сидящему Абу-Джахлю, ударяетъ его, въ присутствіи всѣхъ, лукомъ по лицу. Брызнула кровь, а обидчикъ злой приговариваетъ: «Какъ смѣлъ ты его поносить, я его единовѣрецъ и признаю то, что онъ признаетъ. Отплати мнѣ тѣмъ же, если посмѣешь!»—Хамза былъ мужчина громаднаго роста, сильный. Того, другого, тоже взяло раскаяніе. Поэтому онъ самъ сталъ защищать Хамзу отъ сбѣжавшихся къ нему

на помощь. «Оставьте въ покоѣ Абу-Омару» *), заговорилъ обиженный, «ибо, ей же ей, я обругалъ неприлично сына его брата». Но Хамза и не думалъ отречься отъ разъ имъ сказанныхъ словъ. Съ этихъ поръ примкнулъ онъ къ исламу. Впослѣдствіи, изъ первыхъ, палъ онъ, защищая дѣло правовѣрныхъ.

Еще знаменательнѣе, чѣмъ это неожиданное обращеніе такого близкаго и почитаемаго всѣми родственника, было принятіе ислама другою личностью, относящееся приблизительно къ тому же времени (около 615 или 616 года). Омаръ, сынъ Хаттаба, изъ дома Адій, до сей поры былъ однимъ изъ самыхъ злѣйшихъ преслѣдователей новой вѣры. Серьезный по натурѣ, онъ не могъ обойтись безъ того, чтобы не подвергнуть изслѣдованію оспариваемаго. Мало-по-малу, дошелъ онъ до убѣжденія, что справедливость была на сторонѣ Мухаммеда. Открытое обращеніе было непосредственнымъ слѣдствіемъ пріобрѣтеннаго имъ сознанія. Ближайшія подробности этого событія передаются преданіемъ въ формѣ неопредѣленной и часто противорѣчивой. Во всякомъ случаѣ, признаніе новой религіи подобной личностью имѣло весьма важныя послѣдствія. Многіе, конечно, идутъ слишкомъ далеко въ данномъ случаѣ, желая видѣть въ немъ настоящаго основателя ислама— было бы это, безъ сомнѣнія, равносильно съ произвольнымъ искаженіемъ фактовъ, тѣмъ не менѣе заслуги Омара слишкомъ велики. Онъ извѣстенъ какъ могучій и интеллигентный организаторъ, впослѣдствіи, совокупности всего мухаммеданскаго міра; не будь его, по всѣмъ вѣроятіямъ, халифатъ, возникшій изъ ничего и достигшій мірового значенія, быстро снова бы распался; это былъ человѣкъ рѣшительныхъ дѣйствій. Съ того самаго момента какъ увѣровалъ, становится онъ настоящимъ побуждающимъ элементомъ въ средѣ окружающихъ пророка. Если спокойная твердость Абу Бекра придавала нравственную выдержку болѣе глубокому, но непостоянному и ограниченному, въ особенности въ дѣлахъ внѣшней жизни, уму Мухаммеда, то Омаръ умѣлъ увлекать за собой пророка, побуждая его къ рѣшительнымъ, безповоротнымъ дѣйствіямъ. А безъ нихъ, въ данныхъ обстоятельствахъ, какъ это впослѣдствіи выяснилось отчетливо, нельзя было и думать о дальнѣйшемъ распространеніи вѣроученія. Омару было не болѣе 26 лѣтъ, когда онъ примкнулъ къ правовѣрнымъ. По наружному виду гигантъ, на голову возвышавшійся надъ толпой современниковъ, онъ отличался рѣдкими качествами духа: смѣлость и рѣшительность дѣйствій сопровождалась у Омара въ необычайной степени прозорливостью и мудростью соображеній. Подобныя свойства, не смотря на то, что онъ не выда-

*) Омара, сынъ Хамзы, отсюда и прованіе—Абу Омара. Высшей гордостью араба считается быть отцомъ. Поэтому, въ видѣ почета, обращаясь къ нему, зовутъ его прозвищемъ сына.

вался ни происхожденіемъ, ни состояніемъ, упрочили за нимъ, почти съ юныхъ лѣтъ, если не вліяніе, то уваженіе. Весь его характеръ и направленіе обнаружили сразу при первомъ вступленіи въ лоно правовѣрныхъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы прекращены были разъ навсегда богослуженія тайкомъ въ домѣ Аркама. Съ этого самаго времени стали правовѣрные открыто собираться у Ка'бы, устраивали тутъ общія молитвы въ виду всѣхъ и совершали торжественныя процессіи вокругъ святаго дома. Обычай этотъ прежняго времени не возбуждалъ ни въ комъ сомнѣній, имъ продолжали пользоваться, но исключительно для прославленія имени Аллаха.

Открытое выступленіе правовѣрныхъ произвело поражающее впечатлѣніе на аристократовъ. Съ Хамзой и Омáромъ было не до шутокъ. На каждую насмѣшку отвѣчали они ударомъ, а открытой войны зажиточные купцы избѣгали какъ огня: они рисковали всѣмъ, Мухаммедъ же ничего не терялъ. Онъ могъ взбунтовать рабовъ, и во всякомъ случаѣ нанесъ бы большой вредъ торговлѣ Мекки. По прежнему положеніе дѣлъ было невыносимое. Послѣдніе успѣхи пропаганды замѣтно ободряюще повліяли на пророка. Съ другой стороны, непріятныя и компрометирующія воспоминанія попытокъ къ примиренію подстрекали его вдвойнѣ къ безповоротному осужденію поклоненія идоламъ. Поэтому болѣе чѣмъ когда либо начала обнаруживаться страстность его натуры. И прежде находили на него сомнѣнія; Господь всемогущъ, думалось пророку: если только пожелаетъ, можетъ проявить волю свою въ войнѣ съ человѣческимъ невѣріемъ. Все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала его мозгомъ мысль, что если мекканцы станутъ продолжать оказывать упорное сопротивленіе истинѣ, если взаимное ожесточеніе въ концѣ концовъ дойдетъ до крайнихъ предѣловъ, то самъ Господь пожелаетъ уже не обращенія, а истребленія грѣшниковъ, предоставляя лишь особымъ избранникамъ возможность приобщиться къ истинной вѣрѣ. Все чаще и чаще слетають съ устъ его слова: «Богъ руководитъ тѣми лишь, коихъ избралъ, и оставляетъ въ заблужденіи остальныхъ, коихъ не пожелалъ». Страшный догматъ абсолютнаго предопредѣленія, въ самой нечеловѣческой формѣ, сталъ понемногу выступать на сцену. Согласно этому ученію, возвѣщеніе истины не имѣло цѣлью помочь всему человѣчеству, скорѣе наоборотъ лишало невѣрующихъ всякаго оправданія, такъ какъ воля Божія отнимала отъ нихъ самую возможность выработки собственными силами доступа къ вѣрѣ. Эти воззрѣнія, мало замѣтныя въ коранѣ съ начала, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе стали выступать все ярче и ярче, пока не преобразовались въ догматикѣ ислама постепенно въ безусловный фатализмъ. Нерасторжимыя узы его сковали нынѣ всюдуховную жизнь мусульманскаго востока. Въ этомъ отношеніи самъ Мухаммедъ не поступалъ

съ неуклонной послѣдовательностью. Строгий логическій путь былъ ему незнакомъ. Но все же нельзя не замѣтить, что и онъ—первоначальную тему своей проповѣди: «если вы не обратитесь, пожраны будете геенной»—сталъ формулировать совершенно иначе. Въ его проповѣди начинались слышаться грозные тоны. Вы не хотите и не можете обратиться, говорить онъ, знайте же, что уготованъ вамъ адъ. Понятно даже курейшиты должны были усмотрѣть въ этомъ новое обострение нападений. Съ своей стороны и они постарались напомнить о томъ грубомъ противорѣчii, въ которое онъ впалъ при фатальной попыткѣ къ примиренiю, обзывая его лгуномъ не безъ нѣкотораго основанiя. Подъ давленiемъ этого обвиненiя, пророкъ вынужденъ былъ выискивать новыя доказательства для подтвержденiя проповѣдуемой имъ истины. Придать доводамъ силу внутренняго глубокаго убѣжденiя и логическаго обоснованiя онъ не могъ—не хватало ему высшаго духовнаго образованiя; быть можетъ еще болѣе служила препятствiемъ ограниченность продуктивности духа, сила котораго заключалась у него въ страстности пониманiя, а не въ началѣ вырабатывающаго изъ себя творчества. Воспользоваться тѣмъ, что слышалъ отъ друзей своихъ христіанъ, онъ не могъ: крестная смерть, костеръ—все это для поверхностнаго пониманiя грубаго народа представлялось лишь знакомъ слабости. А между тѣмъ въ головѣ его продолжали бродить воспоминанiя, почерпнутыя изъ прежнихъ его отношенiй съ iудеями. Онъ не могъ забыть, что тѣмъ, которые выказывали непріязненные отношенiя къ древнимъ патриархамъ и пророкамъ, какъ напр. Аврааму и Моисею, приходилось въ концѣ концовъ плохо. Съ жадностью продолжаетъ онъ вывѣдывать отъ жившихъ и посѣщающихъ Мекку евреевъ о ближайшихъ подробностяхъ этихъ событiй. И съ этого времени начинаютъ выступать въ коранахъ, вмѣсто нескончаемо повторяемыхъ безпрестанно варіацій на одну и ту же тему доказательствъ всемогущества Божiя, почерпаемыхъ изъ чудесъ природы, рассказы изъ библейской исторiи Ветхаго завѣта, въ особенности тѣ, въ которыхъ говорится о наказанiяхъ, которымъ во всѣ времена подвергались лжецы правды и противники древнихъ пророковъ. Конечно, въ изображаемомъ имъ св. писанiе нѣсколько искажалось. Онъ уснащалъ библейскiя событiя разнаго рода прибавленiями и арабесками, которыми хаггада, талмудическое преданiе, иногда красиво и остроумно, но чаще всего до карикатуры и не въ мѣру, оплетало широкими лентами стволъ первоначальныхъ преданiй. Добродушные жители Мекки, впрочемъ, едва ли что либо и слышали прежде про это. Но если арабъ самъ мало способенъ къ изобрѣтенiю легендъ, тѣмъ не менѣе прислушивается охотно къ нимъ. Склонность эта сохранилась въ немъ и понынѣ. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что многіе посторонніе стали внимательно слѣдить за тѣмъ

что говорить пророкъ, чего прежде какъ то не замѣчалось, но подобное воздѣйствіе новой формы откровенія продолжалось, во всякомъ случаѣ, не долго. Находился тогда въ Меккѣ одинъ человекъ, по имени Ад-Надръ, сынъ Хѣриса, выдавшій свѣтъ; между прочимъ, побывалъ онъ, и довольно долго прожилъ въ Хирѣ. Тамъ удалось слышать ему увлекательныя сказанія о древнихъ персидскихъ царяхъ и ихъ богатыряхъ Пехлеванъхъ. Къ сожалѣнію, какъ это часто встрѣчается у такъ называемыхъ полуобразованныхъ, онъ былъ самымъ отчаяннымъ вольнодумцемъ и съ самаго начала презрительно и насмѣшливо относился къ божественному откровенію, проповѣдываемому Мухаммедомъ. Разъ, въ присутствіи его, пророкъ началъ рассказывать о благочестивомъ Моисей и зломъ Фараонѣ. Давъ докончить пророку, онъ воскликнулъ: О люди Курейша, я знаю болѣе занятныя исторіи, чѣмъ этотъ человекъ. Прислушайтесь только, я расскажу вамъ одну премиленькую исторію, много почище его рассказовъ. И сталъ онъ рассказывать о царяхъ Персіи, о мощномъ Рустемѣ, о красавцѣ юношѣ, Исфендіярѣ *). Толпу это очень заняло и отклонило ея вниманіе отъ серьезныхъ предметовъ.

Насколько сильный вредъ принесла пророку подобнаго рода конкуренція, можно судить по тому, что бѣдный Надръ поплатился позднѣе за этѣ головой, хотя Мухаммедъ, вообще, воюя съ земляками, проявлялъ постоянно замѣчательную, до поразительнаго, кротость. Особенно глубоко оскорбляло пророка, что подобный анекдотическій хламъ могли ставить на ряду со спасительными, предостерегающими примѣрами его поученій, а онъ такую великую надежду возлагалъ на нихъ. Все чаще и чаще прорывается у него негодованіе, по поводу того, что многіе стали въ шутку называть его пророческія легенды «старинными сказочками». Несмотря на сознаніе, что онѣ позаимствованы имъ отъ іудеевъ, пророкъ настаиваетъ упорно, что онѣ были новымъ откровеніемъ, исходящимъ непосредственно отъ самого Бога. И онъ не глалъ: отвлеченныя идеи скорѣе всплывали въ его мозгу, чѣмъ сознательно имъ вырабатывались. Неподвижному уму пророка между тѣмъ представлялось постоянно, что это было, какъ говорятъ христіане, «наитіемъ Святого Духа».

*) Это имя, въ національныхъ легендахъ персовъ, играетъ такую же роль какъ Зигфридъ или Ахиллесъ. Рекомендую прекрасную книгу графа Адольфа Фридриха von Schach, «Heldensagen von Firdusi. In deutscher Nachbildung nebst einer Einleitung über das Iranische Epos. Berlin 1865». Въ ней заключается, кромѣ поименованнаго въ заглавіи, цѣлый рядъ лучшихъ героическихъ пересказовъ, заимствованныхъ изъ обширнаго персидскаго эпоса; въ мастерской обработкѣ, чудная поэзія этихъ легендъ даетъ наглядное представленіе о несравненной прелести новаго, чуждаго европейцу, міра.

Для жителей Мекки были весьма неприятны вообще возникшія снова распри и все болѣе и болѣе выступающее сознательное движеніе правовѣрныхъ; тѣмъ серьезнѣе слѣдовало имъ отнестись къ мусульманской колоніи продолжавшей попрежнему гостить въ эіопскомъ царствѣ. Трудно было забыть про прежнія эіопско-арабскія войны. Приходилось поневолѣ, отъ бесполезныхъ, а въ настоящее время даже опасныхъ, личныхъ оскорбленій и придирокъ, перейти къ настоящимъ политическимъ мѣрамъ. Мекканцы отправили посольство къ Наджаши, съ просьбою удалить изъ страны переселенцевъ. Король рѣшительно отклонилъ ихъ требованіе, и это еще болѣе усилило заботы горожанъ. Съ своей стороны Абу-Талибъ продолжалъ упорно отказывать въ просьбахъ отступить отъ своего племянника. Поэтому, въ 617 году, всѣ семьи Мекки порѣшили заключить торжественный договоръ, по которому рѣшено было прервать всякія сношенія съ семьями Хашимъ и Мутталибъ. Запрещено было что-либо покупать и продавать ихъ членамъ, прекращены были всякія съ ними сношенія.

Подобное рѣшеніе, само собою, замыкало хашимитамъ доступъ въ остальные городскіе кварталы, поневолѣ должны были они ограничиться своимъ только собственнымъ. Какъ кажется, они не въ силахъ были удержаться даже и здѣсь. По крайней мѣрѣ всѣ дошедшія до насъ извѣстія единогласно утверждаютъ, что обѣ семьи, вкупѣ, удалились въ одну часть; лѣпилась она по боковому ущелью восточнаго горнаго хребта Абу-Кубейсъ, врѣзывавшагося вплотную въ городъ. По находящемуся здѣсь дому Абу-Талиба, это мѣсто носило названіе квартала или вѣрнѣе ущелья Абу-Талиба *). Съ остальнымъ городомъ соединялось оно воротами съ фронта, а съ обоихъ боковъ отдѣлялось отъ ближайшихъ кварталовъ громадой нависшихъ скалъ или наружными стѣнами домовъ. И нынѣ, въ городахъ Востока, всякій кварталъ такъ замкнуть, что можетъ быть защищаемъ каждый особо. Эта большая выгода надежной зашиты, противъ постоянно угрожавшаго внезапнаго нападенія, побудила, вѣроятно, скорѣе всего хашимитовъ къ добровольному помѣщенію въ болѣе тѣсномъ пространствѣ; но оно еще болѣе становилось недостаточнымъ, потому что пришлось принять порядочное число послѣдователей пророка и изъ другихъ семей, равно подлежащихъ исключительнымъ мѣрамъ. Независимо тяжелой стѣснительности внѣшняго ограниченія, гоненіе это оказалось для жителей скалистой долины вначалѣ почти невыносимымъ. Проводимое въ рѣзкой и строгой формѣ, оно доходило до того, что преслѣдуемымъ нельзя было ничего купить; скотъ ихъ не находилъ корма на голой почвѣ, а о самостоятельной торговлѣ нечего было и думать, такъ какъ

*) По Буркхардту ущелье Алія (сына Абу-Талиба).

большинство было народъ бѣдный. Вскорѣ поэтому община стала испытывать всевозможную нужду и лишенія. Небольшое число зажиточныхъ людей, какъ Абу-Бекръ, едва успѣвали устранять самое худшее, а дѣла Мухаммеда, или скорѣе Хадиджи, находились въ сильномъ разстройствѣ, начиная съ самаго начала пророческой его дѣятельности. Черезъ горы не проложено было ни дорогъ, ни стезей. Долина была кругомъ замкнута. Приходилось поэтому добывать издалека и съ величайшимъ трудомъ самые необходимые жизненные припасы. Частенько для этой скученной толпы людской наступалъ голодъ, грозили и другія бѣдствія. Лишь въ теченіе четырехъ священныхъ мѣсяцевъ могли изгнанники странствовать по крайней мѣрѣ спокойно, внѣ округа Мекки, закупать на ярмаркахъ самое необходимое и заключать союзы съ остальными племенами. Но на послѣднее они не смѣли даже рассчитывать, — никто не довѣрялъ людямъ, отъ которыхъ даже свои собственные земляки отвернулись. Всѣ проповѣди Мухаммеда, съ которыми пробовалъ онъ обращаться къ различнымъ племенамъ, чаще всего на ярмаркахъ въ Указѣ, Минѣ, и другихъ мѣстахъ, оказались безуспѣшными. Много также вредили новообращеннымъ личныя усилія Абу-Лахаба, враждебнаго пророку дяди, разъ навсегда отдѣлившагося отъ семьи и примкнувшаго къ аристократамъ. Преданіе указываетъ особенно на него, какъ на человѣка, поносившаго всюду пророка и отпугивавшаго отъ него всѣхъ.

Выдержка, съ которой хашимиты выносили, отъ двухъ до трехъ лѣтъ подъ рядъ, подобное исключительное положеніе, можетъ каждому, незнакому съ условіями нерасторжимости у арабовъ семейныхъ узъ, показаться прямо таки невѣроятной. Надо сказать, что большинство хашимитовъ, а во главѣ ихъ самъ Абу-Талибъ, рѣшительно не вѣрили въ посланничество Мухаммеда; но онъ принадлежалъ къ ихъ семьѣ, и это ихъ всѣхъ обязывало, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, защищать его отъ непріятелей и выносить всѣ послѣдствія, отсюда проистекающія. Здѣсь въ первый разъ встрѣчаемся мы съ фактомъ, который повторяется впоследствии не разъ. Ему главнымъ образомъ исламъ обязанъ своимъ быстрымъ успѣхомъ. Хотя Мухаммедъ и его приверженцы не хотѣли признавать ничего, кромѣ повелѣній Божьихъ, и не считали себя болѣе связанными со старинными обычаями арабскихъ нравовъ, они могли все-таки продолжать пользоваться преимуществами, проистекавшими изъ связи ихъ съ единоплеменниками. Пророкъ могъ, на основаніи обычаевъ своихъ же враговъ, ожидать отъ нихъ и даже требовать того именно, въ чемъ, на основаніи своихъ собственныхъ принциповъ, онъ имъ отказывалъ. Такимъ образомъ, пока хашимиты, вслѣдствіе семейныхъ связей, держались крѣпко за него, тѣ же самыя семейныя связи мало-

по-малу подтачивали исключительный договор курейшитовъ. Не одинъ идолопоклонникъ имѣлъ въ кварталѣ Абу-Талиба близкаго себѣ родственника и, стало быть, долженъ былъ краснѣть, зная какъ онъ страдаетъ отъ нужды. Одно время, въ самомъ началѣ, вліяніе и угрозы аристократовъ препятствовали свободному развитію дѣятельности подобной тайной симпатіи; только иногда въ тиши ночи могъ пробраться по дорогѣ въ ущелье навьюченный жизненными припасами верблюдъ. Но мало-по-малу недовольство на неудобство для обѣихъ сторонъ исключительныхъ мѣръ въ высокой степени усилилось, тѣмъ болѣе, что ихъ бесполезность, благодаря непоколебимой выдержкѣ изгнанниковъ, стала очевидной для всѣхъ. Такимъ образомъ въ то время, какъ одни крѣпко держались въ единомысліи, между курейшитами возникали постепенно — сначала открытое разномысліе, а потомъ даже ссоры. Образовалась цѣлая партія, громко требовавшая снятія запрещенія. Въ концѣ концовъ движеніе это сломило упрямую волю знатныхъ. Въ теченіе 619 года договоръ между семьями мекканскими былъ такъ или иначе отмѣненъ *), хашимиты, вмѣстѣ съ правовѣрными, избавились наконецъ отъ стѣсняющаго ихъ изолированнаго положенія. Весьма вѣроятно, что это произошло на основаніи тайнаго соглашенія, по которому Мухаммедъ отказался продолжать открыто свою проповѣдь въ самой Меккѣ, прежнимъ порядкомъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не допустить, что старѣйшины Мекки, во всякомъ случаѣ, позаботились за отмѣну исключительныхъ мѣръ вырвать отъ пророка какую-нибудь уступку. И дѣйствительно, съ этихъ поръ, какъ оказывается, въ городѣ сразу какъ-то прекращается прозелитизмъ, а въ то же время, между обѣими непріязненными сторонами, прекращаются совсѣмъ распри и ссоры. Трудно поэтому не допустить, что это необычайное спокойствіе наступило вслѣдствіе взимнаго соглашенія. Очень возможно также, что хашимиты, вмѣстѣ съ Абу Талибомъ, обязались позаботиться удержать Мухаммеда отъ дальнѣйшей проповѣди, во избѣжаніе возникновенія новыхъ раздоровъ въ городѣ. Но преданіе въ данномъ случаѣ сохраняетъ глубокое молчаніе, а потому приходится ограничиться однѣми догадками. Во всякомъ случаѣ, принято всѣми, что послѣ снятія запрещенія Мухаммедъ самъ прекратилъ дальнѣйшія попытки обращенія своихъ земляковъ. Опыты послѣднихъ годовъ убѣдили его, вѣроятно, что въ этихъ ожесточенныхъ сердцахъ не проторить ему дороги къ истинѣ. Ничего поэтому не оставалось ему дѣлать, какъ возобновить прежнія попытки и снова завязать сношенія съ дальними племенами; начало этому было уже положено во времена запрещенія.

*) Понятно тутъ помогло, по вѣрованіямъ мусульманъ, какое-то чудо, которое дало возможность курейшитами нарушить такъ торжественно заключенный ими договоръ безъ особеннаго самоуниженія.

Задуманный имъ планъ былъ, примѣняясь къ арабскимъ воззрѣніямъ, столь необыченъ, даже чудовищенъ, что намъ въ настоящее время, при нашихъ исторически сложившихся обстоятельствахъ, трудно даже приблизительно понять всю громадность его значенія. Бывало правда и во времена язычества, хотя довольно рѣдко, что кто либо, совершившій примѣрно тяжкое преступленіе, чувствовалъ невозможность оставаться на родинѣ и бѣжалъ къ другому племени, прося принять его въ свою среду. Но, чтобы кто-нибудь, безъ какихъ-либо въ высшей степени побудительныхъ причинъ, вздумалъ разорвать родственныя, семейныя узы племени и при томъ еще изъ за религіозныхъ мотивовъ, было возможно развѣ среди христіанъ и іудеевъ тогдашней Аравіи. А между тѣмъ неслыханное дѣло, не принимая даже въ расчетъ временное стѣснительное положеніе пророка, должно было неизбѣжно свершиться. Иначе исламу не мыслимо бы было перескочить границы Мекки. Предположимъ, если бы случилось такъ, что цѣлый городъ, по доброй волѣ, подчинился верховенству Мухаммеда, міровой порядокъ нисколько не былъ бы нарушенъ. Новая вѣра стала бы тогда исключительнымъ достояніемъ племени курейшитовъ. Гальваническая цѣпь, такъ сказать, замкнулась бы по отношенію ко всѣмъ остальнымъ племенемъ Аравіи. Удалось ли бы и тогда мудрой политикѣ мусульманской побѣдить сопротивляющихся, по одиночкѣ, однихъ за другими—вотъ вопросъ, трудно разрѣшимый, а въ настоящее время, пожалуй, и излишній. Но такъ, какъ сложились обстоятельства, приходится сознаться: что упорство курейшитовъ было необходимо, чтобы дать возможность бѣжать Мухаммеду изъ узкаго кружка родного города и допустить созрѣть въ его головѣ вовсе не арабской мысли,—а именно, что не принадлежность къ племени, но общность религіи должны послужить основаніемъ для образованія общины правовѣрныхъ. Едва ли онъ самъ сознавалъ вначалѣ всѣ послѣдствія, къ которымъ повело приведеніе въ исполненіе этой роковой мысли. Еще менѣе сознательно поступали мекканцы, мѣшая ему изо всѣхъ силъ и всѣми возможными способами распространять свое ученіе въ городѣ; этимъ самымъ они развязали ему руки, для его дальнѣйшей дѣятельности извнѣ. Извѣстный аргументъ: что онъ подѣлаетъ, если свои же, лучше всякаго другого знающіе его, объ исламѣ не хотятъ и слышать—казался для всякаго араба слишкомъ очевиднымъ. И дѣйствительно, въ началѣ разсужденіе это оправдывалось блестящимъ образомъ. Но курейшиты не знали, что и тогда въ странѣ было такое мѣстечко, гдѣ можетъ внезапно вспыхнуть пожаръ.

Пока, конечно, не было и подобія того, чтобы положеніе ислама могло въ скоромъ времени уллучиться. Наоборотъ, основатель его именно теперь переживалъ самые печальные и безнадежные дни всего его жизненнаго существованія. Вскорѣ послѣ возстановленія сношеній

съ невѣрующими, потерялъ онъ, считая по обыкновенной хронологіи, въ концѣ 619 года, Хадиджу, а пять недѣль спустя, своего постоянного и надежнаго заступника Абу Талиба. Скорбь пророка о кончинѣ первой была безгранично сильна, хотя, благодаря его въ высшей степени впечатлительному и подвижному темпераменту, продолжалась она не очень долго; но смерть послѣдняго угрожала дальнѣйшему его существованію.

Супружество его съ Хадиджей продолжалось 24 года. Дожившая до 65 лѣтняго возраста, она уже давно была для него лишь подругой, съ материнской заботой пекущейся о немъ. Именно подобныя отношенія необходимы были для этого нервнаго человѣка, къ тому же часто прихварывающаго, легко воспламеняющагося, переходящаго отъ высшей экзальтаціи въ религіозномъ паѳосѣ къ полной простраціи подѣ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ: ему была нужнѣе, чѣмъ всякому другому, семейная опора. Согласно всѣмъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, эта женщина неослабно заботилась обо всемъ, касавшемся дѣлъ внѣшней его жизни, отъ которой, въ то время, пророкъ совершенно отвернулся. Съ кроткимъ утѣшеніемъ, исключительною принадлежностью разумныхъ женщинъ, часто укрѣпляла она его опечаленное сердце и старалась поднять его внутреннее убѣжденіе, никогда сама не колебавшаяся въ вѣрѣ въ божеское посланничество мужа. Къ потерѣ всего этого сразу онъ долженъ былъ по необходимости привыкнуть, и когда же: въ то время, когда виды на дѣйствительный успѣхъ проповѣди все умалились и казалось, что вскорѣ исчезнутъ послѣднія надежды. Сверхъ того, искони онъ имѣлъ сильное влеченіе къ женскому обществу, безъ него не могъ обойтись. Легко поэтому станетъ понятно, что и двухъ мѣсяцевъ не прошло по смерти Хадиджи, какъ онъ снова женится на Саудѣ, вдовѣ недавно умершаго правовѣрнаго. Мало того, такъ какъ ради Хадиджи приносилъ онъ большую жертву, и все время, пока она жила, не вводилъ въ домъ новой жены, пророкъ вздумалъ одновременно воспользоваться нравственной своей свободой. Въ этомъ отношеніи и до ислама, по арабскимъ обычаямъ, дозволялся широкій просторъ. Почти одновременно обручается онъ съ дочерью друга своего и одного изъ вѣрнѣйшихъ сподвижниковъ Абу-Бекра. О самой свадьбѣ пока нельзя было и думать. А и ш ѣ, такъ звали дѣвочку, было всего 6 или 7 лѣтъ; даже въ этомъ южномъ климатѣ считалось невозможнымъ вступленіе въ бракъ ранѣе одиннадцатаго года. Ежели теперь уже наступило формальное обрученіе, то это потому, что оба друга ощущали потребность связать наружно близкія свои отношенія заключеніемъ родственныхъ узъ. Кромѣ того, этимъ высказывалось желаніе Мухаммеда выразить фактически свою признательность за великія жертвы, принесенныя его другомъ общему дѣлу. Обрученіемъ онъ какъ

бы обязывался взять на свою отвѣтственность будущность его дочери, а въ то же время, въ кругу правовѣрныхъ, отличить особенно Абу-Бекра. Хотя пророкъ, повидимому, старался утѣшиться послѣ потери вѣрной своей подруги, но онъ не переставалъ думать о ней и до самаго конца своей жизни вспоминалъ о покойной женѣ съ признательностью и любовью. Не слѣдуетъ также забывать, для полной характеристики Мухаммеда, что то нѣжное чувство, которое мы выказываемъ въ супружескихъ отношеніяхъ и, надо надѣяться, обыкновенно питаемъ, было чуждо арабамъ современной ему эпохи.

Еще тяжелѣе, чѣмъ отсутствіе Хадиджи, была для Мухаммеда смерть Абу-Талиба. Надо полагать, что пророкъ былъ преданъ и признателенъ этому вѣрному, почти до самозабвенія, защитнику. Не даромъ же дядя пекся о немъ не только во времена его юности, но и за послѣднія десять лѣтъ; не колеблясь, жертвуя всякимъ личнымъ интересомъ и охотно перенося разнообразныя неприятели, онъ охранялъ его противъ невѣрующихъ и былъ вѣрнымъ до конца исполнителемъ семейнаго обѣта, возложеннаго на него еще отцомъ его, Абдъ-Аль-Мутталибомъ. Положимъ, Абу-Талибъ не могъ никакъ себя принудить принять ученіе племянника, не потому, конечно, что считалъ его, подобно другимъ язычникамъ, за обманщика. Но онъ никакъ не могъ рѣшиться отвернуться отъ боговъ своихъ предковъ. Такъ стоялъ онъ непоколебимо, между обѣими партіями, въ безусловно нейтральномъ положеніи. Этотъ прямой, надежный человѣкъ не чувствовалъ въ душѣ призванія ломать голову надъ задачами теологіи, но ничто не могло совратить его съ пути права и чести, какъ онъ ихъ понималъ, хотя бы на іоту. Мухаммедъ терялъ въ немъ не только превосходѣйшаго человѣка: угасъ его защитникъ, тотъ, которому онъ былъ слишкомъ много обязанъ, а на мѣсто его приходилось звать, по естественному праву преемства, брата его Абу-Лахаба. О немъ упоминали мы выше, какъ о злѣйшемъ врагѣ своего племянника. Тѣмъ менѣе могъ надѣяться на него пророкъ, такъ какъ онъ былъ не только единственнымъ изъ хашимитовъ, не пожелавшимъ переселиться въ кварталъ Абу-Талиба, когда подвергся весь родъ запрещенію, но даже примкнулъ къ аристократамъ. Теперь однако слишкомъ громко звалъ голосъ чести: Абу-Лахабъ не посмѣлъ уклониться. Онъ отправился прямо къ Мухаммеду, не рѣшавшемуся покидать своего жилища по смерти Абу-Талиба, и сказалъ ему: поступай такъ, какъ ты привыкъ дѣлать до сихъ поръ, пока надъ тобой бодрствовалъ Абу-Талибъ. Клянусь Латою, никто не осмѣлится обидѣть тебя, пока я живъ!—Эти естественныя родственныя отношенія не могли однако продолжаться долго. Хотя общественное мнѣніе одобрило поведеніе Абу-Лахаба, но главы аристократіи поторопились посвятить снова раздоръ между дядей и пле-

мянникомъ. Они научили перваго спросить пророка—гдѣ находятся, со времени своей смерти, Абдъ-Аль-Мутталибъ, отецъ его и дѣдъ Мухаммеда. «Въ аду» было отвѣтомъ, неизбѣжнымъ по неумолимой догматикѣ, какъ ислама такъ и всякой другой вѣры. Со злобой въ душѣ уходилъ Абу-Лахабъ и воскликнулъ на прощанье: теперь я твой врагъ на вѣки.

Въ настоящій моментъ, изъ всѣхъ членовъ семьи, оставался на сторонѣ Мухаммеда одинъ только дядя его Хамза.

Всѣ родные отшатнулись отъ него. Конечно, приближенные пророка готовы были защищать его, въ случаѣ открытаго нападенія, до послѣдней капли крови. Поэтому непріатели медлили начинать атаку, но горячая арабская кровь, при первомъ же случаѣ, могла увлечь кого-либо изъ обѣихъ партій къ необдуманному слову или поступку, что повело бы несомнѣнно къ открытію непріязненныхъ дѣйствій. Судьба небольшой кучки правовѣрныхъ была бы тогда безповоротно рѣшена. Вотъ причины, заставившія пророка отнынѣ окончательно отвернуться отъ своихъ земляковъ и начать прежнія, случайныя попытки—не найдется ли гдѣ мѣсто у чужеземцевъ для насажденія истинной вѣры.

Первый опытъ былъ не изъ счастливыхъ. Въ миляхъ пятнадцати, на западъ отъ Мекки, находится Таифъ. Городъ этотъ извѣстенъ и нынѣ, какъ мѣсто изгнанія и смерти Мидхата паши и остальныхъ заговорщиковъ противъ султана Абду'ль Азиза. Въ то же время былъ онъ однимъ изъ немногочисленныхъ городовъ средней Аравіи, одной изъ станцій, расположенныхъ на древнемъ торговомъ пути каравановъ, между Іеменемъ и Сиріей, подобно Меккѣ. Въ торговлѣ онъ уступалъ далеко послѣднему, но, какъ и понинѣ, отличался плодородіемъ окрестностей, своими виноградниками и садами. Жители его принадлежали къ отдѣлу Бену Сакифъ широко распространеннаго племени Хавазинъ; хотя по происхожденію сѣверо-арабы, они, благодаря близости къ границамъ Іемена, какъ кажется, кое что переняли отъ своихъ южныхъ сосѣдей. Такъ напр. городъ былъ отчасти укрѣпленъ, что на сѣверѣ встрѣчается только въ іудейскихъ колоніяхъ. Между отдѣломъ Сакифовъ и Меккой никогда не прекращались живыя торговыя сношенія, вслѣдствіе которыхъ установилась взаимная пріязнь, завязывались даже родственныя отношенія, при помощи взаимныхъ браковъ. Богатые мекканцы устраивали себѣ загородные дома въ тѣнистыхъ садахъ Таифа. Въ знойное лѣто жизнь здѣсь была много пріятнѣе, чѣмъ въ узкой долинѣ Мекки, окруженной со всѣхъ сторонъ голыми отвѣсными скалами. Вотъ почему Мухаммедъ обратилъ вниманіе на Таифъ. Хотя, съ другой стороны, трудно представить, чтобы онъ могъ питать серьезныя надежды склонить на свою сторону народонаселеніе, такъ тѣсно связанное съ его противниками. Но въ его распоряженіи выборъ былъ не великъ, а наконецъ надежда на помощь Аллаха не покидала его. Таифъ

комъ, сопровождаемый однимъ только отважнымъ пріемнымъ сыномъ своимъ, Зейдомъ, опасаясь какъ бы не разнюхали курейшиты и не напали на него беззащитнаго по дорогѣ, отправился онъ, вскорѣ послѣ смерти Абу Талиба, въ это путешествіе. Предпріятіе было дѣйствительно довольно рискованное, даже для воина, привыкшаго ко всевозможнаго рода опасностямъ, а для мирнаго проповѣдника почти безразсудное. Внутреннее побужденіе, которое онъ счелъ было за повелѣніе Господне, придавало ему необычайную бодрость. Что то простое, величественное проглядываетъ въ этой рѣшимости—одному вступить въ чужой городъ. Ни одна рука не подымется, не заслонитъ его отъ нападенія перваго встрѣчнаго. А между тѣмъ умерщвленіе его несомнѣнно доставило бы удовольствіе сильнымъ Мекки, а убійцѣ сулило богатую награду. Въ первые дни пребыванія въ городѣ охраняло его возбужденное любопытство. Толпа съ интересомъ присматривалась къ знаменитому революціонеру Мекки, ловила съ жадностью его рѣчи. Даже знатнѣйшіе изъ жителей, то тотъ, то другой, подходили къ нему, завязывали разговоръ. Но болѣе глубокаго впечатлѣнія онъ не произвелъ. Вскорѣ народное настроеніе, весьма вѣроятно подстрекаемое дружественными, родственными курейшитами, людьми, повернуло вспять. Посыпались оскорбленія на него и вѣрнаго его Зейда, то словомъ, то дѣйствіемъ; стали швырять въ нихъ камнями, наконецъ пришлось спасать жизнь и бѣжать спѣшно изъ города. Преслѣдуемые чернью, покрытые ранами, изъ которыхъ обильно струилась кровь, добрали они, еле живые, до лежащихъ, въ полумилѣ отъ города, садовъ, и въ одномъ изъ нихъ успѣли укрыться. Случайно садъ прилегалъ къ загородному дому двухъ братьевъ изъ Мекки—Утбы и Шейбы, сыновей Рабіи изъ знатнаго рода Абдъ Шемсъ. Это были люди самые богатые между курейшитами, съ тѣхъ поръ какъ умеръ недавно Аль-Валидъ Ибнъ Мугіра исконный врагъ Мухаммеда. И они тоже, конечно, слышать не хотѣли про пророка, но были разсудительнѣе и менѣе выказывали слѣпую страстность, чѣмъ большинство другихъ аристократовъ. Можетъ быть также заговорило въ нихъ племенное чувство, когда они увидѣли хорошо знакомыя фигуры бѣгущихъ, преслѣдуемыхъ яростнымъ сбродомъ изъ чужого города. Они не открыли толпѣ убѣжища гонимыхъ, даже послали къ нимъ раба христіанина съ блюдомъ, наложеннымъ до верху виноградными гроздьями, для освѣженія выбившихся изъ силъ, дрожавшихъ отъ страха и напряженія. Но долго имъ здѣсь оставаться не приходилось, надо было спѣшить, чтобы какъ можно скорѣе покинуть окрестности негостепріимнаго города. На возвратномъ пути остановились они въ Нахла, мѣстности, находившейся почти посрединѣ между Тайфомъ и Меккой. Здѣсь, какъ разсказываютъ, Мухаммедъ видѣлъ сонъ или видѣніе, въ которомъ ему, столь недавно прѣзрѣнному и отверженному людьми, посланники

царства духовъ, гениі воздали почтеніе *) и страстно пожелали услышать изъ устъ его слова божественнаго откровенія. Высокая нравственная утѣха, дарованная ему подобнымъ великимъ успѣхомъ его проповѣди въ средѣ безплотныхъ духовъ, не могла однако заслонить тѣхъ земныхъ препонъ, которыя предстояли въ дальнѣйшихъ его дѣйствіяхъ. Онъ не рѣшился поэтому войти снова въ Мекку прежде, чѣмъ не заручится покровительствомъ одного изъ знатныхъ города. Какъ и недавно, во время гоненій, укрылся онъ въ ущельяхъ горы Хира. Между тѣмъ, послалъ одного челоуѣка изъ нейтральнаго племени Бену-Хузъ'а, кочевавшаго на пастбищахъ прилегающихъ окрестностей Мекки. Онъ далъ ему порученіе завязать дружественные переговоры и просить содѣйствія у одного изъ сильныхъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, согласился, наконецъ, на это Аль-Мутимъ, сынъ Адія, изъ дома Науфаль. Семья его была въ близкихъ, родственныхъ отношеніяхъ съ хашимитами, и онъ былъ изъ первыхъ, благодаря заступничеству которыхъ послѣдовало отмѣненіе запрещенія. Вооруженный и окруженный своими, посредникъ отправился къ Ка'бѣ. Тамъ объявилъ онъ всенародно, что беретъ подъ свою защиту Мухаммеда. Пророкъ осмѣлился теперь только вступить въ городъ. Никѣмъ не тревожимый, обошелъ онъ семь разъ святой домъ, а затѣмъ вернулся къ себѣ въ жилище, которое со смерти Хадиджи находилось въ кварталѣ Абу-Талиба. Тамъ проживалъ онъ скромно, даже послѣ свадьбы своей съ Саудой. Была ли это боязнь лишиться защиты Мутима, по поводу какой нибудь новой передраги, или слѣдствіе взятаго на себя обязательства, когда отмѣнено было запрещеніе—трудно сказать. Страстно поджидалъ пророкъ приближеніе времени великаго праздника паломниковъ въ этомъ году (629). Онъ рассчитывалъ на возможность снова обратиться къ толпамъ пилигримовъ различныхъ племенъ Аравіи и попытаться снова, не найдутся ли, наконецъ, для его проповѣди открытыми нѣкоторыя благочестивыя сердца.

*) Имя арабское Джиннъ несомнѣнно происходитъ отъ латинскаго слова *genius*. По обыкновенному толкованію, эти существа представляютъ собою нѣчто среднее между ангелами и людьми. Общее съ первыми у нихъ необычайная сила, а съ послѣдними—склонность къ вѣрѣ и невѣрію, къ добродѣтели и грѣхамъ. Въ злыхъ джиннахъ, которые очень понятно играютъ главную роль въ народныхъ предразсудкахъ, арабы, доисламскаго періода, почитаютъ особенно привидѣнія—ночныя и пустыни. Видовъ ихъ безчисленное множество, особенно упоминается о нихъ много въ сказкахъ Тысячи одной ночи, но эти легенды большей частью взяты изъ индійской и персидской мифологіи. Случилось ли упоминаемое видѣніе именно въ это время, кажется весьма сомнительнымъ. Представленная, весьма недавно, остроумная попытка объяснить весь этотъ феноменъ встрѣчей съ людьми „плоти и крови“, падаетъ сама собой при сравненіи съ текстомъ 72 суръ.

ГЛАВА III.

Хиджра. Мухаммедъ въ Мединѣ.

Шель мартъ 620 года. Какъ и всегда, многочисленныя толпы иноземцевъ, изъ различныхъ мѣстностей страны потянулись къ Меккѣ, чтобы присутствовать на празднествахъ пилигримовъ. За торжественными процесіями вѣкругъ Ка'бы слѣдовала, по старинному обычаю, общая перекочевка къ священной горѣ Арафатъ, лежащей миляхъ въ трехъ на западъ отъ Мекки, вдоль дороги въ Таифъ. Оттуда паломники, на другой день, переходили обыкновенно въ долину Мина; за милю отъ Мекки врѣзывается въ нее горный путь. Здѣсь приносились жертвы, закалывали животныхъ и тѣмъ заканчивалась серія религиозныхъ церемоній. Какъ и нынѣ, не сразу прекращалось пестрое движеніе возвращающихся въ городъ Хаджіевъ. Между маленькими и большими группами, двигавшимися тамъ и сямъ по долинѣ, появлялся иногда и Мухаммедъ, зорко подстерегавшій всякій подходящій случай чтобы затѣять бесѣду. Преданіе гласитъ такъ: «Пророкъ едва достигъ Акабы *), какъ очутился неожиданно предъ группой людей изъ племени Хазраджъ **), которыхъ Господь вознамѣрился просвѣтить. Увидя ихъ, посланникъ Божій обратился къ нимъ, вопрошая: кто вы?—Они отвѣтили: люди изъ племени Хазраджъ. — Не сосѣди ли іудеевъ? промолвилъ онъ. Они сказали: да. Тогда пророкъ предложилъ: не сѣсть ли намъ? Побесѣдуемъ. — Они согласились, говоря: хорошо. И подсѣли иноземцы къ нему. А онъ сталъ проповѣдывать имъ объ истинномъ Богѣ и возвѣстилъ имъ исламъ и преподаль Коранъ. Господу Богу угодно было совершить чудесное по отношенію къ исламу, ибо, хотя въ странѣ ихъ жили іудеи, владѣвшіе писаніемъ и знаніемъ **), они сами пребывали упорно въ язы-

*) Слово обозначаетъ узкую горную тропу между скалами, поднимающуюся по склону. Въ данномъ случаѣ называютъ и понынѣ такъ узкій проходъ, пересѣкающій долину Мина съ востока на западъ и ведущій въ Мекку.

**) Изъ Іасриба. О числѣ ихъ говорятъ разное: было ихъ отъ двухъ до восьми.

***) Т. е. Ветхій завѣтъ и развиваемая въ талмудѣ іудейская теологія.

чествѣ и идолопоклонствѣ. Случалось нерѣдко хазраджитамъ одолѣвать въ своемъ округѣ іудеевъ; но тѣ каждый разъ, когда начиналась новая распря, не переставали твердить все одно и то же: погодите, вскорѣ проснется пророкъ, время его близится, за нимъ мы послѣдуемъ и съ помощью его побѣдимъ васъ, какъ разбиты были Адъ и Ирамъ *) когда-то. Межь тѣмъ какъ «Посланникъ Божій» говорилъ такъ съ тѣми людьми, провозвѣщая имъ истиннаго Бога, стали они промежь собой тихонько переговариваться: «что скажете, о мужи! Ей же-ей, это и есть тотъ самый пророкъ, на котораго указывали намъ іудеи. А въ самомъ дѣлѣ, не предупредить ли намъ ихъ»? — Съ вѣрою прислушивались они къ тому, о чемъ онъ проповѣдывалъ имъ, приняли исламъ, который онъ имъ возвѣщалъ, и сказали ему: «между нашими земляками вѣчныя непріязни, да ссоры, всѣ насъ оставили. Черезъ посредничество твое истинный Богъ, быть можетъ, насъ соединитъ. Дѣло твое поэтому мы охотно представимъ нашимъ землякамъ, станемъ проповѣдывать и объявимъ имъ эту самую вѣру, нами отъ тебя принятую. И если истинному Богу угодно будетъ привести ихъ къ тебѣ не разрозненныхъ, не будетъ тогда болѣе могущественнаго человѣка во всей странѣ, кромѣ тебя». Затѣмъ оставили они «Посланника Божьяго» и вернулись въ свой округъ, исполненные вѣры и сознательнаго рвенія». Этотъ безыскусственный наивный лепетъ старинной легенды, повидимому, удачно и вѣрно передаетъ тотъ историческій моментъ, когда такъ долго бесполезная проповѣдь Мухаммеда, наконецъ, обрѣла болѣе благопріятную почву и предвѣщала неожиданный успѣхъ. Подобно іудеямъ всѣхъ временъ, и израильскія племена Іасриба, вытѣсненные изъ лучшихъ кварталовъ хищниками арабами, ждали конечно спасенія отъ Мессіи. Весьма возможно также, что скорымъ появленіемъ его могли они не разъ пугать неудобныхъ своихъ сосѣдей. Съ своей стороны и арабы, въ промежутки дружественныхъ отношеній, могли лучше, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, познакомиться ближе съ религіей ихъ невольныхъ городскихъ сосѣдей. Поэтому надо полагать, что не только отдѣльные рассказы изъ Ветхаго завіта, но и связанные съ ними главныя основы іудейской религіи, а также соотвѣтствующія понятія божескаго откровенія чрезъ пророчества, были имъ болѣе или менѣе извѣстны.

«Владѣющій письменами» — это іудеи и христіане, въ качествѣ имѣвшихъ ранге божественное откровеніе. Слово же «знаніе» означаетъ полное или частное познаніе божественной истины, въ противоположеніе «не знанія» идолопоклонниковъ.

*) Баснословныя народы арабскіе доисторическаго времени. Въ коранѣ упоминается о нихъ часто, въ видѣ примѣра бренности всего земнаго и божескаго наказанія безбожниковъ. Имена эти были извѣстны арабамъ еще до Мухаммеда.

Вліяніе релігійознаго характера могло проложити себѣ путь среди жителей Іасриба и иными воздѣйствіями. Ранѣе было упоминаемо вскользь о послѣдователяхъ нѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ. Переселяясь изъ Сиріи, а еще болѣе изъ Месопотоміи, проникали они чрезъ сѣверныя области и быстро распространялись по всей Аравіи, хотя довольно разбросанными группами. Слѣды ихъ встрѣчаются, за послѣдніе годы жизни Мухаммеда, и въ пограничныхъ областяхъ. Ранѣе, безъ сомнѣнія, они были значительно многочисленнѣе. Очень возможно, что Ханифы и Сабей, какъ они назывались по-арабски, встрѣчались нерѣдко и въ самомъ Іасрибѣ и въ окрестностяхъ. И такъ становится само собою понятнымъ, почему большая часть хазраджей и аусовъ выказали такую воспріимчивость къ новой вѣрѣ, о чемъ по отношенію къ мекканцамъ не могло быть даже и рѣчи. Но эта воспріимчивость выступаетъ вскорѣ слишкомъ ярко, сохраняется въ теченіе всего дальнѣйшаго развитія въ такой неизмѣнно высокой степени, что невольно рождается предположеніе, что жители Іасриба должны были обладать особыми качествами духа, діаметрально противоположными господствующему равнодушію среди остальныхъ тогдашнихъ арабовъ. Но при скудости извѣстій о времени до мухаммеданскомъ, трудно сказать что-нибудь положительное. Поэтому трудъ напрасный доискиваться, насколько связано это обстоятельство съ южно арабскимъ происхожденіемъ обоихъ племенъ. Во всякомъ случаѣ, можно считать за достовѣрный фактъ, что еще до 620 года Іасрибъ волновали релігійозные вопросы. Многіе начинали уже сомнѣваться въ дѣйствительности идолопоклонства и святости наиболѣе здѣсь почитаемой Манаты; они замѣтно клонились къ болѣе чистымъ представленіямъ, и число такихъ было значительно болѣе, чѣмъ въ Меккѣ.

Такъ или иначе, до насъ почти ничего не дошло, какимъ образомъ эти первые, самые ранніе послѣдователи Мухаммеда, дѣйствовали, въ позднѣйшей столицѣ ислама, дабы выполнить обѣщанія, данныя ими при разставаніи. Ихъ дѣятельность въ качествѣ миссіонеровъ встрѣтила конечно сильное сопротивленіе, благодаря стариннымъ не прекращающимся раздорамъ между аусами и хазраджами. Мысль покончить вѣчныя ссоры присоединеніемъ огуломъ къ посланному самимъ Богомъ руководителю могла однако, въ теченіе года, найти отголосокъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Тѣмъ болѣе, что оба племени давно уже тяготились распрями, продолженіемъ коихъ легко могли воспользоваться когда-нибудь іудеи, чтобы попытаться еще разъ прогнать непрошенныхъ гостей. Но непосредственное общее соглашеніе оказалось пока невозможнымъ. По крайней мѣрѣ въ слѣдующій праздникъ пилигримовъ, весною 621, года появилось въ Меккѣ лишь 12 человекъ изъ Іасриба, привявшихъ исламъ—10 хазраджей и 2 ауса. На той же уединенной

стезѣ Акаба встрѣчаются они съ пророкомъ, тамъ же, гдѣ происходила прошлогодняя бесѣда. Здѣсь обяываетъ онъ новыхъ прозелитовъ торжественно исполнять главныя заповѣди новой вѣры: не давать Богу никого въ товарищи *), не воровать, не нарушать брака, не убивать своихъ собственныхъ дѣтей, не выдумывать и не распространять никакой клеветы, повиноваться во всемъ, что ведетъ къ добрымъ дѣламъ, пророку. Если все это исполните, добавилъ онъ, заслужите рай, если же кто-нибудь изъ того, что я сказалъ, опуститъ, то наказать или простить его будетъ зависѣть отъ Бога. Въ то же время далъ онъ имъ одного изъ испытаннѣйшихъ приверженцевъ своихъ Мусъаба Ибнъ Умейру, хорошаго знатока откровеній, съ тѣмъ чтобы сопровождалъ онъ ихъ въ Іасрибъ, объяснялъ коранъ, руководилъ ими въ познаніи ислама и открылъ имъ пониманіе вѣры. Такъ поступилъ онъ также во избѣжаніе новыхъ раздоровъ между аусъ и хазраджъ. Предоставляя честь заступленія пророка мекканцу, Мухаммедъ не обижалъ приверженцевъ обоихъ племенъ. Наконецъ было условлено, что новое свиданіе наступитъ въ слѣдующемъ году, выжидая пока, какой оборотъ приметъ развитіе дѣла и откладывая на будущее принятіе опредѣленнаго окончательнаго рѣшенія.

Годъ минулъ, какъ и прежній. Наружное спокойствіе и миръ не были нарушены между Мухаммедомъ и невѣрующими его земляками. Оно и понятно: онъ покинулъ совершенно проповѣди всенародныя и прежнія открытыя нападки свои противъ идолослуженій и язычниковъ. Но въ ближайшей средѣ правовѣрныхъ попрежнему продолжалъ онъ громить и пророчествовать. Только къ изъявленіямъ недовольства, которыя составляютъ основной тонъ и этихъ корановъ послѣдняго мекканскаго времени, стало примѣшиваться все чаще и чаще неслыханное дотогѣ выраженіе увѣренности въ скорой побѣдѣ справедливаго дѣла. Не одни вѣрующіе изъ среды аусовъ и хазраджей казались близкими пророку. По его понятіямъ и іудеи, письма откровеній которыхъ, полагалъ онъ, по ихъ содержанію тождественны съ его ученіемъ, должны были примкнуть къ нему, лишь только обстоятельства позволятъ переселиться ему самому въ Іасрибъ; пророкъ задумалъ это дѣло съ перваго же момента переговоровъ съ новообращенными. Долге оставаться въ Меккѣ онъ не могъ, такъ какъ уже стали мало-по-малу распространяться слухи, что онъ заключилъ союзъ съ людьми, принадлежащими къ чуждымъ племенамъ и тѣмъ самымъ нарушалъ вѣрность къ своей родинѣ. Но мекканскихъ приверженцевъ нельзя же было покинуть на произволъ судьбы, а потому переселеніе становилось только тогда возможнымъ, когда произойдетъ тамъ, на новой родинѣ,

*) Обыкновенное выраженіе въ коранѣ, говоря о многобожіи

обращение большаго количества семей, въ средѣ которыхъ найдутъ бѣглецы мѣсто для пристанища и надежную опору противъ покушеній остальныхъ жителей Іасриба. Но дѣло обращенія, о которомъ конечно пророкъ неоднократно получалъ тайкомъ свѣдѣнія, подвигалось сверхъ чаянія быстро. Понятно поэтому, что всѣ помыслы Мухаммеда и ночныя его грезы витали на чужбинѣ, то въ Іасрибѣ, то въ Іерусалимѣ, въ святомъ градѣ іудеевъ. На содѣйствіе ихъ онъ питалъ въ то время большія надежды; недаромъ же пророкъ видѣлъ замѣчательный сонъ, относимый къ этому времени, ближайшія подробности котораго конечно таятся подъ цѣлой грудой традицій, скопившихся, очень понятно, именно надъ этой легендой, благодаря страстности разъяснителей. Разсказъ этотъ носитъ названіе «ночной поѣздки» и «посѣщенія неба посланникомъ божьимъ». Надъ нимъ изощряли фантазію и персы и турки, а наконецъ онъ былъ любимой темой поэтической литературы, повторялся безъ конца, разукрашивался все новыми и болѣе чудесными подробностями. Вся эта исторія, въ сущности, довольно слабое творческое произведеніе, но знаменательна, какъ послужившая канвой для образованія цѣльнаго міеа на почвѣ исламизма. Передаю ее въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась лѣтъ 200 спустя.

Разъ ночью, такъ гласитъ преданіе, появился пророку во снѣ ангелъ Гавріиль. Съ превеликимъ трудомъ разбудилъ Мухаммеда небожитель и вывелъ изъ дому. Передъ дверьми стояло чудное животное Аль Буракъ *). Въ одно мгновеніе ока, пророкъ очутился въ Іерусалимѣ, возлѣ самаго дальняго храма **); куда вступилъ, окруженный толпой другихъ пророковъ: Авраамомъ, Моисеемъ и Христомъ. Въ сонмѣ ихъ онъ молится, затѣмъ видитъ стоящіе передъ нимъ три сосуда, наполненные водою, виномъ и молокомъ. И раздался гласъ: если онъ возьметъ съ водою, то потонетъ вмѣстѣ со своей общиной; если возьметъ наполненный виномъ, то заблудится вмѣстѣ со своей общиной; а если возьметъ съ молокомъ, то будетъ ведомъ по истинной стезѣ, вмѣстѣ со своей общиной. Понятно, онъ выпиваетъ молоко. При этомъ Гавріиль опредѣленно настаиваетъ на томъ, что предсказаніе это исполнится. Тѣмъ и кончается «ночное путешествіе». За симъ слѣдуетъ «посѣщеніе неба», по лѣствицѣ, видѣнной Іаковомъ во снѣ. Пророкъ

*) Что значить сверкающій. По мнѣнію филологовъ, названъ онъ такъ по блеску окраски или быстротѣ своихъ движеній.

**) «Аль-месджид-аль-акса», называется и понынѣ стоящая мечеть возлѣ такъ называемаго храма Скалы. Ее соорудилъ Омаръ изъ базилики Юстиніана, посвященной пресвятой Дѣвѣ, лежавшей на горѣ Моріа. — Самый дальній, значитъ просто самый сѣверный; о немъ зналъ по наслышкѣ Мухаммедъ, а можетъ быть въ данномъ случаѣ употреблена превосходная степень вмѣсто положительной. Въ такомъ случаѣ просто дальній—противоположеніе Меккѣ. Сура 17, 1.

въ одно мгновеніе достигаетъ небесныхъ вратъ. Ангелъ Гавріиль представляетъ его привратнику; тотчасъ же впускаетъ онъ его на первое небо. Его встрѣчаютъ большія толпы ангеловъ, дружелюбно улыбаются ему, только одинъ изъ нихъ глядитъ на него серьезно.— Это М а л и к ъ, надсмотрщикъ надъ адскимъ пламенемъ, отвѣчаютъ ему на сдѣланный имъ вопросъ. Когда, по его просьбѣ, показали ему самый огонь, пророкъ приходитъ въ ужасъ, и Гавріиль долженъ былъ просить ангела поскорѣй закрыть геенну. Мухаммедъ успѣлъ только увидѣть здѣсь какъ Адамъ пропускаетъ мимо себя души своихъ потомковъ; однихъ привѣтствуетъ онъ похвалою, другихъ приводитъ въ ужасъ возгласомъ: тѣфу! Далѣе мелькнуло предъ его глазами нѣсколько образчиковъ адскихъ мукъ: угнетателей вдовъ, нарушителей брака и т. п. На второмъ небѣ, куда онъ вступилъ, встрѣтилъ онъ Иисуса и Иоанна Крестителя; на третьемъ—Иосифа Прекраснаго, красовавшагося подобно полной лунѣ; на четвертомъ—патріарха Еноха, на пятомъ—Аарона, на шестомъ—Моисея, на седьмомъ—Авраама, въ видѣ красиваго старца; мимо него проходятъ ежедневно, черезъ дверь, 70.000 ангеловъ, и ни одинъ изъ нихъ, до самаго страшнаго суда, не вернется сюда снова ни разу. Наконецъ ведутъ пророка черезъ весь рай предъ ликъ Господень. Онъ налагаетъ на него обязанность читать ежедневно 50 молитвъ за себя и общину. Когда Мухаммедъ вернулся къ Моисею съ этимъ повелѣніемъ, тотъ выразилъ сомнѣніе: «тяжело моленіе, а народъ твой слабъ; проси Господа объ облегченіи». Такъ и сдѣлалъ посланникъ Божій и ему было отпущено 10 молитвъ. Затѣмъ та же исторія, на манеръ просьбъ Авраама о праведныхъ Содома, повторяется до тѣхъ поръ, пока ему не удастся испросить для ислама только 5 каноническихъ моленій. Затѣмъ оставляетъ пророкъ небо и возвращается тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ, назадъ въ Мекку. Позже къ этому разсказу дѣлались различныя добавленія и приукрашиванія. Приведемъ изъ нихъ самое выдающееся: пророкъ на небѣ имѣлъ съ Богомъ 70.000 разговоровъ и несмотря на то, все путешествіе совершилось такъ быстро, что, при возвращеніи пророка кровать его была еще тепла, а вода изъ кружки, которую онъ, торопясь, опрокинулъ ногой не успѣла еще вытечь. Не было никакой надобности въ подобнаго рода невѣроятныхъ преувеличенійхъ, способныхъ изумить даже такихъ правовѣрныхъ, которые привыкли принимать всѣ слова пророка съ благоговѣніемъ и вѣрой. Поэтому не безъ достаточнаго основанія можно предположить, что все это путешествіе на небо придумано послѣ смерти Мухаммеда усердными набожными, которыхъ жажда къ чудесному не удовлетворялась однимъ путешествіемъ въ Іерусалимъ. И этого оказалось мало, впоследствии прибавлены были новыя украшенія. Словно хотѣли нарочито возбудить въ толпѣ сомнѣнія и внушить, что въ дѣлахъ вѣры не можетъ

имѣть мѣста спокойное разсужденіе. Немудрено послѣ этого, что многіе пришли въ смущеніе изъ тѣхъ, которые до этого крѣпко держались общины правовѣрныхъ, а другіе покачивали сомнительно головой. Одинъ только Абу Бекръ оставался попрежнему непреклонно убѣжденъ въ непогрѣшимости Мухаммеда, и неизмѣнно повторялъ тѣмъ, коихъ раздражалъ этотъ разсказъ: если онъ сказалъ, стало-быть правда. Такъ укрѣплялъ онъ снова въ вѣрѣ болѣе слабыя души, за что получилъ отъ пророка почетное прозваніе Ас-Сиддѣкъ «свидѣтель правды».

Подошло наконецъ снова время великаго праздника. Было заранее условлено, что большинство правовѣрныхъ Іасриба, всѣ тѣ, которые въ состояніи будутъ уйти незамѣтно и не возбуждая особеннаго вниманія, должны примкнуть къ паломникамъ Мекки. Весной 622 г. двинулись въ путь жители Іасриба значительной толпой, подъ предводительствомъ старѣйшины хазраджей Абдуллы Ибнъ Убайи. Весьма понятно, и предводитель и спутники его знали уже, что въ прошломъ году нѣкоторые изъ племени, а также многіе ауситы приняли вѣру мекканца. Но въ Іасрибѣ привыкли относиться снисходительно къ разнымъ религіознымъ воззрѣніямъ, считали вѣру частнымъ дѣломъ всякаго; племя въ это не вмѣшивалось. О томъ же, что шли попутно тайные переговоры съ чужеземцемъ, которые при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ могли довести до открытой борьбы съ курейшитами, никто и не догадывался, правовѣрные хранили глубокое молчаніе. Торжества пилигримовъ прошли обыкновеннымъ порядкомъ, ничто не указывало на то, что готовится необычайное событіе. Безшумно скользиль Мус'абъ между группами правовѣрныхъ, среди окружающихъ пророка шли тайныя подготовленія отрясти съ ногъ прахъ безбожнаго города и переселиться на благословенную почву, уже принесшую вѣрѣ такую богатую жатву. На второй день изъ тѣхъ трехъ, которые проводятъ пилигримы, по окончаніи церемоній празднествъ, въ Минъ,—все было готово.

Ближайшая связь, соединявшая пророка, хотя отчасти только, съ его родомъ до кончины Абу Талиба, сильно ослабла, особенно съ тѣхъ поръ, какъ первоначальное намѣреніе Абу Лахаба—принять на себя обязанность семейнаго защитника послѣ умершаго брата—кончилось новымъ разрывомъ. Но если обязательства семьи съ этихъ поръ какъ бы прекращались, по отношенію къ неудобному ея члену, то это еще не значило, что они были окончательно порваны. Существовала еще зависимость «этого одного» отъ своихъ родственниковъ. Поэтому, чтобы сдѣлать будущее положеніе Мухаммеда въ Іасрибѣ, по арабскимъ понятіямъ, не совсѣмъ неправильнымъ—и не ради однихъ только тамошнихъ жителей, большинство которыхъ не было еще обращено—слѣдовало еще расторгнуть его связь со своими. Тогда только могъ онъ быть принятымъ въ союзъ семей Іасриба, и подъ тѣмъ только условіемъ

могли они его признать своимъ. Для этой цѣли, понятно, было необходимо, чтобы одинъ изъ старѣйшинъ хашимитовъ снялъ съ него, мирнымъ путемъ, обязанности по отношенію къ племени. На это и согласился одинъ изъ дядей Мухаммеда, братъ его покойнаго отца и Абу Лахаба. Аль-Аббасъ, такъ звали его, принадлежалъ къ людямъ, не обладающимъ ни особенно сильнымъ характеромъ, ни твердыми убѣжденіями. Взамѣнъ природа одарила его способностями—въ трудныя времена скользить невредимо между противоположными партіями, а въ спокойныя дѣлать понемногу карьеру. Когда же наступала опасность, находилъ онъ такихъ простяковъ и храбрецовъ, которые загребали для него своими собственными руками жаръ. И при всѣхъ обстоятельствахъ ухитрялся онъ всплывать наверхъ. Полезныя свои способности передалъ онъ и своимъ потомкамъ. И самъ сумѣлъ пробиться, и дѣти его, и внуки, въ качествѣ родственниковъ пророка, проложили себѣ дорогу. Наконецъ позднѣйшіе аббасиды заставили потомковъ Алія, наслѣдовавшихъ также отъ своего предка ограниченную способность достигать земныхъ благъ, во время междоусобной войны добывать для нихъ же изъ огня каштаны халифата. Во всякомъ случаѣ Аббасъ былъ человѣкъ проникательный, онъ прозрѣвалъ гораздо далѣе, чѣмъ остальные его земляки. Упрямство, съ которымъ проводилъ неуклонно его племянникъ свое дѣло, казавшееся многимъ химерой, но которое сгруппировало вокругъ Мухаммеда большое число далеко не дюжинныхъ личностей, поколебало дядю. И онъ началъ понемногу вѣрить, что это замѣчательное движеніе, въ концѣ концовъ, можетъ имѣть будущность. Но виды на это никоимъ образомъ не были пока достаточно осязательны, чтобы побудить такого предусмотрительнаго человѣка примкнуть тотчасъ же къ новой вѣрѣ. По прежнему остался онъ на той сторонѣ, на которой была сила и общественное уваженіе, но при этомъ не отказывался быть полезнымъ и другой, какъ бы невзначай оказывая ей услугу. Вотъ и явился онъ вмѣстѣ съ Мухаммедомъ въ заранѣе опредѣленный день, поздно вечеромъ, на условленное свиданіе у Акабы съ правовѣрными Іасриба. Въ одиночку, маленькими группами, подходили они къ укромному мѣстечку, дабы не обратить на себя ничего вниманія. Собралось въ общемъ 75 человѣкъ, въ томъ числѣ двѣ женщины. Когда оказались всѣ на лицо, проговорилъ Аббасъ нѣсколько словъ. Онъ выразилъ, что Мухаммедъ до сихъ поръ находилъ въ своемъ родѣ должную защиту и можетъ ею пользоваться и въ будущемъ. Теперь же онъ предпочитаетъ искать убѣжища у людей Іасриба, поэтому желательно бы знать, готовы ли они оказать ему свое покровительство. Слушатели, изъявляя свою радость криками согласія, стали просить Мухаммеда открыть имъ свою волю. Пророкъ началъ снова проповѣдывать объ

истинномъ Богѣ, объ исламѣ, и закончилъ словами, «итакъ, я заключаю съ вами союзъ, вы должны защищать меня отъ всего того, отъ чего вы обязаны защищать вашихъ женъ и дѣтей». Тогда Аль-Барá, изъ племени хазраджъ, схватилъ его за руку и общалъ ему. За нимъ поочередно подтвердилъ условіе каждый изъ присутствующихъ. Мухаммеда привѣтствовали, въ качествѣ главы, по обычаю арабовъ, легкимъ прикосновеніемъ правой руки къ правой же пророка. По заключеніи союза, выбралъ Мухаммедъ, въ силу своего новаго полномочія, 12 мужей — трехъ изъ аусовъ и девятерыхъ изъ хазраджей, какъ будущихъ руководителей общины въ Іасрибѣ. Затѣмъ закрыто было засѣданіе — вторая Акаба, какъ оно будетъ отнынѣ называться — и всѣ поспѣшно разошлись.

Какъ тщательно ни было сохраняемо въ секретѣ засѣданіе, вскорѣ однако стали распространяться неопредѣленные слухи о случившемся, и курейшиты сразу поняли всю громадность опасности имъ угрожавшей. Союзъ Мухаммеда съ внѣшними племенами, и такого значенія какъ аусъ и хазраджъ, людьми опытными въ войнѣ, могъ современемъ легко стать страшнымъ для мирныхъ купцовъ Мекки. И это показалось имъ тѣмъ болѣе грознымъ, что они менѣе всего ожидали отъ презрѣннаго чловѣка способность разыграть такую серьезную роль. Прежде всего нужно было, конечно, разузнать объ истинныхъ намѣреніяхъ людей Іасриба. Лагерь паломниковъ, послѣ третьяго дня празднествъ, еще не былъ снятъ. Туда поспѣшили главы курейшитовъ и стали громко жаловаться на дѣйствія нѣкоторыхъ, которые пользуются днями всеобщаго мира, чтобы возбуждать ненависть въ рядахъ дружественнаго племени, завязываютъ связи съ беспокойными и подозрительными людьми, и по всему тому, чтó слышно, стараются довести до войны. Непосвященные въ тайные переговоры громко протестовали противъ подобныхъ подозрѣній, а участники остерегались раскрыть ротъ. Абдулла Ибнъ Убай сталъ завѣрять, что подобнаго рода вещи немыслимы, что никто изъ его людей не осмѣлится сдѣлать такой шагъ, не предупредивъ его. Но ему скоро пришлось узнать, какъ мало признавали его авторитетъ люди, увлеченные проповѣдью пророка. Временно, мекканцы удовольствовались этимъ, но лишь только снятъ былъ лагерь чужеземцевъ и караванъ Іасриба двинулся въ путь, какъ въ городѣ стало уже все извѣстно. Спѣшно бросились аристократы преслѣдовать уходившихъ, но успѣли захватить только двухъ отставшихъ. Одинъ изъ нихъ былъ новообращенный хазраджъ, по имени Сá'дъ Ибнъ Уба́да. Его забрали въ плѣнъ, избили и потащили въ Мекку. На его счастье, нашли тамъ родственники, многимъ ему обязанные; они выхлопотали его освобожденіе. Тѣмъ ярче вспыхнуло негодованіе аристократовъ противъ оставшихся — пророка и окружающихъ его.

Прямые неприязненные дѣйствія наступили однако не сразу, но все давало поводъ предполагать, что ждать ихъ остается недолго. Рѣшеніе покинуть городъ и бѣжать въ Іасрибъ было задумано Мухаммедомъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, надо было поторопиться привести его въ исполненіе. Безшумно, по приказанію предводителей, покидали правовѣрные свои жилища и украдкой выбирались изъ города, захвативъ съ собою все, что можно было безъ труда унести; остальное бросали. Помышлять имъ не было никакой возможности, большинство ихъ были люди вольные. Никто не имѣлъ права запретить имъ свободу передвиженія. Даже родственники ихъ, невѣрующіе, заступились бы въ такомъ случаѣ за нихъ, если бы послѣдовало насиліе со стороны зажиточныхъ. Были отдѣльныя попытки, особенно со стороны нѣкоторыхъ ревностныхъ противниковъ пророка, кое-кого остановить, посадить подъ замокъ, кто брата, кто находящагося въ прямой отъ него зависимости. Но это удалось лишь въ двухъ отдѣльныхъ случаяхъ. Исключеніе составляли конечно рабы, которые не успѣли еще откупиться. Преобладающее же большинство мусульманъ успѣло, въ теченіе лѣта 622 года, нѣкъмъ не тронутое, уйти въ Іасрибъ; тамъ приняли ихъ въ домахъ единовѣрцевъ съ распростертыми объятіями.

Вмѣстѣ съ Абу Бекромъ и Алиемъ Мухаммедъ оставался еще въ Меккѣ, выжидая пока всѣ его приверженцы не покинуть города. Причина этого замедленія не совсѣмъ ясна; надо полагать онъ разсуждалъ такъ: отъѣздъ его приверженцевъ не можетъ возбудить большихъ затрудненій, если онъ самъ остается въ Меккѣ и своимъ присутствіемъ даетъ курейшитами нѣкотораго рода увѣренность, что пока еще не предстоитъ никакой опасности. Эта увѣренность исчезала понятно моментально, какъ только онъ покинетъ городъ, и онъ имѣлъ полное основаніе ждать отъ своихъ непріятелей самаго худшаго. И дѣйствительно, преданіе сообщаетъ, что курейшиты, на одномъ собраніи, на которомъ присутствовалъ самъ сатана въ образѣ старика, закутаннаго въ мантию, прибывшаго изъ Неджда лично, по совѣту этого исконнаго непріятели пророка порѣшили его умертвить. Для этой цѣли выбраны были будто бы 11 человекъ, которые ночью порой должны были напасть на него въ кровати и убить. Въ то самое время, какъ они уже его подстерегали, удалось «посланнику Божьему», предувѣдомленному, понятно, обо всемъ черезъ посредство ангела Гавріила, избѣгнуть гибели. Достоверность этого злого умысла оспаривается не безъ основанія, ибо изъ корана, въ которомъ описываются подробности послѣднихъ дней пребыванія въ Меккѣ, ничего другого нельзя вывести какъ то, что Мухаммедъ подозревалъ курейшитовъ въ злыхъ намѣреніяхъ. Если бы доходило дѣло до начала исполненія ихъ, онъ заговорилъ бы, конечно, совсѣмъ иначе. Къ тому же имена 11-ти не что иное, какъ перечисленіе злѣйшихъ

противниковъ пророка. Въ данномъ случаѣ являются они здѣсь не болѣе какъ козлища отпущенія. Во всякомъ случаѣ Мухаммедъ понималъ, такъ какъ онъ не скрывалъ намѣренія своего уѣхать, что надо быть готовымъ на все, даже на насиліе. Вотъ почему и рѣшено было бѣжать тайкомъ. Вѣрный Абу Бекръ давно уже втихомолку закупилъ двухъ быстроногихъ верблюдовъ и ввѣрилъ ихъ одному знающему путь вожаку, изъ сосѣдняго племени. Не вдалекѣ отъ города, поджидалъ онъ бѣглецовъ. Чтобы сбить съ толку курейшитовъ и заставить ихъ предполагать, что Мухаммедъ не покидалъ дома, остался въ жилищѣ его Алій съ женой и двумя дочерьми пророка, накинувъ на себя красную его мантию. Тѣмъ временемъ Мухаммедъ, вмѣстѣ съ Абу Бекромъ, выскочили въ сумерки изъ задняго окна и достигли, никѣмъ не замѣченные, горы Сауръ, лежащей въ милѣ къ югу отъ города, по пути въ Іемень. У вершины ея находилась пещера. И по сіе время показываютъ ее, какъ мѣсто убѣжища обоихъ бѣглецовъ. Тамъ пробыли они три дня, укрываясь; родственники Абу Бекра доставляли имъ пищу и сообщали обо всемъ происходившемъ. Наконецъ, пылъ преслѣдованія, затѣяннаго-было тотчасъ же курейшитами непосредственно послѣ бѣгства, мало-по-малу остылъ. Можно было попытаться продолжать путь. Вожатый съ обоими верблюдами находился неподалеку отъ убѣжища. Мухаммедъ сѣлъ на самаго быстрого изъ нихъ, носившаго кличку Аль Касва. Абу Бекръ помѣстился на другого. Дабы избѣгнуть опасныхъ встрѣчъ, направились они, обогнувъ большую дугу, на югъ отъ Мекки и такъ прослѣдовали до самаго берега; затѣмъ продолжали путь вдоль побережья, пока не рѣшились перейти на торный путь между Меккой и Мединой. Пересѣкши его благополучно, поспѣшили далѣе, по боковымъ тропинкамъ. Спустя 8 дней послѣ того, какъ бѣглецы покинули пещеру Сауръ, по всѣмъ вѣроятіямъ было это 20 сентября 622 года *), достигъ Мухаммедъ, цѣль и невредимъ, Кубы, предмѣстья Іасриба **), лежащаго въ полумилѣ на югъ отъ города.

*) Число это не вполне достоверно, какъ и вся хронологія этой эпохи ислама. Окончательное распредѣленіе раздѣленія года наступило почти 10 лѣтъ спустя по особому предписанію пророка. Поэтому, чтобы составить хотя приблизительное понятіе объ извѣстныхъ событіяхъ, приходится прибѣгать къ разнаго рода комбинаціямъ и нѣкоторымъ случайнымъ соображеніямъ, примѣнительно къ языческому лѣтосчисленію, существовавшему у арабовъ. Такъ что если даже принять довольно гадательное число 12 Rabî 1-го года хиджры за дѣйствительное, то и тогда вѣрное опредѣленіе времени событія возможно въ промежуткѣ отъ 28 іюня до 20 сентября 622.

***) Очень понятно, что время путешествія изобилуетъ необычайными приключеніями и чудесами. Для характеристики достаточно привести, что герой одной изъ этихъ исторій былъ Сурака, обращенный Мухаммедомъ лишь послѣ покоренія Мекки, а до этого не упоминалось о немъ ни слова.

Вотъ какъ произошло, по разсказамъ современниковъ, знаменитое бѣгство пророка изъ Мекки въ Іасрибъ (Медину); Хиджра *) и есть то событіе, которое отдѣляетъ эпоху ислама, истинной вѣры, отъ язычества—Джахилия **). Въ 637 году халифъ Омаръ призналъ по всей справедливости этотъ моментъ за исходный пунктъ всей эпохи; и понынѣ ведется счетъ времени всѣми мухаммеданами съ этого знаменательнаго дня. И дѣйствительно, съ переселеніемъ пророка тѣсно связаны и характеръ ислама, и его распространеніе, въ особенности въ Аравіи. Въ Меккѣ Мухаммедъ былъ только духовнымъ главой преслѣдуемаго и гонимаго меньшинства. Отнынѣ же является онъ главнымъ распорядителемъ въ судьбѣ не только общины, заповлонившей вскорѣ большинство жителей Іасриба, но и государственнаго устройства, въ которое преобразилась эта община.

Изъ всего предыдущаго изложенія мы достаточно ознакомились съ недостаточностью государственной организаціи, во всей Аравіи, доисламскаго періода. Мы видѣли также, что главная побудительная причина удачъ и распространенія вѣры зависѣла отъ господства между правовѣрными единства и миролюбія. Необходимо было тѣмъ или инымъ путемъ исправить царившій доселѣ беспорядокъ, замѣнить войну каждаго противъ всѣхъ гражданскимъ, государственнымъ порядкомъ. Если бы продолжалось такъ и далѣе, если бы вслѣдствіе ежедневно возникавшихъ ссоръ одинъ попрежнему убивалъ другого, а при этомъ естественно возгоралась бы братоубійственная рѣзня между двумя родственными племенами, то не было бы никакой возможности сохранить связь въ общинѣ. Изъ самой природы вещей, поэтому, вытекала потребность превратить церковное законоположеніе, дѣйствовавшее при обращеніи многихъ сотенъ разнороднаго происхожденія, въ государственное. То обстоятельство, что мусульмане сами пока ничего не понимали, что такое государство и государственное устройство, даже не имѣли соотвѣтственныхъ терминовъ на своемъ языкѣ, не имѣло конечно большаго значенія. Разъ церковь увидѣла себя вынужденной упорядочить тѣ отношенія, которыя мы привыкли подчинять вѣдѣнію государства, этимъ самымъ становилась она равноправной съ государствомъ. Силы ея къ тому же сконцентрировывались тѣмъ болѣе, что исполненіе государственныхъ законовъ вмѣняемо было обязанностями религиозными. Но эта спайка духовнаго со свѣтскимъ имѣла конечно необходимымъ послѣдствіемъ приниженіе и фальсификацію содержамаго идеальной вѣры; эта государственная религія и вмѣстѣ духовное государство въ

*) El-hidschratu, по позднѣйшему произношенію elhidschra или elhedschra; французы произвели отсюда свое hégire.

***) El-dschähilija, глупость, незнаніе—въ противоположеніе ilm el-jakín, вѣрное знаніе, принесенное исламомъ.

самый момент своего возникновенія содержало уже въ себѣ зародышъ порчи. Зато царство новаго міра, которое воздвигъ пророкъ, благодаря тому, что оно сначала настолько же опиралось на дурныя, какъ и на благородныя человѣческія побужденія, въ непродолжительный весьма срокъ достигло такого объема и блеска, какого ни одинъ изъ одаренныхъ политическимъ смысломъ народовъ древности не могъ выработать для своего государства ранѣе нѣсколькихъ столѣтій кровавыхъ усилій.

Итакъ, былъ это чреватый событіями день, когда Мухаммедъ, послѣ четырехдневной остановки въ Куба, гдѣ его шумно привѣтствовали толпы правовѣрныхъ, переговоривъ предварительно съ старѣйшими племенъ, совершалъ торжественный въѣздъ въ городъ. Вокругъ его верблюда тѣснилась толпа сотенъ новообращенныхъ жителей. То тамъ, то здѣсь, ликуя отъ радости привѣтствовали пророка бѣжавшіе изъ Мекки сподвижники; тутъ же глазѣли массы любопытныхъ изъ числа язычниковъ и іудеевъ; напряженно вглядывались они въ чужестранца, выдававшего себя за пророка, подобнаго Моисею. Узрѣли они мужа, тихо проѣзжавшаго на своей Касвѣ, средняго роста, стройнаго по фигурѣ, съ грудью широкой и крѣпкой, костистаго по сложенію; на туловищѣ сидѣла большихъ размѣровъ голова съ высокимъ открытымъ лбомъ. Роскошные слегка завивавшіеся волосы, длинная окладистая борода чернаго какъ смоль цвѣта, что нерѣдко встрѣчается у жителей юга, обрамляли худое лицо оттѣнка болѣе свѣтлаго, чѣмъ это обыкновенно бываетъ у арабовъ, и покрытаго здоровымъ, яркимъ румянцемъ. Изъ-подъ черныхъ дугою сросшихся бровей, изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ сверкали нестерпимымъ блескомъ большія черныя очи. Выразительность, которую они придавали всему лицу, усиливалась еще болѣе продолговатымъ, слегка изогнутымъ носомъ. Когда онъ сошелъ съ своего верблюда и сталъ подходить къ дому, назначенному временнымъ мѣстопребываніемъ для гостя, всѣхъ блистающихъ поразила его смѣлая, тяжелая поступь (которая позже измѣнилась въ легкое припаданіе на одну ногу). Но самую величайшую особенностью его тѣла,—быть можетъ это извѣстіе принесли съ собою бѣглецы изъ Мекки,—было пятно или же наростъ между лопатками, что почиталось всѣми правовѣрными за «печатъ пророчества». Въ личномъ обращеніи,—и это изумляло пріятно каждого,—онъ соблюдалъ любезность и снисходительность. Нѣкотораго рода благоговѣніе, которое внушало вначалѣ всякому его появленію, превратилось впослѣдствіи, послѣ частыхъ съ нимъ встрѣчъ, въ любовь и почитаніе.—Такъ описываетъ біографъ первое впечатлѣніе, произведенное пророкомъ на жителей Іасриба. Если и можно заподозрить его въ нѣкоторой доли пристрастія, нельзя во всякомъ случаѣ отрицать, что во всемъ существѣ Мухаммеда было

нѣчто глубоко симпатичное. Достаточно впрочемъ одного неоспоримаго факта горячей личной привязанности, которую питали къ нему въ теченіе всей его жизни люди, подобныя Абу Бекру и Алію.

Заботливо обсуждалъ Мухаммедъ со своими приближенными каждый шагъ, дѣлаемый имъ на чужбинѣ. Чтобы не дать новой пищи старинному соперничеству между аусъ и хазраджъ, предоставилъ онъ «божескому руководительству» рѣшить, въ чьемъ домѣ долженъ онъ будетъ временно остановиться. Пророкъ опустилъ поводья. Когда Касва, по своему собственному побужденію, остановилась передъ жилищемъ хазраджита Абу-Эйюба, честь пріютить посланника божьего предоставлена была ему. Вскорѣ затѣмъ прибыла и жена пророка, Сауда *), вмѣстѣ съ двумя его дочерьми Уммъ Кулсумъ и Фатимой, сопровождаемая Зейдомъ, усыновленнымъ его сыномъ. Старшая дочь, Зейнабъ, еще въ Меккѣ вышедшая замужъ за одного изъ невѣрующихъ, осталась при мужѣ, а Рукайя вмѣстѣ со своимъ супругомъ Османомъ прибыла на новую родину еще ранѣе Мухаммеда съ толпой переселенцевъ. Курейшиты не воспрепятствовали переселенію родныхъ его и Абу Бекра, точно также отпустили и Алія. Они продолжали по-прежнему соблюдать свято древнія арабскія понятія о чести. Въ теченіе 11-ти мѣсяцевъ пользовался Мухаммедъ гостепримствомъ Абу Эйюба. Межъ тѣмъ, на часть довольно большихъ денежныхъ суммъ, которыя успѣлъ захватить съ собою, во время бѣгства, Абу Бекръ, куплена была близлежащая пустошь и на ней строились два маленькіе домика, одинъ для Сауды, другой для Айши, къ предстоящему ея бракосочетанію. Впослѣдствіи, когда число женъ стало быстро возрастать, для каждой изъ нихъ строился новый домъ, возлѣ построенныхъ прежде; всѣхъ ихъ насчитывалось 9, въ нихъ проживалъ и онъ, — то въ одномъ, то въ другомъ. И ближайшіе его родные, Османъ и Алій, построили жилища непосредственно вблизи; другіе же пришельцы строились гдѣ попало, внутри и внѣ города, тамъ гдѣ удавалось имъ найти мѣсто; — такъ на примѣръ Абу Бекръ поселился въ отдаленномъ на 1/2 мили предмѣстьѣ Сунхъ. Немедленно послѣ переселенія въ свой собственный домъ отпраздновалъ пророкъ бракосочетаніе свое съ Айшей, воспользовавшись въ первый разъ свободой арабскихъ нравовъ, допускавшей многоженство, и этимъ конечно одновременно отмѣтилъ начинающееся отчужденіе отъ христіанства, къ которому до сей поры относился одинаково дружелюбно какъ и къ іудейству.

Къ этому отчужденію увидѣлъ онъ себя вынужденнымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что отношенія въ Мединѣ указывали ему настоятельно на возможность сближенія съ іудеями. Надо было рѣшиться на выборъ,

*) Слозь „ау“ произносится въ этомъ имени какъ нѣмецкое „аи“ въ словѣ „Baier“.

ибо онъ вскорѣ разочаровался въ прежнихъ своихъ иллюзіяхъ, что всё, поклоняющееся единому Богу, имѣютъ въ сущности одинаковое откровеніе, нисколько не противорѣчащее его ученію. Хотя іудеи Іасриба не слыли за особыхъ начетчиковъ священнаго писанія, но и здѣсь несомнѣнно выступала рѣзкая разница между ними и христіанами, и потому Мухаммедъ, прилагавшій все стараніе, на первыхъ порахъ послѣ бѣгства, привлечь на свою сторону іудеевъ, долженъ былъ волей не волей отвернуться отъ христіанъ. Съ свойственнымъ ему упрямствомъ продолжалъ онъ неизмѣнно держаться своего взгляда на тождество откровеній; но христіане, училъ онъ, поддѣляли свои священныя книги и самовольно внесли богохульныя положенія, что Богъ — «единный въ трехъ лицахъ», что онъ поставилъ рядомъ съ собой божественность Іисуса и его Матери.—По приведенному мѣсту легко замѣтить, откуда черпалъ пророкъ свои свѣдѣнія. Слѣдуетъ при этомъ по справедливости указать на выдающуюся черту всѣхъ дѣйствій пророка; въ своей ревности набирать какъ можно болѣе послѣдователей и, благодаря не точно усвоеннымъ религіознымъ представленіямъ, былъ онъ всегда готовъ примѣняться, насколько возможно, къ тѣмъ, которыхъ обращеніе было въ данную минуту всего желательнѣе. Поэтому, стремясь страстно залучить евреевъ, если не въ кругъ своей общины, то хотя бы въ сферу своего вліянія, онъ искалъ во что бы то ни стало случая придти съ ними въ соглашеніе. Вотъ та побудительная причина, заставившая его явно и рѣзко отвернуться отъ христіанъ. Межъ тѣмъ еще недавно его влекло къ нимъ если не истинное сходство обихъ ученій, то во всякомъ случаѣ личная симпатія. Когда же позже онъ оттолкнулъ и іудеевъ, было слишкомъ поздно завязывать сношенія съ христіанами; путь ислама далеко разошелся съ направленіемъ древнѣйшихъ религій, отъ которыхъ онъ позаимствовалъ, въ главныхъ чертахъ, идейное содержаніе своего вѣроученія.

Ранѣе было уже упоминаемо о положеніи, которое занимали іудейскія племена въ Іасрибѣ. Въ недавней войнѣ между аусъ и хазраджъ они принимали дѣятельное участіе. Помогая первымъ, презираемые послѣдними и на томъ же основаніи дружившіе съ первыми, они представляли изъ себя силу. Приходилось во всякомъ случаѣ считаться съ нею, такъ какъ Мухаммеду, вмѣстѣ со своими, нужно было сразу стать на твердую почву. И дѣйствительно вскорѣ заботы объ уравненіи по возможности вышеупомянутыхъ противоположеній поглощаютъ всецѣло вниманіе пророка. Необходимо было подготовить союзъ всѣхъ жителей Іасриба подъ его верховенствомъ.

Отъ одного изъ древнѣйшихъ біографовъ Мухаммеда дошелъ до насъ текстъ этого замѣчательнаго документа,—результатъ успѣшнаго примѣненія новой политической системы, первый опытъ дать араб-

скому народонаселенію правильное государственное устройство. Документъ этотъ представляется въ видѣ протокола, исчислены по порядку договорные пункты, по которымъ соглашаются различныя группы жителей Іасриба на условія, ведущія къ болѣе покойнымъ отношеніямъ внутри и ко взаимной самооборонѣ извнѣ. Главные пункты этого соглашения слѣдующіе:

Правовѣрные курейшиты и жители Іасриба, равно какъ и всѣ къ нимъ примкнувшіе, образуютъ отдѣльный народъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ арабамъ.

Отношенія правовѣрныхъ выходцевъ изъ Мекки къ аусъ и хазраджъ опредѣляются такъ: мекканскіе переселенцы, равно какъ и отдѣлы племенъ аусъ и хазраджъ, рѣшаютъ самостоятельно свои собственныя дѣла, главнымъ образомъ уплату цѣны крови (виру), выкупъ плѣнныхъ, помощь обѣднѣвшимъ—воспрепятствуется правовѣрнымъ нанесеніе ущерба другъ другу и возбужденіе несогласій.—Правовѣрный не имѣетъ права убивать правовѣрнаго; если же онъ убилъ одного изъ невѣрующихъ, его родственникъ, правовѣрный, не можетъ помогать невѣрующимъ противъ правовѣрнаго.—Правовѣрные защищаютъ другъ друга противъ всѣхъ остальныхъ; если къ нимъ примкнуть іудеи, они защищаютъ и ихъ и не должны никому помогать противъ нихъ. Миръ и война равно обязательны для всѣхъ правовѣрныхъ, всѣ они обязаны сражаться и мстить за кровь тѣхъ, которые пали въ войнѣ за дѣло Божье. Ни одинъ изъ язычниковъ, жителей Іасриба, не имѣетъ права взять подъ свою защиту имущество и родственниковъ языческихъ курейшитовъ. Кто убьетъ правовѣрнаго подвергается кровавой мести, если не удовлетворитъ родственниковъ убитаго уплатою цѣны крови. Ни одинъ правовѣрный не смѣетъ защищать или укрывать преступника. Всякая распря, возникающая между правовѣрными, представляется на судъ Божій и Мухаммеда.

Пункты договора между правовѣрными и іудеями были слѣдующіе: іудеи, вмѣстѣ съ правовѣрными, облагаются равномѣрно налогомъ на расходы по общей войнѣ. Союзники отдѣловъ племенъ аусъ и хазраджъ, во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ, сообразуются съ установленіями, существующими соотвѣтственно этихъ племенъ, но сохраняютъ свой культъ наравнѣ съ мусульманами. Исключаются совершившіе преступленіе, лишшающее ихъ правъ, какъ недостойныхъ. Далѣе, іудеи не имѣютъ права предпринимать походовъ безъ согласія Мухаммеда. Только кровную месть могутъ они выполнять по собственному усмотрѣнію. Свои общественные расходы іудеи, какъ и мусульмане, берутъ всякій на себя, но если угрожаетъ нападеніе извнѣ, то обѣ стороны обязаны нести военныя издержки взаимопомощи по раскладкѣ: обязаны общими силами защищать Іасрибъ. При раздорахъ,

возникающихъ между іудеями и мусульманами, предоставляется рѣшеніе Богу и Мухаммеду.—Іудеи не имѣютъ права защищать языческихъ курейшитовъ и ихъ союзниковъ. Въ случаѣ веденія войны, обязаны іудеи заключить миръ, если этого пожелаютъ мусульмане, и обратно. Исключаются войны, ведомыя за религію.

Нѣкоторые пункты договора дѣйствительно оказываются нѣсколько подозрительными, и давали Мухаммеду особыя, довольно широкія права. Но, во всякомъ случаѣ, за первое время своего пребыванія въ Іасрибѣ, пророкъ едва ли могъ выказывать на нихъ притязанія. Конечно іудеи, съ того самаго момента, когда старыя недоразумѣнія между аусъ и хазраджъ окончательно были устранены, потеряли свое рѣшающее положеніе. Все же число ихъ и значеніе въ городѣ были еще велики. Едва ли можно допустить, чтобы они добровольно отказались отъ права вести самостоятельную военную политику извнѣ, которую Мухаммедъ «въ дѣлахъ религіи» такъ опредѣленно оставлялъ за собой; тѣмъ болѣе невѣроятно, чтобы они сразу предоставили рѣшенія всѣхъ споровъ ему одному; въ глазахъ ихъ, во всякомъ случаѣ, былъ онъ пока не болѣе какъ человѣкъ партіи. Между тѣмъ, по отношенію отдѣльныхъ подробностей договора, чрезвычайно мало извѣстно, почти ничего нельзя сказать опредѣленнаго. Но объ этихъ мелочахъ здѣсь не приходится и говорить, въ общемъ же договоръ представляется такимъ, какимъ до насъ дошелъ. Древній арабскій партикуляризмъ былъ пощаженъ настолько, насколько каждому племени можно было предоставить заботу о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Только оборонительное положеніе, къ которому обязаны были примкнуть всѣ на основаніи условій, исключало категорически язычниковъ курейшитовъ. И это было весьма естественно: такъ какъ Мухаммедъ и его сподвижники были приняты въ Іасрибъ съ согласія обоихъ племенъ, аусъ и хазраджъ, то союзникамъ было не ловко оспаривать этотъ пунктъ. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что и рѣчи не было далѣе о необращенныхъ еще членахъ обоихъ племенъ, также о возможности дружественныхъ отношеній ихъ къ мекканцамъ. Установившееся на государственныхъ, такъ сказать, основахъ соглашеніе покоилось на признаніи болѣе наружномъ продолжающейся самостоятельности отдѣльныхъ частей племени. А что, въ данномъ случаѣ, все должно вскорѣ измѣниться, силой обстоятельствъ, язычники никакимъ образомъ не могли предвидѣть. Трудно было имъ дѣйствительно подмѣтить поистинѣ революціонный характеръ пунктовъ договора, опредѣляющихъ отношенія между собой правовѣрныхъ. Для насъ же, конечно, совершенно ясно, безъ дальнѣйшихъ объясненій, все глубокое значеніе стремленій Мухаммеда: стоитъ только вспомнить, какъ радикально раздѣлся онъ со своею подчиненностью племени. Отнынѣ соединяетъ правовѣрныхъ воедино понятіе не племени, а

религіозной общины. Обязанности, предоставляемыя прежде семейнымъ союзамъ, равно какъ и права ихъ на кровомщеніе, взаимная защита, союзъ противъ всѣхъ чужестранцевъ—всѣмъ этимъ отнынѣ вѣдаетъ союзъ правовѣрныхъ. Подобно тому, какъ нѣкоторые раздоры между правовѣрными, не совсѣмъ еще заглаженные по стариннымъ счетамъ, тотчасъ же прекратились, такъ же и наоборотъ, лишь правовѣрный съ правовѣрнымъ были связаны неразрывными узами, и возникало полное отчужденіе къ членамъ семьи, оставшимся невѣрующими. Союзъ, связывавшій доселѣ родственниковъ отдѣльныхъ группъ племени, однимъ ударомъ былъ порванъ. Всѣ понятія солидарности членовъ племени, по отношенію къ имуществу, чести и жизни, перевернуты были вверхъ ногами. Во всякомъ случаѣ Мухаммедъ поостерегся доводить свой принципъ до крайнихъ предѣловъ, въ особенности когда дѣло касалось достоянія (имущества). Но и въ этомъ отношеніи, желая оставаться послѣдовательнымъ, пророкъ въ самомъ еще началѣ сдѣлалъ одну попытку: онъ повелѣлъ побрататься 50 бѣглецамъ изъ Мекки со столькимиже правовѣрными Іасриба. Отношенія эти становились выше всякаго родства, переживающій въ каждой парѣ долженъ былъ наследовать умершему. Но онъ замѣтилъ вскорѣ, что изъ этого распоряженія могутъ возникнуть всевозможнаго рода замѣшательства и неудовольствія, и спустя годъ вынужденъ былъ самъ отмѣнить это нововведеніе. Самый фактъ однако, что пророку возможно было, и такъ легко, потребовать отъ жителей Іасриба серьезной жертвы—отказаться немедленно и безповоротно отъ глубоко укоренившихся въ теченіе столѣтій арабскихъ обычаевъ, не служить ли наилучшимъ доводомъ того, какое глубокое впечатлѣніе произвела его проповѣдь здѣсь, а съ другой стороны насколько воспріимчивы были умы новообращенныхъ по сравненію съ полнымъ равнодушіемъ къ дѣламъ религіи мекканцевъ и остальныхъ бедуиновъ. Положимъ, что пророкъ позаботился съ самаго же начала проводить съ крайней строгостью предписанія новаго ученія; но этого, безъ сомнѣнія, онъ не могъ бы совершить, опираясь только на полторы сотни бѣглецовъ, если бы не опирался еще на содѣйствіе большинства вновь обращенныхъ. Необходимымъ послѣдствіемъ этого было, что такъ называемая «самостоятельность племенъ» числилась вскорѣ лишь на бумагѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда старѣйшины племенъ оставались еще въ язычествѣ, правовѣрные обращались по дѣламъ своимъ не къ ихъ авторитету, а къ авторитету пророка; отчужденіе ихъ отъ прежнихъ соплеменниковъ становилось все глубже, такъ что эти послѣдніе склонялись къ болѣе близкимъ отношеніямъ къ постояннымъ невѣрующимъ. Поэтому вскорѣ возникли рѣзко обозначенныя прозванія мусульманина и язычника и уже не было рѣчи о какихъ-то Бену Ауфъ, Наджжаръ или Ка'бъ. Наступало наконецъ время,

когда всякій правовѣрный считалъ своею обязанностью обращаться къ Мухаммеду во всѣхъ своихъ недоразумѣнiяхъ. Не только по религіознымъ и государственнымъ вопросамъ, но и по всѣмъ частнымъ тяжбамъ нормою стало служить рѣшенiе, произносимое во имя Бога Его посланникомъ.

Такимъ образомъ власть пророка становилась постепенно почти неограниченной, по отношенiю къ его общинѣ. Впослѣдствiи, по естественному ходу вещей, начала производить она сильное давленiе также и на остальныхъ необращенныхъ жителей Иасриба. Съ удивленiемъ и неудовольствiемъ замѣчали они, какъ все болѣе и болѣе приходилось уступать этому пролазу ихъ законное право на дѣла собственной своей родины, благодаря непростительному недомыслию нѣкоторыхъ членовъ племени, предоставившихъ ему первоначально одно только гостепрiимство и руководство въ предметахъ религіозныхъ. Безпрерывные раздоры, возникшіе изъ этого источника, на цѣлый рядъ лѣтъ отодвинули дальнѣйшее историческое развитiе ислама.

Первое время, конечно, предстояло Мухаммеду и безъ того много хлопотъ. Надо было прежде всего постараться укрѣпиться прочно при новой обстановкѣ: приходилось принимать мѣры, дабы тѣснѣе сплотить правовѣрныхъ и насколько возможно, съ помощью болѣе тѣснаго единенiя съ іудеями, даровать своему ученiю окончательный перевѣсъ надъ языческими тенденціями. И дѣйствительно, онъ съумѣлъ обѣ эти задачи выполнить замѣчательно мудро. А если справедливость не всегда была на его сторонѣ, избѣгнуть этого онъ не могъ.

Орудiемъ послужилъ наружный ритуалъ богослуженiя, который онъ почиталъ весьма плодотворнымъ для своихъ цѣлей. Въ Иасрибѣ, какъ и во всѣхъ почти городахъ полуострова, за исключенiемъ Мекки, не было храма. Совершать общее моленiе въ какомъ-нибудь частномъ домѣ было неудобно для значительно разросшейся общины мусульманъ. Поэтому становилось настоятельною необходимостью позаботиться о постоянномъ мѣстѣ богослуженiя: средоточіе это потребно было какъ внѣшняя санкція внутренней сплоченности общины. Вотъ почему, въ тѣсной связи съ постройкой домовъ для пророка и его родныхъ, рѣшились одновременно воздвигнуть храмъ. Начертанiе его было квадратное,—по другимъ свидѣтельствамъ—прямоугольное. Въ длину имѣлъ онъ 100 локтей, а въ ширину, если не столько же, то отъ 60 до 70-ти. Капитальные стѣны, на 3 локтя отъ земли, выведены были изъ бутоваго камня; далѣе шла кирпичная кладка. Внутри поставлены были стволы пальмъ, поддерживавшіе крышу изъ пальмовыхъ вѣтвей. Изъ желанiя польстить іудеямъ, Мухаммедъ предписалъ обращаться при молитвѣ по направленiю къ Іерусалиму, т. е. къ сѣверу. Поэтому фасадъ строенiя тянулся съ востока на западъ. Главныя двери выходили на югъ, сѣверная же стѣна была сплошная; въ остальныхъ двухъ пробиты были бо-

ковья двери, изъ которыхъ восточная примыкала къ жилищу пророка и предназначалась исключительно для его личнаго пользованія. Пятикратно въ день—при солнечномъ восходѣ, въ полдень, пополудни, при закатѣ солнца и передъ отходомъ ко сну—можно было его видѣть здѣсь, совершавшаго предписываемыя моленія; въ нихъ участвовали и тѣ правовѣрные, которымъ случалось быть поблизости. Въ полдень, въ пятницу, собиралась по возможности вся община на особое богослуженіе: сверхъ читаемыхъ обыкновенно молитвъ, произносилась въ заключеніе назидательная рѣчь. Но и въ другое время «мѣсто поглощенія» (аль-месджидъ отсюда—мечеть) было любимымъ мѣстопребываніемъ Мухаммеда и его ближайшихъ сподвижниковъ. Здѣсь часто бесѣдовали съ нимъ мѣстные жители и чужестранцы, здѣсь же рѣшалъ онъ вопросы религіи и права и возвѣщалъ откровенія, ему ниспосылаемыя.

Если вникнуть хорошенько въ роль, которую играютъ богослуженные обряды въ исламѣ и обратить вниманіе на то впечатлѣніе, которое они производятъ на толпу каждую изъ безчисленныхъ своихъ частностей, соблюдаемыхъ молящимися съ необычайнымъ рвеніемъ, легко усмотрѣть, что весь этотъ сложный ритуаль былъ дѣломъ тончайшаго и въ высшей степени удачнаго расчета. Я не могу себѣ даже представить, можно ли было идти дальше въ этомъ направленіи. И во всякомъ случаѣ этотъ, по нашимъ понятіямъ можетъ быть крайне утомительный, обрядовый формализмъ близко, повидимому, подходилъ къ арабскимъ понятіямъ. Да иначе и быть не могло, такъ какъ арабъ же его и придумалъ. Сознательное намѣреніе пророка конечно не шло далѣе простаго указанія, что богочитаніе должно стать дѣломъ серьезнымъ, влетеннымъ непрерывною нитью въ повседневную жизнь каждаго правовѣрнаго, дабы все существо человѣка преисполнялось исламомъ. Мухаммедъ не обладалъ большимъ даромъ изобрѣтательности, поэтому собралъ онъ воедино изъ разныхъ системъ все, что было ему извѣстно. Чѣмъ менѣе былъ онъ въ состояніи обнять «беззавѣтное почитаніе Бога», равно какъ и актъ внутренняго обновленія воли, тѣмъ въ большей мѣрѣ постарался онъ нагромоздить духовныхъ формулъ и внѣшнихъ знаковъ почитанія, посредствомъ которыхъ правовѣрный могъ бы ежечасно выражать удовлетворительно обязательное свое благочестіе. Если оно и не было дѣломъ большой заслуги передъ Богомъ какъ *opus operatum*, во всякомъ случаѣ било прямо въ цѣль, ставши сразу общепонятнымъ для массъ актомъ. Къ производимымъ ежедневно пятикратнымъ, довольно сложнаго ритуала, моленіямъ *) присоединена

*) Еще не вполне исследовано, не были ли эти различныя тѣлодвиженія, поклоны и т. п., связанныя съ молитвой, лишь агломератомъ различныхъ обрядностей, заимствованныхъ у другихъ религіозныхъ общинъ. Подобная же тенденція къ безпрестанному повторенію коротенькихъ религіозныхъ возгласовъ

была здѣсь въ Іасрибѣ обрядность омовенія, которая, весьма возможно, практиковалась неофициально уже издавна. При всѣхъ многочисленныхъ, дающихъ поводъ къ нечистоплотности въ обыденной жизни случаяхъ, обязанъ былъ правовѣрный совершать эту операцію, въ особенности передъ каждой молитвой, какъ это было въ употребленіи отчасти у евреевъ и среди нѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ. Отъ евреевъ же перенялъ пророкъ, кромѣ киблы, обращенія лицомъ при молитвѣ къ Іерусалиму, также и постъ передъ праздникомъ «умилостивленія» (10. Тишри). Если онъ не принялъ іудейской субботы, а назначилъ съ самаго начала пятницу днемъ всенароднаго богослуженія, это произошло вовсе не изъ желанія перечить іудейскимъ тенденціямъ, а имѣло одно основаніе, чтобы іудеи, съ которыми въ субботу нельзя было ничего подѣлать, имѣли возможность также присмотрѣться къ обычаямъ правовѣрныхъ и, какъ онъ вначалѣ надѣялся, постепенно принимать въ нихъ участіе.

Если онъ обманулся въ этомъ, то все остальное, предписываемое имъ, долгое время исправно исполнялось и успѣхъ превзошелъ питаемая имъ надежды. Предстояли лишь временныя затрудненія, насчетъ поддержки и пропитанія бѣглецовъ, переселившихся вмѣстѣ съ нимъ въ Іасрибъ и обѣднѣвшихъ въ конецъ. Даже зажиточные, изъ числа окружающихъ Мухаммеда, потеряли большую часть своего состоянія, въ долгіе годы преслѣдованій. Такъ напр. Абу Бекръ привезъ съ собой лишь 5000, изъ 40000 дирхемъ *), которыми онъ прежде располагалъ. Несмотря на всю готовность новообращенныхъ къ пожертвованіямъ, все же было весьма трудно содержать болѣе или менѣе сносно всѣхъ неимущихъ. Всѣ они,

и составляетъ тотъ набожный жаргонъ, введеніе котораго, или по крайней мѣрѣ образованіе, можно отнести къ тому же самому времени; онъ сохранился и нынѣ. Вмѣсто „добраго утра“ стали говорить „миръ съ тобой“, при каждомъ воспоминаніи о Богѣ прибавлялось постоянно „святыи или высочайшій“, каждое намѣреніе сопровождалось прибавленіемъ „если такъ Богу угодно“ и т. д. Страсть къ библейскимъ оборотамъ прежнихъ святошъ (пуританъ), говорившихъ на такъ называемомъ „Ханаанскомъ нарѣчій“, еще въ большей степени свойственна мусульманамъ: слово „Господь“ они готовы бы, кажется, писать большими буквами, если бы только это допускалъ арабскій шрифтъ. Очень тонко передаютъ французы словомъ *salamalek* (*salām-aleik* „миръ съ тобою“) всю чрезмѣрную преувеличенность, все уродливое гримасничанье приторной вѣжливости.

*) Слово *dirhem* греческое, *δραχμή* „драхма“. До Мухаммеда и нѣкоторое время спустя, арабы не имѣли собственной монеты; деньги вообще были между ними величайшею рѣдкостью, если же и встрѣчались, то византійскія и персидскія монеты. Вотъ почему и названія заимствованныя: *dinār* (т. е. золотой динаръ *argenteus*) и *dirhem*. Первый былъ стоимостью приблизительно въ 5 р. зол., а послѣдній равнялся 25 к. сер. Но при колеблющейся относительной стоимости золота и серебра (послѣднее на Востока стояло вообще весьма высоко), при полномъ нашемъ незнаніи номинальной стоимости ихъ въ тогдашней Аравіи, трудно даже приблизительно подсчитать цѣну ихъ, сравнительно съ нынѣшними нашими.

очень естественно, ждали помощи отъ пророка и расположились поэтому лагеремъ возлѣ самаго его дома, подъ нѣкотораго рода верандой, вблизи мечети; поэтому ихъ и называютъ людьми «веранды» *). Зависимые во всемъ отъ Мухаммеда и все же вѣроятно недовольные, эти пролетаріи составляли наименѣе почтенный элементъ общины, но зато оказывались способными на всякаго рода службу янычарскую. Надо было позаботиться о нихъ и другихъ нуждающихся, потребовалось обложить правовѣрныхъ постоянной податью. Такимъ образомъ призрѣніе бѣдныхъ стало навсегда обязанностью ислама. Милостыня (зекятъ) преобразилась постепенно въ формальный налогъ, сборъ котораго обращался впоследствии и на другіе насущные предметы «путей господнихъ» и сталъ наконецъ главнымъ источникомъ исламской государственной казны.—Почетнѣйшіе мужи изъ числа мухаджиръ, бѣжавшихъ съ пророкомъ вмѣстѣ **), много испытанные, надежные Абу Бекръ, Омаръ, Хамза, Зейдъ, Алій и иные, съ которыми посланникъ Божій ежедневно совѣщался, считались истинными столпами вѣры. Чудное дѣло, приходилось какъ-то всегда такъ, что тотъ или другой изъ нихъ высказывалъ мнѣніе, совершенно совпадающее съ божьимъ рѣшеніемъ, передаваемомъ въ видѣ откровенія, почти одновременно, ангеломъ Гавріиломъ, всегда готовымъ къ услугамъ. Къ этой маленькой группѣ, переросшей всѣхъ остальныхъ по личному значенію и довѣрію Мухаммеда, все быстрѣе и быстрѣе стали присоединяться люди Іасриба, принимавшіе охотно исламъ. Позднѣе они получили почетное названіе Аль-Ансáръ—«помощники», «союзники». И между ними также встрѣчались люди почетные, такъ напр. Сá'дъ Ибнъ Убáда, глава Бену Сá'да, отдѣла племени хазраджъ. Чаше же всего были это люди молодые, пылъ воодушевленія которыхъ не остылъ еще. Они-то всего болѣе увлекали примѣромъ своимъ и другихъ, вскорѣ и такихъ, которые не выказывали особеннаго влеченія къ дѣлу мекканца, и примыкали къ исламу притворно, имѣя въ виду личные интересы. Такимъ образомъ въ непродолжительномъ времени образовалась довольно значительная община, въ нее, повидимому, вошло большинство аусовъ и хазраджей. Открытое идолопоклоненіе вскорѣ совершенно прекратилось въ городѣ. А вмѣстѣ съ нимъ улетучивались также и нѣкоторые элементы, лишь съ виду стоявшіе ближе къ новой вѣрѣ.

Кому кому, а ужъ Абу Амѣру слѣдовало, казалось, привѣтствовать съ горячей симпатіей прибытіе пророка. Принадлежа къ племени аусъ, онъ, какъ говорятъ, познакомился съ христіанскимъ ученіемъ, благодаря

*) По-арабски Ахль-ас-суффа. Отъ слова суффа происходитъ наше слово софа, собственно мебель на ножкахъ, подобно верандѣ на столбахъ.

***) По-арабски аль-мухаджирунъ „бѣжавшій изъ родины“, въ сокращеніи— „бѣглецы“.

своимъ частымъ поѣздкамъ въ Сирію и отвернулся отъ языческихъ боговъ. Его считали за ханифа, приверженца одной изъ христіанскихъ сектъ съ отгѣнкомъ нѣкотораго рода монашескаго аскетизма. Маленькую общину, которую втихомолку собралъ вокругъ себя Абу Амиръ, неприятно поразило шумное выступленіе Мухаммеда, окруженнаго толпой жаждущихъ прозелитизма правовѣрныхъ юношей, хотя пророкъ въ своихъ «божественныхъ откровеніяхъ» не преминулъ похвалить ханифовъ и, по своему обычаю, постарался отождествить съ ними свое собственное ученіе. Какъ могъ, въ самомъ дѣлѣ, суровый аскетъ преклониться передъ тѣмъ, что казалось ему лишь искаженіемъ чистаго дѣла, которому посвятилъ всю свою жизнь. Съ 20-ю единомышленниками, которыхъ ранѣе склонилъ на свою сторону, оставилъ Абу Амиръ родину и ушелъ къ мекканцамъ, уподобляясь въ этомъ своему противнику— онъ предпочелъ порвать съ племенемъ, чѣмъ отказаться отъ своихъ убѣжденій. Мы еще встрѣтимъ его въ толпѣ курейшитовъ. Въ тотъ моментъ, когда эти послѣдніе слагаютъ оружіе передъ побѣдоноснымъ исламомъ, онъ продолжаетъ сражаться вмѣстѣ съ жителями Таифа противъ Мухаммеда. А когда и здѣсь становилось невозможно сопротивленіе, упрямый сектаторъ ушелъ въ Сирію, чтобы поднять византійцевъ противъ обманщика. Но здѣсь смерть застигла покинутого своими, одинокаго чужеземца. Нѣкогда, побуждаемый религіознымъ рвеніемъ, этотъ неисправимый идеалистъ бранилъ и поносилъ дерзко Мухаммеда, а теперь встрѣтилъ трагическую развязку. Другой же, благодаря своему «здоровому реализму», избѣгъ ея счастливо.

Не въ той конечно мѣрѣ, какъ этотъ характерный человѣкъ, заслуживаетъ нѣкотораго участія масса «полувѣровъ», число которыхъ было достаточно и въ Іасрибѣ. Это были люди, не могшіе съ горячностью примѣниться къ новой вѣрѣ, но не перестававшіе при этомъ придерживаться старинныхъ рутинныхъ понятій. Они не въ силахъ были совершенно отстраниться отъ остальныхъ членовъ племени, примкнувшихъ къ исламу. Дѣло въ томъ, что религія отдѣльныхъ лицъ продолжала попрежнему составлять частное дѣло cadaго и никому не воспрещалось обращеніе. Если бы обращеніе массъ случилось однимъ разомъ, то приверженцы старыхъ порядковъ въ концѣ концовъ возстали бы конечно, они попытались бы выступить противъ захвата чужеземцами власти, съ оружіемъ въ рукахъ. Но дѣло ислама шло иначе: исподволь, шагъ за шагомъ были отодвигаемы язычники на задній планъ, постепенно, почти незамѣтно. Авторитетъ старѣйшинъ племени не былъ отрицаемъ сначала открыто, но медленно подтачивается, такъ что ни въ одномъ отдѣльномъ случаѣ нельзя было упрекнуть Мухаммеда въ нарушеніи хотя бы единой буквы соглашенія; многіе простодушно продолжали считать союзъ за одинъ только простой оборонительный дого-

воръ. Но всему этому слѣдуетъ прибавить, что человѣкъ, ставшій во главѣ недовольныхъ, хотя и талантливый, не обладалъ твердымъ характеромъ. Въ сказаніяхъ сохранилось, что племя хазраджъ, въ то время, когда велись первые тайные переговоры съ пророкомъ, успокоены были обѣщаніемъ, что предводитель ихъ Абдулла Ибнъ Убайи получить корону. Это извѣстіе, почерпнутое изъ позднѣйшихъ легендъ, очевидно выражало желаніе правовѣрныхъ сопоставить ничтожество земныхъ стремленій къ власти рядомъ съ божественнымъ правомъ пророка. Если бы и дѣйствительно обѣщана была ему корона, этотъ человѣкъ не былъ бы въ состояніи ее носить. Какъ ни честны въ сущности были колебанія, помѣшавшія ему стать во главѣ своихъ соумышленниковъ и вызвать на бой этого пройдоху съ кучкой ослѣпленныхъ имъ же земляковъ, нельзя однако не замѣтить, что это выказывало хотя предусмотрительнаго, но вмѣстѣ и нерѣшительнаго человѣка, который не былъ рожденъ для власти, у котораго отсутствіе вѣры въ сверхъестественное не восполнялось величіемъ духа. Ничего нѣтъ по этому удивительнаго, что онъ, а съ нимъ и большинство единомышленниковъ, должны были въ концѣ концовъ, ради мира и спокойствія, согласиться также примкнуть къ исламу и наблюдать нерушимо и далѣе разъ заключенный договоръ. Но при этомъ нерѣшимость его не покидала: всякій разъ, когда Мухаммедъ нуждался въ сильной помощи, отправляясь въ какую-нибудь дальнюю экспедицію за городъ, и вызывая охотниковъ, онъ старался помѣшкать, а въ то же время пропускалъ случай доканать противника, когда пророкъ терпѣлъ какую-нибудь чувствительную неудачу. Былъ онъ несомнѣнно честный, добросовѣстный человѣкъ, но въ его добросовѣстности ощущалось нѣчто слабое, а его честность, благодаря частымъ ложнымъ положеніямъ, въ которыя волей неволей ставилъ онъ себя, не могла оставаться незапятнанной: ибо онъ со своими приверженцами не могъ оправдывать нѣкоторыхъ совершенныхъ имъ насилій и вѣроломствъ набожностью цѣлей. Поэтому, по сравненію съ мусульманами, образъ дѣйствій его партіи не всегда казался поступками безупречныхъ неуклонно людей. Тѣмъ не менѣе они тревожили вѣчно пророка. То, что «сердце ихъ точила неизлѣчимая болѣзнь» — какъ выражено въ коранѣ весьма мѣтко, хотя и въ особенномъ смыслѣ,—это нисколько не беспокоило пророка; но онъ не былъ никогда увѣренъ и не могъ рассчитывать на нихъ. Между тѣмъ, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, онъ долженъ былъ обходиться съ ними по возможности мягче. Ему приходилось съ крайнею заботливостью остерегаться и не доводить до взрыва дремлющій гнѣвъ противниковъ, который могъ легко стать гибельнымъ для всей общины, угрожаемой долгіе еще годы мекканцами и другими внѣшними непріятелями. Если они не рѣшались

открыто взяты за оружіе, зато какъ часто выказывали свое неудовольствіе въ ѣдкихъ эпиграммахъ, щедро уснащенныхъ самыми обидными сравненіями. «Накорми собаку, она же тебя укуситъ» было любимѣйшей темой ихъ, безконечно варьируемой. Но если эти самыя «лицемѣры» *) стѣсняли и сердили пророка на разные лады, о чемъ встрѣчаются неопредѣленные, хотя и достаточно понятныя намеки въ самомъ коранѣ, все же никогда они не становились серьезно опасными. Поэтому Мухаммедъ довольствовался одними частыми предостереженіями своимъ правовѣрнымъ сторониться вообще отъ яда лицемѣрія, не позволяя однако себѣ при этомъ никакихъ намековъ на извѣстныя сомнительныя личности. По мѣрѣ того какъ росъ неудержимо услѣхъ извнѣ могущества ислама, и внутри города число лицемѣровъ все уменьшалось, со смертью же Абдуллы Ибнъ-Убайи (630) они исчезли совершенно.

Болѣе головоломнымъ, чѣмъ съ лицемѣрами, было для Мухаммеда ладить съ іудеями. Расчитывая на нихъ, какъ на положительныхъ монотеистовъ, пробовалъ было онъ, дабы сдѣлать для нихъ болѣе пріятнымъ исламъ, осыпать похвалами, въ напыщенныхъ декламацияхъ, Моисея и Аарона, а также примѣнять къ исламу нѣкоторыя особенности богослуженія іудейскаго. Но іудеи знали хорошо чтó имѣли и продолжали держаться въ сторонкѣ отъ новаго пророка. Спервоначала хотѣли они убѣдиться, насколько достовѣрны завѣренія этого человѣка, что древнюю, прародительскую божескую истину, открытую нѣкогда Авраамомъ и Моисеемъ, дѣйствительно онъ унаслѣдовалъ и въ состояніи правильно передать, согласно вновь осѣнившему его вдохновенію свыше. Они стали предлагать ему одинъ за другимъ разнаго рода вопросы о предметахъ, взятыхъ изъ Ветхаго завѣта и талмуда, желая испытать знаніе его въ священномъ писаніи. Познанія Мухаммеда въ библии ограничивались естественно только тѣмъ, что онъ перенялъ когда-то изъ бесѣдъ съ іудеями и христіанами. Понятно, часть этихъ разсказовъ онъ уразумѣлъ едва на половину **), а потому и отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы довольно неудовлетворительно. Лишь только сыны Израиля, запримѣтили его шаткость,

*) El - m u n á f i k ū n — значитъ собственно „старающіеся укрыться“. Слово это употребляется въ прямомъ смыслѣ, когда говорятъ о прыгунѣ, укрывающемся въ норку, а въ переносномъ значеніи примѣняется къ каждому фальшивому намѣренію, тщательно маскируемому злоумышленникомъ. Подъ словомъ munáfikъ филологи подразумеваютъ того „кто укрываетъ въ сердцѣ невѣріе, а на языкѣ выражаетъ вѣру“. Въ данномъ случаѣ собственно „лицемѣръ“ тотъ, кто признаетъ исламъ единственно ради сохраненія въ городѣ тишины и спокойствія.

**) Изъ сличенія текстовъ нѣкоторыхъ мѣстъ корана оказывается напр., что пророкъ лишь постепенно дошелъ до убѣжденія, что Исаакъ сынъ Авраама.

это их заинтересовало до такой степени, что съ этихъ поръ имъ доставляло истинное наслажденіе закидывать его всевозможными щекотливыми вопросами. При случаѣ пользовались они его невѣжественными отвѣтами и вышучивали пророка вездѣ, гдѣ только было возможно—промежь себя, въ средѣ лицемѣровъ, а даже иногда и его почитателей. Но такой порядокъ вещей становился для Мухаммеда въ высшей степени опаснымъ. Въ коранѣ не разъ самымъ положительнымъ образомъ упоминалось о тождественности его ученія съ Моисеевымъ. И вдругъ оказывается, что это въ дѣйствительности не такъ. Какой сильный и не легко исправимый ударъ могло нанести это опроверженіе довѣрію къ учителю правовѣрныхъ! Мухаммедъ боролся разумѣется какъ умѣлъ: «Эти іудеи,—такъ объяснялось отнынѣ въ его откровеніяхъ,—исказили подобно христіанамъ священное писаніе, преподанное имъ Моисеемъ. Вотъ въ чемъ слѣдуетъ искать источникъ всѣхъ противорѣчій іудейскаго закона съ новой, нынѣ небомъ ниспосылаемой чистой истиной». Правовѣрные успокоились на время. Тѣмъ не менѣе сосѣдство такихъ сварливыхъ и искусныхъ спорщиковъ становилось для пророка болѣе чѣмъ неприятнымъ. Безъ устали громить онъ отнынѣ въ своихъ «к о р а н а хъ» законсѣлыхъ дѣтей Израиля, приводитъ всѣ ихъ грѣхи, которые когда-либо совершали они противъ людей Господа (пророковъ) и угрожаетъ имъ всевозможными небесными карами. Равно временно разрываетъ онъ съ ними всякую связь на самомъ дѣлѣ: уже на второй годъ послѣ бѣгства (623) онъ измѣняетъ распоряженіе обращаться при молитвѣ (Kibla) по направленію къ Іерусалиму и постъ въ день умилоствленія. Въмѣсто первоначальнаго указанія, предписываетъ обращаться при молитвѣ въ направленіи къ Меккѣ, а постъ переносится на день принесенія жертвъ, совершаемыхъ въ заключеніе мекканскихъ паломничествъ, на десятое Зу-ль-хиджди. Равнымъ образомъ вводится всеобщій постъ въ мѣсяцѣ Рамаданѣ *). Къ этому же времени относится введеніе обычая призыва на молитву (азанъ), замѣняющаго трубы у іудеевъ и колокола **) у христіанъ. Благодаря своему зычному голосу эту обязанность исполнялъ сперва Билаль.

Перемѣна киблы есть событіе значительно важнѣйшее, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ Меккѣ Мухаммедъ воевалъ

*) По персидско-турецкому произношенію Рамазанъ. Этотъ постъ былъ, можетъ быть, и подражаніемъ 40-дневному посту христіанъ, согласно продолжительности обоихъ, но Рамаданъ приходился въ день его установленія не передъ пасхой, а въ декабрѣ. По своему обыкновенію и въ данномъ случаѣ Мухаммедъ старался примѣнить къ арабамъ подмѣненное имъ у одного аскета ханифа умерщвленіе плоти, на это и навсначалъ онъ одинъ изъ арабскихъ мѣсяцевъ.

**) На Востокѣ въ общемъ употребленіи накусъ—длинные деревянные колотушки. Ими ударяють одна объ другую. (По-русски такое орудіе называется «било». Прежде оно замѣняло колоколъ въ монастыряхъ).

противъ идоловъ, а не противъ издревле установленныхъ церемоній, которыхъ средоточіемъ была Ка'ба. Какъ «домъ Аллаха» оставалась она попрежнему для него, бывшаго жителя Мекки, святыней. Когда онъ покинулъ отчій городъ и сталъ рассчитывать въ будущемъ прежде всего на іудеевъ, Іерусалимъ—какъ это видно изъ его «ночной поѣздки»—рисовался въ его мечтахъ цѣлю, а позднѣе идеальнымъ центральнымъ пунктомъ всей общины. Но этого оказалось недостаточнымъ, чтобы обезпечить признаніе его іудеями; сопротивление ихъ понудило его выступить на исключительный путь арабизированія, а потому и вернуло его снова назадъ къ настоящей арабской святынѣ, Ка'бѣ. Такимъ образомъ, во второй разъ, сами противники ученія вынудили его противъ воли прокладывать новую дорогу, которая рѣшительно повела къ побѣдѣ. Теперь только освобождается исламъ окончательно отъ связи съ послѣдней древней религіей, изъ которой по преимуществу черпалъ онъ идеальное содержаніе своего ученія. Оригинальнымъ въ его догматикѣ—за исключеніемъ весьма немногаго, касающагося скорѣе лишь внѣшней стороны—является арабизированіе христіанско-іудейскихъ вѣроученій, начавшееся съ того, что домъ Божій въ Меккѣ становится на мѣсто іерусалимскаго христіанскаго храма, расположеннаго на святой горѣ іудейскаго Бога. Соотвѣтственно этому всѣ помыслы Мухаммеда послѣдующаго періода устремлены на то, чтобы подогнать свое ученіе, насколько возможно, къ преданіямъ и предразсудкамъ древней Аравіи, лишь бы только не расходилось оно съ главнымъ положеніемъ о единствѣ Божиюмъ и съ его притязаніями на значеніе его какъ величайшаго изъ пророковъ. Изъ тѣсныхъ границъ христіанско-іудейской секты исламъ высвобождается сразу въ національную религію всего арабскаго народа. Рядомъ съ этою тенденціей является неудержимое стремленіе покорить силой оружія невѣрующихъ мекканцевъ, ибо было невозможно допустить, чтобы домъ Божій оставался въ рукахъ язычниковъ. Нельзя сказать, чтобы и безъ того можно было избѣгнуть столкновенія. Первые непріязненные дѣйствія начались ранѣе перемѣны киблы. Но теперь рвеніе къ борьбѣ съ курейшитами удвоилось, стремленіе къ Ка'бѣ становилось все сильнѣе, по мѣрѣ того какъ подымалось въ глазахъ мусульманъ ея значеніе. Можетъ быть уже на третьемъ или четвертомъ году послѣ бѣгства (625—626 г.) стало обязательнымъ хаджжъ, — участіе въ древне національныхъ паломническихъ празднествахъ,—для всѣхъ правовѣрныхъ. Оно откладывалось лишь на время, по обстоятельствамъ невозможное, но считалось уже религіозной обязанностью. Ею окончательно долженъ былъ сплотиться чистый монотеизмъ съ національными традиціями.

Главнѣйшія указанія для только-что набросаннаго выше очерка развитія ислама, въ первые годы пребыванія Мухаммеда въ Іасрибѣ, опять-таки слагаются изъ тѣхъ проявленій, которыя отмѣчены въ коранѣ по отношенію къ отдѣльнымъ партіямъ и событіямъ. Новымъ отношеніямъ соотвѣтствовала переменна какъ формы, такъ и содержанія откровенія того времени. Извѣстные стереотипные обороты мекканскаго періода все еще продолжаютъ пестрить рѣчь пророка, но становятся томительно однообразными, внутренняя жизнь какъ бы замерла, старинныя фразы свидѣтельствуютъ нѣкоторымъ образомъ лишь о непрерывности откровенія. Однѣ только легенды о пророкахъ, служащія нынѣ главнымъ образомъ для предостереженія дѣтей Израиля, напоминаютъ еще старый стиль. Во всемъ остальномъ, вмѣсто преподаванія религиозныхъ истинъ, выступаютъ обширныя предписанія, касающіяся устройства политической и церковной жизни правовѣрныхъ. Прежнія нападенія на язычниковъ замѣняются нескончаемыми іереміадами, уснащенными болѣе или менѣе крупными ругательствами и угрозами по адресу іудеевъ и лицемѣровъ, а изрѣдка и христіанъ. Широкое мѣсто занимаютъ затѣмъ отдѣлы, которыхъ содержаніе можно, ради краткости, обозначить какъ дневные приказы и бюллетени въ Наполеоновскомъ духѣ. Въ нихъ призываются правовѣрные къ войнѣ, превозносятся чудеса храбрости, гремитъ съ каеэды порицаніе за опасныя проступки непослушанія. Первоначальное пылкое воодушевленіе мечтательнаго исповѣдника единаго Бога совершенно пропадаетъ у старѣющаго пророка и не можетъ быть возмѣщено ни искусственной напыщенностью рѣчи, ни притворнымъ жаромъ. Форма энергическихъ, коротенькихъ предложеній, съ рѣзко обозначенными созвучіями по концамъ, превращается въ довольно обыденную, утомительно тягучую прозу, въ которой невнимательно, неточно разставленныя риемы, черезъ двѣ или три строчки, тонутъ почти незамѣченныя. Поэтому чтеніе значительно болѣе объемистой части всего корана становится крайне утомительнымъ для всякаго, расчитывающаго на нѣкоторое эстетическое наслажденіе, и даже невыносимымъ, если продолжать усердствовать далѣе. Зато отдѣлъ этотъ представляетъ, для желающаго изучить болѣе основательно исторію того времени и развитіе религиозныхъ и законодательныхъ предписаній ислама, богатый, доселѣ далеко не исчерпанный матеріалъ высоко фактическаго интереса.

Приблизительно къ концу 622 года, положеніе Мухаммеда въ Іасрибѣ, въ «Городѣ» (Аль-Медина), какъ его все чаще и чаще *) стали

*) Кажется, еще до прибытія пророка жители Іасриба называли свое мѣсто межъ собой чаще всего „городомъ“, въ противоположеніе предмѣстьямъ, вмѣстѣ

звать, значительно упрочилось. Не только пророкъ могъ положиться, какъ на самого себя, на своихъ «бѣглецовъ», но и число «помощниковъ» постоянно прибывало; по мѣрѣ ихъ увеличенія они также стали оказывать похвальное рвеніе къ дѣлу Господнему. Вскорѣ былъ онъ въ состояніи попробовать посчитаться съ мекканцами. Хотя по арабскимъ понятіямъ они имѣли полное право объявить войну измѣннику племени и всѣмъ; которые оказывали ему поддержку, но миролюбивые купцы объ этомъ и не думали; онъ же съ своей стороны никоимъ образомъ не помышлялъ оставить ихъ въ покоѣ. Слишкомъ уже часто возвѣщалъ пророкъ грозно, что Богъ рѣшилъ истребить тѣхъ, которые отвергаютъ Его истины. Его долгомъ было привести въ исполненіе божественное повелѣніе, лишь только найдутся въ рукахъ соотвѣтственные средства. Въ данный моментъ были они конечно незначительны, «помощники» обязывались защищать его лишь въ случаѣ нужды, а со своей кучкой мухаджировъ не могъ же онъ серьезно начать формальную войну съ курейшитами. Но вредить имъ онъ желалъ, насколько было въ его силахъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Къ тому же между его приверженцами нужда все росла: предстояли большія затрудненія по прокормленію «людей веранды». Въ подобныхъ обстоятельствахъ арабъ привыкъ таскать у ближайшаго сосѣда то, чего не хватало у него. Поэтому правильные рейсы мекканскихъ каравановъ въ Сирію и Іемень, изъ которыхъ къ тому же первые проходили не вдалекѣ отъ Медины, манили легкой добычей, стоило только вооруженной толпой напасть внезапно. Первые маленькіе отряды сталъ онъ высылать на подобныя хищническія экскурсіи съ декабря 622 г. и продолжалъ дѣйствовать такъ по октябръ 623 г., частью предводительствуя ими самъ. Всѣ эти попытки кончались пока неудачей; то нападеніе опаздывало, то осторожные курейшиты успѣвали во время ускользнуть, то охрана была слишкомъ велика, то за караваны вступались сосѣднія племена. Тѣмъ не менѣе экспедиціи эти имѣли въ послѣдствіи нѣкоторый успѣхъ. Удалось тѣмъ временемъ заключить мирныя и дружественныя договоры съ нѣкоторыми маленькими племенами, кочевавшими на пастбищахъ между

съ которыми „городъ“ получилъ собирательное имя Іасриба. Слово Medina происхожденія арамейскаго, очевидно заимствовано отъ іудеевъ, поэтому вѣроятно и у первоначальныхъ жителей, до переселенія племенъ аусъ и хазраджъ, было уже несомнѣнно въ употребленіи. Для обозначенія города вообще это названіе употреблялъ Мухаммедъ въ коранѣ не разъ и прежде; онъ позаимствовалъ его, какъ и многія чужестранныя слова, отъ своихъ знакомыхъ іудеевъ и христіанъ. Въ договорѣ значится одно официальное имя Іасрибъ. Мало-по-малу привыкаетъ онъ самъ и его послѣдователи къ наименованію „городъ“, такъ что въ послѣдствіи названіе Іасрибъ совершенно вытѣсняется. Подъ „городомъ“—Аль-Медина—равнумѣли „мединет-ан-набий“, т. е. „городъ пророка“, и къ этому выраженію вскорѣ привыкли.

Мединой, Меккой и моремъ, и такимъ образомъ политическое вліяніе ислама начало распространяться и за стѣны Медины. Но добыча все еще никакъ не давалась, а въ ней-то и ощущалась главная потребность. Пророкъ рѣшился наконецъ пустить въ ходъ одно весьма сомнительное средство. Приближался Раджабъ, одинъ изъ четырехъ священныхъ мѣсяцевъ, когда по всей Аравіи наступаетъ всеобщій міръ. Какъ разъ въ это время Мухаммедъ послалъ одного изъ своихъ, грамотнаго, по имени Абдулла Ибнъ Джахшъ, вмѣстѣ съ семью другими головорѣзами съ запечатанной инструкціей, на развѣдки вокругъ Мекки, по пути изъ Нахлы въ Таифъ. Когда Абдулла, въ предписанномъ ему мѣстѣ, распечаталъ бумагу, нашелъ приказаніе, въ которомъ предписывалось, сообщая со спутниками по ихъ добровольному согласію, «подстергать» курейшитовъ. И дѣйствительно, вскорѣ подошелъ караванъ, везшій изъ Іемена изюмъ и кожи, подъ конвоемъ четырехъ курейшитовъ. Межъ тѣмъ какъ разъ наступилъ священный мѣсяць. Инструкція Мухаммеда написана была двусмысленно и мнѣнія о ея содержаніи раздвоились, но, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, перевѣсь окончательно имѣли болѣе ревностныя. Итакъ, сдѣлано было нападеніе на караванъ, одного изъ сопровождавшихъ убили, а двухъ, взятыхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ захваченными товарами, увлекли въ Медину. Слишкомъ поторопившихся ждала тамъ непріятная встрѣча. Пророкъ, повидимому, былъ въ высшей степени изумленъ; онъ объявилъ торжественно, что никому не приказывалъ сражаться въ теченіе святого мѣсяца. Вмѣсто того, чтобы раздѣлить добычу, какъ это было въ обычаѣ, онъ приказалъ отложить ее въ сторону. Вслѣдъ за тѣмъ сталъ онъ обвинять своихъ подчиненныхъ съ искусствомъ опытнаго дипломата, такъ что ихъ взяло отчаяніе, тѣмъ болѣе что и другіе мусульмане, слѣдуя примѣру главы, осыпали ихъ самыми горькими упреками. Присоединились къ порицателямъ и іудеи; по своему обыкновенію они преслѣдовали несчастныхъ всевозможными колкими остротами. Въ свою очередь мекканцы были возмущены и всюду стали громко жаловаться, что подчиненные Мухаммеда не уважаютъ даже священныхъ мѣсяцевъ. По одному этому можно судить, добавляли они, что это за отчаянный народъ. «Посланникъ Божій», далъ время улечься первому взрыву негодованія, а затѣмъ возвѣстилъ слѣдующее откровеніе (сура 2, 214). «Они спрашиваютъ тебя о священной мѣсяцѣ, о войнѣ во время него. Скажи: война во время него великій ли грѣхъ, а уклоняться отъ путей Божіихъ, не вѣровать въ него и святой его домъ, изгонять изъ него посѣщающихъ его, не болшій ли еще грѣхъ предъ Богомъ? Богоотступничество губительнѣе убійства. Они дотолѣ не перестанутъ воевать съ вами, доколѣ не учинятъ васъ отступниками отъ вашей вѣры, если

смогутъ сдѣлать это. Истинно говорю вамъ—тѣхъ, которые увѣровали, покинули родину (вмѣстѣ съ тобою) и ревностно *) подвизаются по стезямъ Божіимъ, ожидаетъ милосердіе Господа, а Богъ многое прощаетъ, всемилосердъ». И здѣсь, какъ видите, ягненокъ замутилъ воду. Такъ или иначе, отнынѣ обѣлены были набожные разбойники, добычу подѣлили, а съ мекканцевъ, которые волей неволей должны были позаботиться объ освобожденіи плѣнныхъ, вытребовано было за cadaго по 1600 дирхемъ. Однако одинъ изъ взятыхъ предпочелъ обращеніе и остался въ Мединѣ.

Если кто взглянетъ на ходъ всей этой маленькой исторіи безъ предвзятой мысли, едва ли усомнится, что двоемысліе въ запискѣ пророка было намѣренное. Мухаммедъ зналъ своихъ людей и онъ самъ былъ уже совсѣмъ не тотъ, какимъ выказывался въ Меккѣ.

Курейшиты продолжали, въ интересахъ своей торговли, не нарушать мира какъ можно долѣе, а потому не принимали никакихъ мѣръ для отомщенія. Дальнѣйшій ходъ событій зависѣлъ поэтому всецѣло отъ Мухаммеда, а такъ какъ онъ явно желалъ войны, то и сталъ къ ней готовиться. Межъ тѣмъ число «помощниковъ» постепенно возросло, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось ихъ довѣріе, тѣмъ болѣе что страсть къ добычѣ дѣйствовала заразительно. Лишь только выяснилась надежда на успѣхъ, являлись виды, сверхъ оборонительнаго союза, на возможность дальнѣйшихъ уступокъ. Къ этому же времени слѣдуетъ отнести новое откровеніе Божіе, которымъ ставится правовѣрнымъ въ обязанность религіозную полное и неотложное покореніе оружіемъ невѣрующихъ: «сражайтесь, слѣдуя по пути Божьему, съ тѣми, которые сражаются съ вами, но не переступайте границъ (какое, подумаешь, ограниченіе), потому что Богъ не любитъ несправедливыхъ. Убивайте ихъ, гдѣ ни застигнете, изгоняйте сихъ оттуда, откуда они изгнали васъ. Богоотступничество губительнѣе убійства (сура 2, 186)». А нѣсколько далѣе: «вамъ предписана война, хотя она для васъ непріятна. Но, можетъ быть, вы чувствуете отвращеніе отъ того, что добро для васъ, и, можетъ быть, любите то, что составляетъ для васъ зло: Богъ знаетъ, а вы не вѣдаете (сура 2, 212)». Извѣстная истина: приверженцы большинства религій считаютъ необходимымъ придти на помощь своему Богу, святыхъ Его намѣренія закрѣпляютъ убіеніемъ имъ же сотворенныхъ людей. Но необходимость подобныхъ мѣръ въ одномъ только исламѣ обозначена въ формѣ краеугольнаго камня всего ученія, и это потому, что религія стала дѣломъ національнымъ, арабскимъ. Народу этому невозможно

*) „Подвизаться ревностно по стезямъ Божіимъ“ для мусульманина значитъ по преимуществу воевать съ невѣрными. Поэтому соотвѣтственное слово (джихадъ) принимается обыкновенно въ смыслѣ священной войны.

было втолковать, что противоположныя идеи побѣждаются и мирнымъ путемъ.

Повелѣнію этому соотвѣтствуетъ извѣстный обѣтъ, данный Богомъ: «И тѣхъ, которые бѣжали и были изгнаны изъ домовъ своихъ, терпѣли лишенія на пути Моемъ, участвовали въ битвахъ и были убиты, очищу Я отъ грѣховъ ихъ, и введу ихъ въ сады, по которымъ текутъ рѣки» (живой воды), (сура 3, 194). Извѣстно всѣмъ, съ какою беззавѣтною храбростію это сознаніе награды временами и понынѣ въ состояніи воодушевить сердца мусульманскихъ воиновъ, а впечатлѣніе, производимое этимъ обѣтомъ на умы первыхъ правовѣрныхъ, даже трудно себѣ представить хотя бы приблизительно. Ничего нѣтъ удивительнаго что по зову пророка, второго Рамадана (приблизительно въ январѣ 624 года), поднялись 83 бѣглеца на новый хищническій набѣгъ; къ нимъ примкнули—61 человекъ изъ племени аусъ и 170 хазраджей. Высланные шпионы принесли вѣсть, что большой мекканскій караванъ, подъ предводительствомъ Абу Суфьяна, изъ дома Омейи, выслѣживаемый еще съ осени на пути въ Сирію, возвращается назадъ и приближается къ Хиджазу. Въ воскресенье, 8-го января 624 г., выступило маленькое войско мусульманъ—нѣкоторые вынуждены были по особымъ обстоятельствамъ остаться дома,—въ числѣ 306 человекъ съ 70-ю верблюдами и 2-мя лошадьми, направляясь на западъ. Но осторожный Абу Суфьянъ, предувѣдомленный сверхъ того распространившимися слухами о затѣваемыхъ въ Іасрибѣ военныхъ приготовленіяхъ, отдвинулся съ караваномъ къ побережью и потянулся вдоль его на югъ. При первыхъ тревожныхъ извѣстіяхъ, онъ тотчасъ же выслалъ впередъ гонца одновременно и въ Мекку, требуя для слабаго прикрытія каравана подкрѣпленій. Караванъ былъ изъ крупныхъ, стоимостію въ 50 тысячъ динаровъ (600.000 марокъ). Почти всѣ жители стали вооружаться, у каждого находилось тамъ кое-что изъ имущества, интересъ былъ общій; поднялось большинство горожанъ, способныхъ носить оружіе, во главѣ ихъ стали первые мужи племени Абу Джахль (Амръ Ибнъ-Хишамъ) изъ дому Махзумъ, Утба и Шейба, дѣти Рабіи изъ племени Бену Абдъ Шемсъ, Омейя Ибнъ Халафъ изъ семьи Джумахъ. Даже хашимиты, родственные Мухаммеду, не задумались выступить въ походъ противъ отверженца; одинъ только дядя пророка Абу Лахабъ, болѣе всѣхъ его ненавидѣвшій, случайно не участвовалъ въ экспедиціи. Отрядъ немедленно же, спустя дня два, не болѣе трехъ, послѣ прибытія гонца, выступилъ къ сѣверу. Было ихъ 950 человекъ съ 700 верблюдовъ и 100 лошадей, стало быть превышалъ втрое горсточку мусульманъ. Между тѣмъ правовѣрные поспѣшно двинулись на Бедръ, обыкновенную станцію каравановъ, въ 20 миляхъ на западъ отъ Медины, въ 40 на сѣверо-

сѣверо-западъ отъ Мекки; тамъ находилось множество ключей хорошей, годной для питья воды. Не успѣли они достигнуть этого пункта, какъ узнали, что караванъ, предводимый Абу Суфьяномъ успѣлъ пройти усиленными маршами опасное мѣсто и находится почти въ безопасности, но что вблизи двигается войско мекканцевъ, въ превосходныхъ силахъ. И дѣйствительно, хотя караванъ ускользнулъ и ближайшая цѣль похода достигнута, мекканцы не задумались двинуться впередъ и подступить къ самому Бедру. Одни изъ нихъ жаждали мести, памятуя коварное нападеніе у Нахлы, другіе же предполагали, что правовѣрные не осмѣлятся помѣряться съ тройными силами противниковъ. Особенно настаивалъ Абу Джахль, объясняя, что отступить въ данный моментъ значило возбудить подозрѣніе въ явной трусости. Рѣшено было подойти къ самымъ источникамъ Бедра, простоять тамъ три дня, все время ѣсть, пить и веселиться, что конечно произведетъ благопріятное впечатлѣніе на остальныхъ арабовъ и вдохнетъ въ нихъ уваженіе къ мекканцамъ. Но онъ упустилъ изъ виду одно, что то же опасеніе быть признанными трусами воспрепятствуетъ мусульманамъ подумать объ отступленіи. И дѣйствительно, на созванномъ пророкомъ военномъ совѣтѣ единогласно и съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ принять былъ вызовъ на бой. Правовѣрнымъ удалось предупредить противниковъ и достигнуть первыми, окруженную со всѣхъ сторонъ горами и холмами, замкнутую долину Бедръ, тамъ, гдѣ находились источники. Здѣсь Мухаммедъ приказалъ остановиться, занять лучшіе и самые обильные колодцы, а остальные завалить, дабы лишить курейшитовъ воды. Мѣропріятіе весьма разумное, но въ данномъ случаѣ осталось безъ особыхъ послѣдствій, ибо не задолго передъ тѣмъ прошелъ сильный дождь. Во всякомъ случаѣ мекканцы очутились въ неудобномъ положеніи, ихъ предупредили. Возбужденіе съ обѣихъ сторонъ было сильное. Аль-Асвадъ, изъ семьи Махзумъ, поклялся, что напьется изъ колодца или же, въ крайнемъ случаѣ, разоритъ его, хотя бы пришлось при этомъ ему погибнуть. 17 Рамадана (приблизительно 13 января 624 г.) двинулись непріатели на позицію, занимаемую Мухаммедомъ.

Манера древнихъ арабовъ воевать напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ образъ дѣйствій героев Гомера. Оба войска вытянулись другъ противъ друга, на открытой мѣстности. Тотчасъ же выступили изъ рядовъ извѣстнѣйшіе воины и стали вызывать мужей противной стороны на единоборство. Съ обѣихъ сторонъ присматривались къ отдѣльнымъ схваткамъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Побѣда или пораженіе возжигали обоюдныя страсти, мало-по-малу развивалась безпорядочная рукопашная схватка, при чемъ результатъ чаще всего зависѣлъ скорѣе отъ случайности, чѣмъ отъ числа и мужества сражаю-

щихся. Чаще же всего, въ сраженіи въ полѣ, старались арабы сломить непріятели неожиданнымъ нападеніемъ. Если это имъ удавалось, наступала ужасная рѣзня. А когда непріятель былъ на-сторожѣ, то нападающія полчища разсыпались во всѣ стороны съ такою же быстротой какъ и налетали. При Бедрѣ правовѣрные не могли и подумать предпринять подобное нападеніе. Вообще въ Аравіи тогда было мало лошадей, а у Мухаммеда въ то время почти не было ни одной, такъ какъ въ военной кассѣ, а также и у отдѣльныхъ зажиточныхъ мусульманъ, чувствовался сильный недостатокъ въ средствахъ. Но пророкъ зналъ, что можетъ смѣло положиться на своихъ людей: правовѣрные издавна приучены были къ безусловному повиновенію, чего въ тѣ времена ни одинъ арабъ не могъ даже понять.—Этому научились они, пунктуально наблюдая при молитвѣ и механически подражая каждому жесту молившагося передъ ними пророка; они привыкли сдерживать движеніе членовъ, а равно и порывы духа по одному лишь мановенію властелина. Весьма мѣтко прозвали нѣкоторые храмъ Медины «плаць-парадомъ ислама». Поэтому, при первой же пробѣ, выказали мусульмане блестящимъ образомъ, что имъ не только знакома, но вошла въ плоть и кровь тайна всякаго военного успѣха—дисциплина. Стѣной стояли они, когда наскочила на нихъ сотня всадниковъ курейшитовъ подъ предводительствомъ Умейра Ибнъ Вахба, изъ дома Джумахъ: увидя что ихъ не прорвать ни за что, отступилъ онъ немедленно же, не вынимая даже изъ ноженъ меча. Теперь двинулись пѣхотинцы Мекки и медленно подошли совсѣмъ близко: попрежнему стояли неподвижно правовѣрные, слѣдуя внимательно указаніямъ предводителя. Тогда выступили впередъ, между обоими боевыми порядками, Амиръ Ибнъ Аль-Хадрами, братъ котораго палъ у Нахлы, и отважный махзумитъ Асвадъ. Амиру удалось отомстить кровомщеніемъ; онъ поразилъ вольноотпущенника Омара. Но когда Асвадъ, во исполненіе клятвы, бросился стремительно къ колодцу, выступилъ противъ него Хамза, дядя Мухаммеда, «левъ ислама», и отсѣкъ ему ногу по колѣно. Не взирая на это поползъ тяжело раненый дальше, парируя сыпавшіяся на него удары мечомъ; докатился несчастный до довольно плоскаго колодца и успѣлъ омочить губы въ водѣ, а своей здоровой ногой началъ бѣшено закидывать яму, но мечъ Хамзы настигъ его и прервалъ нить жизни.

Выступили тогда изъ рядовъ первые мужи Мекки: Шейба и Утба со своимъ сыномъ Аль-Валидомъ и стали вызывать охотниковъ на единоборство: ранѣе они отговаривали отъ дальнѣйшаго наступленія, и были осмѣяны; теперь хотѣли показать, что ими руководила не трусость, а предусмотрительность. Три ауса послѣшили на вызовъ, но пророкъ махнулъ рукой, повелѣвая имъ отступить. Кому же какъ не

его бѣглецамъ принадлежало право первымъ сразиться за исламъ. Тотчасъ же выступили изъ рядовъ: Хамза, Алій и Убейда Ибнъ Аль-Харисъ, изъ дома Мутталибъ, одинъ изъ старѣйшихъ послѣдователей Мухаммеда. Самыми младшими съ обѣихъ сторонъ были Алій и Аль-Валидъ, они и начали борьбу, но вскорѣ палъ послѣдній, раненный смертельно. Выдвинулся Утба, свѣша отомстить за смерть сына, но и его вскорѣ поразилъ мечъ Хамзы. Борьба между Шейбой и Убейдой длилась долго; старые, испытанные воины, выжидали они предусмотрительно случая нанести противнику рѣшительный ударъ; наконецъ мекканцу посчастливилось отсѣчь у противника ногу *). Убейда палъ, но на помощь къ нему уже легли Алій и Хамза: они живо расправились съ Шейбой и успѣли оттащить за фронтъ тяжело раненаго товарища. Ужасный результатъ единоборства подѣйствовалъ на курейшитовъ удручающимъ образомъ. Но и между ними нашлись люди храбрые, восплававшіе надеждой отомстить врагу. Къ полудню закипѣлъ общій бой. Несмотря однако на свою многочисленность, невѣрующіе никакъ не могли, въ беспорядочныхъ отдѣльныхъ стычкахъ, сломить мусульманъ. Мало-по-малу стало распространяться въ рядахъ мекканцевъ уныніе. Между тѣмъ Мухаммедъ не переставалъ воодушевлять своихъ, побуждалъ ихъ къ величайшему напряженію силъ все новыми и новыми обѣщаніями помощи Божеской. Былъ суровый зимній день; дулъ порывистый вѣтеръ, завывая надъ долиной; проносились надъ полемъ битвы густыя громады облаковъ. И вдругъ пророкъ воскликнулъ громко: «смотрите, ангелъ Гавріиль съ легіонами небожителей напираетъ на непріятеля». Почти уже всѣ предводители мекканцевъ пали, невыносимо было сражаться остальнымъ, а они-то воображали такъ легко разсѣять небольшую кучку непріятелей. И такъ было это неожиданно, такъ тяжело стало, что ряды невѣрныхъ наконецъ заколебались. Тогда возвѣстилъ пророкъ общее нападеніе; громко проклиная, пустилъ онъ въ непріятелей, съ силою, полную горсть песку—и объялъ ихъ ужасъ, и рассыпались они въ дикомъ бѣгствѣ.

Понятно, была это только видимая сторона сраженія, какъ оно представлялось глазамъ невѣрующихъ. До насъ, впрочемъ, дошли извѣстія и о дѣйствительномъ ходѣ событій. Мы знаемъ напр., что на сторонѣ курейшитовъ участвовалъ сатана, въ обликѣ всѣмъ извѣстнаго мужа Сураки. Онъ именно подталкивалъ невѣрующихъ и подстрекалъ ихъ къ сраженію. Но когда стали наступать ангелы тремя полками, въ тысячу человѣкъ каждый, подъ командой Гавріила, Михаила и Сарафила, сатана испугался, побѣжалъ съ великимъ крикомъ

*) Головы у арабовъ защищались шлемами, а туловище—кольчугой, вотъ почему такъ часто отрубались въ сраженіяхъ ноги и руки.

и бросился въ море. До насъ дошло также найдостовѣрнѣйшее свидѣтельство одного рыбака, который собственными глазами видѣлъ, какъ Сурака (что это былъ чортъ самолично,—этого собственно онъ не говоритъ) прыгнувъ въ воду. Рационалисты могутъ конечно увѣрять, что добрякъ Сурака попросту удралъ, а позднѣе, когда перешелъ въ исламъ, хотѣлъ только своими росказнями обратить на себя общее вниманіе. Съ нимъ случались и прежде, какъ это мы знаемъ, подобныя подозрительно чудныя исторіи. Но и многіе другіе описывали весьма точно дѣйствія чорта, равно какъ и ангеловъ. Такъ, напри- мѣръ, нѣкоторые утверждали съ достовѣрностью, что небожители были на пѣгихъ лошадахъ, а на головахъ ихъ развивались желтыя чалмы. Во всякомъ ужъ случаѣ неоспоримо то, что судьба сраженія рѣшена была исключительно горстью песка, которою швырнулъ «Посланникъ Божій» въ невѣрующихъ.

Какъ бы то ни было, сраженіе кончилось, вскорѣ пополудни, блестящей побѣдой мусульманъ. Четырнадцать лишь человекъ, мученической смертью, купили себѣ входъ въ рай. Изъ курейшитовъ погибло въ сраженіи и во время преслѣдованія 49 человекъ, почти столько же взято было въ плѣнъ. Между убитыми, кромѣ Утба и Шейба, былъ также Абу Джахль, исконный врагъ ислама, паденіе котораго болѣе всего порадовало Мухаммеда, а затѣмъ Омея Ибнъ Халафъ и еще нѣкоторые другіе, изъ первыхъ семей Мекки. Все послѣобѣденное время прошло для побѣдителей въ подбораніи добычи, которая главнымъ образомъ состояла изъ многихъ сотенъ верблюдовъ, а также оружія и всякаго рода утвари. Затѣмъ вырыли наскоро яму и побросали туда убитыхъ непріятелей. Въ тотъ же вечеръ, забравъ своихъ мертвыхъ и раненыхъ, плѣнныхъ и добычу, двинулось войско въ Усейль, въ полтора миляхъ отъ мѣста сраженія. При осмотрѣ плѣнныхъ, взоры Мухаммеда остановились на Ая-Надрѣ, сынѣ Хариса, того самаго, который раньше въ Меккѣ осмѣливался отвлекать слушателей своими побасенками о персидскихъ царяхъ. Непріязненно устремленные въ упоръ глаза побѣдителя смутили несчастнаго. Онъ понялъ, что ему приходится плохо и, ища инстинктивно защиты, обернулся къ стоящему вблизи Мус'абу Ибнъ Умейру, съ которымъ когда-то дружилъ. Но тотъ отвернулся: исламъ разрывалъ всѣ прежнія отношенія, такъ имѣли обыкновеніе выражаться въ подобныхъ случаяхъ правовѣрные. И въ тотъ же моментъ пронесся грозный возгласъ пророка: «Голову долой!» Алій поспѣшилъ исполнить смертный приговоръ. Далѣе мы увидимъ неоднократно, что Мухаммеда нельзя было вообще упрекнуть въ свирѣпости, въ особенности если принять въ соображеніе суровые воинскіе обычаи древней Аравіи; но онъ ни разу не миловалъ тѣхъ, которые осмѣливались возставать противъ его

вѣры открыто, вступали въ борьбу при помощи духовнаго оружія и даже пробовали унизить исламъ. Самъ онъ не обладалъ искусствомъ строгаго логическаго мышленія, воображеніе его не было достаточно творческимъ. Гдѣ же было пророку тягаться съ подобными противниками и побивать ихъ же собственнымъ оружіемъ? Поэтому противопоставлялъ онъ имъ неизмѣнно саблю, аргументы которой, какъ извѣстно, неопровержимы.

Нѣсколько дней спустя казненъ былъ еще одинъ плѣнный Укба Ибнъ Аби Му'ейтъ, злѣйшій врагъ правовѣрныхъ, однажды даже осмѣлившійся плюнуть въ лицо Мухаммеду. Судьба остальныхъ вначалѣ висѣла на волоскѣ. Ревнителі вѣры настойчиво требовали умерщвленія всѣхъ поголовно, какъ враговъ божіихъ. Но болѣе мягкій взглядъ, благодаря заступничеству Абу Бекра, наконецъ пересилилъ. Рѣшено было дозволить роднымъ выкупъ плѣнныхъ, а лишь тѣхъ обезглавить, коимъ не удастся внести слѣдующія за нихъ деньги. А пока отданъ былъ приказъ обходиться съ плѣнными человѣколюбиво. Каждый изъ нихъ оставался подъ защитой взявшаго его въ плѣнъ. Вся остальная добыча поцѣлена была на второй день послѣ сраженія, на походѣ, въ мѣстности Сафра. При этомъ правовѣрные чуть было не передрались. Тогда пророкъ объявилъ новое откровеніе, узаконявшее на будущее время правила дѣлежа. Пятая часть добычи, въ видѣ доли Богу, поступала въ общую казну, изъ остальнаго право выбора одного предмета предоставлялось Мухаммеду, а затѣмъ добыча дѣлилась поровну между всѣми участвовавшими въ боѣ. Въ данномъ случаѣ часть пророка состояла въ выбранномъ имъ самимъ мечѣ (до сей поры онъ его не имѣлъ) и въ знаменитомъ верблюдѣ, принадлежавшемъ его врагу, Абу Джахлю.

Отъ побѣдоноснаго войска отправленъ былъ впередъ посоль съ радостнымъ извѣстіемъ, которое произвело особенно сильное впечатленіе на іудеевъ и лицемѣровъ. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ вступалъ въ Медину торжественно и самъ Мухаммедъ. Радостное событіе помрачено было однако семейной печалью. Въ отсутствіе пророка скончалась дочь его Рукайя, находившаяся замужемъ за Османомъ. Она захворала еще до выступленія правовѣрныхъ подъ Бедръ, отецъ засталъ ее уже въ гробу. Османъ былъ привязанъ сильно къ женѣ и въ заботахъ о ней не могъ даже участвовать въ походѣ. Чтобы утѣшить любимца въ его потерѣ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя пророкъ выдалъ за него другую свою дочь Уммъ Кулсумъ. Такимъ образомъ за Османомъ снова оставалась честь быть зятемъ Мухаммеда.

Въ то время какъ праздновали жители Медины побѣду, въ Меккѣ царило уныніе и скорбь. Кромѣ стыда быть разбитыми въ три раза меньшей кучкой правовѣрныхъ и убійца, который понесла торговля

Мекки послѣ пораженія, самымъ чувствительнымъ ударомъ была потеря около ста человекъ храбрѣйшихъ и знатнѣйшихъ, павшихъ или взятыхъ въ плѣнъ.

Въ первый моментъ пересиливало конечно чувство стыда и жажда мести. Абу Суфьянъ, несомнѣнно теперь первый человекъ въ городѣ, и на будущее время, на долгіе годы, ставшій руководителемъ воинскихъ предпріятій противъ Мухаммеда, объявилъ во всеуслышаніе, что всѣ скорби по умершимъ въ настоящее время неумѣстны, прежде чѣмъ не будутъ отомщены убитые. вмѣстѣ съ женой своей Хиндъ, дочерью Утбы, оплакивавшей одновременно отца, брата и дядю, онъ поклялся не пользоваться никакимъ удовольствіемъ, удобствами жизни, пока новый походъ не потушитъ ихъ горя. Но когда пришлось перейти отъ словъ къ дѣлу, оказалось, что въ данный моментъ невозможно было ничего предпринять. Если находящихся въ рукахъ Мухаммеда плѣнныхъ не желали обречь на вѣрную смерть, приходилось поневолѣ ихъ выкупать, а пока продолжались переговоры, не могло быть и рѣчи о непріязненныхъ дѣйствіяхъ. Многие также не въ силахъ были воздержаться отъ удручающей ихъ страшной скорби. Старый слѣпецъ Аль-Асвадъ, сынъ Мутталиба, изъ дому Абдъ-Аль-Уззâ, пока продолжалось запрещеніе предаваться печали въ Меккѣ, приказывалъ выводить себя на дорогу, по которой ушелъ и не возвратился сынъ его Сам'а. Тамъ напивался онъ до безчувствія, плакалъ горькими слезами и посыпалъ главу пепломъ. Нѣкто Ка'бъ Ибнъ Аль-Ашрафъ, одинъ изъ іудеевъ Медины, удалился въ Мекку, негодуя на успѣхъ Мухаммеда надъ мекканцами. Онъ сочинилъ сатиру на правовѣрныхъ и элегію въ память убитыхъ курейшитовъ; всѣ жители вскорѣ выучили послѣднюю наизусть; никто теперь не въ состояніи былъ остановить всеобщаго взрыва дикихъ воплей. Цѣлый мѣсяцъ продолжались скорбныя воздыханія женщинъ и возбужденное настроеніе жителей, потрясенныхъ элегіей и мечтами о возмездіи. Затѣмъ однако пришлось все-таки отправить посольство въ Медину, чтобы сговориться о выкупѣ плѣнныхъ. Бѣглецы знали досконально положеніе прежнихъ своихъ земляковъ,—пришлось выплачивать, соотвѣтственно состоянію каждой семьи, значительныя суммы. Дѣло затянулось. Межъ тѣмъ многіе плѣнные — успѣхъ среди азіатовъ — кумирь, которому еще болѣе поклоняются, чѣмъ на Западѣ—свыклись съ исламомъ и пожелали остаться. Они были освобождены безъ всякаго выкупа, получивъ конечно при этомъ серьезное наставленіе не отрекаться отъ вѣры ни въ какомъ случаѣ.

Кто посмотритъ на сраженіе при Бедрѣ глазами западнаго человека, склоненъ будетъ конечно думать, что это не болѣе какъ драка въ широкихъ размѣрахъ. Цифры дѣйствительно не велики: 300 про-

тивъ 950, а въ общемъ 63 убитыхъ—мы привыкли къ инымъ силамъ. Тѣмъ не менѣе мусульмане правы, ставя Бедръ во главѣ всѣхъ остальныхъ сраженій, благодаря которымъ позже, въ теченіе двухъ столѣтій, исламъ покорилъ полъ міра. Значеніе факта, что сразу, при первой же стычкѣ съ тройнымъ числомъ непріятелей, правовѣрные одержали блестящую побѣду, имѣло для Мухаммеда и его дѣла неисчислимыя послѣдствія. Развѣ не уразумѣлъ теперь свѣтъ, и правовѣрные и невѣрующіе, что Богъ не покидаетъ своего посланника? Развѣ не персть Всевышняго отмѣтилъ какъ разъ злѣйшихъ и непримиримыѣйшихъ враговъ вѣры—Абу Джахла, Омейя, Надра, Утба, приговоривши однихъ къ смерти, другихъ къ плѣненію? Могъ ли кто-либо отрицать Божій судъ, когда стало извѣстно, что и Абу Лахабъ, не прививавшій участія въ походѣ, тотчасъ же, какъ достигла печальная вѣсть Мекки, скончался? По всей Аравіи вихремъ пронеслась молва о неслыханномъ событіи; всюду издѣвались надъ мекканцами и съ удивленіемъ стали обращать взоръ на этого избранника, которому, не взирая на немногочисленное воинство, Богъ даровалъ побѣду надъ многочисленнымъ непріателемъ. Событіе повліяло болѣе всего, конечно, на жителей Медины. Іудеи съежились, лицемѣры ходили удрученные и, противъ воли, оказывали уваженіе. Снова еще бѣльшія толпы жителей Медины почувствовали внезапное влеченіе къ исламу и своимъ обращеніемъ значительно увеличили число ансаровъ, другіе же, доселѣ лишь по внѣшности признававшіе Мухаммеда, укрѣпились въ вѣрѣ. Такимъ образомъ побѣда дала возможность пророку занять твердое положеніе, и онъ былъ въ состояніи сдѣлать еще нѣсколько шаговъ далѣе, ранѣе чѣмъ мекканцы успѣли опомниться отъ пораженія. Когда потомъ, спустя годъ, они вооружились и нанесли ему значительный уронъ, онъ настолько уже успѣлъ уйти впередъ, что ему не понадобилось отступать снова назадъ.

Прежде всего ему нужно было устранить въ непосредственной близости всякое сопротивленіе. Преданность правовѣрныхъ, благодаря успѣху, доходила до фанатизма; они ставили себѣ въ заслугу отрицаніе самыхъ близкихъ человѣческихъ отношеній и гордо попирали ихъ ногами. Между х а т м и т а м и, отдѣломъ племени а у с ъ, въ большинствѣ стоявшемъ еще далеко отъ ислама, была одна женщина, по имени А с м а ъ. Вздумала она какъ-то сочинить, послѣ сраженія при Бедрѣ, нѣсколько строфъ о глупости мединцевъ, которые ждутъ добра отъ чужестранца, а между тѣмъ онъ только что приказалъ умертвить старѣйшинъ собственнаго своего народа. «Неужели никого не найдется, кто бы избавилъ меня отъ этой несносной бабы?» воскликнулъ пророкъ, когда ему передали о случившемся. Это слышалъ У м е й р ъ И б н ѣ А д і ѣ, слѣпой того же самаго племени, но правовѣрный.

Въ слѣдующую же ночь, онъ пробрался ощупью въ жилище, гдѣ спала бѣдная женщина среди своихъ дѣтей, съ ребенкомъ на груди, и пронзилъ ее мечомъ. На утро пришелъ онъ къ пророку и сказалъ: «О посланникъ Божій, я умертвилъ ее.» Мухаммедъ отвѣтствовалъ: «Ты оказалъ, Умейръ, услугу Богу и его посланнику!» Старецъ снова заговорилъ: «Не быть бы худу изъ за нея». «Не безпокойся, и двухъ козловъ здѣсь не найдется, которые вздумали бы за нее заступиться», былъ отвѣтъ посланника Божія. И дѣйствительно, до такой степени выработался уже въ Мединѣ терроризмъ, что никто не осмѣлился потянуть къ отвѣту труса убійцу. Даже нѣкоторые члены семьи Хатма нашли благоразумнымъ, вскорѣ затѣмъ, принять исламъ, ибо они увидѣли въ этомъ силу вѣры, пренаивно добавляетъ биографъ пророка. Не менѣе коварно былъ спроваженъ, благодаря подобному же заявленію пророка, и Абу Афакъ, почтенный старецъ іудей. Тоже и онъ написалъ сатиру на презрѣнное подчиненіе когда-то столь гордыхъ арабовъ Іасриба появившемуся съ вѣтра чужестранцу. За это самое, какъ и Асма, онъ былъ умерщвленъ ночью во время сна.

Но если отдѣльныя эпиграммы могли принести большой ущербъ вліянію Мухаммеда, распространяя среди народа, такъ воспримчиваго къ каждой остротѣ, недоувѣріе, еще опаснѣе была страсть іудеевъ подмѣчать и осмѣивать безчисленныя противорѣчія, въ которыя запутывался часто пророкъ, разсуждая о дѣлахъ вѣры. Поэтому ближайшей цѣлью, которую онъ постоянно имѣлъ въ виду и преслѣдовалъ съ необыкновенной настойчивостью, было истребленіе этихъ отъ души ему ненавистныхъ непріятелей. Совершить это могъ онъ относительно въ короткій промежутокъ времени, и опять-таки благодаря поведенію своихъ же противниковъ. Не слѣдуетъ никогда забывать, что эти іудеи, хотя и были привязаны сильно къ древней своей религіи, во всемъ остальномъ арабизировались совершенно; въ особенности же отличались они своею племенной обособленностью, что всегда и во всемъ служило самой надежной опорой для Мухаммеда. Дѣло въ томъ, что къ послѣдовательному проведенію сознательной политики никто въ Аравіи еще не привыкъ. Мы уже видѣли, какъ изъ-за пары растоптанныхъ яичекъ жаворонка или сомнительныхъ результатовъ скачки начиналась племенная рѣзня, тянувшаяся десятки лѣтъ. Потребовались цѣлыя годы взаимнаго обученія въ опытности для того, чтобы племена стали наконецъ прозрѣвать въ замыслахъ Мухаммеда нѣчто иное, чѣмъ пустыя поползновенія подратъся изъ-за пустого оскорбленія чести, выѣденнаго яйца иногда не стоявшаго, или же стремленіе въ хищническомъ набѣгѣ обобрать кого только можно. Поэтому іудеи племени Бену Надіръ также не поняли, что нападенія мусульманъ противъ ихъ единовѣрцевъ Кейнока рѣшали одновременно и ихъ собственную

судьбу. А когда, наконецъ, и для самыхъ тупоумныхъ раскрывались намѣренія пророка, становилось уже поздно. Несчастливыхъ дѣтей Израиля въ ихъ одуреніи можно прежде всего оправдывать тѣмъ, что они, по стариннымъ обычаямъ арабовъ, сильно понадѣялись на дружественный оборонительный договоръ, который заключилъ съ ними самъ же Мухаммедъ. Какъ смотрѣлъ Богъ мусульманъ на подобныя обязательства, можно видѣть изъ корана; тамъ прямо говорится (сура 8, 57): «истинно говорю вамъ—предъ Богомъ самые дурные изъ живыхъ существъ тѣ, которые отвергаютъ откровеніе и не хотятъ увѣровать, и тѣ, съ которыми ты вступилъ въ союзъ, а они и послѣ того каждый разъ нарушаютъ союзъ и не боятся Бога. Поэтому, если ты застигнешь ихъ во время войны, поступи съ ними такъ, чтобы они были примѣромъ для тѣхъ, которые будутъ послѣ нихъ; можетъ быть тѣ станутъ разсудительнѣе. Если опасешься вѣроломства со стороны какого народа, то ему отплачивай равнымъ. Истинно говорю вамъ—Богъ не любитъ вѣроломныхъ». Вѣроятно Мухаммедъ, благодаря лишь позднѣйшимъ событіямъ, обнародовалъ это откровеніе. Но сознаніе, что ему дозволено нарушить договоръ всякій разъ, когда онъ заподозритъ коварство съ противоположной стороны, должно было зародиться въ его головѣ уже давно.

Недѣли двѣ спустя послѣ сраженія при Бедрѣ, отправился однажды пророкъ въ кварталъ племени іудейскаго Бену Кейнока, людей зажиточныхъ и почтенныхъ, занимавшихся обработкой золота. Передъ ними сталъ онъ снова выхвалять свои достоинства, какъ послѣдняго и величайшаго изъ пророковъ, и убѣждалъ ихъ принять его вѣру. Іудеи отклонили рѣшительно предложеніе. Вскорѣ затѣмъ на базарѣ у тѣхъ же Кейнока случилось слѣдующее происшествіе. По поводу неумѣстной шутки, которую дозволилъ себѣ одинъ изъ іудеевъ сыграть съ женщиной мусульманкой, дошло до рукопашной между евреями и присутствующими правовѣрными. Согласно взаимному договору, это дѣло должно было быть представлено на рѣшеніе пророка; при этомъ одинъ мусульманинъ убилъ второпяхъ іудея, за что обозленные израильтяне порѣшили тутъ же на мѣстѣ съ убійцей. Такъ, по крайней мѣрѣ, передаетъ само мусульманское преданіе. Изъ этого видно, какъ мало основаній было на сторонѣ правовѣрныхъ расторгнуть договоръ, ибо они первые пролили кровь. Межъ тѣмъ Мухаммедъ—если только вся эта исторія не выдумана, или же не переименована сильно—уперся на параграфъ договора, по которому не дозволялось убивать правовѣрнаго за смерть невѣрующаго. Этотъ параграфъ однако вовсе не касался іудеевъ, онъ относился къ договору между мусульманами и племенами аусъ и хазраджъ. Всѣхъ бѣглецовъ и ансаровъ стали призывать къ отмщенію. Между тѣмъ Кейнока считались самыми храбрыми изъ

мединскихъ іудеевъ. Они именно сражались при Бу'асѣ противъ своихъ же единовѣрцевъ и аусовъ, принявъ сторону хазраджей. Іудеи твердо уповали на помощь Абдуллы Ибнъ Убайи и его «лицемѣровъ». Онъ посовѣтоваль имъ удалиться въ ихъ укрѣпленный кварталъ и даль понять, что не откажетъ въ помощи, въ случаѣ осады. Между тѣмъ самъ онъ очутился въ неловкомъ положеніи: съ іудеями онъ былъ связанъ прежнимъ союзомъ, а съ мусульманами недавнимъ оборонительнымъ договоромъ; поэтому, въ концѣ концовъ, рѣшился оставаться нейтральнымъ. Кейнока не были столь сильны, чтобы выдержать борьбу; остальные іудеи Медины—Бену Надиръ и Бену Курейза, полагая, что имъ ничего не угрожаетъ въ будущемъ, сверхъ того не забывъ окончательно Бу'аса, тоже не тронулись. Изнуренные голодомъ, послѣ 15-ти дневной осады, вынуждены были Кейнока сдаться безусловно. Мухаммедъ рѣшилъ было, опираясь на воинскіе обычаи арабовъ, перебить взрослыхъ мужчинъ, а женъ и дѣтей продать въ рабство. Но у Абдуллы Ибнъ Убайи зашевелилась наконецъ совѣсть: онъ сталъ умолять и настаивать, несмотря на неоднократные отказы, все убѣдительнѣй и горячѣй, пока пророкъ не отмѣнилъ смертнаго приговора. Въ Мединѣ находилось еще много «лицемѣровъ» и язычниковъ; они могли надѣлать правовѣрнымъ большихъ и серьезныхъ хлопотъ, поэтому пророкъ, правда нехотя, долженъ былъ исполнить эту просьбу. Іудеи были помилованы, но имъ предписывалось оставить на мѣстѣ все свое имущество и выселиться съ женами и дѣтьми. Три дня дано было сроку, а затѣмъ они были изгнаны ихъ бывшимъ нѣкогда союзникомъ Убадо й-Ибнъ-Асъ-Самитомъ. И онъ отрекся отъ нихъ, слѣдуя изреченію «сердца измѣнились, и исламъ развязываетъ всѣ договоры». До Вади'ль-Кура, въ пяти миляхъ на сѣверъ отъ Медины, должны были изгнанники брести пѣшкомъ. Тутъ единовѣрцы приняли ихъ дружелюбно, одѣлили пищей и верблюдами. Кейнока покинули окончательно Аравію и удалились въ Сирію. Въ Азри'атѣ *) нашли они себѣ новую родину.

Вскорѣ послѣ раздѣла богатой добычи, найденной въ оставленномъ кварталѣ, мекканцы дали о себѣ знать выказывая намѣреніе отплатить за нанесенный имъ ударъ при Бедрѣ. Разъ утромъ (приблизительно въ апрѣлѣ 624 г.) разнеслась по городу молва, что въ эту самую ночь побываль Абу-Суфьянъ съ двумя сотнями верблюжьихъ наѣзтниковъ поблизости Медины. При утреннемъ разсвѣтѣ напалъ онъ на мѣстечко Аль-Урейдъ, расположенное въ плодородной долинѣ, въ полумилѣ на сѣверо-востокъ отъ города, поджегъ тамъ два дома и засѣянное поле, а одного земледѣльца

*) Эдрей библии, главный городъ страны Васанъ, на востокъ отъ Геннисаретскаго озера.

умертвилъ. Быстро собранъ былъ отрядъ и поспѣшно бросился, подъ предводительствомъ самого пророка, за бѣгущимъ непріателемъ. Мусульманамъ, вмѣсто непріателя, пришлось удовольствоваться подбираніемъ саквъ, наполненныхъ савикомъ *); ихъ сбрасывали убѣгавшіе, чтобы ускорить рысь верблюдовъ. Поэтому этотъ набѣгъ носитъ названіе «савикскій набѣгъ». Предпринялъ его Абу-Суфьянъ, какъ объясняетъ преданіе, не ради рекогносцировки, а только чтобы скорѣе отдѣлаться отъ необдуманной клятвы, данной имъ вскорѣ послѣ сраженія при Бедрѣ: онъ понялъ, что не такъ-то скоро можно будетъ поставить снова на ноги милыхъ земляковъ и предпринять съ ними серьезный военный походъ. Во всякомъ случаѣ мекканцы рѣшили попробовать прежде, не удастся ли имъ провести въ этомъ году мимо Медины, безъ кровопролитія, сирійскій караванъ. Они предполагали выбрать дорогу, далеко извивавшуюся на востокъ отъ города, по направленію къ Ираку (Вавилоніи), а затѣмъ описать дугу черезъ пустыню. Но Мухаммедъ разузналъ о предпріятіи и послалъ наперерѣзъ пріемнаго сына, Зейда-Ибнъ-Харису, съ сотней наѣздниковъ на верблюдахъ. Захватить караванъ удалось. Хотя большая часть конвоирующихъ успѣла уйти, но добыча оцѣнена была въ 100.000 дирхемъ. Въ это же время пророкъ предпринялъ нѣсколько набѣговъ на племена Бену-Сулеймъ и Бену-Гатафъ и могущественнѣйшихъ, бедуиновъ центральной Аравіи, кочевавшихъ на востокъ отъ Медины: онъ былъ извѣщенъ во время, что бедуины, подстрекаемые курейшитами, замыслили хищнический набѣгъ на городъ. Но проворные сыны пустыни, едва успѣвали отряды достигать мѣста ихъ стоянки, разсыпались въ разныя стороны. Разъ только удалось пророку отогнать сотни двѣ верблюдовъ. Поэтому мы видимъ, что Мухаммедъ, уже успѣвшій послѣ сраженія при Бедрѣ склонить на свою сторону маленькія племена, жившія между Мединой и моремъ, теперь былъ уже въ состояніи дѣлать новыя попытки и въ другомъ направленіи.

Между тѣмъ возбуждено было снова, въ непосредственномъ содѣйствіи, преслѣдованіе іудеевъ. Офіціальныя историографы утверждаютъ, будто одинъ изъ Бену Надіръ оказалъ содѣйствіе Абу Суфьяну, во время его Савикскаго набѣга. Это, конечно, сочтено было за явное нарушеніе договора,—одно изъ тенденціозныхъ измышленій, посредствомъ которыхъ производились благовидные эксперименты Мухаммеда надъ несчастными израильтянами. Надо полагать, что пророкъ просто

*) Sawik, такъ называется не соврѣлое поджаренное зерно, которое затѣмъ размалываютъ и, въ смѣси съ финиками, а въ настоящее время съ сахаромъ, безъ дальнѣйшихъ приготовленій ѣдятъ или наскоро готовятъ его въ видѣ кашицы. И по сіе время берутъ его въ спѣшный путь, какъ провіантъ, если не предвидится возможности варить.

намѣревался отучить ихъ основательно отъ остроты и стихоплетства. Не иначе, по крайней мѣрѣ, можно объяснять отдѣльные случаи. Ближайшей жертвою былъ тотъ самый Ка'бъ-Ибнъ-Ашрафъ, который послѣ Бедра выступилъ у курейшитовъ съ злѣйшей сатирой противъ него. Межъ тѣмъ онъ успѣлъ вскорѣ повздорить съ тамошними своими знакомыми и долженъ былъ снова вернуться къ своему племени. И опять пророкъ обронилъ, не въ первый уже разъ, роковое слово: «кто же освободитъ меня отъ этого человѣка?» Вскорѣ отыскалось пятеро изъ племени аусъ, старинныхъ союзниковъ іудеевъ, готовыхъ послужить вѣрой и правдой Богу. Ка'бъ постоянно остерегался; тогда молочный его братъ Абу-Наила—набожность этого человѣка заслуживаетъ, дабы имя его сохранилось въ потомствѣ—уломалъ несчастнаго выйти прогуляться съ нимъ и другими, въ одну прекрасную лунную ночь, безъ оружія. Когда они ушли довольно далеко, Абу-Наила притянулъ его по-пріятельски къ себѣ и сталъ, какъ бы играя, трепать его локоны. Вдругъ онъ уцѣпился крѣпко за волосы, бросилъ о землю и сталъ крѣпко придерживать, пока другіе добывали беззащитнаго, звавшаго отчаянно на помощь. На другой день утромъ разбудили они пророка громкими криками: «Богъ великъ! Великъ Господь!» Съ благодарностью принявъ Мухаммедъ голову убитаго и восхвалялъ Господа. Нѣсколько спустя, когда пришли къ нему іудеи и стали жаловаться на совершенное коварное убійство, онъ прогналъ ихъ, пустивъ имъ въ догонку угрозу: «Съ каждымъ изъ васъ случится то же самое, если не будете сидѣть спокойно и вздумаете обижать мусульманина». И дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ былъ убитъ подобнымъ же образомъ Сунейна, другой іудей. Тогда страхъ объялъ всѣхъ іудеевъ, и они почти не рѣшались выходить изъ своего квартала, пока наконецъ Мухаммедъ не объявилъ имъ, что намѣренъ заключить съ ними новый договоръ. Текстъ его до насъ не дошелъ, вѣроятно потому, что такъ было удобнѣе увѣрять, что и его они нарушили. Едва ли что-либо было въ немъ другое, кромѣ возобновленія обязательствъ іудеевъ не сообщаться съ курейшитами, а также помогать правовѣрнымъ при каждомъ нападеніи извнѣ и участвовать въ расходахъ защиты въ подобныхъ случаяхъ.

Но не пришло еще въ дѣйствительности время для Мухаммеда организовать окончательное истребленіе іудеевъ. Едва-ли онъ не зналъ, что, послѣ нападенія на караванъ, курейшиты начали серьезно готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Абу Суфьянъ не переставалъ возбуждать энергично своихъ согражданъ къ отмщенію. Въ это самое время пророкъ, побуждаемый прежде всего личными наклонностями, снова официально закрѣпилъ, рядомъ браковъ, близкія отношенія, связывавшія его со старинными товарищами: самъ онъ женился на Хафсѣ, дочери Омара, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ овдовѣвшей, а

свою единственную, еще свободную дочь Фатиму отдалъ въ жены двоюродному брату и вмѣстѣ пріемному сыну, Алію. Какъ разъ въ это время получено было извѣстіе, сначала отъ нѣкоторыхъ людей родственнаго, стоящаго къ палаткахъ на сѣверъ отъ Мекки, племени Хузъа'а, а затѣмъ чрезъ шпіона, пророкомъ же высланнаго, что курейшиты выступили въ походъ по направленію къ Мединѣ въ числѣ 3.000 человекъ, изъ нихъ 700 были въ панцыряхъ, съ 200 лошадей и 3.000 верблюдовъ, подъ предводительствомъ Абу Суфьяна. Походъ свой мекканцы, видимо, желали маскировать, но это было рѣшительно невозможно. Все было устроено въ чисто арабскомъ стилѣ: не только они вели съ собою всѣхъ союзниковъ изъ окрестныхъ племенъ, по преимуществу Сакифитовъ изъ Таѣфа, но и большую толпу женщинъ. Во время сраженія, стоя за фронтомъ, звономъ бубенъ, возгласами и военными пѣснями должны были онѣ возбуждать мужество сражающихся и поддерживать его, дабы не повторилось той же паники, которою кончилось сраженіе при Бедрѣ. Съ такимъ пестрымъ хвостомъ не могли они подвигаться быстро. У каждаго водооя дѣлался приваль: войны впадали въ благодушное настроеніе; пѣсни и игры женщинъ на бубнахъ разжигали въ нихъ воинственный жаръ. Поистинѣ были это люди неисправимые—ищущіе удовольствій, порядочные кутилы, а по языческимъ попятіямъ вполне приличные и порядочные. Такъ, напр., предложеніе, сдѣланное нѣкоторыми въ Аль-Абва—выкопать пепель похороненной на этомъ мѣстѣ матери Мухаммеда и захватить его съ собою—отринуту было большинствомъ. А между тѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, эти останки могли послужить залогомъ безопасности женщинъ или же можно было взять за нихъ хорошій выкупъ. Спокойно двинулись они дальше и достигли наконецъ въ четвергъ, 5-го Шавваля 3 года (приблизительно въ январѣ или февралѣ 625 года) *) равнины, разстилавшейся на сѣверъ отъ Медины до горы Оходъ отстоявшей отъ города съ добрую полумилю. Здѣсь расположились мекканцы лагеремъ и пустили свой скотъ пастись по прекраснымъ зеленымъ пажитямъ Медины. Дальнѣйшаго однако безчинства они не произвели.

Между тѣмъ въ городѣ шелъ военный совѣтъ. Предстояло несомнѣнно непріятельское нападеніе, поэтому какъ «лицемѣры», такъ и іудеи, обязаны были помогать мусульманамъ. Помощь послѣднихъ предсудительно отклонилъ Мухаммедъ. Съ предводителемъ же первыхъ, Абдулой Ибнъ Убайемъ, онъ уговорился, что слѣдуетъ выжидать нападенія на городъ, возможнаго, судя по величинѣ непріятельскаго войска. Кварталы арабовъ хотя и не были укрѣплены такъ, какъ іудейскіе, но тоже,

*) По общепринятой хронологіи 28-е марта, во это рѣшительно невозможно. Другіе подсчитываютъ 24-е января, что вѣроятноже, но не вполне достоверно.

какъ и въ Меккѣ, были прикрыты извнѣ массой стоявшихъ вплотную крѣпкихъ стѣнъ домовъ. Попадавшіеся изрѣдка промежутки легко можно было заложить; жизненныхъ припасовъ въ городѣ было достаточно, а непріятель, повидимому, не былъ подготовленъ начать формальную осаду. Но на выжидательное положеніе никакъ не хотѣли согласиться болѣе молодые, пылкіе воины изъ среды правовѣрныхъ, въ особенности же герои Бедрѣ. И они были по-своему правы. Въ случаѣ дурного оборота дѣлъ, они наконецъ рассчитывали на небесныя вспомогательныя войска. Мухаммедъ не могъ сдерживать воодушевленіе своихъ, поэтому 6-го (25-го января?) рѣшился въ полдень выступить. Между тѣмъ болѣе разсудительные прочли нетерпѣливымъ юношамъ строгое внушеніе. Такъ что когда пополудни вышелъ къ нимъ вооруженный пророкъ, выступили передъ нимъ уполномоченные и стали объяснять, что приносятъ раскаяніе отъ имени большинства въ неприличіи ихъ требованій и готовы теперь во всемъ ему подчиниться. Но теперь и самъ пророкъ не хотѣлъ отступать, оставаясь упрямо при разѣ задуманномъ рѣшеніи. «Не идетъ пророку снимать оружіе, разѣ уже одѣтое», произнесъ онъ наставительнымъ тономъ. Несомнѣнно, онъ поступилъ въ данномъ случаѣ совершенно правильно: каждое колебаніе должно было отразиться гибельно на духѣ подчиненныхъ. Вечеромъ того же дня онъ выстроилъ передъ городомъ свои 700 человекъ, съ 300 воиновъ въ сторонкѣ расположился Ибнъ Убай. «Лицемеры» громко осуждали его за то, что онъ, увлеченный незрѣлыми юношами, послѣдовалъ въ открытое поле за союзниками, чего, строго говоря, не былъ обязанъ дѣлать. Въ теченіе ночи прежняя его неспособность къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ снова заговорила въ немъ, и когда утромъ Мухаммедъ, 7-го Шаввѣля (26-го января?), приказалъ выступать, Абдулла отодвинулъ своихъ назадъ и тайкомъ вернулся въ городъ. Полагавшіеся на одного Бога мусульмане нисколько не смутились. Распоряженія Мухаммеда выказали большое тактическое искусство, все равно придумалъ ли онъ ихъ самъ, или дѣйствовалъ по совету своихъ—около него группировалось не мало будущихъ великихъ полководцевъ ислама. Въ виду превосходства непріятеля, нужно было подумать о крѣпкой позиціи, подобно тому, какъ и при Бедрѣ. Смѣлымъ фланговымъ движеніемъ двинулся пророкъ мимо непріятеля къ Оходу, представлявшему собой отрогъ сѣвернаго нагорья, далеко выдвигавшійся въ долину. Онъ размѣстилъ свое войско въ узкой сѣдловинѣ, заканчивающейся къ вершинѣ горы мрачнымъ ущельемъ. Развернутый фронтъ правовѣрныхъ сталъ такъ, что правое крыло и центръ упирались въ высящіяся надъ ними скалы. На лѣвомъ, не прикрытомъ флангѣ, поставлено было 50 лучшихъ стрѣлковъ, подъ командой Абдуллы Ибнъ Джубейра; было имъ приказано строго-на-строго отбрасы-

вать всевозможныя попытки непріятели обойти позицію и ни въ какомъ случаѣ не покидать поста. Главныя силы расположилъ пророкъ такъ, «чтобы ни одно плечо не выступало изъ рядовъ»,—изъ этого мы видимъ, съ какой военной предусмотрительностью исламъ придавалъ особое значеніе даже внѣшней выправкѣ войскъ,—и приказалъ не двигаться, пока самъ онъ не подастъ знака начинать сраженіе.

Вѣроятно курейшиты были предувѣдомлены и о расположеніи своихъ противниковъ, и о значительномъ ослабленіи отряда, вслѣдствіе отступленія «лицемѣровъ». Храбро двинулось войско мекканцевъ впередъ, повернувъ спиной къ городу, фронтомъ къ горѣ, направляясь прямо на позицію мусульманъ. Внимательный наблюдатель могъ бы сразу подмѣтить много рѣзкихъ особенностей, отличавшихъ оба войска. Съ одной стороны наступаютъ нестройныя, но веселыя толпы язычниковъ, а передъ ними кучи женщинъ бьютъ въ бубны, распѣвая старинную воинскую пѣсенку:

Мы дѣти героевъ,
И нѣжимся издавна,
Подбодряемъ идущихъ впередъ *),
И пугаемъ отступающихъ.

Съ другой стороны—боевой желѣзныи строй безстрашныхъ бойцовъ вѣры, услышавшихъ только что вѣщее, сулящее имъ побѣду или утѣхи рая, слово того, котораго самъ Богъ послалъ имъ, и всѣ они проникнуты пыломъ неодолимои храбрости. Тутъ готовятся столкнуться другъ съ другомъ представители двухъ міровъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ.

Вблизи непріятели женщины повернули назадъ и удалились за фронтъ своихъ войскъ; изъ рядовъ мекканцевъ выдвинулись первыми Абу-Амиръ, бѣжавшій изъ Медины ханифъ, вмѣстѣ со своими сотоварищами. Онъ обратился съ рѣчью къ своимъ землякамъ, изъ племени аусъ, отговаривая ихъ драться, но тѣ прогнали его громкой бранью. Затѣмъ начались обычныя въ этихъ случаяхъ единоборства: бились на этотъ разъ особенно вокругъ знамени курейшитовъ. Носить его было почетной обязанностью Абдъ адъ Даровъ. Когда знаменосецъ Талъ ха, сынъ Абдъ Аль-Уззы, палъ отъ руки Алія, знамя подхватилъ его братъ. Такъ, защищая его, были убиты, одинъ за другимъ, девять героевъ семьи. Наконецъ Сувабъ, рабъ, ради спасенія знамени жертвуетъ собою: когда отрублены были у него сначала правая, а потомъ и лѣвая кисть, охватилъ онъ древко окровавленными обрубками и бросился вмѣстѣ съ нимъ наземь, закрывая его своимъ туловищемъ. При этомъ онъ воскликнулъ, обращаясь къ трупамъ господъ своихъ: «съ

*) Рюккертъ, Namasa I, стр. 194.

меня кажется достаточно!» Тут настигъ его послѣдній ударъ непріятельской сабли. И въ другихъ мѣстахъ бой клонился большею частью въ пользу мусульманъ. Тщетно Халидъ, сынъ Валіда, изъ дому Махзума, впервые показавшій здѣсь свой недосыгаемый военный геній, сдѣлавшій его величайшимъ изъ всѣхъ полководцевъ арабовъ, покорителей міра, упрямо старался со своей конницею обогнуть непріятели съ лѣваго фланга. Стрѣлки Абдуллы исполняли добросовѣстно свое дѣло и постоянно ихъ отражали. Наконецъ ряды мекканцевъ заволновались, отряду правовѣрныхъ удалось пробить ихъ строй. Казалось, наступало полное пораженіе. Но побѣдители подошли къ богато изукрашенному лагерю, глаза ихъ разгорѣлись, въ жилахъ борцовъ вѣры заговорила вдругъ арабская кровь. Въ одну минуту позабыли они свой страшный воинскій крикъ «бей! бей!»—на всѣхъ поляхъ сраженій наводящій ужасъ на невѣрующихъ. Побѣдители бросились грабить богатую добычу. Съ высоты своей стрѣлки замѣтили это. Непреоборимый страхъ сжимаетъ сердца превосходныхъ воиновъ, страхъ не участвовать въ дѣлежѣ добычи. Ни увѣщанія, ни угрозы Абдуллы на нихъ болѣе не дѣйствуютъ; за исключеніемъ лишь немногихъ, покидаютъ всѣ въ дикомъ безпорядкѣ свой постъ и устремляются внизъ на мекканскій лагерь. Со спокойнымъ самообладаніемъ прирожденнаго полководца присматривался Халидъ къ ходу сраженія; съ быстротою молніи схватываетъ онъ удобный моментъ, опрокидываетъ немногихъ стрѣлковъ, оставшихся вѣрными своему долгу, и съ яростью набрасывается на открытый флангъ мусульманъ. При видѣ этого и остальные курейшиты вламываются съ возобновленнымъ пыломъ въ ряды правовѣрныхъ, разстроенныхъ такимъ неожиданнымъ оборотомъ. Самые храбрѣйшіе изъ лучшихъ мухаммеданскихъ воиновъ не въ силахъ возстановить порядка. Пока Хамза, во главѣ кучки самыхъ отчаянныхъ, тщетно, подобно льву, бросался во всѣ стороны, другіе были отброшены теченіями боя въ разныя стороны. Самъ пророкъ, окруженный немногими правовѣрными, очутился въ густой толпѣ мекканцевъ. Онъ защищался насколько у него хватало силъ, а остальные кругомъ старались лишь прикрыть его своими тѣлами; его закидали камнями; одинъ изъ нихъ раздробилъ нижній передній зубъ справа, обѣ чешуи шлема вошли глубоко въ щеки, повреждено было также и колѣно. Одну стрѣлу, пущенную прямо въ пророка, перехватилъ на лету рукой Тальха, сынъ Убейдуллы; но въ это же мгновеніе сабельный ударъ свалилъ Мухаммеда съ ногъ, и онъ скатился въ находящуюся рядомъ яму. Всѣ думали, что онъ погибъ. Не взирая однако ни на что, Тальха продолжалъ сражаться, пока, оглушенный раной въ голову, не свалился и онъ какъ снопы. Тогда раздался отовсюду крикъ: Мухаммедъ убитъ! Большая часть право-

вѣрныхъ, обезумѣвъ отъ ужаса, бросилась въ ущелье вверхъ по горѣ, а непріатели, торжествуя полное отомщеніе, мало-по-малу стали покидать поле сраженія, считая цѣль похода достигнутой. Межь тѣмъ маленькими группами собирались исподоволь правовѣрные. Опрокинутый ударомъ меча, но не раненый Мухаммедъ приподвѣлся наконецъ и былъ поспѣшно увлеченъ своими, по ущелью вверхъ, въ безопасное мѣсто. Тамъ, наверху, собирались постепенно съ поля сраженія разсѣянные паническимъ страхомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, нашедшихъ себѣ дорогу въ Медину. Изъ устъ въ уста перелетала радостная вѣсть: «посланникъ Божій спасенъ!» Недолго пришлось хвастаться Ибнъ Камію, мечъ котораго поразилъ Мухаммеда. Вслѣдъ за вѣстью объ умерщвленіи исконнаго врага Мекки успѣлъ проникнуть въ лагерь курейшитовъ и слухъ противоположнаго свойства. Въ бѣшенствѣ Абу Суфьянъ поскакалъ, попирая копытами трупы убитыхъ, на гору и остановился на разстояніи звука человеческого голоса. Ему прокричалъ Омаръ, что пророкъ не убитъ и современемъ ему отомститъ. «Ну и прекрасно, встрѣтимся опять, черезъ годъ, при Бедрѣ!» воскликнулъ язычникъ. Ему въ отвѣтъ послышалось съ горы: «Будь по твоему, встрѣтимся тамъ».

Если принять во вниманіе, что невѣрующіе счастливо избѣжали наихудшаго, становится весьма понятнымъ, что они имѣли полное основаніе торжествовать. Вся потеря ихъ не превышала 27 чело-вѣкъ, тогда какъ 74 мусульманскія тѣла покрывали поле сраженія, межъ ними Хамза, дядя пророка, «левъ ислама». Рабъ негръ, по имени Вахшіи, навѣкъ въ своей африканской родинѣ обращаться съ короткимъ дротикомъ, пронизалъ его своимъ оружіемъ насквозь въ то самое время, когда тотъ бросился прямо на него. Говорятъ, что Хинда, жена Абу Суфьяна, дочь Утбы, павшаго отъ руки Хамзы при Бедрѣ, злобно надругалась надъ его тѣломъ, изуродовавъ его самымъ постыднѣйшимъ образомъ. Историки прибавляютъ, что дымящуюся печенку, вырванную Вахшіемъ, она рвала зубами. Вотъ почему сынъ ея Му'авія, на котораго всякій набожный мусульманинъ считаетъ свою обязанностью клепать всякій вздоръ, получилъ позднѣе прозваніе «сынъ пожирательницы печени». Безъ сомнѣнія, все это лишь фантастическія выдумки, плодъ озлобленія мусульманъ къ дому Омейи, хотя надругательства надъ трупами убитыхъ непріателей случались и прежде въ исторіи арабовъ. Упоминанія о нихъ встрѣчаются нерѣдко въ лѣтописяхъ, да и нѣтъ никакого основанія обвинять арабовъ въ особенномъ злѣствѣ, если вспомнимъ, что черногорцы христіане, даже въ XIX столѣтіи, поступали ни чуть не лучше съ убитыми непріателями. Насытившись мщеніемъ, мекканцы подобрали своихъ раненыхъ и убитыхъ и отправились преспокойно въ обратный путь. Они даже не пытались овла-

дѣть городомъ, не захотѣли далѣе тревожить мусульманъ въ ихъ убѣжищѣ, на Оходѣ: чтобы осмѣлиться на первое, они были не настолько сильны, къ тому же имъ не было никакого расчета нападать на «лицемѣровъ» и іудеевъ; и нападеніе на Оходъ было предпріятіемъ довольно рискованнымъ: правовѣрные легко могли найти по горамъ путь къ отступленію въ Медину, между тѣмъ пришлось бы напречь всѣ силы на продолжительную и утомительную партизанскую войну. Сверхъ того изнѣженные господа мекканцы если и побѣдили, то вовсе не для того, чтобы налагать на себя все новыя и новыя тяготы и лишенія; ничего подобнаго, вѣроятно, имъ и не снилось. За Бедрь отомщено было вполне, непріятель потерпѣлъ значительное пораженіе: много лучшихъ воиновъ у него пало. По арабскимъ понятіямъ этого было слишкомъ достаточно, а о томъ, что будетъ дальше, никто и не помышлялъ. О политикѣ, обдумывавшей ходы впередъ, за исключеніемъ Мухаммеда и его окружающихъ, едва ли кто имѣлъ понятіе въ тогдашней Аравіи. И потянулись добрые курейшиты назадъ къ себѣ на родину, ликующіе и беззаботные.

Сами непріятели позаботились, чтобы неудача пророка не имѣла слишкомъ тяжелыхъ послѣдствій, и дѣйствительно положеніе Мухаммеда послѣ сраженія было завидное во всѣхъ отношеніяхъ. Правовѣрные, разумѣется, не имѣли ни малѣйшаго повода жаловаться на своего предводителя. Возвѣщая походъ, онъ обѣщалъ имъ, правда, побѣду, при помощи Божьей, но развѣ онъ не сказалъ также: «если вы будете твердо держаться?» И развѣ они не побѣждали, пока неуклонно слѣдовали приказаніямъ пророка? Развѣ окончательное пораженіе не было заслуженнымъ божескимъ наказаніемъ за оказанное ими нарушеніе дисциплины? Вотъ тѣ прегрѣшенія, дать отчетъ въ которыхъ приходилось мусульманамъ, лишь только Мухаммедъ, по повелѣнію Божію, обратился къ нимъ съ наставленіемъ; но мудрый чловѣкъ примѣшалъ къ нему такое множество указаній на благодать Всевышняго, которая не минетъ ни одного изъ раскаявающихся, въ его рѣчи было такъ много жестокихъ выходокъ противъ невѣрующихъ, что вскорѣ не осталось не только и тѣни сомнѣній, но даже исчезло самое уныніе изъ рядовъ его приверженцевъ. Зато, можно себѣ представить, какъ были довольны пораженіемъ «лицемѣры» и іудеи. Если даже до сраженія Мухаммедъ не былъ въ состояніи растоптать всѣхъ ихъ, какъ этого желалъ въ душѣ, то послѣ понесенныхъ потерь приходилось поневолѣ еще долго сдерживаться, пока не подыщется счастливый моментъ и вернется снова прочное положеніе. Но пророку никоимъ образомъ нельзя отказать въ постоянной твердости духа.

Страданія отъ полученныхъ, хотя не тяжелыхъ, зато болѣзненныхъ, ранъ нисколько не помѣшали ему заниматься дѣлами общины.

Онъ продолжалъ съ большою увѣренностью и нравственной стойкостью, которая никогда не покидала его въ самыя критическіе моменты, дѣлать все для ослабленія непріятнаго впечатлѣнія. Объ этомъ онъ позаботился въ самый день сраженія. Оно продолжалось до полудня, а уже на молитвѣ, при закатѣ солнечномъ, присутствовалъ пророкъ самъ въ мечети. А на слѣдующее утро, послѣ ранней молитвы, созвалъ опять Билальъ воиновъ Охода и объявилъ имъ, что «посланникъ Божій» желаетъ преслѣдовать невѣрующихъ. Въ походѣ должны были участвовать лишь тѣ, кои сражались вчера. Опасностей, положимъ, предстояло немного, такъ какъ курейшиты тѣмъ временемъ должны были уйти довольно далеко, все же и это кое-что да значило для поддержанія духа бодрости среди правовѣрныхъ. Пророкъ дошелъ до Хамра Аль-Асадъ, въ трехъ миляхъ *) на западъ отъ города. Здѣсь приказалъ онъ остановиться; простояли лагеремъ трое сутокъ; по ночамъ раскладывались костры по ближайшимъ горамъ, чтобы распространялась далеко кругомъ вѣсть о преслѣдованіи Мухаммедомъ курейшитовъ.

И во всемъ другомъ старался пророкъ поступать такъ, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ игнорировать послѣдствія неудачнаго сраженія. Такъ, вскорѣ послѣ возвращенія, узналъ онъ, что одинъ изъ хазраджей, во время катастрофы на Оходѣ, убилъ одного союзника изъ аусовъ, мстя ему за смерть отца своего, погибшаго еще во времена язычества. Это было опаснымъ нарушеніемъ закона, который уничтожилъ кровомщеніе между правовѣрными. Немедленно же повелѣлъ Мухаммедъ одному изъ аусовъ снести голову виновному. Затѣмъ понадобилось внушить уваженіе кочевавшимъ на востокъ бедуинамъ, между которыми обнаружилось опасное движеніе, при первомъ извѣстіи объ Оходѣ. Особенно встревожили правовѣрныхъ слухи, что Бену Асадъ, измаильтяне, кочевавшіе въ 50 миляхъ на сѣверо-востокъ отъ Медины, собираются совершить хищный набѣгъ на городъ, подъ предводительствомъ старѣйшины, Тулейхи. Мухаммедъ выслалъ Абу Саламу, своего молочнаго брата и близкаго родственника, со 150 воинами. Не взирая на значительное отдаленіе, отрядъ достигъ безъ особыхъ приключеній пастбищъ асадовъ, но, какъ это водится у бедуиновъ, они разсыпались во мгновеніе ока, и правовѣрные могли захватить лишь нѣсколько головъ животныхъ. На возвратномъ пути открылась у Абу Саламы полученная имъ на Оходѣ рана

*) Отъ 8 до 10 арабскихъ миль, изъ которыхъ каждая составляетъ четверть нѣмецкой мили (около 2000 метровъ). Поэтому это мѣсто нельзя смѣшивать съ современнымъ Даръ Аль-Хамра, которое отстоитъ отъ Медины приблизительно на 13 нѣмецкихъ миль. До него, во всякомъ случаѣ, нельзя было дойти въ одинъ день.

и онъ умеръ. Вдова его, какъ говорятъ очень красивая, 4 мѣсяца спустя взята была пророкомъ въ жены.

Маленькая эта экспедиція оказалась недостаточной, чтобы изгладить впечатлѣніе побѣды мекканцевъ, произведенное на племена центральной Аравіи. Всѣ они были друзьями курейшитовъ, посѣщали прилежно ихъ ярмарки и были предубѣждены противъ Мухаммеда; негодованіе ихъ тѣмъ болѣе было велико, что пророкъ, только что потерпѣвшій такую основательную неудачу, ничуть не покидалъ своей цѣли—пробуя расширить власть на ихъ же счетъ. За это и заплатились одновременно (приблизительно около мая 625 года) два маленькіе отряда, которые Мухаммедъ выслалъ на востокъ и югъ съ дружескими, что называется, намѣреніями. Дѣло въ томъ, что на востокъ отъ линіи, протянутой между Мединой и Меккой, обитаютъ въ Недждѣ большія племена Сулеймъ, Хавазинъ и Хузейль. Къ племени Хавазинъ принадлежали Бену Амиръ Са'са'а *). Прибыль разъ изъ этой мѣстности въ Медину старикъ, начальникъ Абу'л-Барá 'Амиръ, прослышавшій о Мухаммедѣ и захотѣвшій посмотреть на него. Пророкъ встрѣтилъ его дружелюбно и предложилъ ему принять исламъ. Старикъ не отказался прямо, но объяснялъ, что готовъ принять вѣру вмѣстѣ со своимъ племенемъ. Онъ предложилъ послать изъ Медины нѣсколькихъ правовѣрныхъ для обученія земляковъ и поручался за ихъ безопасность. Въ высшей степени обрадованный Мухаммедъ послалъ 40 (а по другимъ извѣстіямъ 70) молодыхъ мединцевъ, изъ хорошо изучившихъ коранъ. Когда они шли къ 'Амиру, то племяннику Абу'л-Барá, 'Амиру Ибнъ Атъ-Туфейлю это дѣло вовсе не понравилось. А такъ какъ единоплеменники не пожелали оскорблять сопровождавшихъ дядю его, то онъ съ толпой сосѣднихъ сулеймитовъ напалъ, при колодцахъ Ма'уны, въ 10 миляхъ на юго-западъ отъ Медины, на посланныхъ и перебилъ ихъ всѣхъ, за исключеніемъ одного, который и принесъ печальное извѣстіе въ городъ о приключившемся съ его товарищами. Не лучшее постигло и семерыхъ другихъ, посланныхъ на югъ, какъ говорятъ одни съ миссіонерскими цѣлями, а вѣроятно всего, чтобы пошнырять въ окрестностяхъ Мекки. Когда прибыли они въ Ар-Раджи, въ округъ Хузейлитовъ, напали на нихъ люди изъ племени Бену Лих'янь — одни говорятъ по подстрекательству мекканцевъ, другіе же—будто въ отместку Мухаммеду за умерщвленнаго по его приказанію ихъ старѣйшины, замышлявшаго нападеніе на Медину. Четыре мединца были убиты, а три взяты въ плѣнъ; когда же одинъ изъ нихъ вздумалъ дорогою бѣжать, его тутъ же побили камнями.

*) Есть еще Амиръ Рабіá принадлежація къ племенамъ Ваилъ; тѣ живутъ гораздо дальше на сѣверо-востокъ.

Двухъ остальныхъ продали бедуины курейшитамъ за 100 верблюдовъ, а тѣ отдали ихъ дѣтямъ погибшихъ при Бедрѣ, которыя, играя, перекружили ихъ дротиками.

Мухаммедъ теперь сразу увидѣлъ, какъ трудно пока что-либо принять въ центральной Аравіи. Но ему необходимо было, для успокоенія правовѣрныхъ, заручиться хоть какимъ-нибудь успѣхомъ, дабы исполнить обѣщаніе, благодаря которому укрѣпилъ онъ снова ихъ довѣріе, послѣ битвы у Охода. Понятно, приходилось опять взяться за іудеевъ, вѣчно отвѣчавшихъ за чужіе грѣхи. Непосредственно вслѣдъ за пораженіемъ пророкъ считалъ благоразумнымъ переждать нѣсколько, не будутъ ли угрожать ему новыя опасности извнѣ. Можетъ быть также считалъ онъ необходимымъ сперва возстановить обычную дисциплину между своими. Такъ или иначе, съ полгода послѣ сраженія, держался онъ спокойно и, какъ кажется, въ это же самое время набрался убѣжденія, что еще менѣе, чѣмъ Кейнока, ихъ оставшіеся единовѣрцы могутъ рассчитывать на помощь со стороны «лицемѣровъ». Приходилось главнымъ образомъ имѣть дѣло съ двумя іудейскими племенами, Бену Надиръ и Бену Курейза. Послѣдніе обитали на югъ, первые же на юго-востокъ отъ города, въ своихъ укрѣпленныхъ предмѣстьяхъ. Оба племени участвовали въ сраженіи при Буасѣ противъ хазраджитовъ но если бы «лицемѣры» имѣли болѣе политическаго такта, чѣмъ воображали, Абдулла Ибнъ Убай долженъ бы былъ побороть воспоминаніе о старинной враждѣ и подать имъ вооруженную помощь противъ мусульманъ. Преданіе обвиняетъ даже Абдуллу въ коварномъ обманѣ іудеевъ, но это вѣроятно черезчуръ преувеличено. Во всякомъ случаѣ онъ не двинулъ и пальцемъ, когда Мухаммедъ, подъ ничтожнымъ предлогомъ—будто ангелъ Гавріиль извѣстилъ его, что одинъ іудей вознамѣрился его убить—потребовалъ отъ Бену Надиръ, слабѣйшаго изъ обоихъ племенъ, приблизительно въ іюнѣ 625 года, очищенія занимаемаго ими квартала; когда же іудеи отказались повиноваться, мусульмане осадили ихъ укрѣпленный кварталъ, находившійся въ одной милѣ на югъ отъ города. Племя Курейза и не подумало подняться, чтобы прийти на помощь къ единовѣрцамъ. Какъ за соломинку спасенія держались они крѣпко за договоръ свой съ Мухаммедомъ. Осада продолжалась 14 дней. Она угрожала затянуться надолго. Тогда Мухаммедъ отдалъ приказаніе срубить одну изъ пальмовыхъ плантацій, составлявшую главное имущество надіровъ. Но это было въ разрѣзъ всѣмъ воинскимъ обычаямъ арабовъ: по бѣдности страны и продолжительности времени, пока финиковая пальма можетъ приносить плоды, половина Аравіи давно бы умерла съ голода, если бы по общепринятому обычаю не было взаимно оберегаемо незамѣнимое ничѣмъ де-

рево. Вотъ почему эту мѣру стали осуждать даже въ кружкахъ правовѣрныхъ. Понадобилось даже специальное откровеніе, дабы оправдать намѣреніе пророка. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, іудеи принуждены были капитулировать, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы позволили имъ выселиться съ женами и дѣтьми, захвативъ съ собою движимое имущество. Одно только оружіе должны были они оставить. На 15-й день выступили іудеи со звономъ литавръ и струнныхъ инструментовъ — мы сказали бы съ воинскими почестями — и потянулись сначала къ лежащему въ 20 миляхъ на сѣверъ отъ Медины Хейбару, большой іудейской колоніи. Нѣкоторые изъ нихъ поселились тутъ, другіе же, по примѣру Кейнока, удалились въ восточную часть Іорданской страны.

Гораздо важнѣе чѣмъ оружіе, захваченное въ оставленномъ кварталѣ, были для Мухаммеда довольно обширныя земли, оставшіяся послѣ іудеевъ. Почва на югъ отъ Медины, какъ тогда, такъ и теперь, плодородна, вся состоитъ изъ пахатныхъ полей и плантацій финиковыхъ пальмъ. Здѣсь открылось для пророка поле для весьма цѣлесообразнаго учрежденія. вмѣсто того, чтобы раздѣлить землю между участниками осады, предоставилъ онъ ее всю, съ согласія мединцевъ, своимъ бѣглецамъ. До сихъ поръ должны были они исключительно рассчитывать на гостепріимство ансаровъ, теперь же могли устроиться самостоятельно. Мухаммедъ объяснялъ свое распоряженіе указаніемъ, что имущество это не было завоевано, а пріобрѣтено мирнымъ путемъ, при помощи капитуляцій. И на будущее время удерживалъ онъ за собою право непосредственнаго распоряженія подобными пріобрѣтеніями. Эта регламентація позднѣе, при дальнѣйшемъ распространеніи мусульманскихъ завоеваній внѣ границъ Аравіи, имѣла величайшее значеніе.

Ко времени этой войны, очень можетъ быть, слѣдуетъ отнести откровеніе, изложенное въ сурѣ 5, 92—93, въ которой помѣщено извѣстное воспрещеніе употреблять вино. Въ связи съ запрещеніемъ мейсира, любимой у арабовъ азартной игры, оно было мотивировано тѣмъ, что то и другое способны возбуждать среди правовѣрныхъ непріязнь и ненависть, а также доводитъ до небреженія къ молитвѣ. Въ дѣйствительности древніе арабы были сильно преданы пьянству и игрѣ. Очень понятно, что въ интересахъ дисциплины, слѣдовало, разъ навсегда, наложить на эти предметы запрещеніе. Поэтому, во всякомъ случаѣ, недозволенное не носить, никоимъ образомъ, аскетическаго характера.

Блестящій успѣхъ похода противъ надіровъ, прежде всего упрочившій матеріальное положеніе бѣглецовъ, ядра войска Мухаммеда, дозволило пророку на нѣкоторое время успокоиться. Лишь къ началу 626 года (Зу'л-Кадъ 4), видимъ мы его опять въ походѣ, уже во главѣ 1500 человекъ. Итакъ, болѣе чѣмъ удвоилось число его при-

верженцевъ, со времени битвы у Охода. Причина этого могла быть двоякая: одна—что у многихъ, со времени изгнанія надіровъ, широко раскрывались глаза на «силу вѣры», другая же—что нѣкоторыя маленькія племена, кочевавшія между Мединой и моремъ, могли прикнуть къ походной колоннѣ; такъ напримѣръ могли сдѣлать Бену Асламъ, жившіе возлѣ самой Медины и выступавшіе теперь на передній планъ, въ качествѣ надежныхъ союзниковъ. Дѣло шло объ условенной раяѣ, въ прошломъ еще году, между Абу Суфьяномъ и Омаромъ встрѣчѣ. Конечно мекканцы, съ своей стороны, не имѣли никакой охоты являться туда. У нихъ были другіе планы, исполненіе которыхъ требовало продолжительнаго времени, а прежде чѣмъ созрѣетъ задуманное, они не хотѣли подвергаться никакой случайности. Поэтому они пробовали чрезъ путешественниковъ распространять въ Мединѣ преувеличенные слухи о большихъ вооруженіяхъ, предпринимаемыхъ въ Меккѣ для будущей встрѣчи. Увѣренные, что мусульмане приведены будутъ въ ужасъ, сами мекканцы, лишь для вида, выступили въ походъ къ Бедру. Но, дойдя до Маджаны, въ трехъ только миляхъ отъ Мекки, повернули опять назадъ, съ явнымъ намѣреніемъ послѣ похвастаться, что мусульмане и не думали двигаться и будто это заставило ихъ отступить. Когда же они услышали, что Мухаммедъ съ многочисленнымъ войскомъ приближается торжественно къ Бедру, приходилось придумать новую уловку. Мекканцы начали рассказывать направо и налево, что мединцы, такъ какъ въ то время какъ разъ происходила здѣсь ярмарка, навезли съ собою товаровъ и торгуютъ съ большою выгодой, ими не тревожимые.

Исторія этого похода очень темна и усѣяна множествомъ противорѣчій. Я не думаю, однако, чтобы можно было отрицать даже его существованіе. Дѣло могло быть просто такъ: Мухаммедъ находилъ полезнымъ, на этотъ разъ, окружить себя особымъ блескомъ при посѣщеніи ярмарки въ Бедрѣ, ежегодно открывавшейся тамъ въ мѣсяцѣ Зу'л—Ка'дѣ, чтобы повліять на береговья племена, которыя со времени Охода выказывали очевидные знаки недружелюбія, и снова привязать ихъ къ себѣ. Къ концу того же самаго мѣсяца курейшиты также ежегодно справляли ярмарку въ Маджаннѣ. Позднѣе же между двумя этими событіями предположили какую то внутреннюю связь. Вотъ какимъ образомъ, мало-по-малу, и образовалась исторія условной встрѣчи и неоявленія мекканцевъ *).

Какъ бы то ни было, курейшиты имѣли полное основаніе не тревожиться въ этомъ году. Въ преданіяхъ встрѣчаются разныя указанія,

*) Предположеніе это не совсѣмъ, впрочемъ, достовѣрно, такъ какъ въ преданіяхъ время похода Мухаммеда указано неясно. Возможно также, что эта дата историческая подсчитана искусственно.

изъ которыхъ легко вывести, что Абу Суфьянъ былъ прозорливѣе всѣхъ остальныхъ мекканцевъ вмѣстѣ взятыхъ. Впослѣдствіи сынъ его Муавія сталъ однимъ изъ мудрѣйшихъ политиковъ всѣхъ временъ; должны же были и въ отцѣ существовать зародыши того же самаго направленія. Къ сожалѣнію преданіе рѣдко даетъ возможность почерпать точныя воззрѣнія на прошлое Мекки; все же представляетъ она намъ этого Омейяда какъ представителя дѣятельнаго элемента, хотя ему рѣдко удается увлечь за собою своихъ нерадивыхъ, думающихъ постоянно только о ближайшемъ, согражданъ. Въ данный моментъ, когда каждый уже смекнулъ, что побѣда при Оходѣ не принесла никакой существенной пользы, всѣ они охотно готовы были направить свои силы, чтобы нанести рѣшительный ударъ, устремляясь на гнѣздо измѣнниковъ и ихъ единомышленниковъ въ городъ Мединѣ. Но они хорошо понимали, что тутъ предстояло бороться, также и съ «лицемѣрами», а осада и уличная борьба, весьма вѣроятныя, были не подъ силу воинству однихъ курейшитовъ,—въ Мединѣ находилось по крайней мѣрѣ 2000 храбрыхъ воиновъ. Абу Суфьянъ поэтому, въ виду сложившихся обстоятельствъ, задумалъ единственно возможный правильный планъ: собрать большую коалицію всѣхъ непріязненныхъ исламу племенъ. Гдѣ деньгами, гдѣ добрымъ словомъ искалъ онъ возстановить противъ пророка податливыя племена и предпринять съ ними затѣмъ рѣшительный походъ на Медину. Его предпріятію сильно помогали также оставшіеся въ Хейбарѣ—надіры, убѣдившіе наконецъ тамошнихъ единовѣрцевъ въ необходимости взаимной самопомощи противъ все болѣе и болѣе наглыхъ нападений Мухаммеда. То были очень зажиточные люди, которые весьма охотно усвоили мысль великаго предпріятія (традиція приписываетъ имъ, хотя и несправедливо, инициативу) и выказывали готовность принести какую угодно жертву. Теперь уже становилось нетруднымъ залучить на свою сторону большія племена центральной Аравіи—Сулеймъ и Гатафанъ. Какъ передаютъ, іудеи обѣщали бедуинамъ за ихъ помощь половину будущаго сбора финиковъ въ Хейбарѣ. Примкнули къ союзу и маленькія племена, жившія въ окрестностяхъ Мекки, вѣрные союзники курейшитовъ, а наконецъ Бену Асадъ, восточные сосѣди племени Сулеймъ. Независимо отъ обѣщанной награды и предполагаемой добычи, всѣ эти племена имѣли дѣйствительно поводъ держаться на-сторожѣ, ибо имъ не разъ приходилось имѣть съ пророкомъ далеко не дружественныя столкновенія—пастбища ихъ расположены были вблизи его владѣній.

Хотя переговоры между Хейбаромъ, Меккой и племенами ведены были въ невозможномъ секретѣ, неясные слухи о нихъ достигли, должно быть, и Медины. По крайней мѣрѣ Мухаммедъ весь пятый годъ (626) проводитъ, слясь наносить удары по разнымъ направле-

ніямъ, какъ будто стремится разорвать сѣть, которую хотѣли его опутать. Такъ, напр., онъ двинулся противъ гатафановъ, которые по своему обыкновению, при его приближеніи, разсѣялись, оставляя ему легкую добычу—кучу женщинъ. Затѣмъ бросился онъ на сѣверъ, гдѣ пути становились не безопасными *). Здѣсь убиты были многіе и между ними Абу Рафи подосланнымъ къ нему шпиономъ пророка. Онъ былъ старѣйшина надіровъ поселившихся въ Хейбарѣ, ревностно занимавшійся переговорами о коалиціи: объ этомъ, вѣроятно, дошло до свѣдѣнія Мухаммеда. По сообщеніямъ другихъ, этотъ іудей убитъ былъ по окончаніи союзной войны, въ наказаніе за то, что принималъ такое серьезное въ ней участіе. Наконецъ въ томъ же году, вѣроятно, происходилъ походъ противъ Бену Мусталикъ, отдѣла, кочевавшаго вблизи Мекки, племени Хузá'a, который прежде находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ Мухаммеду. Путь къ нимъ былъ удобный, велъ черезъ знакомыя мѣстности, можно было рассчитывать на добычу; поэтому на этотъ разъ присоединилось множество «лицемѣровъ» и между ними самъ Ибнъ Убай. Маленькій отдѣлъ племени, послѣ короткаго сопротивленія, долженъ былъ отступить предъ превосходнымъ числомъ непріятелей и сдаться, въ виду напорающихъ со всѣхъ сторонъ мединцевъ. Лагерь со всѣмъ въ немъ содержимомъ, 2000 верблюдовъ, 500 козъ и овецъ, 200 женщинъ и т. д., попалъ въ руки побѣдителямъ. Добычу подѣлили; между тѣмъ Мухаммеду особенно понравилась одна изъ плѣнныхъ дѣвушекъ, по имени Джувейрія, и женившись, онъ отпустилъ на волю изъ угожденія къ ней часть плѣнныхъ. Остальные были позднѣе отпущены въ Медина за выкупъ.

Набѣгъ былъ изъ легкихъ и весьма прибыльный, но сопровождался передъ самымъ концомъ двумя весьма непріятными эпизодами. Не задолго передъ выступленіемъ обратно возникъ споръ изъ-за ничтожнаго повода между однимъ бѣглецомъ и «лицемѣромъ». Тотъ и другой позвали на помощь своихъ земляковъ; съ большимъ трудомъ разняли спорящихъ и миръ былъ восстановленъ, благодаря вмѣшательству нѣкоторыхъ, болѣе благоразумныхъ. Но при этомъ обѣ стороны обмѣнялись ругательствами; особенно Абдулла-Ибнъ-Убай произнесъ такія угрозы, что Мухаммедъ не могъ пропустить этого безна-

*) Такъ называемый первый походъ въ Думатъ-аль-Джандаль. Это—оазисъ, теперь называемый Аль-Джофъ, подъ 30° сѣверной широты между Сѣверо-Аравійской и Большой Сирійской пустынями. Но онъ отстоитъ отъ Медины на 85 вѣмецкихъ миль. Чтобы достигнуть до него, потребовалось бы по крайней мѣрѣ 15 дней, а это и составляло все время отсутствія Мухаммеда. Древнѣйшее преданіе замѣчаетъ довольно отчетливо: „онъ туда не достигъ“. Названіе это, повидимому, означаетъ только направленіе похода, который во всякомъ случаѣ пролегалъ черезъ владѣнія Гатафанъ.

казанно. Оскорбитель побоялся открытаго разрыва; поэтому онъ сталъ отрекаться отъ своихъ собственныхъ словъ и старался придать имъ безобидное значеніе. Но добрыя обоюдныя отношенія отъ этого нисколько не улучшились. Въ 63 сурѣ встрѣчаются рѣзкія нареканія, которыми Мухаммедъ вскорѣ затѣмъ осыпалъ «лицемѣровъ». Поводомъ къ другой исторіи послужили домашнія отношенія пророка; она произвела непріятное впечатлѣніе, многимъ досадила, и имѣла немаловажное вліяніе на позднѣйшее развитіе ислама. Такъ какъ едва ли могла бытъ рѣчь о какой-либо опасности во время похода, пророкъ взялъ съ собою двухъ женъ: Уммъ-Саламу и Айшу. Последняя всегда, съ самаго начала, была его любимицей. Едва достигши 14 лѣтняго возраста, умѣла она своимъ веселымъ обхожденіемъ разсѣвать тучи на челѣ старѣющаго, часто удрученнаго заботами, пророка; и позднѣе эта неоспоримо разсудительная женщина сохранила свое вліяніе на мужа, до конца его жизни. Разъ вечеромъ, на обратномъ пути, войско остановилось невдалекѣ отъ Медины; но еще до разсвѣта, ранѣе чѣмъ ожидали, вдругъ раздался приказъ подыматься. Между тѣмъ Айша только что ушла искать ожерелье изъ южно-арабскихъ раковинъ, которое она потеряла незадолго передъ тѣмъ, гуляя въ окрестностяхъ. Свою вещь она нашла, но когда вернулась, войска уже не было; ушелъ и верблюдъ, въ замкнутомъ паланкинѣ котораго предполагали ее спящую. Ничего не оставалось ей болѣе, какъ переждать на мѣстѣ. Вскорѣ дѣйствительно проѣхалъ одинъ отсталый, Сафванъ-Ибнъ-Аль-Му'атталъ; онъ узналъ ее, посадилъ къ себѣ на верблюда и привезъ въ Медину. Запоздалое появленіе супруги пророка вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ обратило всеобщее вниманіе и подало поводъ къ разнаго рода злостнымъ сплетнямъ. Мало-по-малу нѣкоторыя изъ нихъ дошли до Мухаммеда. Вскорѣ Айша замѣтила, къ великой обидѣ, что пророкъ, отличавшій ее прежде отъ другихъ женъ, всячески избѣгаетъ ее и пересталъ наконецъ даже обращать на нее вниманіе. При продолженіи такихъ отношеній, когда оскорбительныя пересуды стали доходить до нея, бѣдняжка заболѣла и стала наконецъ просить дозволенія отправиться къ отцу своему, Абу-Бекру. Это было ей разрѣшено, но такъ какъ возвращеніе въ отческій домъ считалось обыкновенно знакомъ расторженія брака, злые языки заговорили еще громче, хоромъ. Среди окружающихъ пророка возвысили голосъ не только злокозненные «лицемѣры», но и сплетники обоого пола; особенно отличался этимъ придворный поэтъ Мухаммеда, Хассанъ-Ибнъ-Сабитъ. Пророкъ держалъ его возлѣ себя для того, чтобы онъ отвѣчалъ за него на сатиры, распускаемыя въ Мединѣ, Меккѣ и другихъ мѣстахъ, въ соотвѣтственно задорномъ стилѣ. Это былъ человѣкъ даровитый, но безхарактерный, нѣчто въ родѣ офиціознаго журналиста новѣйшаго типа, но въ самомъ дур-

номъ значеніи этого слова. Зло все росло и росло. Мухаммедъ былъ вынужденъ серьезно посовѣтоваться со своими приближенными. Мнѣнія раздѣлились. Алій съ жаромъ посовѣтовалъ объявить расторженіе брака съ подозрительной супругой; другіе были обратнаго мнѣнія. Въ концѣ концовъ пророкъ счелъ нужнымъ повѣрить въ невинность своей жены. Но, чтобы разъ навсегда прекратить разговоры, потребовалось вмѣшательство самого Бога. Посыпались откровенія. Одно возвѣщало невинность Айши, другое запрещало, подъ страхомъ наказанія сотней ударовъ бича, касаться чести замужнихъ женщинъ, если обвинитель не можетъ подтвердить словъ четырьмя свидѣтелями очевидцами. Далѣе повелѣвалось женамъ пророка не выходить изъ дому, а потомъ предписывалось имъ и другимъ женамъ правовѣрныхъ закрываться покрываломъ въ присутствіи чужихъ и т. д. Новый законъ противъ клеветниковъ получалъ обратную силу; нѣсколькихъ самыхъ неисправимыхъ болтуновъ подвергли наказанію, въ числѣ ихъ также и несчастнаго придворнаго поэта, вынесшаго къ тому же много непріятностей отъ Сафвана. Впрочемъ за все это онъ былъ вознагражденъ богатымъ подаркомъ.

Границы между самообманомъ и намѣреннымъ мороченіемъ другихъ людей, какъ извѣстно, вообще весьма неопредѣленны. Очень можетъ быть, что Мухаммедъ воображалъ себя дѣйствительно провозвѣстникомъ воли Божьей, устанавливая регламентъ своего гарема. Для насъ подобное недостойное возрѣніе на существо Высочайшаго, пожалуй, отвратительнѣй еще, чѣмъ сознательный обманъ. Но не слѣдуетъ забывать, что настоящее представленіе о Богѣ у Мухаммеда не могло быть ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ ясно. Во всякомъ случаѣ весьма отталкивающее впечатлѣніе производитъ развившееся въ поздніе годы у пророка, да позволено будетъ намъ такъ выразиться, смѣшеніе похоти своего сердца съ постановленіями своего Владыки: не задолго передъ тѣмъ понадобилось ему еще другое откровеніе, къ немалой досадѣ даже набожныхъ людей, чтобы жениться на Зейнабѣ, красивой женѣ пріемнаго его сына Зейда-Ибнъ-Харисы, который согласился развестись съ ней. Аллаху приходилось и позже провозглашать свое всемогущее слово, дабы прекращать не разъ возникавшіе домашніе раздоры между многими соперницами, искавшими ласки пророка. Покидая этотъ печальный эпизодъ, не можемъ кстати не упомянуть, къ какимъ далекимъ послѣдствіямъ повели эти мелочи въ дальнѣйшемъ развитіи исторіи ислама. Какъ мы увидимъ позже, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, Алій долженъ былъ горько сожалѣть, что выступилъ необдуманно противъ Айши на совѣтѣ по вопросу о ея невинности. Но что еще важнѣе—постановленія Мухаммеда касались вообще положенія женъ въ мусульманскомъ обществѣ, а потому устанавливали

отчасти самую судьбу мухаммеданскаго міра. Было бы, конечно, излишне предугадывать, что могло произойти, если бы не существовало этихъ предписаній; но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что если человѣку понадобились, для убѣжденія въ невѣрности своей жены, четыре неліцепріятныя свидѣтеля—ничего не оставалось болѣе какъ запереть ее на замокъ. Въ особенности странно было встрѣтить это у народа, хотя строго почитавшаго издавна супружескія отношенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ легко ихъ расторгавшаго; поэтому-то добрые нравы, при послѣдующихъ міровыхъ завоеваніяхъ, такъ скоро исчезли безслѣдно. Трудно во всей всемірной исторіи найти болѣе поразительное доказательство часто оспариваемаго многими положенія, что маленькія причины производятъ иногда великія дѣйствія. Взгляните сами: въ XIX-мъ столѣтіи болѣе 200.000.000 человѣкъ лишены нравственнаго вліянія благороднаго женскаго существа,—замѣтьте на вѣки—и все потому только, что въ 625 году 14-ти лѣтняя взбалмошная дѣвчонка, аравитянка, обронила ожерелье, стоимостью въ нѣсколько рублей.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, правовѣрнымъ предстояло нѣчто иное, чѣмъ разсуждать о вышеупомянутомъ несчастномъ ожерельи. Дружественные хузѣиты сообщали, къ концу пятаго года (приблизительно въ мартѣ 627 г.) ¹⁾, о выступленіи большого союзнаго войска, которое курейшиты успѣли наконецъ поставить на ноги. Въ немъ числилось 10.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 4000 однихъ курейшитовъ и ближайшихъ ихъ союзниковъ съ 300 лошадей и 15 верблюдами, подъ предводительствомъ Абу-Суфьяна. Онъ же состоялъ и главнокомандующимъ, насколько это было возможно, принимая во вниманіе до болѣзненности доходящую шекотливость свободолубивыхъ бедуиновъ. Во всякомъ случаѣ племена Гатафанъ, Асадъ, равно какъ и Сулеймъ образовывали самостоятельные отряды. На этотъ разъ, какъ кажется, войско подвигалось довольно поспѣшно; не болѣе недѣли дали мекканцы Мухаммеду, чтобы подготовиться къ защитѣ. Объ открытой борьбѣ едва ли кто могъ и помышлять, въ виду значительнаго превосходства непріятельскихъ силъ, а также благодаря еще неизгладившимся совершенно прискорбнымъ воспоминаніямъ объ Оходѣ. Съ трехъ сторонъ городъ былъ защищенъ довольно сносно, такъ какъ стѣны домовъ почти вездѣ смыкались вплотную, а немногіе промежутки не стоило большого труда забросать землей; и этого было вполне достаточно, такъ какъ у мекканцевъ не имѣлось военныхъ осадныхъ машинъ. Но къ сѣверу городъ оставался совершенно открытымъ; кромѣ того надо было присоединить къ пространству, нуждавшемуся въ защитѣ, часть до-

¹⁾ По общепринятому исчисленію было это въ февралѣ, но многія обстоятельства указываютъ, что событіе происходило позже.

лины, дабы устроить лагерь на 3000 человекъ соединенныхъ силъ мусульманъ и «лицемѣровъ». Между людьми Мухаммеда находился одинъ персъ, по имени Салманъ. Превратности судьбы занесли его въ качествѣ раба въ Медину; онъ былъ выкупленъ на волю тотчасъ же какъ принялъ исламъ. Человекъ этотъ видѣлъ много на своемъ вѣку и сообщилъ пророку замѣчательный военный приемъ, при помощи котораго легко можно было оборониться отъ внѣшняго врага, особенно же отъ нападенія конницы. Персъ предложилъ выкопать широкій ровъ передъ городомъ. Объ этомъ въ Аравіи никто никогда и не слыхивалъ, но всѣ сразу же поняли пользу выдумки. Вся Медина принялась взапуски окапываться, и въ 6 дней ровъ, замыкавшій непрерывно открытую мѣстность, былъ готовъ. По этому приспособленію слѣдующіе за тѣмъ бои подъ Мединой и названы «войной изъ-за окоповъ».

Едва окончено было укрѣпленіе, какъ союзники показались передъ городомъ. Новое средство защиты, совсѣмъ «не арабское», возбудило въ непріятеляхъ одновременно и негодованіе и изумленіе. Посыпались крупныя ругательства на трусость мусульманъ, но тѣ, чувствуя себя за окопами до извѣстной степени въ безопасности, самодовольно улыбались. Не разъ пробовали язычники прорваться черезъ препятствіе, но мединцы и днемъ и ночью зорко сторожили всѣ ихъ движенія. Тяжело приходилось, правда, осажденнымъ, особенно въ началѣ весны, когда наступила отвратительная погода; но все же, такъ или иначе, имъ было удобно отгонять налетаващаго непріятеля тучей пущенныхъ въ него стрѣлъ. Разъ только посчастливилось небольшой кучкѣ мекканскихъ всадниковъ занять часть укрѣпленій, по оплошности защитниковъ. Но вмѣсто того, чтобы на занятой ими позиціи держаться крѣпко и какъ можно скорѣе вытребовать подкрѣпленія, старикъ Амръ-Ибнъ-Абдъ вздумалъ вступить съ Аліемъ въ единоборство. Когда затѣя эта кончилась пораженіемъ Амра, сопровождавшіе его курейшиты сочли, что дѣло покончено, и вернулись безмятежно назадъ черезъ ровъ обратно къ своимъ. Осада тянулась безъ конца. Обѣ стороны терпѣли одинаково, подвергаясь дѣйствию холодной погоды. Но союзникамъ приходилось хуже, ибо до ихъ прибытія жатва *) была уже снята, а доставать провіантъ съ нѣкоторыхъ поръ становилось затруднительнымъ, между тѣмъ никто не рассчитывалъ, чтобы война могла протянуться такъ долго. Стали искать средствъ, нельзя ли овладѣть городомъ иначе. Еще ранѣе, при посредствѣ надіровъ Хейбара, начаты были переговоры съ Бену Курейза, послѣднимъ пле-

*) Въ этой мѣстности и понынѣ собираютъ жатву въ мартѣ и апрѣлѣ, а сборъ финиковъ начинается въ іюлѣ.

менемъ іудеевъ, проживавшимъ въ Мединѣ, о соглашеніи ихъ съ коалиціей. Теперь снова возобновились сношенія и повидимому принимали довольно рѣшительный характеръ. Конечно, самое разумное, что могли предпринять іудеи, это было воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы доконать окончательно Мухаммеда. Они были съ нимъ не въ лучшихъ отношеніяхъ, чѣмъ ихъ прогнанные раньше единовѣрцы, и едва ли могли питать надежду, что онъ станетъ болѣе уважать свой договоръ съ ними, чѣмъ это дѣлалъ прежде съ другими. Кварталь ихъ, къ тому же, лежалъ на юго-востокъ отъ Медины, именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ городъ наиболѣе слабо защищенъ; поэтому въ рукахъ ихъ находился какъ бы ключъ къ позиціи Мухаммеда. Несмотря на это, они не рѣшались сразу и открыто принять сторону непріятеля и продолжали, не торопясь, переговоры съ союзниками. Сильно пораженъ былъ пророкъ, когда, наконецъ, прослышалъ о новыхъ козняхъ враговъ своихъ; онъ немедленно же принялъ мѣры. Прежде всего Мухаммедъ послалъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей изъ аусовъ и хазраджей пригрозить іудеямъ; а когда эти послѣдніе недружелюбно выслушали нареканія бывшихъ союзниковъ, онъ отдалъ распоряженіе приготовить защиту города съ юга, что, конечно, еще болѣе отягчило и безъ того усиленно напряженную службу за окопами. Одновременно удалось пророку залучить къ себѣ на службу одну темную личность изъ племени Гатафъанъ, нѣкоего Ну'ейма-Ибнъ-Мас'уда; шпионъ шнырялъ непрерывно то между іудеями, то между союзниками и искусно сѣялъ раздоръ повсюду, такъ что вскорѣ обѣ стороны перестали довѣрять другъ другу, переговоры тянулись безъ всякаго результата. Далѣе успѣлъ Мухаммедъ войти въ тайное соглашеніе съ шейхомъ гатафъанцевъ Уейной. За отступленіе его соплеменниковъ была пообѣщана пророкомъ половина сбора финиковъ Медины. Но отвращеніе воинственно настроенныхъ приверженцевъ ислама къ подобнаго рода унижительной сдѣлкѣ помѣшало окончательно заключенію условія. Всѣ эти дипломатическія хитрости возбуждали, однако, между союзниками взаимное недовѣріе; къ тому же весеннія бури начинали сильно докучать осаждавшимъ. Для многочисленныхъ стадъ осаждавшихъ не хватало корма; страдая отъ непогоды, бѣдныя животныя еле-еле волочили ноги. Между тѣмъ мусульмане продолжали попрежнему неослабно слѣдить за непріятелемъ; такимъ образомъ все болѣе и болѣе пропадала всякая надежда достигнуть цѣли похода. Разъ ночью, всѣ сразу, какъ бы сговорившись — мекканцы, гатафъане и сулеймы — порѣшили бросить начатое дѣло. На слѣдующее утро войска коалиціи потянулись обратно домой. Абу Суфьянъ написалъ къ пророку дерзкое письмо, въ которомъ зло издѣвался надъ окопами, какъ надъ неприличною воинскою хитростью.

Едва ли стоит прибавлять, что на арабовъ они произвели однако громадное впечатлѣніе.

Война эта стоила не многихъ жертвъ: убитыхъ было человекъ 5 со стороны правовѣрныхъ и 2 язычника; по нѣскольку человекъ съ обѣихъ сторонъ были опасно ранены. Но за войной слѣдоваль страшный эпилогъ. Въ полдень того же дня, когда отступили союзники, Мухаммедъ вручилъ военное знамя Алію, Билальъ возвѣстилъ, что послѣобѣденная молитва должна быть совершена въ кварталѣ курейзовъ. До послѣдняго момента опасались іудеи нарушить формально договоръ; но ихъ переговоры съ непріятелями Медины слишкомъ были извѣстны, для прорска довольно было малѣйшаго предлога, чтобы избавиться отъ непримиримаго врага его ученія. Курейзы были народъ храбрый и могли бы, со своими 600 воиновъ, попытаться пробиться. Можетъ быть предполагали они, что все-таки успѣютъ еще добиться такихъ же условій какъ и надіры, а потому временно отложили крайнія мѣры: сражаясь отступили они въ свою крѣпость и допустили обложить себя. Недостатокъ въ провіантѣ принудилъ ихъ недѣли черезъ двѣ начать переговоры, но Мухаммедъ сразу же потребовалъ безусловной сдачи. Посланный имъ къ іудеямъ Абу Лубабъа былъ ауситъ, слѣдовательно старинный союзникъ іудеевъ. Когда его спросили, будетъ ли Мухаммедомъ дарована имъ по крайней мѣрѣ жизнь, онъ отвѣтилъ офиціальнымъ тономъ: «да», но при этомъ многозначительно провелъ указательнымъ пальцемъ по шеѣ. Узнавъ объ этомъ опасномъ проявленіи мірскаго чувства приличія, пророкъ сильно разгнѣвался, и бѣднягъ Абу Лубабъѣ пришлось вынести тяжелое церковное покаяніе, прежде чѣмъ онъ снова попалъ въ милость. Іудеямъ ничего не оставалось однако какъ сдаться или же попытатъ биться на смерть. Они предпочли первое, вѣроятно въ надеждѣ, что ихъ прежніе сѣюзники, аусы, заступятся за нихъ, подобно тому какъ хазраджи два года тому назадъ спасли Кейнока. Мухаммеду неловко бы было отказать наотрѣзъ въ ихъ заступничествѣ; это значило бы поставить аусовъ ниже ихъ прежнихъ соперниковъ, но истребленіе іудеевъ рѣшено имъ было въ душѣ, и для исполненія своего плана онъ выискалъ одно средство, діавольски коварное, котораго не могли никоимъ образомъ предугадать исконные враги Аллаха. Глава аусовъ, Са'дъ Ибнъ Му'азъ, ревностный рабъ Божій, лежалъ на смертномъ одрѣ отъ раны, полученной имъ во время осады. Онъ зналъ, что долженъ умереть и кипѣлъ злобой противъ всѣхъ участвовавшихъ въ войнѣ изъ-за окоповъ, разумѣется также и противъ этихъ «предателей» іудеевъ. Товарищи по племени этого не понимали, и когда Мухаммедъ предложилъ рѣшеніе участи плѣнныхъ іудеевъ предоставить ихъ главѣ, они охотно согласились. Са'дъ же рѣшилъ, недолго думая: мужчинъ перебить, женщинъ и дѣ-

тей обратить въ рабство, а имущество ихъ подѣлить. Приговоръ исполненъ былъ на другой день утромъ. Цѣлый день продолжалось отвратительная бойня; болѣе 600 іудеевъ потерпѣли мученическую смерть за вѣру. Только одинъ, согласившійся перейти въ исламъ, остался въ живыхъ; всѣ остальные, поголовно, умерли, выказывая геройскій духъ, чего нельзя было ожидать, судя по прежнимъ ихъ нерѣшительнымъ дѣйствіямъ. Жены и дѣти обращены были въ рабство. Красавица еврейка Рейхана, доставшаяся пророку, обращена была въ исламъ и взята имъ въ гаремъ. Нѣсколько дней спустя, суровый судья Са'дъ послѣдовалъ за своими жертвами.

Жестокость образа дѣйствій пророка, въ данномъ случаѣ находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ древне арабскихъ воинскихъ обычаяхъ, по которымъ несомнѣнно пророкъ имѣлъ право казнить взятыхъ въ плѣнъ іудеевъ, такъ какъ они сдались безусловно. Отвратительнѣе всего въ этомъ приговорѣ соединеніе безпощадной суровости съ коварной игрой именемъ Божиимъ. Но Мухаммедъ и его послѣдователи такъ же мало понимали это, какъ и судившіе еретиковъ католики или протестанты, которые одинаково не могли отдавать себѣ отчета въ ужасныхъ своихъ дѣяніяхъ, когда они, во имя Бога, сожигали тѣла людей, говоря при этомъ, что спасаютъ ихъ души. Но эти грубые, нечувствительные по натурѣ, люди сами не знали что творять, даже и въ XIX-мъ столѣтіи. Все же, подобнаго рода жестокость не была въ сущности характеристической чертой Мухаммеда. Такъ, напр., немного спустя онъ совершаетъ большой шагъ впередъ по отношенію цивилизаціи своего народа, запрещая уродовать и мучить плѣнныхъ, приговоренныхъ къ смерти. Но это было, понятно, совершенно иное: одно—іудей, а другое—вообще человѣкъ. Извѣстны уже ранѣе тѣ основанія особенной ненависти, которую питалъ пророкъ къ дѣтямъ Израиля.

ГЛАВА IV.

Послѣдніе годы пророка и окончательная побѣда его религій. Система вѣроученія ислама.

Война изъ-за окоповъ и истребленіе курейзовъ служить въ исторіи Мухаммеда поворотнымъ пунктомъ не менѣе знаменательнымъ, чѣмъ битва при Бедрѣ. Подобно тому, какъ первое выигранное дѣло выдвинуло сразу бездомнаго бѣглеца, ставшаго независимымъ властелиномъ, окруженнымъ собственнымъ войскомъ, котораго нельзя уже было прерзительно игнорировать, такъ и кончившійся безъ послѣдствій походъ коалиціи убѣдилъ окончательно его противниковъ, что имъ далеко до него, даже при напряженномъ сконцентрированіи всѣхъ силъ, по крайней мѣрѣ въ его собственныхъ владѣніяхъ. Съ этихъ поръ они и не стараются возобновлять попытки борьбы; каждый изъ непріятелей сопротивляется въ одиночку какъ умѣетъ и сколь возможно долѣе, рассчитывая при этомъ только на случайности счастливаго оборота войны, но не помышляя вовсе о возобновленіи единственно разумной политики совмѣстной обороны. Бедуинъ рассчитываетъ на дальность и малую доступность своихъ пастбищъ, іудей—на крѣпость башенъ, мекканцы пробуютъ еще защищать свою святую область, но никто изъ нихъ не осмѣливается болѣе предпринять наступательную борьбу. Поэтому Мухаммедъ можетъ преспокойно вести атаку, поочередно, то на одного, то на другого, пока всѣхъ по порядку не поглотитъ. Мастерски глубоко рассчитанными политическими маневрами обдѣлываетъ онъ все это; пророка не волнуютъ ни страсти, ни предубѣжденія. Съ невозмутимо холоднымъ спокойствіемъ взвѣшиваетъ онъ средства: подавляетъ опасное движеніе со всей подобающей строгостью, умѣетъ при случаѣ перекинуть и золотой мостъ для уступчиваго противника, лишь съ виду сопротивляющагося. Искусство его располагать въ свою пользу непріятельскими силами, дробя ихъ безмѣрно, равно какъ и стремленіе разыграть еще при этомъ роль великодушнаго, напоминаютъ коварно хитроумную политику римлянъ.

Въ теченіе всего шестого года (627) пророкъ занялъ расширеніемъ области своего вліянія по всевозможнымъ направленіямъ, начиная съ безусловно подчиненной отнынѣ его власти Медины. Онъ старается снова внушить къ себѣ уваженіе въ средѣ бедуиновъ центральной Аравіи. Стараясь прикрыть такимъ образомъ тылъ свой на востокъ и сѣверо-востокъ, Мухаммедъ могъ, никѣмъ не тревожимый, посвятить свои досуги и любезнымъ землякамъ юга, а на сѣверѣ—городамъ іудейскимъ. Онъ начинаетъ задирать ихъ всякими способами и полжидаетъ только время, когда можно будетъ окончательно ихъ поглотить. И вотъ дѣйствіе открывается цѣлымъ рядомъ набѣговъ на различные отдѣлы племенъ Гатафанъ, Асадъ и Хавазинъ. Въ сущности они не приводятъ къ значительнымъ результатамъ, но служатъ прямо къ устрашенію непокойныхъ сосѣдей. Попутно захваченъ мекканскій караванъ, сдѣлано нападеніе и пощипаны немного Бену Са'дъ въ Фадакъ, подозрѣваемые въ сношеніяхъ съ іудеями Хейбара; глава послѣднихъ Усейръ смѣщенъ и измѣннически умерщвленъ вѣчно готовымъ къ услугамъ пророка подосланнымъ лицомъ. Было бы очень интересно имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ другихъ предпріятіяхъ пророка того времени; какъ кажется, тогда уже Мухаммедъ начиналъ распускать сѣти далеко за предѣлы Аравіи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ отрѣзалъ торговую дорогу на сѣверъ мекканцамъ, его медянцы стали высылать сами караваны въ Сирію. Въ этомъ же году наказаны были Фезариты, отдѣлъ племени Гатафанъ, за то, что они осмѣлились ограбить караванъ медянцевъ не вдалекѣ къ сѣверу отъ города. А незадолго передъ тѣмъ, такъ сообщаетъ преданіе, былъ направленъ набѣгъ также къ сѣверу. Потребовалось отомстить за ограбленіе посланника, котораго отправилъ Мухаммедъ въ Сирію къ византійскому императору Ираклію, занятому въ то время приготовленіями къ серьезному походу противъ персовъ. О цѣли посольства, которое, вѣроятно же всего, было направлено не къ самому императору, а скорѣе къ префекту Палестины, ничего достовѣрнаго не извѣстно; также не имѣется свѣдѣній о вѣроятной связи между этимъ посольствомъ и походомъ, предпринятымъ два мѣсяца спустя въ Думатъ Аль-Джандаль. Христіанское народонаселеніе этого оазиса было, какъ кажется, издавна въ тѣсной связи съ христіанскими элементами владѣній Хіры; съ этимъ предположеніемъ согласуется и то, что глава ихъ, хотя чисто арабскаго происхожденія, изъ племени Келбъ, носилъ королевскій титулъ. Безъ сопротивленія подчинился онъ посланному военачальнику мусульманъ и обязался выплачивать дань; на самомъ же дѣлѣ эта маленькая страна, какъ увидимъ далѣе, подчинилась гораздо позже.

Межъ тѣмъ приближался конецъ шестого года (весна 628), а вмѣстѣ съ нимъ наступленіе мекканскихъ паломническихъ празднествъ.

Какъ и всегда, происходили они въ среднемъ изъ одинъ за другимъ слѣдующихъ священныхъ мѣсяцевъ Зуль-ка'да, Зуль-хиджа и Мухарремъ *). Но уже въ Зуль-ка'дѣ, когда открывалась ярмарка въ Маджаннѣ, многіе арабы имѣли обыкновеніе посѣщать Мекку, чтобы успѣть совершить такъ называемое «посѣщеніе», т. е. малое паломничество, ограничивающееся обходомъ святынь Мекки; межъ тѣмъ какъ въ большое паломничество, собственно Хаджжъ, включались кромѣ того процессіи на Арафатъ и въ Мину. Передъ самымъ началомъ этого самаго мѣсяца объявилъ Мухаммедъ своимъ правовѣрнымъ, что имъ совершено паломничество во снѣ, и ему вручены ключи отъ Ка'бы. Слѣдовало приготовляться немедленно къ паломничеству, но не брать съ собою другого оружія кромѣ меча, такъ какъ это будетъ мирное предпріятіе.

Почти невѣроятно, чтобы пророкъ, опираясь лишь на сновидѣніе, могъ рѣшиться выполнить такое важное, по послѣдствіямъ, рѣшеніе, едва ли былъ онъ въ то время до такой степени наивнымъ человѣкомъ. У него, вѣроятно, были особыя причины предполагать, что курейшиты должны были поневолѣ безпрепятственно допустить его, какъ и всякаго другого, посѣтить въ эти священные мѣсяцы Мекку и Ка'бу. Но какого рода были эти соображенія, объ этомъ нѣтъ никакого указанія въ дошедшихъ до насъ преданіяхъ. Между тѣмъ, со времени измѣненія киблы, Ка'ба дѣлалась какъ бы средоточіемъ общины правовѣрныхъ. Овладѣть Ка'бой стало конечной цѣлью стремленій пророка, а въ интересахъ мекканцевъ было держать его вдали отъ священнаго города. Все это долженъ былъ знать Мухаммедъ. Съ другой стороны, трудно предположить, чтобы самъ онъ уже тогда захотѣлъ вдохнуть своимъ единовѣрцамъ неограниченное уваженіе къ древнимъ обычаямъ, которые такъ жестоко преслѣдовалъ гдѣ только могъ. Мы видимъ при этомъ, что теперь лишь немногіе изъ выдающихся людей Мекки ревностно относились къ продолженію сопротивленія, и то тѣ только, которые имѣли особыя причины къ личной враждѣ къ пророку, такъ напр. Икрима, сынъ убитаго при Бедрѣ Абу Джахля. Дальше мы видимъ также, что главную роль во вскорѣ наступившихъ переговорахъ стали играть не члены семьи Махзумъ или же Омейи, а Бену Ма'йсъ, доселѣ мало извѣстный отдѣлъ племени курейшитовъ. Абу Суфьянъ, душа всякаго направленнаго противъ Мухаммеда предпріятія, вдругъ какъ бы ступшевывается, сходить со

*) Первые два изъ нихъ составляютъ конецъ года, третій—начало слѣдующаго года. Четвертый священный мѣсяць Раджабъ—седьмой по порядку. Всѣ же мѣсяцы чередовались такъ: Мухарремъ, Сафаръ, Рабі І, Рабі ІІ, Джумада І, Джумада ІІ, Раджабъ, Ша'банъ, Рамаданъ, Шавваль, Зуль-Ка'да, Зуль-Хиджа.

сены. Мы слышимъ, наконецъ, что вскорѣ одинъ изъ первыхъ среди махзумитовъ, Халидъ Ибнъ аль-Валидъ, принимаетъ открыто исламъ. Если принять все это во вниманіе, невольно является догадка, что мудрѣйшіе между мекканцами прозрѣли, со времени войны изъ-за окоповъ, бесполезность сопротивленія. Съ предупредительною готовностью выслушали они, должно быть, предложенія Мухаммеда, которыя могъ онъ сдѣлать черезъ посредство дяди своего Аббаса или кого-нибудь другого. Вѣроятно пришло одному изъ нихъ въ голову, что можно исподволь пріучить мекканцевъ къ лицезрѣнію ненавистнаго-человѣка, и вотъ воспользовались паломничествомъ въ мѣсяцы всеобщаго мира. Но въ моментъ исполненія, когда въ толпѣ вспыхнуло грозное негодованіе и рѣзко выступила наружу непримиримая ненависть личныхъ враговъ пророка, благоразумные люди спохватились и не рѣшились на этотъ разъ продолжать толковать о снисходительности. Все это, впрочемъ, довольно гадательно, поэтому попытка освѣтить факты, о которыхъ предстоитъ намъ рассказывать, можетъ быть и излишня.

По зову пророка около 1500 мединцевъ и асламитовъ двинулись въ путь къ Меккѣ перваго Зу'л-ка'ды. Священный мѣсяць уже наступилъ. Безпрепятственно достигли правобѣрные Усфана, въ 10 миляхъ къ сѣверо-западу отъ Мекки. Но здѣсь пророкъ получилъ неблагоприятное извѣстіе: услышавъ о его приближеніи, курейшиты и живущіе вблизи ихъ союзники наскоро вооружились и потянулись лагеремъ изъ города къ сѣверу, а конницу выслали по дорогѣ къ Усфану. Чтобы полойти насколько возможно ближе къ городу, Мухаммедъ повернулъ вправо, обогнулъ конные разѣзды мединцевъ и достигъ Худейби, на самой границѣ священнаго округа, недалеко отъ стоянки мекканцевъ; здѣсь пророкъ скромно расположился. Племя Хузайа, старинные союзники и неизмѣнные его шпионы—часть ихъ перешла уже въ исламъ—сообщали Мухаммеду точно обо всемъ, что происходило въ городѣ. При помощи ихъ завязалъ онъ дипломатическія сношенія, съ цѣлью добиться мирнаго вступленія въ Мекку. Вначалѣ поступалъ онъ энергично, угрожая въ крайнемъ случаѣ пробиться силой и проложить себѣ путь къ Ка'бѣ; впрочемъ выражалъ также при этомъ готовность заключить перемиріе съ курейшитами на долгій срокъ, обѣщалъ на будущее время безпрепятственный пропускъ ихъ каравановъ вездѣ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему предоставлено было раздѣлаться съ остальными арабами какъ онъ пожелаетъ. Посланцы непрерывно сновали между обоими лагерями, но обѣ стороны ни до чего не могли договориться. Наконецъ Мухаммедъ послалъ своего зятя Османа и въ то же время дозволилъ нѣкоторымъ другимъ посѣтить своихъ родныхъ въ Меккѣ. Въ

лагерѣ мекканцевъ никто не выказалъ особеннаго сочувствія къ Осма́ну, и онъ нашель цѣлесообразнѣе уѣхать въ городъ, чтобы тамъ начать предварительные переговоры, прежде всего, надо полагать, со своими родственниками изъ дома Омеи. Прошло три дня; ни онъ, ни другіе не возвращались, а между тѣмъ распространился слухъ, что курейшиты убили зятя пророка; положеніе дѣлъ становилось серьезнымъ. Никомъ образомъ Мухаммедъ не могъ допустить безнаказанно убійства уполномоченнаго имъ лица, тѣмъ болѣе, что это былъ его зять. Тотчасъ же стали правовѣрные хватать кого попало изъ мекканцевъ, задерживая ихъ въ видѣ заложниковъ; въ свою очередь и вблизи стоявшіе курейшиты стали задрать мединцевъ; казалось, надвигался моментъ всеобщей рѣзни.

У правовѣрныхъ не было вовсе оборонительнаго оружія, одни только мечи; пророкъ возвѣстилъ, что предстоитъ вполнѣ мирный походъ. Положимъ, бѣглецы, равно какъ и ансары изъ прежнихъ, были люди неустрашимые и преданные, но являлось невольное сомнѣніе—будутъ ли держаться также стойко, въ виду непредвидѣнно критическаго положенія дѣлъ, тѣ многіе, которые перешли въ исламъ недавно. Въ этотъ рѣшительный моментъ, Мухаммедъ собралъ все свое войско вокругъ громаднаго дерева, вышелъ къ воинамъ и потребовалъ отъ cadaго изъ нихъ клятвы рукоприкладствомъ, въ знакъ того, что они его не покинутъ. Слава, какой впоследствии пользовались принявшіе участіе въ этой «клятвѣ благоволенія» *) указываетъ слишкомъ ясно, насколько сознавалась вся опасность; ставилось на карту все. Но и курейшитами тоже очень не хотѣлось вступать въ бой, исходъ котораго, въ виду отчаянной храбрости мусульманъ, нельзя было заранѣе предвидѣть. Они послали Сухейля Ибнъ Амра, изъ дома Ма'исъ, съ двумя сотоварищами. Предложено было Мухаммеду заключить слѣдующее условіе: онъ обязанъ со своими немедленно же вернуться обратно, за то въ слѣдующемъ году ему дозволенъ будетъ доступъ въ Ка'бу, въ теченіе трехъ дней. Когда мусульмане узнали объ условіяхъ, нѣкоторые изъ ревностнѣйшихъ, а во главѣ ихъ Омáръ, пришли въ ярость, собирались даже отказаться повиноваться. Пророку потребовалось употребить всю силу своего авторитета, чтобы довести дѣло до конца и удержать своихъ отъ прискорбныхъ насилій, можетъ быть оскорбленій посланныхъ для переговоровъ. Особенно возмущало правовѣрныхъ, когда дѣло дошло до редактированія договора, что курейшиты отказались наотрѣвъ поставить въ началѣ его обыкновенную мусульманскую формулу: «во имя Аллаха, Всемилостиваго и Всемилосердаго», а также не соглашались на обозначеніе Мухаммеда въ качествѣ

*) Благоволенія, оказаннаго при этомъ Богомъ.

«посланника Божьяго». Когда же пророкъ спокойно кивнулъ исполняющему при этомъ роль писца Алію, въ знакъ согласія на желанія язычниковъ, ревностные поборники вѣры окончательно смутились. Вообще, замѣчательный этотъ историческій документъ, въ томъ видѣ, въ какомъ составленъ, дѣйствительно былъ въ состояніи тяжело встревожить хоть кого, даже самаго невозмутимаго правовѣрнаго. Гласилъ онъ слѣдующее:

«Во имя твое, о Аллахъ! Вотъ условія, на которыхъ заключенъ миръ между Мухаммедомъ, сыномъ Абдуллы, и Сухейлемъ, сыномъ Амра. Оба они пришли въ соглашеніе, что война прекращается между договаривающимися сторонами на 10 лѣтъ. Въ теченіе этого срока обѣ стороны пользуются полною безопасностью, та и другая обязуются не нарушать мира. При томъ, если одинъ изъ курейшитовъ, безъ вѣдома тѣхъ, кои имѣютъ надъ нимъ законное право, перейдетъ на сторону Мухаммеда, то сей послѣдній обязуется выдать его; если же кто-либо изъ окружающихъ Мухаммеда перейдетъ къ курейшитами, они не обязаны выдавать его обратно ему. Затѣмъ да пребудетъ межъ нами нелицемѣрная прямота, и да не будетъ мѣста никакой тайной неприязненности, либо хитрости. Далѣе, если кто-либо (изъ остальныхъ племенъ) восхочетъ заключить договоръ или союзъ съ Мухаммедомъ, то это допускается; а если пожелаетъ учинить таковой же съ курейшитами, то и это возможно. Кромѣ того обязанъ ты *), въ этомъ году, очистить нашу область и не возвращаться къ намъ въ Мекку. А затѣмъ, по истеченіи годичнаго срока, очистимъ мы (городъ) передъ твоимъ прибытіемъ, тогда можешь ты, и сопровождающіе тебя, вступить туда и пробыть въ немъ три дня, вооруженные тѣмъ, что потребно на пути, а именно: мечами въ ножнахъ; никакого иного (оружія) не имѣешь ты и твои права надѣвать».

Подписавъ документъ, мекканцы удалились, а Мухаммедъ тотчасъ же повелѣлъ умертвить взятыхъ съ собою жертвенныхъ животныхъ и произвести обычное, къ концу паломническихъ церемоній, обрѣзаніе волосъ на головѣ. Пророкъ хотѣлъ засвидѣтельствовать, что несмотря на запрещеніе посѣщенія священной мѣстности въ этомъ году, паломничество все-таки слѣдуетъ считать совершившимся во всемъ его религіозномъ объемѣ. Однако тѣ именно, которые привыкли непоколебимо вѣрить въ каждое слово посланника Божія, возмутились въ душѣ и не сочли возможнымъ повиноваться въ данную минуту подобному приказанію. Въ ихъ глазахъ казалось это какимъ-то мгновеннымъ припадкомъ слабости, вовсе не божественной. Возможно ли, думали они, что пророкъ, такъ опредѣленно самъ возвѣщавшій

*) Такъ гласить преданіе; поэтому, надо полагать, мекканцы сами диктовали договоръ Алію.

вступленіе въ Мекку, отдѣляется теперь пустой уверткой, объявляетъ, что возвѣщенный имъ успѣхъ откладывается и, по какимъ-то непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, желаетъ вернуться; вмѣсто непрестанно проповѣдуемой прежде неослабной войны противъ невѣрующихъ, заключаетъ вдругъ перемиріе, и при какихъ еще условіяхъ—унизительнѣе ихъ нельзя и придумать. Поэтому они исполнили приказъ лишь послѣ неоднократно повторяемыхъ напоминаній, и то тогда только, когда онъ самъ подалъ примѣръ. Исполняли неохотно, небрежно, отчасти не выполнѣ, и угрюмо двинулись въ обратный путь.

Вскорѣ, однако, всѣ спохватились и уразумѣли всю справедливость сказаннаго Абу Бекромъ, въ видѣ предостереженія, неукротимѣйшему изъ нихъ, Омару. «Держись поближе, у самаго его стремени помни—онъ посланникъ Божій!» Договоръ дѣйствительно былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ очутился Мухаммедъ противъ всякаго ожиданія. За то же пророкъ и сѣумѣлъ на немъ выказать все свое величіе. Благодаря несравненно высокому самообладанію, онъ превратилъ весь договоръ въ ловкій дипломатическій фокусъ. Курейшиты вообразили было, что львиная доля выгодъ на ихъ сторонѣ, межъ тѣмъ, въ концѣ концовъ, должны были удовольствоваться однимъ слабымъ утѣшеніемъ послѣсивиться, и то на короткій очень срокъ. Мухаммедъ, по видимому обдѣленный и униженный, становится вскорѣ неоспоримымъ господиномъ положенія. Неопѣнимой выгодой для него оказалось уже то, что мекканцы согласились договариваться съ нимъ на равной ногѣ. Заключеніемъ союза они какъ бы признавали его равноправность съ собой, снимали официально пятно съ него, нѣкогда бѣжавшаго изъ отечества безвѣстнаго проходимца. Отнынѣ каждый получалъ право признавать себя открыто его приверженцемъ, либо союзникомъ, не нарушая при этомъ древне-арабскихъ нонятій, составлявшихъ кодексъ чести всякаго племени. Тотчасъ же ближайшіе сосѣди Мекки, Хузъ'иты, бывшіе до сихъ поръ лишь тайными союзниками пророка, стали открыто на его сторону. Между тѣмъ живущіе рядомъ съ ними бекриты (изъ племени Кинанитскихъ, кочевавшихъ между Меккой и берегомъ) примкнули къ курейшитамъ. Мухаммедъ только этого и ждалъ. Между обоими этими безпокойными и издавна непріязненными племенами нерѣдко происходили столкновенія; *casus belli*, когда угодно, могъ явиться по его желанію. Даже такой, повидимому невыгодный параграфъ, по которому онъ былъ обязанъ выдавать немедленно тѣхъ, которые бѣжали къ нему въ Медину безъ согласія своихъ законныхъ владѣтелей, вскорѣ послужилъ ему же на пользу. Нѣкто Абу Басиръ, изъ племени Сакифъ, проживавшій въ Меккѣ въ качествѣ кліента дома Зухра, былъ посаженъ подъ замокъ своими господами за выраженную имъ склонность къ исламу; онъ успѣлъ бѣжать и счастливо добрался до Медины. Зухриты послали за нимъ

двухъ своихъ людей съ письмомъ къ Мухаммеду; пророкъ долженъ былъ его выдать. Но по дорогѣ Абу Басиръ воспользовался счастливымъ моментомъ, убилъ одного изъ провожавшихъ и бѣжалъ къ морскому берегу. Вскорѣ собралась тамъ цѣлая толпа бѣжавшихъ изъ Мекки по тому же самому поводу; ихъ скопилось около 70. Стали они нападать на караваны курейшитовъ и столько натворили бѣдъ, что мекканцы должны были сами усердно молить Мухаммеда, не согласится ли онъ отмѣнить роковой для нихъ параграфъ. Отнынѣ каждому дозволялось покинуть городъ и переселиться въ Медину. Была доказано еще разъ, и блистательнѣйшимъ образомъ, неспособность мекканцевъ препятствовать распространенію ислама. Богатая добыча, которою пользовались мусульмане въ каждомъ походѣ Мухаммеда, дѣйствовала на многихъ какъ неотразимая приманка; болѣе прозорливые уже предвидѣли наступленіе скорого торжества пророка надъ всѣми его непріятелями. Такимъ образомъ не прошло и 22-хъ мѣсяцевъ послѣ Худейбіи, какъ число его приверженцевъ болѣе чѣмъ удвоилось. Между спѣшившими со всѣхъ сторонъ стать подъ знамена правовѣрныхъ находились: выдающійся полководецъ, Халидъ Ибнъ аль-Валидъ, изъ дома Махзумъ, побѣдитель при Оходѣ, и Амръ Ибнъ аль-Асъ, ставшій впослѣдствіи однимъ изъ дальновиднѣйшихъ политиковъ арабскихъ.

Неожиданные результаты договора должны были въ высшей степени посрамить тѣхъ, кто, слѣпо негодуя, опрометчиво возмущался на дѣйствія пророка, и вдохнуть въ его фанатичныхъ приверженцевъ непоколебимое довѣріе къ мудрости посланника Божьяго. Но успокоеніе умовъ не произошло сразу; необходимо было предоставить правовѣрнымъ хотя нѣкоторое вознагражденіе взаменъ повидимому постигшей ихъ неудачи. Само собой, для этой цѣли болѣе всего подходило продолжать преслѣдованіе іудеевъ. Въ Мединѣ не оставалось болѣе ни души изъ этого несчастнаго народа, но въ сѣверномъ Хиджазѣ израильтяне жили еще во множествѣ и благоденствовали; средоточіемъ ихъ былъ Хейбаръ, состоявшій изъ трехъ кварталовъ хорошо укрѣпленныхъ; ему подчинены были также значительныя мѣста Вадил-Кура и Фадакъ. Начало было уже сдѣлано Мухаммедомъ, какъ мы видѣли выше; главы ихъ Абу Рафи' и Усейръ были по его приказанію умерщвлены, а племена Бену Садъ при Фадакѣ данъ былъ хорошій урокъ. Теперь пророкъ рѣшилъ покорить Хейбаръ окончательно. Вскорѣ послѣ отступленія отъ Худейбіи онъ двинулся съ 1400 человекъ при 200 лошадей, въ мѣсяцѣ Мохарремѣ, въ седьмомъ году (въ апрѣлѣ или маѣ 628). Іудеи конечно не сомнѣвались, что теперь дошла очередь до нихъ, но понадѣялись на крѣпость башенъ, построенныхъ отчасти на высокихъ скалахъ, а также на помощь 4000 гатафановъ, которыхъ только что успѣли позвать на помощь; но Мухаммеду удалось

захватить ихъ врасплохъ. Онъ появился рано утромъ, совершивъ быстрый ночной переходъ. Если іудеи и рассчитывали раньше попытаться сразиться въ открытомъ полѣ, объ этомъ теперь невозможно было и думать: имъ пришлось запереться въ крѣпость. Для гатафановъ это было крайне неприятнымъ обстоятельствомъ. Какъ истые бедуины, они нуждались въ свободѣ дѣйствій, широкомъ пространствѣ, чтобы, въ случаѣ пораженія, быстро ускакать въ свои родныя степи. Къ тому же, какъ кажется, Мухаммедъ успѣлъ надавать имъ всевозможныхъ обѣщаній, и они покинули іудеевъ на произволъ судьбы прежде, чѣмъ началась серьезная осада. У мусульманъ не было подъ рукой военныхъ машинъ, которыми они могли бы пробить брешь въ крѣпкихъ стѣнахъ и башняхъ; предстояла, повидимому, утомительное и скучное дѣло: обложеніе и мореніе голодомъ осажденныхъ. Съ видимой неохотой отдалъ приказъ Мухаммедъ срубать пальмовыя плантаціи вокругъ города. Вскорѣ, однако, склоняясь на разумные совѣты Абу Бекра, онъ повелѣлъ остановить начатое уже дѣло. Тогда одинъ измѣнникъ изъ горожанъ указалъ пророку на слабое мѣстечко одного укрѣпленнаго квартала, передъ которымъ раскинутъ былъ лагерь мусульманъ. Хотя іудеи успѣли быстро, въ виду уже проникшаго въ укрѣпленіе непріятеля, перейти въ близъ лежащій фортъ, но осаждающимъ удалось разыскать въ занятомъ кварталѣ военныя машины. Какъ ни были онѣ плохи, убѣжденіе іудеевъ въ неприступности ихъ укрѣпленнаго города естественно значительно ослабло; пробовали они неоднократно дѣлать вылазки, но всѣ онѣ были успѣшно отражаемы; одна башня за другой переходила постепенно въ руки мусульманъ. Въ послѣдней, самой крѣпкой, продержались осажденные еще 14 дней, лишь обороняясь. Наконецъ, когда они увидѣли, что Мухаммедъ собирается попробовать пустить въ ходъ дотолѣ неизвѣстныя военныя машины, они объявили, что готовы сдаться. Имъ дозволено было удалиться съ женами и дѣтьми подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ кромѣ носильнаго платья ничего съ собой не забирали; скрывшій же что-либо будетъ казненъ. Несмотря на это, глава іудеевъ Кинана, сынъ Абу Рафи', ухитрился припрятать старинныя семейныя сокровища. О немъ немедленно донесли Мухаммеду, и пророкъ повелѣлъ, дабы вырвать дальнѣйшія признанія, подвергнуть его съ братомъ пыткѣ, а затѣмъ казнить. Жестокая расправа нисколько однако не помѣшала побѣдителю, вскорѣ затѣмъ, жениться на красивой вдовѣ казненнаго іудея. Добыча оказалась необычайно богатой; по обычаю, подѣлили ее между всѣми участвовавшими въ походѣ. Что же касается самой страны, то, такъ какъ было неудобно ослаблять силы ислама черезъ переселеніе правовѣрныхъ сюда, такъ далеко отъ Медины, она была снова отдана іудеямъ для дальнѣйшей обработки на неопредѣленный срокъ, «какъ долго будетъ угодно

это Богу», съ тѣмъ условіемъ, чтобы данники отдавали половину доходовъ въ казну ислама.

За свою побѣду надъ Хейбаромъ пророкъ чуть не заплатился слишкомъ дорого. Одна еврейка, по имени Зе й н а б ъ, потеряла всѣхъ родныхъ во время осады и вздумала отомстить за ихъ смерть. Разъ вечеромъ преподнесла она пророку, въ видѣ подарка, убитую овцу, натертую сильнымъ ядомъ. Мухаммедъ принялъ приношеніе и приказалъ изжарить животное для себя и нѣкоторыхъ изъ гостей своихъ. При первомъ же кускѣ ядъ обнаружился отвратительнымъ вкусомъ. Пророкъ тотчасъ же выплюнулъ и спасся, а одинъ изъ собесѣдниковъ, который успѣлъ проглотить нѣсколько кусковъ, умеръ. Самому пророку казалось всегда, до конца жизни, что онъ ощущаетъ присутствіе въ организмѣ этого яда; онъ даже приписалъ ему, хотя конечно неосновательно, и послѣднюю свою болѣзнь!

Послѣ взятія ихъ главнаго укрѣпленнаго города, остальные іудеи на сѣверо-западѣ Аравіи вяло продолжали защищаться. Вскорѣ сдались Вади'ль-Кура и Фадакъ, вѣроятно въ то же самое время и болѣе отдаленная Тейма. Одну изъ своихъ цѣлей Мухаммедъ достигъ вполне: ни одинъ іудей въ Аравіи не смѣлъ болѣе поднять на него руку; лишь въ самомъ интимномъ кружкѣ единовѣрцевъ онъ могъ позволить себѣ оспаривать притязанія его на санъ пророка. Ближайшіе мѣсяцы прошли въ незначительныхъ стычкахъ съ бедуинами, преимущественно изъ племенъ Хавазинъ и Гатафанъ. Наступила, наконецъ, Зу'ль-ка'да 7 (приблизительно февраль 629) года, а съ ней пора «посѣщенія», которое на этотъ разъ должно было привести къ безпрепятственному и торжественному вѣзду пророка и паломничеству ко святымъ мѣстамъ Мекки. Событіе произошло безъ особыхъ приключеній: когда войско мусульманское,—къ людямъ Худейбиі примкнули значительныя толпы новыхъ пилигримовъ, около 2000 человекъ,—достигло границъ священнаго округа, воины *) Мекки вышли изъ города и потянулись къ окружающимъ высотамъ. Можно себѣ представить чувство самодовольства, съ которымъ Мухаммедъ, нынѣ неограниченный властелинъ бѣльшей части Аравіи, вступалъ, во главѣ своихъ непобѣдимыхъ правовѣрныхъ, въ городъ, изъ котораго 7 лѣтъ тому назадъ долженъ былъ тайкомъ бѣжать беззащитнымъ изгнанникомъ. Никто въ настоящее время не рѣшался преграждать путь пророку и его окружающимъ къ «священному дому»; со спокойною самоувѣренностью исполняли правовѣрные стародавніе, почитаемые повсемѣстно обряды, а съ оставшимися мекканцами тотчасъ же завязывались дружественныя отно-

*) Такъ слѣдуетъ понимать, когда говорится, что «курейшиты» покинули Мекку. Мы тотчасъ же дальше читаемъ, что Мухаммедъ вступилъ въ сношенія съ оставшимися горожанами.

шенія; почти съ нѣжностью привѣтствовалъ пророкъ своего многоопытнаго дядю Аббаса. Старая лиса, въ предвидѣніи позднѣйшихъ событій, умѣлъ устроить тепленькое мѣстечко для себя и своихъ въ ближайшей средѣ окружавшихъ столь успѣшно подвизавшагося племянника: при посредничествѣ дяди Мухаммедъ женится на Меймунѣ, овдовѣвшей невѣсткѣ, проживавшей до сей поры у Аббаса въ дому. Пророкъ охотно присоединяетъ ее къ своему гарему, тѣмъ болѣе что это давало ему возможность раскинуть новыя сѣти надъ Меккой.

Три дня, назначенные по условію, минули; явился Сухейль, въ качествѣ неизмѣннаго оратора курейшитовъ, и потребовалъ очищенія города. Мухаммедъ сталъ было упираться; онъ предложилъ посланнику стпраздновать заодно свою свадьбу съ Меймуной. Но Сухейль не поддавался—въ отвѣтъ на любезное приглашеніе, онъ продолжалъ требовать буквального исполненія договора. Дѣлать нечего, на четвертый день должны были выступить изъ города мусульмане. «Полное посѣщеніе» *) хотя и исполнилось, но грезы пророка осуществились лишь на половину. Зато какъ ревностно воспользовался онъ этими тремя днями, чтобы подготовить довершеніе остальной половины; наилучшимъ подтвержденіемъ могутъ служить начавшіяся съ этихъ поръ все чаще и чаще поѣздки самыхъ разнообразныхъ лицъ, отчасти изъ высокопочитаемыхъ семей Мекки въ Медину: въ это самое время осѣлило также Халида и Амра божественнымъ свѣтомъ, и многихъ другихъ вмѣстѣ съ ними.

«Людымъ желательно подгонять событія, но Господу угодно, дабы они созрѣли», имѣлъ обыкновеніе говорить невозмутимый Абу Бекръ нѣсколько позже, когда заходила рѣчь о Худейбіѣ. Таково же было мнѣніе и величайшаго политика, который все яснѣе выступаетъ въ лицѣ Мухаммеда. Между тѣмъ, не только изъ старой его родины, но и отъ различныхъ племенъ полуострова непрерывно притекали новые приверженцы въ главную квартиру пророка и мало-по-малу приучались, ради добраго дѣла, къ долгимъ стояніямъ на молитвѣ, уплатѣ налоговъ и тому подобнымъ тяготамъ необычной набожности, приходившимся весьма не понутру для истаго араба. Спокойно выжидалъ онъ, когда наконецъ наступитъ моментъ и Мекка, какъ зрѣлый плодъ, скатится ему на лоно. Но и въ это промежуточное время онъ не могъ оставаться празднымъ, это было противъ природы ислама; вѣдь и внѣ Хиджаза міръ преисполненъ невѣрными. Ранѣе мы упоминали, что Мухаммедъ въ шестомъ году (627) отправилъ къ императору Ираклію посланника. Передъ самымъ походомъ на Хейбаръ (весною 628 г.), такъ повѣствуетъ далѣе преданіе, приказалъ пророкъ

*) Omrat el-kadâ, буквально—„посѣщеніе исполненія“.

приготовить письма къ императору Ираклю, къ византійскому префекту Египта, Гассаниду Хáрису VII и Хосрою Парвэзу, шаху персидскому. Мухаммедъ взывалъ къ нимъ, убѣждалъ оставить ложныхъ боговъ и подчиниться посланнику Аллаха. Можно себѣ представить, какое комическое впечатлѣніе могло произвести на Ираклія подобное требованіе какого-то неизвѣстнаго арабскаго начальника — если только письмо дошло по назначенію. Императоръ въ это самое время (въ апрѣлѣ 628 года) только что покончилъ рѣшительною побѣдой сотни лѣтъ тянувшуюся войну между персами и византійцами, и греческая имперія вернула назадъ всѣ когда-либо захваченныя Персіей провинціи. Могушественный властелинъ и не воображалъ конечно, что не пройдетъ и восьми лѣтъ, какъ орды этого сомнительнаго авантюриста отторгнуть отъ него навсегда половину его малоазійскихъ провинцій, и что онъ долженъ будетъ, беспомощнымъ бѣглецомъ, укрыться за стѣнами Константинополя. Назначенное персу письмо такъ и не дошло до него. Когда оно писалось, едва ли тотъ былъ въ живыхъ. Но еще ранѣе слышалъ шахъ о различнаго рода движеніяхъ, происходящихъ внутри Аравіи, и потребовалъ отъ Вадхана, своего намѣстника въ Іеменѣ, сообщить ему подробности. Довѣренное лицо, посланное намѣстникомъ въ Медину, какъ онъ донесъ впоследствии, приняло исламъ. Очень ясно, что это событіе до покоренія Мекки не могло случиться. Всѣ эти обстоятельства вообще въ высшей степени неразъяснены и спутаны. Одно только несомнѣнно, что изъ Египта, между прочими подарками, посланы были Мухаммеду двѣ красивыя рабыни. Имена ихъ—Маріать *) и Ширинъ,—указываютъ на ихъ происхожденіе изъ Месопотаміи, но онѣ легко могли быть перепроданы оттуда въ Египеть. Первую изъ нихъ принялъ Мухаммедъ къ себѣ въ гаремъ, хотя не какъ законную супругу. На Востокѣ, со временъ Сары и Агари, не рѣдкость подобные случаи, когда рабыня выступаетъ рядомъ съ законными женами. Подобныя же отношенія встрѣчаются довольно часто и у арабовъ. Мухаммедъ санкціонировалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: каждый правовѣрный,—за исключеніемъ пророка, не связаннаго никакимъ опредѣленнымъ числомъ — не можетъ имѣть болѣе четырехъ женъ, но зато рабынь — неограниченное количество. Положеніе матери не имѣло никакого вліянія на законность дѣтей. Одно признаніе со стороны отца давало равноправіе сыну рабыни. Поэтому радость Мухаммеда была неописуема, когда, по прошествіи года, Маріать подарила ему сына. Со смерти Хадиджи, у него не было болѣе дѣтей. Назвалъ онъ его Ибрахімомъ (Авраамъ), именемъ патріарха, чью чистую вѣру онъ, какъ по крайней мѣрѣ полагалъ,

*) Это не Марія, а одна изъ второстепенныхъ формъ имени Марта.

былъ призванъ возстановить на землѣ. Но за годъ до собственной смерти пророкъ долженъ былъ увидѣть своего сына умирающимъ.

Кромѣ этого поздняго домашняго счастья, его посланія къ иноземнымъ государямъ немного хорошаго принесли. До насъ ничего не дошло о дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ византійцами и гассанидами. Но мы узнаемъ, что въ Рабі' I 8 (приблизительно въ іюлѣ 629 года) на сирійской границѣ кучка изъ 15-ти человѣкъ—вѣроятно высланная на развѣдки—атакована была непріятельскими войсками, надо полагать, пикетомъ гассанидской стражи, и всѣ до единого были истреблены. Въ то же время, въ греческихъ владѣніяхъ, былъ пойманъ и обезглавленъ *) посоль, везшій письмо коменданту Бостры, главной греческой крѣпости въ области восточнаго Іордана. Гассанидамъ, конечно, не нравилось, когда племена внутренней Аравіи старались вмѣшиваться въ отношенія пограничныхъ областей. Такъ или иначе, но фактъ остается неоспоримымъ, что въ теченіе того же года (Джумада I=сентябрь 629-го года) выступило къ сѣверу войско изъ 3000 человѣкъ подъ командой пріемнаго сына пророка, Зейда Ибнъ Харисы. Расстояніе отъ Медины до страны моавитянъ, на востокъ отъ Мертваго моря, по прямой линіи, составляетъ около 110 нѣмецкихъ миль. Очень вѣроятно, что Мухаммедъ, даже приблизительно, не имѣлъ никакого представленія о воинскихъ средствахъ, которыми именно въ это время могъ располагать Ираклій. Все же арабы должны были знать, что греки, незадолго передъ тѣмъ, нанесли персамъ чувствительное пораженіе. Поэтому трудно было рассчитывать на успѣхъ, отправляя экспедицію въ столь отдаленную область. Вотъ почему предписывалось, на случай несчастья, замѣнить Зейда Дж'а'фаромъ, сыномъ Абу Талиба (двоюроднымъ братомъ пророка), а за тѣмъ хазраджитомъ Ибнъ Равахой. Пограничныя войска гассанидовъ были на сторожѣ. Уже за нѣсколько миль къ сѣверу отъ Медины наткнулось арабское войско на отрядъ, высланный на развѣдки начальникомъ пограничныхъ силъ, Шурахбилемъ. Получивъ во-время свѣдѣніе о силѣ непріятельскаго войска, Шурахбилъ быстро отступилъ. Мусульмане достигли Муты, мѣстности вблизи южной оконечности Мертваго моря; сюда стянулись тѣмъ временемъ главныя силы византійцевъ. Правовѣрные сражались по обыкновенію храбро, однако имъ было не подъ силу бороться съ непріателемъ, превосходившимъ ихъ силы разъ въ десять. **). Одинъ за другимъ пали Зейдъ, Дж'а'фаръ и Ибнъ Раваха;

*) Очень возможно, что оба происшествія тождественны, а иные предполагаютъ, что гибель 15-ти человѣкъ составляетъ эпизодъ слѣдующей войны у Муты.

**.) Ничего положительнаго неизвѣстно о количествѣ непріятеля; арабы толкуютъ

тогда арабы обратились въ безпорядочное бѣгство. Съ большимъ трудомъ удалось Халиду, участвовавшему тоже въ походѣ, остановить и повести ихъ назадъ въ Медину въ должномъ порядкѣ. Тамъ встрѣтили «бѣглецовъ Муты» насмѣшками и попреками, но Мухаммедъ понималъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ немислимо было рассчитывать на благопріятный исходъ и воспретилъ поэтому дальнѣйшія нападки. За спасеніе войска дано было Халиду почетное прозвище «Божій мечъ». Чтобы поукоротить однако дальнѣйшую заносчивость племень, кочевавшихъ между Мединой и сирійскими границами, отправленъ былъ летучій отрядъ къ сѣверу подъ предводительствомъ Амра Ибнъ Аль-Аса, а нѣсколько спустя предпринимались новыя экспедиціи противъ гатафановъ и другихъ племень. Не много потребовалось усилій, чтобы побудить бедуиновъ центральной Аравіи признать власть пророка. Они ясно видѣли, что произошло съ ихъ прежними союзниками іудеями; отъ мекканцевъ ждать имъ было нечего; съ другой стороны они понимали, что перешедшимъ на сторону Мухаммеда предстояли неисчислимыя выгоды. Поэтому въ теченіе восьмого года (629) большинство отдѣловъ племени Гатафанъ и даже Сулеймъ, такъ еще недавно, во время одного хищническаго набѣга, истребившихъ отрядъ въ 50 человекъ мусульманъ, примкнули къ пророку. Въ это самое время, когда могущество Мухаммеда росло съ поразительной быстротой, курейшиты любезно предоставили ему, въ желательной формѣ, *casus belli*, въ которомъ онъ такъ нуждался, чтобы избавиться, наконецъ, отъ несноснаго договора Худейбійскаго.

Мы уже упоминали о розни, существовавшей между племенами Хузайа и Бекръ, жившими вокругъ Мекки. Оба они включены были въ мирный договоръ, первые въ качествѣ союзниковъ Мухаммеда, а вторые—мекканцевъ. Случилось такъ, что одинъ изъ хузайитовъ поколотилъ одного изъ бекритовъ за то, что тотъ сочинилъ эпиграмму на Мухаммеда. Бекриты, очень обозленные, напали однажды ночью въ Ша'банѣ 8 (декабрь 629 г.), въ большомъ числѣ на отрядъ Хузайитовъ и расправились съ нимъ по-свойски. Между нападающими, надо полагать, было нѣсколько курейшитовъ; во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что всѣмъ этимъ нападеніемъ руководила мекканская партія войны, предводимая Сухейлемъ. Она постепенно стала повидимому понимать, не хуже самого Абу Суфьяна, что силы Мухаммеда, хотя медленно, выростаютъ до необычайныхъ размѣровъ, потому и порѣшила, что наступила крайняя пора для послѣдней попытки спасти городъ. Ея предводители надѣялись смѣлымъ поступкомъ вовлечь въ войну своихъ со-

про 100.000 человекъ, но это конечно вздоръ. Византійская армія состояла пополамъ изъ арабскихъ пограничныхъ племень и императорскихъ войскъ.

гражданъ, дабы даровать Меккѣ или побѣду, или же возможность потерять независимость съ честью. Одного они не рассчитали—вѣками засѣвшее нерадѣніе въ единоплеменникахъ не могло быть устранено сразу. Въ массахъ народонаселенія не было никакого единодушія. При первомъ извѣстіи о расторженіи мира, сограждане и не подумали вооружаться, чтобы защищать свою свободу противъ ожидаемаго нападенія со стороны Мухаммеда. Наоборотъ, наступило всеобщее смущеніе; никто и слышать не хотѣлъ о Сухейлѣ и его головорѣзахъ, всѣ бросились къ Абу Суфьяну, умоляя его отправиться въ Медину и покончить дѣло какъ-нибудь миромъ. Старый аристократъ долго колебался, но наконецъ согласился. Одно только странно: отправился онъ въ Медину дня два спустя, между тѣмъ хузайты конечно давно уже тамъ побывали и все передали по-своему. Тщетно добивался Абу Суфьянъ, въ теченіе многихъ дней, услышать отъ Мухаммеда и окружающихъ его что-нибудь болѣе или менѣе успокоительное; всѣ наперерывъ старались застращать его, а вмѣстѣ съ нимъ и остальныхъ курейшитовъ, отовсюду приходилось слышать однѣ лишь угрозы *). Не успѣлъ онъ покинуть Медины, какъ находившіяся въ городѣ войска немедленно же поставлены были на военную ногу; вытребованы были также всѣ союзные бедуины, для слѣдованія за арміей. Скорехонько пристраивались къ мусульманамъ жадные хищники, частью еще въ городѣ, а частью на походѣ, какъ кому было удобнѣй; потянулось и племя Сулеймъ, а также нѣкоторые гатафаны. Прежде, въ «войнѣ изъ-за окоповъ», сражались всѣ они съ мекканцами противъ Мухаммеда, а теперь шли на Мекку вмѣстѣ съ Мухаммедомъ: очевидно вѣтеръ потянулъ въ другую сторону.

Мухаммедъ дѣлалъ все, что могъ для маскированія цѣли похода, чтобы по возможности не дать курейшителямъ времени вооружиться. Между тѣмъ никоимъ образомъ нельзя было сомнѣваться въ его намѣреніяхъ. По крайней мѣрѣ уже на поль-пути встрѣтили его нѣкоторые изъ мекканцевъ, которыхъ какъ бы обуялъ внезапно припадокъ набожности, а во главѣ ихъ—благородный дядя его Аббасъ. Влекомый какъ бы рокомъ для исполненія своей роли въ предстоящихъ событіяхъ, онъ спѣшилъ занять мѣсто вблизи Мухаммеда. Многіе изъ курейшитовъ увѣряли, повидимому чистосердечно, что если они и предчувствовали что-то недоброе до прибытія мусульманскаго войска, но ничего доподлинно не знали. А между тѣмъ едва ли кого изъ нихъ, за исключеніемъ развѣ военной партіи, изумила быстрота Мухаммеда.

*) По крайней мѣрѣ такъ было официально, о чемъ же говорилось съ нимъ тайкомъ, нѣтъ никакихъ извѣстій.

Около середины Рамадана, 8 (въ началѣ января 630 г.) *) мусульманское войско разбило лагерь въ Марръ Азъ Захранъ, въ одной милѣ съ четвертью къ сѣверо-западу отъ Мекки. Къ вечеру, такъ передаетъ преданіе, запылали по горамъ тысячи огней; блескъ ихъ вселялъ ужасъ въ сердца курейшитовъ. Они выслали на развѣдки Абу Суфьяна. По неисповѣдному предопредѣленію небесъ, на поль-пути встрѣтили его объятія Аббаса, который, съ своей стороны, заботясь о судьбѣ города, въ случаѣ насильственнаго его завоеванія, бросился тоже, чтобы предупредить заблаговременно мекканцевъ о бесполезности дальнѣйшаго сопротивленія. Сообщение это до такой степени поразило, «исконнаго врага ислама», что онъ рѣшился слѣдовать за Аббасомъ, а тотъ поручился головой за его личную безопасность. Поздно вечеромъ явились они къ Мухаммеду; часть ночи прошла въ переговорахъ. На другое утро пророкъ обратился къ язычнику еще разъ, энергично расшевеливая его совѣсть. Абу Суфьянъ вынужденъ былъ сознаться, что и самъ видитъ, что идолы не помогутъ, иначе, вѣдь, пора бы имъ придти къ мекканцамъ на помощь; добрый старикъ сомнѣвался только въ одномъ, и то слегка: въ божескомъ откровеніи Мухаммеду. Но и это сомнѣніе разсѣялось, какъ дымъ, когда Аббасъ обратилъ его вниманіе на то, что при настоящемъ положеніи дѣло можетъ легко коснуться его шеи. Тогда язычникъ призналъ болѣе удобнымъ прочесть полное исповѣданіе вѣры. Послѣ этого ему обѣщали, что его и всѣхъ остальныхъ оставятъ въ покоѣ, если при вступленіи войскъ они смирнехонько будутъ сидѣть по домамъ. Затѣмъ Аббасъ проводилъ пріятеля восвояси. По дорогѣ, на одномъ изъ выдающихся отроговъ, спутникъ задержалъ его и заставилъ полюбоваться на толпы движущихся мимо нихъ правовѣрныхъ, бедуиновъ, ансаровъ и бѣглецовъ. Во всемъ непобѣдимомъ войскѣ числилось всего 10.000 воиновъ. Сильно же ошиблись хозяева Мекки, 7 лѣтъ тому назадъ, въ этомъ презираемомъ ими плебеѣ. Неисправимый аристократъ произнесъ не безъ прони, обращаясь къ своему спутнику: «съ этими, конечно, намъ не справиться; царская власть твоего племянника, надо сознаться, стало довольно таки внушительной». — «Смотри, не наговори на свою шею, онъ вѣдь пророкъ» буркнулъ тотъ. — «Чтожъ! по мнѣ пожалуй хоть бы и такъ» заключилъ Абу Суфьянъ.

Разсказъ этотъ довольно правдоподобенъ. Весьма возможно также, что Абу Суфьянъ, ради приличія, выждалъ нѣкоторое время примѣненія къ нему мягкаго внушенія и тогда только формально принялъ вѣру. Такъ или иначе, трудно объяснять случайностью его личное

*) День событія не установленъ. По преданію вступленіе въ Мекку произошло 20 Рамадана, т. е. 10 января, но и это число спорное.

свиданіє съ Мухаммедомъ, равно и то обстоятельство, что за исключеніемъ горсточки храбрецовъ, курейшиты спокойно взирали на вступленіе въ городъ непріятельскаго войска. Едва ли объяснимо также однимъ ночнымъ уговоромъ только что успѣвшаго вернуться Абу Суфьяна, что даже тѣснины, ведущія въ городъ, не были никѣмъ заняты. Изъ всего этого поневолѣ приходится заключить, что, задолго еще до прибытія Мухаммеда, знатнѣйшіе горожане рѣшили сдачу на болѣе или менѣе сносныхъ условіяхъ и что партія войны, предводимой Икримой, Сухейлемъ, и Сафваномъ, удалось собрать вокругъ себя лишь незначительную кучку воиновъ. Остальные же удовольствовались тѣмъ, что глазѣли на комедію, какую нашли лучшимъ разыграть выдающіяся лица. Во всякомъ случаѣ неоспоримо, что Мухаммедъ не ожидалъ никакого сопротивленія. Предводители войскъ, приготовлявшихся вступить въ городъ со всѣхъ четырехъ концовъ, получили опредѣленное приказаніе никого не умерщвлять, за исключеніемъ сопротивляющихся, встрѣчающихъ войска съ оружіемъ въ рукахъ. Занятіе различныхъ кварталовъ совершилось безъ пролитія крови. Только Халидъ Ибнъ аль-Валідъ, вступая черезъ южныя ворота, во главѣ бедуиновъ, наткнулся на кучку непримиримыхъ. Они только что собирались покинуть городъ, неизвѣстно только съ какою цѣлью—возобновить ли борьбу снова извнѣ, или же бѣжать въ южную Аравію. Послѣдовала непродолжительная схватка, и ихъ разогнали—покорная Мекка лежала у ногъ пророка.

Если наши предположенія справедливы, то условія сдачи по предварительному соглашенію между Абу Суфьяномъ и Мухаммедомъ легко возстановить, сообразуясь съ ходомъ слѣдующихъ событій: Мекка отказывалась отъ сопротивленія и предоставляла свои войска къ услугамъ ислама; взаимнѣ жителямъ сохранялась жизнь и имущество, равно предоставлялось участіе, вмѣстѣ съ прочими мусульманами, въ будущемъ, въ общей, приобретаемой силой оружія, добычѣ. Непосредственное принятіе ислама пока не требовалось, но вскорѣ совершилось обращеніе большинства жителей, остальные приняли вѣру впоследствии. Громадное большинство обратилось въ вѣру, понятно, только по формѣ; въ особенности же это было замѣтно среди членовъ партіи аристократовъ; и въ исламѣ оставались они твердо при своихъ мірскихъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ. Не лежало ихъ сердце къ пророку: не могли они забыть, что вначалѣ онъ сильно стѣснилъ ихъ торговлю, а впоследствии даже и совершенно ее прекратилъ. Но нынѣ выяснялось, что быть на его сторонѣ гораздо выгоднѣе: поэтому, въ концѣ концовъ, они охотно примыкали во-время къ новой торговой фирмѣ, пользуясь религіозными обрядами, какъ вивѣской, нисколько не принимая въ серъезъ дѣла вѣры. Мухаммедъ же смотрѣлъ, конечно,

совершенно иначе: ему недостаточно было одного обладанія Ка'бой. По мѣрѣ расширенія власти, онъ предполагалъ распространять попутно и вѣру. Поэтому пророкъ съ особенной пунктуальностью сталъ наблюдать за чистосердечіемъ признанія вѣры среди новообращенныхъ. Стремясь во что бы то ни стало привязать къ себѣ и своимъ цѣлямъ прежнихъ своихъ враговъ, онъ пользовался всякимъ случаемъ оказать имъ свое благорасположеніе. То милостивымъ словомъ, то богатымъ подаркомъ пробовалъ онъ «прельстить ихъ сердца», гласить официальный терминъ. И ему дѣйствительно удалось усилить самымъ осязательнымъ образомъ матеріальное могущество своего государства. Но онъ не въ состояніи спаивать новые элементы съ духомъ ислама и терпитъ дальнѣйшее существованіе языческо-мірскихъ мнѣній, которыя въ послѣдствіи наносятъ дѣлу ислама большой изъянъ. Къ двумъ уже существующимъ, не равнымъ составнымъ частямъ въ общинѣ: истинно правовѣрной, партіи мединской, какъ мы можемъ, по всей справедливости, ее назвать, и вѣчно подвижной, стремящейся къ партикуляризму, бедуинской,—присоединяется теперь третья партія, мекканская. Она стала въ разрѣзъ съ обѣими партіями: съ первой, благодаря своей небрежности по отношенію къ религіознымъ интересамъ, а со второй—въ слѣдствіе сознательной привязанности къ разъ завоеванному государственному единству.

Разнородныя стремленія этихъ партій рѣзко отмѣчаютъ арабскій періодъ исторіи ислама; но всѣ они пока подчинились служебнымъ обязанностямъ повиновенія, согласно повелѣніямъ Божиимъ, передаваемымъ Его посланникомъ, и полное единеніе временно было достигнуто. Безучастно глядитъ вся Мекка, какъ пророкъ, при громкихъ крикахъ: «великъ Аллахъ», сопровождаемый своими непобѣдимыми войсками, семикратно объѣзжаетъ вокругъ Ка'бы, на своей верблюдицѣ Аль-Касва, семикратно прикасается жезломъ къ священному черному камню, повелѣваетъ низвергнуть истуканы и разбить въ дребезги ихъ изображенія, осквернявшія до сей поры домъ Божій. Охотно прислушивается толпа къ постановленіямъ пророка, которыми подтверждаются во имя Бога живаго святость городского округа и всѣ его преимущества; не менѣе пріятны и рѣчи его, возвѣщающія всеобщее равенство людей предъ Богомъ; съ особымъ удареніемъ провозглашаетъ онъ обязанность ихъ не уклоняться отъ церковныхъ и мірскихъ порядковъ ислама. Народъ безпрекословно повинуетъ, даже и тогда, когда ему приказано очистить всѣ дома отъ находящихся въ нихъ изваяній боговъ. За то пророкъ возвѣщаетъ свою глубокую привязанность къ отчему городу, и такъ безусловно признаетъ его высокое значеніе, что его мединскіе спутники начинаютъ тревожиться. Имъ приходится въ голову, не вздумалъ бы ихъ пророкъ покинуть и вернуться на старую свою родину.

Но онъ понимаетъ хорошо, что не здѣсь крѣпкіе корни его силы. «Буду жить тамъ, гдѣ вы живете, и умру тамъ, гдѣ вы умрете», промолвилъ онъ къ нимъ благодушно. И успокоились ихъ сердца.

Лишь немногіе, человѣкъ 10 или 12, были изъяты изъ общаго мира, за то, что, при различныхъ обстоятельствахъ, оказали слишкомъ энергичное противодѣйствіе Мухаммеду или его приверженцамъ; иные сочиняли эпиграммы на него и распространяли ихъ, другіе провинились въ чемъ-либо иномъ, не менѣе тяжкомъ. Но изъ нихъ казнены только четверо, остальные помилованы. Даже съ главами военной партіи: Сухейлемъ, Икримой и Сафваномъ ничего особеннаго не приключилось. Двое послѣднихъ, бѣжавшіе послѣ стычки съ Халидомъ, получили приглашеніе вернуться назадъ, имъ обѣщана была полная амнистія, и впоследствии были они лучшими бойцами за исламъ. Одинъ только диссонансъ нарушилъ всеобщую гармонію; произошелъ онъ не по винѣ Мухаммеда, причиною была необузданность Халида. Подъ ничтожнымъ предлогомъ захватилъ онъ измѣнническимъ образомъ въ плѣнъ племя Джазіма, кочевавшее на югѣ, невдалекѣ отъ Мекки, и заявившее своевременно о своемъ подчиненіи. Мстя за давнее кровопролитіе, онъ приказалъ своимъ бедуинамъ перебить нѣкоторыхъ изъ нихъ, несмотря на громкіе протесты сопровождавшихъ его бѣглецовъ и авсаровъ. Это было вопіющее нарушеніе запрещенія правовѣрнымъ отомщать за кровь, пролитую еще въ язычествѣ; притомъ же это было и безцѣльной жестокостью; величайшій полководецъ и въ то же время самый гадкій человѣкъ перваго столѣтія ислама имѣлъ впоследствии не одну, а множество подобныхъ исторій на душѣ. Но Мухаммедъ зналъ цѣну «мечу Божію», ограничился выговоромъ, но не отрѣшилъ его отъ командованія и самъ изъ своего кармана выплатилъ деньги, слѣдующія за кровомщеніемъ роднымъ убитыхъ воиновъ джазімовъ.

Между тѣмъ стали доходить другого рода тревожныя вѣсти въ Мекку. Распространился слухъ о томъ, что отдѣлы племени Хавазинъ пришли въ движеніе и замышляютъ что-то не доброе. Съ двумя изъ нихъ еще прежде Мухаммедъ имѣлъ непріятныя столкновенія; это были — племя Сакіфъ, обитавшее къ востоку отъ Мекки въ городѣ Тайфѣ и окрестностяхъ его, то самое, которое такъ грубо обошлось съ пророкомъ не задолго до его бѣгства, и другое Амиръ Сас'а'а, на главу котораго, Ибнъ Туфейля, пало подозрѣніе въ умерщвленіи посла правовѣрныхъ, въ четвертомъ году (625). Какъ и другіе отдѣлы племени, они поняли наконецъ, что стануть ближайшей цѣлью мусульманскаго оружія, такъ какъ пограничное съ ними племя Сулеймъ уже примкнуло къ мединцамъ. По достовѣрнымъ извѣстіямъ эти бедуины рѣшились предупредить нападеніе еще ранѣе занятія Мекки. Какъ бы то ни было, но не прошло и 14 дней послѣ занятія го-

рода, а ихъ полчища, силою тысячъ въ двадцать, расположились лагеремъ вблизи Таифа. Трудно было даже представить, какъ успѣло это громадное войско и въ такой короткій срокъ стянуться отчасти изъ отдаленныхъ, далеко разбросанныхъ пастбищъ. Шестого Шавваля 8 года (приблизительно въ концѣ января 630), Мухаммедъ, увѣренный въ побѣдѣ, но вскорѣ чуть не принужденный раскаиваться въ своемъ самомнѣніи, повелъ имъ на встрѣчу свои войска. Къ нему присоединились 2000 мекканцевъ, съ ними и Абү Суфьянъ, также и помилованные недавно предводители партіи войны—Икрима и Сафванъ, предложившіе охотно свои услуги новому господину родного города. Девятого вечеромъ, получено было черезъ одного лазутчика извѣстіе, что хавазины расположились лагеремъ въ недалекомъ разстояніи, у Аль-Аутаса. Они находились подъ командой Малика Ибнъ Ауфа, изъ отдѣла Насръ. При многихъ бедуинахъ находились женщины съ дѣтьми, остававшіяся въ тылу лагеря съ тѣмъ, чтобы возбуждать до крайнихъ предѣловъ мужество сражающихся. Маликъ предусмотрительно выслалъ нѣсколько кавалерійскихъ отрядовъ въ узкую долину Хунейнъ, отдѣлявшую его отъ мусульманъ. Тамъ укрылись они въ боковыхъ ущельяхъ съ намѣреніемъ выждать удобный моментъ для нападенія на непріятеля. Планъ удался какъ нельзя лучше. Едва забрежжиль утренній разсвѣтъ зимняго, тусклаго дождливаго дня, какъ обыкновенный авангардъ Мухаммеда — бедуины, подъ предводительствомъ Халида — вступили въ узкій проходъ. Отрядъ дошелъ уже до середины, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ: — слѣва, справа — накинулись на него толпы конныхъ. Бедуины, привыкшіе при подобныхъ внезапныхъ нападеніяхъ мгновенно рассыпаться, и еще не выпколенные окончательно желѣзной дисциплиной ислама, повернули своихъ лошадей назадъ и поскакали безъ оглядки, увлекая вслѣдъ за собой равно ненадежныхъ мекканцевъ; ядро войска—ансары и тѣ колебались. Еще одинъ моментъ и Мухаммедъ, окруженный небольшою кучкой правовѣрныхъ, старавшихся заслонить его собою, могъ подвергнуться страшной опасности быть отрѣзаннымъ отъ своихъ. Пророкъ, однако, нисколько не смутился, выхватилъ мечъ и съ тою же неустрашимостью, какъ когда-то у Охода, крикнулъ громко, обращаясь къ своимъ мединцамъ: «сюда, ко мнѣ, люди древа *)! Возлѣ него стоялъ дядя его Аббасъ, обладавшій громоноснымъ голосомъ. И еще громче раздался тотъ же самый призывъ, пронесшійся надъ волнующимися толпами бѣглецовъ. Болѣе не требовалось, дабы напомнить союзникамъ объ ихъ обязанности: къ твоимъ услугамъ! къ твоимъ

*) Этимъ хотѣлъ напомнить онъ влѣтву при Худейбіѣ.

услугамъ! *) передавалось отъ ближайшихъ къ дальнимъ. И, какъ бы по одному внезапному порыву, сраженіе возобновилось снова. Мало-помалу поворачивали назадъ и другіе бѣглецы. Поднявшись на стремена своего лошака, присматривался зорко Мухаммедъ къ бою и вдругъ воскликнулъ: «Ого, печка таѣя нагрѣвается», намекая на названіе мѣстности **). И, дѣйствительно, вскорѣ хавазинамъ стало невыносимо жарко. Племя Сакифъ, оставившее дома своихъ женъ, первое подумало о безопасности, которую представляли бедуинамъ стѣны Таѣфа. Остальные продолжали обороняться, но уже чувствовали, что имъ не удержать за собою поля сраженія. Вскорѣ все громадное войско бросилось вразсыпную; тѣ, которые взяли съ собою женъ и дѣтей, пробовали было защищаться въ лагерѣ, при Аутасѣ, но и это послѣднее сопротивленіе вскорѣ было сломано. Побѣдителямъ досталось 6000 женъ и дѣтей, 24000 верблюдовъ и безчисленное число овецъ и козъ. Зато преслѣдованіе совершенно не удалось: племя Сулеймъ вспомнило, хотя и поздно, что Хавазинъ ихъ отдаленные родственники; оно отказалось наотрѣзъ сражаться дальше. Къ тому же Маликъ, со своими насритами, съумѣлъ искусно прикрыть отступленіе, а затѣмъ и самъ счастливо ушелъ съ остальными въ Таѣфъ.

Городъ этотъ лежалъ на границѣ южной Аравіи и жители его, какъ кажется, позаимствовали у сосѣдей тамошнее искусство постройки крѣпостей. Для племенъ сѣверной Аравіи, непривычныхъ къ осадѣ, городъ ихъ могъ представлять серьезное сопротивленіе. Тѣмъ важнѣе было, тотчасъ же вслѣдъ за побѣдой, быстрымъ натискомъ овладѣть городомъ прежде, чѣмъ бѣжавшіе съ поля сраженія успѣютъ тамъ устроиться. Поэтому Мухаммедъ приказалъ наскоро отогнать добычу въ сосѣднюю долину, Джі'рану; здѣсь размѣстили ее, окруженную стражей; самъ же пророкъ направился послѣпно далѣе къ Таѣфу. Было уже поздно: Маликъ находился въ городѣ, гдѣ оказывалось вдоволь и защитниковъ и жизненныхъ припасовъ. Оставалось одна правильная осада. Для приведенія ея въ исполніе, пришлось вступить въ переговоры съ однимъ іеменскимъ племенемъ Бен у Даусъ ***), жившемъ немного южнѣе и славившемся умѣніемъ вести осадныя работы. Тѣ охотно согласились и выставили противъ города одинъ таранъ и нѣсколько осадныхъ башенъ, но жители Таѣфа, не менѣе ихъ искусные въ крѣпостной войнѣ, забросали машины раскаленнымъ желѣзомъ, такъ что вскорѣ онѣ сгорѣли, дѣло тѣмъ и кончилось. Осада продолжалась всего около 14 дней, а затѣмъ ее сняли: видно Богу угодно

*) Лаббейкъ! лаббейкъ!—старинный призывъ пилигримовъ, которымъ они и понынѣ обозначаютъ преданность свою Аллаху.

***) Аль-аутасъ значитъ „печка“.

***) Слогъ *au* произносится какъ нѣмецкое *ai* въ словѣ Вауег.

дать дѣлу прежде созрѣть, утѣшали себя правовѣрные. Бедуины же съ жадностью ждали дѣлежа добычи, взятой подъ Хунейномъ. Одинъ изъ кинанцевъ, старинный сподвижникъ мекканскій, когда пророкъ сталъ съ нимъ совѣтоваться, отвѣтилъ: «Не безпокойся, лиса въ норѣ — если можешь обождать, ты и потомъ ее схватишь, а если и упустишь, она тебѣ не повредитъ». Мусульмане тронулись въ обратный путь, не покончивъ дѣла, но и не ворча: всѣхъ утѣшала мысль о предстоящемъ дѣлежѣ добычи. Межъ тѣмъ, когда вернулись войска въ Джі'рану, оказалось, что Мухаммедъ придумалъ нѣчто новое. Масса плѣнныхъ и имущества была такъ велика, что о точномъ исполненіи извѣстныхъ правилъ невозможно было и думать *). Мухаммедъ, между тѣмъ, рѣшился обратить значительныя суммы денегъ и большое количество верблюдовъ на истинно княжескіе подарки знаменитѣйшимъ изъ мекканцевъ и старѣйшинъ бедуиновъ. Онъ пожелалъ «прельстить сердца» тѣхъ, кои были для него особенно полезны. Изъ женщинъ и дѣтей первоначально раздавалъ онъ немногихъ, ибо предвидѣлъ, что хавазинцы, по всей вѣроятности, обратятся къ нему, прося о выкупѣ своихъ; онъ не захотѣлъ, понятно, выпускать изъ рукъ такого прекраснаго залога для дальнѣйшихъ переговоровъ съ ними. Когда все остальное было уже подѣлено, пришлось однако начать раздачу и плѣнныхъ. Но едва это было покончено, какъ появились, наконецъ, посланные отъ Хавазина. «Земляки наши,—объявили бедуины,—готовы помириться и даже принять исламъ **), но они рассчитываютъ, что Мухаммедъ возвратитъ имъ ихъ женъ, дѣтей и имущества». Пророку особенно важно было войти съ ними въ соглашеніе, такъ какъ Тѣйфъ оставался еще не покореннымъ, а послѣ отступленія легко могъ сдѣлаться очагомъ новой войны; необходимо было, и во что бы ни стало, побѣжденныхъ, но не уничтоженныхъ окончательно, хавазиновъ склонить къ принятію вѣры. Поэтому объявилъ пророкъ выборнымъ, что всего возвратитъ, принимая во вниманіе нужды мусульманъ, онъ не можетъ, но предлагаетъ имъ выбрать себѣ, по желанію, или родныхъ или имущества. Они пожелали женъ и дѣтей. По ходатайству Мухаммеда, большинство мусульманъ согласилось безпрекословно возвратитъ плѣнныхъ безъ выкупа, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ненасытныхъ бедуиновъ, которыхъ

*) Правда, по общепринятому преданію значится, что подарки, упомянутые дальше, взяты были изъ пятой части, взимаемой въ пользу Бога, но извѣстіе, приводимое въ текстѣ, кажется достовѣрнѣе. Да наконецъ вѣрные апсары не подумали бы роптать, если бы доля ихъ не была урѣзана; тѣмъ болѣе имъ было обидно, что имѣли наибольшія права рассчитывать на нее сполна.

**) Преданіе единогласно утверждаетъ, что при этомъ бедуины ссылались на родство Мухаммеда съ ними. Будучи маленькимъ ребенкомъ, былъ онъ отданъ на прокормленіе къ одной женщинѣ изъ Бену Садъ, отдѣла племени Хавазинъ. Тутъ же упоминается о встрѣчѣ пророка съ его молочной сестрой Шеймъ.

пришлось удовлетворить верблюдами. Совершенно удовлетворенные посланцы удалились, уводя съ собою освобожденныхъ плѣнныхъ; имъ поручено было въ то же время сообщить начальнику ихъ Малику, остававшемуся въ Таифѣ, что его семья, а также и имущество сохраняются нетронутыми и будутъ ему выданы, какъ только онъ явится къ пророку и пожелаетъ принять исламъ. Маликъ дѣйствительно покинулъ тайкомъ городъ и принялъ требуемую отъ него присягу. За это онъ былъ поставленъ снова во главѣ хавазяновъ, кочевавшихъ вблизи Таифа. Сдѣлавшись мусульманами, бедуины тотчасъ же принялись грабить бывшихъ своихъ союзниковъ и держали ихъ все время въ полнѣйшемъ страхѣ, такъ что Мухаммеду не было больше надобности заботиться о Таифѣ; можно было спокойно ждать, что жители и ихъ союзное племя, Сакифъ, доведены будутъ современемъ до полного истощенія.

Такимъ образомъ съ обычнымъ, ему одному присущимъ замѣчательнымъ дипломатическимъ тактомъ, успѣлъ пророкъ возмѣстить невыгоды неудачной осады и въ высокой степени вознаградить бедуиновъ и мекканцевъ, удовлетворивъ широкой рукой ихъ жадность; тѣмъ не менѣе приходилось ему покинуть долину Джі'раны не безъ горькаго чувства досады. Вынужденный всякое распоряженіе прикрывать духовнымъ плащомъ пророкъ понималъ въ глубинѣ души, что поступаетъ не совѣмъ-то прилично, подчиняя свою политику слишкомъ сильному давленію мірскихъ воззрѣній. Безграничное «прельщеніе сердець» показалось даже для его испытанной вѣрности дружины мединцевъ, такъ жестоко обдѣленныхъ при раздѣлѣ добычи, дѣломъ черзчуръ не подходящимъ. «Какъ сраженіе» — начали они ворчать — мы его самые близкіе, а коснется раздѣла — пожалуйте курейшиты, милости просимъ. Хотѣлось бы очень знать, Господу, что ли, такъ угодно — конечно тогда нечего и толковать, — а если это отъ него самого идетъ, такъ слѣдовало бы потребовать, по настоящему, отчета». Собственно, они были правы, и тѣмъ болѣе обозлился Мухаммедъ. Пророкъ отдалъ повелѣніе созвать всѣхъ и обратился къ нимъ со строгимъ внушеніемъ. Отдавая имъ должную справедливость во всемъ, что для него дѣлали, поставилъ имъ также на видъ, чѣмъ и они ему обязаны. «Вы недовольны тѣмъ, что иноземцы погнали за собой овецъ и верблюдовъ, а сами кого уводятъ? Ведете за собой на родину посланника Божія! Да, клянусь тѣмъ, въ чьихъ рукахъ душа Мухаммеда, не будь Хиджры *), я самъ сочту себя принадлежащимъ вамъ, моимъ союзникамъ. Если бы весь свѣтъ двинулся въ одну сторону, а союзники въ другую, клянусь, я не преминулъ бы остаться съ союзниками моими.

*) Т. е. если бы мое рожденіе въ Меккѣ и бѣгство оттуда не были неизбежной необходимостью.

О Всемогущій, будь же вѣчно милосердь къ союзникамъ, и къ сынамъ союзниковъ и къ сынамъ сыновъ союзниковъ!» Кругомъ слышались всхлипыванія, заструились слезы по бородамъ закаленныхъ бойцовъ; въ рядахъ поднялся громкій говоръ: «мы всѣ довольны, о посланникъ Божій, и судьбой и участиемъ твоимъ!» Когда нужно было, онъ зналъ какъ говорить со своими людьми, но возникшаго между мединцами и мекканцами неудовольствія не могъ все-таки устранить. Пока былъ въ живыхъ самъ пророкъ, пока государственное кормило покоилось послѣ него въ крѣпкихъ рукахъ Абу Бекра и Омара, пламя ненависти продолжало глѣть едва замѣтно, но его зятю, слабому Осману, взрывъ партійныхъ страстей стоилъ жизни, а междуусобная война, возгорѣвшаяся за тѣмъ, на долгіе годы сковала юношескіе порывы ислама.

Но изъ темнаго рока еще не пала ни одна тѣнь на блескъ настоящаго. Во всей Аравіи послѣ мирнаго включенія Мекки въ союзъ правобѣрнаго государства, не оставалось ни одной силы, которая могла бы избѣгнуть верховенства Медины. Хотя количество жителей, находившихся къ этому времени подъ владычествомъ Мухаммеда, не превосходило доброй трети населенія всей страны, но впечатлѣніе непреодолимости, вызванное рядомъ успѣховъ послѣднихъ лѣтъ, ощущалось вездѣ чрезвычайно сильно. Неспособность племенъ, расколотыхъ на сотни безпорядочныхъ общинъ, соединить въ едино свои силы, съ другой же стороны приманка, конечно, значительно преувеличенная слухами о раздѣлѣ несчетной добычи, такъ обаятельно дѣйствовала на большинство жадныхъ бедуиновъ, что почти безъ исключенія вездѣ, даже въ самыхъ отдаленнѣйшихъ округахъ, достаточно было простого приказанія пророка, и народъ охотно примыкалъ къ новому порядку вещей. Почти во всѣхъ случаяхъ дѣло происходило по разъ заведенному порядку. По призыву посланника Божія появлялись старѣйшины отдѣльныхъ племенъ для личныхъ переговоровъ въ Медину. Ихъ тамъ ждалъ само собой самый милостивый пріемъ: льстили, чѣмъ только можно было, гордости сыновъ пустыни, примѣняясь къ ихъ подчасъ далеко не деликатному обхожденію, осыпали похвалами благородство ихъ рода, преимущества ихъ племени, славу ихъ дѣлъ; удовлетворяли ихъ жадность богатыми подарками, выдаваемыми изъ постоянно переполненной теперь государственной сокровищницы; ревность, съ которой они относились къ своему вліянію, убаюкивали, положительно подтверждая ихъ авторитетъ надъ ихъ соплеменниками; однимъ словомъ, не упускалось ни единой приманки, которою искусная дипломатія умѣетъ повліять на эгоистическія побужденія необразованныхъ дикарей. Но зато во всемъ, что касалось собственнаго его дѣла, Мухаммедъ оставался непреклоненъ. На всѣ попытки выторговать хотя бы са-

мые пустыки изъ кажущихся совершенно незначительными обязанностей, налагаемыхъ исламомъ, онъ отвѣчалъ неизмѣнно: «нѣтъ, нельзя». Признаніе вѣры, требовавшей отъ него идолопоклонства, подчиненіе авторитету пророка, обязательства пятикратной молитвы ежедневно и уплата «подати на бѣдныхъ», т. е. выдачи десятины дохода въ пользу государственной кассы—вотъ тѣ неизмѣнные и постоянные требованія, изъ которыхъ самый упрямый изъ арабовъ—а арабъ можетъ быть слишкомъ упрямъ—не могъ ничего выговорить. Въ то время, когда мирные переговоры почти совершенно наполнили годы девятый и десятый (630—631), предпринимались также одновременно то та, то другая военная экспедиція для ускоренія подчиненія отдѣльныхъ племенъ или же для возбужденія въ нихъ, какъ говорилось тогда, доброй воли. Иногда требовалась экзекуція, такъ какъ разосланные повсюду сборщики податей не всегда встрѣчали среди бедуиновъ желательную охоту и воодушевленіе, но такіе отдѣльные случаи встрѣчались рѣдко. Лишь къ началу одиннадцатаго года (632), когда мало-помалу все шире и шире стали ощущаться жителями нѣкоторыя неудобства церковныхъ и государственныхъ порядковъ, а вмѣстѣ съ ними и тягота подати, наступилъ моментъ подготовки къ болѣе значительной реакціи среди арабскаго народа. До того же времени процессъ включенія шелъ довольно гладко и однообразно, лишь немногіе отдѣльные факты заслуживаютъ упоминанія.

Между Персидскимъ заливомъ и центральной Аравіей кочевало могущественное племя Бену Темимъ, нѣкоторые отдѣлы котораго выдвинулись далеко на западъ. Къ одному изъ нихъ, Бену Амръ, по дошли вплотную мусульманскіе сборщики податей, собиравшіе въ то время десятину у хузайтовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Мекки. Амриты, опасаясь, чтобы эти пришельцы не вздумали распространить свою неприятную дѣятельность и на ихъ владѣнія, поспѣшили прогнать правовѣрныхъ вооруженной силой. Уейна, шейхъ фезаритовъ отдѣла гатафанцевъ обрадовался случаю отличиться и наказать наглецовъ. Съ 50 расторопными своими бедуинами онъ настигъ ихъ и, взявъ въ плѣнъ съ полсотни мужчинъ, женщинъ и дѣтей, приволокъ въ Медину. Пришлось бедуинамъ подумать о выкупѣ своихъ. Темимцы послали депутацію къ Мухаммеду. Былъ это народъ грубый и дерзкій. Стали они у мечети и принялись непристойно, стуча и крича, вызывать Мухаммеда. Когда, наконецъ, пророкъ вышелъ изъ дома Айши, отправляясь на полуденную молитву, они бросились всѣ гурьбой къ нему. Дружелюбно усмѣхаясь, но не проронивъ ни слова, прошелъ мимо нихъ пророкъ. И тогда только, когда окончилась молитва, онъ выслушалъ ихъ. По давно заведенному обычаю въ пустынь, выступилъ одинъ изъ темимцевъ и произнесъ прекрасную рѣчь;

въ ней превозносили онъ свой народъ, выставляя его благороднѣйшимъ, наиболѣе зажиточнымъ и самымъ многочисленнымъ среди восточныхъ племенъ. Мухаммедъ зналъ хорошо бедуиновъ и понималъ, что ихъ слѣдуетъ прежде всего поразить ихъ же оружіемъ. Поэтому кивнулъ онъ одному изъ своихъ; этотъ не преминулъ, конечно, пуще расхвастаться, разсыпался въ пышныхъ дифирамбахъ по адресу посланника Божія и всѣхъ его приближенныхъ. Затѣмъ наступилъ чередъ главнаго поэта темимовъ, Аз-Зибрика́на. Онъ продекламировалъ нѣсколько витіеватыхъ строфъ, въ которыхъ снова восхвалялось величіе его народа. Но придворному поэту Мухаммеда, Хас́ану Ибнъ Са́биту, безъ особаго труда, удалось затмить доморощеннаго пѣвца и далеко превзойти его еще болѣе цвѣстистыми оборотами. Бедуины смекнули тотчасъ же, что пророкъ не только умѣетъ сноситься прямо съ Аллахомъ, но и окружилъ себя самыми даровитыми ораторами и стихотворцами; всякому, дескать, далеко до него. Они сразу же, тутъ на мѣстѣ, объявили, что готовы подчиниться, и получили, разумѣется, обратно всѣхъ своихъ плѣнныхъ. Но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ событіемъ, появился коранъ, воспрещавшій на будущее время толкотню и крикъ въ присутствіи пророка.

Весьма существеннымъ оказалось, что въ это самое время приняли исламъ нѣсколько знаменитыхъ поэтовъ, принесшихъ не мало пользы дѣлу распространенія вѣры великимъ воздѣйствіемъ своего дарованія. Самъ Мухаммедъ не умѣлъ слагать стиховъ, не терпѣлъ ни поэзіи, ни поэтовъ. Горе тому, кто подобный сомнительный даръ предоставлялъ въ распоряженіе сатаны—мы уже видѣли не одинъ примѣръ, какъ за эпиграмму на пророка дерзкій платился жизнью. И теперь, когда исламъ проникъ почти уже всюду, Ка́'бъ, сынъ знаменитаго Зухейра, изъ племени Музейна, подвергался большой опасности. Этотъ высоко одаренный поэтъ, какъ часто бываетъ съ остроумными людьми, былъ склоненъ, увь, къ невѣрью. Братъ его, Буджейръ, вмѣстѣ съ большинствомъ музейнитовъ, принялъ исламъ, а поэтъ осмѣялъ это обращеніе въ нѣсколькихъ злыхъ строфахъ. Мухаммедъ не любилъ шутить и бѣдному мечтателю грозила неминуемая смерть. Всякій хорошо понималъ, что, подобно прежнему Ка́'бу, павшему искупительною жертвою ислама, никому не уйти отъ кинжала любого фанатика. Буджейръ не замедлилъ предупредить брата объ угрожавшей ему опасности. Ка́'бъ рѣшился поставить жизнь на карту и отдаться самому въ руки пророка. Переодѣтый, вошелъ онъ въ Медину и прокрался въ мечеть; тамъ увидѣлъ онъ Мухаммеда, бесѣдовавшаго съ нѣкоторыми правовѣрными. «Посланникъ Божій», воскликнулъ поэтъ, когда удалось ему пробраться поближе къ пророку, «здѣсь вблизи находится Ка́'бъ Ибнъ Зухейръ. Онъ хочетъ вымо-

лить у тебя прощенье, какъ раскаивающійся, вѣрующій. Примешь ли ты его милостиво, если я тебѣ его доставлю?»—«Пусть будетъ по твоему!»—было отвѣтомъ.—«Передъ тобой стоитъ Ка'бъ». Пылая негодованіемъ на обманщика, осмѣливагося провести самого пророка, выпрыгнулъ изъ толпы одинъ изъ ансаровъ, готовый тутъ же на мѣстѣ умертвить дерзновеннаго, но Мухаммедъ отклонилъ ударъ, подтверждая помилованіе. Признательный поэтъ произнесъ экспромтомъ прелестный панегирикъ въ честь посланника Божія *). Когда Ка'ба приносилъ строфу:

„Посланникъ—это мечъ, сверкающій во мракѣ,
„Самъ Богъ орудіе святое закалилъ —

прославляемый сорвалъ съ плечъ своихъ зеленую мантию и накинулъ ее на осчастливленнаго столь высокимъ вниманіемъ поэта. Стихотвореніе это носитъ названіе «Пѣснопѣніе мантии». Ка'бъ очень дорожилъ подаркомъ пророка, такъ что отказался продать его Халифу Му'авіѣ за 10000 дирхемъ. Лишь по кончинѣ поэта, властелинъ могъ пріобрѣсти драгоцѣнное это одѣяніе отъ наслѣдниковъ поэта за 20000. Какъ рѣдкостный памятникъ, хранилась мантия въ сокровищницѣ повелителя правовѣрныхъ, сначала въ Дамаскѣ, а затѣмъ въ Багдадѣ, пока не сгорѣла въ 656 году Гиджры (1258 году), при завоеваніи города татарами. «Мантию пророка» и понынѣ, положимъ, показываютъ въ Константинополѣ, во дворцѣ султана, но подлинность ея не болѣе достовѣрна, чѣмъ святая одежды въ Трирѣ.

Сравнительно довольно поздно, лишь по смерти лукаваго А'миръ Ибнъ Тяфеилу, покорились и Бену Амиръ Са'са'а; но ранѣе, старый Абу'ль-Барá, за много лѣтъ передъ тѣмъ склонявшійся къ принятію ислама, выслалъ въ Медину, для изъявленія покорности, племянника своего, Лебйда, одного изъ величайшихъ поэтовъ арабскихъ, сочинителя одной Мо'аллаки. Было труднѣе обратитъ наслѣдника другого великаго имени. Къ сѣверо-западу отъ Медины, въ округѣ извѣстнѣйшихъ двухъ горныхъ хребтовъ Аджа и Селма, обитало почитаемое всѣми племя Тай. Часть ихъ были христіане, другіе же поклонялись въ высшей степени уродливому идолу, прозываемому Фулсѣ. Со времени покоренія Хейбара, тайиты сдѣлались сосѣдями мусульманъ; но они не думали обращаться, даже послѣ перехода на сторону правовѣрныхъ города Мекки; поэтому въ 9 году (въ срединѣ 630) посланъ былъ Алій съ тѣмъ, чтобы разрушить храмъ вмѣстѣ съ его идоломъ. Знаменитаго князя тайитовъ, «Хатима щедрого», давно уже не было въ живыхъ. Сыну Адію, во главѣ части племени, удалось уйти въ Сирію, но осталась его сестра, которую, вмѣстѣ съ другими

*) Rückert—Hamása I, стр. 152.

плѣнными, привели въ Мекку. Это была разумная женщина, которая съумѣла добиться у пророка освобожденія; она отправилась затѣмъ въ Сирію и уговорила брата вернуться и покориться. Мухаммедъ поставилъ снова Адія во главѣ племени. Съ тѣхъ поръ сынъ Хатима твердо держался ислама, даже тогда, когда большинство арабовъ отпали, онъ не измѣнилъ.

Къ концу же девятаго года (630), жившіе въ Таифѣ и кругомъ его сакіфы сильно ослабли: Маликъ со своими хавазинцами до такой степени тревожилъ жителей, что никто, наконецъ, не рѣшался выходить изъ города. Надвигалось разореніе; безъ перерыва угонялись съ пастбищъ, изъ-подъ самыхъ стѣнъ, верблюды и остальной скотъ, такъ что жители были доведены чуть что не до нищенства. Наконецъ, имъ стало не въ моготу, и они послали пословъ въ Медину; представителей племени встрѣтили тамъ дружелюбно. Самъ пророкъ благоизволилъ преподавать неофитамъ ученіе вѣры; они выказали послушаніе, но предупреждали, что простой народъ въ Таифѣ упорно привязанъ къ Лать, древней богинѣ. Поэтому, просили они, нельзя ли позволить не трогать ее еще годика съ три, а тѣмъ временемъ возможно будетъ постепенно пріучить народъ къ истинамъ Божиимъ. Но Мухаммедъ былъ въ этомъ отношеніи, и совершенно основательно, особенно непреклоненъ. Да развѣ можно было, въ самомъ дѣлѣ, оказывать потворство изъ-за той самой Лать, изъ за которой и безъ того когда-то вышла у пророка неприятная исторія въ Меккѣ. Тщетно хлопотали усиленно добрые таифяне о своемъ дорогомъ идолѣ: подобно Аврааму, заступавшемуся за праведниковъ Содома, имъ не было дано ни двухъ, ни одного года, ни шести, даже ни одного мѣсяца отсрочки. Одно только было имъ обѣщано: идолъ не будетъ поверженъ ихъ собственными руками. Прежній ихъ землякъ Мугіра Ибнъ Шуба, давно уже ставшій мусульманиномъ, свергнулъ богиню. Когда идолъ этотъ спокойно перенесъ свою судьбу и не уничтожилъ дерзновеннаго, добрые люди поняли наконецъ, что онъ ничто, и далѣе не упорствовали.

Къ племенамъ, посылавшимъ депутаціи, принадлежали также нѣкоторыя, наружно по крайней мѣрѣ, исповѣдывавшія христіанство. Таковы были Бену Ханіфа, отдѣлъ племени Бекръ Ваиль, кочевавшіе въ то время въ плодотворной странѣ Іемâма, въ юго-восточной части центральной Аравіи. Межъ ихъ посланцами находился одинъ очень умный человѣкъ, по прозванію Маслама *). Ко всему новому, встрѣченному имъ въ Мединѣ, онъ прислушивался и приглядывался съ жад-

*) Преданіе называетъ его Мусейлима, но это не что иное какъ позднѣйшая уменьшительная форма того же имени, употребляемая въ унижительномъ смыслѣ.

ностью. Слишкомъ скоро пришлось Мухаммеду испытать, что невзрачный этотъ человекъ, который пришелъ вмѣстѣ съ сотнями другихъ поклониться и получить свои подарки, слишкомъ хорошо распозналъ суть пророчествъ и былъ въ состояніи самъ многое о нихъ поразсказать.—Но не всѣ христіане Аравіи выказывали готовность съ легкостью отказаться отъ своей вѣры. Жители Неджрана, подвергавшіеся еще при іудейскихъ короляхъ Іемена тягчайшимъ преслѣдованіямъ, и про исламъ теперь не хотѣли ничего слышать. Все краснорѣчіе пророка потрачено было тщетно, никакія убѣжденія не дѣйствовали на епископа Абуль-Хариса и князя ихъ племени, Абдъ-аль-Месиха *), пришедшихъ въ Медину лично представиться пророку. Оба они непоколебимо остались при своемъ. Мухаммедъ принужденъ былъ удовольствоваться заключеніемъ договора, по которому, за уплату значительной дани, имъ предоставлялась свобода исповѣданія вѣры.

Попутно съ переговорами, благодаря которымъ въ эти два года всѣ племена Аравіи до Персидскаго и Индійскаго моря признали главенство Мухаммеда, предпринятъ былъ лишь одинъ походъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, да и тотъ не сопровождался пролитіемъ крови. Пораженіе при Мутѣ не было еще, конечно, забыто, никто не рассчитывалъ на значительный успѣхъ. Но такъ или иначе, не говоря уже объ удовлетвореніи воинской чести и религіознаго рвенія, являлась существенная политическая необходимость вселить прочное уваженіе среди племенъ, кочующихъ къ сѣверу отъ Медины до самыхъ сирійскихъ границъ, давая имъ почувствовать осязательно всю громадность воинскихъ силъ ислама. Недавній же набѣгъ Амра въ эти страны произвелъ лишь мгновенное впечатлѣніе. Сирійскіе купцы семитскаго происхожденія, навѣщавшіе ярмарку въ Мединѣ со своими продуктами, состоящими по преимуществу изъ масла и крупчатки, стали снова много разсказывать о движеніяхъ угрожающаго характера среди арабскихъ сѣверныхъ племенъ, привыкшихъ слѣдовать за знаменами гассанидскихъ князей. Самъ императоръ Ираклій, какъ они передавали, собираетъ въ Эмессъ огромное войско, въ авангардѣ котораго поставлены будутъ рабы.

Подобныя извѣстія не утрашали, конечно, ни Мухаммеда, ни его храбрыхъ приверженцевъ. Даже равнодушные къ дѣлу религіи мекканцы и бедуины до такой степени наэлектризованы были фанатизмомъ успѣха, что мысль о войнѣ съ румами **) нисколько ихъ

*) Это значитъ, «слуга Мессіи», т. е. Христа.

**) Какъ извѣстно, византійцы любили называть себя римлянами. Вотъ почему для жителей востока румы прежде всего византійцы; о древнихъ римля-

не безпокоила. Предпріятіе предполагалось, во всякомъ случаѣ, грандіозное, этого требовала Мѹта. Въ Мединѣ сдѣлано было все, чтобы собрать громадное войско, какого доселѣ не видала еще Аравія. Конечно, не всѣ, которыхъ призывалъ пророкъ въ лагерь, выказали одинаковую готовность. Случилось это среди лѣта, (Раби I или II 9-года, июнь или июль 630 года). Жара стояла невыносимая; къ тому же предположеніе пройти безъ остановки 100 нѣмецкихъ миль было не изъ особенно заманчивыхъ. Въ то время, какъ наиболѣе ревностные явились по первому зову Мухаммеда, не только лично, но предоставили въ распоряженіе «путей господнихъ» большую часть своего имущества, другіе мѣшкали и подыскивали болѣе или менѣе маловажныя отговорки, лишь бы не идти въ походъ. Въ числѣ послѣднихъ, прежде всего понятно, очутились «лицемѣры», со старымъ Абдуллою Ибнѣ Убайемъ во главѣ. Имъ пророкъ охотно далъ разрѣшеніе не участвовать въ походѣ. Посланникъ Божій посмотрѣлъ сквозь пальцы также и на нѣкоторыя удивительныя случайности, задержавшія на этотъ разъ въ ихъ домахъ многихъ юношей, прежде вовсе не нерадивыхъ. Только къ бедуинамъ отнеслись построже; ихъ не слѣдовало, во всякомъ случаѣ, пріучать своевольно не являться на службу. Въ концѣ концовъ собралось войско въ 30.000 пѣхоты и 10.000 кавалеріи. Съ этими силами можно было попробовать взглянуть прямо въ глаза грекамъ. Но въ данную минуту дѣло до этого не дошло. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, когда войска, послѣ утомительныхъ переходовъ, подошли близко къ границамъ, стало извѣстно, что собиравшіяся въ странѣ восточнаго Іордана полчища непріятелей успѣли уже разбѣжаться и на долгое время не предвидѣлось опасности со стороны императора. Трудно вообще подыскать въ данномъ случаѣ объясненіе причинъ, которыя могли воспрепятствовать Мухаммеду попытаться произвести сильную диверсію на одинъ изъ византійскихъ округовъ, дабы отплатить за Мѹту, тѣмъ болѣе, что такая цѣль похода ни для кого не оставалась тайной. Можно предположить только, что утомленія долгой кампаніи были уже не подъ силу 60-лѣтнему старику и онъ отказался отъ первоначальнаго плана. Такъ или иначе, пророкъ остановился въ Тебѹкъѣ, въ 70 миляхъ отъ Медины, самомъ значительномъ селеніи, ближайшемъ къ границамъ. Здѣсь удовольствовался онъ заключеніемъ договора съ однимъ христіанскимъ княземъ Іоанномъ изъ Айлы *), признававшимъ доселѣ византійское главенство, и іудей-

нахъ, латинянахъ, какъ называли ихъ болѣе свѣдующіе, не знали они почти ничего и всегда смѣшивали ихъ съ византійцами, равно какъ этихъ послѣднихъ съ древними греками.

*) Нынѣ Акаба, у сѣверной оконечности восточнаго залива Краснаго моря возлѣ самаго полуострова Синайскаго.

скими жителями нѣсколькихъ мѣстечекъ, расположенныхъ по берегу моря, къ югу отъ этого города. Взамѣнъ уплаты извѣстной дани имъ были обѣщаны терпимость и покровительство со стороны мусульманъ.

Двадцать дней простояли войска въ Тебукѣ, пока наконецъ Мухаммедъ выступилъ съ главными силами въ обратный путь и черезъ нѣсколько недѣль вернулся снова въ Медину. Межь тѣмъ отборный отрядъ изъ 420 всадниковъ, подъ предводительствомъ Халида, былъ отряженъ на набѣгъ въ сторону. Въ 40, приблизительно, миляхъ на сѣверо-востокъ отъ Тебукъ, лежалъ посреди пустыни оазисъ Думать-аль-Джандалъ. Еще три года тому назадъ (6=627), жители его обязались платить дань Мухаммеду. Если извѣстіе справедливо, то вѣроятно послѣ сраженія при Мутѣ, значительно повредившаго на долгое время вліянію ислама на сѣверѣ, этотъ передовой постъ сталъ снова въ васальныя отношенія къ Персіи, при посредствѣ тогдашняго христіанскаго королевства Хиры. Правителемъ оазиса было уже новое лицо, нѣкто Укейдиръ, понятно, принявшій христіанство. Халиду, съ его неожиданно нагрянувшими бедуинами, удалось захватить въ плѣнъ самого князя, находившагося съ немногочисленной свитой на охотѣ. Плѣнника свезли въ Медину, откуда, однако, былъ онъ отпущенъ, послѣ заключенія съ нимъ новаго договора объ окончательномъ подчиненіи оазиса.

Этотъ же самый девятый годъ, къ концу своему (начало 631), принесъ пророку облегченіе, положимъ, давно уже ожидаемое. Скончался Абдулла Ибнъ Убай. Нѣкогда могущественнѣйшій человекъ во всей Мединѣ, онъ вынужденъ былъ давно уже уступать шагъ за шагомъ тому, кого считалъ постоянно за коварнаго проходимца; и ненавидѣлъ же онъ его отъ души. Во всемъ однако былъ виноватъ онъ самъ: вѣчно опасаясь нарушить разъ заключенный съ Мухаммедомъ договоръ, онъ выказалъ совершенно не свойственную мужчинѣ слабость, особенно тогда, когда покинулъ на произволь судьбы іудеевъ Кейнока и Надиръ, тоже связанныхъ съ нимъ договоромъ. Положимъ, многое легко объяснялось тѣсной племенной связью съ союзниками пророка, но все же его поведеніе нельзя было оправдать. За то и наказаніе было ужасно. Съ болью въ сердцѣ приходилось ему ежедневно примѣчать, какъ росъ постепенно этотъ плебей изъ Мекки, и каждый новый успѣхъ разрывалъ на части душу князя хазраджитовъ. Неудержимо опускался этотъ родовитый человекъ и становился въ ряды недовольныхъ, не имѣющихъ никакого вліянія на дѣла. Устраненный отъ нихъ, въ безсильной злобѣ сжимавшій и разжимавшій кулаки, присматривался несчастный, какъ сотни многихъ другихъ достигали почестей и богатствъ; эти муки павшаго величія закончились, наконецъ, безславной смертью всѣми покинутаго на болѣзненномъ одрѣ. Такова была его судьба, которая и нынѣ вспоминается не безъ сожалѣнія. Мухаммедъ былъ

слишкомъ умень, чтобы пропустить подходящій случай. Торжественно произнесъ пророкъ лично молитву надъ гробомъ, какъ бы признавая въ почившемъ истаго мусульманина. Но вслѣдъ затѣмъ появился коранъ, въ которомъ воспрещались дальнѣйшія ходатайства за «лицемѣровъ»; ихъ сразу приравняли къ невѣрующимъ. По охотѣ либо нѣтъ, вынуждены были они перейти въ исламъ. Со смертью Абдуллы о нихъ болѣе не упоминается; послѣднія судорожныя движенія самостоятельности Медины окончательно прекратились.

Но и въ остальной Аравіи, казалось, подоспѣло время, когда наступила возможность смѣло затянуть возжи покрѣпче и подавить всякое непослушаніе, всякое невѣріе, даже въ отдаленнѣйшихъ племенахъ, депутаціи коихъ одна за другою продолжали появляться въ столицѣ до самаго конца десятаго года. До сей поры допускалось еще прибытіе языческихъ пилигримовъ на мекканскія празднества, все еще не рѣшались воспретить сразу послѣ взятія города притокъ ихъ на поклоненіе идоламъ; за ними сохранялась еще какъ бы тѣнь равноправія. Во всякомъ случаѣ подобнаго рода послабленіе пророкъ не освящалъ личнымъ присутствіемъ, да и не находилъ удобнымъ потворствовать этому въ ослзательной формѣ; поэтому онъ совершилъ пилигримство посѣщенія лишь въ восьмомъ году (630), послѣ раздѣла добычи при Джі'раны. Въ девятомъ же году (631) вовсе не пожелалъ посѣтить Мекки, а послалъ вести паломниковъ изъ Медины Абу Бекра, присоединивъ къ нему Алія. Ему предписано было объявить всѣмъ присутствующимъ, собравшимся со всѣхъ концовъ Аравіи, что отнынѣ окончательно упраздняется язычество. Въ послѣдній день празднествъ, по принесеніи торжественной жертвы въ долину Мина, объявилъ Алій всему собравшемуся народу торжественное отреченіе Бога и его посланника отъ слугъ идиоловыхъ, какъ это сохранилось въ началѣ девятой суры корана. Ни одинъ невѣрный—вотъ сущность содержанія этого историческаго документа—отнынѣ не можетъ вступить въ предѣлы священной мѣстности для исполненія обрядовъ паломничества. Договоры, заключенные пророкомъ съ невѣрными, остаются въ силѣ до истеченія срока подписаннаго документа, подъ условіемъ продолженія неуклоннаго исполненія по немъ. Кто же не можетъ предъявить подобнаго договора, тому предлагается на выборъ: или принятіе ислама, или безпощадная война до истребленія. До истеченія священныхъ мѣсяцевъ даруется имъ безпрепятственное возвращеніе на родину, а затѣмъ они подвергнутся нападенію на томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ застигнуты.

Замѣчательныя эти положенія и нынѣ регулируютъ отношенія ислама къ исповѣдующимъ другія религіи. Христіане и іудеи, живущіе во владѣніяхъ мусульманъ, охранены особыми договорами: имъ обез-

печена вѣротерпимость, если они согласны исполнять условія, изложенныя пророкомъ въ его договорахъ съ христіанами Неджрана и Айлы, съ іудеями Хейбара и съ ихъ сѣверными единовѣрцами. Эти же самыя условія примѣнялись впослѣдствіи халифомъ Омаромъ, во время его великихъ завоеваній, и къ новымъ странамъ. Когда же невѣрные вздумаютъ ихъ нарушить, въ особенности если не пожелаютъ платить наложенной на нихъ дани, мусульмане считаютъ себя въ правѣ преслѣдовать ихъ безошадно, пока не истребятъ совершенно или же не обратятъ непокорныхъ въ исламъ. Настоящее идолопоклонство въ особенности преслѣдуется. Язычниковъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ понудить принять исламъ. Если у мусульманъ не хватаетъ силъ привести это въ исполненіе немедленно, они могутъ заключить съ невѣрными перемиріе на извѣстный срокъ—подобно тому, какъ поступилъ пророкъ при Худейбіи—но обязательство «священной войны» остается въ прежней силѣ и должно быть исполнено при первой возможности. Одинъ только тотъ, кому невѣдомо, что эти первыя основы мусульманскаго государственнаго права составляютъ ненарушимую религіозную норму ислама, можетъ вѣрить въ возможность даже нынѣ истиннаго равноправія иновѣрцевъ въ предѣлахъ мусульманскаго государственнаго владычества. Тщетны также упованія на измѣненіе этого порядка при помощи введенія учрежденій, позаимствованныхъ съ Запада. Каждый правовѣрный отвернется съ омерзениемъ отъ малѣйшаго калѣченья основныхъ его законовъ. Всѣ эти «договоры» и «конституціи», которые выманила скорѣе себялюбивая, чѣмъ просвѣщенная дипломатія, на примѣръ у турокъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, воображая осчастливить ихъ противъ воли, не стоятъ того клочка бумаги, на которомъ они начертаны. Мусульманскіе государственные люди усматриваютъ въ этомъ лишь новое доказательство непроходимой глупости невѣрныхъ, полагающихъ надежду свою на витіеватость фразъ, лишенныхъ всякаго разумнаго смысла въ глазахъ истиннаго правовѣрнаго.

Произнесенное Аліемъ «отреченіе» произвело желанное дѣйствіе: лишь въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ понадобились маленькія экспедиціи, какъ напр. въ Южную Аравію, чтобы поучить уму разуму то или иное заупрямившееся племя. Такъ что, къ концу десятаго года (начало 632), пророкъ могъ смѣло сказать, что ученіе его распространилось до отдаленнѣйшихъ границъ Аравіи. Ему не предстояло болѣе тревожиться, что онъ встрѣтитъ невѣрнаго въ святомъ домѣ. И вотъ, за пять дней до начала Зуль-Хиджжы, — мѣсяца паломничества, отправляется посланникъ Божій на поклоненіе, въ первый и послѣдній разъ совершая его во всемъ блескѣ, во главѣ своихъ правовѣрныхъ, съ полнымъ сознаниемъ, что достигъ цѣли своихъ многолѣтнихъ усилій.

Это путешествіе зовется и понынѣ правовѣрными «прощальнымъ наломничествомъ». Такъ какъ въ послѣдствіи всякій считалъ себя обязаннымъ совершать святыя обряды, насколько только возможно, совершенно такъ же, какъ и пророкъ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, то все, что онъ дѣлалъ и говорилъ тогда, сохранено и записано съ особенной тщательностью.

На второй изъ тѣхъ трехъ дней, когда пилигримы, по окончаніи празднества, остаются еще въ Минѣ, произнесъ Мухаммедъ рѣчь къ собравшейся общинѣ. Въ ней онъ предложилъ окончательное время исчисленія года, подраздѣливъ его на 12 чисто-лунныхъ мѣсяцевъ, желая упорядочить на будущее время празднованіе святыхъ дней. Такимъ образомъ замѣненъ былъ бывшій прежде въ употребленіи солнечный годъ луннымъ *), оставшимся у мусульманъ безъ измѣненія и понынѣ. Сверхъ сего, еще разъ, въ сжатой формѣ, изложилъ про рокъ главныя основы обязанностей къ ближнему, налагаемыя новой религіей, стараясь, чтобы сущность ихъ запечатлѣлась неизгладимо въ умахъ правовѣрныхъ. «Всѣ мусульмане—братья, такъ началъ онъ; жизнь и имущество каждаго изъ нихъ должны быть священны для всѣхъ остальныхъ. Запрещается мщеніе за кровь, пролитую во времена язычества. Бракъ нерасторжимъ, семейное имущество, во всякомъ случаѣ, переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ. Женамъ приличествуетъ цѣломудріе и послушаніе, а взамѣнъ слѣдуетъ обходиться съ ними кротко и заботиться о благоденствіи ихъ. Надо щадить рабовъ, не убивать ихъ за прегрѣшенія и въ крайнемъ лишь случаѣ допускается продажа ихъ»—вотъ, въ главныхъ чертахъ, то, что дошло до насъ изъ этой прощальной рѣчи. При всей краткости извѣстій, сразу бросается въ глаза, какой великій шагъ впередъ дѣлалъ исламъ, во всѣхъ отношеніяхъ, по сравненію съ обычаями древне-арабской жизни. На мѣсто прежней войны каждаго противъ всѣхъ, устанавливается прочный государственный порядокъ; имущество ограждается отъ расхищеній и произвола; регулируется, хотя и не въ совершенствѣ, бракъ и правонаслѣдіе; рабы ограждаются отъ жестокости господъ. Каждому мусульманину даруется равноправіе предъ закономъ. Къ этому слѣдуетъ, наконецъ, прибавить уничтоженіе варварскаго и без-

*) Годъ этотъ состоитъ ровно изъ 12 оборотовъ луны, слѣдовательно изъ 354 или 355 дней. Въ послѣднемъ случаѣ къ мѣсяцу (Зуль-Хиджа) добавляется еще одинъ день. Измѣненіе календаря, воспослѣдовавшее благодаря невѣжеству Мухаммеда, представляетъ для правовѣрныхъ то значительное неудобство, что мѣсяцъ ихъ, а затѣмъ и празднества, въ теченіе 33-хъ лѣтъ переходятъ постепенно черезъ всѣ времена года; намъ же приходится переводить на наше лѣточисленіе всѣ ихъ событія, такъ какъ мусульманскій годъ короче нашего на 11 дней, что на 100 лѣтъ составляетъ разницу почти въ 3 года.

нравственнаго обычая закапыванія живыми новорожденныхъ. Вотъ что далъ исламъ и чѣмъ, дѣйствительно, можетъ, по всей справедливости, гордиться. Мухаммедъ, какъ гласитъ несомнѣнное преданіе, дѣйствительно могъ по совѣсти высказаться такъ: «Поистинѣ я совершилъ предначертанное для меня». За разрѣшеніемъ задачи всей его жизни вскорѣ послѣдовала и кончина.

Когда къ концу 10-го года (весною 632) вернулся онъ въ Медину, не было, казалось, ничего особеннаго, что могло бы помѣшать видимо окрѣпшему во всѣхъ отношеніяхъ порядку вещей. Но вскорѣ вспыхнули въ южной Аравіи волненія, которыя однако, на первыхъ же порахъ, потеряли острый характеръ благодаря неписку и розни самихъ бунтовщиковъ. Доставленное въ то же самое время безстыдное посланіе Масламы или Мусейлимы, въ которомъ этотъ глава Бену Ханифовъ дерзко заявлялъ, что онъ рѣшился занять въ Іемâма такое же подожженіе, какое себѣ устроилъ Мухаммедъ въ сѣверной Аравіи, также не грозило опасностью. Это ни на чемъ не основанное притязаніе предполагалось устранить дипломатическимъ путемъ. О томъ же, что одновременно на далекомъ востокѣ подготовлялось грозившее широко разростись броженіе среди Бену Асадъ, еще не могли знать въ Мединѣ. Поэтому не было никакого основанія отказываться отъ новаго предпріятія, о которомъ продолжалъ мечтать Мухаммедъ, со времени возвращенія своего изъ похода въ Тебукъ. Дѣло шло о томъ, чтобы съ усиленной энергіей привести въ исполненіе старинную попытку и окончательно перенести войну за границы Аравіи, на византійскую территорию. Цѣль снаряженія, приуроченнаго къ 27 Сафаръ 11 (25 мая 632 года), обозначилась ясно на слѣдующій же день съ назначеніемъ полководца: обойдены были всѣ извѣстные прежніе предводители и руководство походомъ ввѣрено было Усамѣ, сыну Зейда, павшаго въ сраженіи противъ византійцевъ у Муты, отомстить за смерть котораго предполагалось уже собственно въ прошломъ году. Какъ вдругъ 29 Сафара (среда 27 мая 632 г.), Мухаммедъ заболѣваетъ сильнѣйшей лихорадкой, которая впрочемъ очень скоро миновала. Такъ что въ четвергъ, первое Рабі І (28 мая), пророкъ былъ въ состояніи торжественно вручить знамя Усамѣ. Въ одной милѣ къ сѣверу отъ Медины, въ Аль-Джурфѣ, приказано разбить лагерь, сюда стали быстро, со всѣхъ сторонъ, собираться войска. Но пока длились всѣ эти воинскія приготовленія, лихорадка обнаружилась снова съ удвоенной силой и вскорѣ затѣмъ болѣзнь приняла тревожный характеръ. Въ чемъ, собственно, состояла она, трудно рѣшить, ибо дошедшія до насъ описанія симптомовъ истолковываютъ различно. Предполагаютъ, что это было воспаленіе грудобрюшной преграды, по словамъ же одного знаменитаго естествоиспытателя

теля, который довольно долгое время пробылъ врачомъ на Востокѣ, болѣзнь имѣла несомнѣнные признаки перемежающейся лихорадки. Отъ нея и въ настоящее время почти ни одинъ чужестранецъ не ускользаетъ. Въ нездоровомъ климатѣ влажной долины Медины мекканскіе «бѣглецы» заболѣвали постоянно. Самъ же Мухаммедъ приписывалъ болѣзнь яду, отвѣданному имъ въ Хейбарѣ, но едва ли есть какое-нибудь основаніе въ этомъ предположеніи. Во всякомъ случаѣ, главный симптомъ болѣзни проявлялся въ лихорадочномъ состояніи, временами доходившемъ до жесточайшихъ пароксизмовъ. Тѣло-сложеніе пророка, какъ и у многихъ лицъ, склонныхъ къ нервному возбужденію, было если не крѣпкое, то, во всякомъ случаѣ, очень выносливое, такъ что, за исключеніемъ упоминаемыхъ прежде нервныхъ припадковъ, едва-ли когда-либо страдалъ онъ острыми болѣзнями. Но теперь, когда ему наступилъ 63-й годъ, благодаря напряженію внутреннему и внѣшнему, а также борьбѣ, которую приходилось почти безъ перерыва выдерживать въ теченіе десятковъ лѣтъ, силы организма, повидимому, изсякли. Самъ онъ съ самаго начала болѣзни не ожидалъ ничего хорошаго, а вскорѣ и отъ окружающихъ не ускользнуло, что пророкъ находится въ величайшей опасности. Съ тѣмъ же постоянствомъ самообладанія, которое уже не разъ мы замѣчали у него, старался онъ исполнять свои обязанности, насколько допускали слабѣющія силы. Одну только привычную перемѣну посѣщеній жилищъ многочисленныхъ своихъ женъ онъ долженъ былъ вскорѣ оставить и пребывалъ постоянно въ домѣ Айши. Но руководствованія молитвами не покидалъ и занимался безъ перерыва приготовленіями къ сирійскому походу. Дошло до пророка, что между мединцами распространилось неудовольствіе по поводу назначенія молодого и неопытнаго Усамы. Немедленно же поднялся онъ съ ложа и произнесъ убѣдительную рѣчь предъ общиной, оправдывая свой выборъ и убѣждая всѣхъ добровольно повиноваться. Въ заключеніе, какъ передаютъ, сказалъ онъ: «Вотъ, Господь предоставилъ своему рабу выборъ между этимъ временнымъ и тѣмъ, что пребываетъ у Него, и онъ выбралъ Божіе». Одивъ только Абу Бекръ уразумѣлъ: «Нѣтъ: за тебя мы готовы пожертвовать собой и нашими сыновьями!»—Мухаммедъ отвѣтилъ просто: «Оставь, о чемъ печалишься!»—и вернулся въ домъ Айши. Послѣднее напряженіе, какъ оказалось, превысило его силы, и онъ вынужденъ былъ на будущее время перестать молиться вмѣстѣ съ общиной. Какъ было и прежде, напр. во время паломничества въ девятомъ году, такъ и теперь онъ уполномочилъ Абу Бекра замѣнить его. Все болѣе и болѣе начинали измѣнять ему силы; лихорадочный бредъ прерывалъ часто нить мыслей. Въ воскресенье, 12 Раби I (7 іюня 632 г.), потребовалъ пророкъ бумагу и письменныя принадлежности, собираясь продиктовать

последнюю свою волю. Омаръ счелъ долгомъ воспрепятствовать исполненію его желанія, дабы никакое ошибочное распоряженіе не могло повредить дѣлу вѣры. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ лихорадка ослабѣла и, рано утромъ, наступило значительное облегченіе. «Правовѣрные находились», такъ разсказывалъ позже одинъ изъ очевидцевъ, «на утренней понедѣльной молитвѣ. Колыхнулся занавѣсъ, приподнялся, и раскрылись двери, соединявшія домъ Айши съ мечетью. Выступилъ посланникъ Божій и замеръ на порогѣ. Когда правовѣрные увидѣли больного, то едва не прервали молитвы отъ радости; они подумали: слава Богу, бѣда миновала. А пророкъ кивнулъ имъ милостиво, какъ бы говоря: «Не прерывайте молитвы!»—И засіяло лицо посланника Божія. Въ глазахъ затеплилось самоуслажденіе; любо было ему поглядѣть на правовѣрныхъ, серьезно выстаивавшихъ на молитвѣ. Никогда не доводилось мнѣ—продолжаетъ свидѣтель,—видѣть пророка такимъ прекраснымъ, какимъ былъ въ этотъ моментъ. Затѣмъ повернулъ онъ назадъ, а народъ сталъ расходиться по домамъ въ надеждѣ, что болѣзнь посланника Божія миновала. Вмѣстѣ съ другими отправился и Абу Бекръ къ себѣ въ Сунхъ». Это была последняя вспышка пламени жизни. Едва онъ успѣлъ вернуться обратно на ложе, какъ лихорадка возобновилась снова—началась последняя борьба жизни со смертью. Безпорядочно слѣдовали то тяжкіе вздохи, то отрывистыя слова, обращенныя къ Айшѣ, заботливо поддерживавшей руку умиравшаго. Къ полудню почувствовала Айша, что рука тяжелѣетъ, взоры начинали блуждать. Последовалъ одинъ еще легкій возгласъ: «Нѣтъ, высокіе мои товарищи въ раю»—и все смолкло. Мухаммеда не стало.

Исторія ислама въ теченіе XII-ти столѣтій—достаточно краснорѣчивый комментарий значенія жизни, окончившейся вскорѣ послѣ полуденнаго часа 8 іюня 632 г. (13. Рабі I, 11). Намъ, поэтому, нѣтъ надобности распространяться о томъ громадномъ вліяніи, какое имѣлъ Мухаммедъ. Но, прежде чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшихъ судьбъ его дѣла, да будетъ позволено бросить бѣглый ретроспективный взглядъ на образъ этого замѣчательнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка, столь привлекательнаго, несмотря на то, что его понятія намъ чужды, столь величественнаго, не взирая на многія черты нѣсколько отталкивающего свойства. Если бы намъ пришлось только считаться съ нимъ какъ съ пророкомъ Мекки, или же государственнымъ человѣкомъ и властелиномъ Медины, то, несомнѣнно, и тогда мы должны были бы проникнуться неограниченнымъ къ нему удивленіемъ. Пламенная ревность, съ которой онъ относился къ дѣлу Божіему, его неустрашимое упорство въ проведеніи религіозной идеи, не взирая на безкончныя преслѣдованія и бѣдствія, продолжавшіяся десятки лѣтъ, должны пре-

исполнить душу всякаго, умѣющаго цѣнить самостоятельное исканіе истины, чистосердечнымъ сочувствіемъ. Его политическую проницательность, могучую власть надъ людскимъ сердцемъ, самоувѣренность и выдержку, съ которыми удалось ему провести глубоко рассчитанный, во всякомъ случаѣ, планъ постепеннаго покоренія и сплоченія арабскихъ племенъ въ одно мусульманское государство—всѣ признаютъ, едва ли кто рѣшится оспаривать это. Если же при выполнении обширныхъ плановъ ему не всегда удавалось обойтись безъ нѣкотораго насилія и коварства, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно упрекнуть Мухаммеда въ бесполезной жадѣ мщенія, и ни разу—въ кровавой и безцѣльной жестокости; даже избіеніе бѣдныхъ іудеевъ было, несомнѣнно, мѣрой политическаго расчета. Его 600, какъ многіе мѣтко замѣчаютъ, все же не превосходятъ 4500 саксонцевъ, которыхъ христіанскій герой Карль Великій приказалъ перебить у Аллера. Если же примѣнить мѣрку того, чтó творилось на Востокѣ до и послѣ него, то, несомнѣнно, придется назвать его однимъ изъ самыхъ кроткихъ властелиновъ Востока. И, несмотря на все это, насъ окончательно возмущаетъ въ немъ то, что даже во времена мединскія онъ захотѣлъ играть роль не только властителя, но и посланника Божьяго. Въ роковомъ самообманѣ, онъ пользовался именемъ Всемогущаго какъ вѣвѣской и, въ концѣ концовъ, позволялъ себѣ злоупотреблять имъ для совершенно личныхъ цѣлей, зачастую неблаговидныхъ. Такъ что даже сомнительнаго достоинства государственные люди едва ли осмѣлятся нынѣ оправдывать ихъ печальною необходимостью. Остается одно—стараться не предъявлять слишкомъ строгихъ требованій полудикому арабу седьмого столѣтія и, въ разбираемомъ случаѣ, оставаться въ сомнѣніи, при разрѣшеніи вопроса вины, принимая въ соображеніе неизмѣримую сравнительно высоту нравственнаго состоянія настоящаго общества. Во всякомъ случаѣ, судя по нашимъ современнымъ понятіямъ, личность подобнаго рода, въ концѣ концовъ, все таки отвратительна. Къ тому же хорошія качества души пророка—дружественность обхожденія, доходящая до нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ пониманія, неизмѣнная вѣрность тѣмъ, кому обязанъ былъ благодарностью, чуткая сознательность обязанности, налагаемой высокимъ его положеніемъ, все это могло бы, хотя временно, возбудить наше къ нему сочувствіе, если бы только могли мы позабыть несчастную его страсть, особенно омрачившую послѣдніе его годы: онъ забывалъ окончательно личное свое достоинство при видѣ перваго встрѣчнаго миловиднаго женскаго личика.

Итакъ, мы видимъ, что характеръ Мухаммеда исполненъ былъ несомнѣстимыхъ противорѣчій, благодаря печальнымъ извращеніямъ нѣкоторыхъ чертъ, столь симпатичныхъ вначалѣ. Тѣмъ не менѣе созданное имъ было велико, а по сравненію съ тѣмъ, чтó онъ засталъ,

достойно удивленія. И все же былъ моментъ, когда государственное сооруженіе цѣликомъ, казалось, собиралось рухнуть въ ту свѣжую могилу, которая, день спустя послѣ его смерти, выкопана была въ домѣ Айши для останковъ пророка Аравіи. Въ самомъ дѣлѣ трудно допустить, чтобы проницательный политикъ, при одномъ видѣ этихъ безчисленныхъ депутацій съ изъявленіями покорности и преданности, прибывавшихъ одна вслѣдъ за другой въ теченіе 9 и 10 года (630—631), такъ сразу и повѣрилъ, будто вся страна окончательно и безповоротно предалась исламу. Никкимъ образомъ не могло укрыться отъ пророка, что эти изъявленія преданности, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, оказываемы были лишь могучему властелину, щедрому, войнолюбивому князю, а вовсе не посланнику Божию. Но послѣдняя его улыбка, знакъ прощанія при разставаніи съ молящейся общиной, простекала, вѣроятно, отъ не менѣе основательнаго убѣжденія, что для непобѣдимаго религіознаго рвенія его мединцевъ не будетъ тяжела никакая задача, какую ни поставитъ имъ будущность. Поэтому могучее возстаніе старой Аравіи противъ ярма ислама, которое, вскорѣ послѣ его смерти, заставило на одинъ моментъ усомниться въ прочности зданія, воздвигнутаго при жизни пророка, стало въ дѣйствительности лишь эпилогомъ къ самой исторіи его жизни, а укрощеніе послѣдняго сопротивленія—въ нѣчаніемъ зданія его побѣдъ, уже предрѣшенныхъ взятіемъ Мекки.

Нѣтъ надобности въ обстоятельномъ изслѣдованіи для раскрытія причинъ, почему исламъ, при болѣе близкомъ съ нимъ знакомствѣ, долженъ былъ стать въ высшей степени неудобнымъ для многихъ. Требованія его сразу же оказывались непомѣрно велики: предписывалось соблюденіе до мельчайшихъ подробностей часто утомительной обрядности, высказывалось притязаніе на безусловное повиновеніе государственной волѣ, все отчетливѣй и отчетливѣй выступавшей изъ духовной идеи пророчества, налагалось на всѣхъ правильная уплата податей, даже и на тѣ племена, которыя не очень-то льнули къ чисто религіозной сторонѣ ислама. Съ другой стороны, неслыханный доселѣ вышній успѣхъ, благодаря которому Мухаммедъ могъ учредить новую религію, открылъ честолюбивымъ людямъ глаза на новый многообѣщающій путь къ достиженію политическаго и военнаго могущества. Поэтому-то начало неповиновенія исходило прежде всего отъ тѣхъ, отчасти упомянутыхъ раньше, людей, которые вздумали также попробовать выступить въ роли пророковъ. Очень понятно также, что тлѣвшій до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ подпочвенный пожаръ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ при первомъ извѣстіи о смерти Мухаммеда. Съ быстротою вихря перебрасывался и перескакивалъ онъ въ самыя отдаленныя части полуострова, охвативъ въ короткое время пять шестыхъ всей Аравіи.

Три мѣстности можно считать настоящими очагами возстанія: Йемень на югѣ, Йемама на востокѣ и область Бену Асадъ на сѣверо-востокѣ.

Въ Йеменѣ, относительно рано, вѣроятно вскорѣ послѣ покоренія Мекки, персидскій резидентъ Базанъ подчинился добровольно Мухаммеду. Его собственное положеніе, опиравшееся только на сравнительно небольшое число выходцевъ персовъ, попадавшихъ лишь изрѣдка въ южную Аравію, и нѣкоторыя личныя отношенія къ туземцамъ, было не особенно прочно. На родину не могъ онъ рассчитывать. По смерти царя Хосроя (627) и почти одновременно съ пораженіемъ, понесеннымъ персами отъ византійцевъ при Иракліѣ, монархія тратила остатки своихъ силъ въ междоусобной войнѣ. За то Базану тѣмъ болѣе слѣдовало опасаться изстари непріязненныхъ абиссинцевъ, обитавшихъ по ту сторону моря. Вотъ почему, дѣйствительно, самымъ разумнымъ для него было искать ближайшей опоры, присоединясь къ сильно разросшемуся новому могуществу мединцевъ. По своему обыкновенію Мухаммедъ оставилъ перса на прежнемъ его посту, въ качествѣ правителя всего Йемена и Неджрана, а послѣ его смерти (въ началѣ 632 г.), ограничилъ владѣнія его сына, Шахра, средней частью страны, съ главнымъ городомъ Сан'а; рядомъ же лежація провинціи Неджранъ и Саба подчинилъ отчасти туземнымъ князьямъ, отчасти высланнымъ изъ Мекки намѣстникамъ. Нѣкоторые изъ старѣйшинъ древняго благороднаго рода сочли себя при этомъ новымъ порядкѣ обойденными; вѣроятно возникли также неудовольствія во многихъ мѣстностяхъ изъ за чрезмѣрной требовательности мусульманскихъ сборщиковъ податей. Вотъ и случилось, надо полагать, еще не задолго до смерти Мухаммеда, что Асвадъ Ибнъ Ка'бъ, изъ племени Аусъ, съ успѣхомъ поднялъ знамя возстанія, выдавая себя, подобно Мухаммеду, за пророка. Въ очень непродолжительномъ времени онъ успѣлъ овладѣть цѣлымъ Неджраномъ, и многіе вліятельныя главы племенъ примкнули къ нему. Теперь этотъ смѣлый самозванецъ могъ рѣшиться на внезапное нападеніе на Сан'а, и, дѣйствительно, завладѣлъ городомъ. Шахра умертвили; а чтобы воспользоваться его вліяніемъ, Асвадъ женился на вдовѣ убитаго князя. Власть его быстро распространилась на большую часть южной Аравіи. Но ему не посчастливилось: онъ не сумѣлъ угодить своимъ подданнымъ—неизвѣстно только, случилось ли это по собственной его винѣ, или нѣтъ. Потомки персовъ, естественно, съ самаго же начала стали къ нему въ непріязненныя отношенія, мусульманскія власти въ сосѣднихъ округахъ подстрекали противъ него народъ, насколько умѣли. Въ концѣ концовъ, онъ палъ жертвой заговора, въ которомъ супруга его, вынужденная заключить постылый для нея союзъ, играла немаловажную роль. Согласно преданію, этотъ замѣчательный человекъ, память ко-

того мусульманскія сказанія постарались забросать всевозможною грязью, разстался съ жизнью въ ночь наканунѣ смерти Мухаммеда. Его паденіе было сигналомъ къ полнѣйшей анархіи на всемъ югѣ Аравіи. Персы и южные арабы, язычники и приверженцы ислама— всѣ дрались другъ съ другомъ, пока, наконецъ, возможно стало перенести мусульманское оружіе и въ эти отдаленныя провинціи.

Пока же мусульмане были погорло заняты въ другихъ частяхъ полуострова. Мы уже знаемъ предъявленныя, еще при жизни Мухаммеда, требованія Мусейлимы. Преданіе, конечно, относится болѣе чѣмъ неприязненно ко всѣмъ этимъ бунтовщикамъ и осыпаетъ всевозможными насмѣшками, на которыя только была способна набожная ревность, главу племени Бену Ханіфа. Самое имя перековеркано прибавленіемъ обиднаго эпитета «лжепророкъ» и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе гнуснѣйшихъ дѣяній приписываютъ ему. Само собой все это— совершенный вздоръ, но кромѣ этихъ клеветъ ничего до насъ не дошло; поэтому рѣшить, конечно, трудно: искалъ ли онъ, въ связи съ болѣе раннимъ исповѣданіемъ христіанской вѣры своего народа, установленіе истинной религіозности или, въ самомъ дѣлѣ, потворствовалъ только личному своему честолюбію. Самое содержаніе ученія, проповѣдываемого имъ въ видѣ противовѣса исламу, трудно понять изъ тѣхъ, до смѣшного изуродованныхъ, представленій, которыя передаются мусульманскими писателями. Во всякомъ случаѣ есть основаніе признать, что въ основу его вѣроученія легла склонность къ аскетизму, весьма сходному съ общимъ направленіемъ ханифовъ и выражавшемуся болѣе отчетливо въ лицѣ такихъ представителей, какъ напр. Абу Амиръ. «Лжепророку» дѣлаетъ это, во всякомъ случаѣ, честь. Болѣе точныя извѣстія имѣемъ мы объ успѣхахъ его проповѣди. Народъ его, лишь по наружному виду принявшій исламъ, отшатнулся отъ новой религіи еще ранѣе смерти Мухаммеда. Тысяча воиновъ одного изъ самыхъ могущественныхъ племенъ, Бекръ Ибнъ Вайль, сгруппировались вокругъ новаго пророка, готовые упорно защищать отъ мединскаго ига вновь отвоеванную свободу.

Отпаденіе кочевниковъ ханифовъ въ самомъ средоточіи полуострова подало сигналъ ко всеобщему возстанію. Восточныя и южныя ихъ союда въ Бахрейнѣ и Оманѣ, вплоть до самаго Персидскаго и Индійскаго морей, тотчасъ же прогнали отъ себя мусульманскихъ наставниковъ и сборщиковъ податей. То же самое произошло, когда Тулейха вздумалъ среди асадовъ разыграть роль пророка: бедуины жившіе на сѣверо-востока и сѣверѣ отъ Медины заволновались. Изъ трехъ или четырехъ серьезныхъ конкурентовъ Мухаммеда, этотъ Тулейха взялся за дѣло пренаивнымъ образомъ, съ полнѣйшимъ добродушіемъ, если можно такъ выразиться. Проповѣдывать и провозглашать, въ доказательство сво-

его пророческаго дара, такъ называемыя откровенія въ стилѣ корана онъ былъ окончательно не способенъ. Позже онъ самъ же смѣлся надъ своимъ тогдашнимъ скоморошничествомъ. Однажды ему посчастливилось въ пустынѣ, когда люди его томились страшною жаждою разыскать, по при- мѣру Моисея, ключъ, благодаря внушенію свыше, какъ онъ сталъ увѣ- рять. Для асадитовъ и этого было слишкомъ достаточно. Дикіе сыну пустыни, до сей поры почитавшіе своего старѣйшину за отвагу, стали ему поклоняться, какъ своему доморощенному пророку. Тотчасъ же за полу- ченіемъ извѣстія о смерти Мухаммеда, они подчинились ему и возстали открыто. Полетѣли гонцы къ кочующимъ ближе къ Мединѣ фезаритамъ, абситамаъ и зубьянитамъ, отдѣламъ племени гатафанъ, а также и къ тайитамъ, чтобы побудить и ихъ тоже къ возстанію. Большинство сосѣдей, однако, все еще не рѣшалось, не зная какъ поступить лучше. Конечно, соображали они, громадныя силы угрожаютъ мусульманамъ, но, въ каче- ствѣ ближайшихъ къ Мединѣ племенъ, имъ слишкомъ часто доводилось быть свидѣтелями отчаянной храбрости правовѣрныхъ и успѣховъ Мухам- меда и его приближенныхъ. Исходъ возмущенія казался имъ пока сомнительнымъ. Одинъ Уейна, глава фезаритовъ, какъ истый бедуинъ, не могъ побороть искушенія принять участіе въ новомъ хищническомъ набѣгѣ; съ 700 всадниковъ присоединился онъ къ Тулейхъ. Тайиты раздѣ- лились. Сынь Хатима, Адій, остался вѣренъ исламу, и его приверженцы крѣпко держались его; они усердно отговаривали другихъ, время тя- нулось въ бесполезныхъ переговорахъ. Абсъ и зубьянъ порѣшили, пока что, завязать переговоры. Они воображали, что со смертью про- рока мусульмане станутъ податливѣй. Имъ казалось, что легко будетъ выторговать теперь уступочки во всемъ наиболѣе тяжеломъ въ исламѣ, а затѣмъ и поладить. Недолго думая, они послали въ Медину выборнаго съ предложеніемъ взаимнъ продолженія признанія вѣры освободить ихъ отъ десятины, подати для бѣдныхъ.

Казалось Медина находилась въ такомъ критическомъ положеніи, что отклонить просьбу бедуиновъ становилось почти невозможнымъ. Оба отдѣла племени гатафанъ стояли лагеремъ близехонько: одно въ Зуль-Касѣ, на востокъ отъ города, на разстояніи одного перехода, ни- какъ не болѣе, а другое у А б р а к а, по направленію къ Неджду, въ двухъ дняхъ пути. Главное войско правовѣрныхъ, во исполненіе послѣдней воли умиравшаго пророка, двинулось уже въ походъ, подъ предводи- тельствомъ Усамы, къ сирійскимъ границамъ. Бедуинамъ поэтому не- чего было опасаться нападенія съ сѣвера. Межъ тѣмъ Мекка на югѣ оставалась покойной, жителямъ ея не было особенной пользы отъ по- бѣды бедуиновъ. На юго-востокѣ племена Хавазинъ и Сулеймъ пока вы- ждали, куда повернетъ вѣтеръ. Зато вся остальная Аравія открыто возстала, а абсъ и зубьянъ, въ какіе нибудь 24 часа,¹ могли

накрыть лишенную защитников Медину. Вотъ почему всё оставшіеся старые сподвижники пророка, съ энергическимъ Омаромъ во главѣ, бросились къ Абу Бекру,—кормило правленія успѣло уже перейти въ его руки,—и стали умолять халифа уступить требованіямъ бедуиновъ; но объ этомъ старикъ и слышать не захотѣлъ, «какъ! отмѣнить десятину, введенную пророкомъ по настоящему повелѣнію Бога! Да что вы, съ ума, что-ли, сошли!»—Не руководимый въ данномъ случаѣ никакими политическими соображеніями, вдохновляемый единственно наивною, крѣпкою, какъ скала, вѣрою въ божественность каждаго слова, возвѣщеннаго кораномъ, Абу Бекръ съ твердостью отклонилъ требованія посланныхъ, сказавъ имъ: «знайте, если вы осмѣлитесь не додать хотя бы одного недоуздка изъ десятинной подати на верблюдовъ, я и тогда пойду на васъ войной!»—Неожиданный успѣхъ увѣнчалъ твердость непреклоннаго старца. Черезъ три дня послѣдовало нападеніе враговъ, но горсть мусульманъ не дремала и подготовила бедуинамъ такую жаркую встрѣчу у самыхъ воротъ города, что ошеломленные дикари, вовсе не желавшіе вступить въ уличную рѣзню, которая угрожала страшнымъ кровопролитіемъ, мигомъ разсыпались и исчезли. Правовѣрные между тѣмъ, рассчитывая на скорое возвращеніе главныхъ массъ мусульманъ, въ тотъ же самый вечеръ выступили изъ города немногочисленною кучкой на встрѣчу имъ и потянулись по дорогѣ въ Зуль-Кассу. При утреннихъ сумеркахъ, наткнулись они на лагерь ничего не подозревавшихъ бедуиновъ. По своему обыкновенію дѣти пустыни искали спасенія въ быстромъ бѣгствѣ; многіе изъ крѣпко заснувшихъ пали тутъ же подъ ударами сабель отважныхъ мединцевъ.

Въ этихъ скопленіяхъ различныхъ племенъ и движеніяхъ по всевозможнымъ направленіямъ прошло, приблизительно, около двухъ мѣсяцевъ; тѣмъ временемъ, вскорѣ за стычкой при Зуль-Кассѣ, вернулся назадъ и Усама со всѣмъ войскомъ. О томъ же, перешелъ ли онъ границы византійскія и гдѣ именно, намъ ничего неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ никакого серьезнаго столкновенія съ императорскими войсками не произошло. Одно только ему удалось—смирить, отчасти, племена сѣверо-западной Аравіи, пришедшія было въ волненіе при первомъ извѣстіи о смерти Мухаммеда, и захватить при этомъ значительную добычу. Медина сразу ободрилась и мусульмане тотчасъ перешли въ наступленіе. Прежде всего необходимо было очистить ближайшія окрестности города отъ дерзкихъ бунтовщиковъ. Самъ Абу Бекръ сталъ во главѣ полчищъ надежныхъ «бѣглецовъ» и ансаровъ, готовыхъ со своимъ прежнимъ воодушевленіемъ воевать противъ невѣрующихъ. Въ сентябрѣ 632 года (джумада II, 11), онъ разбилъ все еще стоявшихъ при Абракѣ абсовъ и зубьянитовъ на голову. Бедуины разсѣялись, вся ближай-

шая территорія очищена была отъ ихъ скопищъ. Разрозненными кучками бѣжали они къ Тулейхѣ. Абу Бекръ объявилъ, что пастбища ихъ присоединяются отнынѣ къ мусульманской общинѣ. Послѣ этого, когда ближайшимъ окрестностямъ Медины болѣе не угрожалъ врагъ, халифъ задумалъ обширный планъ: всю Аравію, область за областью, подчинить снова исламу. По обнародованному указу отпавшимъ племенамъ предписывалось безотлагательно подчиниться, если только они желаютъ получить прощеніе за ихъ временное неповиновеніе; кто же станетъ упорствовать въ бунтѣ, тотъ немилосердно будетъ преслѣдуемъ: мужчинъ подвергнуть истребленію, а женщинъ и дѣтей обратятъ въ рабство. Дабы придать наибольшую силу распоряженію, необходимо было, понятно, нанести рѣшительные удары главнымъ бунтовщикамъ—«ложнымъ пророкамъ» и, попутно, направлять также диверсіи въ разныя стороны, чтобы, по возможности, воспрепятствовать скопленію возставшихъ большими массами. Поэтому всѣ, находившіяся въ распоряженіи, военныя силы раздроблены были на маленькіе отдѣльные отряды; по разнымъ направленіямъ двинулись они во всѣ стороны, чтобы разрѣшить свои самостоятельныя задачи. О числѣ и величинѣ этихъ отрядовъ почти ничего не извѣстно. Послѣ смерти Мухаммеда, вообще, извѣстія становятся очень скудны. Насколько для правовѣрныхъ казалось важнымъ сохранить въ точности все то, что говорилъ и дѣлалъ пророкъ, какъ правило и образецъ для руководства всей общинѣ, а также и потомству, настолько же мало заботились они о дѣяніяхъ, которыя для мало развитаго тогда историческаго понятія въ народѣ имѣли, сначала, лишь значеніе безсвязной цѣпи анекдотовъ и семейныхъ воспоминаній извѣстныхъ выдающихся родовъ. Приходится поэтому довольствоваться лишь немногими несомнѣнными данными о главнѣйшихъ моментахъ междоусобной борьбы. На югѣ, какъ было уже упомянуто, воцарилась всеобщая анархія, тѣмъ менѣе ждали отсюда непосредственной опасности; вотъ почему мусульманское оружіе обращено было туда позже. Вскорѣ по возвращеніи Усамы, на сѣверѣ возстало большое племя Куд'а'а. Противъ него выслали отрядъ подъ предводительствомъ Амра, сына Аса; еще при жизни пророка онъ воевалъ въ этихъ странахъ. Серьезнѣе всего было положеніе сѣверо-востока и востока. Тамъ съ одной стороны безчинствовали Тулейха съ Уейной, причемъ изъ тайитовъ только часть осталась вѣрной, съ другой—стояло сильное войско Мусейлимы, отдѣлявшее стѣной Медину отъ всего юго-востока. Халиду отданъ былъ приказъ выступить противъ Тулейхи, межъ тѣмъ какъ Икримъ и Шурахбілю, двумъ дѣльнымъ полководцамъ предоставлялось расправиться съ Мусейлимой. Самъ Абу Бекръ оставался въ Мединѣ со старѣйшими и испытаннѣйшими приверженцами Мухаммеда: Омаромъ, Алиемъ, Таль-

хой, Зубейромъ и другими. Было необходимо въ средоточіи ислама удержать тѣхъ, которые окружали постоянно пророка, его приближенныхъ. Это составляло нѣчто въ родѣ регентства, состоявшаго изъ первыхъ послѣдователей ислама, авторитетъ которыхъ во всѣхъ дѣлахъ вѣры и государственнаго управленія не долженъ былъ подвергаться ни малѣйшему сомнѣнію. Откомандированіе старѣйшихъ въ болѣе отдаленныя мѣста могло повести также къ образованію побочныхъ центровъ, могущихъ нанести неисчислимый вредъ, разобщая цѣлостность направленія политики. Теперь начинало складываться то именно, что позднѣе, при Омарѣ, соблюдалось неизмѣнно: часто ввѣряли начальствованіе надъ войскомъ людямъ, присоединившимся къ исламу относительно поздно; были это воины перворазрядные, но зато по большей части люди слишкомъ мірскаго склада ума. А въ то время, когда интересы подобныхъ людей совершенно совпадали съ имѣющимся въ виду распространеніемъ вѣры насильственнымъ путемъ,—протянулося это, какъ извѣстно, болѣе десятка лѣтъ,—было безразлично, имѣлъ ли коранъ для какого-нибудь «меча Господня» значеніе либо нѣтъ.

Халидъ выступилъ въ октябрѣ 632 (11) со своимъ войскомъ, едва превышавшемъ 2000 человекъ, но состоявшемъ изъ отборныхъ людей, по большей части изъ испытанныхъ «объглицевъ» и ансаровъ. Походъ предпринять былъ сначала въ область тайитовъ, хотя отчасти и оказавшихся вѣроломными, но все еще не рѣшающихся присоединиться къ сосѣдскому, Тулейхѣ. По прибытіи Халида, они безъ труда дали себя убѣдить Адию Ибнъ Хатиму, что выгоднѣе вернуться къ исламу, и усилили такимъ образомъ маленькое войско почтенной цифрой въ 1000 храбрецовъ. Халиду было это очень кстати, ибо, кромѣ Асада, къ Тулейхѣ присоединились фезара, абсы и зубьяны, слѣдовательно всѣ главнѣйшіе отдѣлы племени гатафанъ. Оба войска сошлись при Бузакхѣ, колодецъ въ области асадовъ; предстоялъ горячій денекъ. Но между бедунами, по обыкновенію, не существовало никакой дисциплины. Надъ Тулейхой давно уже подтрунивалъ Уйна, какъ кажется, именно надъ его неудачной пророческой маской. А роль ему разыгрывать приходилось волей неволей. Старый разбойничій атаманъ раскусилъ, наконецъ, что тутъ-то и слѣдуетъ показать себя во всемъ блескѣ. Въ то время какъ бой былъ въ самомъ разгарѣ, онъ повернулъ назадъ со своими 700 фезарами; остальнымъ, дравшимся еще, трудно было держаться долѣе. Бросился бѣжать и Тулейха, спасся въ сирійскую пустыню, а асады добровольно подчинились и получили помилованіе, которое впоследствии даровано было и несчастному пророку, когда тотъ вернулся къ своимъ и покорно выразилъ желаніе снова стать правовѣрнымъ. Уейнѣ также поспаслилось; такъ какъ онъ не хотѣлъ бросать разбойничьяго своего ремесла, то вскорѣ очутился во главѣ отчаянной кучки головорѣзовъ,

сбѣжавшихся къ нему отовсюду. Но Халидъ послѣ сраженія при Бузахѣ все еще не покидалъ области асадовъ и вводилъ старые порядки въ этой мѣстности. Быстрымъ натискомъ разсѣялъ онъ шайку, изловилъ самого Уейну, отослалъ его въ Медину. Такъ ли ловко извернулся и навралъ плѣнникъ, или же, что вѣроятно, самъ Абу Бекръ склонялся къ тому, что въ походахъ противъ византійцевъ и персовъ подобные люди незамѣнимы, во всякомъ случаѣ халифъ отпустилъ его съ миромъ. Вѣрнѣйшему изъ послѣдователей Мухаммеда, видно, прежде всего дороги были интересы вѣры, дороже самой справедливости, хотя самъ лично былъ въ сущности человѣкомъ въ высшей степени добросовѣстнымъ.

Ближайшую свою задачу Халидъ выполнилъ. Тай, гатафанъ и асавъ были умиротворены—слѣдовательно сѣверо-востокъ Медины совершенно очищенъ. Сулеймъ и Хавазинъ, временно выжидавшіе исхода этой борьбы, также долѣе не медлили и тотчасъ же выразили желаніе снова присоединиться къ дѣлу вѣры. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ ближайшіе округа востока и юго-востока были снова успокоены. Свободный «мечъ Божій» можно было направить далѣе. За асадами кочевалъ главный отдѣлъ большого племени темимъ. Дружба ихъ съ исламомъ, начавшаяся на неопредѣленной почвѣ поэтического искусства придворнаго стихотворца Мухаммеда, круто оборвалась вмѣстѣ со смертью пророка. Нѣкоторые изъ нихъ, правда, по полученіи извѣстія о побѣдѣ Абу Бекра, при Зу'ль-Кассѣ, нашли необходимымъ послать въ Медину недоплаченные ими подати, какъ лучшее признаніе своего возвращенія въ лоно вѣры, но громадное большинство и не думало покоряться. А въ одномъ изъ отдѣловъ племени Бену Ярбу, предводимомъ еще со временъ язычества знаменитымъ воиномъ Маликомъ Ибнъ Новейрой, проявилась тѣмъ временемъ своя собственная пророчица Саджакъ, одного съ ними племени, проживавшая до тѣхъ поръ въ Месопотаміи, среди тамошнихъ христіанъ, отдѣла Бену Таглибъ, и другихъ арабійскихъ племенъ. Послѣ распадѣнія королевства Хирь тамъ не прекращалось вѣчное броженіе. Многіе изъ бедуиновъ вернулись на родину, послѣдовавъ за Саджакъ, тѣснимою, вѣроятно, персами. Племя приняло ее охотно и частью даже подчинилось, но остальные темимиты и слушать не хотѣли новую пророчицу. Произошли столкновенія, при чемъ ярбунтамъ не повезло, такъ что Саджакъ принуждена была искать убѣжища у сосѣдняго народа, ханифовъ. Ей пришлось, понятно, вступить въ переговоры съ пророкомъ послѣднихъ, Мусейлимою, чтобы добиться соединенія обоихъ религіозныхъ движеній. Результаты сношеній мало извѣстны, а тѣ недостойныя подробности, которыя встрѣчаются у позднѣйшихъ мусульманскихъ писателей, безъ сомнѣнія, совершенно не-

вѣрны. Досто вѣрно одно только, что Саджа́хъ должна была, наконецъ, покинуть страну и вернуться снова въ Месопотамію. Межъ тѣмъ Халидъ успѣлъ появиться на пастбищахъ темимитовъ и стѣумѣлъ склонить остальные отдѣлы племени мирнымъ путемъ къ изъявленію покорности. Какъ въ тиска́хъ очутился Маликъ между мединцами и Мусейлимой. Сопротивляться не было никакой возможности, и онъ распустилъ своихъ воиновъ, а самъ вернулся домой. Но Халиду показалось это недостаточнымъ. Жаждалъ ли военачальникъ добычи, желалъ ли сорвать на Маликѣ сердце, или же считалъ просто необходимымъ преподать примѣръ строгости, такъ или иначе, онъ отдалъ приказаніе жечь, убивать, захватывать жителей въ окрестностяхъ. Его солдаты привели однажды толпу плѣнныхъ, въ числѣ ихъ самого Малика, хотя было дозволено, что этотъ старшина не оказывалъ ни малѣйшаго сопротивленія, наоборотъ, снова завѣрялъ въ преданности своей исламу; Халидъ выдалъ его, вмѣстѣ съ остальными, отряду своихъ бедуиновъ, а тѣ, не долго думая, отрубили на слѣдующую же ночь всѣмъ плѣннымъ головы. Повторилась та же исторія, какъ и ранѣе съ Бену Джазі́ма. Самые уважаемые изъ мединцевъ, находившихся при войска́хъ, пришли въ негодованіе, при видѣ этой учиненной снова самоуправной кровавой расправы надъ правовѣрными. Абу Ката́да, одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ союзниковъ, отправился съ братомъ умерщвленнаго, знаменитымъ поэтомъ Мутемми́момъ, въ столицу, въ качествѣ обвинителя Халида предъ лицомъ Абу Бекра. Призванный къ отвѣту, военачальникъ объяснилъ случившееся въ высшей степени печальнымъ недоразумѣніемъ. Ночью, рассказывалъ онъ, наступила сильная стужа, онъ отдалъ приказъ часовымъ, чтобы на плѣнныхъ надѣли теплую одежду. Бедуины кива́ниты, бывшіе въ караулѣ, поняли приказъ ошибочно, такъ какъ на ихъ діалектѣ слово «согрѣть» звучитъ почти одинаково, какъ и «убить». Такъ, совершенно случайно, обезглавлены были эти несчастные. Много надо было доброй воли, чтобы повѣрить подобному вычурному разсказу. (Невольно вспоминается та роковая «ошибка», которая повлекла за собой убіеніе герцога Энгіенскаго). Преслѣдовавшій болѣе всего нарушеніе дисциплины, Омаръ сталъ съ свойственной ему энергіей настаивать на смѣнѣ и строгомъ наказаніи свирѣпаго военачальника, который, кромѣ того, осмѣлился подражать примѣру пророка и женился насильно на вдовѣ убитаго. Но и на этотъ разъ Абу Бекръ пожелалъ слѣдовать примѣру, преподанному посланникомъ божіимъ; онъ сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ всему, сказанному про діалектъ Кива́ны. Халидъ отдѣлался на этотъ разъ однимъ выговоромъ за свою поспѣшную женитьбу.

Причина этой необычайной кротости халифа, столь привыкшаго къ строгой послѣдовательности дѣйствій, весьма легко объяснима: какъ

разъ въ это время (въ концѣ 11-го—началу 633 г.), получено было извѣстіе, что Икрима, соревнуя товарищу своему Шурахбілю, необдуманно выдвинулся впередъ и потерпѣлъ пораженіе въ сраженіи съ Мусейлимой и его ханіфами. Необходимо было какъ можно скорѣй загладить ошибку. Икримъ былъ посланъ вмѣстѣ съ строгимъ выговоромъ приказъ обогнуть Іемáму и направиться къ Омáну, гдѣ нельзя было ожидать серьезнаго сопротивленія. Мѣсто его занялъ Хáлидъ со своимъ отборнымъ войскомъ, такъ блестяще дѣйствовавшимъ противъ Тулейхи. Ему приказано было изъ области ярбўитовъ, непосредственно соприкасавшейся со страню ханіфовъ, двинуться туда, соединиться съ Шурахбілемъ и принять главное начальство. Послѣ нѣсколькихъ форпостныхъ стычекъ дѣло дошло здѣсь, наконецъ, до рѣшительнаго сраженія, на границѣ Іемáмы при Акрабá, куда выдвинулся Мусейлима, послѣ одержанной имъ побѣды надъ Икримой. Это было одно изъ упорнѣйшихъ сраженій, когда-либо происходившихъ въ предѣлахъ Аравіи. Хáлидъ съумѣлъ разжечь честолюбіе своихъ солдатъ: бѣглецы, ансары и бедуины сражались отдѣльными отрядами; соревнованіе удвоивало ихъ напряженіе, дошедшее до крайнихъ предѣловъ. И, несмотря на все это, когда главныя массы ханіфовъ *) съ страшной силой обрушились неудержимой лавиной, линіи правовѣрныхъ дрогнули. Но религиозный фанатизмъ и стыдъ выказанной на мгновеніе слабости, подчеркнутой колкими насмѣшками бедуиновъ, вдохнули въ мединцевъ непоколебимыя силы. Могучія полчища непріятелей наткнулись теперь на живую стѣну и мало-по-малу были оттѣснены. Ряды ханіфовъ смѣшались; предчувствуя свое пораженіе, они бросились въ большой садъ, на подобіе парка, расположенный невдалекѣ. Его высокія стѣны и крѣпкія ворота, казалось, могли служить надежною защитою отъ бѣшенаго натиска мусульманъ. На одно мгновеніе тѣ дѣйствительно растерялись. Но храбрый хазраджитъ, А-ль-Барá И-бнъ Мáликъ, приказываетъ, недолго думая, посадить себя на стѣну, у самыхъ воротъ, бросается стремглавъ внизъ и отворяетъ настѣжъ ворота. Тогда побѣдители потекли неудержимой волной и началась кровавая рѣзня. Самъ Мусейлима палъ, пораженный дротикомъ негра Вахшія, того самого, который умертвилъ у Охода Хамзу, но давно уже обратилъ свое страшное оружіе на непріятелей правовѣрныхъ. Съ «дже-пророкомъ» пали здѣсь первенцы его народа. Это мѣсто, куда несчастные ханіфы сами попались какъ въ ловушку, носило позже названіе «сада смерти». Конечно, побѣда мусульманамъ стоила боль-

*) Определенное число сражавшихся неизвѣстно даже приблизительно. Увѣренія арабовъ, что ханіфовъ было до 40000, изъ которыхъ 14000 пали въ сраженіи, очевидно сильно преувеличено. Вѣроятнѣе всего противъ 4000 мусульманъ сражалось приблизительно двойное количество ханіфовъ.

шихъ жертвъ: однихъ бѣглецовъ и ансаровъ пало почти 700 человекъ, между ними братъ Омара, Зейдъ, а съ нимъ значительное число самыхъ старѣйшихъ спутниковъ пророка, лучшихъ знатоковъ корана.

Но если за побѣду было дорого заплачено, зато она рѣшила судьбу не только ханіфовъ, но и цѣлаго арабскаго народа. Все, что осталось отъ племени Мусейлимы, укрылось въ укрепленные замки и, одни за другими, сдавались на капитуляцію, лишь бы сохранить жизнь. Такимъ образомъ и этотъ сильный народъ подчиненъ былъ, наконецъ, исламу. Здѣсь опять встрѣчаемся мы съ обычнымъ слѣдствиемъ арабскаго партикуляризма. Съ того самаго момента, когда племя примыкаетъ къ мусульманамъ, оно тотчасъ же обращаетъ, безъ всякой задней мысли, свое оружіе противъ язычниковъ, дѣло которыхъ такъ недавно было ихъ собственнымъ. То же самое мы видѣли у тайитовъ. Долго медлили они присоединиться къ асадамъ Тулейхи, а при Бузахъ сражаются уже противъ нихъ. Такъ разростался прогрессивно успѣхъ войскъ побѣдителей, умаляя до крайности шансы возстанія. Конецъ сопротивленія уже обрисовывался еще до сраженія у «сада смерти»; Икримъ удалось стать твердою ногою въ Оманъ, жители котораго, преданные интересамъ торговымъ, вели войну довольно вяло. Вмѣстѣ съ другими военачальниками, покорялъ онъ на югѣ страну за страной, пока, наконецъ, не былъ завоеванъ также и Бахрейнъ—прибрежная полоса у Персидскаго залива. Легкому, относительно, завоеванію ея способствовало особенно племенное соперничество живущихъ здѣсь во множествѣ персовъ въ перемежку съ арабскими племенами. Могучее племя Бену Бекръ Ваиль, издавна враждующее съ персидскими вассалами въ самой Хирфъ, а также и въ Бахрейнѣ, вскорѣ, благодаря вліянію всѣми уважаемаго старѣйшины Мусанны, изъ племени Шейбанъ, соединилось съ мусульманскими войсками. Этому обстоятельству, главнымъ образомъ, обязаны мусульмане покореніемъ страны почти до устьевъ Евфрата.

Наконецъ, къ исходу 11-го (весною 633 года), приспѣло время подавить анархію въ Іеменѣ. На встрѣчу Икримъ, шедшему съ востока, покоряя племя за племенемъ, и направлявшемуся на Аденъ, выступилъ съ новымъ войскомъ изъ Медины Мухаджиръ. Тѣмъ временемъ національная партія южныхъ арабовъ успѣла окончательно осилить дружественныхъ исламу персовъ. Но лишь только это ей удалось, какъ старѣйшины ихъ, чисто по-арабски, начали задирать другъ друга. Особенно отличались двое: Кайсъ, сынъ Абдъ Ягуса, изъ племени Мурадъ, и Амръ Ибнъ Мадикарибъ, изъ племени Мезхиджъ, оба игравшіе еще ранѣе роль при Асвадѣ. Этотъ послѣдній былъ арабъ, напоминавшій старинныхъ «скороходовъ» пустыни: и атаманъ и поэтъ, въ то же время, знаменитый рубака,

а также и хитрая лиса, способный глазомъ не моргнувъ рѣшиться на какой угодно безстыдный поступокъ. Когда онъ увидѣлъ, что плохо, то напалъ однажды врасплохъ на бывшего своего друга и союзника Кайса, забралъ его въ полонъ и явился вмѣстѣ съ нимъ въ лагерь къ Мухаджирю, надѣясь выдачей друга спасти свою шкуру. Мухаджиръ отослалъ въ оковахъ обоихъ равныхъ по достоинствамъ разбойниковъ къ Абу Бекру; но халифъ умѣлъ цѣнить, какъ мы уже видѣли на Уейнѣ, подобныхъ людей. Онъ помиловалъ обоихъ, и они дѣйствительно отблагодарили его, храбро сражаясь впоследствии въ рядахъ мусульманъ противъ персовъ. Сопротивленіе, оказываемое бунтовщиками подобнаго сорта, понятно, продолжаться долго не могло.

Именъ, въ особенности же берега Краснаго моря были вскорѣ очищены отъ дѣйствующихъ разрозненными силами шаекъ бунтовщиковъ, и вездѣ установился прочный порядокъ. Болѣе опасное возстаніе продолжалось еще въ Хадрамаутѣ, куда удалилось грезившее когда-то объ арабскомъ великомъ государствѣ племя Бену Кинда. Свободные, гордые люди, они образовали здѣсь одну изъ уважаемѣйшихъ по всей Аравіи народностей, но вѣроломство собственнаго ихъ князя приготовило имъ страшный конецъ. Аль-Аш'асъ Ибнъ Кайсъ, глава ихъ, храбрый воинъ, но одинъ изъ гнуснѣйшихъ предателей, когда-либо появлявшихся на свѣтъ, находился въ 10-мъ году (631) въ числѣ изъявившихъ покорность Мухаммеду. Дабы привязать его сильнѣе къ дѣлу ислама, даровалъ ему пророкъ въ жены одну изъ сестеръ Абу Бекра, но не дозволилъ пока взять ее съ собой въ Хадрамаутъ. Предполагалось, что онъ пріѣдетъ за ней послѣ. Когда же умеръ Мухаммедъ, а Аравія заволновалась, киндитъ раздумалъ вступать въ серьезное родство съ преемникомъ пророка. Онъ тоже возмутился и напалъ на мусульманъ, которые, правда, при взиманіи налоговъ, сильно притѣсняли его племя. Поставленный почти въ безвыходное положеніе, небольшой отрядъ правовѣрныхъ съ трудомъ держался, пока, наконецъ, не подоспѣли на выручку Мухаджиръ и Икрима. Обстоятельства сразу измѣнились. Киндитовъ разбили; Аш'асъ, со своими, заперся въ одномъ укрѣпленномъ городѣ. Но когда осада затянулась и всякая надежда начинала пропадать, онъ рѣшился на измѣну своему народу и завязалъ тайные переговоры съ Икримой, обѣщая сдать городъ, если ему и девяти другимъ, отмѣченнымъ имъ, будетъ дарована жизнь. Мухаджиръ, въ качествѣ главнокомандующаго, приказалъ доставить ему списокъ и приложилъ, въ знакъ согласія, печать свою. Между тѣмъ Аш'асъ второпяхъ позабылъ включить свое имя. Когда мусульмане проникли въ городъ, наступила, по повелѣнію Абу Бекра, бойня; осажденные, застигнутые врасплохъ, всѣ пали,

пощажены были только девять, по условію. А такъ какъ имени Аш'аса не значилось въ спискѣ, долженъ былъ и онъ, по справедливому рѣшенію Мухаджира, умереть вмѣстѣ съ другими жертвами его вѣроломства; но Икрима удросилъ товарища предоставить судьбу измѣнника на усмотрѣніе Абу Бекра. Несчастнаго отослали въ Медину въ оковахъ. Абу Бекру, конечно, было бы пріятнѣе, если бы, попросту, снесли почтенному его зятю голову въ Хадрамаутѣ. Но дѣлать было нечего; плѣнникъ доставленъ, разыгрываль, конечно, роль кающагося мусульманина, возимѣль даже дерзость предъявлять права свои на бракъ, заключенный по повелѣнію самого «посланника Божьяго». Повелителю правовѣрныхъ, никогда не рѣшавшемуся нарушить малѣйшаго предписанія Мухаммеда, ничего не оставалось, какъ прочесть строгій выговоръ измѣннику, а затѣмъ помиловать. Съ грустью приходится иногда слѣдить за судьбой міровыхъ событій. Подумать только, какое необычайное счастье высвободило этого отъявленнаго негодяя изъ ловушки, имъ же подготовленной! И для чего, спрашивается? Нѣсколько позже мы увидимъ, что снова, въ одинъ изъ роковыхъ моментовъ, устраиваетъ все онъ же измѣну самому зятю пророка.

Покореніемъ киндитовъ кончается первый отдѣлъ исторіи ислама: возникла новая вѣра и всѣ племена Аравіи прониклись религіознымъ и національнымъ единствомъ. Такъ какъ исключительно религія содѣйствовала этому слянію, то ей же и слѣдуетъ приписать дальнѣйшіе успѣхи покоренія арабами полуміра; національность находится все время въ подчиненномъ положеніи и весь патріотизмъ арабовъ можно, собственно, разсматривать, какъ дальнѣйшее развитіе приверженности ихъ къ исламу. Поэтому, съ того самаго момента, когда правовѣрные преемники пророка, слѣдуя его завѣтамъ, устремляютъ соединенныя силы народа на дальнѣйшее распространеніе вѣры среди чужеземныхъ національностей, не можетъ быть и рѣчи объ отпаденіи снова отъ ислама даже тѣхъ арабовъ, которые въ глубинѣ своего сердца оставались попрежнему невѣрующими. Признаніе общей религіи арабами отдѣляло ихъ навсегда, какъ господъ отъ подвластныхъ имъ христіанъ или іудеевъ. Само собой, вслѣдъ за завоеваніемъ, перестаетъ существовать и язычество. Мірскія понятія, конечно, не исчезаютъ у большинства и скоро приводятъ даже къ жесточайшимъ внутреннимъ междоусобнымъ войнамъ. Но официальное исповѣданіе остается неза тронутымъ, и внутреннія силы новой религіи сохраняютъ свободу ассимилировать постепенно если не всѣ чуждые ей элементы, то большинство ихъ, которые мечъ подчинилъ исламу—сперва въ Аравіи, а вскорѣ и во всѣхъ странахъ отъ Атлантическаго океана до Инда. Въ дан-

ный моментъ, когда мы приготовляемся къ описанію развитія мусульманства въ міровую религію, будетъ не лишнимъ дать бѣглый обзоръ его вѣроученій и обрядовъ и поговорить о томъ, на что, при изложеніи исторіи образованія ислама, приходилось указывать лишь мимоходомъ по разнообразнымъ поводамъ говоря о случайностяхъ жизни основателя. Намъ придется, поэтому, забѣжать нѣсколько впередъ, такъ какъ ортодоксальная система вѣроученія, въ своемъ законченномъ видѣ, очень понятно, была слѣдствіемъ теологической неустанной работы сотенъ лѣтъ. Но при этомъ не можемъ не привести въ свое оправданіе, что едва-ли найдется какая-либо другая догматика, сдѣланная изъ данныхъ преданіемъ основъ вѣры вывести свои начала и развитіе ихъ такъ стройно и въ той послѣдовательности, какъ это слѣдало мусульманство.

Предлагаемая нами догматика не есть, конечно, исповѣданіе, общее всѣмъ народамъ, принявшимъ исламъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ сороковомъ году (661), зіяющая трещина раздѣлила мусульманскій міръ на двѣ, все болѣе и болѣе распадавшіяся половины—суннитовъ и шиитовъ,—не существуетъ, собственно, общей системы вѣроученія. По вѣшнему виду разница обоихъ исповѣданій состоитъ въ слѣдующемъ: шииты отказались признавать обязательными, какъ истину, большинство тѣхъ изреченій пророка, которыя не попали въ коранъ, а содержатся лишь въ суннѣ, устномъ преданіи. Между тѣмъ правовѣрнымъ необходимо было ими пользоваться, чтобы правильнѣе и увѣреннѣе объяснять святую книгу и восполнять многочисленные пропуски, по необходимости встрѣчающіеся въ вѣроученіи. Приходилось пополнять пробѣлы, неизбежныя въ вѣроученіи, которое опиралось единственно на отдѣльныя строфы корана, нерѣдко носящія случайный характеръ отдѣльныхъ откровеній. Хотя эти преданія въ дѣйствительности достовѣрны лишь въ существенномъ, а не въ полной ихъ цѣлостности, но шииты отвергаютъ ихъ не вслѣдствіе страстной потребности къ истинѣ, и не на основаніи строгаго критическаго изслѣдованія. Имъ ненавистны стали они потому только, что мѣшали произвольному толкованію смысла отдѣльныхъ словъ; а это давало возможность сектѣ вводить постепенно въ исламъ всевозможные чуждые ему элементы. Въ средѣ таковыхъ главную роль играютъ мистическія и пантеистическія идеи, лежавшія въ крови у персовъ, какъ народа индо-германскаго происхожденія, неохотно усвоившаго чисто семитическій духъ исламизма. Вотъ главныя побудительныя причины религіознаго раскола среди мусульманъ; въ нихъ кроется существенное зерно шиитизма; съ точки зрѣнія ортодоксальнаго мусульманства, дѣйствительно, секта эта должна считаться ересью по отношенію къ первоначальному смыслу вѣроученія ислама. Поэтому мы считаемъ себя не только въ

правѣ, но даже обязанными, во всемъ послѣдующемъ, придерживаться исключительно суннитской догматики.

Мы уже знаемъ какъ просты были, доходя почти до скудости, основы вѣры, представлявшіяся каждому при первомъ знакомствѣ съ сущностью ислама: «Нѣтъ божества кромѣ Бога, а Мухаммедъ—посланникъ Божій». Вотъ два главныхъ положенія, къ которымъ присоединяется еще третье—воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ. И изъ всего этого оригинальнымъ собственно является одно утвержденіе, что Мухаммедъ—посланникъ Божій. Но мусульманскій Богъ и мусульманское воскресеніе мертвыхъ, въ концѣ концовъ, нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что подразумеваютъ подъ этимъ христіане и іудеи.

Что касается понятія о божествѣ, то уже и раньше было отмѣчено, что Мухаммедъ, по всему своему духовному существу, по обстоятельствамъ жизни и, наконецъ, по своей нравственной несостоятельности, представлялъ себѣ Бога, правда, превышающимъ всѣ земныя понятія,—вѣчнымъ, всемогущимъ творцомъ міра, «властелиномъ въ день судный»,—но никакъ не святымъ и справедливымъ. Положимъ, догматика и другихъ религій не приводитъ иныхъ доводовъ для основъ и обязательствъ, свойственныхъ ея этикѣ, кромѣ одного только божественнаго откровенія, но зато въ другихъ религіяхъ стараются указать, что воля Божія есть въ то же время предсавленіе всего, что человекъ считаетъ справедливымъ и святымъ, а также добрымъ и любвеобильнымъ. Богъ корана наказываетъ невѣріе безъ всякаго милосердія, даже съ особеннымъ самодовольствомъ, подобно мстительному арабу, отплачивающему неуклонно за каждое личное оскорбленіе. И Аллахъ отдаетъ свои повелѣнія не потому, что они святы и справедливы, а потому, что ему такъ хочется. Даже позднѣйшая схоластическая теологія, развившая столь достойную всяческой похвалы проницательность при начертаніи системы вѣроученія, не въ силахъ разрѣшить главной задачи, т. е. найти руководящій принципъ въ выраженіяхъ той божеской воли, которая отъ наивысшихъ требованій полного самопожертвованія со стороны правовѣрныхъ въ дѣлахъ вѣры переходитъ къ ограниченію войны въ святой мѣсяцъ, снисходитъ даже до мелочныхъ заботъ улаженія какого-нибудь послѣдняго скандала въ гаремѣ пророка. Въ противорѣчивой неровности и путаницѣ понятій трудно было разобраться; приходилось поневолѣ объяснять многое тиранически абсолютнымъ: «*car tel est notre plaisir*» *). Исламъ превзошелъ окаменѣлое, такъ сказать, понятіе позднѣйшаго іудейства о личномъ Богѣ.

*) Такова наша прихоть.

Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что даже нынѣ мусульманинъ не питаетъ къ своему Богу теплой любви. Онъ не въ состояніи почитать въ немъ небеснаго отца, можетъ лишь трепетать передъ неумолимымъ властителемъ, мгновенныхъ прихотей котораго не въ состояніи никто ни предвидѣть, ни избѣгнуть. При всемъ грозномъ величіи, овѣвавшемъ его ликъ, Богъ корана, по крайней мѣрѣ для своего пророка, находилъ слова кротости и утѣшенія; но Богъ позднѣйшихъ догматиковъ, даже и по отношенію къ своимъ испытаннѣйшимъ правовѣрнымъ, сталъ буквально тираномъ, неподдѣльнымъ арабскимъ Богомъ, котораго роковое значеніе этотъ жестокой народъ съ такою легкостью умѣлъ вычитывать изъ св. писанія по всякому, даже незначительному поводу. Въ виду этого подавляющаго образа, человѣкъ совершенно послѣдовательно начинаетъ вырисовываться какъ «рабъ», и ничего болѣе. Соотвѣтственно подобнымъ отношеніямъ, понятно, что и способность человѣка снискать милосердіе Божіе зависѣла всецѣло отъ произвола Всемогущаго. Мы уже выше видѣли тѣ основанія, вслѣдствіе которыхъ пророкъ вынужденъ былъ признать, что самъ Богъ, предвѣки, постановилъ: кто изъ людей удостоится вѣры и спасенія, и кто останется закоснѣлымъ въ невѣріи и пожнетъ вѣчное осужденіе; указывалось также, что Мухаммедъ, при неопредѣленности своихъ воззрѣній, не могъ и самъ дать себѣ яснаго и полнаго отчета во всемъ. Рядомъ съ изреченіями, указывающими на безусловный произволъ благодати, въ коранѣ встрѣчаются и такія мѣста, по которымъ можно предполагать и о существованіи въ человѣкѣ свободы выбора; поэтому неудивительно, что, съ ходомъ развитія теологической системы, именно въ этомъ вопросѣ должно было произойти сомнѣніе и разномысліе. Вообще среди многочисленныхъ кружковъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ мірскаго настроенія, какъ напр. между людьми образованными, приходившими въ соприкосновеніе съ греческими и персидскими идеями, перевѣсь, по крайней мѣрѣ въ первое столѣтіе, былъ болѣе на сторонѣ свободныхъ воззрѣній. Но позднѣе, при Аббасидахъ, когда именно эти чуждые элементы стали угрожать извнѣ самому существованію арабизма, пересилило болѣе строгое направленіе. Задались цѣлью серьезно проводить идею жестокосердія божества, а сообразно съ ней росъ и догматъ предопредѣленія человѣка къ вѣрѣ или безвѣрію, къ спасенію или къ гибели. Принципъ выдвинулся наконецъ съ крайней рѣзкостью, въ томъ чисто разсудочномъ направленіи, съ какимъ семитъ привыкъ подходить къ научнымъ вопросамъ, и благодаря которому арабы и іудеи произвели столько великаго и образцоваго въ математикѣ. На тѣхъ же основаніяхъ ученіе абсолютнаго предопредѣленія быстро развивалось дальше и перешло въ тотъ фатализмъ, который постепенно сталъ составлять всѣмъ извѣстныя существован-

нѣйшія основы всего мусульманскаго міровоззрѣнія; онѣ, такъ сказать, всосались въ плоть и кровь исламскихъ народовъ *). Распространеніе этой идеи ускорено было еще тѣмъ обстоятельствомъ, что по окончательномъ истощеніи духовнаго организма арабской народности, судьба мусульманства начала зависѣть всецѣло отъ турокъ, къ преимуществамъ которыхъ никоимъ образомъ не можетъ быть отнесена духовная бодрость; поэтому ясность и простота фаталистическаго ученія имѣ, преемникамъ арабизма, сразу пришлась по душѣ. Затѣмъ пронесся ураганомъ, по большинству земель Востока, натискъ монголовъ, убившій и истребившій повсюду какъ физическую, такъ и духовную жизнь. Поэтому-то фатализмъ, почти всегда встрѣчающій съ полною пассивностью всякое энергическое воздѣйствіе, вскорѣ переродился въ вялую бездѣтельность, благодаря которой будущность, въ особенности Турціи, представляется нынѣ почти безнадежною.

Неясность понятія о сущности божества въ коранѣ возбудила споры между теологами и по поводу другого пункта. Когда Мухаммедъ (только едва ли въ началѣ пророческой его дѣятельности) познакомился съ христіанскимъ догматомъ трѣипостасности, онъ иначе не могъ его представить себѣ, какъ въ формѣ тройственности божества. Это пониманье совершенно соотвѣтствовало указанной манерѣ семитскаго духа, который не былъ даже въ состояніи себѣ уяснить, зачѣмъ догматика прямо не формулируетъ полнаго единства. Въ противоположеніе этому догмату пророкъ напиралъ сильнѣе всего на то, что Богъ лишь единъ—и учить: «Онъ—Богъ—единъ, вѣчный Богъ. Онъ не рождалъ и не рожденъ: кого либо равнаго Ему не бывало» (сура 112). И вотъ, именно вслѣдствіе выдвинутаго впередъ этого настоятельнаго «кого либо равнаго ему не бывало», развилось до крайнихъ предѣловъ понятіе объ абсолютной высотѣ, недосыгаемомъ отдаленіи, почти, можно сказать, отчужденіи Бога отъ всего человѣческаго, что и вылилось, какъ мы уже видѣли, въ форму отношеній властелина къ рабу. Но далѣе этого у Мухаммеда абстрактное мышленіе не шло, чистое представленіе духовнаго существа Бога ему не давалось. Онъ являлся у пророка не иначе, какъ въ нѣсколько преувеличенномъ человѣческомъ образѣ. Такъ въ коранѣ упоминается напр. о рукахъ и ликѣ Божіихъ; Моисей молить Господа: «дозволь мнѣ лицезрѣть тебя», и т. д. въ подобномъ родѣ. Пророкъ подражаетъ вообще картинности изложеній какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта и при

*) Всѣмъ вѣроятно знакомо это поверхностное представленіе, что судьба каждаго челоуѣка предвѣки ему предназначена и начертана на небѣ. Вотъ почему и нынѣ турокъ часто толкуетъ о своемъ кисметѣ («удѣленное», «судьба»), а арабъ встрѣчаетъ всякое несчастье стоическимъ муваддаръ (такъ было) предопредѣлено, или мектубъ (такъ было) написано.

этомъ вдается, дѣйствительно, въ представленія несомнѣнно антропоморфнаго характера. Съ другой стороны подыскиваетъ онъ усердно все новые и новые эпитеты для болѣе яркаго обозначенія величія, вѣчности и всемогущества высочайшаго; поэтому существо божіе обставлено у него значительнымъ числомъ именъ прилагательныхъ, какъ напр. всемогущій, премудрый, милосердый, всевѣдущій, и т. п. Позднѣйшіе теологи, неуклонно стремившіеся къ возможно послѣдовательному мышленію, не могли, конечно, не замѣтить этого внутренняго противорѣчія между оттѣнками обоихъ крайнихъ возрѣній на самое существо божіе. Поэтому вольномыслящіе старались во всемъ томъ, гдѣ придавались человѣческія свойства божеству, видѣть лишь картинность изображеній, а гдѣ было возможно даже игнорировать текстъ. Люди же строго правовѣрнаго направленія силились возстановить несомнѣнно часто ускользающій при этомъ смыслъ писанія и требовали, во что бы ни стало, буквального по возможности пониманія. Первые, само собой, дошли до того, что нѣсколько уронили уваженіе къ самому корану, другіе же придали ему значеніе чрезмѣрное. Въ этомъ спорѣ «о свойствахъ Бога» обѣ стороны горячились не въ мѣру. Положимъ, ортодоксы разсуждали правильнѣй, ибо нельзя отрицать того, что противники ихъ, отвергая постепенно всѣ божескія качества, и такія напр. какъ мудрость, справедливость и т. п., мало-по-малу отняли у понятія божества всякое опредѣленное содержаніе, такъ что они рисковали окончательно заблудиться въ дебряхъ пантеизма. Когда, наконецъ, перевѣсъ перешелъ на сторону ортодоксія, все-таки ей невозможно было вполнѣ изгладить тѣ противорѣчія, вслѣдствіе которыхъ возгорѣлся весь споръ. Если оставалось неопровержимымъ, что понятіе о Богѣ не должно быть очеловѣчиваемо, то свойства, божества, существованіе которыхъ отрицать нельзя было, отнынѣ предлагалось представлять себѣ насколько возможно болѣе далекими отъ человѣческихъ представленій. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, они становились лишь пустымъ звукомъ. Если допустить напр., что Господь справедливъ, но въ томъ особомъ родѣ, котораго человѣкъ не въ состояніи себѣ и представить, то остается онъ попрежнему для раба своего опять-таки-тѣмъ же грознымъ властелиномъ. О существѣ его тотъ не имѣетъ права и попытываться, повелѣнія обязанъ со страхомъ выжидать и пунктуально, механически послушно исполнять, ввѣряя ему все свое существо, предаваясь всецѣло и беззавѣтно.

Нельзя, однако, отказать въ двухъ преимуществахъ мусульманскому возрѣнію на существо Божіе. Во-первыхъ, оно если и отрицательнаго почти сплошь свойства, но зато по тому же самому и просто, какъ ни въ одной другой религіи. Лучшее всего объясняютъ это

самыя побѣды, одержанныя исламомъ не только наружно, при помощи меча правовѣрныхъ, но и надъ сердцами покоренныхъ. Даже и нынѣ, среди мало культурныхъ народовъ, религія эта пользуется гораздо болѣе значительнымъ успѣхомъ, чѣмъ напр. христіанство. Во-вторыхъ, фатализмъ ввѣдряетъ убѣжденіе, что никому ничего не приключится, чего не было бы предопредѣлено предвѣки, чего не было бы начертано заранѣе, чего можно было бы избѣгнуть либо измѣнить въ своей участи. Вслѣдствіе этого является сознаніе, что каждый мусульманинъ стоитъ гораздо выше массы невѣрующихъ, которымъ ихъ видимые успѣхи, самые полные, приготавливаютъ лишь огонь геенны. Фатализмъ придаетъ человѣку особое достоинство въ каждомъ его жизненномъ положеніи, невозмутимое спокойствіе въ несчастіи, признаваемое единогласно всѣми, кто проживалъ болѣе долгое время среди исповѣдниковъ ислама. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, исламъ, по всей справедливости, заслуживаетъ названіе религіи мужей.

Второй догматъ, пророчество, не требуетъ никакого дальнѣйшаго объясненія. Ученіе о грѣхопаденіи Мухаммедъ заимствовалъ изъ Ветхаго завѣта. Чтобы предостеречь людей, учить онъ далѣе, отъ послѣдствій всеобщаго грѣхопаденія, дабы отвратить ихъ отъ всего злого, въ особенности же отъ идолопоклонства, и убѣдить вернуться къ чистому монотеизму, Богъ посылалъ каждому народу, въ извѣстное время, пророковъ, которымъ, чрезъ посредство ангела Гавріила, объявлялъ свою волю и которыхъ вдохновлялъ откровеніями. Откровенія эти сохранились въ священномъ писаніи; такъ напр. для іудеевъ и христіанъ въ торѣ *), псалтырѣ и евангеліи. Предпослѣднимъ пророкомъ былъ Іисусъ; онъ и его предшественники предвѣщали появленіе Мухаммеда, а послѣ него никакого другого пророка болѣе не явится. Посланъ Мухаммедъ собственно къ арабамъ, но съ тѣмъ, чтобы вообще возстановить повсюду испорченную іудеями и христіанами чистую древнюю вѣру, религію Авраама, какъ особенно любилъ онъ выражаться, т. е. дабы исламъ распространился по всему міру. Мухаммедъ самъ по себѣ обыкновенный человѣкъ, какъ и всѣ другіе **), какъ и Іисусъ. Но онъ носитель послѣдняго и окончательнаго откровенія, которое Богъ преподалъ чрезъ посредничество его въ коранѣ. Вслѣдствіе того, что онъ возстановляетъ смыслъ прежнихъ откровеній,

*) Пятикнижіе Моисея.

**) Это не разъ и съ большой силой повторяется въ коранѣ. Мы уже видѣли, что самъ онъ не выказывалъ притязаній ни на непогрѣшимость, ни на сверхъестественныя свойства, какъ напр. свойства чудотворца. Но, по мѣрѣ все большаго и большаго распространенія ислама, самой личности пророка придаютъ все высшее значеніе. Не прошло и 150 лѣтъ послѣ его смерти, какъ преданіе начинаетъ рассказывать безчисленныя чудеса, и если повдѣйшая догматика не можетъ,

даже расширяет ихъ, сообразно измѣненнымъ потребностямъ времени, коранъ самъ по себѣ—абсолютное откровеніе, исключительно имѣющее значеніе божескаго закона, пунктуальное исполненіе котораго составляетъ высшую обязанность каждаго правовѣрнаго. Естественнымъ слѣдствіемъ усиленія понятія о всемогуществѣ божіемъ относительно предопредѣленія всего сущаго явилось стремленіе признать постепенно коранъ нерукотвореннымъ, предвѣки существовавшимъ у Бога; между тѣмъ какъ вольномыслящіе утверждали, что божеское слово, также какъ и все, сотворено. А такъ какъ, во всякомъ случаѣ, все ученіе въ совокупности и предписанія корана составляютъ прямое проявленіе откровенія, то и тѣ положенія, которыя относятся, собственно къ гражданской или государственной жизни, признаются неотъемлемыми частями религіознаго закона и, какъ таковыя, неизмѣнны.

Текстъ корана, въ томъ видѣ какъ онъ сохранился и понынѣ, долженъ конечно во всемъ существенномъ считаться подлиннымъ равно и для новѣйшей критикѣ, но пониманіе отдѣльныхъ мѣстъ не въ одинаковой мѣрѣ обеспечено. Многое темно и истолковывается многоразлично, встрѣчаются и такія мѣста, значеніе которыхъ можетъ быть выяснено лишь при помощи историческихъ фактовъ, по поводу которыхъ появилось данное откровеніе. Всѣ эти трудности мусульманское богословіе устраняетъ тѣмъ, что собрало съ величайшей заботливостью всѣ извѣстія и отзывы о поступкахъ пророка, сообщенные очевидцами, слышавшими о совершившемся собственными своими ушами. Извѣстія эти сохранялись въ теченіе перваго столѣтія устно, далѣе передавались какъ преданіе. Изъ этихъ сказаній мы узнаемъ, какъ хотѣлъ самъ пророкъ, чтобы понимали то или другое выраженіе въ коранѣ, къ какому событію или лицу приурочено отдѣльное мѣсто, въ какое время имѣло мѣсто откровеніе. Рядомъ сохранено въ преданіи большое число наставленій и предписаній Мухаммеда, которыя онъ самъ не считалъ за прямыя божескія откровенія, а обнародывалъ лишь въ качествѣ руководителя общины. Для его ближайшихъ преемниковъ, во всемъ пунктуально старавшихся слѣдовать его примѣру, они при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ давали удобную почву для расширенія законодательства корана, если особенный случай не былъ предусмотрѣнъ въ самомъ писаніи. Преданія эти, такъ называемая сунна, составляютъ такимъ образомъ необходимое объясненіе и примѣненіе божьяго слова къ предметамъ повседне-

въ виду текста корана, утверждать въ теоріи прямо о непогрѣшимости Мухаммеда, все же она добавляетъ отъ себя такіе эпитеты, какъ: превосходнѣйшій изъ «смертныхъ», и этимъ какъ бы санкціонируетъ нѣчто необычайное. Во всякомъ слѣдствіи едва ли нынѣ осмѣлятся кто либо изъ правовѣрныхъ мусульманъ выказать сомнѣніе въ чудодѣйственной силѣ пророка и нравственномъ совершенствѣ его, почти граничащемъ съ непогрѣшимостью.

ной жизни и служатъ, на ряду съ кораномъ, главнымъ источникомъ, изъ котораго богословы и правовѣды—дѣятельность же ихъ у мусульманъ почти тождественна—почерпаютъ данныя своей научно-духовной системы. Вслѣдствіе долгаго періода пользованія устнымъ преданіемъ явились многочисленныя поддѣлки, которыя необходимо было отдѣлать отъ истиннаго зерна традиціи; задачу эту исполнили спеціальныя изслѣдователи преданій, которые и занимаютъ выдающееся мѣсто во всей системѣ мусульманскихъ знаній *).

При особенномъ пристрастіи къ предметамъ, которые съ трудомъ поддаются изслѣдованію, даже на основаніи источниковъ откровенія,—это и у насъ служило отличительнымъ признакомъ извѣстнаго направленія схоластической теологіи,—обращается мусульманская догматика къ ученію о загробной жизни, третьей основѣ ислама. «Человѣкъ принадлежитъ Богу и къ нему же долженъ вернуться»—наипростѣйшая форма этого положенія; но какъ разъ именно въ этомъ пунктѣ коранъ даетъ, для отдѣльныхъ представленій, крайне грубыя и чувственные картины. Для всего человѣчества за предѣлами міра, тамъ, гдѣ Богъ и ангелы пребываютъ вѣчно, все конечно сокрыто. Но дѣйствительное существованіе замогильнаго бытія проявится ужасающимъ образомъ для всѣхъ отрицателей. Въ день страшнаго суда трубный гласъ вззоветъ къ спящимъ во гробахъ, необозримыми рядами предстанутъ они предъ Божій тронъ, а вдали обозначатся вѣсы, на которыхъ дѣянія каждаго человѣка будутъ взвѣшены. Тогда оба ангела писца внесутъ книгу, на которой записанъ весь дебеть и кредитъ грѣшника. Надъ бездною ада перекинуть будетъ мостъ (сыратъ), подобный тончайшей паутинѣ, острѣ лезвія меча. Черезъ него должны переходить всѣ души и, смотря по приговору наивысшаго, спасенный въ одно мгновеніе очутится на другой сторонѣ, а осужденный низвергнется стремглавъ въ адъ и на вѣки пребудетъ тамъ. Утѣхи райа, понятно, описываются въ коранѣ весьма подробно: здѣсь разрѣшается запрещенное на землѣ вино; подъ тѣнистой листвою, у потоковъ живої воды, ждуть отдыхающихъ правовѣрныхъ красивѣйшіе юноши, поджидаютъ, въ качествѣ супруговъ, стройныя дѣвы «большеглазья»**)—а рядомъ съ этимъ для исключительныхъ, менѣе матеріальныхъ натуръ,

*) Конечно правила, положенныя въ основу этихъ изысканій, мало согласуются съ нашей исторической критикой. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что приходится иногда встрѣчаться съ совершенно невѣроятными исторіями, чудесными и тенденціозными переименованіями фактовъ, но рядомъ можно найти дѣльную массу драгоцѣннаго матеріала и отдѣлать его отъ трухи въ большинствѣ случаевъ не представляется неразрѣшимой задачей, особенно же для западной науки.

**) Такъ называемыя „гуріи“. Впрочемъ, вопреки широко распространенному предразсудку, и вѣрующія женщины принимаютъ участіе въ блаженствѣ. Хотя

предоставляется наивысшая цѣль блаженства—«лицезрѣніе Божье». Очень скверно конечно приходится осужденнымъ на адскія муки: терпятъ они или огненную пытку или ужасный холодъ, пища ихъ состоитъ изъ отвратительныхъ, ядовитыхъ матеріаловъ, а стража геенны препятствуетъ всякой попыткѣ къ бѣгству. Всѣ эти представленія безгранично преувеличены и разукрашены въ позднѣйшее время. Цѣлыя книги наполнены одними только подробными описаніями того, что будетъ послѣ страшнаго суда. Во всѣхъ этихъ описаніяхъ и слѣда нѣтъ силы народнаго духа, творящаго миры; видимо здѣсь разыгралась разслабленная фантазія ученаго со всѣмъ искусственнымъ безвкусіемъ изобрѣтенія; останавливаться надъ этимъ предметомъ не стоитъ, достаточно будетъ упомянуть объ одномъ штрихѣ, составляющемъ всеобщее вѣрованіе толпы: существуетъ повѣріе, что тотчасъ послѣ погребенія, души возвращаются на короткое время въ тѣло. Два ангела, Накіръ и Мункаръ *) спрашиваютъ покойника о земномъ бытіи; сотворившіе что либо особенно злое наказываются тутъ же и претерпѣваютъ тѣлесныя мученія.

Требованія, предъявляемыя душамъ на страшномъ судѣ, носятъ характеръ вполнѣ отрицательнаго свойства: такъ напр. ни одинъ невѣрующій не можетъ надѣяться избѣгнуть геенны огненной. Съ другой стороны, безусловное вступленіе въ рай представляется лишь тому изъ исповѣдниковъ ислама, кто претерпѣлъ муки, кто, слѣдуя по «стезѣ Божіей», палъ въ священной войнѣ, а также, будучи крѣпокъ въ вѣрѣ, неожиданно и безвинно погибъ. Остальные обязаны совершить извѣстное число добрыхъ дѣлъ, въ особенности же заслужить заступничество пророка, чтобы пріобрѣсти необходимый противовѣсъ своимъ грѣхамъ, страшно тяготѣющимъ на чашѣ вѣсовъ страшнаго судилища. По этому поводу у теологовъ приводится цѣлый рядъ примѣровъ, но изъ всѣхъ ихъ, въ концѣ концовъ, опять-таки вытекаетъ, что относительно этого нѣтъ ничего опредѣленнаго, а все зависитъ отъ милосердія Божія. Во всякомъ случаѣ мусульманинъ можетъ быть увѣренъ, что онъ, призывая вѣроученіе, совершилъ главное, и если счетъ его окажется не слишкомъ отягченъ, то можетъ надѣяться избѣгнуть на томъ свѣтѣ банкротства—какъ Мухаммедъ, въ качествѣ стараго купца Мекки, называлъ совокупность всего земнаго нечестія, предъявляемаго каждому на страшномъ судѣ.

Также какъ и въ позднѣйшемъ іудействѣ, въ воззрѣніяхъ корана на религіозные обряды мало внутренней связи собственно съ ученіемъ

мужскому населенію рая предоставленъ свободный выборъ подругъ, но особенно благочестивыя увѣрены, что и тамъ правовѣрный супругъ не покинетъ ихъ.

*) Оба имени, по первоначальной формѣ прилагательныя, въ соединеніи съ лицомъ или вещью означаютъ нѣчто мучительное и отталкивающее.

о вѣрѣ; всѣ они носятъ характеръ законности лишь вѣншей. «Что приказано, должно быть исполнено», такъ гласитъ исламъ, все равно какъ уставъ нашихъ военныхъ. А заключается ли въ приказанномъ обязательствѣ высоконравственнаго значенія, какъ напр. въ заповѣди относиться честно къ ближнему, или же только чисто ритуальное предписание, подобно необходимости омовенія предъ началомъ молитвы—это для мусульманина совершенно безразлично. Поступаютъ они честно, точно также, какъ совершаютъ омовенія: ибо такъ написано въ коранѣ, а такъ же и потому, что послѣдствіемъ неповиновенія будетъ жестокое раскаяніе на страшномъ судѣ. Вообще эта точка зрѣнія законности предписаній тѣсно связана со своеобразнымъ представленіемъ о Богѣ, какъ о своенравномъ въ высшей степени повелителѣ, и признается лишь съ формальной стороны: изъ источника же религіозной душевной потребности не вытекаетъ для мусульманина, по крайней мѣрѣ по теоріи, никакого набожнаго дѣйствія, имѣющаго прямое нравственное само по себѣ достоинство; если и происходитъ согласованіе нравственнаго долга съ предписаніями религіи, все же благодаря только господствующему направленію—слѣпо повиноваться приказаніямъ Божиимъ. Конечно и среди мусульманъ, можетъ быть даже не менѣе, чѣмъ между другими исповѣданіями, встрѣчается множество по натурѣ и направленію хорошихъ людей, которые, подобно соснѣ, растущей прямо вверхъ, поступаютъ честно и справедливо. Но это конечно нисколько не измѣняетъ односторонности теологической системы, а она повсюду успѣла уже стать непреложнымъ достояніемъ возрѣвѣвшей массы народныхъ. Едва-ли напр. найдется много изъ мусульманъ, чья совѣсть возмутится обманывая невѣрующаго, хотя, по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ, всѣ они могутъ оказаться людьми вполне честными. Вслѣдствіе этого, да не удивляется читатель, если при обзорѣ обрядности ислама будутъ попадаться рядомъ предметы весьма разнообразные и, въ глазахъ нашихъ, неодинаковаго достоинства. Особенно характерно для ислама то обстоятельство, что именно тѣ повелѣнія, которыя считаются непреложными, такъ называемые пять каноническихъ «столповъ религіи», всѣ относятся исключительно къ узаконенію ритуала, а равно и взиманія податей.

Первою каноническою обязанностью правовѣрнаго считается очищеніе. Оно состоитъ изъ омовеній, служащихъ подготовленіемъ къ молитвѣ и другимъ религіознымъ дѣйствіямъ, а также для устраненія оскверненій и прикосновеній, отъ которыхъ человѣкъ—пользуясь выраженіемъ, употребляемымъ въ іудейскомъ ритуалѣ—становится нечистымъ въ смыслѣ левитскомъ. Къ главнѣйшимъ случаямъ оскверненія относятъ: естественное испражненіе и прикосаніе къ вещамъ, по закону нечистымъ, такъ напр. къ вину, къ падали, или же къ невѣ-

рующему. Какъ и всѣ церемоніи ислама, омовенія эти не имѣютъ символическаго значенія, какъ бываетъ это въ другихъ религіяхъ; они служатъ просто для возстановленія человѣка снова въ томъ видѣ, въ какомъ подобаетъ ему быть во время сношеній съ Творцомъ. Омовенія существуютъ двухъ родовъ: обыкновенное, малое, при которомъ моютъ лицо, руки по локоть и ноги до лодыжки. Оно производится послѣ малыхъ загрязненій, передъ каждой молитвой, и утромъ, послѣ пробужденія; при большомъ, омывають въ нѣкоторыхъ случаяхъ все тѣло, такъ напр. у женщинъ послѣ родовъ, трупъ умершаго, передъ погребеніемъ и т. п. Если воды невозможно достать, то очищеніе можетъ быть произведено посредствомъ тренія пескомъ.

Вторая, самая главная, и по времени раньше прочихъ установленная пророкомъ, каноническая обязанность—молитва. Въ этомъ торжественномъ религіозномъ актѣ у мусульманъ не замѣчается особеннаго прилива искренняго чувства, хотя ритуальъ исполненъ глубочайшаго почтенія, не такъ какъ у насъ, при обращеніи вѣрующаго къ Отцу небесному. Содержаніе мусульманской молитвы проникнуто скорѣе ужасомъ и изумленіемъ передъ необъятнымъ величіемъ божества, богопочитаніе смѣшано со страхомъ передъ строгимъ Вседержителемъ небесъ и земли. А такъ какъ правовѣрному немисливо приближаться къ Высочайшему съ неподходящими словами или тѣлодвиженіями, то молитва состоитъ изъ ряда на вѣки окаменѣвшихъ формулъ съ присоединеніемъ приличествующихъ обстоятельствамъ суръ корана, которыя, равнымъ образомъ, произносятся при совершенно опредѣленныхъ, правильно чередующихся измѣненіяхъ положенія тѣла. Отдѣльный циклъ этихъ формулъ и положеній зовется кругомъ (рак'атъ), а каждая молитва должна состоять по меньшей мѣрѣ изъ двухъ ракъ'атовъ. Вотъ картинное изображеніе двухъ река изъ сочиненія *) знаменитаго ориенталиста, который лично прожилъ долго на Востокѣ. При этомъ слѣдуетъ вспомнить, что молящійся долженъ обратить лицо свое по направленію къ Меккѣ (кибла). Въ случаѣ нѣкоторыхъ сомнѣній, онъ глядитъ, для ориентированія, на маленькій карманный компасъ. 1) Молящійся говоритъ не слышно про себя, что онъ намѣренъ произнести столько-то и столько ракъ'атовъ и что молитва предстоить такая-то (утренняя, вечерняя и т. д.). 2) «Богъ великъ» **). 3) Первая сура корана ***); а

*) E. W. Lane, An account of the Manners and Customs of the Modern Egyptians, 5-th Ed. 2 vol. London 1871. Vol. I, стр. 95.

**) Аллаху акбару, возгласъ, употребляемый также какъ и воинскій кличъ; значитъ собственно: «Богъ величайшій», т. е. величайшій изъ всѣхъ существующихъ существъ.

***) Не безъ основанія зовутъ ее «отче нашъ мусульманъ». Гласитъ она такъ: «Во имя Бога Всемилостиваго, Всемилосердаго. Слава принадлежитъ Богу, Господу

за ней другая, меньшаго объема, обыкновенно 112, или же нѣсколько строфъ изъ какой-нибудь другой; затѣмъ въ видѣ перехода повторяется снова «Богъ великъ». 4) «(Я признаю) совершенство моего Господа великаго» (трижды), «да угодно будетъ Богу выслушать того, кто его славословитъ. Господь нашъ, слава Тебѣ». 5) «Богъ великъ» (опускаясь на колѣни) «Богъ великъ». 6) «Совершенство моего Господа всевысочайшаго» (трижды). 7) «Богъ великъ» (опускаясь на колѣни): «Богъ великъ». 8) «О, совершенство моего Господа всевысочайшаго» (трижды, а затѣмъ подымая голову): «Богъ великъ». Этимъ оканчивается одинъ ракъ'ать. Молящійся подымается и снова становится на третью позицію; слѣдуетъ второй ракъ'ать, безъ всякаго перерыва (обозначенный 9 — 14). Послѣ cadaго второго или же вслѣдъ за послѣднимъ ракъ'атомъ слѣдуетъ еще 15) «Богу слава и молитва и добрыя дѣла. Да почіетъ міръ надъ тобою, о пророкъ, и милосердіе Божіе и благословеніе Его. Миръ съ нами и съ рабами Божіими, правовѣрными». 16) Исповѣданіе вѣры: «Свидѣтельствую, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и свидѣтельствую, что Мухаммедъ, рабъ его, посланникъ Божій». Послѣ послѣдняго ракъ'ата вся молитва заключается, наконецъ, тѣмъ, что молящійся, 17), глядя черезъ правое плечо, произноситъ: «Миръ съ вами и милосердіе Божіе»; тѣ же слова повторяетъ онъ, глядя черезъ лѣвое плечо—слова эти относятся, какъ говорятъ, къ обоимъ записывающимъ ангеламъ, стоящимъ сзади молящагося, или же ко всей молящейся общинѣ. Съ личными просьбами дозволено обращаться къ Богу только передъ 17. Слѣдуетъ также замѣтить, что послѣ cadaго второго, а также послѣдняго ракъ'ата весьма приличествуетъ произносить еще нѣкоторыя суры изъ корана и различныя молитвенныя формулы, такъ напр. «прекрасныя эпитеты Божіи» *), различно видоизмѣняя и по многу разъ повторяя ихъ, совершенно такъ, какъ это дѣлается у католиковъ; съ ними мусульмане сходятся также и по употребленію четокъ.

міровъ, Всемилостивому, Всемилосердому повелителю въ день судный. Тебѣ поклоняемся и Тебя молимъ о помощи. Веди насъ путемъ прямымъ, путемъ тѣхъ, которыхъ Ты облагодѣтельствовалъ, не тѣхъ, которые подъ гнѣвомъ, и не тѣхъ, которые заблуждаются. Аминь». Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ глазахъ мусульманина было бы богохульствомъ сказать: «слава Тебѣ Боже», ибо не дано никому право судить о божественномъ существѣ; онъ въ правѣ только высказать несомнѣнное, что всяческая мыслимая слава приличествуетъ никому другому, какъ только Богу. Я полагаю, что воззрѣніе это и послѣдовательно, и не лишено нѣкотораго достоинства.

*) Именно тѣ, которые встрѣчаются въ коранѣ, такъ напр. премудрый, милосердный и т. п. Позднѣе обозначеніе божескихъ качествъ получило дальнѣйшее усовершенствованіе и развитіе. Ихъ насчитываютъ обыкновенно до 99 (а съ именемъ Аллаха ровно 100), но потомъ образовалось гораздо болѣе.

Подобную описанной молитвѣ слѣдуетъ творить въ обыкновенный день: 1. Между разсвѣтомъ и восходомъ солнца (4 ракъата); 2. Въ полдень (8 Р.); 3. По полудни, не задолго до солнечнаго заката (6 Р.); 4. Вечеромъ, послѣ заката солнца (5 Р.); 5. Поздно вечеромъ, къ началу ночи (6 Р.). Особенно набожные люди становятся добровольно на молитву и посреди ночи. Соединеніе двухъ молитвъ не допускается. Молитвенные часы возвѣщаетъ глашатай *) съ башенъ (минаретовъ) мечетей. Понятно, долженъ онъ обладать громкимъ голосомъ; на эту должность стараются выбирать по преимуществу слѣпыхъ, чтобы сверху не могли они видѣть, что дѣлается внутри гаремовъ.

Полуденная молитва въ пятницу получаетъ характеръ общественнаго богослуженія. Собравшаяся въ мечети по призыву на молитву община произноситъ два ракъата, каждый говоритъ про себя. Затѣмъ наступаетъ родъ литургіи, хутба, рѣчи, произносимой однимъ изъ нѣсколькихъ прислужниковъ, состоящихъ при мечети. Наконецъ съ каеэдри раздается рѣчь предстоятеля, и мама, состоящая изъ увѣщаній, обильно пересыпанныхъ строфами корана, имѣющая подобіе весьма коротенькой проповѣди. Наступаетъ затѣмъ глухая молитва, а за ней имамъ, вступая снова на каеэдру, произноситъ вторую хутбу. Она соотвѣтствуетъ, приблизительно, общей церковной молитвѣ протестантскаго богослуженія. Заключается она въ произнесеніи исповѣданія вѣры, молитвъ за Мухаммеда и его домъ, за первыхъ исповѣдниковъ, оказавшихъ особенныя заслуги дѣлу ислама, за всѣхъ правовѣрныхъ вообще, за побѣду оружія мусульманскаго и т. д.; молятся также особо за царствующаго властелина, который въ мусульманскомъ государствѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, считался одновременно главой какъ духовнымъ такъ и свѣтскимъ. Этой молитвой община какъ бы изъявляетъ признаніе въ лицѣ правителя двойной его власти. По окончаніи хутбы, становится имамъ передъ михрабомъ, нишей по срединѣ стѣны, обозначающей киблу, и произноситъ, неслышно выговаривая слова, молитву изъ двухъ ракъатовъ; община повторяетъ за нимъ, буквально подражая темпамъ его движеній.—Во всемъ же остальномъ пятница вовсе не считается праздникомъ; до и послѣ молитвы каждый можетъ безпрепятственно продолжать обыденныя свои занятія.

Изъ этого легко усмотрѣть, что сложныя и столь часто повторяемыя церемоніи представляютъ не маловажное бремя для правовѣрныхъ, и тѣмъ не менѣе ритуаль совершается вообще съ величайшею пунктуальностью. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что строгое наблюденіе за исполненіемъ предписанныхъ обрядовъ въ первыя времена ислама несомнѣнно способствовало, и въ высокой степени, приученію

*) Муэззинъ. Призывъ на молитву зовется азанъ.

арабовъ къ порядку и дисциплинѣ. И по сіе время старается мусульманинъ держать себя на молитвѣ съ достоинствомъ и спокойствіемъ. О набожномъ пареніи души не можетъ быть конечно и рѣчи, за исключеніемъ, развѣ, въ нѣкоторыхъ сектахъ съ мистической окраской да у случайныхъ личностей.—Во всякомъ случаѣ, учрежденная по повелѣнію Божію молитва не можетъ никоимъ образомъ быть признана обязанностью легкой или пріятной, но такъ или иначе должна быть выполнена какъ неизбѣжное дѣло, дабы постоянно вести въ порядкѣ балансъ небесной приходо-расходной книги. Въ этомъ общемъ характерѣ молитвословія впрочемъ пріятно поражаетъ истинно мужское возрѣніе мусульманъ, вслѣдствіе котораго всѣ частныя чувства и особыя желанія отдѣльныхъ лицъ вполне ступшевываются передъ задачей восхваленія божескаго величія. Правовѣрный знаетъ отлично, что вся его судьба заранѣе предопредѣлена Божимъ всемогуществомъ. Къ чему же утруждать Высочайшаго ни къ чему не ведущими просьбами и жалобами? Вотъ почему, обыкновенно, частная молитва есть только выраженіе полнѣйшей преданности (по арабски: *исламъ*).

Третья главная обязанность правовѣрнаго по отношенію къ религіи состоитъ въ соблюденіи поста, т. е. воздержаніи отъ пищи и питья и другихъ удовольствій, такъ наприм. благоуханій, купаній, а нынѣ также и куренія табака, въ теченіе цѣлаго дня, т. е. отъ зари до солнечнаго заката, въ продолженіе всего мѣсяца Рамадана. Между тѣмъ, когда Мухаммедъ учреждалъ этотъ постъ, Рамаданъ пришелся въ декабрѣ, а при постоянномъ измѣненіи луннаго года переходилъ, въ теченіе 33-хъ лѣтъ, черезъ всѣ времена года. Такимъ образомъ каждый разъ, когда этотъ мѣсяць приходится въ лѣтнюю пору, постъ становится для мусульманъ дѣйствительно тяжкимъ лишеніемъ. Положимъ, люди мірскаго направленія продолжаютъ преспокойно грѣшить тайкомъ, но завѣтъ пророка строго соблюдается всѣми истинно набожными правовѣрными, а на Востокѣ ихъ большинство. Можно себѣ представить, какъ тяжело приходится имъ, гдѣ-нибудь подъ палящимъ солнцемъ Египта или Индіи. Какъ невыносимо имъ провести цѣлый долгій лѣтній день, не орошая губъ ни единой каплей воды. Всю ночь на пролетѣ вознаграждаютъ они себя, по возможности, за это лишеніе, и каждый изъ нихъ страстно ждетъ наступленія конца поста. Ночь передъ 27 днемъ этого мѣсяца считается священной: это *лейлет-аль-кадръ*—«ночь установленія» т. е. божескаго призванія Мухаммеда на должность пророка, откровеніемъ 96 суры. Въ первый день слѣдующаго мѣсяца, Шавваля, наступаетъ всеобщее ликованіе, по случаю окончанія воздержанія, въ праздникъ нарушенія поста (у турокъ малый или сахарный байрамъ, у арабовъ «малый праздникъ»). Онъ продолжается три дня и сопровождается широкимъ весельемъ, такъ

что по наружному, по крайней мѣрѣ, виду превосходить даже «большой праздникъ». — Отъ обязательства поститься избавляются лишь больные, путешественники и солдаты въ походѣ, но и они должны наверстать въ послѣдствіи дни нарушенія поста. Сверхъ того есть еще цѣлый рядъ другихъ опредѣленныхъ дней, когда постъ хотя и не предписывается, но и не излишенъ.

Еще тяжелѣе, чѣмъ посты, удручаетъ правовѣрныхъ четвертое каноническое предписаніе—паломничества. Когда Мухаммедъ призналъ обязательнымъ для своей религіи посѣщеніе старинной національной святыни, поистинѣ не приходило ему въ голову, что позже придется тысячамъ мусульманъ, дабы принять участіе въ мекканскихъ празднествахъ, путешествовать за сотни миль, перебираясь черезъ горы и пустыни, переплывая океаны. Той неумолимой серьезности, граничащей почти съ жестокостью, съ какою мусульманинъ глядитъ на свои религіозныя обязанности, едва ли во всемъ мірѣ можно подыскать что либо равное. Каждый изъ этихъ миллионовъ людей, хотя разъ въ жизни, обязанъ посѣтить Мекку, все равно гдѣ бы ни жилъ, на Явѣ, въ степяхъ средней Азіи, либо на берегу Атлантическаго Океана, дабы свято выполнить завѣтъ пророка. Даже голые бѣдняки и тѣ бредутъ большими толпами вплоть до святого града. Дорогой перебиваются подаяніемъ, а гдѣ можно—поденщиной или другой тяжелой работой, и такъ продолжается до окончанія святыхъ дней, а затѣмъ, пользуясь тѣми же самыми средствами пропитанія, возвращаются домой. Нѣкоторые вѣроучители, положимъ, утверждаютъ, что можно послать вмѣсто себя замѣстителя, и всѣ вообще признаютъ правильность нѣкоторыхъ основаній, допускающихъ уклоненіе отъ тяжелой обязанности, такъ напр. недостаточность средствъ, болѣзненность, несвобода и т. п. И дѣйствительно, въ новѣйшія времена, когда сила вѣры въ исламъ начинаетъ ослабѣвать, значительно большая половина всѣхъ мусульманъ пользуется подобнаго рода отговорками. Тѣмъ не менѣе и по сіе время собирающихся ежегодно въ мѣсяцѣ Зу'ль-Хиджжѣ на мекканскія торжества считаютъ десятками тысячъ *). Первое, что обязанъ сдѣлать паломникъ, когда онъ подходит къ пограничнымъ камнямъ округа Мекки—это надѣть костюмъ пилигрима (ихрámъ). Онъ состоитъ изъ двухъ кусковъ какой угодно матеріи; однимъ обтягиваютъ бедра, другой же набрасывается на плечи. Къ этому костюму присоединяются сандалии, голова же остается не покрытой, хотя бы празднества происходили въ самую жаркую пору лѣта. Тотчасъ же, по прибытіи въ Мекку, необходимо посѣтить Ка'бу. Священное это

*) Въ 1814 году Буркгардтъ насчиталъ, что на равнинѣ Арафáтъ расположилось лагерьмъ до 70.000 человѣкъ.

зданіе, — хотя въ теченіе сотенъ лѣтъ по различнымъ поводамъ дѣлались нѣкоторыя необходимыя новыя пристройки а также реставраціи, — сравнительно съ первоначальнымъ видомъ измѣнилось незначительно. Главный корпусъ по формѣ — довольно правильный каменный кубъ, около *) 40-ка футъ въ длину, 30-ти въ ширину и отъ 35 до 40 футъ высотой, а по своему наружному виду кажется совершеннѣйшимъ кубомъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ зданіе прикрито черной шелковой матеріей, спускающейся въ видѣ завѣсы, которая отчасти приподымается, крыша же остается открытой; возобновлять этотъ шелковый чехоль предоставляется только султану, какъ намѣстнику пророка. Ка'ба стоитъ почти посреди широкой открытой площади, имѣющей около 200 шаговъ въ длину и 150 въ ширину, на которой находится еще нѣсколько небольшихъ пристроекъ; кругомъ идетъ двойная колоннада, освѣщаемая ночью тысячами лампочекъ. Собственно внутренность Ка'бы служила, до Мухаммеда, хранилищемъ для идоловъ, теперь же, кажется, она пуста. Углы, приблизительно, расположены по направленію четырехъ странъ свѣта. Въ восточномъ вдѣланъ на 4 или 5 футовъ отъ земли знаменитый черный камень, представляющій овалъ въ 7 дюймовъ въ поперечникъ, съ волнообразной поверхностью. Метеоритъ-ли это, кусокъ-ли лавы или, наконецъ, что-либо другое, объ этомъ до сихъ поръ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, въ особенности потому, что поверхность совершенно истерта милліонами поцѣлуевъ пилигримовъ, подобно большому пальцу на ногѣ статуи святого Петра въ Римѣ. Во всякомъ случаѣ онъ игралъ въ древней Меккѣ роль святыни, какъ это часто встрѣчается повсюду у семитовъ по отношенію къ камнямъ **). Когда Мухаммедъ включилъ въ обрядность ислама праздника пилигримовъ, удержано было и почитаніе камня, не опредѣляя болѣе по-

*) Въ точности масса зданія не измѣрена. Послѣ обнародованнаго въ году «отверженія», каждый невѣрующій рискуетъ жизнью, если его застигнуть на священномъ мѣстѣ; поэтому лишь рѣдкимъ отважнымъ путешественникамъ (въ нашемъ столѣтіи Буркгардтъ, Буртонъ и ф. Мальцанъ) удавалось попасть туда, да и то потому, что они путешествовали, выдавая себя за мусульманъ. Во избѣжаніе опасности быть открытыми, должны были они естественно избѣгать всякаго случая обратить на себя вниманіе, поэтому производили свои наблюденія съ большою осторожностью, предпринять же въ точности измѣренія не было никакой возможности. — Для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ современнымъ состояніемъ Мекки особенно рекомендуется превосходное сочиненіе голландскаго арабиста *Снука* (*C. Snouck Hurgronje*, Мекка, Haag, 1888), лично жившаго, подъ видомъ мусульманскаго ученаго, въ Меккѣ и снявшаго тамъ цѣлый рядъ фотографій. Упомянутое сочиненіе подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ издано на нѣмецкомъ языкѣ въ двухъ томахъ съ атласомъ снимковъ и заключаетъ въ себѣ самыя послѣднія и самыя подробныя свѣдѣнія о Меккѣ. *Ред.*

**) Такъ напр. святой камень Іакова въ Венеціи. Бытіе, XXVIII, 18—19.

дробно, какого рода воспоминанія связаны съ нимъ. Вотъ почему онъ возбуждаетъ и по сіе время въ пилигримахъ глубочайшее религіозное чувство, хотя никто, собственно говоря, не можетъ объяснить почему; происхожденіе же Ка'бы приписываютъ Адаму. Послѣ потопа снова отстроилъ ее Авраамъ (Ибрагимъ), но затѣмъ она была осквернена язычниками чрезъ идолослуженіе, пока не былъ посланъ Мухаммедъ, для восстановленія истинной вѣры.—Изъ пристроекъ самую замѣчательную представляетъ домикъ колодца Земземъ. Это и есть тотъ источникъ, который спасъ томящагося жаждой прародителя сѣвероарабовъ, Измаила, и его мать (Бытіе, XXI, 19). По понятіямъ невѣрующихъ, вода его отвратительна, но, въ дѣйствительности, по убѣжденію правовѣрныхъ, исцѣляетъ отъ всѣхъ болѣзней, по меньшей мѣрѣ такъ же успѣшно, какъ и вода Лурда. Пилигримы со страстнымъ воодушевленіемъ пьютъ ее послѣ того, какъ исполняютъ первый обрядъ: обходъ 7 разъ вокругъ Ка'бы, пѣлуя при этомъ каждый разъ черный камень. Обходъ этотъ носитъ названіе тавафъ, за нимъ слѣдуетъ Са'й, бѣгъ между Са'фой и Марвой, двухъ возвышенностей. Первая изъ нихъ находится въ 50 шагахъ отъ юго-восточной стѣны мечети и обозначена тремя маленькими открытыми дугообразными нишами, къ которымъ поднимаются по тремъ каменнымъ ступенямъ; другая расположена въ 600 футахъ разстоянія отъ первой и обозначена платформой, на которую поднимаются тоже по ступенямъ. Путь этотъ, между обоими пунктами, слѣдуетъ пройти быстрымъ шагомъ 7 разъ, такъ что оканчиваютъ его у Марвы. Все время, какъ и при тавафѣ, паломникъ долженъ безостановочно произносить молитвы. Если онъ прибылъ не во время большихъ паломничествъ, а къ Умрѣ («посѣщеніе св. мѣстъ»), тогда обряды этимъ и кончаются. Совершившій ихъ можетъ приказать обстричь волосы, ни разу не тронутые гребнемъ съ тѣхъ поръ, какъ наложилъ на себя ихрамъ, и мѣняетъ паломническій костюмъ на обыкновенное платье. Затѣмъ (обыкновенно на другой день) отправляется пилигримъ къ маленькой часовенькѣ, лежащей въ полутора часахъ разстоянія отъ города, гдѣ и произноситъ два рака'ата. На возвратномъ пути онъ громко поетъ набожные возгласы, начинающіеся обыкновенно съ Лаббейка, Аллахумма, Лаббейка (къ Твоимъ услугамъ, о Аллахъ, къ Твоимъ услугамъ!). Прибывши въ Мекку, слѣдуетъ снова тавафъ и Са'й, и паломничество совершено. Иначе происходятъ великія празднества паломниковъ, хаджъ. Стекающіяся изъ всѣхъ странъ толпы пилигримовъ (хаджжи), послѣ перваго тавафа и Са'я, направляются общей процессіей, 8-го числа мѣсяца Зуль-Хиджа, пересѣкая долину, мимо мечети Муздалифа, на большую равнину, у подножія горы Арафатъ, въ трехъ миляхъ на западъ отъ Мекки. Гранитный этотъ холмъ высится почти

на 200 футов надъ окрестностью; пилигримы достигаютъ его поздно вечеромъ или на другой день утромъ (девятого). На вершинѣ горы, гдѣ, по преданію, ангелъ Гавріиль научалъ впервые Адама почитанію Творца, пилигримы произносятъ два ракъата. Пополудни появляется имамъ на полусклонѣ горы и произноситъ, передъ густо скученной толпой, проповѣдь (хутбу), которая должна продолжаться до самаго заката солнечнаго; короткія промежуточные паузы дополняются громкими взрывами «лабейкъ» присутствующихъ хадджи. Въ тотъ же самый вечеръ караванъ пилигримовъ покидаетъ Арафатъ и, на обратномъ пути, ночуетъ у Муздалифа. При утреннихъ сумеркахъ, десятого числа, начинается имамъ здѣсь новую проповѣдь. Съ восходомъ солнца онъ заключаетъ ее собственно «праздничной молитвой», по окончаніи которой процессія двигается далѣе и достигаетъ долины Мина. Здѣсь снова всѣ останавливаются, а затѣмъ паломники собираются у восточнаго, довольно узкаго входа, пересѣкающаго здѣсь долину отъ востока на западъ, въ направленіи къ Меккѣ. Тутъ стоитъ нѣчто въ родѣ столба или алтаря, въ который каждый изъ присутствующихъ обязанъ бросить 7 маленькихъ камешковъ; ту же самую церемонію и тоже у столба въ серединѣ долины и въ третьемъ мѣстѣ, у выхода изъ долины, продѣлываютъ всѣ пилигримы. По объясненію теологовъ, это есть подражаніе примѣру Авраама; по совѣту ангела Гавріила, онъ сумѣлъ такимъ образомъ прогнать сатану, когда тотъ загородилъ ему выходъ. Затѣмъ наступаетъ жертва, торжественный заключительный актъ всѣхъ празднествъ: каждый правовѣрный покупаетъ у бедуиновъ, которые пригоняютъ сюда большія стада, овцу. Обратившись по направленію къ Ка'абѣ, со словами: «во имя Бога, Всемилостиваго и Всемилосердаго! Господь великъ!», перерѣзываетъ каждый пилигримъ животному горло. Этимъ, собственно, заканчиваются всѣ церемоніи празднествъ. Снимается ихрамъ и, по примѣру малаго паломническаго посѣщенія, обрѣзаются волосы. Но большинство обыкновенно остается еще на два дня (11 и 12) въ Минѣ, чтобы повторить каждый полдень церемонію бросанія камешковъ. 12-го пополудни, возвращаются всѣ въ Мекку, гдѣ еще разъ совершаютъ тавафъ и Са'й, а затѣмъ каждый хадджи, если пожелаетъ, можетъ отправиться въ обратный путь.

Происхожденіе священныхъ обрядовъ, совершаемыхъ съ незапамятныхъ временъ язычества, совершенно неизвѣстно, равно какъ и символическое значеніе различныхъ отдѣльныхъ актовъ, за исключеніемъ, конечно, простыхъ церемоній почитанія, какъ напр. цѣлованія чернаго камня и жертвы, которая первоначально, какъ и вездѣ, представляла или принесеніе первенца года или обозначала жертву умилостивленія. Но объ этомъ мусульманинъ, конечно, и не ду-

маеть. Онъ довольствуется сознаниемъ, что исполняетъ въ точности все, что, по откровенію божіему, было объявлено въ первобытныя времена Аврааму, а затѣмъ было подтверждено снова Мухаммеду. И очень естественно, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ людей, приносящихъ столь великія жертвы, для того лишь, чтобы взглянуть на святые мѣста, при этихъ празднествахъ религіозное воодушевленіе достигаетъ у многихъ необычайныхъ размѣровъ. Одинъ изъ тѣхъ немногихъ европейцевъ, которому удалось вмѣшаться непримѣтно въ толпу набожныхъ, сознается, что на него произвело дѣйствіе потрясающее, когда съ устъ многихъ тысячъ кающихся и нуждающихся въ избавленіи людей прокатилось по долинѣ громомъ: «Тебѣ служимъ, о Боже, Тебѣ служимъ!»

И для мусульманъ, не участвующихъ лично въ хаджѣ, 3 дня Зу'ль-хиджжи, отъ 10 до 12-го, всюду во всемъ мусульманскомъ мірѣ священны; считаются они за «великое празднество» (у турокъ Курбанъ Байрамъ «праздникъ жертвы»), сопровождаемое принесеніемъ жертвъ, молитвой и т. д. Но какъ праздникъ народный, онъ далеко уступаетъ нынѣ «малому празднику».

Въ теченіе многихъ столѣтій вошли въ обычай разнаго рода и другія паломничества, (зіъреть) спеціальнаго свойства, къ могиламъ святыхъ (вели), т. е. къ людямъ, извѣстнымъ по своей набожности, мученикамъ и т. п., а также къ мѣстамъ погребеній, понятно лишь гадательнымъ по большей части, древнихъ пророковъ и божіихъ людей до Мухаммеданскаго періода, такъ напр. Авраама въ Хевронѣ. Вообще во многихъ странахъ (такъ напр. въ Марокко и Алжирѣ) культъ святыхъ, болѣе соотвѣтствующій народнымъ воззрѣніямъ, чѣмъ первоначальный характеръ мусульманства, направленаго исключительно къ поклоненію Аллаху, наноситъ сильный ущербъ самой религіи.

О происхожденіи пятой канонической обязанности, налога въ пользу бѣдныхъ, упоминалось уже раньше, какъ о предписанной кораномъ раздаваніи милостыни. Съ тѣхъ же поръ, какъ мусульманская община развернулась въ величественное государство, обязанность эта приняла характеръ государственнаго налога. По обыкновенію, онъ не долженъ былъ превышать одной сороковой всего достоянія, т. е. двухъ съ половиною процентовъ со всего движимаго и недвижимаго имущества, взыскиваемыхъ съ того, кто владѣлъ имъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ; доходъ этотъ расходовался на бѣдныхъ и на «пути божіи», т. е. на дѣла распространенія религіи. Но при этомъ, особенно въ позднѣйшія времена, открывался чрезвычайно широкій просторъ произволу восточныхъ деспотовъ и недобросовѣстности сборщиковъ податей. Впрочемъ вначалѣ лишь незначительная часть государственныхъ доходовъ получалась изъ этого источника. Военная добыча и подать съ покорен-

ныхъ народовъ давала несравненно болѣе, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Этими пятью каноническими обязанностями далеко, однако, не исчерпываются всѣ религіозныя обязанности мусульманъ, тѣмъ не менѣе они считаются по преимуществу за самыя ненарушимыя и неизмѣнныя. Изъ массы другихъ предписаній, очерчивающихъ кругъ совокупности повинностей государственной и гражданской жизни, я выберу еще нѣсколько изъ наиболѣе важныхъ.

Отношенія къ невѣрующимъ были, по необходимости, непріязненны. Имъ объявлялась, гдѣ только было возможно, война, и каждая подобная война считалась религіозною обязанностью—джихадъ, священной войной *). Необходимо было ее вести безусловно противъ всѣхъ идолопоклонниковъ, а противъ іудеевъ и христіанъ только тогда, когда они трижды отклонили предложеніе принять исламъ. Въ такомъ случаѣ, послѣ побѣды, мужчинъ убивали, женщинъ и дѣтей обращали въ рабство. Павшій въ священной войнѣ, запечатлѣвшій кровью преданность свою вѣрѣ, заслуживалъ, безспорно, утѣхъ рая. Впрочемъ, мусульманамъ дозволялось заключать капитуляціи съ іудеями и христіанами, по образцу тѣхъ, примѣръ которыхъ преподалъ пророкъ.

Весьма ревностно придерживаются всѣ правовѣрные, имѣющіе болѣе или менѣе притязаніе на набожность, законовъ, ограничивающихъ ѣду и питье. Въ этихъ предписаніяхъ мы часто наталкиваемся на сходное съ установленнымъ въ Ветхомъ завѣтѣ. Нечистыми и негодными къ употребленію считаются всѣ животныя, издохшія или незарѣзанныя на бойнѣ (исключается дичь, убитая на охотѣ), также кровь убитыхъ и все, что было, такъ или иначе, осквернено (напр. черезъ прикосновеніе невѣрующаго); далѣе, мясо нѣкоторыхъ животныхъ, въ особенности хищныхъ звѣрей, собакъ, кошекъ и свиней. Изъ напитковъ запрещаются всѣ опьяняющіе: хотя въ коранѣ (2,216) указывается на одно только вино, но большинство ученыхъ богослововъ относятъ сюда, какъ оно, дѣйствительно, соответствуетъ смыслу, и другіе напитки, производящіе то же самое дѣйствіе. Люди мірскаго направленія предпочитаютъ, естественно, самое широкое толкованіе и, не стѣсняясь, пьютъ финиковое вино и пиво извѣстныхъ сортовъ. Открыто пить вино даже и нынѣ осмѣливаются лишь немногіе, такъ какъ пьянство наказываютъ строго, плетьюми. Но тайкомъ и въ старину сильно грѣшили противъ этого предписанія, а въ нѣкото-

*) Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, когда въ началѣ войны между турками и, хотя бы на примѣръ, русскими въ газетахъ появляется обыкновенно, что Шейхъ-Уль-Исламъ объявляетъ «священную войну», развертываетъ знамя пророка и т. д. Само собой понятно, что война начата противъ невѣрующихъ или еретиковъ.

рые періоды, какъ напр. при Омайядахъ и первыхъ Аббасидахъ, когда высшіе классы привыкли жить слишкомъ роскошно, на это даже не обращалось никакого вниманія. вмѣстѣ съ виномъ коранъ запрещаетъ азартныя игры, но, слѣдуя дальнѣйшимъ указаніямъ пророка, запрещеніе игръ и музыки было впослѣдствіи отмѣнено и одни лишь небожные люди придерживаются строго первоначальнаго предписанія. Зато другое повелѣніе, сохранившееся только въ преданіи, по которому не дозволялось изготовлять изображенія живыхъ существъ, исполняется строго и понынѣ, чѣмъ и опредѣляется въ высшей степени своеобразный характеръ мусульманской архитектуры. Фотографія начала однако, съ недавняго времени, распространяться среди мусульманъ, отчасти нарушая предписаніе пророка.

Обрѣзаніе новорожденныхъ было въ обычаѣ у арабовъ задолго до Мухаммеда. Исламъ его только удержалъ; оно служитъ знакомъ принадлежности къ общинѣ и необходимо въ той же мѣрѣ, какъ и у іудеевъ, или же какъ крещеніе у христіанъ. Совершается оно на пятомъ или шестомъ году жизни и составляетъ семейный праздникъ.

Законоположенія, относящіяся къ браку, по сравненію съ произволомъ языческаго періода, конечно, составляютъ шагъ впередъ; но санкціонированіе полигаміи среди мусульманскихъ народовъ принесло многоразличный вредъ. Положимъ, не слѣдуетъ въ данномъ случаѣ впадать въ преувеличенія. Если, по нашимъ понятіямъ, мусульманину предоставлена бѣльшая легкость въ заключеніи браковъ, то съ другой стороны нельзя не признать, что вообще между мусульманами, до и послѣ брака, существуетъ безконечно менѣ безнравственности, чѣмъ у насъ напр. на Западѣ. Затѣмъ пророкомъ весьма обстоятельно предписывается, чтобы никто не смѣлъ брать болѣе женъ, чѣмъ сколько въ состояніи прилично содержать. Поэтому большая часть народа, за весьма рѣдкими исключеніями, довольствуется одною подругой. Благодаря однако легкости полученія развода и вслѣдствіе разрѣшенія, кромѣ четырехъ законныхъ женъ, брать для себя въ видѣ побочныхъ сколько угодно рабынь, мусульманскія брачныя установленія не благопріятствуютъ ни порядочности семейной жизни, ни сохраненію выработаннаго народнаго типа въ высшихъ классахъ общества. И общественное положеніе женщинъ также стало подчиненнымъ *) вслѣдствіе того же предписанія корана, причемъ повелѣніе о возвращеніи приданаго послѣ развода давало женщинамъ лишь несовершенною за-

*) Слѣдуетъ впрочемъ напомнить, что низведеніе женщинъ до положенія плѣнницъ гарема не вытекало, собственно, изъ истиннаго духа ислама. Постепеннаго улучшенія ихъ положенія можно было ожидать въ будущемъ, если бы не случайное обстоятельство, повлекшее за собой несоответственное предписаніе. А жизнь въ гаремѣ, тѣсно связанная съ институтомъ евдуховъ, появи-

щиту, ибо отослать ее мужчина могъ всегда, когда вздумаетъ или найдетъ это подходящимъ. Впрочемъ, примѣненіе этого права связано съ разнаго рода формальностями, клонящимися къ тому, чтобы предотвратить всякую поспѣшность или же убѣдить стороны къ примиренію. Тѣмъ не менѣе опредѣленно выраженная воля мужчины ставитъ женщину въ беспомощное состояніе. Очень важно также въ историческомъ отношеніи, что законность дѣтей зависѣла не отъ положенія ихъ матери, а отъ признанія со стороны отца. Разъ оно выражено, сынъ рабыни становится равноправнымъ съ дѣтьми законной жены, во всѣхъ имущественныхъ правахъ и при раздѣлѣ наслѣдства. Оно дѣлится вообще на равныя части между дѣтьми мужескаго рода и не даетъ предпочтенія ни одному изъ нихъ, если только не состоится между ними иного соглашенія; также не дозволяется включать въ дарственные записи болѣе трети всего состоянія. Дочери получаютъ по закону половину того, что приходится ихъ братьямъ.

Болѣе заслуживаютъ одобренія постановленія о рабахъ; хотя исламъ ихъ и не уничтожилъ, но во многихъ отношеніяхъ смягчилъ обхожденіе съ ними. Само собой понятно, что человѣколюбивыя стремленія Мухаммеда были часто нарушаемы и понынѣ нарушаются не только по произволу деспотическихъ властелиновъ, но еще чаще отъ жестокосердія и свирѣпости собственниковъ, но вѣдь то же самое совершается понынѣ и въ странахъ христіанскихъ. Пророкомъ предписывалось тому, кто добылъ раба какъ военнопленнаго на войнѣ, либо купилъ, наслѣдовалъ, наконецъ получилъ въ подарокъ,—пользоваться лично имъ и его рабочей силой, но зато налагалось на владѣльца обязательство обходиться съ нимъ болѣе или менѣе человѣчно. Если мусульманинъ бралъ себѣ въ гаремъ наложницей рабыню и получалось отъ нея потомство, то онъ не имѣлъ права продавать ее, а послѣ его смерти она становилась свободной. Считалось добрымъ дѣломъ даровать рабу волю; послѣдній могъ также откупиться, если былъ въ состояніи внести своему господину соотвѣтствующій выкупъ, смотря по уговору, до или послѣ освобожденія. Вольноотпущенный оставался во всякомъ случаѣ какъ бы кліентомъ, въ нѣкоторомъ подчиненномъ отношеніи къ своему прежнему господину.

Менѣе замѣчательнаго въ мусульманскомъ уголовномъ законѣ. Убийца подвергается смерти; за случайное и ненамѣренное убійство требуется вознагражденіе оставшихся родныхъ или налагается какое-либо другое взысканіе. За тѣлесное поврежденіе виновникъ можетъ заплатить,

лась лишь позднѣе при Омайядахъ и позаимствована цѣликомъ у христіанской Византии.—Въ IX—X стол. славилась „заповѣдь“ евнуховъ, содержимые евреями во Франціи (см. Dozy, Histoire des musulmans d'Espagne, Leyde, 1861, t. III, 60).

слѣдую основному принципу «око за око, зубъ за зубъ», но можетъ также откупиться денежнымъ вознагражденіемъ потерпѣвшаго. Воровство, если предметъ кражи болѣе или менѣе значителенъ, наказывается отсѣченіемъ правой руки; въ случаѣ повтореній слѣдуетъ дальнѣйшее калѣченье или продолжительное заключеніе въ тюрьму. Прелюбодѣяніе наказывается сотнею ударовъ кнутомъ, а если виновникъ изъ невѣрующихъ и соблазнилъ мусульманку, то подвергается смертной казни. Богохульство, хуленіе Мухаммеда или древнихъ пророковъ, какъ-то Моисея и Христа, считается также однимъ изъ тягчайшихъ грѣховъ и наказывается смертью; тому же подвергается отпавшій отъ ислама, если онъ продолжаетъ упорствовать въ своемъ отступничествѣ.

Если въ религиозныхъ законахъ ислама, какъ можно заключить по вышеизложенному, заключается безконечное множество отдѣльныхъ постановленій, которыя другія религіи, за исключеніемъ іудейской, представляютъ государственному праву, зато мы не находимъ въ коранѣ краткаго изложенія главнѣйшихъ нравственныхъ предписаній, какія группируются напр. въ десяти заповѣдяхъ. Встрѣчаются, правда, случайныя нравственныя наставленія, напр. необходимость поступать честно въ дѣловыхъ сношеніяхъ и т. п., но потребности построенія небольшого свода общихъ правилъ, къ которымъ во всемъ житейскомъ каждый могъ бы самостоятельно приравнивать свою совѣсть, исламъ какъ бы не ощущаетъ. Для него дѣянія не важны, все сосредоточивается на вѣрѣ. Каждое повелѣніе Божіе, возвыщенное чрезъ откровеніе пророку, какъ таковое и обязательно, не принимая въ соображеніе какой бы то ни было связи съ остальными постановленіями. Поэтому для мусульманина почти непонятна разница между религиозностью и нравственностью. Ни въ какомъ случаѣ нельзя ему втолковать, что Богу могутъ быть угоднѣе честныя поступки человѣка, чѣмъ молитва и омовеніе, исполняемая пунктуально. Это неразборчивое смѣшеніе обрядовыхъ, нравственныхъ и юридическихъ предписаній, причемъ первыя, почти въ той мѣрѣ какъ у фарисеевъ, выступаютъ на передній планъ, а затѣмъ механическая смѣсь монотеистическихъ воззрѣній въ формѣ іудейскихъ и христіанскихъ вѣроположеній, притомъ понятыхъ далеко неправильно, съ остатками, не имѣющими никакого значенія въ религиозномъ отношеніи, арабскихъ національныхъ обычаевъ, представляютъ въ общемъ не особенно утѣшительную картину. Зато съ другой стороны, принимая во вниманіе время появленія ислама, нельзя не признать за нимъ, въ сущности, необычайнаго значенія. Не въ томъ, конечно, заключается секретъ успѣховъ Мухаммеда, что онъ часто съ неразумной, иногда почти дѣтской споровкой складывалъ свое священное писаніе изъ искаженныхъ обрывковъ преданій другихъ религіи, а въ томъ, что онъ счумѣлъ свою религію—все равно откуда она ни

происходила — приладить ко всѣмъ глубоко укоренившимся предрасудкамъ арабовъ и при этомъ не устранить совершенно основъ своего монотеистическаго ученія; вотъ что было верхомъ искусства, и мастерское выполненіе этой трудной задачи составляетъ главную его заслугу. Не сразу удалось ему это. Даже такъ называемое «возвращеніе къ язычеству» было не чѣмъ инымъ, какъ предисловіемъ для возвышенія Ка'бы до степени киблы и для включенія хаджжа въ число «столповъ вѣры». Итакъ, исламъ отличается отъ другихъ монотеистическихъ религій не только отрицательнымъ отклоненіемъ отъ опредѣленныхъ, по преимуществу христіанскихъ догматовъ, но также и прививкой монотеизма въ народности арабской, что и обозначилось наружно перемоніями хаджжа, а внутренно — особымъ направленіемъ въ понятіи о божествѣ. Съ того самаго момента, когда пророку арабовъ удалось на почвѣ своей новой религіи собрать свой народъ, естественно начинается исламъ со всей силой своего первозданнаго непочатаго могущества напирать на сосѣдніе народы, государственной жизни которыхъ отчасти блестящей, по крайней мѣрѣ по наружности, а внутри уже давно заплѣсневѣлой и разлагающейся, предстояло по необходимости рухнуть при первомъ же столкновеніи. Къ изложенію исторіи этой почти безпримѣрной катастрофы мы теперь и перейдемъ.

КНИГА II. ПРАВОВѢРНЫЕ ХАЛИФЫ.

ГЛАВА I.

Халифатъ.

Какъ ни опасна казалась съ самаго начала послѣдняя болѣзнь пророка, конецъ его, наступившій послѣ видимаго улучшенія положенія больного, утромъ въ день смерти, поразилъ всѣхъ своей неожиданной быстротой. Большая часть членовъ общины мирно разошлась послѣ богослуженія. Даже Абу Бекръ вернулся въ свое жилище въ предмѣстіе. Фатимы, дочери пророка, тоже не было у смертнаго одра отца. Мужъ ея, Алій, послѣ исторіи съ ожерельемъ, находился въ открытой ссорѣ съ Айшей, въ домѣ которой лежалъ Мухаммедъ. Поэтому оба, и мужъ и жена, ограничивались посѣщеніемъ больного изрѣдка. Одинъ только Омаръ оставался возлѣ Айши у одра умирающаго и присутствовалъ при послѣднемъ вздохѣ пророка. Роковое событіе не застало врасплохъ Омара: еще за день предъ тѣмъ онъ сумѣлъ устранить желаніе больного, потребовавшего было письменныя принадлежности; нельзя поэтому допустить, чтобы ему не приходили на умъ тѣ требованія, которыя съ наступленіемъ страшнаго событія по необходимости будутъ предъявлены всѣмъ приближеннымъ пророка. Что бы однако онъ ни обдумалъ или успѣлъ порѣшить, вмѣстѣ съ Абу Бекромъ, конецъ наступилъ такъ внезапно, что невозможно было пока ничего предпринять для упроченія общественнаго порядка и для немедленной передачи власти надлежащему члену общины. А она, увы, не была въ состояніи ждать и выносить, хотя бы на моментъ, отсутствіе общаго, признаваемаго всѣми руководителя. Между тѣмъ, Божьимъ повелѣніямъ, истекающимъ изъ устъ пророка, привыкли повиноваться всѣ, и бѣглецы и ансары; но уста эти на вѣки сомкнулись и не могли уже болѣе сдерживать завистливое соперничество, съ которымъ мединцы посматривали на сыновей Мекки,

а Хашимиты *)—на членовъ постороннихъ семей, ближайшихъ совѣтниковъ Мухаммеда, какъ напр. Абу Бекра и Омара. Положимъ, вся община, неоспоримо, понимала, что въ рукахъ послѣднихъ, посвященныхъ во всѣ политическіе замыслы пророка, принимавшихъ въ проведеніи ихъ главное участіе, судьба ислама найдетъ наилучшихъ руководителей. Но все же трудно было рассчитывать, что личный эгоизмъ сильныхъ и безпощадныхъ натуръ—а ихъ въ различныхъ кружкахъ правовѣрныхъ можно было насчитывать сотнями—будетъ способенъ къ чисто реальной разсудительности въ такой рѣшающей все моментъ.

Къ тому же въ данную минуту не оказывалось преобладающаго авторитета, могущаго уравновѣсить эгоизмъ отдѣльныхъ личностей. Почившій основатель религіи несомнѣнно оставилъ своимъ правовѣрнымъ въ коранѣ образецъ непреложной истины касательно образа дѣйствій въ дѣлахъ вѣры. Но въ предписаніяхъ божественной книги не было однако цѣлесообразнаго единства: порядокъ въ церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ былъ установленъ отдѣльными положеніями, изданными безъ особаго порядка, смотря по потребностямъ данной минуты. Въ коранѣ не находилось ни единого слова, которое указывало бы на порядокъ преемственности власти. Самъ же Мухаммедъ, въ теченіе своей болѣзни, не озаботился сдѣлать прямого распоряженія; а если Абу Бекру и поручалось прежде руководство караванами пилигримовъ, нынѣ же—замѣщеніе пророка во время совершенія молитвъ въ мечети, то это не значило все-таки особенно много, если принять во вниманіе, что важный указъ отреченія, составленный въ Меккѣ, Мухаммедъ, по ясно выраженной имъ волѣ, предоставилъ въ то время прочесть не Абу Бекру, а его товарищу, Алію. Поэтому невозможно было теперь иначе поступить, какъ отыскать рѣшеніе въ старинныхъ обычаяхъ арабскаго народа, что, однако, было бы напраснымъ трудомъ, такъ какъ всякое ближайшее обоснованіе наслѣдственности было до такой степени чуждо вольнолюбивымъ нравамъ бедуиновъ, что даже подъ давленіемъ византійской и персидской гегемоніи съ трудомъ могло пустить корни право наслѣдства въ провинціяхъ Гассанъ и Хира; тѣмъ менѣе, понятно, могло оно существовать среди привыкшихъ къ неограниченной свободѣ исконныхъ племенъ полуострова. Положимъ, нерѣдко случалось, что по смерти главы, отличавшагося храбростью и богатствомъ, выборъ старѣйшинъ племени падалъ на сына, но это происходило тогда только, когда личное уваженіе или же интересы племени клонились именно къ этому, причемъ

*) Къ роду Хашимъ, какъ извѣстно, принадлежалъ Мухаммедъ. Особенно выдавались двоюродный братъ пророка Аліи и дядя его Аббасъ, поддерживаемые родственниками и личными приверженцами.

малѣйшее давленіе въ такомъ дѣлѣ ощущалось всѣми до болѣзненности. Но Мухаммедъ не оставилъ послѣ себя ни одного сына. Если Фѣатима, какъ единственное оставшееся въ живыхъ дитя пророка, пользовалась личнымъ уваженіемъ, все же была она только женщина и не могла предъявить серьезныхъ притязаній въ пользу своего супруга Алія, внѣ тѣснаго кружка Хашимитовъ и немногихъ другихъ, личныхъ ея приверженцевъ.

Кто могъ бы успѣть въ подобныхъ сомнительныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать быстрѣе другихъ, тотъ имѣлъ бы за собой несомнѣнно значительное преимущество. Ибо, несмотря на неоднократно засвидѣтельствованную Мухаммедомъ равноправность всѣхъ правовѣрныхъ, эта равноправность пока не была практически закрѣплена на поляхъ сраженій въ Персіи и Сиріи; распоряжались всѣмъ фактически люди Медины, бѣглецы, ансары, и вообще тѣ, кто въ послѣднія времена занялъ мѣстечко среди окружающихъ пророка, остальная же масса арабскихъ племенъ оставалась попрежнему инертной. Само собой, лишь мединцы и могли участвовать въ избраніи новаго властелина, не говоря уже о томъ, что было просто невозможно ждать, когда соберутся уполномоченные отъ всѣхъ частей страны. Такимъ образомъ кому первому удалось бы въ Мединѣ захватить въ свои руки власть, тотъ имѣлъ бы на своей сторонѣ всѣ данныя для успѣха. Слѣдовало предвидѣть, что при первомъ же обнародованіи печальной вѣсти тотчасъ же станутъ образовываться различныя группировки народонаселенія. Для Омара поэтому всего важнѣе было помѣшати распространенію печальнаго извѣстія, пока не соберутся вокругъ него по крайней мѣрѣ Абу Бекръ и значительное число остальныхъ бѣглецовъ. Тотчасъ же отправленъ былъ Айшей къ отцу гонецъ, а Омаръ вышелъ изъ дому къ оставшейся еще возлѣ мечети толпѣ правовѣрныхъ, до которой уже успѣлъ достигъ смутный слухъ. Онъ объявилъ народу, что только «лицемѣрамъ» могло придти въ голову, что посланникъ Божій скончался. «Это—завѣдомая ложь», продолжалъ онъ въ томъ же духѣ; «пророкъ, какъ нѣкогда Моисей, удалился лишь отъ своего народа на 40 дней; по истеченіи этого срока онъ вернется и накажетъ смертью всѣхъ, кто выдумалъ, что онъ умеръ». Пока онъ такъ разглагольствовалъ, подошелъ и Абу Бекръ. Удостоверившись, что неожиданное событіе, увы, поистинѣ свершилось, онъ воскликнулъ: «О ты, за котораго я съ радостью пожертвовалъ бы отцомъ и матерью, какъ при жизни ты былъ для меня дорогъ, такъ и нынѣ ты, мертвый, для меня дорогъ!» и облобызалъ блѣдное чело того, кого почиталъ не только «посланникомъ божіимъ», но также и неизмѣннымъ вѣрнѣйшимъ своимъ другомъ. Затѣмъ, побуждаемый настоятельной потребностью позаботиться прежде всего обезпечить будущность того вели-

каго дѣла, которому всецѣло посвящена была эта погасшая жизнь, Абу Бекръ спѣшно вышелъ къ все еще выжидавшей толпѣ, властно приказалъ Омару замолчать, а самъ, припоминая нѣкоторыя мѣста изъ корана, которыя представляли усопшаго такимъ же человѣкомъ какъ всѣ, сказалъ: «кто желаетъ поклониться Мухаммеду, да знаетъ, что Мухаммедъ мертвъ. Поклоняйтесь Господу: Богъ живъ и не умретъ во вѣки!»

Вѣрилъ ли самъ Омаръ въ истину того, что говорилъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ его рѣчь не возымѣла предполагаемаго имъ дѣйствія. Съ быстротою молніи разнеслась печальная вѣсть по всѣмъ кварталамъ Медины. Въ то время, какъ большинство бѣглецовъ бросилось немедленно въ мечеть, чтобы хорошенько разспросить очевидцевъ и узнать отъ нихъ, на что рѣшились ихъ предводители, толпы ауситовъ и хазраджей хлынули въ сборный домъ, гдѣ привыкли они издавна совѣщаться по особенно важнымъ дѣламъ племени. Была еще третья маленькая партія, собравшаяся въ домъ Фатимы; здѣсь вокругъ Алія и Аббаса вскорѣ сгруппировались остальные Хашимиты и нѣкоторые ихъ друзья. Хотя между ними находились Тальха и Азъ-Зубейръ, оба высоко чтимые правовѣрными, но численность этой кучки была слишкомъ незначительна, чтобы попробовать немедленно же дѣйствовать съ надеждой на успѣхъ. Между тѣмъ среди стоявшихъ передъ домомъ Айши бѣглецовъ, выжидавшихъ съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ распоряженій Абу Бекра и Омара, стала распространяться крайне непріятная вѣсть, что ансары собрались въ большомъ числѣ и готовятся изъ среды своей выбрать новаго властелина. Ждать долѣе было невозможно: немедленно же устремились туда оба довѣренныя лица пророка, окруженныя толпой надежныхъ мекканцевъ. Подоспѣли они какъ разъ во время: Са'дъ Ибнъ Убада, со смерти Ибнъ Убайя первый человѣкъ между хазраджами, только что произнесъ коротенькую рѣчь. Онъ убѣждалъ своихъ соотечественниковъ, что преемника посланника Божія подобаетъ избрать изъ тѣхъ, которые помогли ему выбраться изъ бѣды и затрудненій и доставили исламу побѣду. Послышались отдѣльныя робкія возраженія; нѣкоторые находили рискованнымъ и одностороннимъ рѣшать такое важное дѣло безъ участія старѣйшихъ исповѣдниковъ вѣры, но большинство мнѣній склонялось немедленно же признать властелиномъ Са'да. Въ это-то самое время ворвались густою толпой въ засѣданіе бѣглецы, а во главѣ ихъ Абу Бекръ, Омаръ и почитаемый всѣми за свою набожность и кротость Абу Убейда. Первый заговорилъ Абу Бекръ. Спокойно и дружелюбно отдавалъ онъ полную справедливость заслугамъ мужей Медины, но при этомъ твердо поставилъ на видъ, что будущаго главу общины слѣдуетъ избрать изъ

числа первых сподвижниковъ пророка. На это возражалъ ему хазраджитъ Аль-Мунзиръ, предлагая обѣимъ партіямъ выбрать каждой отдѣльнаго предводителя. Омаръ, замѣтивъ сразу всю опасность требованія, выступилъ съ свойственной ему энергіей и горячо сталъ доказывать, что остальные арабы никогда не пожелаютъ повиноваться предводителю, избранному не изъ племени пророка. Споръ разгорался. Абу Убейда принялся умолять ансаровъ и склонять къ миролюбію, какъ вдругъ выскакиваетъ впередъ, къ изумленію своихъ же единоплеменниковъ, хазраджитъ Бешіръ, одинъ изъ 70 бывшихъ при Акабѣ, ревностный герой ислама. Громогласно объявляетъ онъ, что принимаетъ сторону мекканцевъ. Абу Бекръ пользуется моментомъ всеобщаго смятенія: «глядите» восклицаетъ онъ, «предъ вами Омаръ и Абу Убейда. Кого хотите, тому и присягайте!» Оба поименованные отяѣкиваются и просятъ его самого какъ достойнѣйшаго, на котораго пророкъ возложилъ обязанность замѣстить его въ качествѣ предстоящаго на молитвѣ, принять санъ властелина. Абу Бекръ еще колеблется, но неукротимый Бешіръ выскакиваетъ снова и ударяетъ его слегка по правой рукѣ—знакъ присяги у арабовъ. Хазраджиты возмущены; ауситы, присматривавшіеся все время съ тайнымъ неудовольствіемъ къ маневрамъ старинныхъ своихъ соперниковъ, снова старавшихся протиснуться на передовое мѣсто, недолго думая и храбро, не взирая на свою малочисленность, принимаютъ сторону Абу Бекра. Всѣ стремительно бросаются къ своимъ предводителямъ. Больного Са'да, принесеннаго въ собраніе на постели, чуть не растоптали въ поднявшейся давкѣ. Только личное вмѣшательство Абу Бекра спасло его отъ дерзкихъ оскорбленій страстнаго Омара. Споръ угрожалъ перейти въ открытую свалку. Въ это время внезапно вторгаются въ домъ новыя толпы правовѣрныхъ. Это были люди племени асламъ, кочевавшіе въ окрестностяхъ Медины. Происходившіе отъ хузайтовъ, родственныхъ курейшитамъ, заботливо оберегаемые въ послѣднее время пророкомъ, едва они прослышали о происходившемъ, какъ поспѣшили явиться на помощь своимъ мекканскимъ друзьямъ. Хазраджи очутились теперь въ меньшинствѣ; болѣе спокойнымъ людямъ обѣихъ партій удалось развести ссорящихся и Абу Бекръ могъ наконецъ спокойно продолжать принимать присягу остальныхъ.

Немного оказалось такихъ, которые нашли нужнымъ продолжать отказываться въ признаніи новаго властителя. Понятно, Са'дъ долго не могъ забыть, что въ самый послѣдній моментъ наступавшій, казалось, близкій успѣхъ былъ вырванъ у него изъ рукъ. Съ этихъ поръ держался онъ въ отдаленіи, а позже отправился въ Сирію, гдѣ и умеръ въ 637 году. И Хашимиты также, со своими друзьями, не особенно обрадовались такому быстрому обороту дѣлъ, который помѣшалъ имъ

войти въ переговоры и предъявить свои притязанія. Послѣдствіемъ злобнаго выжиданія Алія было только то, что Абу Бекръ нашель необходимымъ удержатъ у Фатимы наслѣдственныя ея земли, владѣнія пророка въ Хейбарѣ и Фадакѣ, и объявить ихъ отнынѣ государственной собственностью; тѣмъ менѣе нашель возможнымъ мужъ ея подчиниться своему безпощадному сопернику. Лишь шесть мѣсяцевъ спустя, когда умерла Фатима, онъ примирился съ новымъ правленіемъ. Старый Абу Суфьянъ нашель, что время благоприятствуетъ для того, чтобы путемъ тонко рассчитаннаго сопротивленія и съ помощью своихъ Омайядовъ добиться возстановленія теоріи «прельщенія сердець». Но его легко было закупить. Мекканецъ успокоился, когда сыну его, Язиду, даровали выдающееся мѣсто. Между тѣмъ хазраджиты искупили свою вину сторицей, если только можно было ихъ въ чемъ упрекнуть. Вскорѣ государство очутилось на краю гибели отъ вспыхнувшаго внезапно возстанія арабовъ, и всѣ они безъ исключенія дрались съ прежнимъ несравненнымъ патріотизмомъ; люди эти положительно не были способны, ради собственной корысти, покинуть дѣло ислама. Ихъ рѣшимость жертвовать собой спасла государство Мухаммеда отъ участи, выпавшей на долю другой великой міровой монархіи Александра Македонскаго.

Пока это спасительное единодушіе царило въ средѣ вліятельныхъ кружковъ общины, правовѣрные могли выстоять подъ напоромъ какихъ угодно рискованныхъ послѣдствій тѣхъ отношеній, которыя уже и на этотъ разъ привели къ значительнымъ затрудненіямъ. При отсутствіи всякаго твердо установленнаго порядка престолонаслѣдія добровольная присяга вліятельнѣйшихъ лицъ являлась, и позже, единственнымъ правовымъ основаніемъ, на которое только и могли опираться будущіе властители, а это значило, собственно говоря, что мусульманскому государству заранѣе уже предрекались всѣ бѣдствія и опасности, которыя неизбежно ожидаютъ каждое государство съ избирательнымъ правленіемъ. Конечно, въ данномъ случаѣ, благодаря существующему у арабовъ одновременно стремленію къ консерватизму и любви къ свободѣ, лишь немногіе кандидаты на престолъ имѣли шансы быть выбранными, такъ какъ если бедуины и готовы были склониться передъ особенно почитаемымъ княжескимъ родомъ, они никогда не согласились бы подчиниться первому встрѣчному выскочкѣ. Только этимъ и можно объяснить, что, въ теченіе 200-лѣтняго періода міроваго арабскаго владычества, лишь два раза произошелъ насильственный захватъ власти новою династіей. Но если, благодаря этому, сохранялась извѣстная преемственность правленія, зато, вслѣдствіе большой плодовитости обѣихъ семей, Омайядовъ и Хашимитовъ, вопросъ о личности почти всегда выступалъ на сцену въ весьма опасной

формѣ. Перемяна правленія зависѣла въ древнѣйшія времена главнымъ образомъ отъ тѣхъ, которые считались наиболѣе уважаемыми сподвижниками Мухаммеда, а позже отъ вліятельнѣйшихъ придворныхъ чиновъ и высшихъ военачальниковъ. А это были представители не только личныхъ своихъ интересовъ, но также и интересовъ семьи своей, племени. Между тѣмъ временно лишь укрощенный исламомъ племенной партикуляризмъ арабовъ, при переходѣ власти къ Омайядамъ, людямъ совершенно мірскаго настроенія, началъ снова подымать голову, какъ только личное дарованіе властелина не въ состояніи было его сдерживать, причѣмъ смуты, возникавшія попутно съ ослабваніемъ могущества династіи, слишкомъ часто переносились на болѣе широкую міровую арену, и возобновлялись тѣ же самыя сцены междуусобныхъ раздоровъ, которыя и въ доисламскій періодъ мѣшали установленію государственнаго порядка въ самой Аравіи. Къ этому присоединялся нынѣ и еще новый элементъ: въ каждомъ юномъ, мало цивилизованномъ народѣ, старики имѣютъ, весьма естественно, перевѣсъ надъ молодымъ поколѣніемъ; то же явленіе мы замѣчаемъ и у арабовъ. Главою племени они выбирали охотнѣе всего одного изъ престарѣлыхъ; поэтому въ послѣдствіи старшіе въ родѣ почти каждый разъ выказывали естественное свое притязаніе на престолонаслѣдіе. Такому притязанію противорѣчило естественное стремленіе cadaго правителя стараться закрѣпить власть за своимъ собственнымъ сыномъ. Примирить эти главныя теченія было неразрѣшимой задачей. Вотъ почему турки, со свойственной этому народу простотой и основательностью поступковъ, и нынѣ ухитряются устранить это противорѣчіе чисто механически. Каждый вступающій на тронъ султанъ повелѣваетъ прежде всего удавить своихъ младшихъ братьевъ. Арабскіе халифы не додумались до этой богатой мысли, но такъ какъ желали дѣйствовать въ томъ же направленіи, то довольствовались тѣмъ, что еще при жизни устраняли братьевъ и дядей и приказывали присягнуть своему старшему сыну. Но это, конечно, могло практиковаться только пока преданность къ династіи сдерживала у придворныхъ и полководцевъ личные интересы и оттѣсняла склонность къ интригѣ на задній планъ, а именно очень не долго. Въ послѣдствіи же, къ концу перваго столѣтія, когда заимствованъ былъ изъ христіанской Византіи отвратительный институтъ евнуховъ, происки и заговоры придворныхъ пошли безъ конца.

Впрочемъ 8 іюня 632 года вечеромъ никто, конечно, и не помышлялъ въ Мединѣ о возможности въ будущемъ возникновенія роковыхъ осложнений. Всѣ ликовали попросту, по случаю водворенія новаго правленія. Во всякомъ случаѣ выборъ Абу Бекра былъ дѣйствительно изъ самыхъ счастливыхъ, можетъ быть даже единственный, соответству-

ющій требованіямъ положенія. До сихъ поръ всѣ привыкли повиняться одному слову Божію, выраженному въ коранѣ и въ повелѣніяхъ посланника Божьяго: другого авторитета рядомъ нельзя было ставить. При жизни Мухаммеда военачальники назначались всегда только для исполненія совершенно опредѣленныхъ отдѣльныхъ порученій, по исполненіи которыхъ вступали они снова безпрекословно въ ряды равноправныхъ правовѣрныхъ. Тотъ, кто теперь принималъ руководство общиною, могъ поэтому рассчитывать на повиновеніе только въ томъ случаѣ, если всегда и во всемъ будетъ слѣдовать точно примѣру пророка; во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ дѣйствовать именно такъ, какъ привыкли видѣть дѣйствовавшимъ самого пророка. Между тѣмъ для каждаго правовѣрнаго было ясно, что Абу Бекръ, какъ выразился Омаръ въ избирательномъ собраніи, назначенъ самимъ пророкомъ въ замѣстители при общей молитвѣ въ мечети: а молитва, какъ извѣстно, составляла основаніе всей религіи. Къ этой основной обязанности легче могли примкнуть и остальные дѣла общины; не требовалось такимъ образомъ создавать новаго авторитета, который не съ виду только могъ бы опираться на распоряженія самого пророка. Но вѣдь новаго авторитета собственно и не создавалось. Абу Бекръ оставался только въ нѣсколько расширенномъ смыслѣ тѣмъ, чѣмъ уже былъ за нѣсколько дней тому назадъ, а именно: замѣстителемъ посла Божьяго, халифату расу́ли'л'ла́хи—ничего болѣе и не значить простой титулъ халифа. Сказочное представленіе о неограниченной власти и блескѣ, которые и нынѣ по дѣтскимъ воззрѣніямъ связываютъ съ именемъ халифа багдадскаго какъ третьяго въ союзѣ, рядомъ съ императоромъ и папой, нисколько не измѣняетъ сущности вещей, ибо халифъ имѣлъ собственно говоря, право называться только «намѣстникомъ исламизма». Конечно, съ теченіемъ времени, обстоятельства придали этому сану иное значеніе. Уже преемникъ Абу Бекра счелъ необходимымъ слегка намѣтитъ возрастающій блескъ главы общины прибавленіемъ къ титулу словъ: эми́ру'л-мумини́на, т. е. «повелитель правовѣрныхъ», но скромное названіе халифа въ глазахъ всѣхъ властителей ислама имѣло постоянно возрастающее значеніе. Это самое значеніе нынѣ заставляеть турецкаго султана, предки котораго сотни лѣтъ тому назадъ приобрѣли этотъ титулъ путемъ юридической фкціи, твердо придерживаясь его.

На почвѣ мусульманства, тотъ, кто признанъ намѣстникомъ посланника Божія, соединяетъ въ себѣ санъ главы свѣтскаго и духовнаго. Власть халифа поэтому нельзя приравнивать къ свѣтской власти папы, какъ это было прежде въ его Церковной области, или же сравнить съ духовнымъ главенствомъ короля саксонскаго, какъ епископа евангелическихъ подданныхъ всей его страны. Представьте себѣ могуще-

ство высшей іерархіи римско-католической въ соединеніи съ силой неограниченнаго правленія Людовика XIV, или же государственное устройство, которое осуществилъ въ Женевѣ Кальвинъ, а на короткое время въ Англіи—Кромвель, или же наконецъ существующее теоретически въ Россіи. Вотъ приблизительное понятіе о тѣхъ могучихъ средствахъ, которыми располагаетъ намѣстникъ «посланника Божія».

Располагали, конечно, они этимъ могуществомъ при совершенно опредѣленныхъ условіяхъ, но никогда не безгранично. Санъ ихъ былъ и не королевскій, и не первосвященническій, а высшій—имамовъ *), вмѣщающій въ себѣ двойное полномочіе. Но все же, еще выше чѣмъ всѣ повелѣнія намѣстника пророка, почиталось всегда истинное слово Божіе, начертанное въ коранѣ для правовѣрныхъ, служба вѣрнѣйшимъ указаніемъ, какъ въ дѣлахъ вѣры, такъ и поступкахъ; выше считалось также и то, что преподавалъ пророкъ своимъ близкимъ лично, словомъ либо примѣромъ, служившими образцами, достойными подражанія. Такимъ образомъ, лишь только халифъ совершалъ нѣчто отступающее отъ этихъ нормъ, онъ становился въ глазахъ своихъ истинно вѣрующихъ подданныхъ, насколько они были способны къ нѣкоторому послѣдовательному размышленію, нарушителемъ авторитета, соблюденіе котораго одно только и могло обезпечивать послушаніе народа. Если же его крѣпкія руки твердо руководили свѣтской властью и достигали послушанія путемъ насилія, то набожные и ревностные все-таки не обязаны были болѣе признавать въ немъ имама и имѣли право воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы сбросить иго безбожника и вручить имаматъ тому, чьи притязанія на этотъ высшій санъ оказывались отнынѣ справедливыми. Поэтому безмятежное выполненіе двойнаго владычества возможно было лишь до тѣхъ поръ, пока преобладающее большинство мусульманъ проникнуто было сознаніемъ, что халифъ управляетъ дѣйствительно неуклонно слѣдуя словамъ божіимъ и примѣру пророка. Но и въ этомъ случаѣ власть халифа ограничивалась любовью къ свободѣ могучаго народа, чуткую щекотливость котораго щадилъ даже Мухаммедъ тамъ, гдѣ не нарушались интересы вѣры, и котораго бурные порывы становились для его преемниковъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе брали верхъ древнія свѣтскія привычки, распространяясь на широчайшіе круги новыхъ исповѣдниковъ вѣры внѣ полуострова.

*) Имамъ «предстоятель». Собственно это тотъ, который молится передъ общиной во время богослуженія въ пятницу. Такъ дѣлалъ постоянно въ Мединѣ самъ Мухаммедъ, а послѣ него каждый халифъ въ мѣстѣ своей резиденціи. Поэтому имамъ есть собственно особое наименованіе законнаго главы всей исламской общины.

И въ обоихъ этихъ отношеніяхъ избраніе Абу Бекра оказывалось самымъ подходящимъ. Все равно, какъ и при жизни Мухаммеда, когда каждое слово пророка было для него откровеніемъ, такъ и теперь заботился онъ, въ общемъ и въ частностяхъ, подражать безусловно тому, что пророкъ когда-либо сказалъ или сдѣлалъ, питая непоколебимую увѣренность, что подобный образъ дѣйствій не преминетъ увѣнчаться успѣхомъ. Мы уже видѣли, какъ онъ, даже въ моментъ высшей опасности, оставался непреклоненъ, твердо слѣдуя примѣру пророка, отклонилъ скользкій путь компромисса съ взбунтовавшимися бедуинами и успѣлъ добиться безусловнаго подавленія возстанія. Весьма возможно, и это было важнѣе всего, что его управленіе, веденное совершенно по смыслу ученія и словамъ пророка, не давало дѣйствительно никакого повода къ порицанію самымъ остроумнымъ ревнителямъ вѣры, а тѣмъ болѣе къ явному неповиновенію самыхъ набожныхъ изъ общины. Такъ постепенно и незамѣтно привыкали правовѣрные повиноваться приказаніямъ халифа, благодаря чему новое государственное устройство быстро окрѣпло. Ближайшіе преемники Абу Бекра могли уже безпрепятственно, по собственной инициативѣ, вводить нововведенія тамъ, гдѣ не встрѣчалось соотвѣтственныхъ, ясныхъ предписаній божіихъ, или пророка. Не мало пользы принесла и спокойная разсудительность Абу Бекра: приходилось иногда, принимая во вниманіе переживаемыя тяжкія времена, дѣлать нѣкоторыя уступки упорно безумнымъ массамъ арабскихъ головорѣзовъ, не принося однако при этомъ ущерба достоинству повелителя. Будь на его мѣстѣ Омаръ, давно бы Халиду не слобровать за его позорныя, злодѣйскія дѣла. По всей справедливости можно было глубоко презирать эту отвратительную личность, но Абу Бекръ понималъ, что въ отчаянной войнѣ съ арабами трудно было обойтись безъ «меча божія», и искусно избѣгалъ поводовъ къ столкновенію съ этимъ пока необходимымъ головорѣзомъ, продолжая сохранять свой авторитетъ.

Таково положеніе Абу Бекра между Мухаммедомъ, основателемъ ислама, и Омаромъ, организаторомъ мірового государства. Онъ занимаетъ по праву середину между ними какъ добросовѣстный, твердый и мудрый основатель халифата. Онъ сумѣлъ заставить уважать достоинство намѣстника посланника божія всею совокупностью общины, какъ законное продолженіе управленія пророка, и тѣмъ самымъ обезопасилъ будущность вѣры. Вотъ почему онъ и три непосредственные его преемника: Омаръ, Османъ и Алій, занимавшіе послѣдовательно сотворенное имъ правомѣрное положеніе, не безъ основанія носятъ почетный титулъ законныхъ халифовъ*). Ими заканчивается патріархаль-

*) Алъ-хулафá'у'р-рáшидûна «по прямому пути шествующіе халифы», т. е. не такъ, какъ Омайяды, узурпировавшіе тронъ не по закону.

ный періодъ ислама. Особенно самъ Абу Бекръ (правиль отъ 8 іюня 632—22 августа 634=11—13 г.) и Омаръ (22 августа 634—3 ноября 644=13—23) отличались, въ своемъ образѣ жизни и манерѣ обращенія, простотою и безпристрастіемъ, тѣми самыми качествами, съ помощью которыхъ самъ Мухаммедъ старался оберегать прирожденное чувство равенства своихъ земляковъ, не взирая ни на какіе соблазны развившейся вскорѣ до исполинскихъ размѣровъ государственной жизни. Какъ и прежде, до принятія сана халифа, оставался Абу Бекръ попрежнему въ своемъ маленькомъ домикѣ въ предмѣстьи, а такъ какъ никакимъ распоряженіемъ пророка не были опредѣлены личные доходы правителя, онъ старался, какъ умѣлъ, ограничивать свои расходы и довольствоваться своими умѣренными частными средствами. Съ другой стороны, если даже безцсленные анекдоты о скромности Омара и строгости его по отношенію къ себѣ по большей части и выдуманы, то во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что этотъ властитель полуміра не отступалъ ни въ чемъ отъ старинныхъ своихъ привычекъ воздержности. Также и отношенія между первыми властителями и остальными сподвижниками Мухаммеда оставались попрежнему тѣ же: они окружали халифа въ качествѣ совѣтниковъ; со вниманіемъ выслушивалось, въ серьезныхъ дѣлахъ, ихъ мнѣніе, хотя оно не всегда имѣло рѣшительное воздѣйствіе на намѣренія намѣстника, въ лицѣ котораго, по всеобщему убѣжденію правовѣрныхъ, сосредоточивались всѣ полномочія пророка. Но именно эти отношенія первыхъ халифовъ къ старымъ сподвижникамъ пророка имѣли, въ тѣ времена, громадное значеніе: съ одной стороны требовали отъ правителя соблюденія необыкновеннаго такта во всѣхъ его поступкахъ, а взамѣнъ давали управленію неисчислимыя выгоды, ибо такимъ образомъ весь моральный авторитетъ ислама оставался какъ бы сконцентрированнымъ въ одномъ пунктѣ, въ Мединѣ. Люди, подобные Тальхѣ и Зубейру, убѣжденные въ необходимости оставаться въ резиденціи, не требовали себѣ никогда должностей главнокомандующихъ мусульманскихъ войскъ. Можно было, по примѣру пророка, спокойно назначать полководцами людей, доказавшихъ свои выдающіяся военныя способности; но могущество не могло особенно вліять на умы правовѣрныхъ, ибо судьба ихъ ежечасно зависѣла отъ властнаго мановенія халифовъ. Этимъ и объясняется то обстоятельство, почему въ героическое время ислама попадаютъ только два полководца изъ среды близкихъ къ пророку: Абу Убейда и Садъ Ибнъ Абу Ваккасъ, оба впрочемъ надежные, не обладавшіе опаснымъ честолюбіемъ. Легко понять также и то, что такой эгоистическій и неукротимый челоуѣкъ какъ Халидъ, въ самый моментъ одержанной имъ знаменитой побѣды, слагаетъ безпрекословно званіе главно-

командующаго по первому полученному имъ повелѣнію отъ Омара, отрѣшавшаго его отъ должности.

Но и этотъ вполне патріархальный образъ правленія гарантировалъ успѣхъ дѣйствія благодаря все той же счастливой комбинаціи, что высшая власть сразу попала въ руки исключительныхъ людей для перваго бурнаго періода они только и были возможны. Въ личности Абу Бекра счастливо соединялись спокойствіе и самозабвеніе, которыя дали ему возможность, въ самое тревожное время, создать основы авторитета халифата, а непоколебимая твердость его поборола всѣ безчисленныя опасности возмущенія, разливашагося было по всему полуострову. Прозорливой мудрости его обязанъ исламъ главнымъ образомъ, что развитіе дѣла пророка направлено было по надежному руслу. Но подъ напоромъ жизненныхъ тревоженій, которыя приходилось выносить первымъ исповѣдникамъ ислама, самъ пророкъ палъ безвременно. Новыя непосильныя напряженія, въ судорожной борьбѣ съ возмущеніемъ, истощили въ короткое время и жизненныя силы ближайшаго его друга, Абу Бекра. Ему едва стукнуло 63 года, и настигла его послѣдняя болѣзнь—горячка. Почувствовавъ приближеніе кончины, созвалъ онъ въ послѣдній разъ старыхъ своихъ сотоварищей и взялъ съ нихъ клятву, что они будутъ повиноваться тому, кого онъ самъ выберетъ себѣ въ преемники. По произнесеніи клятвы, онъ назначилъ Омара. затѣмъ вскорѣ сомкнулъ спокойно вѣжды 22 Джумада II. 13 (22 августа 634 г.) Власть перешла въ руки могучаго и отважнаго поборника ислама, собиравшагося вознести высоко дѣло вѣры. Послѣ усмиренія бунта, соединенныя силы народа находились въ состояніи высочайшаго напряженія: подготавливалось движеніе за границы полуострова, распространеніе его на весь міръ. Готовилось осуществленіе сокровенныхъ мыслей Абу Бекра, его тайныхъ стремленій всколыхнуть дѣломъ свѣтомъ.

ГЛАВА II.

Великія завоеванія.

Мы уже знаемъ, что еще Мухаммедомъ сдѣланы были предварительныя распоряженія къ распространенію вѣры за предѣлами полуострова, среди другихъ народовъ и, прежде всего, у сосѣднихъ персовъ и византійцевъ. Посланіе его къ шаху персидскому не имѣло особыхъ результатовъ; слѣдовали затѣмъ посольства и рекогносцировки на югъ Сиріи, пораженіе при Мутѣ, а позднѣе присоединеніе пограничныхъ округовъ, до Айлы включительно. Съ тѣхъ поръ былъ задуманъ новый, болѣе серьезный походъ въ страну на востокъ отъ Іордана. Собиралось уже войско, которое ко времени смерти Мухаммеда успѣли стянуть къ Мединѣ. Слѣдуя своему основному правилу—исполнять во всемъ точно предначертанія пророка,—Абу Бекръ направилъ войска къ сѣверу, подъ предводительствомъ Усáмы, не взирая на угрожавшее немедленно отпаденіе центральныхъ племенъ Аравіи. Вѣроятно въ этомъ рѣшеніи отражалось намѣреніе одновременно дать возможность успокоиться ансарамъ и поспособствовать имъ вдали отъ столицы забыть ихъ неудачу при выборѣ халифа. Но придать походу большее значеніе мѣшало, естественно, опасное положеніе Медины среди возставшихъ бедуиновъ; поэтому Усáма поторопился вернуться назадъ черезъ два мѣсяца, успѣвши совершить лишь демонстрацію къ византійской границѣ. Слишкомъ горячая работа ожидала войска внутри Аравіи. Но вотъ, послѣ непрерывной борьбы въ теченіе трехъ четвертей года, возстановленъ былъ, наконецъ, порядокъ, исламъ воцарился снова на всемъ полуостровѣ. Предстояло еще однако совершить многое въ отдѣльныхъ подробностяхъ, пока не введено было, наконецъ, повсюду богослуженіе и упорядочено взиманіе налоговъ; теперь только мало-по-малу стали привыкать племена, въ особенности отдаленныхъ провинцій, выступать по первому зову халифа къ военному сбору въ Медину. Но можно было опасаться, несмотря на суровое наказаніе бунтовщиковъ, что съ теченіемъ времени поползновеніе къ неповиновенію снова зашевелится, то тамъ то здѣсь, въ упрямыхъ арабскихъ го-

ловахъ. Абу Бекръ предвидѣлъ это. Онъ намѣренно отсылалъ на границы, по мѣрѣ подавленія возстанія, всякую свободную тысячу людей, предполагая весьма основательно, что каждый успѣхъ извнѣ, каждое извѣстіе объ удачномъ набѣгѣ возбудитъ въ вѣчно волнующихся племенахъ средней и южной Аравіи охоту примкнуть къ военнымъ предпріятіямъ, подающимъ столь блестящія надежды. Въ этой смѣлой и послѣдовательной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предусмотрительной военной политикѣ, которая съ первыхъ же шаговъ оставила далеко за собой дѣлаемые прежде на ощупь нерѣшительныя попытки состарѣвшагося пророка, нельзя не усмотрѣть, безъ сомнѣнія, вліянія кипучаго, рвущагося впередъ, Омара; хотя, съ другой стороны, совершенно осязательныхъ доказательствъ не имѣется, что Абу Бекръ, въ подобныхъ дѣлахъ, слѣдовалъ, не долго думая, совѣту болѣе молодого своего товарища. Во всякомъ случаѣ эта военная политика послужила необходимымъ противовѣсомъ для всѣхъ возможныхъ въ будущемъ возстаній: только на поляхъ сраженій въ Персіи и Сиріи недавніе побѣдители и побужденные при Бузахѣ, въ «саду смерти» и на поляхъ Іемена, могли сплотиться въ тѣ могучія полчища воиновъ, которыя неудержимымъ напоромъ расшатали вскорѣ полміра. И тутъ, по роковой неизбѣжности, политическія побужденія воспособляются повелѣніями божьими—бороться съ невѣрными, гдѣ бы то ни было.

Двѣ могучія волны арабскихъ завоевателей подобно громадному прибою стали заливать сосѣднія земли, съ востока и запада. Сначала, по повелѣнію халифа, была направлена съ неудержимой силой первая волна: она залила Персію до Оксуса, Сирію, Месопотамію, Армению, нѣкоторыя части Малой Азіи до самаго Константинополя, Египетъ и сѣверный берегъ Африки, до Кареагена включительно. Лишь въ послѣдніе годы правленія Османа (24—35=644—655), подъ наплывомъ внутреннихъ смуть, была она задержана на нѣкоторое время. Первая гражданская война (35—41=655—661) воспрепятствовала не только новому движенію впередъ, но послужила естественной причиною даже потерь на многихъ прежде завоеванныхъ границахъ. А новый прибой завоевательной политики, которую возобновилъ Му'авія (41—60=661—680) по восстановленіи порядка, съ его кончиной пресѣкъся возгорѣвшеюся второю гражданскою войною (60—80=680—699). Затѣмъ, послѣ того какъ Абд-аль-Мелікъ (65—86=685—705) укрѣпилъ наконецъ владычество династіи Омайядовъ, арабская народность начинаетъ снова при всемогущемъ владыкѣ Аль-Валидѣ (86—96=705—715) затоплять второй волной земли и народы: на востокъ до границъ Индіи и Туркестана, на сѣверъ до Кавказа и стѣнъ Константинополя, а на западъ до Атлантическаго Океана и далѣе вглубь Франціи. Тутъ только поставилъ

ей предѣль Карль Мартель въ сраженіи при Турѣ и Пуатье (114=732). Великое движеніе арабовъ достигло своихъ крайнихъ предѣловъ. Новые болѣе опасные раздоры внутри халифата подтачиваютъ силы династїи. Между тѣмъ національный духъ персидскаго народа, проснувшійся изъ глубокаго своего униженія, начинаетъ тихую, но неустанную борьбу противъ арабскаго владычества, которая кончается паденіемъ обоихъ народовъ.

Душой первыхъ великихъ завоевательныхъ войнъ и организаторомъ всемірной имперїи, выросшей изъ презираемой всѣми цивилизованными народами варварской страны Аравїи, былъ несомнѣнно Омаръ. То же, что было достигнуто въ первые годы владычества Османа, походило скорѣе на дальнѣйшее произвольное движеніе камня, брошеннаго сильной рукой. Слабый преемникъ великаго властелина не принималъ въ этомъ никакого личнаго участія; военачальники, доставившіе ему нѣсколько блестящихъ побѣдъ, почти всѣ были ставленики Омара. Изъ центрального пункта, Медины, гдѣ возсѣдалъ этотъ мощный человекъ — разъ только покидалъ онъ ее и то на короткое время, чтобы лично устроить въ покоренномъ Іерусалимѣ дѣла Сирїи — направлялись расходящимися лучами во всѣ стороны воинскія экспедиціи. То сдерживалъ онъ сильною рукой своихъ полководцевъ, то подгонялъ ихъ, неуклонно, строго наблюдалъ за ними, не ослабляя, однако, ихъ дѣятельности самовольнымъ вмѣшательствомъ во всѣ мелочи военныхъ операцій. Заботливо взвѣшивалъ Омаръ силы, которыми располагалъ каждый изъ нихъ, укрощалъ честолюбивые порывы степныхъ безумцевъ, становившихся благодаря успѣхамъ все дерзновеннѣй, пока прежнія завоеванія не закрѣпятся постройкой крѣпостей и умиротвореніемъ жителей. При этомъ онъ поступалъ, по отношенію къ побѣжденнымъ, которые, какъ невѣрующіе, не заслуживали снисхожденія, скорѣе мудро, чѣмъ добродушно; старался такъ организовать управленіе занятыхъ земель, чтобы народонаселеніе вносило исправно подати какъ въ государственную казну, такъ и каждому отдѣльному мусульманину и чтобы подъ давленіемъ арабскаго оккупационнаго войска можно было бы ихъ держать въ повиновеніи. Вообще же въ этихъ войнахъ, весьма естественно, обходились съ непріателемъ не особенно-то мягко: «онъ умертвилъ (способныхъ носить оружіе) мужчинъ а плѣнныхъ увелъ (женщинъ и дѣтей)», — вотъ каковъ постоянный печальный припѣвъ арабскихъ историковъ, когда они рассказываютъ о завладѣніи силой укрѣпленнаго мѣста. Но тогда всѣ дѣлали такъ. Зато болѣе сносно было обхожденіе арабовъ съ людьми, добровольно сдававшимися. За исключеніемъ кровожаднаго Халида, ни одинъ арабскій полководецъ, насколько извѣстно, не запятналъ своего щита невинной кровью, а систематическое варварское опустошеніе цѣ-

ныхъ областей, къ чему приучили жителей постепенно персы и византійцы за все время взаимныхъ ихъ яростныхъ распрей, продолжавшихся столѣтїя, всегда было чуждо арабамъ. Иногда, когда находили это нужнымъ, поступали они жестокосердо, почти безчеловѣчно, зато въ другой разъ, относясь полунерадиво, полупрезрительно, выказывали къ побѣжденнымъ снисхожденіе. Вообще арабы наносили далеко менѣе вреда, чѣмъ позднѣе турки, а тѣмъ болѣе монголы, прекраснымъ странамъ, которыя достались имъ въ добычу.

Первые набѣги начались при Абу Бекрѣ, направляясь на южную Палестину и низменность Евфрата. Въ 12 году (633) уже занято было временно королевство Хира. Въ правленіе Омара въ 14 (635 г.) взяты Дамаскъ, въ 16 (637 г.) завоевана вся Вавилонія съ Ктезифономъ, резиденціей персидскаго государства, до самыхъ Мидійскихъ горъ. Отъ 17—19 (638—640 г.) покорены одна за другой сильныя сирійскія крѣпости и въ то же время заняты Месопотамія и Хузистанъ. Въ годы 19 и 20 (640—641) арабы овладѣли Египтомъ и подчинили Мосуль, ограждавшій съ сѣвера Месопотамію. Въ 21 году (642) взята штурмомъ Александрія и совершены дальнѣйшія завоеванія на западъ до Барки (Киренаика); въ это же время перейдены Медо-персидскія пограничныя горы и разсѣяны послѣднія главныя военныя силы персовъ при Нихавендѣ. Въ 22 году (643) страна, занятая до Рей (Тегеранъ), прикрыта съ сѣвернаго фланга вторженіемъ въ Азербейджанъ (персидская Арменія); въ сѣверной же Африкѣ взяты Триполисъ. Въ 23 г. (644), кромѣ обойденной раньше крѣпости Хамаданъ (Экбатана), занята также Испагань, а на сѣверо-востокъ достигнуто до границъ Хорасана. Такимъ образомъ, къ концу своей жизни, Омаръ повелѣвалъ, кромѣ самой Аравіи, сѣверо-восточнымъ побережьемъ Африки, Египтомъ, Сиріей, Месопотаміей, Вавилоніей и западной половиной Персіи, въ общемъ, по пространству, надъ страной величиною съ Германію и Австро-Венгрію, вмѣстѣ взятыми. Владычество персовъ ютилось еще на югѣ и востокѣ. Въ началѣ же правленія Османа, 27 г. (648), покорена была область Кареагена, 28 (649) палъ островъ Кипръ. Король Іездегердъ держался еще до 29 (650), когда наконецъ паденіе Истахра (Персеполисъ), древнѣйшей столицы исконной отчизны Персіи, открыло мусульманамъ остальные провинціи имперіи: отнынѣ, въ 30 г. (651), сфера владычества ислама простиралась отъ Оксуса вплоть до большого Сырта и равнялась по пространству почти половинѣ Европы.

Если эти завоеванія представляютъ переворотъ, равнаго которому по обширности и быстротѣ свѣтъ не видалъ со времени Александра, то тѣмъ навязчивѣе напрашивается вопросъ: какія были причины, давшія возможность совершиться этимъ необычайнымъ успѣхамъ. Александръ

Великій, какъ извѣстно, разрывалъ безпомощныя массы персидскихъ полчищъ клиномъ желѣзной своей фаланги; неудержимый потокъ германскихъ переселенцевъ безконечнымъ числомъ могучихъ своихъ тѣлъ задалъ столь искусно вооруженные и предводимые легіоны римлянъ, народа ослабѣвшаго вслѣдствіе крайней изнѣженности. Здѣсь же мы наталкиваемся на нѣчто особенное: и масса, и превосходство вооруженія, и военное искусство, все на сторонѣ грековъ и персовъ. Конечно, почти неизвѣстно, даже приблизительно, число борцевъ, которыхъ могла выслать мусульманская Аравія противъ невѣрующихъ на востокъ и западъ. Хотя цифры первыхъ армій, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, какъ кажется, довольно правдоподобны, но мы рѣшительно ничего не знаемъ о величинѣ подкрѣпленій, которыя несомнѣнно необходимо было высылать изъ Аравіи, отъ времени до времени, на различные пункты театра войны. Пробѣлы, въ рядахъ арабовъ, получались громадныя, отчасти вслѣдствіе очень кровавыхъ сраженій, а еще болѣе благодаря необходимости оставлять отряды въ покоренныхъ мѣстностяхъ, для свободнаго движенія все далѣе впередъ. Равнымъ образомъ мы лишены всякаго мало-мальски надежнаго источника для опредѣленныхъ статистическихъ данныхъ народонаселенія. Если принять напр., что воинскую силу германской арміи можно приблизительно выразить $\frac{1}{30}$ всего населенія, съ не меньшею вѣроятностью можно бы допустить, что у крѣпкаго еще, первобытнаго народа отношеніе это можно возвысить до $\frac{1}{20}$. Затѣмъ, принимая въ соображеніе, что нарощее поколѣніе за время войнъ, продолжавшихся 20 лѣтъ, слѣдуетъ считать втрое, а также предположивъ, что въ тогдашней Аравіи могло быть 5.000.000 жителей (какъ считается и нынѣ по весьма поверхностнымъ даннымъ), можно допустить, что во всей странѣ могло быть способныхъ носить оружіе 250.000, а совокупность всѣхъ выставленныхъ воиновъ, во время завоевательныхъ походовъ, сначала до конца составляла приблизительно 1.000.000 людей. Вышло бы тогда что въ 36—657 г. всѣ войска, участвовавшія въ сраженіи при Сиффинѣ, стянутыя изъ Сиріи, Месопотаміи, Вавилоніи и нѣкоторыхъ частей Аравіи и Персіи, составляли 150.000 человекъ; при этомъ по меньшей мѣрѣ приходится допустить, что завоеватели, въ первое время, необычайно быстро размножились въ ново-завоеванныхъ провинціяхъ. И все же, весь этотъ расчетъ въ высшей степени произволенъ. Сообразуясь со всѣмъ, что намъ извѣстно, мусульмане въ 15 (636 г.) едва ли могли имѣть болѣе 80.000 человекъ въ строю внѣ Аравіи. Нельзя поэтому не согласиться, что приведенныя выше цифры скорѣе будутъ слишкомъ высоки *), чѣмъ низки. Мы можемъ однако

*) Конечно, кого влечетъ къ высокимъ цифрамъ, можетъ произвести вычисленіе и на другой манеръ, также съ помощью услужливой статистики; оцѣ

съ нѣкоторою достовѣрностью утверждать, что въ правленіе Османа совокупность силъ войскъ ислама, разсѣянныхъ на пространствѣ отъ восточной Персіи до Кареагена, составляла приблизительно отъ 250—300 тысячъ человекъ. Еще неопредѣленнѣе предположенія о средствахъ обороны противниковъ. Очень понятно, что арабскія извѣстія выказываютъ всюду стремленіе преувеличивать до невозможнаго цифру непріятелей; когда слышимъ, сколько несчастныхъ легло въ большихъ сраженіяхъ жертвой меча правовѣрныхъ, невольно вспоминаются безсмертныя тирады Фальстафа. Объ этихъ событіяхъ не осталось ни одного извѣстія со стороны персовъ; такимъ образомъ всякая возможность контроля исчезла. Но мы можемъ позаимствовать кое-что касательно сирійской войны изъ довольно скудныхъ византійскихъ источниковъ. Такъ напр., въ сраженіи при Геромаксѣ участвовало 80.000 византійцевъ, армянъ и христіанскихъ арабовъ противъ 25—30.000 мусульманъ *). А такъ какъ императоръ Ираклій, не задолго передъ тѣмъ, только благодаря помощи хазаровъ разбилъ на голову Сассанидовъ и потрясъ ихъ царство до основанія, а затѣмъ персидское государство распатано было окончательно непрерывными междоусобными войнами, то едва ли можно допустить, чтобы, даже при Кадесіѣ или Нихавендѣ, Іездегердъ могъ располагать болѣе чѣмъ 100.000 человекъ. Все же эти короткія извѣстія и предположенія сходятся въ одномъ, что именно въ первыя рѣшительныя минуты мусульманамъ

подсчитаетъ въ такомъ случаѣ нѣсколько иначе. У насъ напр. на каждую 1000 народонаселенія приходится около 200 человекъ въ возрастѣ отъ 20—50 лѣтъ. Такимъ образомъ на 5.000.000 арабовъ пришлось бы 1.000.000, способныхъ носить оружіе. Отсюда слѣдуетъ вычесть не однихъ только инвалидовъ, а также и всѣхъ рабовъ, іудеевъ, христіанъ, павшихъ въ междоусобныхъ войнахъ, и наконецъ остальныхъ, по какой бы то ни было причинѣ не откликнувшихся на призывъ къ войнѣ; ибо невозможно равномерно привести въ исполненіе идею прямого государственнаго принужденія. Для опредѣленія этихъ категорій у насъ не хватаетъ никакихъ данныхъ; одно только можно сказать съ нѣкоторою правдоподобностью, что, сравнивая двѣ воинственныя народности, можно приблизительно предположить что получится одинаковая сила напряженія, такъ какъ разницы въ правленіи, образѣ жизни, нравахъ и т. п. взаимно уравниваются. Но всѣ подобныя исчисленія, повторяю опять, весьма произвольны; удовольствуемся поэтому тѣми немногими болѣе или менѣе достовѣрными цифрами, которыя будутъ предложены въ текстѣ.

*) Послѣдняя цифра правда опирается на арабское преданіе. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что Мухаммедъ въ 9 (630 г.) для похода въ Табукъ могъ собрать только 30000 человекъ; поэтому въ 14 (635 г.), когда силы Аравіи едва только начинали развиваться, трудно допустить возможность выставить имъ больше войскъ чѣмъ 30.000 человекъ въ Сиріи и около 40.000 въ Персіи. Позднѣе цифры растутъ, очень понятно, благодаря присоединенію христіанскихъ арабскихъ племенъ и дальнѣйшему приливу подкрѣпленій изнутри полуострова.

почти всегда приходилось бороться, по меньшей мѣрѣ, съ двойной силой противниковъ.

Причину же того, что, несмотря на это, они выходили почти всегда побѣдителями, историки привыкли приписывать религиозному фанатизму, который воодушевлялъ послѣдователей пророка. Отдавая полную справедливость несравненной въ дѣйствительности храбрости арабовъ и презрѣнію ихъ смерти, мы должны однако сказать, что трудно однимъ только этимъ объяснить успѣхъ безконечнаго ряда побѣдъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что фанатизмъ лишь постепенно становился всеобщимъ: жажда добычи, положимъ, заступала на половину недостаточность вѣры въ первыхъ сраженіяхъ. Лишь послѣ цѣлой серіи блестящихъ успѣховъ войско охватило особаго рода полурелигиозное дикое воодушевленіе, подобно тому, какъ напр. солдаты Наполеона увѣровали въ своего *petit sarragal*. Поэтому слѣдуетъ искать, по крайней мѣрѣ отчасти, причины успѣха въ чемъ-либо иномъ. Пока можно будетъ сдѣлать лишь краткія указанія на то, что позднѣе разъяснится болѣе обстоятельно. Мы хотимъ сказать, что въ большихъ рѣшительныхъ сраженіяхъ у персовъ и византійцевъ ощущался очевидный недостатокъ общаго руководительства. Такъ напр., какъ извѣстно, персидскій главнокомандующій сражался при Кадесіѣ не по своему побужденію, а лишь слѣдуя настоятельному приказу царя. Въ сраженіи же при Геромаксѣ греческое войско, словно нарочно, раздѣлено было на три лагеря, относящіеся другъ къ другу со злобой и худо скрытымъ недоувѣріемъ. Эти раздоры, вдвойнѣ опасные въ виду несравненной дисциплины мусульманъ, были симптомами глубоко укоренившихся болѣзней, пожиравшихъ въ корню персидское и византійское государство. Династія Сассанидовъ, съ самаго начала владычества своего надъ Персіей, была въ многихъ отношеніяхъ стѣснена въ управленіи, принужденная сообразоваться во всемъ съ могуществомъ и іерархіей маговъ и высшаго дворянства. Начиная же съ конца VI столѣтія возникли въ нѣдрахъ самой династіи раздоры; дворцовыя революціи съ тѣхъ поръ не прекращались. Въ этихъ вѣчныхъ передрагахъ принимали, естественно, участіе и духовенство и знать, а вооруженныя силы, много пострадавшія въ византійскихъ войнахъ, еще болѣе ослабли, межъ тѣмъ какъ крупные вассалы, особенно восточныхъ пограничныхъ провинцій, становились постепенно болѣе и болѣе самостоятельными. Обо всемъ этомъ дошли до насъ свѣдѣнія въ видѣ отдѣльныхъ скудныхъ замѣтокъ греческихъ, сирійскихъ и арабскихъ писателей. Очень понятно поэтому становится, что первое вторженіе арабовъ, случившееся въ пору ранней молодости короля Іездегерда, не давало никакой возможности правленію въ Ктезифонѣ завести какой либо сносный порядокъ. При слѣшномъ наборѣ войска противъ непрі-

ателя не было времени позаботиться объ уничтоженіи слѣдовъ глубоко укоренившагося государственнаго неуройства. Сверхъ того персидскіе военные распорядки опирались на систему ополченій, требовавшихъ для сбора войскъ значительнаго времени и не дававшихъ возможности вводить строгую дисциплину. У византійцевъ дѣло поставлено было нѣсколько иначе. Внутренніе раздоры, посѣянные революціей Фоки, не настолько распатали крѣпкія основы правленія, чтобы твердая рука Ираклія не сумѣла въ короткое время поставить государственный механизмъ на болѣе или менѣе торный путь. Но постоянно продолжающіяся нападенія внѣшнихъ враговъ поглощали большую часть силъ имперіи. Едва только было сломлено сопротивление Сассанидовъ, длившееся въ теченіе многихъ столѣтій, какъ снова стали напирать на грековъ, на Балканскомъ полуостровѣ, авары и славяне, и это произошло въ ту минуту, когда персидскій походъ значительно исчерпалъ средства императора. Ко всему этому присоединялась еще полная непопулярность византійскаго владычества надъ восточными провинціями—Египтомъ, Сиріей, Месопотаміей. Благодаря безпощадности взиманія податей и бюрократической заносчивости греческаго управленія, большинство жителей—сирійцы и копты—вовсе не ассимилировалось и съ неохотой выносило чужеземное владычество. Всего же хуже было то, что именно въ это время императоръ Ираклій задумалъ, повидимому съ благою цѣлью, церковное соглашеніе (въ видахъ благодушнаго посредничества между препирающимися богословами), возмущившее въ высшей степени религіозное чувство иноплеменнаго народонаселенія. Поэтому-то въ этихъ странахъ никто и пальцемъ не пошевелилъ противъ арабовъ; наоборотъ, во многихъ случаяхъ населеніе измѣннически старалось помогать врагу государства. Лучшимъ доказательствомъ справедливости изложеннаго можетъ служить тотъ неоспоримый фактъ, что успѣхъ мусульманъ ограничился только что названными провинціями. Правда, Малая Азія была временно опустошена, но ни разу завоевана надолго, а позднѣе подъ крѣпкими стѣнами Византіи арабское войско неоднократно испытывало неудачи; между тѣмъ покореніе Сиріи совершено было въ весьма непродолжительный срокъ.

Такимъ образомъ ближайшее разсмотрѣніе первыхъ блестящихъ подвиговъ правовѣрныхъ теряетъ обаяніе чудеснаго, которымъ совершенно неосновательно увѣнчанъ этотъ циклъ историческихъ событій; но зато, слѣдуетъ признать, и въ самомъ широкомъ, неограниченномъ смыслѣ, что едва ли найдется во всей исторіи другой подобный юный народъ, хотя бы съ одинаковою прирожденной храбростью и подстрекаемый въ той же мѣрѣ религіознымъ воодушевленіемъ, который могъ бы проявить столь высокое пониманіе всѣхъ требованій

при веденіи великой войны, соединенное съ необычайною способностью воспринимать у противника все то, что выработалъ тотъ, благодаря болѣе древней своей цивилизаціи, въ области военной и государственной. Руководимые инстинктивнымъ порывомъ, врѣзывались они съ молниеносной быстротой въ массы войскъ, предводимыхъ опытными византійскими генералами, привыкшими къ медлительности и осторожности, и разбивали въ одиночку отдѣльные ополченія персидскихъ провинцій, съ совокупностью которыхъ едва ли были бы въ состояніи справиться. Неожиданность появленія, когда никто этого не чаялъ, составляло всегда главную черту веденія войны бедуиновъ. Обѣ пограничныя провинціи двухъ великихъ державъ могли бы многое поразсказать о многочисленныхъ и опустошительныхъ хищническихъ набѣгахъ того или другого арабскаго вассальнаго князя, но эти набѣги почти никогда не имѣли рѣшительнаго вліянія на ходъ главныхъ военныхъ операцій. Въ данномъ случаѣ къ неимовѣрной быстротѣ движеній неожиданно присоединялась необыкновенная способность этихъ степныхъ разбойниковъ придумывать стратегическіе планы и послѣдовательно проводить ихъ; болѣе же всего поражала неприятелей образцовая дисциплина послѣдователей ислама, которой охотно подчинялись, сверхъ всякихъ ожиданій, впервые выступающіе теперь арабы центра и юга. Съ другой стороны, тѣ самые люди, которые лѣтъ 10 тому назадъ почитали простой ровъ за неприступную твердыню, а четыре года спустя не знали, чтò предпринять, очутившись передъ нехитро сложенными стѣнами маленькой крѣпостцы центральной Аравіи, Таифа, берутъ теперь безостановочно одну византійскую крѣпость за другой, а позднѣе сами строятъ укрѣпленные лагеря въ Персіи, словно дѣлаютъ привычное издавна имъ дѣло. Между тѣмъ они же мудро воздерживаются отъ подражанія порядкамъ сомнительнаго достоинства, какъ напр. эскадроновъ слоновъ, которыхъ персы, по національному упрямству, все еще придерживались, несмотря на то, что 1000 лѣтъ почти тому назадъ въ битвахъ съ Александромъ была доказана полная непригодность ихъ къ войнѣ.

Такимъ образомъ представляется историку: съ одной стороны, духовная и тѣлесная подвижность, непочатое воодушевленіе въ соединеніи съ строгой дисциплиной, воинское дарованіе, не стѣсняемое выработанной и застывшей рутинной хотя и не особенно многочисленнаго войска, а съ другой—неповоротливость, разладъ, рядомъ съ храбростью извѣстнаго сорта духовная немощность, богатые внѣшнія средства и большой перевѣсъ въ численности. Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы и во времена французскихъ революціонныхъ войнъ, поэтому соответственныя послѣдствія историческихъ событій были весьма естественны какъ тамъ, такъ и здѣсь: одно только громадное

разстояніе времени и недостаточность преданія могли затемнить нѣсколько смыслъ единичныхъ звеньевъ событій.

Послѣ сраженія «въ саду смерти» храбрый Мусанна Ибнъ Хариса, ставъ во главѣ многочисленныхъ полчищъ Бену Бекръ Вайля, кочевавшихъ въ сѣверо-восточномъ углу Аравіи, покорилъ безъ особыхъ усилій всю береговую полосу Бахрейнъ, признававшую доселѣ персидское владычество. Такимъ образомъ (къ концу 11—въ началѣ 633 г.) арабы достигли границъ собственной Персіи. Внутри полуострова не предстояло никакого болѣе дѣла воинственнымъ и хищнымъ бедуинамъ. Тогда они стали припоминать о томъ, какую знатную добычу добывали нѣкогда въ странахъ по ту сторону границъ, а разъ даже, послѣ паденія Лахмидовъ, лѣтъ 25 тому назадъ нанесли поражение самому персидскому намѣстнику Хіры. Дѣти пустыни, быть можетъ, прослышали также и про то, что тамъ въ Персіи опять идетъ безурядица: новый царь Іездегердъ, сѣвшій на престолъ въ концѣ 632 г., никакъ не можетъ управиться съ приверженцами несовершеннолѣтняго своего конкурента, Хормизда V, и другими внутренними врагами *). Арабы и воспользовались этимъ удобнымъ моментомъ, чтобы порыскать въ чужой странѣ, по примѣру отцовъ своихъ. До ушей халифа скоро дошли слухи объ удачныхъ хищническихъ набѣгахъ Мусанны къ устьямъ Евфрата. Ему было предложено официально изъ Медины собрать какъ можно болѣе охотниковъ въ своемъ племени и стать подъ начальство Халида, войска котораго между тѣмъ очутились свободными послѣ полного успокоенія средней Аравіи. Къ полчищамъ правовѣрныхъ, расположеннымъ у Акрабы, примкнули еще многія изъ племенъ вновь обращенныхъ, образуя почтенную армію силою до 10.000 чловѣкъ; къ ней присоединился и Мусанна со своими 8000 бекритовъ. Тогда Халидъ двинулся въ концѣ 11 (въ началѣ 633) къ устьямъ Евфрата, въ персидскія владѣнія. Большую долину Евфрата и Тигра, т. е. Вавилонію и Халдею, низменную часть Месопотаміи и мѣстность между обѣими рѣками, страны, граничащія съ одной стороны съ Сирійскою пустыней, а съ другой—доходящія до Мидій-

*) Самъ Іездегердъ впрочемъ былъ еще тогда малолѣтнимъ; по однимъ извѣстіямъ ему было 15 или 16 лѣтъ, а вѣроятноже всего не болѣе 8. Поэтому о самостоятельномъ управленіи не можетъ быть и рѣчи, но такъ какъ совершенно не извѣстно, кто былъ регентомъ, то для краткости и въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ упоминаться лишь Іездегердъ.

скихъ горъ, арабы привыкли изстари называть Севадъ *) или Иракъ **). Въ тѣ времена и еще нѣсколько столѣтій спустя страна эта, орошенная по всѣмъ направленіямъ древней, весьма развѣтвленной системой каналовъ, была одной изъ плодоноснѣйшихъ, можно даже сказать изъ самыхъ плодородныхъ во всемъ свѣтѣ. Для того именно, чтобы оградить ее отъ разбойничьихъ нападений хищниковъ пустыни, персы и организовали пограничное государство Хіру. Надо было поэтому прежде взять этотъ главный центръ христіанско-персидско-арабскихъ племенъ и затѣмъ уже переправиться черезъ Евфратъ. Но Абу Бекръ рѣшилъ иначе. Онъ приказалъ Халиду прямо вторгнуться въ южную оконечность Севада; межъ тѣмъ одновременно другой отрядъ, подъ предводительствомъ Іада, направлень былъ дальше на востокъ, черезъ степи, на Хіру, дабы отвлечь возможный ударъ непріятели во флангъ Халиду. Вначалѣ шло все благополучно ***). Вслѣдствіе прежнихъ хищническихъ набѣговъ Мусанны, персидскій намѣстникъ южной Вавилоніи, Хормиздъ, стянулъ войска, и арабы натолкнулись на нихъ у Казимы, въ двухъ дняхъ разстоянія отъ позднѣйшей Басры. Все, что мы знаемъ объ отдѣльныхъ событіяхъ и всѣхъ вообще сраженіяхъ даннаго періода, походить скорѣе на безпорядочное собраніе отрывочныхъ извѣстій, чаще всего анекдотической окраски и сомнительной достовѣрности. До насъ не дошло даже хотя бы нѣсколько ясной картины о расположеніи обоихъ войскъ и тактическихъ передвиженій во время борьбы. Такъ или иначе, персы были побиты (Мухарремъ 12=мартъ 633 г.), несмотря на то, что они, по весьма, положимъ, сомнительному показанію арабскихъ историковъ, были частью связаны между собой цѣпью; поэтому и называется эта первая стычка «цѣпнымъ боемъ» ****). Палъ самъ Хормиздъ, какъ говорятъ, отъ руки Хали-

*) Значить приблизительно „черная страна“, такъ названная по темной окраскѣ всюду зеленѣющаго ландшафта, сплошь покрытаго посѣвомъ и деревьями, въ противоположеніе свѣтло-желтому колеру пустыни; такъ по крайней мѣрѣ объясняютъ филологи.

**) Это имя объясняется разнo; какъ кажется, означаетъ узкую полосу вдоль обѣихъ рѣкъ либо пустыни. Географы, впрочемъ, отличаютъ Севадъ отъ Ирака, но для насъ это безразлично. Слѣдуетъ однако замѣтить, что обыкновенно и сѣверо-западную половину Персіи присоединяютъ въ политическомъ смыслѣ къ Ираку, съ которымъ она одно время составляла административную цѣлость. Это и будетъ такъ называемый „персидскій Иракъ“ въ противоположеніе къ „арабскому Ираку“, или просто „Ираку“.

***) Исторія перваго похода противъ персовъ, до передвиженія Халида въ Сирію, вообще мало извѣстна; поэтому настоящій опытъ сопоставленія отдѣльныхъ извѣстій во едино никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ за окончательно удовлетворительный.

****) Подобно тому, какъ французы любятъ опредѣлять событія извѣстными числами мѣсяца (18 брюмеръ, 2 декабря и т. д.), также и арабы стараются обо-

лида; побѣдителямъ досталась богатая добыча. Въ первый разъ тутъ удалось кочевникамъ увидѣть одну изъ тѣхъ драгоценныхъ діадемъ, какія обыкновенно носили персидскіе вельможи, украшенную рядами благородныхъ камней. Доселѣ какъ рѣдкость, въ видѣ обломковъ неопредѣленной стоимости, попадали онѣ иногда во внутрь Аравіи, теперь же предназначалась она цѣликомъ въ государственную казну *). Также точно посланъ былъ въ Медину захваченный въ бою слонъ. въ высшей степени возбуждвшій изумленіе жителей Медины, никогда не выдававшихъ подобнаго животнаго. При видѣ его нѣкоторые изъ наиболѣе наивныхъ женщинъ серьезно сомнѣвались—было ли это твореніе божіе или искусственное подражаніе природѣ. Но бедуинамъ въ набѣгахъ приходилось видѣть многое, еще болѣе изумительное. Послѣ «цѣпного боя» отважно переправилось все войско черезъ Евфратъ и бросилось грабить южную часть Междурѣчья, умерщвляя всюду взрослыхъ и увозя за собой женъ и дѣтей — очень понятно, это дѣлалось только въ помѣстьяхъ персидскихъ крупныхъ владѣльцевъ, должностныхъ лицъ и полицейскихъ чиновъ. Мирныхъ крестьянъ, по большей части арамейцевъ, т. е. семитскаго происхожденія, оставляли въ покоѣ. На столько мудрости хватило и у Халида, чтобы не зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца. А чтобы она не очень раздобрѣла, объ этомъ, какъ мы увидимъ впоследствии, позаботились съ большимъ искусствомъ. — Такъ арабы продолжали и дальше проникать въ страну, Мусанна со своими бекритами впереди, зная лучше другихъ мѣстность. Совершенно неожиданно наткнулся онъ вдругъ у Мазара на новый отрядъ персидскаго войска, который, при первой вѣсти о нарушеніи мира арабами, высланъ былъ изъ столицы, чтобы наказать дерзкихъ грабителей. Ими командовалъ предводитель изъ дома Каренъ, одной изъ благороднѣйшихъ и могущественнѣйшихъ семей всего персидскаго дворянства; по дорогѣ присоединились къ нему и бѣглецы, уцѣлѣвшіе послѣ «цѣпного боя». Халидъ съ главными силами подошлѣ въ время на выручку своего сподвижника, и угрожавшее ему пораженіе легко обратилъ въ побѣду. Между тѣмъ по царскимъ повелѣніямъ стягивались все новыя войска и направлялись въ Вавилонію. Выступили также въ походъ христіанскіе арабы изъ намѣстничества Хиры, собирались сильныя отряды кочевавшихъ въ самомъ Междурѣчьи бедуиновъ, заколыхались и бекриты Вайль, которыхъ подмывало отвращеніе къ исламу, а также воспоминанія о прежнихъ пле-

значать исторически важныя дни характеристическими посторонними обстоятельствами или случаями; сравни напр. день Халимы.

*) Для нея, какъ и всегда, отдѣлялась пятая часть добычи, какъ это установилъ вначалѣ Мухаммедъ.

менныхъ распряхъ *) съ соотечественниками Мусанны. Произошло новое сраженіе у Валаджи, вблизи большого рукава, соединявшаго Евфратъ съ Тигромъ и перерывающаго съ сѣвера на югъ Вавилонію приблизительно пополамъ. Арабскія извѣстія приписываютъ и здѣсь побѣду Халиду, въ чемъ однако можно отчасти усомниться **). Во всякомъ случаѣ, даже полное пораженіе непріятели не дозволило бы ему продолжать движеніе впередъ; на лѣвомъ его флангѣ подымалась гроза, обѣщавшая скоро разразиться и несшая ему пагубу.

Мы упоминали уже выше, что Іяду было приказано для огражденія отъ нападений на флангъ изъ Хиры совершить диверсію изъ центра Сѣверной Аравіи. Но вплоть до самой Хиры разстилалась пустыня, въ оазисахъ которой издавна жили Бену Кельбъ, христіане. Тѣ изъ нихъ, которые населяли Думатъ Аль-Джандаль, въ 9 году (630), послѣ вынужденнаго обращенія короля ихъ Укейдира, примкнули наружно къ исламу, а послѣ смерти Мухаммеда, подобно землякамъ язычникамъ, снова отложились. Послѣ подавленія арабскаго возстанія, положеніе ихъ стало опасно, и келбиты вмѣстѣ съ Укейдиромъ передвинулись постепенно далѣе къ сѣверу, ближе къ Евфрату. Здѣсь встрѣтились они тоже съ христіанскими племенами Бахра и Тенухъ, жившими вдоль сѣверной окраины Сирійской пустыни, а отчасти въ Месопотаміи, и признававшими главенство Гассанидовъ; къ нимъ же присоединились нѣкоторые летучіе отряды гассанидовъ. Въ Сиріи, конечно, никто и не подозрѣвалъ, что въ слѣдующемъ же году произойдетъ и къ нимъ вторженіе мусульманъ, но, замѣчая все увеличивающееся судорожно безпокойное броженіе на сѣверѣ полуострова, сочли цѣлесообразнымъ поддержать отступающихъ единовѣрцевъ передъ поступательнымъ движеніемъ впередъ Іада. Понятно, этотъ послѣдній старался ихъ загнать, чтобы имѣть свободными оба своихъ фланга, когда двинется къ сѣверу на Хиру. Но это не легко было исполнить. Путь черезъ степь оказался слишкомъ тяжелымъ; по крайней мѣрѣ въ Раджабѣ 12 (октябрь 633), мы видимъ его плотно

*) Такъ какъ большія племена распались на малыя группы, то, благодаря арабскому партикуляризму, возникали естественно безпрестанныя внутреннія распри, нерѣдко между отдѣлами племенъ одного и того же происхожденія. Такъ напр. описаны нами уже раздоры между Абсъ и Зубьянъ, принадлежавшими къ одному и тому же племени Гатафанъ. Послѣ сорока-лѣтней войны бекриты ушли на сѣверъ, а большіе отдѣлы ихъ перекочевали за Евфратъ въ Месопотамію, гдѣ приняты были въ союзъ находившихся тамъ, подъ персидскимъ покровительствомъ, бедуиновъ.

**.) Послѣ сраженія послѣдовало движеніе назадъ, что легко объясняется, даже предполагая побѣду, извѣстіемъ о накопленіи непріяельскихъ войскъ во флангъ у Халида. Особенно поразительно, во всякомъ случаѣ, что извѣстія совершенно умалчиваютъ о добычѣ.

пригвожденнымъ у Думать Аль-Хира *), мѣстности далеко на сѣверо-западъ отъ Хиры. Такимъ образомъ силы намѣстничества Хиры все еще оставались свободными для поданія помощи Персіи; было также возможно направить на югъ массы арабовъ Междурѣчья. У мѣстечка Уллейсъ, на Евфратѣ, соединились эти кочевые бедуины съ высланными изъ резиденціи свѣжими царскими войсками и остатками участвовавшихъ въ сраженіи при Валаджи. Сборная армія расположилась (Сафаръ 12=май 633) на правомъ берегу Евфрата, почти въ тылу Халида, продолжавшаго грабить, тѣмъ временемъ, на лѣвомъ. Но при первомъ же извѣстіи арабскій военачальникъ понялъ всю громадность угрожающей опасности: быстро повернулъ Халидъ назадъ, переправился черезъ Евфратъ и смѣло напалъ на непріятелей, продолжавшихъ еще стоять у Уллейса. Бой былъ тяжелый, исходъ его долго оставался сомнительнымъ. Свирѣпый арабъ въ душѣ далъ обѣтъ своему Богу, если только Онъ даруетъ ему побѣду, что рѣка **) вмѣсто воды потечетъ кровью. Сраженіе было дѣйствительно выиграно. И вотъ военачальникъ отдаетъ приказаніе хватать всюду бѣгловъ, отвести воду рѣченки и тутъ же на мѣстѣ убивать плѣнныхъ сотнями. Потекла, понятно, кровь ручьями. Пустили снова воду и, въ нѣкоторомъ родѣ, обѣтъ былъ исполненъ. Отнынѣ ручей стали называть «кровавой рѣчкой».

Путь въ Хиру оказывался теперь свободнымъ. Вначалѣ сушью, послѣ на ладьяхъ, по каналамъ, подошло войско къ самому городу, старой резиденціи Лахмидовъ. Арабы разбили лагерь у самаго замка Хаварнакъ. Городъ былъ укрѣпленъ и гарнизонъ могъ бы нѣкоторое время продержаться, но персидскій намѣстникъ внезапно исчезъ куда то, а большинство жителей, арамейскіе христіане, предпочли, послѣ короткаго сопротивленія, сдаться на капитуляцію. Отказаться отъ своей вѣры они ни за что впрочемъ не хотѣли; на нихъ наложена была дань, которую «обладатели писанія» должны были выплачивать, какъ цѣну за терпимость. Въ теченіе лѣта Халидъ занялъ и двѣ остальные крѣпости, оставшіяся еще въ рукахъ персовъ, лежавшія на западъ отъ Евфрата: Амбъръ, у самой рѣки, и Айнъ Темръ ***), на сѣверо-восточной окраинѣ Сирійской пустыни. Замѣчательно особенно то, что какъ здѣсь, такъ и при занятіи Хиры, ничего не слышно о дальнѣйшихъ попыткахъ персовъ къ новымъ нападеніямъ изъ Ктезифона. Очень возможно, что новые беспорядки истощали силы правительства;

*) Это не Думать Аль-Джандалъ, какъ многія ошибочно смѣшиваютъ, въ ущербъ пониманію въ особенности этого самаго похода.

**) Вѣроятно одинъ изъ каналовъ, перерѣзывавшихъ по всѣмъ направленіямъ мѣстность вблизи Евфрата.

***) „Финиковый источникъ“.

можетъ быть происходило это и потому, что потребовалось нѣкоторое время, дабы стянуть многочисленныя войска изъ среднихъ провинцій, такъ какъ великіе вассалы центральнаго ядра государства вѣроятво не очень-то торопились собрать новое ополченіе. Къ тому же непосредственная опасность для столицы миновала со времени битвы при Уллейсѣ, такъ какъ Халидъ счелъ за лучшее овладѣть сперва всюю страню на западъ отъ Евфрата и тогда только снова попытаться вторгнуться въ Междурѣчіе. Что же касается христіанской пограничной провинціи, очень естественно, царь едва ли много тужилъ о временной уступкѣ ея, тѣмъ болѣе, что на это были очень важныя причины. Вотъ почему персидскій гарнизонъ въ Амбарѣ такъ скоро капитулировалъ, выговоривъ себѣ только свободный пропускъ, и Халидъ на это согласился. Но Айнъ Темръ, гдѣ случайно засѣлъ отдѣлъ Бену Таглибъ, державшій сторону пророчицы Саджахи, отказался наотрѣзъ подчиниться. Крѣпость принудили къ сдачѣ голодомъ и, при занятіи ея, всѣ были перебиты отъ перваго до послѣдняго.

Въ это же самое время (лѣтомъ и осенью 633=12), сломлено было наконецъ возлѣ Думатъ Аль-Хіры совокупное сопротивленіе сборища кельбитовъ и ихъ союзниковъ. По всѣмъ вѣроятіямъ мѣсто это, какъ можно судить по всему, лежало на сѣверо-западъ отъ Хіры. Обстоятельныхъ подробностей о его положеніи до насъ не дошло, поэтому трудно сказать справедливо ли извѣстіе, что Халидъ выступилъ туда походомъ послѣ паденія Айнъ Темра: иначе пришлось бы предполагать, что кельбиты заманили Іада довольно далеко на сѣверъ. Если же это не такъ, и Думатъ слѣдуетъ искать ближе къ Хирѣ, въ такомъ случаѣ и покореніе ея должно было совершиться до взятія Амбара и Айнъ Темра. Во всякомъ случаѣ, до самаго лѣта 633 (12), Іадъ, и это достовѣрно, не могъ предпринять ничего рѣшительнаго противъ кельбитовъ. Хотя вспомогательный отрядъ, подъ предводительствомъ Аль Валідъ Ибнъ Укбы, и успѣлъ въ то время присоединиться къ нему, онъ все-таки находился бы въ довольно незавидномъ положеніи, если по его зову не подоспѣлъ бы во время Халидъ. Атакованныя одновременно съ обѣихъ сторонъ, скопища бедуиновъ потерпѣли рѣшительное пораженіе. Во второй разъ попалъ Укейдиръ въ руки мусульманъ и былъ умерщвленъ, какъ неисправимый отщепенецъ. Въ самомъ мѣстечкѣ, взятомъ приступомъ, свирѣпствовалъ по своему обыкновенію «мечъ божій». Одинъ случай спасъ кельбитовъ, очутившихся внѣ города, отъ окончательнаго истребленія; по капитуляціи имъ дарована была жизнь.

Теперь все пространство между рѣкой и пустыней было окончательно покорено мусульманами. Разъ нѣсколько пробовали было христіанскіе бедуины, кочевавшіе по обоемъ берегамъ средняго Евфрата,

отомстить за кровавое побоище въ Айнъ Темрѣ, но летучія колонны Халида внезапно появлялись то тамъ то здѣсь и вездѣ совершали страшное дѣло отмести. Мало-по-малу страхъ усмирить непокорныхъ. Мусульмане могли теперь смѣло выступить изъ Хиры и снова переправиться за Евфратъ. Слабые персидскіе отряды, занимавшіе въ тотъ моментъ мѣстность Междурѣчія, не были въ состояніи оказать никакого серьезнаго сопротивленія. Даже тогда, когда сторожевые посты византіяцевъ на среднемъ Евфратѣ примкнули къ исконнымъ врагамъ своимъ, чтобы положить наконецъ предѣлъ все болѣе и болѣе становившемуся грознымъ броженію на общей границѣ, жаркая стычка у Аль-Фирада показала, что правовѣрные въ состояніи уже поколотить и соединенныя силы византіяцевъ и персовъ. Такимъ образомъ къ концу 12-го года (началу 634) Халидъ успѣлъ овладѣть обоими берегами Евфрата и могъ ежеминутно, съ того пункта, отъ котораго Тигръ находится въ разстояніи 10 нѣмецкихъ миль, подойти къ Ктезифону въ три дня. Но этого не захотѣлъ халифъ. Въ это самое время началось движеніе изъ Медины трехъ громадныхъ колоннъ, которымъ предписано было завоевать Палестину и Сирію. Прежде чѣмъ эти войска не одержать успѣховъ рѣшительныхъ, подобныхъ тѣмъ, коими могли похвалиться Халидъ съ Мусанной, было рискованно прервать взаимную связь между обѣими главными массами исламскихъ воиновъ. Халидъ и не думалъ сдерживать порывовъ негодованія, не скрывая своего недовольства за наложенное на него свыше принужденное выжиданіе. Но послѣдствія оправдали прозорливую предусмотрительность Абу Бекра. Вслѣдъ за первыми успѣхами, движеніе впередъ сирійскихъ отрядовъ сразу замедлилось, и предводители ихъ вынуждены были просить подкрѣпленій. Тогда-то и получилъ Халидъ повелѣніе, это было въ началѣ Рабі I, 13 (май 634), выступить пспѣшно въ Сирію съ 3.000 всадниковъ. Внѣ себя отъ бѣшенства и приписывая повелѣніе Омара очевидной немилости и желанію вырвать у него изъ рукъ плоды его побѣдъ, вынужденъ былъ онъ, однако, повиноваться. Откладывать выступленіе было невозможно, быстро собрался онъ въ походъ и передалъ командованіе надъ остающимися войсками Мусаннѣ, который временно перенесъ главную квартиру въ Хиру.

Между тѣмъ въ Ктезифонѣ снова закопошились; нашлись кое-какія средства, и персы стали серьезно подумывать объ изгнаніи мусульманъ изъ занятой ими опасной позиціи. Способствовало этому также и извѣстіе о выступленіи въ дальній походъ страшнаго Халида со значительнымъ отрядомъ войска; это извѣстіе подѣйствовало ободряющимъ образомъ на упавшій было духъ ктезифонскихъ властей. Для предстоящей экспедиціи противъ Хиры снарядили довольно быстро армію подъ предво-

дательствомъ другого Хормизда. Но Мусанна во-время получилъ свѣдѣнія о приближеніи непріятели; онъ двинулся ему на встрѣчу и разбилъ персовъ у развалинъ Вавилона (13=634) послѣ упорной битвы, въ которой арабскій герой собственноручно закололъ громаднаго военнаго слона. Успѣхъ этотъ однако не особенно его прельщаль; положеніе было дѣйствительно затруднительное. Ему приходилось съ небольшими сравнительно силами прикрывать мѣстность по крайней мѣрѣ въ 60 миль въ длину. Поэтому онъ поспѣшилъ лично въ Медину, чтобы испросить какъ можно скорѣе необходимое подкрѣпленіе у халифа; онъ засталъ Абу Бекра уже на смертномъ одрѣ, но Омаръ, ставшій непосредственно у кормила правленія, не замедлилъ исполнить просьбу испытаннаго военачальника. Обнадеженный видами на скорую помощь, вернулся Мусанна снова въ Хіру. Но, конечно, должно было пройти нѣкоторое время, прежде чѣмъ успѣли собрать новое ополченіе, и когда предводитель его, Абу Убейдъ, достигъ границъ Ирака, тутъ же встрѣтилъ онъ и Мусанну со всѣмъ его войскомъ: послѣднему пришлось поспѣшно очистить линію Евфрата, чтобы избѣжать опасности полнѣйшаго истребленія.

Изъ мрака и безпорядковъ, которые какъ бы дымкой покрываютъ событія и обстоятельства послѣднихъ временъ царствованія Сассанидовъ, выступаетъ мало-по-малу фигура, которую нѣкоторымъ образомъ, хотя въ общихъ очертаніяхъ, мы можемъ болѣе или менѣе отчетливо себѣ представить. Это былъ Рустемъ, сынъ Феррухъ-Хормизда, И спехбеденъ *) великой восточной провинціи Хорасана. Отецъ его, замѣшанный въ послѣдней придворной революціи, былъ убитъ. Чтобы отомстить за смерть его, сынъ подступилъ во главѣ значительнаго войска къ резиденціи, свергнувъ царицу регентшу и помогъ завладѣть властью Іездегерду, который выставленъ былъ раньше мятежниками въ Истахрѣ (Персеполисѣ) въ качествѣ кандидата на царство (вѣроятно въ началѣ 633). Такъ или иначе, этотъ вельможа появляется отнынѣ въ качествѣ главнаго руководителя правленія и верховнаго полководца, дѣйствовавшего противъ арабовъ. Понятно, вліяніе его простиралось настолько, насколько допускало это положеніе управляющаго, подкапываемое во всѣхъ направленіяхъ интригами и личными кознями придворной клики. Тотчасъ же повелѣлъ онъ составить роспись всѣмъ способнымъ носить оружіе въ провинціи Междурѣчья и въ то же время посланы были двумя отрядами царскія войска. Одинъ, подъ предводительствомъ Джаба́на, переправился черезъ Евфратъ, по

*) *Ispehbed*, позднеѣшая форма слова *srah-pat* «войска господинъ», означающая высшій военный титулъ въ царствѣ Сассанидовъ, а также соотвѣтствующій въ нѣкоторомъ родѣ титулу маркграфа и обозначающій великаго вассала, управляющаго почти самостоятельно болѣе отдаленными провинціями.

направленію къ Хирѣ; другой же, подъ команду, Нарсэ расположился въ мѣстности Каскаръ *). Осторожно стянулъ Мусанна разбросанные посты и, не торопясь, сталъ отступать на встрѣчу къ подвигавшемуся къ нему Абу Убейду. На границѣ пустыни соединились оба войска и, по особому повелѣнію Омара, Абу Убейдъ принялъ верховное начальство надъ соединенными силами. Было бы, конечно, лучше не отнимать отъ Мусанны главенства, но бекритъ слылъ за бедуина, не твердаго въ коранѣ, такъ какъ лишь послѣ смерти Мухаммеда принялъ исламъ **); поэтому-то Омаръ и не рѣшался навязать его правовѣрнымъ въ качествѣ главнокомандующаго; Абу Убейдъ былъ впрочемъ человѣкъ испытанной храбрости. Сперва разбилъ онъ Джабана вблизи Хиры, преслѣдовалъ горячо бѣглецовъ, спѣшившихъ присоединиться къ войску Нарсэ, а затѣмъ поразилъ на голову и послѣдняго, который продолжалъ неуклонно стоять у Каскара. Но, повидимому, Рустемъ успѣлъ въ это время понемногу стянуть силы нѣсколькихъ провинцій великаго царства: вскорѣ послѣ этихъ первыхъ битвъ снова выступило изъ Ктезифона огромное войско, направленное прямо на Хиру. Мусульманамъ пришлось спѣшно покидать свои далеко выдвинутыя на югъ позиціи, дабы успѣть переправиться черезъ Евфратъ. У мѣстечка Кусъ Анъ-Натиѣ ***) тамъ, гдѣ большая царская дорога изъ Ктезифона въ Хиру пересѣкаетъ рѣку плашкотнымъ мостомъ, расположились на западномъ берегу правовѣрные лагеремъ. Тутъ же, но на другой сторонѣ, очутился внезапно (Рамаданъ 13=ноябрь 634) Бахманъ, персидскій полководецъ. Ловко воспользовался онъ общеизвѣстной чертой храбрости своихъ противниковъ. Подъ маской великодушія предоставилъ на выборъ Абу Убейду, гдѣ ему будетъ угодно сражаться: на правомъ или на лѣвомъ берегу рѣки. Горячая кровь араба заговорила и потянула въ разставленную ловушку. Вопреки совѣту болѣе благоразумныхъ изъ оружающихъ его, двинулся

*) Въ южной Вавилоніи около Валаджи. Войско раздѣлено было на двѣ части, съ тѣмъ чтобы Джабанъ нанесъ главный ударъ Хирѣ, а Нарсэ, оставаясь въ южной Вавилоніи, могъ бы его прикрыть противъ случайной диверсіи мусульманъ. Но планъ не удался, благодаря мудрому отступленію Мусанны, а можетъ быть и потому, что затянули его исполненіе.

**) Хотя въ этихъ первыхъ войнахъ никто не допытывался насчетъ корректности чьего-либо кагехизиса, все же могло случиться, что войска откажутъ въ повиновеніи подобному чужеземцу, который не имѣлъ права считать себя за одного изъ „товарищей пророка“. Передъ такимъ титуломъ каждый изъ правовѣрныхъ готовъ былъ склониться, не унижая своего достоинства; но повиноваться первому встрѣчному бедуину, свалившемуся какъ снѣгъ на голову, попросту изъ какого-то уголка Аравіи, на это не согласился бы пожалуй никто, за исключеніемъ товарищей по племени.

***) Вблизи развалинъ Вавилона.

онъ черезъ мостъ и принялъ сраженіе, имѣя въ тылу рѣку. Но на другой сторонѣ персы уже поджидали арабовъ; развернуться силамъ не доставало мѣста. Когда же Абу Убейдъ съ безумно отчаянной отвагой бросился, пролагая себѣ путь, на замыкающій эскадронъ слоновъ Бахмана, то былъ подхваченъ однимъ изъ этихъ могучихъ животныхъ и въ мгновеніе ока растоптанъ ногами. Смерть предводителя произвела удручающее впечатлѣніе на войска. Желая вдохнуть въ нихъ мужество отчаянія, пришла въ голову одному изъ товарищей Абу Убейда по племени несчастная мысль уничтожить связь моста съ берегомъ, такъ что его стало мало-по-малу относить. Мусульманъ окончательно объявъ ужасъ; пѣльми толпами бросались они въ рѣку. Всему войску предстояло быть опрокинутому въ волны Евфрата, если бы не Мусанна со своими бекритами. Онъ бросился неустрашимо на персовъ и успѣлъ продержаться, пока мостъ не былъ закрѣпленъ снова; затѣмъ, не взирая на тяжкую рану, нанесенную ему непріятельскимъ копьемъ, все время продолжалъ прикрывать отступленіе.

Войско было, по крайней мѣрѣ, спасено отъ полнѣйшаго истребленія. Все же пришлось потерять въ этомъ сраженіи при мостѣ 4000, павшихъ на полѣ битвы или погибшихъ въ волнахъ Евфрата; 2000, потерявшіе окончательно голову, бѣжали безъ оглядки до самой Медины. Они сами устыдились своего поступка, но Омаръ былъ настолько благоразуменъ, что обошелся съ ними довольно мягко. Во всякомъ случаѣ бѣглецы образумились и поняли, что ихъ мѣсто тамъ, подъ командой бедуина. А тотъ, тѣмъ временемъ, дѣлалъ все, что могъ, пока они не вернулись наконецъ съ новыми подкрѣпленіями, которыя успѣлъ, напрягши всю энергію, собрать Омаръ и послать немедленно же въ Иракъ. Конечно, слѣдуетъ приписать счастливому случаю, что Бахманъ, получивъ извѣстіе о новыхъ волненіяхъ въ Ктезифонѣ, долженъ былъ вернуться въ резиденцію и не могъ воспользоваться плодами своей побѣды; тѣмъ временемъ арабскій военачальникъ не упустилъ случая заполнить послѣпно пробѣлы маленькаго своего войска. Довольно далеко отъ Евфрата, во владѣніяхъ византійскихъ, кочевало арабское племя Бену Намиръ; Мусанифъ посчастливилось, не взирая на то, что они были христіане, убѣдить ихъ примкнуть къ мусульманскому войску. И снова заняли арабы страну на западъ отъ рѣки. Когда же подоспѣли большія подкрѣпленія изъ Медины, Омаръ конечно предоставилъ ему главноначальствованіе, и этотъ испытанный воинъ былъ въ состояніи смѣло выступить противъ непріятеля, который къ тому времени снова началъ понемногу подвигаться (14=635). Соперничающіе вельможи Ктезифона, повидимому, на нѣкоторое время помирились, и одинъ изъ потомковъ Михрана, одного изъ семи знаменитѣйшихъ персидскихъ дворянскихъ родовъ, переправился

черезъ Евфратъ съ 12.000 человекъ. Мусанна выжидаль терпѣливо непріятеля за однимъ изъ западныхъ каналовъ Евфрата у Бувейба, вблизи Хиры, предоставивъ на этотъ разъ дѣйствовать самимъ персамъ. Михранъ, какъ кажется, не зналъ о числѣ мусульманъ и рассчитывалъ встрѣтить слабыя ихъ остатки послѣ сраженія у моста. Онъ совершилъ ту же самую ошибку какъ и Абу Убейдъ: переправился черезъ каналъ, въ виду непріятельскаго войска, и напалъ на ожидавшихъ его по ту сторону арабовъ. Персы сражались на этотъ разъ особенно храбро, и, несмотря на это, побѣда склонилась на сторону правовѣрныхъ, благодаря преимущественно храброй сдержанности намиритовъ. Желая довершить пораженіе врага, приказалъ Мусанна одному летучему отряду разрушить мостъ въ тылу. Этотъ маневръ чуть что не сталъ гибельнымъ: лишенные отступленія, бросились персы съ отвагой отчаянія на наступающихъ, и снова закипѣлъ бой. Самъ Мусанна упрекалъ себя потомъ, что подвергъ мусульманъ новымъ, совершенно излишнимъ потерямъ, но сраженіе все-таки кончилось полнымъ истребленіемъ непріятельскаго войска: почти никто изъ персовъ не спасся.

Такое значительное пораженіе раскрыло глаза персамъ. Они увидѣли, что полумѣрами нельзя сломить необычайнаго упорства, съ которымъ дерзкіе аравитяне, и прежде довольно часто предпринимавшіе свои набѣги, рѣшились нынѣ продолжать ихъ повидимому непрерывно. Поэтому Рустемъ рѣшился собрать предварительно серьезныя военныя силы, чтобы неотразимымъ натискомъ и однимъ ударомъ положить конецъ утомительной пограничной войнѣ. Мы уже не разъ указывали, что внутреннее положеніе персидскаго государства представляло великія препятствія для подобнаго рода предпріятія. Поэтому понадобилось болѣе года, прежде чѣмъ новое ополченіе, собранное частью въ отдаленныхъ провинціяхъ, могло достигнуть столицы. Этимъ моментомъ относительнаго покоя арабы воспользовались какъ нельзя лучше. По всему Междурѣчю и дельтѣ Евфрата и Тигра, на пространствѣ около 80 миль, считая отъ оконечности Персидскаго залива вверхъ, шныряли по всѣмъ направленіямъ и грабили конные отряды, занимая одинъ городъ за другимъ, до самаго Тигра выше Ктезифона. Въ то же самое время положили они начало твердой осѣдлости въ покоренной странѣ, заложивъ у нынѣшняго Шатъ-аль-Араба, главнаго рукава соединенныхъ Евфрата-Тигра, крѣпость Басру *). Широкое русло становится здѣсь доступно для морскихъ судовъ; вотъ почему мѣсто это стало впоследствии средоточіемъ всей

*) Послѣ остраго с у арабовъ слегка, едва замѣтно, слышится глухое гласное придыханіе, поэтому англичане и французы пишутъ Bassora. Бальсора же во всякомъ случаѣ безсмыслица.

морской торговли исламскаго государства, съ основаніемъ же Багдада при Аббасидахъ—естественной гаванью резиденціи халифовъ. Такъ какъ персы въ сосѣдней Хурейбѣ имѣли крѣпостцу и арсеналь, то Басра, укрѣпленная, служила также естественнымъ прикрытіемъ Аравіи и южной Вавилоніи отъ вторженій изъ Хузистана и исконныхъ земель Персіи. Защита этого важнаго поста съ гарнизономъ въ 800 человекъ ввѣрена была Мугирѣ Ибнѣ Шу'бѣ.

Въ срединѣ 15 года (лѣтомъ 636), доносилъ предусмотрительный и осторожный Мусанна въ Медину: около Ктезифона (или Мадайнъ, какъ называли этотъ городъ арабы) собираются войска, необыкновенно многочисленныя. Великая армія Рустема, собранная изъ всѣхъ частей государства, начинала мало-по-малу формироваться. Въ виду начавшагося отнынѣ движенія между Евфратомъ и Тигромъ передовыхъ персидскихъ войскъ, умный арабъ, по своему обыкновению, сталъ стягивать отовсюду свои конные отряды и, сконцентрировавъ войска, началъ медленно снова отступать на Хиру. Подъ прикрытіемъ Евфрата поджидаль онъ неоднократно просимое подкрѣпленіе. Омаръ рѣшилъ напрячь всѣ силы. Громадныя полчища съ юга Аравіи, которыя теперь только рѣшился онъ пустить въ ходъ, заколыхались по направленію къ Ираку. Былъ это народъ безшабашный, лишь благодаря грубой силѣ подчиненный исламу; но эти люди давно уже, еще когда персы владычествовали въ Іеменѣ, хорошо знали, что Ктезифонъ вмѣщаетъ въ себѣ такія сокровища, какихъ бедуинамъ не могло и присниться. Вотъ что воодушевляло этихъ южанъ, какъ двѣ капли воды схожихъ со старымъ разбойничьимъ атаманомъ Амрѣ Ибнѣ Ма'дикарибомъ, а также съ ужаснымъ измѣнникомъ Аль-Аш'асомъ Ибнѣ Кайсомъ, что дѣйствовало на нихъ пожалуй въ той же мѣрѣ, какъ надежды на рай на набожныхъ сподвижниковъ пророка. Эти вспомогательныя войска находились подъ командой одного изъ старѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ сподвижниковъ Мухаммеда, Са'да Ибнѣ Абу Ваккаса. Вслѣдствіе снова возникшихъ сомнѣній насчетъ правоспособности Мусанны, этого Са'да назначили и главнокомандующимъ надъ всѣмъ войскомъ. Между Хирой и пустыней расположена была главная его квартира; сюда же примкнулъ и отступающій передъ Рустемомъ Мусанна. По совѣту послѣдняго, выжидаль новый главнокомандующій спокойно приближеніе персовъ. Мудрый бекритъ понималъ всю великость опасности, а Са'дъ оказался благоразумнѣе, чѣмъ Абу Убейдъ въ несчастномъ сраженіи у моста. Толпы за толпами прибывали ежедневно къ арабамъ; ихъ направлялъ Омаръ отовсюду въ Иракъ. Моментъ оказался дѣйствительно роковымъ для персовъ: 20 августа 636 года была разбита на голову византійская армія въ странѣ на востокъ отъ Іордана, и все набираемое на полуостровѣ опол-

ченіе отсылалось отнынѣ на театръ войны противъ персовъ. Даже гарнизонъ Басры, подъ предводительствомъ Мугиры, былъ тоже откомандированъ къ Садѣ, а въ Сирію послано было повелѣніе сейчасъ же послѣ сдачи Дамаска вернуть назадъ отдѣленныхъ прежде отъ иракской арміи 3000 человекъ.

Благой совѣтъ, преподанный Мусанной новому главнокомандующему, былъ послѣдней услугой, оказанной дѣлу ислама этимъ великимъ полководцемъ. Силы его окончательно были надорваны безграничнымъ напряженіемъ четырехлѣтней непрерывной борьбы, въ теченіе которой онъ не былъ въ состояніи ни на минуту вздохнуть: всюду бралъ онъ на себя починъ въ самые трудные и отвѣтственные моменты. Доконали его окончательно многочисленныя раны, полученныя имъ въ сраженіи у моста, ни разу какъ слѣдуетъ не успѣвшія затянуться. Онъ умеръ наканунѣ сраженія, такъ блестяще завершившаго его начинанія. Въ уваженіе къ его памяти, Садъ объявилъ торжественно, что по прошествіи законнаго срока женится на вдовѣ его Сельмѣ; понятно, сдѣлалъ онъ это, чтобы перенять вліяніе умершаго героя у обожавшихъ его безгранично бедуиновъ. Этимъ выражалъ онъ также, что признавалъ ясно заслуги Мусанны; но почти всѣ остальные правовѣрные сильно грѣшили предъ памятью знаменитаго бекрита, не отдавая ему должной справедливости. Во всѣхъ преданіяхъ напр. этотъ бедуинъ ставится ниже остальныхъ сподвижниковъ пророка. Насколько понятны причины этого явленія, настолько же и постыдны. Лишь благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ *), отдана, наконецъ, этому замѣчательному мужу доля справедливости. Если въ геніальности полководца онъ, можетъ быть, нѣсколько уступалъ Халиду, зато во всемъ остальномъ далеко его превзошелъ, и на эту историческую личность не падаютъ тѣ черныя тѣни, кои легли густою полосой, благодаря дикости и жестокости, на характеръ «меча божія». Не менѣе отважный сколь и предусмотрительный бекритъ всегда выигрывалъ сраженія; если же, благодаря посторонней оплошности, бой угрожалъ окончиться несчастіемъ, онъ моментально рѣшался: жертвовалъ собой, спасалъ отъ гибели все войско и прикрывалъ упорно отступление. Какъ молнія быстро бросался на непріятеля, подстерегая зорко всякую возможность удачи; передъ превосходными силами непріятеля умѣлъ медлительно отступать и, дѣйствуя постоянно такимъ образомъ, довелъ до того, что въ теченіе долгихъ трехъ лѣтъ сумѣлъ держаться стойко противъ всей, хотя

*) Пользуемся при этомъ охотно случаемъ назвать знаменитаго англійскаго историка Гира Вильяма Муира, который, со свойственнымъ ему необыкновенно свѣтлымъ взглядомъ на достоинства вообще историческихъ личностей, первый оцѣнилъ правильно заслуги Мусанны (*Annals of the Early Caliphate* London 1883, стр. 139).

бы и обуреваемой внутренними беспорядками, но все же грозной силой великаго персидскаго царства, располагая притомъ средствами, иногда до смѣшного малыми. Онъ добился наконецъ того, что съ паденіемъ византійскаго владычества въ Сиріи возможно было халифу, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, нанести окончательный ударъ и на второмъ театрѣ войны. Вся поверхностность историческихъ взглядовъ мусульманъ выказалась здѣсь вполне: въ подобномъ выдающемся героѣ они не могли ничего лучшаго отмѣтить, какъ одинъ незначительный фактъ, что при развалинахъ Вавилона онъ умертвилъ собственноручно огромнаго слона.

Мусанна вынужденъ былъ очистить Хиру ранѣе приближенія царскаго войска; Рустемъ занялъ городъ и разбилъ свой лагерь неподалеку отъ города, у мѣстечка Кадесія. Цѣлыхъ четыре мѣсяца простоялъ онъ бездѣятельно въ виду мусульманъ. Между тѣмъ тѣ пополняли ежедневно свои ряды прибывающими изъ Аравіи новыми отрядами. Рассказываютъ, будто персидскій главнокомандующій предпринялъ походъ противъ своего желанія. Жалобы жителей Междурѣчья на хищническіе набѣги, совершаемые безпрепятственно бедуинами по всѣмъ направленіямъ, слѣдались до такой степени частыми, что царь Іездегердъ и его приближенные вельможи потеряли всякое терпѣніе. Переносить такой позоръ дѣйствительно было тяжело, и армія тронулась въ походъ по прямому царскому повелѣнію. И теперь вѣроятно Рустемъ поджидалъ прибытія нѣкоторыхъ ополченій изъ отдаленнѣйшихъ провинцій; этимъ только и можно объяснить болѣе или менѣе правдоподобно непонятную остановку движенія противъ арміи Са'да. Подобно тому, какъ вначалѣ персамъ повредило то обстоятельство, что они слишкомъ долго принимали вторженіе Халида за одинъ изъ тѣхъ простыхъ арабскихъ набѣговъ, ради добычи повторявшихся періодически съ незапамятныхъ временъ, и думали съ нимъ справиться относительно легко, такъ и въ настоящее время стремленіе персовъ преодолѣть всякое сопротивленіе нагроможденіемъ подавляющаго числа войскъ послужило имъ же на погибель. Нерѣшительность дѣйствій вообще, какъ прямое слѣдствіе вмѣшательства двора въ образъ веденія войны Рустемомъ, усугублялась еще бездѣятельностью самого вожда, которая придавала все болѣе увѣренности ежедневно увеличивавшимся по числу арабамъ. А тутъ еще какъ на бѣду въ моментъ, рѣшающій судьбу сраженія, появились свѣжія сирійскія войска. Наступило нѣчто роковое, передъ чѣмъ слѣпо, безъ сопротивленія, склоняются и люди и государства.

Лучшія силы обѣихъ великихъ націй стояли здѣсь, при Кадесіи, другъ противъ друга, въ 16 году (637). Вокругъ знаменитаго стариннаго сассанидскаго знамени, изъ леопардовой кожи, сплотился цвѣтъ персидскаго

рыцарства въ густыхъ эскадронахъ, закованныхъ въ броню. Впереди ихъ выстроились 30 боевыхъ слоновъ, а далѣе, кругомъ, волновалось безконечное, такъ по крайней мѣрѣ казалось арабамъ, войско. Въ самой серединѣ, на драгоцѣнномъ престолѣ, возсѣдалъ Эранспахпатъ (государственный полководецъ) Рустемъ, дабы взирать на дѣла своихъ героевъ, подобно Ксерксу на берегу Аттики, напротивъ Саламина. Съ другой стороны виднѣлось цѣлое полчище старѣйшихъ и ближайшихъ сподвижниковъ пророка; межъ ними выдавались 99 участниковъ при Бедрѣ, 310 клявшихся въ вѣрности при Худейбіѣ и 300 присутствовавшихъ при занятіи Мекки *). Въ особенности достойно вниманія то, какъ Са'дъ расположилъ свое войско. Въ основу онъ положилъ конечно подраздѣленіе по племенамъ ибо усердное соревнованіе между ними и составляло всегда главную побудительную причину ихъ храбрости. Среди племенъ же, для облегченія тактической ихъ подвижности, поставленъ былъ надъ каждымъ 10 человекъ отдѣльный предводитель. Самъ главнокомандующій, по печальной случайности, не могъ принимать участія въ сраженіи; тяжкая болѣзнь приковала его къ валамъ Кудейса, маленькой крѣпости, построенной на одномъ изъ каналовъ Евфрата. Оттуда вынужденъ онъ былъ распоряжаться боемъ. Арабамъ было это конечно не понутру; они привыкли видѣть своего полководца въ самомъ разгарѣ битвы, ждали этого особенно отъ Са'да, такого «неустранимаго подъ свистомъ стрѣлъ». Весьма однако возможно, что такъ именно было лучше. Онъ могъ, теперь, обратить все свое вниманіе на общій ходъ сраженія, а при столкновеніи такихъ внушительныхъ количествъ войскъ **) не такъ-то легко было отдать себѣ отчетъ въ происходившемъ. О ходѣ сраженія до насъ также къ сожалѣнію дошли крайне скудныя извѣстія. Изъ множества разныхъ преданій можно конечно набрать достаточно отдѣльныхъ данныхъ, и вотъ изъ этихъ-то кусочковъ приходится восстановить такъ или иначе общую картину. При этомъ нельзя не замѣтить, что остается подъ большимъ сомнѣніемъ, продолжалось ли сраженіе 3 или 4 дня. О началѣ его по древ-

*) Другое сказаніе упоминаетъ меньшія цифры: 70, 120, 120.

**) Число борцовъ съ обѣихъ сторонъ почти совсѣмъ не выяснено. Такъ напр. по древнѣйшимъ и болѣе надежнымъ источникамъ получаются цифры совсѣмъ невѣроятныя: 120.000 персовъ противъ 9—10.000 арабовъ. Вѣроятно послѣднее число по ошибкѣ относится не къ совокуности армій, а къ тѣмъ войскамъ, которые Са'дъ привелъ съ собою изъ Медины. Болѣе достойнымъ вѣроятіямъ оказывается другое извѣстіе, по которому считалось арабовъ 38.000, а персовъ 60.000. Это свѣдѣніе почерпнули мы у позднѣйшаго лѣтописца, у котораго браги и другія извѣстія, часто оказывавшіяся основательными. Армянскій историкъ приблизительно близкаго періода насчитываетъ въ войскѣ персовъ 80.000 человекъ и то, какъ кажется, довольно правдоподобно.

вѣйшимъ источникамъ разсказывается также различно и совершенно противорѣчиво. Наконецъ, во всѣхъ разнообразныхъ извѣстіяхъ ощущается ясное стремленіе приписать главную заслугу рѣшительнаго удара *) то тому, то другому герою; приходится поэтому старательно исключать всѣ подобныя одностороннія сказанія. Вообще можно положительно сказать одно только, что вначалѣ ярко выступило неравенство борьбы. Несмотря на выказанныя чудеса храбрости, бой долго не склонялся въ пользу арабовъ, даже и тогда, когда на второй или третій день прибыли сирійскія войска. Сраженіе все также оставалось попрежнему нерѣшительнымъ. Затѣмъ послѣдовала памятная роковая ночь, въ которую произошло случайное столѣновеніе, среди глубокаго мрака, гдѣ-то на концѣ поля битвы. Возгорѣлся беспорядочный ожесточенный бой, шумъ произвелъ неизгладимо тяжкое впечатлѣніе на духъ всѣхъ прислушивающихся къ нему издали.—Ночь эту зовутъ и понынѣ «ночью грохота». При утреннихъ сумеркахъ борьба возобновилась по всей линіи. Подымается сильный вихрь, цѣлыя облака песку несутся на персовъ; въ отчаянной борьбѣ Рустемъ сраженъ **). Побѣда склоняется окончательно на сторону арабовъ.

Между всѣми славными дѣяніями, украшающими страницы исторіи героическаго періода ислама, «день Кадесіи» болѣе всѣхъ пришелся по душѣ арабамъ. Для нихъ это событіе имѣетъ значеніе окончательной рѣшающей побѣды ислама надъ цѣлымъ свѣтомъ невѣрныхъ, такъ какъ самъ пророкъ предрекъ: «отнынѣ бѣлый домъ Хосроя преданъ на разграбленіе правовѣрнымъ». Вотъ почему преданіе разукрасило именно этотъ день богатѣйшимъ вѣнкомъ сказаній, въ иномъ и болѣе радостномъ духѣ, чѣмъ даже дни битвъ посланника Божьяго. Въ то время какъ прежде при описаніи сраженій разслабленная фантазія богослововъ, ищущихъ вездѣ чудесъ, прибѣгала къ нагроможденію безвкусныхъ сказокъ, набожно передаваемыхъ съ наслоеніемъ новыхъ хвастливыхъ вымысловъ лживыми устами лицемѣровъ, тутъ мы сразу переносимся, при описаніи богатырскихъ схватокъ при Кадесіи, въ совершенно иной міръ. Снова овѣваетъ насъ свѣжее утрен-

*) Характеристично то именно, что въ самыхъ древнѣйшихъ спискахъ преданій не встрѣчается имя человѣка, за которымъ позднѣе, почти единогласно, признается главная роль.

***) „И Богъ поразилъ Рустема. Найденное тѣло покрыто было сплошь кровавыми рубцами и являющими ранами, никто не могъ сказать кто его убилъ“. Такъ описывается это событіе въ одномъ старинномъ источникѣ. Очень понятно, вскорѣ нашлась цѣлая толпа людей, приписывавшихъ себѣ этотъ подвигъ, повднѣ же, въ ребяческихъ росказняхъ, взапуски старались опозорить въ конецъ этого храбраго воина.

нее дуновение живительнаго воздуха пустыни, мы слышимъ какъ бы продолженіе жизнерадостныхъ воинскихъ пѣсней поэтовъ доисламскаго времени. Предъ нами вырисовывается, какъ живой, образъ дикаго Мугиры Ибнъ Шу'бы, посланнаго къ Рустему, наканунѣ сраженія, для переговоровъ, не имѣвшихъ впрочемъ, никакихъ прямыхъ послѣдствій. Побуждаемый безграничной спѣсью свободаго араба, онъ входитъ, къ ужасу стоявшихъ кругомъ персидскихъ рыцарей, прямо на престоль, съ намѣреніемъ сѣсть рядомъ съ государственнымъ полководцемъ, считая себя нисколько не ниже пышнаго Эранспахпата. А вотъ Асимъ Ибнъ Амръ со своими темимитами, кидаящійся безстрашно на ужасныхъ слоновъ. Арабы убиваютъ вожаковъ стрѣлами, живо перерѣзываютъ широкія подпруги, и укрѣпленныя на нихъ башенки рушатся вмѣстѣ съ сидящими въ нихъ вооруженными воинами. Разсвирѣпѣвшіе, ни кѣмъ болѣе не руководимые звѣри бросаются на свое же войско.—Полюбуйтесь также на этого молодца—вотъ онъ, Аль-Ка'га, сынъ Амра, изъ того же племени Темимъ, любимѣйшій герой позднѣйшихъ сагъ, мчится во главѣ авангарда сирійскихъ войскъ, спѣшащихъ на помощь къ воинамъ божимъ. Въ самый роковой моментъ, онъ оказываетъ чудеса храбрости и самолично изрубаетъ мечомъ 30 персовъ.—Глядите, вотъ Тулейха, когда-то разыгрывавшій изъ себя жалкую роль пророка племени Бену Асадъ. Онъ врывается въ полночь въ непріятельскій лагерь съ небольшою кучкой людей и крошитъ безъ разбору направо и налево.—Великолѣпенъ былъ и Амръ Ибнъ Ма'дикарибъ, отчаянный рубака, нѣкогда разбойничавшій въ Іеменѣ. Безстрашно налетаетъ онъ на стройные ряды персидскихъ всадниковъ, громадными ручищами своими срываетъ съ сѣдла перваго встрѣчнаго, бросаетъ обезоруженнаго къ себѣ на луку и громко взываетъ: «это я, отецъ Саура. Ну-ка, ребята, сдѣлайте по-моему!» Затѣмъ онъ порывисто бросается на перваго слона, отрубаетъ ему однимъ взмахомъ хоботъ и кричитъ своимъ людямъ: «по хоботамъ саблями, по хоботамъ бейте слоновъ!»—Находился тутъ же при войскѣ нѣкто Абу Михджанъ, изъ племени Сакіфъ, плохой мусульманинъ: пока арабы стояли спокойно, не задирая персовъ, этотъ человекъ запынствовалъ. По повелѣнію набожнаго полководца его за это отстегали и посадили подъ арестъ, согласно строгому предписанію пророка. Когда же началось сраженіе, онъ сталъ неотступно молить одну изъ довѣренныхъ рабынь *) Садъа и такъ ей надоѣлъ, что она наконецъ выпустила его на волю, дала ему даже собственную лошадь больнаго полководца. А онъ ей поклялся, что тотчасъ же по окончаніи сраженія непременно вернется въ тюрьму. Стремглавъ помчался голово-

*) По сообщенію другихъ—жену Садъа, Сельму.

рѣзъ на персовъ, прокладывая себѣ мечомъ широкій путь. Ему удалось умертвить большого бѣлаго слона, наиболѣе почитаемаго животнаго во всемъ войскѣ *). Садъ замѣтилъ отважнаго всадника, покачалъ головой и думаетъ: «лошадь что-то на мою похожа, а всадникъ похожъ на Абу Михджана». По окончаніи сраженія вернулся арабъ своевременно, какъ обѣщалъ, и велѣлъ себя опять связать. Садъ поспѣшилъ его освободить и сказалъ при этомъ: «послѣ того что я видѣлъ, будь спокоенъ, за вино не стану болѣе тебя стегать!» Чистокровный арабъ не захотѣлъ однако оставаться въ долгу: «такъ я же не стану совсѣмъ пить», пообѣщалъ исправившійся грѣшникъ.

Вой былъ жестокой, мусульмане потеряли почти треть всего войска. Садъ не былъ въ состояніи преслѣдовать непріятеля, понадобилось дать войскамъ передохнуть. Вскорѣ затѣмъ занята была Хира, и снова, неудержимымъ потокомъ, двинулись арабы впередъ, переправившись черезъ Евфратъ. Дважды пытались персы заступить побѣдителямъ дорогу въ Вавилоніи, и оба раза неудачно; они должны были наконецъ очистить Междурѣчье. Одинъ Ктезифонъ держался еще пока. Персы позаботились стянуть новыя войска изъ внутреннихъ областей государства, но подкрѣпленія подходили слишкомъ медленно для того, чтобы можно было думать о серьезной защитѣ столицы. Семь городов **), говорятъ арабскіе историки, образовали на обоихъ берегахъ Тигра столицу государства: это и былъ Ктезифонъ съ его предмѣстьями, частью разбросанными на противоположномъ берегу, тамъ, гдѣ построена была нѣкогда старая Селевкія, и не составлявшими въ сущности полнаго цѣлага. Лежавшая на западъ отъ Тигра часть города была достаточно укрѣплена; требовалась многомѣсячная осада, въ теченіе которой всякая вылазка осажденныхъ могла бы дорого стоить мусульманамъ. Но вдругъ въ одинъ прекрасный день столица была очищена безъ сопротивленія персидскими властями. Пока арабы ломали себѣ голову и не знали что предпринять, предполагая, что еще надолго будутъ прикованы къ этому берегу за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, дворъ внезапно покинулъ трехсотлѣтнюю столицу сассанидской имперіи и бѣжалъ съ молодымъ царемъ, имѣвшимъ въ эту пору вѣроятно не болѣе 13 лѣтъ, въ укрѣпленный городъ Хульванъ, находившійся въ Мидійскихъ горахъ. Вслѣдъ затѣмъ одинъ измѣнникъ указалъ Садѣ бродъ черезъ Тигръ; но такъ какъ по случаю высокой воды все равно невозможно было его перейти, отважные темимиты Асима бросились, очертя голову, вплавъ на

*) Само собой въ этомъ дѣлѣ помогали ему и другіе.

**) Арабское слово «аль-Мадъинъ» значитъ: «городъ». Такъ арабы называли Ктезифонъ.

коняхъ въ быструю пучину. Толпы за толпами поралили, сильные кони выносили всадниковъ на берегъ; персидская стража сразу была опрокинута на противоположномъ берегу; расположенныя въ городѣ войска, предводимыя Михраномъ, потеряли окончательно голову и разсѣялись какъ дымъ. Ктезифонъ лежалъ у ногъ арабскаго полководца.

«Сокровищъ полонъ Ктезифонъ», сказалъ недаромъ одинъ поэтъ. Поистинѣ невѣроятной должна была показаться полуварварамъ бедуинамъ тѣмъ сокровищъ, которая внезапно попала здѣсь въ ихъ жадныя хищническія руки. Государственную казну, состоявшую изъ чеканной монеты, персы успѣли однако большею частью увезти въ Хульванъ, но всѣ драгоценности персидской короны, самыя богатѣйшія тогда въ свѣтѣ, остались нетронутыми въ царскомъ дворцѣ и достались цѣликомъ въ добычу побѣдителямъ. При официальномъ раздѣлѣ стоимость розданнаго добра оцѣнена была въ 900.000.000 дирхемовъ. Съ разинутыми ртами стояли сыны пустыни передъ блескомъ чудесъ утонченной обстановки, которая развернулась предъ ихъ глазами. И чего тутъ только не было: государственныя вѣнцы, царскія мантии, тронъ, безконечныя ряды дорогого оружія, сверкавшаго золотомъ и самоцвѣтными камнями, замѣчательныя предметы рѣдкости, какъ напр. серебряный верблюдъ въ настоящую величину со всадникомъ изъ золота, лошадь кованнаго золота съ насаженными вмѣсто зубовъ и глазъ драгоценными камнями. Но всего болѣе поразилъ дикарей знаменитый государственный коверъ большой залы, тамъ, гдѣ пировалъ обыкновенно *) царь, окруженный своими вельможами, женами и наложницами. Это великолѣпное произведеніе ткацкаго искусства имѣло 70 локтей въ длину и 60 въ ширину; оно представляло садъ съ серебряными дорожками на золотомъ фонѣ, съ лужайками изъ изумруда, ручейками изъ жемчужинъ, цвѣтами и плодами, подобранными изъ различныхъ драгоценныхъ камней. И все это предоставилъ Аллахъ нынѣ своимъ правовѣрнымъ, которые давно уже пришли къ убѣжденію, что вѣчному спасенію нисколько не мѣшаютъ и мірскія утѣхи, составляющія также награду истинной богобоязненности. Но гордость арабовъ особенно была польщена благородной прелестью добычи въ видѣ всевозможнаго рода вооруженій. Тутъ красовались мечи, принадлежавшіе нѣкогда великому Хосрою Анушарвану, знаменитому лже-царю Бахраму Чубину, римскому императору, Хакану (повелителю) турецкому по ту сторону Оксуса, королю одной изъ индійскихъ пограничныхъ странъ и страшному Ну'ману V хирскому. Мечи Хосроя и Ну'мана вмѣстѣ съ большимъ ковромъ отосланы были немедленно

*) Давидъ, глава 5 стихъ 3.

къ халифу. Трудно было во всей Мединѣ найти помѣщеніе, за исключеніемъ развѣ мечети, чтобы развернуть коверъ какъ подобаетъ. Омаръ не зналъ куда съ нимъ дѣваться, но практическій Алій былъ того мнѣнія, что владѣютъ собственно лишь тѣмъ, что идетъ каждому лично на пользу. Поэтому коверъ разрѣзали и подѣлили. До-стался кусокъ и Алію; послѣ онъ продалъ свою долю за 20.000 дир-хемовъ.

Къ этимъ драгоценностямъ слѣдуетъ далѣе причислить различные сосуды, ткани, ставшія потребностью для богатаго населенія, прошедшаго черезъ многія столѣтія цивилизаціи. Часто дѣти степей при видѣ всего этого великолѣпія становились просто въ тупикъ и не знали что предпринять; потомъ-то конечно они скоро привыкли ко всему. По этому поводу существуетъ множество анекдотовъ; парочку изъ болѣе характеристичныхъ пожалуй стоитъ рассказать. Одному арабу посчастливилось найти мѣшокъ съ камфарой; въ то время было это любимое лѣкарственное снадобье, употреблялось также и какъ благо-воіе и продавалось необыкновенно дорого. Бедуинъ вообразилъ, что это соль и одобрилъ ею, не жалѣя, свою похлебку, которая пришлась ему очень не по вкусу. Гдѣ же было возиться съ такою дрянью, вотъ и уда-лось ему промѣнять всю находку на старую рубаху: очень ужъ нужна была ему; при этомъ онъ остался въ полной увѣренности, что устроилъ выгодное дѣльцо и маленько подвадулъ добродушнаго человѣчка. Та-кимъ же настоящимъ бедуиномъ оказался и другой, который за попав-шій въ его руки драгоценный камень, цѣны неимовѣрной, потребовалъ отъ купца 1000 дихремовъ. Когда его послѣ спрашивали, зачѣмъ же онъ не взялъ больше, онъ отвѣтилъ съ грустью: «да если бы я зналъ какое-нибудь число побольше 1000 *), понятно, я бы потребовалъ!» Но такія потери были имъ нипочемъ, и безъ того на долю каждого выпало не менѣе 12.000 дирхемовъ по официальной оцѣнкѣ добычи; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что послѣ сраженія при Кадесіи число войскъ возросло до 60.000.

Впрочемъ довольно скоро арабамъ пришлось заняться кое-чѣмъ дру-гимъ болѣе важнымъ. Ужъ не деньги получать доводилось теперь этимъ 60.000. Недаромъ персидскій дворъ забралъ съ собой въ Хульванъ госу-дарственную казну. Со сдачей столицы дѣло далеко еще не считалось потеряннымъ; къ остаткамъ государственнаго войска, расположившагося вокругъ крѣпости, стали мало-по-малу прибывать все новыя ополченія. Персы видимо приободрились; постепенно выдвигались войска изъ Хульвана, вверхъ по долинѣ рѣки Деялы, впадающей нѣсколько

*) Въ арабскомъ 1000—последнее число, которому соответствуетъ особое наименованіе, далѣе идутъ составныя, напр. 1000000 называется тысячею тысячъ.

выше Ктезифона въ Тигръ. Са'дъ выслалъ имъ на встрѣчу своего племянника Хашима съ 12.000 человекъ *). При Джалулѣ, миляхъ въ 15 отъ столицы, произошло сраженіе (конецъ 16=конецъ 637 или начало 638); царскія войска снова потерпѣли пораженіе. Хотя дворъ могъ еще спокойно оставаться на нѣкоторое время въ укрѣпленномъ Хульванѣ, но вся страна до Мидійскихъ горъ подпала неоспоримой власти мусульманъ, и какъ знакъ ихъ господства надъ покоренной землей въ Мадайнѣ была воздвигнута первая мечеть.

Далѣе впрочемъ на югъ умиротвореніе наступило нѣсколько позже. Здѣсь, начиная отъ устьевъ Евфрата, равнина тянется довольно далеко на востокъ, гдѣ замыкается волнистою мѣстностью, постепенно переходящею въ цѣпь высокихъ горъ, составляющую границу Персиды (Фарсъ), древней родины персовъ. Хузистанъ—такъ называлась эта равнина вмѣстѣ съ предгорьями—послѣ взятія Ктезифона сопротивлялся еще цѣлый годъ. Правитель области, Хурмузанъ, былъ одинъ изъ энергичнѣйшихъ персидскихъ вельможъ. Спасшись послѣ сраженія при Кадесіи, онъ продолжалъ упорно отбиваться въ своей области отъ наступавшихъ изъ Басры мусульманъ. Разъ побѣжденный, онъ снова возставалъ (16=637) въ слѣдующемъ году, долго заставлялъ арабовъ преслѣдовать себя изъ одной крѣпости въ другую и взять былъ въ плѣнъ только тогда, когда послѣднимъ, благодаря измѣнѣ, удалось овладѣть городомъ Густеръ (теперь Шуштеръ), въ которомъ онъ искалъ послѣдняго убѣжища, и изъ котораго уйти ему не удалось. За свою прежнюю измѣну онъ долженъ былъ теперь поплатиться жизнью; поэтому арабскій полководецъ, Абу Муса Аль-Аш'арій, согласился принять его въ плѣнъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что рѣшеніе его участи будетъ предоставлено самому Омару. По прибытіи въ Медину Хурмузанъ предсталъ передъ халифомъ. «Теперь видишь, Хурмузанъ,—обратился къ нему тотъ,—до чего доводитъ обманъ и сколь неизбежно дѣло Господне».—«Омаръ,-возразилъ мудрый персъ—пока вы и мы жили въ язычествѣ и Богъ не вмѣшивался въ наши дѣла, мы всегда побѣждали васъ; теперь, когда Онъ съ вами, вы начали одолевать насъ.—Что можешь сказать въ оправданіе своихъ неоднократныхъ возмущеній?—Боюсь, что ты прикажешь умертвить меня прежде, чѣмъ я успѣю высказаться.—Будь покоенъ! тебѣ ничего не сдѣлаютъ!» Тогда Хурмузанъ попросилъ напиться. Но когда ему принесли воды въ обыкновенномъ деревянномъ кубкѣ, онъ произнесъ: «Хотя бы мнѣ пришлось умереть отъ жажды, все же я не въ состояніи пить изъ подобной посуды!» Тогда поднесли ему дорогой сосудъ, но онъ все

*) Цифра эта очевидно слишкомъ мала. Едвали персы рѣшились бы на нападеніе съ незначительнымъ числомъ войскъ.

еще не рѣшался пить. «Боюсь,—замѣтилъ онъ,— что меня умертвить въ то время, какъ я стану пить.»—«Не опасайся—пока ты не выпьешь этой воды тебѣ не сдѣлають ничего дурного». Услышавъ эти слова плѣнникъ вылилъ всю воду на землю; когда же Омаръ, полагая, что это движеніе было невольнымъ слѣдствіемъ страха, приказалъ принести новый кубокъ, дабы плѣнникъ утолилъ жажду предъ своей казнью, послѣдній воскликнулъ: нѣтъ, мнѣ не нужно болѣе воды! Я добился помилованія.— А все-таки я прикажу тебя казнить,—воскликнулъ халифъ.—Но вѣдь ты меня помиловалъ.—Ты лжешь—закричалъ Омаръ внѣ себя. Съ большимъ трудомъ окружающимъ удалось убѣдить его, что дѣйствительно халифъ связалъ себя обѣщаніемъ. Кончилось тѣмъ, что Омаръ согласился помиловать измѣнника подъ условіемъ, чтобы персъ принялъ исламъ. Хурмузанъ охотно исполнилъ это требованіе. Халифъ удержалъ его при себѣ въ Мединѣ и ни разу не имѣлъ повода раскаиваться въ своей снисходительности, ибо персъ, хорошо знавшій свою родную страну, не разъ давалъ ему мудрыя совѣты. Но недолго наслаждался этотъ хитрый человекъ дарованной ему жизнью. Когда въ 23 году (644) одинъ персъ изъ христіанъ умертвилъ Омара, на Хурмузана, вѣроятно безвиннаго, пало подозрѣніе въ соучастіи и сынъ Омара умертвилъ его.

Война въ Хузистанѣ, хотя и давала еще на время работу мечу халифа, не могла однако быть такого рода препятствіемъ, чтобы помѣшать ему въ тѣхъ мирныхъ занятіяхъ, которыя послѣ взятія Ктезифона стали на первомъ планѣ: приходилось позаботиться объ устройствѣ большихъ новыхъ областей, доставшихся исламу, сначала въ Персіи, а теперь и въ Сиріи. Уже въ 17 году (638) закладывается новый городъ, будущая столица мусульманской Персіи, ибо Мадайнъ съ своимъ хотя и сильно уменьшившимся, но все еще значительнымъ персидскимъ населеніемъ, не могъ служить тѣмъ, что по плану Омара должно было сдѣлаться средоточіемъ новаго управленія, т. е. арабскимъ военнымъ лагеремъ. Къ тому же мудрый халифъ любилъ по возможности всегда держать въ своихъ крѣпкихъ рукахъ полководцевъ и намѣстниковъ; ему казалось поэтому довольно опаснымъ отдѣлить центральное управленіе такой значительной провинціи отъ Медины обѣими великими рѣками, а такъ какъ христіане Хиры тоже не оказывались достойными подобнаго преимущества, то онъ приказалъ между этой послѣдней и Евфратомъ заложить новый укрѣпленный городъ, названный имъ К у ѳ о й. Здѣсь расположилась главная квартира Са'да Ибнъ Абу Ваккаса съ большимъ резервнымъ войскомъ; по мѣрѣ надобности отсюда высылались подкрѣпленія къ младшимъ намѣстникамъ различныхъ пограничныхъ округовъ. Этому новому передовому

посту подчинена была и Басра; отсюда же шло управление персидскими областями, о чемъ впрочемъ рѣчь впереди.

Надо полагать, не одно только желаніе прежде всего привести въ порядокъ дѣла въ Иракѣ побудило Омара пріостановить на время движеніе на востокъ. Между Савáдомъ и покоренной тѣмъ временемъ Сиріей въ 17 году (638) недоставало еще соединительнаго звена, именно сѣверной Месопотаміи между Раккой и Мосулемъ. Только, когда была завоевана эта послѣдняя (около 20 года=641) и войска, стоявшія въ Персіи, могли въ случаѣ нужды получать подкрѣпленія прямо изъ Сиріи, халифъ отдалъ приказъ двигаться далѣе. Впрочемъ такое движеніе скоро оказалось даже необходимымъ, такъ какъ получена была вѣсть, что царь Іездегердъ въ 19 году покинулъ Хульванъ (640), гдѣ послѣ занятія Хузистана его легко могли обойти. Несчастный властитель удалился въ глубь собственной Персіи, готовясь къ новой борьбѣ. Необходимо было поэтому его предупредить, чтобы не пропустить его войскъ черезъ горные проходы, не дать ему возможности вторгнуться въ равнину, только-что умиротворенную. По распоряженію халифа двѣ трети войска, расположеннаго въ Куфѣ, съ частью гарнизона Басры и съ пограничными отрядами двинулись подъ предводительствомъ Ну'мана, сына Мукаррина *) навстрѣчу персамъ. Къ сожалѣнію о подробностяхъ этого похода до насъ дошло очень мало свѣдѣній. Даже о времени событія арабы говорятъ неопредѣленно, относя его къ годамъ 19, 20 и 21. Въ настоящее время однако можно сказать съ значительной достовѣрностью, что это случилось въ 21 (642). Вѣроятно еще ранѣе мусульмане овладѣли Хульваномъ, который послѣ бѣгства Іездегерда не могъ долго продержаться. Уже въ началѣ похода арабы владѣютъ Кармасіномъ, расположеннымъ еще далѣе на востокъ, такъ что въ рукахъ ихъ были всѣ важнѣйшіе проходы. У Нихавенда, на югъ отъ Хамадана (Экбатаны), мусульмане столкнулись съ неприятелемъ, предводимымъ Ферузъаномъ, старымъ опытнымъ полководцемъ. Персы и на этотъ разъ отличались численнымъ превосходствомъ (вѣроятно ихъ было 60.000 противъ 40.000 мусульманъ) и исходъ упорнаго боя, продолжавшагося отъ двухъ до трехъ дней, долго оставался сомнительнымъ. Самъ Ну'манъ палъ; но его замѣстителю, Хузейфѣ Ибнъ Аль-Яману, назначенному уже заранѣе Омаромъ, удалось наконецъ одержать побѣду. По словамъ арабовъ, побѣдой этой онъ былъ обязанъ удачной военной хитрости лукаваго Тулейхи, а по другому источнику—своевременному прибытію новыхъ подкрѣпленій.

Какъ бы то ни было, исходъ этого сраженія рѣшилъ участь Персіи.

*) По другому источнику былъ онъ сынъ Амра, а Мукарринъ, будто бы имя его дѣда.

При Нихавендѣ собраны были еще разъ всѣ силы страны, насколько можно было получить помощь войсками отъ мелкихъ намѣстниковъ. Конечно оставалась надежда еще разъ собрать многочисленное войско, устроивъ наборъ въ большихъ восточныхъ провинціяхъ, Кирманъ, Седжестанъ и Хорасанъ. Но послѣ оставленія Сассанидами Ктезифона сатрапы этихъ областей мало-по-малу стали почти независимы. Отдѣленные отъ театра военныхъ дѣйствій на сѣверѣ непроходимыми горами вдоль береговъ Каспійскаго моря, въ срединѣ—огромными солончаковыми степями, а на югѣ Персидой, почти нетронутой еще арабами, они по своей близорукости не замѣчали угрожающей имъ самимъ опасности; патриотическое же чувство общности съ западными провинціями не ощущалось ими настолько сильно, чтобы заставить спѣшить на помощь къ борющимся за существованіе соотечественникамъ. Но лишь немного лѣтъ наслаждались они своей мнимой безопасностью. Послѣ сраженія при Нихавендѣ всякое единодушное сопротивленіе въ центральной Персіи стало невозможнымъ. Разсѣянными отрядамъ ополченія не оставалось ничего болѣе, какъ запереться въ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ городахъ Мидіи и Персиды и держаться тамъ какъ можно долѣе. Въ Мидіи конечно эта борьба отдѣльными кучками вскорѣ прекратилась: побѣдоносное войско мусульманъ быстро наводнило ближайшіе округа. Уже въ 22 году (643) очутились въ рукахъ завоевателей Рей (Тегеранъ) и Кумісъ, Казвінъ и Зенджанъ, а также лежащая къ сѣверо-западу отъ нихъ область Адербейджанъ, ведущая въ Арменію. Въ 23 г. (644) палъ Хамаданъ (Экбатана), а въ томъ же или слѣдующемъ году, кромѣ Кума и Кашана, значительный городъ Испаганъ. Послѣ пораженія Іездегерда здѣсь было его убѣжище; теперь же ему снова пришлось бѣжать отъ преслѣдовавшихъ его по пятамъ мусульманъ въ Истахръ (Персеполисъ), древнѣйшую столицу исконной Персіи. Здѣсь его осадилъ Абу Муса, но напрасно. Какъ и вся Персида, крѣпость эта отчаянно сопротивлялась чужеземцамъ. Въ только что завоеванныхъ долинахъ дикой и непроходимой горной страны вспыхивали безпрестанно новыя возмущенія; самъ Истахръ, сдавшійся на капитуляцію въ 28 г. (648), вскорѣ снова возмутился, такъ что пришлось его еще разъ взять силой 29 (649/50). Въ это же самое время производилось нападеніе и на южное побережіе Каспійскаго моря. Здѣсь въ скалистыхъ ущельяхъ отвѣсныхъ и въ высшей степени трудно проходимыхъ прибрежныхъ горъ обитали мужественные горцы, жители Дейлема, Табаристана и Джурджана. Они рѣшились дорого продать свою свободу, которой пользовались на дѣлѣ подъ персидскимъ главенствомъ. Уже съ 25 года (646) пришлось арабамъ вступить съ ними въ борьбу, а испехбедъ табаристанскій предлагалъ царю убѣ-

жище у себя еще до паденія Истахра. По роковой ошибкѣ Іездегердь отклонилъ это приглашеніе. Повидимому его пугала мысль похоронить себя въ отдаленныхъ горахъ; онъ все еще считалъ возможнымъ добиться помощи отъ сатраповъ восточныхъ провинцій. Съ остатками своей свиты витязей онъ пробился сначала въ Кирманъ, потомъ въ Седжестанъ и наконецъ достигъ Хорасана, старинной пограничной области Ирана, князь которой управлялъ также областями, находящимися по ту сторону Оксуса и врѣзывающимися въ тюркскія владѣнія. Вездѣ по пути бѣглець царь находилъ блестящій пріемъ, но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока онъ не требовалъ, въ качествѣ повелителя, повиновенія и средствъ къ продолженію войны. Какъ только онъ заикался о послѣднемъ, всѣ отъ него отворачивались; словомъ, съ нимъ происходило то же самое, что случилось 1000 лѣтъ тому назадъ въ этой же самой мѣстности съ его столь же несчастнымъ предшественникомъ Даріемъ. И до послѣдней минуты судьбы обоихъ оказались тождественными. Подобно другимъ непокорный вассаль Хорасана также отказалъ въ повиновеніи своему законному повелителю, а чтобы избавиться отъ несноснаго просителя, у котораго не было болѣе другого убѣжища, кромѣ этой пограничной области, онъ натравилъ на своего же царя одного изъ тюркскихъ сосѣднихъ князьковъ. Въ стычкахъ, происшедшихъ вблизи Мерва, Іездегердь потерялъ немногихъ оставшихся ему вѣрными спутниковъ всѣхъ до послѣдняго человѣка. Самъ онъ успѣлъ бѣжать въ Мервъ, но городъ заперъ передъ нимъ ворота. Пріютилъ его у себя одинъ мельникъ, мельница котораго находилась поблизости отъ города, у рѣки Мургабъ; но здѣсь настигли его убійцы, подосланные измѣнникомъ сатрапомъ, и умертвили (31=651/2)*). Таковъ былъ конецъ послѣдняго изъ Сассанидовъ, предки котораго въ теченіе 4-хъ столѣтій управляли страной отъ Оксуса до Евфрата и далѣе. Едва достигши 28 лѣтъ, пришлось ему закончить жизнь, которая съ самихъ раннихъ лѣтъ была непрерывнымъ рядомъ незаслуженныхъ несчастій. Но народъ не позабылъ его совершенно. Еще и понынѣ маленькая община парсовъ въ Индіи, потомки персовъ, бѣжавшихъ тогда отъ мусульманъ, послѣдователи національной религіи Зороастра, ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ 16 іюня 632, дня вступленія Іездегерда на тронъ.

Не долго пришлось сатрапамъ восточныхъ провинцій ждать расплаты за свою себялюбивую ограниченность. Ибнъ Амиръ, намѣстникъ Османа въ Куфѣ, послалъ войска вслѣдъ за убѣгавшимъ Іездегердомъ, и вскорѣ Кирманъ, такъ вѣроломно избавившійся отъ своего царя,

* *) Объ отдѣльныхъ подробностяхъ смерти Іездегерда извѣстія говорятъ различно, но данныя, помѣщенные въ текстѣ, наиболѣе вѣроятны.

увидѣлъ въ своихъ предѣлахъ войско мусульманъ. Не обошлось, конечно, безъ кровавыхъ стычекъ, но уже въ 29 году (649—50) арабскіе полководцы овладѣли этой и сосѣдними провинціями, распространивъ владычество арабовъ до Оксуса, на сѣверѣ, Балха, Герата и Серенджа, на востокѣ. Обладаніе этими мѣстностями, понятно, не могло быть сразу столь же прочнымъ, какъ обладаніе Ирака и Сиріи. Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы устроить въ этихъ обширныхъ странахъ большіе лагеря, какъ это было сдѣлано въ Басрѣ и Куфѣ: для этого понадобилось-бы утроить число войскъ. По мѣрѣ того, какъ отдѣльные города брались приступомъ или сдавались на капитуляцію, населеніе соответственныхъ земель, вѣрнѣ ихъ князья и старѣйшины, облагались, въ знакъ подчиненности, опредѣленною податью. Для наблюденія за взиманіемъ налоговъ и преподаванія истинъ ислама—огнепоклонничество Зороастровой религіи признано было вскорѣ язычествомъ и запрещено въ большинствѣ провинцій—оставлены были подлежащія власти съ небольшими военными прикрытіями, главныя же силы мусульманъ потянулись далѣе. Достоверно извѣстно, что населеніе восточныхъ провинцій, проникнутое особенно сильною народной ненавистью къ чужеземнымъ завоевателямъ, при первомъ же удобномъ случаѣ попробовало прогнать и своихъ правовѣрныхъ наставниковъ и сборщиковъ податей. Къ тому же бѣольшая часть Хорасана, а тѣмъ болѣе страны на южномъ берегу Каспійскаго моря, благодаря гористой мѣстности и вольнолюбію жителей, какъ бы самой природой предназначались для веденія безконечныхъ партизанскихъ войнъ. Такимъ образомъ эти области, уже съ самаго начала представлявшія довольно ненадежную составную часть владѣній халифовъ, въ послѣдствіи должны были послужить элементомъ разложенія организма.

Если Абу Бекръ не совершенно ясно отдавалъ себѣ отчетъ, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ его разрѣшеніе Мусаннѣ и Халиду предпринять ихъ хищническіе набѣги на Иракъ, то съ другой стороны его военная политика по отношенію къ Сиріи съ перваго же мгновенія является вполне сознательной. Здѣсь оставалось только идти далѣе по указанному самимъ пророкомъ пути: первый шагъ, имъ же подготовленный, походъ Усамы, былъ, благодаря арабскому возстанію, совершенъ лишь на половину, для временнаго успокоенія умовъ. Военачальникъ едва успѣлъ достигнуть византійскихъ границъ, лишь наружно исполнилъ возложенную на него обязанность и тотчасъ же вернулся назадъ. Вотъ почему, какъ только усмирено было великое возстаніе и восстановлено спокойствіе на всемъ полуостровѣ (начало 12=633), халифъ долженъ былъ поза-

ботиться о томъ, чтобы исполнить послѣднюю волю Мухаммеда не только буквально, но и въ истинномъ ея смыслѣ. Поэтому въ то время, какъ Халидъ съ своими бедуинами продолжалъ, въ видѣ второстепеннаго предпріятія, вести пограничную войну съ Иракомъ, явившуюся естественнымъ послѣдствіемъ арабской войны, изъ Медины къ концу 12 (начало 634) понеслись воззванія въ Мекку, Хиджазъ, центральную Аравію и Іемень, призывавшія правовѣрныхъ къ новой войнѣ съ невѣрующими въ Сиріи. Въ началѣ 13 (апрѣль 634) въ Аль-Джурфѣ, возлѣ Медины, снова составила армія. Сначала предполагалось раздѣлить войско на три отряда по 3000 человекъ въ каждомъ, подъ начальствомъ Халида Ибнъ Са'идъ *), Шурахбилія и Амра Ибнъ Аль-Аса; но такъ какъ первый изъ нихъ, благодаря своимъ выраженіямъ, неблагопріятнымъ для халифа, **), не нравился постоянному совѣтнику Абу Бекра, Омару, его скоро смѣстили и онъ долженъ былъ удовольствоваться подчиненнымъ положеніемъ въ арміи. Его замѣстил Язидъ, сынъ стараго Абу Суфьяна, который за свое исправное поведеніе послѣ смерти Мухаммеда потребовалъ вознагражденія и вообще добивался для своихъ близкихъ вліятельныхъ мѣстъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался мусульманиномъ, старшій мекканскій купецъ сталъ смотрѣть и на религію, какъ на торговое предпріятіе и пользовался малѣйшимъ случаемъ, чтобы выторговать что-нибудь для дома Омейи. Поэтому онъ не преминулъ послать вмѣстѣ съ Язидомъ, пока въ качествѣ добровольца, безъ опредѣленнаго назначенія, другого своего сына Му'авію, рассчитывая, что если дѣло пойдетъ хорошо, то и для него найдется въ покоренной странѣ что-либо подходящее. Мало того, чтобы быть въ состояніи самому слѣдить за событіями, этотъ 80-лѣтній старикъ не побоялся подвергнуться еще разъ тягостямъ военнаго похода, въ которомъ онъ, понятно, не могъ болѣе играть выдающейся роли. Предъ выступленіемъ Абу Бекръ далъ войскамъ слѣдующую инструкцію: люди, наставляя онъ ихъ, предлагаю вамъ къ исполненію 10 предписаній, которыя вы должны точно соблюдать. Смотрите же, никого не обманывайте и не крадите, не поступайте вѣроломно и не увѣчьте, не умерщвляйте ни дѣтей, ни стариковъ, ни женъ, не сдирайте коры съ пальмъ и не сожигайте ее;

*) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ Халидомъ Ибнъ Валидомъ, какъ это не разъ уже дѣлали арабскіе историки, и благодаря чему Ибнъ Са'идъ несправедливо приписываютъ особенныя заслуги въ дѣлѣ покоренія Сиріи.

**) Халидъ Ибнъ Са'идъ, пріѣхавъ, послѣ смерти пророка изъ Іемена, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ медлилъ, выжидая событій, присягнуть Абу Бекру. Онъ говорилъ Алию и Осману: какъ вы согласились отступить отъ вашего достоянія (т. е. отъ сана халифа), которымъ теперь распоряжается чужой? (Табарій, Сер. I, стр. 2078).

не срубайте плодовыхъ деревьевъ, не уничтожайте посѣвовъ, не умерщвляйте овецъ, быковъ, верблюдовъ помимо того, что понадобится для поддержанія жизни. Вамъ придется встрѣчаться съ бритыми—бейте ихъ прямо саблями по бритой макушкѣ, а если встрѣтитесь съ людьми въ кельяхъ (т. е. съ отшельниками)—не трогайте ихъ, пусть продолжаютъ исполнять свои обѣты *). Нельзя отрицать, что для тогдашняго времени подобныя предписанія весьма человѣколюбивы; въ общемъ они соблюдались, и эта мягкость немедленно же снискала арабамъ привязанность сирійцевъ, мало расположенныхъ къ византійскимъ властямъ. Къ общимъ причинамъ, вызывавшимъ неудовольствіе населенія, присоединялась тогда еще одна мѣра императора Ираклія, правда, вызванная необходимостью, но повлекшая за собой весьма дурныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что хотя благодаря персидской войнѣ были восстановлены прежнія границы восточной имперіи, а съ ними и обаяніе ея, но зато государственная казна была до такой степени истощена что императору пришлось пріостановить выдачу жалованья пограничнымъ войскамъ изъ арабовъ христіанъ, находившимся подъ начальствомъ Гассанидовъ. Извѣстная поговорка «point d'argent, point de Suisse» *) имѣла свое значеніе и для всѣхъ арабовъ, безъ различія исповѣданія. Такимъ образомъ самый главный элементъ населенія становился ненадежнымъ какъ разъ въ такое время, когда вѣрностью его особенно необходимо было дорожить.

Изъ тѣхъ же видовъ бережливости Ираклій, вынужденный широко растянуть войска по всѣмъ границамъ обширнаго государства, почти обнажилъ Палестину и Сирію, которыя считалъ внѣ всякой опасности. Слѣдствіемъ этого было то, что возмущившіяся изъ за невыдаваемого имъ жалованья гассанидскія вспомогательныя войска, не долго думая, умертвили Сергія, намѣстника императорскаго, въ его резиденціи, сильной крѣпости Цезареи, и небольшіе отряды трехъ мусульманскихъ полководцевъ могли вторгнуться, не встрѣчая нигдѣ особаго сопротивленія, въ южную Палестину. Нѣсколько тысячъ грековъ, на которыхъ они наткнулись къ югу отъ Мертваго моря, были разсѣяны безъ особаго труда, послѣ чего арабы заняли пограничныя полосы до Газы на Средиземномъ морѣ и до горъ Хауранъ на сѣверо-востокѣ. Между тѣмъ Абу Бекръ не дремалъ и посылалъ къ своимъ все новыя подкрѣпленія, въ томъ числѣ между прочимъ самостоятельный отрядъ подъ пред-

*) Отшельники напоминали мусульманамъ пустынниковъ, извѣстныхъ имъ въ сѣверной Аравіи еще до ислама и которымъ Мухаммедъ, подъ именемъ ханифовъ, оказывалъ особое снисхожденіе.

*) „Коли нѣтъ денегъ, не будетъ и швейцарцевъ“ поговорка, возникшая въ то время, когда европейскіе государи считали нужнымъ окружать себя наемной швейцарской гвардіей.

водительствомъ Абу Убейды, такъ что вся сирійская армія мало-помалу достигла численности 24.000 человекъ. Несмотря на это Амръ, который, въ качествѣ старѣйшаго изъ четырехъ, принялъ главное начальство, все еще не рѣшался двинуться далѣе вглубь страны. Дѣйствительно, дугообразная линія длиною въ 45 нѣмецкихъ миль, по которой расположились войска арабовъ начиная отъ Газы, вокругъ Мертваго моря, до крѣпости Бостры, была слишкомъ растянута, а тутъ еще, какъ узналъ онъ, Ираклій собиралъ большое войско на сѣверѣ подъ предводительствомъ брата своего Феодора. Такимъ образомъ положеніе разбросанныхъ отрядовъ мусульманскихъ могло стать довольно критическимъ. Осторожно, какъ и подобало старой лисѣ, Амръ отступилъ отъ Газы къ оконечности Мертваго моря, лишь только пронюхалъ объ угрожавшей ему опасности. Тутъ могъ онъ спокойно оставаться, возстановивъ непосредственную связь со своими тремя товарищами, и выжидать новыхъ подкрѣпленій, о присылкѣ которыхъ усердно хлопоталъ въ Мединѣ.

Однако дѣло не терпѣло отлагательства: почти всѣ наличныя войска уже высланы были въ Сирію, новое же пополненія трудно было собрать въ короткій срокъ. Вслѣдствіе этого Абу Бекръ рѣшился на командировку изъ Ирака Халида Ибнъ Аль Валида съ 3000 всадниковъ. Отдать подобное приказаніе ничего не стоило халифу, такъ какъ онъ не придавалъ особеннаго значенія персидской пограничной войнѣ, да и тамошнія обстоятельства не особенно ясно понималъ, зато тѣмъ тяжелѣе было повиноваться Халиду. Но послушаться халифа не приходило ему и въ голову. Такимъ образомъ не оставалось гордому герою ничего болѣе, какъ исполнить непріятное порученіе съ тою беззавѣтною энергіей, которая такъ часто выручала его изъ самыхъ трудныхъ положеній и вела къ новой побѣдѣ и славѣ. Посланный халифа засталъ его у Айнъ Темра. Передавъ командованіе Мусаннѣ, онъ быстро двинулся въ походъ въ Ребіи I 13 (май 634) съ предписаннымъ ему числомъ испытаннѣйшихъ своихъ бедуиновъ. Айнъ Темръ лежитъ почти посрединѣ узкой полосы, простирающейся между Евфратомъ и пустыней, отъ оконечности Персидскаго залива до большой излучины рѣки. Чтобы попасть отсюда въ Сирію, надо было слѣдовать по теченію рѣки вверхъ или внизъ до большой месопотамской дороги въ Дамаскъ или же до проселочнаго пути между Иракомъ и Думать Аль-Джандалъ. Въ обоихъ случаяхъ пришлось бы описать громадную дугу, а между тѣмъ ему предписано было торопиться. И вотъ онъ предпочелъ неслыханный рискъ двинуться изъ Куракира, послѣдняго колодца въ области Евфрата, на Сува, вблизи Тадмора (Пальмира), перерѣзывая пустыню поперекъ. Это былъ переходъ въ 5 дней и 5 ночей, въ теченіе которыхъ не было никакой возможности добыть хотя бы каплю воды. Бла-

годаря принятымъ весьма мудрымъ мѣрамъ, которыми, говорятъ, онъ былъ обязанъ совѣту хорошо знакомаго съ пустынею нѣкоего Рафи Ибнъ Умейра, изъ племени Таи, удалось забрать съ собой, безъ особаго отягощенія животныхъ, необходимое количество воды. Въ пустынѣ, какъ извѣстно, ни дороги, ни слѣда: стоило войску заблудиться, и все погибло; но Рафи былъ надежный проводникъ и во-время привелъ отрядъ въ Сува. Отсюда легко было слѣдовать черезъ Тадморъ по императорской дорогѣ прямо въ Дамаскъ; по пути произошла еще маленькая стычка съ византійскими войсками, на которыя арабы случайно наткнулись и которыя чрезвычайно изумились, неожиданно встрѣтившись съ непріателемъ такъ далеко на сѣверѣ. Наконецъ Халидъ достигъ Дамаска. Въ это самое время христіанское населеніе сирійской столицы праздновало Духовъ день (12 июня 634), но Халидъ, которому прежде всего надо было позаботиться о соединеніи съ остальными четырьмя полководцами, произвелъ только маленькую рекогносцировку въ плодородной долинѣ, окружавшей городъ, тонувшій въ садахъ. Правда, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ уже и тогда завязалъ переговоры съ начальникомъ города *), но это не вполне достоверно. Во всякомъ случаѣ, арабскій военачальникъ быстро двинулся на югъ и безпрепятственно достигъ Бостры, которую тѣмъ временемъ обложили Язидъ, Шурахбилъ и Абу Убейда. Командантъ крѣпости уже готовъ былъ сдаться на капитуляцію. Но было не безопасно оставаться здѣсь: византійское войско, зайдя съ юга Палестины, могло легко отрѣзать мусульманамъ отступление въ Аравію, поэтому Халидъ удовольствовался устными обѣщаніями коменданта и направился съ тремя другими полководцами далѣе на соединеніе съ Амромъ, который попрежнему продолжалъ стоять неподвижно у южной оконечности Мертваго моря.

Главной квартирой византійцевъ въ Палестинѣ, какъ нѣкогда и римлянъ, была Цезаря. Движеніе Амра на Газу выдало имъ намѣреніе мусульманъ проникнуть въ страну западнѣе Мертваго моря, поэтому греческое войско двинулось отъ Цезареи на югъ, чтобы пресѣчь непріятелю дальнѣйшее движеніе впередъ. Съ своей стороны Халидъ,—хотя старшій годами Амръ наружно и сохранялъ главное начальство надъ войсками—принялъ на себя, съ обычной энергіей, веденіе войны. По первому же извѣстію о приближеніи византійцевъ оставилъ онъ Газу и пошелъ имъ навстрѣчу. При Аджнадейнѣ (Гармуеъ Ветхаго завѣта **), въ трехъ съ половиной миляхъ на юго-

*) Это значитъ, вѣроятно, съ епископомъ.

**) Иисусъ Навинъ, глава XV, 35; названіе Гармуеъ извѣстно арабамъ изстари, но благодаря смѣшиванію съ Ярмукомъ производило большую запутанность во всей исторіи сирійскаго похода, которую отстранилъ счастливо лишь недавно де-Гуе.

западъ отъ Іерусалима, оба войска встрѣтились *) 28 Джумáды I. 13 (30 іюля 634). Точныхъ свѣдѣній о ходѣ сраженія нѣтъ; оно кончилось поражениемъ Θεодора, который, оставивъ свое разбитое войско на произволь судьбы, самъ поспѣшно бѣжалъ къ Ираклію въ Эмессу. Императоръ, возмущенный вѣроятно поражениемъ брата, отослалъ его въ Константинополь, а самъ направился въ Антиохію, чтобы тамъ руководить образованіемъ новой большой арміи изъ войскъ своихъ и армянскихъ, между тѣмъ какъ остатки войскъ Θεодора отступили за Іорданъ къ сильно укрѣпленному Дамаску.

Вѣсть о первой большой побѣдѣ правовѣрныхъ была послѣднею земной радостью Абу Бекра; вскорѣ по полученіи ея онъ отошелъ съ миромъ. Несмотря на то, что Омаръ не выносилъ Хáлида, онъ былъ слишкомъ разсудителенъ, чтобы дать своимъ личнымъ чувствамъ повліять на ходъ кампаніи; наоборотъ, онъ даже повелѣлъ Хáлиду продолжать войну самостоятельно, а Амру приказалъ пока оставаться въ Палестинѣ и пожинать плоды только что одержанной побѣды. Вскорѣ послѣ этого сраженія сдалась Газа и другіе города Іудеи. Затѣмъ мусульмане двинулись далѣе на сѣверъ, заняли Неаполисъ (Сихемъ) и Себастію (Самарію). Въ то время какъ Амръ доканчивалъ покореніе Іудеи и земли самаритянъ, Хáлидъ направился въ Галилею. Здѣсь наткнулся онъ у Бейса́на (Скинеополисъ, Беосанъ) на отрядъ греческихъ войскъ, состоявшій вѣроятно изъ остатковъ арміи Θεодора и присоединившихся къ нимъ гарнизоновъ ближайшихъ городовъ. Открывъ шлюзы и спустивъ воду, греки превратили долину Іордана въ болото; но несмотря на это арабамъ удалось отбросить ихъ за рѣку и разбить на голову у лежавшемъ на другомъ берегу Фихлѣ (Пелла) (28 Зу'лька́да 13=23 января 635). Послѣ этого сраженія городъ перешелъ въ руки побѣдителей, равно какъ и близлежащая Тиверіада и многія другія мѣстности, частью взятая приступомъ. И здѣсь окончательное покореніе провинціи Хáлидъ предоставилъ одному изъ своихъ подчиненныхъ, Шурахбилю, самъ же двинулся черезъ землю Васанъ далѣе на сѣверъ къ Дамаску. Но въ то время, какъ летучіе отряды его всадниковъ дѣлали набѣги во всѣ стороны и, какъ кажется, уже въ январѣ 635 проникли на сѣверъ до самой Эмессы, вдругъ перваго Мухаррема 14 (25 февраля 635) отрядъ изъ 4000 византійцевъ внезапно атаковалъ одинъ изъ такихъ летучихъ отдѣловъ, состоявшій подъ командою Хáлида Ибнъ Са'ида, тезки нашего Хáлида, близъ

*) На сторонѣ мусульманъ было приблизительно 25—30.000 человѣкъ. Арабскіе историки насчитываютъ грековъ до 100.000; во всякомъ случаѣ ихъ было не болѣе половины.

Мерджъ а съ Суффаръ *). Произошла горячая схватка, въ которой палъ самъ Ибнъ Са'идъ. Неудача эта замедлила продолженіе военныхъ дѣйствій дней на 14, въ теченіе которыхъ Халидъ, чтобы обезпечить себя отъ повторенія подобныхъ неприятныхъ случайностей, вѣроятно, принужденъ былъ предпринять новыя рекогносцировки по всѣмъ направлениямъ; послѣ этого онъ обложилъ Дамаскъ (16 Мухарремъ 14=12 марта 635), гарнизонъ котораго не смѣлъ болѣе выступить противъ арабовъ въ открытомъ полѣ. Осада затянулась надолго; въ дѣлѣ крѣпостной войны мусульманамъ трудно было тягаться съ греками, оставалось поэтому дожидаться того времени, когда въ городѣ, въ которомъ впрочемъ было не мало запасовъ, наступитъ голодовка. Но и Ираклій далеко еще не покончилъ съ организаціей новой большой арміи; скудость денежныхъ средствъ замедляла наборъ, а онъ хорошо понималъ, что для вѣрнаго успѣха необходимы превосходныя силы. Поэтому онъ не могъ и думать о походѣ для освобожденія отъ осады этого важнаго пункта и пока долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что выслалъ впередъ Вахана, прибывшаго къ нему съ армянскимъ вспомогательнымъ войскомъ, предписавъ ему прогнать отдѣльные летучіе отряды въ окрестностяхъ Эмессы (май 635), а затѣмъ попытаться какъ можно чаще тревожить осаждающихъ, благодаря чему и произошла разъ стычка, въ одной лошинѣ по большой дорогѣ изъ Дамаска въ Эмессу. Хотя она и не имѣла особаго значенія, но заставила мусульманъ построить укрѣпленіе къ сѣверу отъ города, тамъ, гдѣ дорога спускается съ горъ въ равнину, дабы защититься съ этой стороны отъ всякихъ нападений. Наконецъ въ Раджабѣ 14 (августъ—сентябрь 635) палъ Дамаскъ. Есть основаніе полагать, что при сдачѣ города христіанское духовенство, въ высшей степени недовольное Иракліемъ за его церковныя мѣры, играло болѣе чѣмъ двусмысленную роль, хотя въ виду запутанности извѣстій, говорящихъ то о капитуляціи города, то о вторженіи арабовъ въ крѣпость силой, трудно возстановить истинный ходъ происшествій. Во всякомъ случаѣ, жителямъ дарованы были необыкновенно снисходительныя условія: съ нихъ требовалась лишь уплата подати: всѣ церкви должны были остаться въ неприкосновенномъ владѣніи христіанъ. По взятіи города Халидъ продолжалъ дѣйствовать попрежнему: онъ оставилъ здѣсь съ небольшимъ гарнизономъ Язида, а самъ пошелъ далѣе. Ваханъ, слѣдуя приказаніямъ Ираклія, долженъ былъ отступать передъ нимъ со своими армянами; такимъ образомъ арабскому полководцу, подвигаясь на сѣверъ между Ливаномъ и Антиливаномъ, удалось занять Баальбекъ, а можетъ быть

*) „Птичья пояна“, часто встрѣчающееся въ исторіи мѣсто, въ разстояніи дня пути отъ Дамаска.

и другія мѣста. Народъ вездѣ встрѣчалъ арабовъ дружелюбно; жители радовались, что избавляются отъ мелочныхъ притѣсненій византійскихъ чиновниковъ и на самомъ дѣлѣ имѣли полное основаніе хвалить кроткое обращеніе мусульманъ. Что же касается ихъ неизвѣстной религіи, то едва ли она могла показаться имъ болѣе противной, чѣмъ официальная ересь ихъ бывшихъ властителей. Къ сожалѣнію, они забывали при этомъ, что прочна лишь та свобода, которой добиваешься собственными силами.

Однако арабы все еще не рѣшались углубиться слишкомъ далеко на сѣверъ. Въ Эмессѣ собрались уже многочисленныя императорскія войска и военныя приготовленія Ираклія мало-по-малу приближались къ концу. Императору удалось наконецъ собрать весьма внушительное войско; по извѣстіямъ нѣкоторыхъ византійскихъ историковъ оно насчитывало 80.000 человекъ. Имъ предводительствовалъ опять нѣкій Θεодоръ, Сакелларій *) императора; онъ самъ лично командовалъ 40.000 императорскихъ войскъ, составлявшихъ ядро арміи. Другая половина состояла изъ армянъ, подъ предводительствомъ Вахана, и христіанскихъ арабовъ гассанидскаго князя Джá бала Ибнъ Аль-Эйхамъ, которые, получивъ снова жалованье, примкнули опять къ арміи. Но при всей его внѣшней внушительности въ войскѣ не ощущалось внутренней связи. Сакелларій съ Ваханомъ не ладили: этотъ послѣдній во главѣ своихъ армянъ обнаруживалъ слишкомъ большую самостоятельность, которая главнокомандующему, понятно, не нравилась: начались раздоры безъ конца. Еще хуже обстояли дѣла съ гассанидами; на этихъ людей, какъ доказалъ опытъ, можно было вполне рассчитывать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоялъ грабежъ. Но отказываться отъ ихъ помощи было опасно, ибо въ такомъ случаѣ они легко могли перейти на сторону противника.

Давленіе такихъ большихъ количествъ войскъ, когда они наконецъ пришли въ движеніе (въ началѣ 15—февраль 636), должно было оказать конечно очень ощутительнымъ для мусульманъ. Но испытанная отважность Халида соединялась съ большою долей предусмотрительности; въ виду предстоящаго рѣшительнаго удара онъ счелъ нужнымъ стянуть всѣ находившіяся въ его распоряженіи силы. Поэтому онъ сталъ не торопясь отступать передъ надвигающимися греками, притягивая къ себѣ отовсюду передовые и легчіе отряды. Онъ даже покинулъ Дамаскъ, чтобы въ случаѣ пораженія не быть слишкомъ далеко отъ Аравіи, и отступилъ

*) „Казначей“; понятно это слѣдуетъ считать лишь высшимъ придворнымъ титуломъ. Съ своей стороны арабы насчитываютъ греческаго войска по меньшей мѣрѣ 100.000, въ числѣ которыхъ 12.000 христіанскихъ арабовъ и 12.000 армянъ.

къ Иордану, за которымъ могъ-бы укрыться при неблагопріятномъ оборотѣ войны. Нѣтъ сомнѣнія, что и большинство войскъ, находившихся еще подъ командой Амра, также примкнули къ нему. Времени на это у него, благодаря Сакедларію, было достаточно. Цѣлые полгода прошли въ подготовленіяхъ, пока не состоялось наконецъ первое сраженіе у Джабіи, между Дамаскомъ и озеромъ Геннисаретскимъ (13 Джумада II 15—23 іюля 636). Съ этого времени начинается цѣлый рядъ битвъ, продолжающихся болѣе мѣсяца, но о подробностяхъ ихъ имѣется весьма мало достовѣрныхъ извѣстій. Нѣсколько скудныхъ замѣтокъ византійскихъ историковъ и многочисленныя, часто весьма подробныя описанія арабовъ согласны только въ одномъ—именно, что всѣ эти стычки происходили лишь въ теченіе одного или двухъ дней. Но относительно фактическихъ данныхъ они совершенно противорѣчатъ другъ другу. Нѣкоторыя черты, правда, повторяются то у одного, то у другого и, вѣроятно, подлинны, но послѣдовательный ходъ событій невозможно возстановить никоимъ образомъ. То мы узнаемъ о неудачѣ Сакедларія, вслѣдъ за которой армянскія вспомогательныя войска бунтуютъ и требуютъ преданія императорскому суду Вахана, предводителя; говорится далѣе о переходѣ части христіанскихъ арабовъ на сторону мусульманъ, а затѣмъ снова встрѣчается извѣстіе о горячей схваткѣ между греками и арабами, въ которой послѣдніе оказываются побѣжденными, а греки проникаютъ даже въ арабскій лагерь, такъ что находящіяся при обозѣ женщины принуждены взяться за оружіе. Какъ бы то ни было, послѣдній рѣшительный бой 12 Раджаба 15 (20 августа 636, былъ у деревни Якүса. Мѣстечко это ютилось въ углу, образуемомъ соединеніемъ Геромакса (по-арабски Ярмүкъ) съ Иорданомъ, между обѣими этими рѣками и озеромъ Геннисаретскимъ, въ мѣстности, изрѣзанной ложбинами, и представляющей спускъ плоскогорья къ сѣверу отъ рѣки. Нѣтъ никакой причины не вѣрить сообщенію грековъ, по которому во время сраженія поднялся сильнѣйшій вѣтеръ и погналъ на императорскія войска цѣлыя облака пыли, что поколебало и безъ того уже пошатнувшіеся ряды византійцевъ. Надо полагать однако, что они дрались хорошо, по крайней мѣрѣ пѣхотины; мусульмане упоминаютъ о значительныхъ потеряхъ съ своей стороны, а смерть Сакедларія показываетъ, что онъ по крайней мѣрѣ исполнилъ свой долгъ. Но въ концѣ концовъ греческія войска были отброшены въ ущелья Геромакса, гдѣ началась ужасная рѣзня, изъ которой мало кто спасся. Конница, лишь только увидѣла неблагопріятный оборотъ дѣла, ударилась въ бѣгство и разсѣялась, спѣша укрыться въ укрѣпленныхъ мѣстахъ: Дамаскѣ, Цезарей, Іерусалимѣ, даже въ Антіохіи, но ядро арміи, императорская пѣхота, была уничтожена въ конецъ. Въ

ближайшемъ будущемъ Ираклю не представлялось никакой возможности собрать новыя войска въ Сиріи; ему оставалось только удалиться въ Константинополь, чтобы оттуда руководить вторичнымъ завоеваніемъ Палестины.

Пока у арабовъ развязались руки, какъ здѣсь, такъ и во всей Сиріи, гдѣ имъ впрочемъ приходилось еще нѣкоторое время имѣть дѣло со стѣнами крѣпкихъ городовъ. Послѣдніе нужно было брать правильною осадой, при помощи военныхъ машинъ, а арабы всего лишь девять лѣтъ тому назадъ впервые познакомились съ осадными работами при взятіи Хейбара и, конечно, за это короткое время не могли изучить это искусство такъ же хорошо, какъ византійцы. Благодаря этому прошло довольно много времени, прежде чѣмъ были взяты наиболѣе укрѣпленные пункты; мы не знаемъ ни одного случая, въ которомъ бы успѣхъ былъ достигнутъ приступомъ. Менѣе значительныя укрѣпленія сдавались немедленно, лишь только показывались мусульманскія войска. Впрочемъ послѣднія большею частью заняты были до конца 15 года (636) осадю Дамаска, который, будучи обложенъ во второй разъ, держался нѣсколько мѣсяцевъ, пока наконецъ оставленный тамъ Сакелларіемъ гарнизонъ, сражавшійся вначалѣ очень храбро, не сдался на капитуляцію. Вслѣдствіе такого продолжительнаго сопротивленія сдача города совершилась на менѣе благопріятныхъ для жителей условіяхъ; послѣдніе должны были уступить для мусульманскаго богослуженія нѣкоторыя церкви и половину большого собора св. Іоанна, но во всемъ остальномъ впрочемъ съ ними обошлись довольно милостиво. Теперь арабы снова освободились и быстро двинулись впередъ, но уже не подъ предводительствомъ великаго военачальника, которому и здѣсь были обязаны побѣдой. По сдачѣ Дамаска, согласно повелѣнію халифа, войска, съ которыми Халидъ совершилъ знаменитый свой походъ черезъ пустыню, поспѣшили назадъ въ Иракъ, гдѣ они же должны были закончить у Кадесіи другой великой походъ. Но тамъ ихъ знаменитому полководцу не было мѣста возлѣ Са́дъ Ибнъ Абу Ваккаса. Еще менѣе расположенъ былъ Омаръ вручить ему начальство въ Сиріи; здѣсь главная задача война была покончена, на очереди стояло упорядоченіе администраціи страны, а для такого дѣла независимый и дикій характеръ «меча божія» не оказывался удобнымъ, хотя-бы даже прежняя антипатія Омара къ виновнику звѣрской расправы въ Джазимѣ и Ярбу исчезла безслѣдно, благодаря несравненнымъ подвигамъ послѣднихъ годовъ. Незадолго до или послѣ взятія Дамаска прибылъ въ войско указъ халифа, увольнявшій Халида отъ его должности главнокомандующаго и передававшій ее мало энергичному, но зато спокойному и кроткому Абу Убейдѣ. Отставленный полководецъ не могъ скрыть своего недо-

вольствія: «Омаръ», произнесъ онъ не безъ горечи, «поставилъ меня главой Сиріи, когда положеніе ея сильно его озабочивало, теперь же, когда Сирія успокоилась и течетъ млекою и медомъ, онъ находитъ нужнымъ отставить меня и назначаетъ другого намѣстника».—Несмотря на это онъ не отказывался до самой своей смерти, воспослѣдовавшей въ Эмессѣ въ 21 году (642), продолжать служить подъ начальствомъ людей, бывшихъ доселѣ его подчиненными. Какая была этому причина—сказать трудно. Этотъ честолюбивый человѣкъ могъ питать надежды на перемѣну правленія и выжидать только удобнаго момента, чтобы опять разыграть важную роль, а можетъ быть во время нахождения Омара въ Палестинѣ онъ успѣлъ помириться съ нимъ, такъ какъ тотъ не могъ отказать ему въ признаніи его выдающихся военныхъ заслугъ. Послѣднее вѣроятнѣе всего, ибо передъ смертью Халидъ назначилъ халифа своимъ наслѣдникомъ; слѣдуетъ во всякомъ случаѣ быть чрезвычайно осторожнымъ, дабы не умалить своеобразнаго величія обоихъ этихъ мужей, точно вылитыхъ изъ стали или высѣченныхъ изъ гранита, предположеніями сантиментальнаго свойства. А въ подобномъ величіи нельзя отказать ужасному мечу ислама. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, у которыхъ геній полководца заполняетъ всю духовную жизнь. Подобно Наполеону, онъ ничего кромѣ войны не признавалъ и не имѣлъ никакого понятія о болѣе человѣчныхъ чувствахъ. Зато, подобно величайшему солдату новѣйшихъ временъ, онъ обладалъ всѣми военными добродѣтелями; подобно ему, онъ за всѣмъ слѣдилъ самъ, не разрѣшалъ себѣ ни минуты покоя и вѣчно поддерживалъ въ своихъ подчиненныхъ чувство полной увѣренности. Въ настоящее время трудно даже понять подобную могучую воинскую натуру, тѣмъ не менѣе мы должны признать во всякомъ случаѣ одно: хотя онъ былъ великъ только во главѣ своихъ бедуиновъ, но зато въ этомъ дѣлѣ недосыгаемъ.

Въ слѣдующіе годы арабскіе полководцы могли почти безпрепятственно пожинать плоды своихъ побѣдъ. Старый военный герой Ираклій конечно не думалъ безропотно подчиниться приговору капризной богини счастья, которая почти въ тотъ самый моментъ, когда ему удалось окончательно поразить исконнаго врага своего народа, отвернулась отъ него и обратила свою благосклонность на новаго, до сихъ поръ презираемаго имъ врага, вырвавъ изъ его рукъ въ пользу послѣдняго втрое больше того, что онъ успѣлъ пріобрѣсть. Правда, императоръ не скрывалъ отъ себя истиннаго положенія вещей; покидая Сирію, онъ захватилъ съ собою въ Константинополь святой крестъ, такъ недавно перенесенный имъ въ триумфальномъ шествіи, изъ Ктезифона въ Іерусалимъ. Но хотя онъ, въ виду своей болѣзненности въ послѣдніе годы, не могъ думать о личномъ участіи въ новомъ походѣ,

все же не могъ допускать, чтобъ одна изъ лучшихъ его провинцій и даже священнѣйшія мѣста христіанства остались въ рукахъ невѣрующихъ. По повелѣнію его изъ Константинополя и Александріи были отправлены моремъ войска и перевезены въ Антиохію. Отсюда, подъ предводительствомъ наслѣдника трона, Константина, должны были они предпринять новое нападеніе на арабовъ (17=638). Но имъ удалось лишь на короткое время отнять у безсильнаго Абу Убеиды только что покоренные округа Халебъ и Киннесринъ. Достаточно было устроить Омару съ помощью иракскихъ войскъ диверсію въ Месопотамію, и приставшіе вновь къ грекамъ христіанскіе арабы вынуждены были отступить, а вслѣдъ за симъ потерпѣли пораженіе и императорскія войска, принужденныя послѣ этого снова запереться въ Антиохіи. Отнынѣ на долгое время не слышно болѣе о дальнѣйшихъ попыткахъ византійцевъ противъ сирійскихъ владнѣій. Безъ особыхъ затрудненій арабы овладѣваютъ здѣсь тѣмъ, что не было еще покорено. Послѣ сдачи Дамаска армія мусульманъ снова распалась на четыре первоначальныхъ отряда, которые и расположились теперь въ отдѣльныхъ областяхъ. Самъ Абу Убеида занялъ сѣверъ, Амръ осадилъ Іерусалимъ, Шурахбилъ и Язидъ занялись покореніемъ финикійскихъ прибрежныхъ городовъ. Въ главныхъ чертахъ полководцы исполнили свои задачи еще въ теченіе 16 (637), такъ что къ концу этого года Омаръ уже могъ предпринять путешествіе въ Сирію, гдѣ онъ хотѣлъ лично ввести новые порядки. Въ Джабіи, тамъ, гдѣ начались первыя стычки передъ рѣшительнымъ сраженіемъ у Геромакса, халифъ поселился въ старинномъ замкѣ гассанидскихъ князей; здѣсь онъ диктовалъ ждавшимъ его повелѣній сирійцамъ тѣ законы, которымъ отнынѣ должны были повиноваться всѣ народности, подчиненныя халифату; здѣсь же были заключены договоры съ христіанскими арабскими племенами, что побудило нѣкоторыхъ принять исламъ, другихъ же сдѣлаться по крайней мѣрѣ хорошими подданными. Межъ тѣмъ осада Іерусалима дѣятельно продолжалась, и въ 17 году (638) городъ вынужденъ былъ наконецъ сдаться. Давно уже страстнымъ желаніемъ халифа было взглянуть тѣлесными очами на святой градъ іудеевъ и христіанъ, на то мѣсто, гдѣ было дано такъ много откровеній и проявленій милостей божьихъ, лишь не признаваемыхъ либо искажаемыхъ неблагодарными людьми, на то самое мѣсто, гдѣ пророкъ чудомъ и только разъ могъ совершить духовно свою молитву. Въѣздъ его совершился, какъ извѣщаютъ мусульманскіе историки, съ тѣмъ смиреніемъ и простотой, отъ которыхъ старинный товарищъ Мухаммеда никогда не хотѣлъ отступать, даже ставъ властелиномъ великаго царства. Въ старомъ невзрачномъ плащѣ изъ верблюжьей шерсти, сидя верхомъ на верблюдѣ, подобно тѣмъ оборванымъ бедуинамъ, которые толкались и прежде на сирійскихъ ярмар-

кахъ, вотъ въ какомъ видѣ предсталъ новый повелитель передъ изумленными жителями Іерусалима, которымъ до сихъ поръ случалось видѣть даже незначительнаго подирефекта византійскаго, не говоря уже о высокочтимомъ патрикіосѣ или самомъ побѣдоносномъ императорѣ Иракліѣ, проѣзжавшихъ по улицамъ священнаго града спѣсиво и торжественно, въ залитомъ зѣлотомъ вооруженіи на богато убранномъ боевомъ конѣ. Съ гордостью указываютъ арабскіе историки на скромную простоту этого вѣзды, который пристыдилъ даже мусульманъ, отвыкшихъ отъ подобнаго зрѣлища за время своего пребыванія въ покоренной странѣ. Но византійцамъ, конечно, событіе этой показалось въ иномъ видѣ: онъ вѣзжалъ въ священный градъ—сообщаетъ позднѣйшая хроника—въ одеждѣ изъ верблюжьей шерсти, покрытый съ головы до ногъ пылью, съ выраженіемъ сатанинскаго лицемѣрія на лицѣ. Онъ пожелалъ видѣть храмъ іудеевъ, построенный Соломономъ, чтобы превратить его въ молельню, гдѣ бы онъ могъ изрыгать свои богохульства. Софроній *), лишь только его увидѣлъ, воскликнулъ: поистинѣ вотъ та мерзость запустѣнія на крилѣхъ святилища **), которую предрекъ Данииль. И ревнитель вѣры заплакалъ горькими слезами объ участи христіанскаго народа. Когда Омаръ прибылъ въ городъ, патриархъ предложилъ ему привяты изъ его рукъ льняную одежду и рубаху, но тотъ отказался ихъ надѣть. Съ превеликимъ трудомъ удалось патриарху уговорить его облечься въ нихъ на время, пока его собственныя одежды не будутъ вымыты; послѣ чего Омаръ возвратилъ ихъ Софронію и снова одѣлся въ прежнее платье.

Но за удовольствіе видѣть торжество истинной вѣры въ самомъ средоточіи идолопоклонства пришлось дорого заплатить. Вслѣдъ за войной въ Палестинѣ и Сиріи появилась въ 17 году (638) чума и разрослась до необычайныхъ размѣровъ въ 18 (639). Болѣе всего свирѣпствовала она въ Эммаусѣ и его окрестностяхъ, но и въ другихъ мѣстностяхъ страны жертвъ было не мало. Въ числѣ 250.000 павшихъ отъ эпидеміи унесла она и трехъ знаменитыхъ полководцевъ арабскихъ: Абу Убейду, Шурахбиля, а наконецъ и Язида, назначеннаго Омаромъ въ преемники Абу Убейдѣ. Намѣсто послѣдняго возведенъ былъ халифомъ въ намѣстники братъ его Му'авія, служившій все время похода въ качествѣ добровольца. Ему предстояло въ теченіе 40 лѣтъ управлять провинціей и образовать изъ нея на долгое время надежнѣйшее ядро могущества семьи Омейи. Будучи лѣтъ 40, пока еще ничѣмъ особенно не прославившійся, онъ былъ обязанъ, подобно Язиду, своимъ вліятельнымъ положеніемъ одному личному желанію ха-

*) Тогдашній патриархъ Іерусалима. Онъ умеръ вскорѣ послѣ сдачи города, въ мартѣ 638.

**) Данииль, глава 9, стихъ 27, по переводу русскому.

лифа, который пожелалъ этимъ задобрить свѣтскую партію мекканцевъ и главу ея, Абу Суфьяна. Равнымъ образомъ, въ угоду набожныхъ, пожелалъ властитель имѣть намѣстникомъ своимъ въ Персіи, въ Куфѣ, одного изъ старѣйшихъ товарищей пророка, Са'да Ибнъ Абу Ваккаса. Какъ кажется, Му'авія не обладалъ въ высокой степени воинскими дарованіями, зато въ послѣдствіи оказался однимъ изъ тончайшихъ политиковъ своего времени. Повидимому онъ проявилъ на первыхъ же порахъ умѣніе выбирать подходящихъ людей. Но даже и въ военныхъ предпріятіяхъ онъ отличался неутомимой выдержкой и бодростью духа, легко выносившаго неудачи. Поэтому онъ стремился всю свою жизнь, зорко выслѣживая удобный моментъ, продолжать по всѣмъ направленіямъ дальнѣйшія завоеванія непокоренныхъ еще странъ.

Въ настоящее время, послѣ того какъ Антіохія въ 17 году (638) распахнула предъ арабами свои врата, въ Сиріи оставалась не взятой лишь Цезарей. Задолго до него, еще при Амрѣ (18=639), а затѣмъ при Язидѣ, велась безъ перерыва осада этого важнаго пункта. Наконецъ 19 Шаввала (октябрь 640) удалось Му'авіѣ овладѣть сильною крѣпостью, благодаря измѣнѣ одного іудея. Такъ закончилось покореніе всей Сиріи. Между тѣмъ въ 18 году (639), Іадъ, пробравшись изъ сѣверной Сиріи черезъ Евфратъ, успѣлъ въ 20 (641), и почти безъ сопротивленія, овладѣть городами Месопотаміи. Покореніе въ томъ же году Мосула иракской арміей закрѣпило окончательно эти новыя пріобрѣтенія. Съ этихъ поръ можно было безпрепятственно двигаться далѣе на сѣверъ. Раздираемая внутренними волненіями Арменія обѣщала нападающимъ легкую добычу. Эта несчастная страна изстари раздѣляла одну участь съ сосѣдней ей Месопотаміей, служа вѣчно яблокомъ раздора между ближайшими могущественными государствами. Благодаря постояннымъ нападеніямъ извнѣ, совпадавшимъ съ ужасающей правильностью съ вѣчными внутренними раздорами, этотъ народъ, несмотря на сохранившуюся и понинѣ рѣзкую особенность національныхъ чертъ, никогда не могъ выработать себѣ независимое государственное устройство. До самаго послѣдняго времени существованія царства Сассанидовъ, персы и византійцы боролись другъ съ другомъ за обладаніе Арменіей; со времени великой побѣды Ираклія она стала подчиняться законамъ, шедшимъ изъ Константинополя, но при постоянныхъ распряхъ вельможъ, которыхъ центральное управленіе по своей отдаленности не всегда могло обуздать, эта несчастная страна даже въ послѣднее время еще не совсѣмъ успокоилась. Такимъ образомъ арабы при своемъ вторженіи встрѣтили лишь слабое сопротивленіе. Въ 21 г. (642), подъ предводительствомъ Хабиба Ибнъ М'асламы, они вторгнулись въ Арменію черезъ до-

лину верхняго Евфрата, направляясь къ озеру Ванъ. Арабы обогнули озеро съ запада и съ сѣвера, минуя Араратъ. Вступивъ въ долину Аракса, взяли приступомъ тогдашнюю столицу страны, Двинъ (6 октября 642=6 Зуль-ка'да 21), послѣ чего повернули назадъ съ богатой добычей и безчисленнымъ множествомъ плѣнныхъ. Въ слѣдующемъ году (22=643) они вторично наводнили страну, на этотъ разъ тремя колоннами, проникшими до самой Грузіи, производя повсюду на своемъ пути великія опустошенія. Впрочемъ одинъ изъ этихъ отрядовъ потерпѣлъ отъ значительнѣйшаго изъ вельможъ Арменіи, того, которому императоръ Констанцій ввѣрилъ начальство надъ войскомъ, Θεодо-ра Рештунійца, довольно чувствительное поражение. Такіе же набѣги продолжались и въ слѣдующіе годы *), при чемъ въ нихъ принимали участіе и нѣкоторые отряды иракскихъ войскъ, занявшіе въ томъ же году Азербейджанъ, пока наконецъ въ 29 г. (650) не было заключено между императоромъ и арабами перемиріе, доставившее странѣ спокойствіе на нѣсколько лѣтъ.

Въ то же самое время Му'авія попытался беспокоить византійцевъ и на морѣ. Осторожный Омаръ и слышать не хотѣлъ, чтобы жизнь правовѣрныхъ воиновъ подвергалась непостоянству морскихъ волнъ. Но Османъ посмотрѣлъ на дѣло иначе. На финикійскомъ побережьи было достаточно и корабельнаго матеріала и матросовъ, поэтому Му'авіѣ не стоило большихъ усилій снарядить флотъ, въ 27 или 28 (648 или 649), къ которому было присоединено нѣсколько кораблей, взятыхъ у намѣстника Египта, Ибнъ Абу Сарха. Флотъ этотъ былъ отправленъ противъ главнаго города острова Кипра, Констанціи, древняго Саламиса; арабы взяли его штурмомъ и разорили до тла; часть населенія уведена въ плѣнъ, а оставшіеся обложены тяжкою податью. Теперь арабы могли также напасть на сильно укрѣпленный Арадъ, расположенный на одномъ островѣ близъ сирійскаго берега и находившійся еще въ рукахъ грековъ. Вначалѣ, правда, имъ не удалось пробить брешь въ крѣпкихъ стѣнахъ города, но въ слѣдующемъ году (29=650) арабы вернулись снова и принудили осажденныхъ сдаться на капитуляцію. Затѣмъ начались постоянные набѣги на Малую Азію; въ особенности опустошены были Киликія и Исаврія. Теперь императоръ Констанцій сталъ опасаться даже за безопасность своей собственной столицы и рѣшился вступить въ соглашеніе съ Му'авіей, который обязался за извѣстную плату соблюдать миръ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Когда въ 32 году (653) истекъ срокъ перемирія, вся Арменія находилась въ страхѣ, ожидая повторенія арабскихъ хищническихъ на-

*) Подробности событій и вѣдь мало извѣстны; греки, арабы и армяне на каждомъ шагѣ противорѣчаютъ другъ другу, а отчасти и самимъ себѣ.

бѣговъ. Θεодоръ Рештуніецъ поэтому предпочелъ отклонить угрожающую опасность добровольной сдачей. Онъ заключилъ съ Му'авіей договоръ на очень выгодныхъ условіяхъ для Арменіи; мусульманамъ предоставлялось лишь нѣкотораго рода главенство надъ ней. Но скоро преданная Византіи партія возмутилась и стала сильно тѣснить Рештунійца при помощи греческихъ войскъ, такъ что Му'авія вынужденъ былъ снова вторгнуться въ страну. Полчища мусульманъ, подъ предводительствомъ Хабиба Ибнъ Масламы, перешли опять границу, прогнали византійцевъ и покорили всю страну вплоть до Кавказа. Въ то же время изъ Азербейджана выступилъ Сельманъ Ибнъ Рабіа, также по направленію къ сѣверу; ему удалось даже черезъ проходъ Дербентъ, между горами и Каспійскимъ моремъ, проникнуть въ страну хазаровъ, но тутъ онъ погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ, истребленный до тла этимъ воинственнымъ народомъ. Лишь немногимъ, и то послѣ неисчислимыхъ бѣдствій, удалось перебраться назадъ за Кавказскія горы. Не лучше былъ конецъ другого болѣе грандіознаго предпріятія, руководимаго самимъ Му'авіей. Послѣдній вздумалъ предпринять походъ на Константинополь съ моря и суши *). Послѣ того, какъ адмиралъ его Абу'ль-А'варъ снова покорилъ Кипръ, возмущившійся по наущенію византійцевъ, по окончаніи перемирія; арабы, правда, заняли Родосъ и достигли уже Халкедона, но здѣсь буря разсѣяла ихъ флотъ и потопила значительную часть военныхъ кораблей, такъ что остальнымъ пришлось вернуться назадъ безъ всякаго успѣха (32=653). Несмотря на эти неудачи, мусульмане продержались въ Арменіи до тѣхъ поръ, пока не возгорѣлась междоусобная война (36=657). Только тогда Му'авія, имѣя надобность во всѣхъ своихъ войскахъ, рѣшился отказаться на время отъ этого ненадежнаго владѣнія, а въ 38 г. (658) даже вынужденъ былъ купить у императора за значительную подать многолѣтнее перемиріе. Такимъ образомъ и здѣсь на нѣкоторое время, благодаря внутреннимъ распрямъ, наступаетъ застой.

Въ 18 году, послѣ смерти Абу Убейды, когда намѣстникомъ въ Сирію назначенъ былъ Язидъ, Амръ Ибнъ Аль Асъ уже нѣкоторое время саждалъ Цезарею. Повидимому ему сильно не понравилось, что прежній его подчиненный становится его начальникомъ. По крайней мѣрѣ, какъ передаютъ, онъ сдалъ команду надъ большею частью

*) По извѣстіямъ византійцевъ, кромѣ покоренія Родоса (653 или 654) было только одно морское сраженіе близъ Ликійской возвышенности въ 656 г., окончившееся побѣдой арабовъ. Разказъ въ текстѣ составленъ по двумъ стариннымъ восточнымъ источникамъ.

осаждающихъ войскъ еще до прибытія Язида своему сыну, а самъ во главѣ 3500 человекъ, не спрашивая согласія халифа, отправился къ египетской границѣ. Но Омаръ не такой былъ человекъ, чтобы стерпеть неповиновеніе въ какой бы то ни было формѣ; посланный въ догонку за своеюравнымъ полководцемъ везъ повелѣніе, чтобы онъ не двигался дальше, если не успѣлъ еще перейти границу. Но курьеръ догналъ Амра только у Аль-Ариша, уже на Египетской землѣ, и потому тотъ могъ продолжать свой походъ. Онъ предпринялъ его въ той надеждѣ, что ему удастся создать себѣ въ странѣ фараоновъ то самостоятельное намѣстничество, которое онъ потерялъ въ Сириі. И въ самомъ дѣлѣ завоеваніе Египта мусульманами казалось дѣломъ не менѣе легкимъ, чѣмъ покореніе Сириі. Правда, именно въ Египтѣ императоръ Ираклій положилъ начало своему величію, только отсюда онъ могъ вести свою энергичную борьбу съ гнуснымъ Фокой. Но прежнія симпатіи населенія къ императору исчезли, благодаря религіознымъ эдиктамъ. Представитель церковнаго направленія двора, патриархъ Киръ, былъ ненавидимъ въ странѣ строгихъ монофизитовъ; вдобавокъ и здѣсь, какъ и въ столицѣ, офицеры и чиновники управленія дѣлились на двѣ враждебныя другъ другу партіи синихъ и зеленыхъ, которыя всячески подкапывались другъ подъ друга и сходились лишь въ одномъ: въ стремленіи сдѣлать жизнь населенія какъ можно болѣе невыносимой. Неудивительно поэтому, что вторгнувшіеся мусульмане встрѣтили здѣсь еще болѣе слабое сопротивленіе и еще болѣе очевидную готовность коптскаго населенія броситься въ объятія чужестранцевъ, чѣмъ въ сосѣдней провинціи. И конечно въ данномъ случаѣ намъ приходится ограничиться общимъ впечатлѣніемъ и нѣсколькими скудными фактами, такъ какъ несвязныя и часто противорѣчающія другъ другу извѣстія грековъ, коптовъ и арабовъ не даютъ возможности начертать ясную и болѣе или менѣе вѣрную дѣйствительности картину.

Даже о времени похода Амра извѣстія весьма неопредѣленны. Арабы относятъ его начало къ годамъ 18 или 19 (639—640), къ которымъ слѣдуетъ приблизительно приурочить его уже потому, что этотъ же полководецъ принималъ участіе въ осадѣ Іерусалима, продолжавшейся до 17 (638) *). Но съ другой стороны, если судить по дошедшимъ до насъ лишь отрывками указаніямъ одного египетскаго современника, мы должны заключить, что нападеніе произошло годомъ раньше. Одно лишь несомнѣнно, что въ 19 году (640) арабы, подъ предводительствомъ Амра, уже сражались въ Египтѣ съ греческими

*) Если даже не принимать въ расчетъ Цезарен, которую во всякомъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду.

полководцами и что они прошли, мимо мало доступной нильской дельты, въ среднюю часть страны, гдѣ разграбили плодоносную равнину рѣки и Фаюмъ, находящійся въ окрестностяхъ древняго Меридова озера. Главный начальникъ грековъ, Іоаннъ, герцогъ Барки, палъ въ сраженіи, но все-таки Амру не удалось добиться рѣшительныхъ успѣховъ, такъ какъ лица, стоявшія во главѣ военнаго и гражданскаго управленія Египта, Θεодосій и Анастасій, сдерживали слабыя его силы съ помощью значительныхъ массъ императорскихъ войскъ, расположенныхъ въ Вавилонѣ, древнемъ Мемфисѣ *). Арабскій военачальникъ вынужденъ былъ поневолѣ обратиться къ Омару за помощью, а такъ какъ тутъ дѣло шло о чести мусульманскаго оружія, то халифъ тотчасъ же послалъ ему 4000 человекъ, подъ предводительствомъ Азъ-Зубейра, одного изъ наиболѣе уважаемыхъ товарищей пророка, который доселѣ находился въ непосредственной близости къ властителю въ качествѣ довѣреннаго лица. Почти въ то же самое время прибылъ въ Египетъ и Θεодоръ, новый главнокомандующій, посланный императоромъ Иракліемъ замѣнъ павшаго Іоанна. Но Θεодосій и Анастасій не были расположены дѣлиться съ нимъ властью и вздумали оттѣснить его на задній планъ съ помощью блестящей побѣды. Такимъ образомъ хитрому Амру удалось выманить ихъ изъ Вавилона и разбить при Геліополисѣ, гдѣ арабскій полководецъ встрѣтилъ ихъ лишь съ третью войска, такъ какъ остальные двѣ трети были посланы въ обходъ и ударили въ тылъ византіяцамъ. Пораженіе неосторожныхъ начальниковъ оказалось полнѣйшее; только съ великимъ трудомъ удержана была цитадель Вавилона, самый же городъ попалъ въ руки мусульманъ (20=641), которые такимъ образомъ получили возможность занять нѣкоторые округа, лежащіе вверхъ по Нилу, а также и Фаюмъ. Наступили затѣмъ два года ужаснѣйшихъ смятеній, въ продолженіе которыхъ несчастная страна переносила тягчайшія страданія. Уже съ самаго начала вторженія копты монофизиты во многихъ областяхъ склонились на сторону чужестранцевъ, враговъ ненавистныхъ имъ греческихъ владыкъ, но другіе жители все-таки считали послѣднихъ болѣе сносными господами, чѣмъ чрезмѣрно жадныхъ къ добычѣ

*) Селеніе Херау, переименованное ассирійскими плѣнными поселенцами, приведенными Рамвесомъ II, въ Вавилонъ (близъ Мемфиса)... Въ самомъ Каирѣ вѣтъ остатковъ древняго Египта, но то поселеніе, которое называется Фостатъ или Маср-аль-Атика, и которое составляло первый или старый Каиръ, стоитъ несомнѣнно на мѣстѣ того древняго Вавилона, въ которомъ были поселены Рамвесомъ II приведенные имъ изъ Азіи плѣнные. Имя Вавилона сохранилось до сего дня въ имени лежащаго близъ стараго Каира Коптскаго монастыря „Дейр-Бабилонъ“ (Исторія фараоновъ, Бругша, пер. Властова, СПб. 1880, стр. 21 и 748). Средневѣковые писатели европейцы нерѣдко называли султана египетскаго «султаномъ вавилонскимъ».

бедуиновъ; такимъ образомъ сами египтяне стали взаимно истреблять другъ друга. Въ Александріи, куда послѣ взятія Вавилона бѣжало много войска и жителей, зеленые и синіе продолжали бороться, какъ будто въ Египтѣ не было ни одного араба, а распущенная чернь столицы пользовалась удобнымъ случаемъ для неистовства и грабежа; большихъ усилій стоило Θεодору возстановить здѣсь наконецъ спокойствіе. А тутъ вскорѣ чужестранцы стали цѣлыми толпами появляться то въ Дельтѣ, то вверхъ по теченію рѣки, и хотя города нижняго Египта, лежавшіе между безчисленными рукавами рѣки, могли легко защищаться и противъ болѣе серьезнаго нападенія, но опустошенія и бѣдствія распространялись повсюду. Тѣмъ не менѣе мусульмане не могли еще двинуться впередъ; во всякомъ случаѣ они должны были убѣдиться, что обширныя укрѣпленія Александріи не боятся никакого приступа, хотя и византійцы, съ своей стороны, еще менѣе могли рискнуть показаться въ открытомъ полѣ.

Въ довершеніе несчастій, обрушившихся на византійскую имперію, 11 февраля 641 г. закончилась исполненная треволненій жизнь императора Ираклія. Хотя въ послѣдніе годы, можно сказать со времени сраженія при Геромаксѣ, сломанный болѣзнями и несчастіями, онъ сталъ лишь тѣнью того могучаго воинственнаго властителя, который не разъ спасалъ государство и вновь укрѣплялъ его необычайными побѣдами, все же его смерть еще болѣе ухудшила положеніе имперіи, такъ какъ послужила поводомъ къ усиленію внутреннихъ волненій, распатавшихъ послѣднія силы государства. Первый преемникъ Ираклія, болѣзненный Константинъ III, правда, далъ знать Θεодору въ Александрію, что вскорѣ ему будутъ посланы новыя вспомогательныя войска, но когда молодой императоръ скончался уже въ маѣ 641 и на тронъ вступилъ Иракліонъ, правительство, предчувствуя угрожавшую ему революцію, сочло болѣе благоразумнымъ покончить разъ на всегда съ Египтомъ, чѣмъ обнажить еще болѣе отъ войскъ резиденцію и сосѣднія съ ней провинціи. Въ Константинополѣ находился тогда Киръ, патріархъ александрійскій. Повидимому это былъ человѣкъ разсудительный и очень наблюдательный, такъ какъ онъ ничуть не обманывалъ себя насчетъ отношенія коптовъ какъ къ нему самому, такъ и къ правительству. Послѣ первыхъ же успѣховъ арабовъ, онъ послалъ Ираклію донесеніе, въ которомъ прямо совѣтовалъ вступить въ соглашеніе съ варварами, хотя бы цѣною ежегодной подати. Говорятъ даже, что онъ самъ, на свой страхъ, обратился къ Амру, чтобы узнать объ условіяхъ, которыя тотъ намѣренъ поставить *). Ираклій, какъ говорятъ, страшно разсердился,

*) Подобное же сообщаютъ и арабскіе историки объ одномъ коптѣ по имени Аль-Мукаукисъ, котораго они называютъ главою Египта. Здѣсь повиди-

когда узналъ объ этомъ, вызвалъ патриарха къ себѣ въ столицу и посадилъ его въ заключеніе, осыпая жестокими упреками. Теперь же, въ видахъ собственной безопасности, Иракліонъ принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій въ Египтѣ; онъ вызвалъ прежде всего изъ Александріи Θεодора. А когда и тотъ, подобно Киру, высказалъ мнѣніе, что наличныхъ средствъ не достаточно, чтобы удержать провинцію, оба посланы были въ Египетъ съ порученіемъ заключить миръ на возможно сносныхъ условіяхъ *). 17 сентября 641 (20) они снова вернулись въ Александрію; но такъ какъ тѣмъ временемъ вспыхнуло возстаніе въ Константинополѣ и Иракліонъ былъ свергнутъ съ престола, они не сочли возможнымъ начать переговоры, прежде чѣмъ станутъ извѣстны намѣренія новаго правительства. Но и послѣднее въ данный моментъ ничего не въ состояніи было сдѣлать для Египта. Одиннадцатилѣтній Констанцій II окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ опасностями въ столицѣ; къ тому же въ Италіи шла война съ лангобардами; итакъ, пришлось оставить востокъ на произволь судьбы. Когда 25 марта 642 (17 Раби II 21) сдалась цитадель Вавилона, отчего усилилась опасность для другихъ мѣстностей, пока еще пощаженныхъ, Киръ завязалъ серьезные переговоры, и миръ былъ заключенъ въ октябрѣ 642 (Зу'ль-Хиджжы 21). Византійцы обязывались тотчасъ же уплатить опредѣленную дань, а по прошествіи 11 мѣсяцевъ вывести изъ страны всѣ свои войска и никогда не посылать туда новыхъ. За это арабы соглашались оставить христіанамъ ихъ церкви, равно какъ и ихъ собственное управленіе и ни въ какомъ случаѣ не вмѣшиваться въ ихъ дѣла **).

мому смѣшивается фактъ предупредительности, оказанной коптами завоевателямъ, съ переговорами съ Киромъ, совершившимися по инымъ побудительнымъ причинамъ, а наконецъ (какъ мы видѣли въ исторіи съ Дамаскомъ) епископа съ намѣстникомъ. Имя же Аль-Мукаукисъ пока необъяснимо; вѣроятно оно представляетъ собой какой-либо сильно исковерканный византійскій титулъ или коптское слово.

*) Связь между египетскими дѣлами и происходившемъ въ столицѣ первый объяснилъ Ранке (*Weltgeschichte*, V. 1. 148). Своимъ вѣрнымъ взглядомъ истиннаго историка, онъ видитъ, что Иракліонъ и мать его Мартина должны были опасаться послышки въ Египетъ враждебно настроенныхъ противъ нихъ войскъ, стоявшихъ лагеремъ у Халкедона. Въ то же время они могли понять по предствленію Кира, что было возможно поставить на время Амра правителемъ Египта, разумѣется съ тѣмъ, чтобы онъ вступилъ на службу императорскую. Съ этой точки зрѣнія странное, на первый взглядъ, полномочіе, данное Киру для переговоровъ съ Амромъ, кажется вполне понятнымъ.

**) Такъ какъ говорится здѣсь о соглашеніи, то нельзя сказать, чтобы условія были слишкомъ мягки, тѣмъ болѣе, что они никоимъ образомъ не были исполняемы мусульманами добросовѣстно. Въ особенности налоги были вскорѣ значительно увеличены, явились и разныя другія притѣсненія, такъ что бѣднымъ

Хотя для греческаго правительства было дѣйствительно невозможно именно теперь послать въ восточныя провинціи значительныя военныя силы, все-же это было позоромъ отдать попрежнему богатый, сильно укрѣпленный городъ Александра Великаго, не сдѣлавъ ни одной попытки къ защитѣ его оружіемъ. Жители пришли въ ярость, когда узнали о предстоящей имъ участи и готовы были разорвать Кира на клочки. Но покинутые безсильной метрополіей, они не могли и не хотѣли рискнуть жизнью и состояніемъ въ неравной борьбѣ за свободу. Такимъ образомъ пришлось покориться, когда 29 сентября 643 (9 Зуль-Кадъды 22), по удаленіи изъ Александріи, согласно условію, византійскихъ войскъ, въ нее вступили арабскіе варвары и расположились здѣсь по домашнему *). У кого были средства, тотъ переселился, слѣдуя за императорскими чиновниками, въ Константинополь. Вѣдь все значеніе Александріи заключалось въ ея торговомъ посредничествѣ между Европой и Востокомъ, теперь же нельзя было рассчитывать на продолжительность дружелюбныхъ отношеній съ сарацинами **). Слѣдовательно греческому купцу не было никакой выгоды сносить владычество язычниковъ. Упадокъ этого нѣкогда столь цвѣтущаго города завершился еще тѣмъ, что халифъ не согласился на мысль Амра устроить здѣсь свою главную квартиру. Какъ и въ Персіи Омаръ не хотѣлъ, чтобы большая рѣка отдѣляла его резиденцію отъ мѣстопребыванія намѣстника. Онъ повелѣлъ поэтому заложить новое поселеніе на правомъ берегу Нила; согласно этому повелѣнію Амръ поселился близъ развалинъ Вавилона, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ говорятъ, стояла его палатка во время осады. Новый городъ, названный имъ Аль-Фустатъ (т. е. «шатеръ»), нынѣшній старый Каиръ. Этого было еще недостаточно для предусмотрительнаго

коптамъ новыя ихъ друзья показались вскорѣ хуже, чѣмъ господа, отъ которыхъ они только что избавились. Самъ Киръ, какъ передаютъ, напрасно хлопоталъ у Амра о точномъ исполненіи пунктовъ договора и умеръ съ горя, что навлекъ такое несчастіе на свою страну, 10 апрѣля 643.

†) По арабскимъ извѣстіямъ, смѣшивающимъ мирное занятіе Александріи съ позднѣйшимъ завоеваніемъ ея послѣ возстанія 25 г., мусульмане заняли городъ силой, а потому и распоряжались тамъ сурово. Но это, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторые современники, не вѣрно. Точно также совершенно несправедливо извѣстное повѣствованіе о соженіи Александрійской бібліотеки по повелѣнію Омара. Ничего подобнаго нѣтъ ни у одного арабскаго или византійскаго стариннаго историка; извѣстіе это въ первый разъ встрѣчается у одного писателя 13-го столѣтія и къ тому же во многихъ отношеніяхъ отличается бросающеюся въ глаза неправдоподобностью. Александрійская бібліотека была сожжена задолго до арабовъ епископомъ Теофиломъ при императорѣ Θεодосіи.

***) Такъ назывались арабы и теперь, и до ислама у западныхъ писателей; происхожденіе этого имени до сихъ поръ не объяснено, а производство его отъ арабскаго III аркій «восточный» во всякомъ случаѣ не вѣрно.

халифа. Египетъ служилъ житницей для древне римскаго и византийскаго міра; значеніе его для прокормленія тощей и неплодоносной Аравіи, въ особенности для священныхъ городовъ, было очевидно. Но караванный путь, черезъ полуостровъ Синайскій и далѣе на юго востокъ до Медины, оказывался и дологъ и неудобенъ. Поэтому, когда Омаръ прослышалъ, что нѣкогда вблизи Вавилона существовалъ каналъ, соединявшій Ниль съ заливомъ Суэскимъ, то приказалъ возстановить его: такимъ образомъ черезъ Красное море безъ всякихъ затрудненій можно было достигнуть гаваней западнаго арабскаго побережья, что значительно ускоряло какъ сообщенія при помощи курьеровъ, такъ и доставку хлѣба.

Данное египтянамъ обѣщаніе предоставить имъ самимъ управленіе страню мусульмане поняли лишь въ томъ смыслѣ, что стали угнетать бѣдный народъ не сами, а черезъ посредство греческихъ и коптскихъ переметчиковъ, сумѣвшихъ угодить имъ и пріобрѣсти значительное вліяніе въ отдѣльныхъ правительственныхъ округахъ. «Люди эти,— жалуется современный хроникѣръ,—любили язычниковъ и ненавидѣли христіанъ. Они принуждали своихъ единоплеменниковъ доставлять мусульманамъ кормъ для ихъ животныхъ и требовали отъ нихъ молока, меду, плодовъ, луку и многого другого гораздо болѣе, чѣмъ полагалось. Египтяне исполняли эти приказанія, такъ какъ жили въ постоянномъ страхѣ. Ихъ заставили снова прорыть каналъ Траяна *), уже давно обсыпавшійся, чтобы провести воду изъ Вавилона въ Черное море. Гнетъ, подъ которымъ они держали Египетъ, былъ еще болѣе тяжкій, чѣмъ тотъ, который терпѣли израильтяне отъ Фараона, за что Богъ посѣтилъ его справедливой карой и низвергнулъ вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ въ Черное море, послѣ того какъ сами египтяне наказаны были многими казнями, поразившими людей и животныхъ. Да постигнетъ Божья кара и этихъ измаильтянъ, да содѣлаетъ Онъ надъ ними то же, что совершилъ надъ древнимъ Фараономъ! За грѣхи наши Онъ допускаетъ, чтобы они такъ обходились съ нами. Но Господь нашъ и Спаситель Іисусъ Христосъ въ долготерпѣніи своемъ воззрѣтъ на насъ и спасетъ насъ и истребитъ враговъ креста, какъ это обѣщано въ истинномъ писаніи».—Эта молитва бѣднаго епископа Іоанна Никіускаго, написанная имъ въ концѣ VII столѣтія, не была услышана: за арабами появились турки; нынѣ, правда, тамъ опять начинаютъ хозяйничать христіане, но участь коптовъ остается и по сіе время все той же—они продолжаютъ попрежнему платить подати и рыть каналы.* Хотя все дѣлалось по волѣ Омара, однако халифъ

*) «Этотъ императоръ возобновилъ проведенный уже древними египтянами Суэскій каналъ и приказалъ возстановить вѣтъ его въ Вавилонѣ, получившую теперь для арабовъ особенное значеніе.

былъ недоволенъ Амромъ. Халифъ подозрѣвалъ, и вѣроятно не безъ основанія, что не всѣ деньги, забранныя у египтянъ, доставляются аккуратно въ Медину. Между строгимъ властителемъ и его умнымъ намѣстникомъ завязалась очень рѣзкая переписка *). Напрасно послѣдній старался пріобрѣсти себѣ друзей при помощи неправдой нажитаго золота и даже пробовалъ подкупить чиновника, посланнаго халифомъ для ревизіи въ финансовомъ вѣдомствѣ. Человѣкъ этотъ оказался честнымъ и отклонилъ подачку. Омаръ же послалъ къ Амру помощника для Верхняго Египта, человѣка, нерасположеннаго къ Амру, по имени Абдулла Ибнъ Абу Сархъ. Окончательнаго смѣщенія Амра халифъ и не желалъ, такъ какъ Амръ выказывалъ рвеніе и успѣшно распространялъ мусульманскія завоеванія все далѣе на западъ. Вѣроятно еще до занятія Александріи **), сдача которой была ему обѣщана еще по договору въ 642 (21), онъ занялъ безъ сопротивленія Пентаполисъ, древнюю Киренаику съ главнымъ городомъ Баркой. Въ слѣдующемъ году (22 или 23=643 или 644) Укба Ибнъ Нафи' занялъ послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ Триполисъ, предварительно принудивъ къ сдачѣ Савилу, въ странѣ Фезаяъ (Фецанъ). Такимъ образомъ мусульмане достигли границъ, которыя временно предначерталъ себѣ Омаръ. При жизни послѣдняго имъ приходилось остановиться на этомъ: халифъ не терпѣлъ рискованныхъ предпріятій, пока не были окончательно умиротворены занятая земли. Въ правленіе же Османа у арабовъ снова оказалось много работы въ самомъ Египтѣ. Скоро послѣ вступленія своего на тронъ, халифъ смѣстилъ съ намѣстничества Амра и поставилъ надъ Египтомъ своего молочнаго брата Ибнъ Абу Сарха. Но когда въ 25 году (646) посланъ былъ изъ Константинополя, гдѣ дѣла нѣсколько поправились, византійскій полководецъ Мануиль, появившійся съ большимъ флотомъ передъ Александріей, и когда онъ, прогнавъ изъ нея мусульманъ, благодаря вспыхнувшему возстанію, вступилъ въ Дельту, пришлось снова вернуть полководца, одно имя котораго внушало страхъ коптамъ и грекамъ и который превосходно зналъ положеніе страны. И дѣйствительно, Амръ, принявъ въ руки правленіе, скоро ловко и успѣшно рѣшилъ свою задачу. Жители Нижняго Египта, угнетаемые арабами, уже давно перестали восторгаться новымъ положеніемъ вещей, и

*) Подлинность ея, во всякомъ случаѣ, не совершенно достовѣрна.

**) По извѣстіямъ арабовъ въ 21 г. (642), а по египетскимъ источникамъ—въ сентябрѣ 643 (конецъ 22). Такъ какъ первые относятъ взятіе Триполиса къ 22 году, то трудно рѣшить, слѣдуетъ-ли и тутъ прибавить годъ, или же допустить, что Амръ тотчасъ же послѣ заключенія мирнаго договора (конецъ 642) двинулся на Пентаполисъ. Впрочемъ и въ арабскихъ источникахъ, хотя менѣе достовѣрныхъ, мы находимъ подъ годомъ 23 (644) указаніе на покореніе Триполиса.

многіе изъ нихъ даже радостно привѣтствовали возвращеніе императорскихъ войскъ; но византійцы по глупости обошлись съ ними, какъ съ непріателемъ и начали страшно опустошать страну. Послѣ этого несчастнымъ коптамъ не оставалось ничего болѣе, какъ спасать свою шкуру. Нѣкоторое время Амръ спокойно смотрѣлъ, какъ греки и египтяне побивали другъ друга, но затѣмъ, выждавъ тотъ моментъ, когда первые уже достаточно ослабѣли, безъ труда нанесъ имъ пораженіе. Преслѣдуя по пятамъ бѣгущее войско, онъ вторгнулся одновременно съ греками въ Александрію. Византійцы, кто только могъ, успѣшно спаслись на корабли; городъ же за отпаденіе поплатился безпощаднымъ разореніемъ. Когда же наконецъ убійства и поджоги были прекращены, Амръ приказалъ срыть крѣпостныя стѣны со стороны суши, чтобы уничтожить всякую возможность новаго возстанія. Даже черезъ сотни лѣтъ городъ не могъ оправиться отъ этого опустошенія.

Едва успѣлъ Амръ исполнить возложенную на него обязанность, какъ халифъ снова уволил его; положимъ, онъ соглашался оставить его во главѣ войска, но управленіе финансами пожелалъ передать эмиру Ибнъ Абу Сарху. Но «честный» Амръ не могъ конечно удовольствоваться этимъ: «Вѣдь это значитъ,—воскликнулъ онъ,—что я буду держать корову за рога, въ то время какъ эмиръ будетъ доить ее». Онъ отклонилъ это предложеніе, послѣ чего халифъ передалъ управленіе провинціей одному Сарху. Это было нѣчто худшее, чѣмъ благодарность, — съ его стороны это было громадной ошибкой, значительно содѣйствовавшей въ послѣдствіи собственной его гибели и причинившей чувствительный ущербъ всему дѣлу ислама. Впрочемъ пока новый намѣстникъ во всѣхъ отношеніяхъ казался на своемъ мѣстѣ. Прежде всего онъ убѣдился, что безъ кораблей трудно будетъ арабамъ успѣшно отражать дальнѣйшія нападенія византійцевъ. Подобно Му'авіѣ въ Сиріи, онъ приложилъ всѣ старанія, чтобы обзавестись флотомъ и уже въ 28 году (649) могъ оказать ему на морѣ сильную поддержку при завоеваніи Кипра. Но еще лучше вознаграждена была его предусмотрительность позднѣе *), когда передъ Александріей дѣйствительно появился новый греческій флотъ. Мусульмане выказали чудеса храбрости въ непривычной имъ стихіи и отразили непріятеля. Не менѣе заботился Ибнъ Абу Сархъ о дальнѣйшемъ распространеніи ислама въ Африкѣ. Послѣ нѣкоторыхъ подготовительныхъ набѣговъ второстепенной важности, онъ выступилъ въ 27 г. (647/8) съ войскомъ, усиленнымъ подкрѣпленіями изъ Медины до 20.000 чело-

*) Источники колеблются между годами 31—34 (651 — 655); если считать вѣрнымъ вышеупомянутое извѣстіе о томъ, что перемиріе между Му'авіемъ и императоромъ состоялось 29 — 32 (650 — 653), то это морское сраженіе было вѣроятно въ концѣ 32—лѣтомъ 653.

вѣкъ, черезъ Барку и Триполисъ, въ область Кароагена. Еще за годъ до этого послѣдней управлялъ патрицій Григорій, въ качествѣ намѣстника императора Констанція, но тутъ честолюбивый вельможа правитель, пользуясь слабостью византійскаго правительства, отложился и, вѣроятно, даже самъ провозгласилъ себя императоромъ. На него-то и напалъ Ибнъ Абу Сархъ; вскорѣ дошло до сраженія близъ городка, называемаго арабами Акуба, и варвары снова одержали побѣду. Арабы бросились грабить страну, такъ что жители наконецъ рѣшились откупиться, и за огромную сумму— по позднѣйшимъ, нѣсколько баснословнымъ извѣстіямъ,—за 300 центнеровъ *) золота и за ежегодную сверхъ того дань добились отступленія мусульманъ. Находившійся при мединскихъ вспомогательныхъ войскахъ Абдулла, сынъ Азь-Зубейра, посланъ былъ къ халифу съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Разказы его возбуждали всеобщее изумленіе; позднѣе онъ даже хвастался, что умертвилъ собственноручно Григорія. Но справедливость этого увѣренія мы должны оставить подъ сомнѣніемъ, ибо неизвѣстно, что случилось съ этимъ патриціемъ. Если онъ и пережилъ свое пораженіе и, какъ передаютъ нѣкоторые, даже самъ заключилъ мирный договоръ съ мусульманами, во всякомъ случаѣ всѣ виды его на императорскую корону рушились навсегда: когда арабы, позднѣе, вернулись въ эту страну, о немъ не было уже и слуху. Впрочемъ, въ теченіе нѣкотораго времени мы вообще не имѣемъ болѣе никакихъ извѣстій объ этихъ мѣстностяхъ — внутреннія смуты и здѣсь начинаютъ задерживать побѣдоносное шествіе ислама.

*) Около 38.000.000 марокъ.

ГЛАВА III.

Организація государства и междуособная война.

«Сражайся съ тѣми, которые не вѣрують въ Бога и въ день страшнаго суда, которые не считаютъ запрещеннымъ то, что Богомъ и его посланникомъ возбраняется, которые не признають истинной религіи и поклоняются своему писанію *), доколѣ они не станутъ платить поголовной подати, какъ покорные подданные»,—такъ повелѣлъ Богъ правовѣрнымъ черезъ пророка въ сурѣ «отпущенія». Согласно этому повелѣнію христіанамъ Неджрана дарованы были жизнь и имущество за уплату значительной подати. Далѣе Мухаммедъ, при капитуляціи Ибнъ Надира, установилъ правило, что области, перешедшія въ руки мусульманъ не путемъ насильственнаго завоеванія, а сдавшіяся добровольно, исключаются изъ всеобщаго раздѣла добычи. Съ другой стороны и позднѣе, когда былъ взятъ штурмомъ Хейбаръ, іудейскому населенію предоставлено было обрабатывать попрежнему свои земли подъ условіемъ, что извѣстная часть дохода должна идти въ пользу ислама. Къ этимъ доходамъ Мухаммеда, слѣдовательно государственной казны, присоединялась еще пятая часть добычи и подать съ самихъ правовѣрныхъ подъ названіемъ «налога въ пользу бѣдныхъ».

Таковы были главныя основанія и прецеденты, которые Омаръ счелъ своей главной обязанностью примѣнить къ покореннымъ провинціямъ, когда явилась необходимость дать имъ окончательную организацію. За исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ округовъ, всѣ новыя области могли считаться покоренными силой. Поэтому Омару представлялось на выборъ: или раздѣлить между всѣми правовѣрными земли и имущества Ирака, Сиріи и Египта, въ видѣ добычи, или же по образцу того, какъ сдѣлано было въ Хейбарѣ, образовать изъ нихъ

*) Т. е. іудеи и христіане, наряду съ которыми поставлены также персидскіе послѣдователи Зороастра, по крайней мѣрѣ по отношенію къ ихъ гражданскому положенію. Это было для Омара болѣе удобно; и скоро нашелся даже кто-то, слышавшій будто бы нѣчто подобное и отъ пророка.

государственныя имѣнія и предоставить обработку ихъ прежнимъ собственникамъ подь условіемъ уплаты послѣдними опредѣленной части доходовъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, халифъ рѣшился на послѣднее, и мы должны сказать, что съ его точки зрѣнія это былъ единственно справедливый путь. Въ невѣроятно короткій срокъ арабы овладѣли массою земли, населеніе которой превосходило ихъ численностью по меньшей мѣрѣ втрое. Для того, чтобы обезпечить на болѣе или менѣе продолжительный срокъ владычество меньшинства надъ все болѣе и болѣе увеличивающимся большинствомъ, которое къ тому же было разсѣяно на обширномъ пространствѣ, необходимо стало отдѣлить насколько возможно завоевателей отъ покоренныхъ и сохранить въ первыхъ воинственный духъ и чувство превосходства, равно какъ и подвижность, которая вообще только одна и дала исламу возможность одерживать такія великія побѣды. А этого можно было достигнуть лишь тогда, если арабъ останется тѣмъ же, чѣмъ былъ: человекомъ, не привязаннымъ ни къ какому клочку земли, чувствующимъ себя дома только въ военномъ лагерѣ и съ полнѣйшимъ презрѣніемъ взирающимъ на невѣрныхъ, которымъ онъ предоставилъ всѣ гражданскія занятія, и которые за это должны были кормить его, господина. Сообразно съ этимъ, Омаръ распорядился ввести слѣдующія постановленія, въ видѣ прибавленія къ общему правилу, вытекающему изъ вышеизложенныхъ прецедентовъ. Въ покоренныхъ странахъ землевладѣльцы сохраняли за собою свое имущество, но за то обязаны были сверхъ общей поголовной подати, джизья, наложенной на всѣхъ невѣрныхъ, и обыкновеннаго квартирнаго налога, вносить еще особую поземельную подать, хараджъ, сообразно пространству занимаемой ими земли. Мѣропріятія эти примѣнены были прежде всего къ Ираку, который послѣ завоеванія былъ измѣренъ и подвергнутъ кадастру. Въ Сиріи же, по крайней мѣрѣ христіане, временно были избавлены отъ хараджа въ награду за помощь, оказанную ими арабамъ при завоеваніи страны. Въ виду устанавлиемаго вновь государственнаго права собственности, временно пользующіеся могли безпрепятственно продавать свои земельные участки, ибо первоначальная расцѣпочная сумма налога оставалась установленной разъ навсегда. Возможность измѣненія доходности не принималась въ расчетъ, а потому государство не интересовала личность временнаго собственника. Выморочныя же земли, такъ напр. ленное имущество въ Сиріи, ставшее свободнымъ вслѣдствіе выселенія греческихъ магнатовъ, отдавались въ арендное содержаніе въ пользу государственной казны. Сверхъ сего Омаромъ было предписано строго на строго, въ видѣ неизмѣннаго закона, что *ни одинъ мусульманинъ внѣ Аравіи не имѣетъ права приобретать недвижимое имущество и заниматься земледѣліемъ*. Запреще-

ніе оказывалось вовсе не обременительно: государственныя подати, какъ извѣстно, состояли въ сущности изъ налога и военный добычи, исключительно обращаемыхъ въ пользу мусульманъ, поэтому тѣмъ легче было правовѣрнымъ ограничиваться имуществомъ и землею у себя на родинѣ, такъ какъ обработка участковъ въ покоренныхъ странахъ, благодаря высокої поземельной подати, имъ же только и приносила пользу. Расходовъ государственныхъ, какъ это понимается нынѣ, Медина почти не знала: ея дѣло было только заботиться о снаряженіяхъ на войну; стоимость мѣстныхъ управленій въ покоренныхъ странахъ оплачивалась самими жителями, а все, что касалось общепользныхъ учрежденій и образованія народнаго, прямо таки не признавалось; оставались слѣдовательно однѣ необходимыя издержки на различнаго рода военныя цѣли, которыя впрочемъ поглощали сравнительно весьма малую часть поступленій. А доходы были поистинѣ громадныя: изъ одного Ирака притекали ежегодно въ Медину 100.000.000 дирхемовъ. Само собой, всѣ остатки дѣлились между правовѣрными. Для внесенія извѣстнаго порядка въ этотъ гигантскій раздѣлъ, Омаръ учредилъ въ 20 г. (647) цѣлое финансовое управленіе по византійскимъ образцамъ—Диванъ, верховную финансовую камеру, ведущую точный расчетъ прихода и наличности, равно и списокъ по племенамъ и семьямъ всѣхъ мусульманъ, соотвѣтственно участію ихъ въ войнахъ противъ невѣрующихъ, а затѣмъ и права каждого пользоваться извѣстной долей накопленій. На основаніи этихъ данныхъ выработывалась прочная система годового дохода, получаемого каждымъ мусульманиномъ совмѣстно съ домохозяевами. Доходы соразмѣрялись по степенямъ заслугъ, оказанныхъ каждымъ по мѣрѣ его участія въ дѣлѣ распространенія вѣры. Но предложеніе поставить себя самого во главѣ этого списка Омаръ скромно отклонилъ и предоставилъ это почетное мѣсто любимѣйшей женѣ пророка Айшѣ. Она получала ежегодно 12.000 дирхемъ. Остальнымъ вдовамъ посланника Божія выплачивалось по 10.000, столько же получали члены семьи Хашимъ, сражавшіеся съ Мухаммедомъ у Бедра. Далѣе шли всѣ остальные въ нисходящемъ порядкѣ, при чемъ прежде всего соблюдалось—ставить выше тѣхъ, кто ранѣе примкнулъ къ вѣрѣ и принималъ участіе въ главнѣйшихъ событіяхъ ислама.

То же самое стремленіе—воздвигнуть между побѣдителями и побѣжденными непреоборимую преграду—особенно ярко выступаетъ въ большемъ числѣ дальнѣйшихъ предписаній, которыя Омаръ, во время пребыванія своего въ Сиріи, успѣлъ включить въ условія сдачи Іерусалима. Запрещалось отнынѣ иновѣрцамъ перетолковывать смыслъ «книги Божіей», осмѣивать пророка, издѣваться надъ мусульманскимъ культомъ. Далѣе запрещалось прикасаться къ мусульманской женщинѣ,

сворачивать съ пути вѣры правовѣрнаго, а также покушаться на его имущество или жизнь. Наконецъ, возбранялось помогать непріятелямъ ислама и укрывать шпионовъ. Каждое нарушеніе этихъ предписаній давало право мусульманамъ упразднить договоръ, т. е. грозило слушнику лишеніемъ всѣхъ правъ. Болѣе мелкія наказанія налагались по нижеслѣдующимъ пунктамъ: не мусульманинъ обязуется отличатся отъ арабовъ одеждой; ихъ жилища не могутъ быть построены выше домовъ правовѣрныхъ; они не имѣютъ права тамъ, гдѣ поселились мусульмане, сильно бить въ накусъ (бѣло) или же читать вслухъ свое писаніе; запрещается имъ пить вино публично, выставлять на зло мусульманамъ кресты или свиней. Они должны избѣгать торжественнаго совершенія похоронъ и, наконецъ, не имѣютъ права носить оружіе и ѣздить верхомъ. Имъ дозволялось впрочемъ употребленіе лошаковъ и ословъ. Подъ условіемъ точнаго исполненія всѣхъ этихъ предписаній и уплаты поголовнаго земельного налога, мусульмане ручались за ихъ жизнь и имущество, оставляли за ними церкви и кресты, обѣщались воздерживаться отъ религіознаго понужденія и другихъ тому подобныхъ оскорбленій, а также брали на себя защиту отъ всякаго нападенія извнѣ.

Легко усмотрѣть, что правила эти по отношенію къ иновѣрцамъ преисполнены, для VII по крайней мѣрѣ столѣтія, изумительной строгости. Притомъ не всегда и не вездѣ одинаково пунктуально строго были они исполняемы. Случалось иногда, что предписаніе различія въ одеждѣ не соблюдалось въ точности; бывало даже и такъ, что покровительствуемымъ гражданамъ, какъ обыкновенно называли не мусульманъ, оказывалось болѣе дружественное расположеніе, чѣмъ предписывалось закономъ. Но этимъ пользовались менѣе всего іудеи, которыхъ мусульмане, слѣдуя примѣру своего пророка, особенно глубоко презирали; между тѣмъ какъ христіане, въ различныя эпохи и во многихъ странахъ, приобрѣтали нерѣдко вліяніе, благодаря богатству и знаніямъ. Но чаще, по самому существу вещей, случалось и обратное. На первыхъ же порахъ встрѣчаемъ мы жалобу одного египетскаго епископа, въ которой онъ сѣтуетъ горько, что на его единоплеменниковъ наложены невыносимыя тягости сверхъ договорныхъ пунктовъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще приходится наблюдать безпощадное примѣненіе хараджныхъ законовъ даже и въ тѣхъ странахъ, которымъ по капитуляціямъ обѣщаны были нѣкоторыя льготы. Особенно тяжело становилось т. наз. покровительствуемымъ гражданамъ, когда они должны были испытывать на себѣ несправедливую жестокость, съ какою взималась поголовная и поземельная подать, становившаяся особенно ненавистной по сравненію съ незначительностью мусульманскаго налога на бѣдныхъ. Вдобавокъ къ этому ограниченная первоначально опредѣленнымъ образомъ тяжесть квартирнаго постоя, а также продоволь-

ствія мусульманскихъ войскъ и путешественниковъ на дѣлѣ слишкомъ часто становилась въ послѣдствіи невыносимой. Такимъ образомъ повсюду началъ постепенно ощущаться явный контрастъ между арабами господами, сражавшимися и наслаждающимися, и ихъ подданными, работающими и платящими; съ каждымъ годомъ выступалъ онъ все рѣзче и рѣзче.

Совершенно въ томъ же направленіи, опираясь на предписанія пророка, мудро примѣненныя къ возникшимъ новымъ отношеніямъ, создана была Омаромъ система воинскаго устройства и управленія. Всякій разъ, когда Мухаммедъ поручалъ одному изъ своихъ начальство надъ извѣстнымъ отрядомъ правовѣрныхъ, этотъ начальникъ становился по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, на время исполненія порученнаго ему дѣла, какъ бы намѣстникомъ пророка; въ силу дарованныхъ полномочій всѣ должны были повиноваться ему безпрекословно и онъ предстоялъ на всеобщей молитвѣ. Такъ оставалось и при халифахъ съ тѣмъ только различіемъ, что отряды превращались въ арміи, а предводители ихъ, рядомъ съ военными задачами, должны были заботиться о своевременномъ поступленіи налоговъ съ данниковъ. Являлось при этомъ естественно новое осложненіе: сосредоточить всѣ силы государства въ Мединѣ становилось невозможно, потребовалось наоборотъ въ теченіе всей священной войны, воздвигнутой на невѣрующихъ, позаботиться объ устройствѣ постоянныхъ главныхъ квартиръ въ только что покоренныхъ провинціяхъ, дабы изъ этихъ ближайшихъ пунктовъ направлять своевременно далѣе отдѣльныя самостоятельныя арміи. И тутъ оказалось совершенно цѣлесообразнымъ содержать арабскія войска вдали отъ туземцевъ. Такимъ образомъ необходимость имѣть всегда подъ рукою готовыя къ битвѣ свѣжія силы заставляла сосредоточивать войска въ постоянныхъ большихъ лагеряхъ, избѣгая по возможности разбрасывать ихъ въ рядѣ отдѣльныхъ мелкихъ гарнизонѣвъ. Начальствующій въ этомъ главномъ пунктѣ, понятно, представлялъ собою по отношенію къ данникамъ соответствующаго округа высшую власть. По сравненію съ нашими новѣйшими учрежденіями, въ его лицѣ соединялась власть командующаго генерала и гражданскаго начальника. Въ каждой изъ провинцій учреждено было по одной такой главной квартирѣ, которая одновременно была и средоточіемъ гражданскаго управленія, а именно: въ Сиріи — Дамаскъ, въ Иракѣ (вмѣстѣ съ позднѣйшими завоеваніями на востокѣ) — Куфа, а въ Египтѣ — Фустатъ. Смотря по обстоятельствамъ, зависѣли отъ этихъ центровъ второстепенные округа, въ главныхъ городахъ которыхъ стояли также постоянныя войска. Въ первое время они располагались такъ: возлѣ Куфы въ Басрѣ, возлѣ Дамаска въ Химсѣ (Эмесса), въ Урдунѣ (т. е. провинціи Іордана) въ Тиверіадѣ, въ Филастинѣ (Палестина)

въ Луддѣ (Лидда), а позднѣе также и въ Рамлѣ. Начальники войскъ этихъ округовъ второстепеннаго порядка находились, конечно, въ подчиненіи у главноначальствующихъ соотвѣтствующими провинціями. Но они получали нерѣдко прямыя указанія и отъ халифа, особенно во время сирійскихъ и персидскихъ войнъ, требовавшихъ непосредственнаго руководительства прямо изъ Медины. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что только въ Сиріи постоянныя квартиры расположены были по древнимъ главнымъ городамъ или существовавшимъ издавна мѣстамъ, и это потому, что сирійцы видимо способствовали арабскимъ завоеваніямъ, такъ что не было надобности сторониться отъ жителей. Но въ Иракѣ заложены были два совершенно новыя поселенія—Басра и Куфа, сначала какъ простые постоянныя лагеря, впоследствии, конечно, быстро превратившіяся въ большіе города. Всюду впрочемъ, какъ въ тѣхъ, такъ и другихъ мѣстностяхъ, получавшихъ временный или постоянный гарнизонъ изъ главной квартиры, войска располагались особо и не имѣли никакого общенія съ населеніемъ, къ чему впрочемъ не представлялось никакого повода вслѣдствіе изъ года въ годъ повторявшихся постоянно военныхъ походовъ и передвиженій.

Ранѣе было уже упомянуто, что мусульмане почти не вмѣшивались, или вмѣшивались слишкомъ мало, въ гражданское управленіе покоренныхъ странъ. Ничего подобнаго не практиковалось даже и въ Аравіи, поэтому арабамъ казалось оно излишнимъ. Требовались лишь податныя списки и кадастръ, а это легко было сдѣлать при помощи оставшихся въ странѣ византійскихъ и персидскихъ чиновниковъ. Определено было, болѣе или менѣе произвольно, сколько слѣдовало брать, въ видѣ поземельной дани, съ каждаго округа, съ каждой мѣстности; за правильность взвosa отвѣчали не отдѣльныя личности, а вся община сообща; предоставлялось на ея благоусмотрѣніе, какимъ образомъ собирать деньги съ оброчныхъ. И пока налогъ уплачивался въ точности, мусульмане не вмѣшивались ни въ церковное, ни въ общинное самоуправленіе. А если какой-нибудь деревенскій староста или же епископъ округа жаловался на строптивость своихъ подчиненныхъ, правленіе арабское начинало дѣйствовать и почти постоянно склонялось на сторону свѣтской либо духовной власти, ибо уваженіе къ нимъ, по понятіямъ мусульманъ, лучше всего свидѣтельствовало о вѣрнопоподданности подчиненныхъ. Понятно, что всѣ эти мѣстные органы самоуправления подчинялись наблюденію и санкціи мухаммеданскихъ намѣстниковъ, которымъ предоставлялось ставить въ отдѣльныхъ округахъ, если находили это цѣлесообразнымъ, даже христіанскихъ правителей, какъ напр. дѣлалъ Амръ въ Египтѣ. Встрѣчалось и тутъ на практикѣ не мало произвола. Въ общемъ, намѣстники остерегались слишкомъ самоуправничать въ этомъ направленіи, хотя бы

постому даже, что никому изъ арабовъ не было вовсе охоты вдумываться въ сложныя комбинаціи внутренняго управленія и брать на себя обузу—конаться въ дѣлахъ совершенно непонятныхъ. Тамъ же, гдѣ нельзя было этого избѣгнуть и наступала настоятельная необходимость учредить особое вѣдомство, такъ напримѣръ финансовое и чеканку монетъ, арабы старались по возможности оставить все по-прежнему, какъ было при образцово вышколенной бюрократіи византійской и персидской. Счетныя книги, примѣромъ сказать, въ Сиріи и Персіи велись по разъ издавна заведенному порядку на тѣхъ же языкахъ. Также точно чеканились и монеты съ греческими и персидскими надписями; оставлены были даже кресты и прежнія изображенія. Короче сказать, насколько было возможно, старинной государственной машинѣ предоставили дѣйствовать по-прежнему. Объ одномъ только заботились завоеватели, чтобы какъ можно болѣе поступало денегъ въ государственную казну, и это слишкомъ понятно.

Если главноначальствующаго въ провинціи, намѣстника, какъ можно его назвать совершенно подходящимъ по настоящимъ порядкамъ титуломъ, избавляли отъ заботъ по гражданскому управленію, то положеніе его требовало большого вниманія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Приходится снова отмѣтить, что намѣстникъ халифа къ качествѣ намѣстника пророка, исполняющій все по полному авторитету послѣдняго, касающемуся государственнаго и церковнаго вѣдѣнія, считался не только военачальникомъ, но также предстоящимъ на молитвѣ и судіей всѣхъ членовъ общины, подчиненныхъ его главенству. Подобно владыкѣ въ Мединѣ, онъ руководитъ самолично богослуженіемъ въ пятницу, а въ хутбѣ возноситъ моленія за главу государства, — знакъ покорнаго подданства. Подобно тому, какъ и издавна, предъ «Богомъ и его посланникомъ», такъ и передъ намѣстниками халифа разбираются всѣ споры между правовѣрными. Легко поэтому понять, что въ обширнѣйшихъ намѣстническихъ округахъ, и безъ того заваленныхъ разбирательствами правовыхъ вопросовъ, возникавшихъ безпрестанно между правовѣрными и данниками, понадобилось вскорѣ учрежденіе самостоятельныхъ судебныхъ инстанцій, тѣмъ болѣе, что намѣстнику почти всегда приходилось отсутствовать въ дальнихъ походахъ. Со времени Омара появляются уже рядомъ съ намѣстниками настоящіе судьи (каді). При постоянно увеличивающейся потребности въ устройствѣ общественныхъ отношеній число ихъ становится все многочисленнѣе, такъ что въ позднѣйшія времена въ каждомъ мѣстечкѣ появляется особый судья. Рѣшенія свои почерпаетъ онъ, понятно, изъ корана и тѣхъ преданій, въ которыхъ сохранились соотвѣтствующіе случаи изъ жизни пророка. Подобное судопроизводство, въ особенности вначалѣ, должно было быть, само-собою разумѣется, во

многихъ отношеніяхъ несовершенно, равно неумѣтна оказывалась и зависимость его отъ администраціи. Попрежнему въ рукахъ намѣстника была верховная власть, ограничиваемая лишь личными повелѣніями халифа. Несвязанный никакой установленной нерушимо законностью, намѣстникъ дѣйствовалъ довольно часто по своему произволу, въ особенности по отношенію къ иновѣрцамъ. Мусульманина обидѣть было трудно: онъ не стерпитъ несправедливаго обхожденія съ нимъ и не побойтся пожаловаться прямо халифу на невыносимаго начальника, а если властелинъ мудръ, то конечно онъ отнесется съ уваженіемъ къ свободолюбію, присущему арабамъ.

Стремясь къ той же цѣли—закрѣпить по возможности владычество ислама и мусульманъ надъ покоренными странами и выставить свое преобладаніе особенно ярко съ внѣшней стороны,—появились и еще нѣсколько отдѣльныхъ мѣропріятій: это было изгнаніе іудеевъ и христіанъ изъ Аравіи и введеніе собственнаго мухаммеданскаго календаря. Послѣднее случилось въ 16 году (637). Какъ говорятъ, Омаръ колебался сначала, съ какого момента слѣдуетъ начать лѣтосчисленіе—отъ года ли рожденія или отъ призванія пророка, но по совѣту Алія эра должна была начинаться съ бѣгства. Причину новаго лѣтосчисленія слѣдуетъ искать въ разнообразіи календарей греческаго, сирійскаго и персидскаго. Явилась потребность обозначенія времени на безчисленныхъ, исходящихъ изъ Медины, въ различныя провинціи предписаніяхъ. Весьма понятно, что вскорѣ вездѣ послѣдовали этому обычаю канцеляріи столицы; почти не требовалось особаго повелѣнія халифа, чтобъ закрѣпить окончательно подражанія этому благому примѣру. Но если новый родъ лѣтосчисленія кажется съ перваго же взгляда лишь послѣдовательнымъ расширеніемъ уже самимъ Мухаммедомъ введеннаго раздѣленія времени года на лунные мѣсяцы, то вышеупомянутое другое распоряженіе казалось сразу противорѣчащимъ намѣреніямъ, высказаннымъ самимъ пророкомъ. Вѣдь онъ самъ заключилъ и съ христіанами въ Неджранѣ, и съ іудеями въ Хейбарѣ договоры, по которымъ имъ предоставлялось за уплату дани или поземельной подати владѣть имуществомъ и землей «до той поры, пока угодно это будетъ Богу». А тутъ внезапно издается повелѣніе очистить Аравію сначала христіанамъ, а вскорѣ затѣмъ (около 20 = 641) и іудеямъ и поселиться вблизи Куфы или, ежели кто пожелаетъ, въ Сиріи. Омаръ взглянулъ на прежнее соглашеніе съ той точки зрѣнія, что договоръ Мухаммеда слѣдуетъ признавать лишь за предварительное соглашеніе, пока у мусульманъ не было въ распоряженіи ни одного клочка земли внѣ Аравіи. Несомнѣнно, халифъ дѣйствовалъ въ духѣ Мухаммеда, постановляя на будущее время правиломъ, что ни одинъ иновѣрецъ не можетъ

быть терпимъ въ коренной землѣ истинной вѣры. Онъ мнилъ соорудить особую твердню ислама и арабскаго владычества, величайшій и неисчерпаемый лагерь армій, на подобіе того, что основано было вездѣ среди поработенныхъ народностей.

Замѣчательно, что именно эти самыя мѣропріятія, продержавшіяся сотни лѣтъ, проводимыя въ извѣстномъ направленіи неуклонно и по сіе время, не привели къ достиженію задуманныхъ мудрымъ халифомъ цѣлей; сложилось множество различныхъ причинъ, весьма впрочемъ однородныхъ, географическаго и историческаго свойства, ставшихъ поперекъ дороги всѣмъ благимъ намѣреніемъ Омара. Между тѣмъ остальные, обнародованныя этимъ же самымъ халифомъ, распоряженія, почти всѣ продержавшіяся лишь короткое время неизмѣнно въ его духѣ, оказывали въ послѣдствіи какъ разъ наоборотъ вліяніе неизгладимой устойчивости. Такъ что безъ особаго преувеличенія можно сказать: лишь остатки старинной организациі Омара предохраняютъ отъ разрушенія и понынѣ полуразваливающейся государственный строй турецкой имперіи. Причины этого кажущагося на первый взглядъ противорѣчія легко объяснить.

Дабы обозначить направленіе, которое приняли главнѣйшія распоряженія Омара, можно ихъ разсматривать какъ опытъ устройства религіозно-военной общины, построенной на національной основѣ. Но не Омаръ выдвинулъ общность имущественную, творцомъ ея былъ самъ Мухаммедъ. Положенное пророкомъ въ основу системы равенство всѣхъ мусульманъ, конечно, есть не что иное, какъ новое, довольно счастливое выраженіе истинно демократическаго самочувствія, которое и по сіе время лежитъ въ крови свободаго араба. Пророкъ позаботился, разумѣется, выдвинуть на первый планъ право божіе, т. е. свое собственное, и провелъ его не безъ нѣкоторыхъ противорѣчій, а также при всеобщемъ дѣлежѣ добычи счумѣлъ одѣлать нѣкоторыя личности особенными подарками. Такимъ же образомъ и при Омарѣ установленный годовой доходъ распредѣляется по извѣстнымъ ступенямъ. Тѣмъ не менѣе остается неизмѣннымъ основной законъ: всѣ государственные налоги составляютъ общую собственность всѣхъ мусульманъ и за вычетомъ расходовъ, необходимыхъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей, должны быть подѣлены между всѣми членами общины—развѣ же это не чистый коммунизмъ, такой именно, какой былъ заведенъ и среди первыхъ христіанъ. Конечно, тамъ руководило возрѣніе идеальнаго свойства, выраженное въ слѣдующемъ изреченіи: «никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее» *). Увы, въ настоящее время у

*) Дѣянія Апостоловъ, гл. 4. ст. 32.

мусульманъ и въ этомъ исконномъ возрѣніи оказывается большая прорѣха. Право на участіе въ государственномъ доходѣ признавалось по теории за каждымъ приверженцемъ истинной вѣры. И Омаръ весьма настоятельно предписывалъ своимъ намѣстникамъ неоднократно, чтобы каждый новообращенный немедленно же получалъ право пользованія годовымъ окладомъ. Во всякомъ случаѣ этому основному положенію нерѣдко служило непреоборимымъ препятствіемъ дѣйствующее другое предписаніе, на основаніи котораго ни одинъ право-вѣрный не имѣлъ права владѣть землею въ покоренныхъ провинціяхъ. Поэтому однимъ только бѣднякамъ въ виду подобныхъ условий приносило матеріальную выгоду принятіе вѣры побѣдителей; за кѣмъ же считалось недвижимое имущество, тотъ несмотря на высокую поземельную подать чувствовалъ себя вообще лучше, оставаясь вѣрнымъ вѣрѣ своихъ отцовъ. Оттого попадаютъ, особенно между крупными владѣльцами земли въ Персіи, многіе оставшіеся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій настоящими хранителями и оберегателями народной вѣры и народныхъ нравовъ, находясь по отношенію къ исламу въ болѣе или менѣе скрытой враждѣ. Все же выгоды, представляемыя вѣроотступничествомъ, особенно вначалѣ, были весьма значительныя: новообращенныхъ принимали охотно на должности надзорщиковъ за взиманіемъ податей, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ необходимѣ всего было знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ и языка страны, мѣста же эти доставляли значительное вліяніе, не говоря уже о незаконныхъ поборахъ, которые при этомъ часто практиковались. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что древняя религія персовъ и восточное христіанство именно въ это самое время находились въ сильнѣйшемъ упадкѣ. Вотъ причина, почему въ первыя времена, до возрожденія сильнаго національнаго чувства между персами, исламъ имѣлъ изумительный успѣхъ въ покоренныхъ областяхъ. Вначалѣ дѣлалось это очень просто: переходящій въ мусульманство передавалъ свое недвижимое имущество пребывающимъ неизмѣнно въ вѣрѣ отцовъ осѣдлымъ жителямъ въ мѣстѣ своего жительства, а тѣ принимали на себя вмѣстѣ обязательство обработки участка и продолжали выплачивать слѣдующій поземельный налогъ. Но съ каждымъ новымъ обращеніемъ въ государственную казну поступало все менѣе и менѣе, ибо пропадала соответствующая часть поголовной подати; между тѣмъ приходилось выдавать все болѣе и болѣе денегъ въ качествѣ уплаты годового оклада новообращеннымъ. Дошло постепенно до того, что равновѣсіе государственныхъ финансовъ начало замѣтно колебаться отъ продолжавшагося порядка вещей. И дѣйствительно, уже при Хаджжаджѣ, намѣстникъ халифа Абд-аль-Мелика въ Иракѣ и Персіи, пришлось въ 81 г. (700) обнародовать постановленіе, что отнынѣ всѣ новообращенные обязаны

будутъ платить поголовную подать. Уже не первый разъ отмѣнялись по необходимости главнѣйшія постановленія Омара; вскорѣ послѣ смерти халифа были также точно нарушены другія два. Мы видѣли раньше, что Мухаммедъ, въ своемъ стремленіи «привлечь сердца», позаботился одарить значительными подарками вліятельныхъ людей изъ числа прежнихъ своихъ непріятелей; начало этому положено было тотчасъ послѣ взятія Мекки. При Османѣ же (23—35=644—656) многіе изъ тѣхъ, которыхъ самъ пророкъ приучилъ къ особеннымъ подачкамъ, вошли въ силу. Они сдумѣли настроить слабаго властелина такъ, что онъ сталъ назначать то тому, то другому, вмѣсто слѣдуемаго ему простого годового оклада, несравненно высшій доходъ, къ величайшему ущербу и униженію всѣхъ остальныхъ правовѣрныхъ. Рядомъ съ явнымъ нарушеніемъ правовѣрнаго равенства всѣхъ членовъ общины, возникло впослѣдствіи еще болѣе печальное злоупотребленіе, ибо одновременно забыто было старинное запрещеніе владѣнія правовѣрнымъ землей. Уже и самъ по себѣ арабъ всегда отличался передъ всѣми чрезмѣрною жадностью, а тутъ еще эту ненасытную натуру стали подгонять постановленія ислама, какъ бы намѣренно разжигая хищничество бедуина съ цѣлью распространенія новаго откровенія. Вотъ причина, почему Омару приходилось вѣчно быть не въ ладахъ со своими намѣстниками: почти ни одинъ изъ нихъ не желалъ доить корову исключительно на пользу государственной кассы. Но если этотъ честный и вмѣстѣ неумолимый властитель доводилъ ревность наблюденія за основными своими законами до крайнихъ предѣловъ, такъ что запрещалъ даже Амру и Са'ду строить для себя дома въ главныхъ ихъ квартирахъ, то у Османа не оказалось ни авторитета, ни желанія держать въ ежовыхъ рукавицахъ своихъ приближенныхъ. Естественнымъ слѣдствіемъ новыхъ порядковъ было то, что вскорѣ при взиманіи податей даже сами намѣстники стали грабить, а вслѣдъ за тѣмъ всѣ, кто только могъ, начали захватывать, съ согласія халифа и даже безъ спроса, государственныя имущества. Ради приличія вносились въ казну самая низкая арендная плата, всѣ же имѣющіе власть и ихъ друзья обогащались на этомъ самымъ постыднымъ образомъ.

И въ другомъ отношеніи демократическо-коммунистическое управленіе, введенное Омаромъ, оказалось лишь грѣзами: не разъ эта идеальная равноправность всѣхъ мусульманъ уступала предъ грубымъ напоромъ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что арабы, какъ и всякій юношески мощный народъ, ощущали инстинктивное отвращеніе ко всѣмъ принадлежавшимъ къ чуждой націи, и это нерасположеніе разрасталось у нихъ кромѣ того по естественному чувству презрѣнія побѣдителя къ побѣжденному. Новообращенные изъ персовъ и сирійцевъ поняли вскорѣ, что принятіе арабской религіи далеко еще

не приравнивало ихъ къ арабамъ покорителямъ. По древнимъ арабскимъ обычаямъ, дабы быть принятымъ въ кругъ покорителей, надо было примкнуть къ одному изъ племенъ; но такіе переметчики инороднаго происхожденія и въ до исламское время никогда не считались совершенно равными съ настоящими членами племени. Въ глазахъ гордыхъ сыновъ пустыни, кичившихся истой своей арабской кровью, они почитались едва ли выше вольноотпущенныхъ рабовъ; какъ и эти, они становились въ положеніе кліентовъ и находились въ извѣстной зависимости отъ своихъ покровителей господъ, которые глядѣли на нихъ сверху внизъ и относились къ нимъ полупрезрительно. Со временемъ конечно удавалось выдвигаться и имъ, благодаря личнымъ достоинствамъ, но подчиненное положеніе кліента, по крайней мѣрѣ въ болѣе древнюю эпоху, никогда не забывалось совершенно; достаточно одного примѣра: даже Тарикъ, покоритель Испаніи, бывшій когда-то рабомъ Мусы, долженъ былъ въ качествѣ кліента терпѣливо выносить побои отъ своего покровителя.

Какъ ни недолговременно просуществовала система Омара въ полномъ ея объемѣ, но подъ давленіемъ могучей энергической воли, направившей неуклонно и сглаживавшей взаимныя противорѣчія религіозной основы и національныхъ побужденій, владычество ислама и арабовъ было обезпечено на цѣлое столѣтіе и закрѣплено надъ покоренными народами. Проведено было разъ навсегда рѣзкое отличіе между приказывающимъ, правотѣрнымъ, и повинующимся—невѣрующимъ, работающимъ для своего господина. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ форма могла измѣняться, но содержаніе, духъ государственнаго строя и повинѣ не измѣнились во всѣхъ истинно мухаммеданскихъ странахъ. Конечно этому много поспособствовало устройство войска, которое даже и по внѣшней формѣ очень долго не подвергалось никакимъ измѣненіямъ. Вездѣ, гдѣ только существуютъ мусульманскіе войны, невѣрные не имѣютъ права носить оружіе; очень естественно поэтому, что мужественная гордость—принадлежность однихъ, а рабство—другихъ,—укоренялись въ теченіе цѣлыхъ поколѣній все прочнѣе и пропасть между обоими наслоеніями населенія становилась все шире. Наколець, когда подъ этимъ все возрастающимъ давленіемъ подобныхъ отношеній большинство покоренныхъ обращаются въ исламъ, силы арабской расы изсякаютъ, а появляющіеся на историческомъ горизонтѣ новые мощно-юношескіе народы набрасываютъ и на побѣдителей и на побѣжденныхъ общее ярмо. И въ свою очередь начинаютъ они постепенно примѣнять положенія Омаровы къ другимъ націямъ—будь это въ Индіи, въ Малой Азіи или же на полуостровѣ Балканскомъ.

Но до наступленія окончательнаго упадка, еще долгое время

предстояло арабамъ совершать необычайные успѣхи и покрыть свое имя неуязвимымъ блескомъ. Конечно, если взвѣсить послѣдствія и вліяніе религіознаго и политическаго владычества арабовъ, сообразуясь съ полученными нынѣ результатами, можно, пожалуй, прійти къ выводу, что возникновеніе ислама было несчастьемъ для человѣчества. Тѣмъ не менѣе, при начертаніи системы, Омаръ руководился въ сущности чисто гуманными взглядами. Охотно отмѣчаемъ снова, что безцѣльная жестокость была чужда характеру араба; равнымъ образомъ никогда не приходило ему въ голову навязывать свою религію тѣмъ, кои по предопредѣленію Божію настолько слѣпы, что не въ состояніи познать всей возвышенности ея цѣлей. Но эта презрительная терпимость къ инновѣрцамъ, будь она въ десять разъ сноснѣе, чѣмъ страсть къ насильственному обращенію ревнителей Христовой вѣры, приводитъ къ заключенію, что существованіе покровительствуемыхъ данниковъ было обезпечено не чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ воспользоваться плодами ихъ трудолюбія. Продолжая приведенное сравненіе, арабы не были конечно настолько глупы, чтобы сразу зарѣзать курицу, несущую имъ золотыя яйца; но они не были также въ состояніи уравновѣсить свои притязанія сообразно съ экономическимъ положеніемъ покоренныхъ земель. Настолько однако прозорливости хватало и у нихъ, чтобы не замѣтить вскорѣ, что производство, зависящее прямо отъ извѣстныхъ методовъ культуры, какими велось сельское хозяйство въ Иракѣ и Египтѣ, не могло выносить ни произвольнаго вмѣшательства, ни полнѣйшаго запущенія. Не прошло и 50 лѣтъ послѣ покоренія, какъ побѣдители предприняли мѣры къ восстановленію полуразрушенныхъ, по необходимости въ военное время, а позже—по нерадѣвію, водныхъ сооруженій. Одного они не могли себѣ уяснить: ошибочности всей системы податной операціи. Дѣло не столько въ абсолютной высотѣ нормы податей, сколько въ ошибочности самаго правила, по которому вообще не обращалось никакого вниманія на дѣйствительный доходъ; разъ на всегда неизмѣнно расцѣнены были платы—поголовная и по пространству. Подобная система мало-по-малу высасывала всѣ соки изъ самыхъ богатыхъ провинцій, по преимуществу въ тѣхъ странахъ, гдѣ постоянныя войны и безъ того разоряли населеніе, подвергая его значительнымъ потерямъ. А между тѣмъ всѣ жители каждаго округа обязаны были по закону круговой отвѣтственностью по взимаемой съ нихъ подати. Разореніе каждаго отдѣльнаго лица падало такимъ образомъ одновременно и на его сосѣдей; поэтому естественно, что съ самаго равнаго періода стало замѣчаться постоянное уменьшеніе податныхъ доходовъ. Но при этомъ потребности двора и чиновниковъ нисколько не уменьшались, такъ что даже постепенное развитіе торговли въ широкихъ размѣрахъ при Аббасидахъ не могло уравновѣсить чрезвы-

чайно быстро возрастающаго обѣдненія поселянъ. Приходилось, понятно, всякому ждать со страхомъ конца, тѣмъ болѣе, что въ позднѣйшее время владычества Аббасидовъ уже предвидѣлось распаденіе государства по другимъ многообразнымъ причинамъ. И все-таки нельзя утверждать абсолютно, что мысль Омара—прокормить мусульманъ при помощи невѣрующихъ—была главною причиною окончательнаго опустѣнія всей передней Азіи. Послѣдній ударъ нанесенъ былъ нашествіемъ монголовъ. Египеть, котораго они не коснулись, могъ при болѣе благоразумномъ хозяйствѣ и нынѣ обрѣтаться въ блестящемъ положеніи. Но что арабы съ ихъ хищническими замашками, положенными въ основу податной системы, во всякомъ случаѣ, споспѣшествовали этому упадку и въ то же время вырыли могилу и собственному своему владычеству—это несомнѣнно.

Однако арабы сдѣлали нѣчто большее, чѣмъ просто прожить столѣтія два на счетъ своего ближняго. Уже не разъ, въ теченіе нашего повѣствованія, мы указывали, въ какомъ страшномъ состояніи упадка находились восточныя провинціи греческой имперіи и государство Сасанидовъ, передъ завоеваніемъ ихъ мусульманами. Тамъ и здѣсь царило вышколенное, но одряхлѣвшее, никогда не заботившееся о потребностяхъ народа, чпновничество; перковныя порядки были просто невыносимы; самая цивилизація, доведенная до высшей степени утонченности, не была оживляема никакими высшими духовными стремленіями. Словно зигзагами молній пронесся надъ этими странами арабскій народъ, пышавшій юностью и мощью. Не слѣдуетъ забывать, что эта эгоистическая и варварская, но умная и склонная къ развитію раса, со всеми ея недостатками и преимуществами, была носителемъ новой религіи. При всѣй національной ограниченности основныхъ понятій богопочтанія, вѣроученіе это положило предѣлъ неприличному двубожію среди христіанскихъ монофизитовъ, а персовъ освободило отъ всей невыносимой тяжести гнета іерархіи государственной церкви. Вотъ что вдохнуло новую жизнь въ одряхлѣвшія страны. Даже негодованіе, возбужденное по религіознымъ и національнымъ побужденіямъ, въ виду насильственнаго вторженія, послужило къ спасительному пробужденію; здоровая кровь естественно развивавшагося народа дѣйствовала освѣжающимъ образомъ на погруженные въ дремоту остатки персовъ, арамейцовъ и коптовъ. Полигамія, въ соединеніи съ постоянными военными походами въ разнообразнѣйшія страны, ускорила приростъ арабовъ въ покоренныхъ странахъ въ неслыханныхъ доселѣ размѣрахъ, а правило степеней, что законность происхожденія зависитъ не отъ матери, а отъ отца, способствовало вездѣ къ возникновенію смѣшанныхъ расъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр., въ западной Персіи, а впоследствии въ Испаніи, это скрещиваніе дало счастливые результаты, и арабскій

основной элементъ черезъ примѣсъ чуждой крови скорѣе развивался, чѣмъ вырождался. Конечно и арабъ никогда не былъ въ состояніи отрѣшиться отъ своей природы; исконная семитическая уость религиозныхъ и политическихъ взглядовъ налагала не разъ свою тяжкую руку на народы среднихъ вѣковъ. И нынѣ исламъ, если не брать въ расчетъ необразованные народы, для которыхъ онъ болѣе или менѣе еще пригоденъ, составляетъ непреоборимую препону для всякаго прогресса, всякаго возрожденія. Было бы однако великимъ заблужденіемъ считать самый фактъ существованія Мухаммеда гибельнымъ для дальнѣйшей судьбы Востока. Еще до появления арабовъ, персы заняты были самоистребленіемъ, а восточное христіанство уже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій выказывало свою полную неспособность цивилизовать эти страны. Если даже смотрѣть на исторію просто, какъ на борьбу за существованіе, въ которой правъ всегда сильнѣйшій, и въ такомъ случаѣ нельзя не признать, что для народностей Малой Азіи становилось истиннымъ благословеніемъ, когда арабы положили основаніе для новой, единственной существовавшей въ средніе вѣка цивилизаціи. Дѣйствовали они столь же благотворно какъ и германцы, разбившіе въ дребезги древнюю римскую имперію. Въ обоихъ случаяхъ, конечно, новые люди поступали довольно жестоко. Въ то же время какъ германизация Запада, нельзя же этого скрыть, привела покоренные народы къ зимней, положимъ, очень здоровой, спячкѣ, изворотливые, подвижные и хитрые семиты способствовали цвѣтущему, хотя и быстро промелькнувшему, весеннему расцвѣту, доставившему тѣмъ не менѣе всему человѣчеству довольно прочные плоды. Чѣмъ обвинять исламъ за быстроту его увяданія, слѣдуетъ скорѣе быть ему признательнымъ за то, что послужилъ могучимъ посредникомъ для передачи греческихъ знаній и восточнаго образованія въ эпоху, когда отношенія между королевствомъ нѣмецкимъ и халифатомъ кордовскимъ были приблизительно такія, какія существуютъ нынѣ между Россіей и Франціей.

Въ 23 году (644) Омаръ не успѣлъ еще переступить границъ зрѣлаго возраста*); сильный по натурѣ, онъ переносилъ напряженія и заботы бурной жизни гораздо легче своихъ предшественниковъ, Мухаммеда и Абу Бекра. И вдругъ, въ самый разгаръ великаго дѣла распространенія и укрѣпленія ислама, насильственная смерть неожиданно сразила поведителя. Только что вернулся онъ изъ паломничества въ Мекку, которымъ ежегодно руко-

*) По различнымъ свѣдѣніямъ возрастъ его опредѣляютъ между 54 и 66 годами. Такъ какъ онъ примкнулъ къ пророку, будучи еще довольно молодъ, во всякомъ случаѣ ему не могло быть болѣе 60 лѣтъ.

водилъ. Въ столицу прибыли *) по обыкновенію, для личныхъ переговоровъ съ халифомъ, нѣкоторые изъ намѣстниковъ. Между ними находился и Аль-Мугира Ибнъ Шу'ба, недавно поставленный намѣстникомъ въ Куфѣ; это былъ энергическій администраторъ, но безсовѣстный и алчный человекъ. Разъ, когда халифъ проходилъ черезъ площадь, приблизился къ нему христіанскій персъ, по имени Фпрузъ, военнопленный рабъ, прибывшій въ Медину въ свитѣ намѣстника. Сталъ онъ такъ жаловаться на своего господина: «О повелитель правовѣрныхъ, защити меня отъ Мугпры Ибнъ Шу'ба, который вимаетъ съ меня тяжкую подать».—Повелитель спросилъ: «а сколько обязанъ ты выплачивать?»—Рабъ отвѣтилъ: «два дирхема ежедневно. — Чѣмъ же ты ихъ зарабатываешь? — Я плотникъ, каменщикъ и кузнецъ».—Халифъ проронилъ: «оброкъ не великъ по сравненію съ тѣмъ, что ты знаешь. Я что-то слышалъ, ты хвастался, говорятъ, что можешь и мельницу построить, мелющую при помощи вѣтра **).—Да, могу», отвѣчалъ рабъ.—Халифъ заговорилъ полусути: «такъ сдѣлай мнѣ такую мельницу.—Если мнѣ доведется остаться въ живыхъ, я тебѣ сострою такую мельницу, о которой станутъ всѣ люди говорить на востокъ и западѣ.—Затѣмъ онъ повернулъ круто и исчезъ. Обратясь къ сопровождавшимъ его, халифъ промолвилъ спокойно: «рабъ, кажется, вздумалъ мнѣ грозить» — и направился домой. На слѣдующее утро, когда халифъ стоялъ въ мечети на молитвѣ, Фпрузъ бросился впередъ, яростно расталкивая толпы правовѣрныхъ. Шесть разъ сверкнулъ въ воздухъ кинжалъ о двухъ лезвіяхъ съ рукояткой посрединѣ. Одна изъ ранъ, нанесенная въ нижнюю часть живота, оказалась безусловно смертельной. Махая неистово кинжаломъ направо и налево, рабъ проложилъ себѣ дорогу чрезъ пришедшую въ ужасъ толпу и исчезъ. Одинъ изъ сыновей Омара, Убейдулла, наткнулся на убійцу нѣсколько дней спустя; онъ умертвилъ его, какъ рассказываютъ, вмѣстѣ съ женой и дочерью, находившимися тутъ же при немъ. Та же участь постигла и Хурмузана, по-

*) Рабъ Мугпры прибылъ вмѣстѣ со своимъ господиномъ въ столицу. Между ними установились оригинальныя отношенія: Мугпра позволялъ рабу своему брать работу съ тѣмъ, чтобы онъ вносилъ известную сумму изъ получаемого заработка. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что господа имѣли полное право распоряжаться своими рабами какъ хотятъ, но обязаны были только обходиться съ ними не жестоко. Въ данномъ случаѣ дѣло шло не о поголовной подати, а о частномъ правовомъ вопросѣ.

***) При всѣхъ громадныхъ успѣхахъ вѣдшихъ, Медина оставалась попрежнему маленькимъ городкомъ, такъ что прибытіе искуснаго перса могло легко дать пищу разнаго рода толкамъ о вѣтряныхъ мельницахъ, про существованіе которыхъ арабы и не слыхивали. Даже нынѣ, верхній подвижной жерновъ поворачивается у нихъ рукою.

дозрѣваемаго, вѣроятно неосновательно, что зналъ раньше о покушеніи.

Межъ тѣмъ, распростертый на смертномъ одрѣ, Омаръ выносилъ самоотверженно, почти спокойно всѣ мученія. Онъ зналъ, что смерть неизбежна и возрадовался, когда услышалъ, что клинокъ, поразившій его, былъ направленъ рукой невѣрнаго. Единственной заботой для него было положеніе, въ которомъ очутится исламъ по его кончинѣ. Все зависѣло отъ выбора новаго халифа, его способностей руководить государственными дѣлами; трудности управленія все росли и расширялись. Омаръ хорошо понималъ тѣ опасности, которыя грозили въ будущемъ общинѣ. Его энергическія отношенія къ своимъ намѣстникамъ постоянно это подтверждали. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что одно только неуклонное слѣдованіе преданіямъ, завѣщаннымъ Мухаммедомъ и Абу Бекромъ, можетъ устранить всѣ эти опасности. Вотъ почему рѣшился умирающей предоставить это высшее достоинство Абдуррахману *) Ибнъ Ауфу, одному изъ старѣйшихъ сподвижниковъ пророка, у котораго находилъ онъ высшее, по его мнѣнію, достоинство—самоотреченіе. Въ войнахъ же, веденныхъ при пророкѣ, Абдуррахманъ выказывалъ постоянно необычайное мужество; объ остальныхъ его способностяхъ ничего болѣе неизвѣстно. Былъ онъ къ тому же безкорыстнымъ въ высокой степени человѣкомъ, что и проявилъ немедленно. Устрашенный предложенной ему отвѣтственностью, онъ отклонилъ рѣшительно управленіе халифатомъ. Назначить же на его мѣсто другого Омаръ не рѣшался **). Онъ собралъ вокругъ своего одра, кромѣ Абдуррахмана и другихъ четырехъ найдовѣреннѣйшихъ сподвижниковъ Мухаммеда: Алія, Османа, Зубейра и Сâ'да Ибнъ Абу Ваккаса и предложилъ имъ выбрать властелина въ теченіе трехъ дней. Въ это время Тальха находился въ отсутствіи; предполагалось, если онъ успѣетъ вернуться, и его присоединить къ сонму избирателей. Затѣмъ халифъ отдалъ послѣднія распоряженія касательно семейныхъ своихъ дѣлъ, взялъ слово съ Айши, что она похоронитъ его въ своемъ домѣ рядомъ съ пророкомъ и Абу Бекромъ, и мирно скончался, ввѣряя свой духъ милосердію Господа 26 Зуль-хиджжы 23 (3 ноября 644).

Изъ трехъ основателей ислама — вдохновеннаго религіей Мухам-

*) Имя это значитъ «рабъ Всемилостиваго», точно такъ, какъ Абдулла—«рабъ Божій», а Убейдулла—«снижайшій рабъ Божій».

**) А почему,—неизвѣстно. Надо полагать, что обоихъ, имѣвшихъ ближайшее право—Алія и Османа,—онъ считалъ неспособными. Между тѣмъ ему казалось несправедливостью, а если принять во вниманіе сложившееся мнѣніе у правовѣрныхъ—то и опаснымъ обойти первенцевъ двухъ самыхъ почитаемыхъ семей; тѣмъ болѣе было это неудобно послѣ неудачной попытки назначить Абдуррахмана, безразличнаго для обѣихъ сторонъ.

меда, дѣтски вѣрующаго Абу Бекра и энергическаго Омара—послѣдній, разсуждая по человѣчески, былъ самымъ могучимъ изъ всѣхъ и наиболѣе выдающимся. Съ перваго же момента присоединенія къ маленькой группѣ правовѣрныхъ, онъ сразу позаботился придать настоящій внѣшній вѣсъ исламу, выступивъ безстрашно въ виду цѣлаго народа съ открытымъ исповѣданіемъ вѣры и вызвалъ даже у противниковъ уваженіе. Такимъ оставался и до самаго конца—человѣкомъ дѣла, воплотившимъ за предѣлами Аравіи мысли и поученія Мухаммеда. Было бы конечно несправедливо отнимать отъ пророка его великой заслуги—живого проникновенія религіозной идеей и счастливаго примѣненія ея къ потребностямъ народа; но въ той же мѣрѣ нельзя также оспаривать, что безъ Омара исламъ продержался бы успѣшно только въ Аравіи, и то, быть можетъ, не особенно долго, но никогда не сталъ бы религіей полуміра и не послужилъ бы основой могущественнаго государственнаго устройства. Было уже неоднократно указываемо и раньше, что въ качествѣ государственнаго организатора Омаръ мало внесъ творческихъ идей и черпалъ большею частью матеріалъ свой изъ развитія основныхъ положеній системы Мухаммеда. Но гениальная манера, съ которой онъ принялся за окончательную отстройку государственнаго зданія, выказала не только могущество необыкновенно сильной воли, но и вѣрный инстинктъ, предъ которымъ раскрываются всѣ потребности времени, ускользающія часто отъ изслѣдователя съ обширнымъ образованіемъ и способнаго къ методическому размышленію. Этотъ инстинктъ собственно и составляетъ неотъемлемую принадлежность истинно государственнаго человѣка. Ко всему этому обладалъ покойный халифъ и другими рѣдкими качествами, необходимыми каждому властителю: строгой и велицепріятной справедливостью, прозорливостью въ дѣлахъ и необыкновенно счастливымъ умѣніемъ выбирать себѣ помощниковъ *), а наконецъ весьма цѣнною способностью самоотреченія тамъ, гдѣ нужно было подчинить личное воззрѣніе всеобщему благу. Наружному блеску и утѣхамъ жизни придавалъ онъ не болѣе цѣны, какъ и Абу Бекръ. Его торжественные выходы и обращеніе съ правовѣрными неизмѣнно отличались, какъ и при его предшественникахъ, необычайной па-

*) Конечно, встрѣчались между его офицерами и намѣстниками иногда весьма сомнительныя личности, хотя бы только что упомянутый Мугира. Но въ тяжелое военное время приходилось поневолѣ обращать вниманіе не на нравственность, а на годность. Даже Абу Бекръ, выказавшій въ своемъ стремленіи къ справедливости еще болѣе гуманный характеръ, считалъ однако невозможнымъ обойтись безъ Халида, несмотря на всю его дикую жестокость. Насколько мы можемъ судить, лишь однажды, въ 21 году, поступилъ Омаръ несправедливо, оставивъ Сад'а.

триархальностью. Это был прирощенный властелинъ. Энергія, необходимая принадлежность подобныхъ натуръ, доходила у него до крайнихъ предѣловъ беспощадности, проявлялась иногда даже нѣкоторая склонность къ жестокости. Всего болѣе, конечно, ощущали ее данники; самая исторія его умерщвленія можетъ служить наисоюзательнѣйшимъ примѣромъ холоднаго презрѣнія, съ которымъ привыкъ онъ глядѣть на всѣ интересы этихъ невѣрныхъ; но не слѣдуетъ забывать, что это было возрѣніе пѣлаго народа, можно сказать, цѣлой эпохи; даже на Западѣ встрѣчаются многочисленные примѣры иногда еще съ болѣею жестокостью проводимаго грубаго обращенія съ народомъ. Во всякомъ случаѣ, если онъ нисколько не дорожилъ жизнью и благосостояніемъ правобѣрныхъ, когда дѣло шло о достиженіи извѣстной цѣли, зато никогда не доходило у него до проявленій полной безчувственности, а тѣмъ паче радости при видѣ пролитой крови. Наоборотъ, въ преданіяхъ сохранилось множество рассказовъ, описывающихъ по преимуществу простоту образа его жизни; они затрогиваютъ также многія симпатичныя черты этого мощнаго властелина, умѣвшаго, когда нужно, быть трогательно гуманнымъ.

Одна исторія получила особенно широкую извѣстность. Разъ, сопровождаемый вольноотпущенникомъ Асламомъ, вышелъ Омаръ вечеромъ, когда стемнѣло, на прогулку. Въ уединенномъ мѣстѣ за городомъ наткнулись они на пылавшій яркимъ пламенемъ костеръ. Подойдя ближе, халифъ увидѣлъ у огня женщину, окруженную плачущими маленькими дѣтьми. Сидя на корточкахъ, наблюдала она за подвѣшеннымъ надъ огнемъ котелкомъ. — «Миръ вамъ, сидящимъ у огня», произнесъ халифъ. — «Благодарствуй, да будетъ миръ и съ тобой», отвѣтила женщина. — «Могу я подойти? — Сядишь, если не помышляешь обидѣть, а не то оставь насъ въ покоѣ». — Халифъ, присѣлъ и спросилъ: «что вы тутъ подѣлываете? — Насъ задерживаютъ здѣсь ночь и холодъ. — Отчего дѣтки твои плачутъ? — Извѣстно, голодаютъ. — А что у тебя въ котелкѣ? — Ничего у меня нѣтъ, чѣмъ бы ихъ успокоить. Вотъ и держу ихъ возлѣ себя, они все думаютъ, что я что-то варю, устанутъ наконецъ и заснутъ. Между мной и Омаромъ пусть судить Богъ». — Слыша это, халифъ промолвилъ: «какъ же, добрая женщина, можетъ знать Омаръ про васъ?» — «Да вѣдь усласть же онъ моего мужа на войну, тамъ бѣдняга и погибъ, а теперь и мнѣ съ моими малютками нечего ѣсть. Самъ посуди: оберегать насъ ввѣрено ему, а онъ и не думаетъ». Тогда обернулся Омаръ ко мнѣ, такъ рассказывалъ позднѣе Асламъ. «Идемъ!» — промолвилъ повелитель. Торопливымъ шагомъ вернулись мы въ городъ; Омаръ пошелъ прямо къ амбару, самолично выбралъ мѣшокъ муки, захватилъ тоже большой кусокъ жиру, и сказалъ мнѣ: «взвали-ка мнѣ на плечи». — Я ему

въ отвѣтъ: «дозволь мнѣ, за тебя я готовъ снести хоть вдвое, или втрое». Онъ же отвѣтилъ «глушій, что же ты и въ день воскресенія мертвыхъ думаешь нести мою тяготу» *).—Тогда я взвалилъ ему мѣшокъ на плечи. Мы снова скоро зашагали, торопясь назадъ къ покинутой нами женщинѣ. Подошли наконецъ. Сбросилъ онъ съ себя ношу, сталъ вынимать сначала муку, потомъ жиръ, а самъ приговариваетъ: «не безпокойся, я вѣдь понимаю, это моя обязанность, сдѣлаю все по порядку». Сталъ усердно раздувать огонь подъ котелкомъ, дымъ такъ и валитъ, застилаетъ длинную его бороду, а онъ все попрежнему суетится у очага. Снялъ онъ наконецъ котелокъ съ огня, проситъ женщину поддержать чашку и выливаетъ въ нее похлебку, а самъ говоритъ: «накорми сперва ихъ. Я потомъ еще прибавлю». И такъ не отсталъ, пока не насытилъ всѣхъ. Что осталось провіанту, вручилъ матери затѣмъ всталъ, и я послѣдовалъ его примѣру. Женщина разсыпается въ благодарностяхъ, причитываетъ, призываетъ на него благословеніе божіе, восхваляетъ его за то, что онъ не такъ поступаетъ, какъ повелитель правовѣрныхъ. А онъ кротко ей замѣчаетъ: «не сули ему ничего дурного; когда ты придешь къ повелителю правовѣрныхъ, и меня тамъ найдешь». Затѣмъ сталъ въ сторонку и долго любовался, ни слова не говоря. Дѣтки немного времени посмѣялись, порѣзвились, улеглись и спокойно заснули. Все онъ терпѣливо выждалъ, и тогда только двинулся въ обратный путь, вознося благодареніе Создателю. А потомъ обратился ко мнѣ: «Асламъ, вѣдь голодъ не давалъ имъ заснуть, выжималъ изъ глазъ у нихъ слезы. Какъ могъ я уйти, пока не утѣшусь лицезрѣніемъ ихъ покоя».

Положимъ, благодарный народъ въ своихъ воспоминаніяхъ всегда старается разукрашивать образъ своего героя, но все же нельзя никакъ образомъ отрицать, что въ качествѣ руководителя мусульманской общины Омаръ исполнялъ свой долгъ въ совершенствѣ. Налагалась тяжелая обязанность на его преемника, если только желалъ тотъ стать достойнымъ усоншаго; велика была отвѣтственность тѣхъ пяти мужей **), дабы заслужить неоспоримую признательность народа, выраженную почетомъ къ выбранному ими властелину, достойному, по ихъ личному разумѣнію, быть преемникомъ усоншаго халифа. На дѣлѣ же оказывалось, что, за исключеніемъ Абдуррахмана, каждый изъ избирателей стремился самъ стать халифомъ. Первые два дня прошли въ безплодныхъ переговорахъ и препирательствахъ. Наступилъ третій день. Надо

*) „Не возмощетъ единая (грѣхамъ) отягченная (душа) снести тяготу другой“, такъ говорится въ коранѣ: сура 6, ст. 164. Это значить, что въ день страшнаго суда каждый отвѣчаетъ за свои дѣла.

***) Тальха вернулся въ Медину дѣйствительно уже послѣ совершившагося выбора.

было кончить. Поэтому Абдуррахманъ предложилъ, въ качествѣ безпристрастнаго лица, чтобы предоставлено было ему окончательное рѣшеніе, а переговоры съ каждымъ бралъ на себя. Всѣ четверо согласились: поняли, что инымъ путемъ имъ ничего не добиться. Сталъ Абдуррахманъ бесѣдовать съ каждымъ по одиночкѣ. Оба зятя пророка, Алій и Османъ, благодаря своему родству имѣвшіе преимущества, пожелали подать голосъ другъ за друга, въ случаѣ личнаго неуспѣха. Такимъ образомъ значительно суживался заблаговременно кругъ избирателей. Изъ остальныхъ Зубейръ пожелалъ безусловно Алія, а Садъ оставался въ нерѣшимости, все же предпочитая скорѣе Алія, чѣмъ Османа. Казалось дѣло послѣдняго окончательно становилось потеряннымъ. Но набожная добросовѣстность Абдуррахмана понуждала его поступить сколь возможно осторожниѣ. Онъ предложилъ каждому изъ двухъ, наединѣ, торжественный вопросъ: станетъ ли онъ поступать, въ случаѣ выбора, со всѣми мусульманами согласно божіей книгѣ, поведенію пророка и образцамъ жизни Абу Бекра и Омара. Османъ обѣщаль прямо безъ обиняковъ, а Алій сказалъ: «я готовъ исполнить все, согласуясь съ книгой божьей и по примѣру пророка, насколько буду въ силахъ. А когда Абдуррахманъ снова сталъ настаивать — обзаться дѣйствовать по образцу Абу Бекра и Омара, вопрошенный промолвилъ: «Рядомъ съ книгой божьей и образомъ дѣйствій пророка нѣтъ надобности ни въ чьихъ другихъ принципахъ *). Я вижу, ты хочешь меня отстранить». Тогда Абдуррахманъ отвелъ Османа въ сторонку и снова потребовалъ отъ него повторенія требуемаго обязательства. Затѣмъ онъ присягнувъ по заведенному обычаю легкимъ ударомъ руки. На слѣдующій день объявлено было общинѣ о выборѣ. Самъ Алій призналъ новаго властелина, такъ какъ обѣщаль предварительно, вмѣстѣ съ прочими, покориться рѣшенію Абдуррахмана.

Изъ хода разсказа легко подмѣтить, что изъ всѣхъ недостатковъ новаго халифа его добродушная слабость грозила ему въ будущемъ неисчислимыми бѣдствіями: и именно она служила основной чертой характера Османа. Становится почти непонятнымъ, какъ мало обладалъ Абдуррахманъ умѣньемъ распознавать людей, если могъ считать Османа за человѣка разсудительнаго. Въ теченіе 30 лѣтъ зять пророка пребывалъ въ непосредственномъ единеніи, вначалѣ съ Мухаммедомъ, а потомъ съ его преемниками, и нпразу не представилось ему случая чѣмъ-либо выказаться, за исключеніемъ внѣшней благообразности. Но Абдуррахманъ былъ въ истинномъ мусульманскомъ значеніи

*) Возможно, что это послѣднее изреченіе, по крайней мѣрѣ, есть добавленіе къ предыдущему, придуманное позднѣйшими приверженцами Алія. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что отказъ Алія слѣдовать безусловно примѣру его предшественниковъ помѣшалъ его выбору.

набоженъ по вѣрѣ, въ немъ жило убѣжденіе, что всего важнѣе слѣдовать неуклонно по стезѣ, по которой Аллахъ видимо благословляетъ процвѣтаніе мусульманства. Одного этого въ глазахъ его было достаточно, дабы заслужить благоволеніе божіе и быть увѣреннымъ въ дальнѣйшихъ успѣхахъ ислама; съ другой стороны, мнилось ему, слѣдуетъ опасаться наихудшаго отъ гнѣва небеснаго, такъ что было слишкомъ достаточно основаній предпочесть Османа предъ всѣми прочими: въ этомъ главномъ пунктѣ онъ вѣдь далъ такія торжественныя обязательства. Недостаточность же собственныхъ его умственныхъ силъ возмѣститъ, думалось ему, помощь свыше. Подобные принципы довольно часто проповѣдывалъ и Мухаммедъ въ кругу своихъ приближенныхъ, хотя онъ самъ и его преемники избѣгали всякаго рѣшительнаго посторонняго вмѣшательства въ политическія дѣла. На этомъ поприщѣ, они понимали, серьезно проводить сказанное въ откровеніяхъ не было никакой возможности, ибо какая же здравая политика можетъ руководствоваться основами теологическихъ ученій. Поэтому вовсе не отклоненія отъ образа дѣйствій Абу Бекра и Омара,—хотя, несомнѣнно, Османа увлекали и по этому пути, но полная неспособность направлять къ общей цѣли взаимно противорѣчивыя теченія и личности, сталкивающіяся во внутренней жизни ислама, вотъ въ чемъ была его главная вина. Это и послужило къ его гибели и дурному повороту всѣхъ государственныхъ отношеній къ концу его управленія.

Въ первые годы владычества Османа, продолжавшагося отъ I Мухарремъ 24 (7 ноября 644) до 18 Зуль-Хиджжа 35 (17 іюня 656) вообще не замѣчалось скорого наступленія быстрого, насильственнаго внутренняго переворота. А внѣшнія дѣла какъ разъ въ это самое время ознаменовались, наоборотъ, быстрыми блестящими побѣдами въ восточной Персіи и сѣверной Африкѣ. Но тихо, непримѣтно все рѣзче и рѣзче выступали повсюду возникавшія постепенно разногласія. Особенно значительно усиливалась взаимная старинная рознь между партіями истинно набожныхъ правовѣрныхъ и людьми мірскаго направленія мыслей. Началась она, правда, съ того самаго дня, когда Мухаммедъ вздумалъ «привлечь сердца» своихъ побѣжденныхъ мекканскихъ непріятелей, нанося одновременно ущербъ своимъ вѣрнымъ при раздачѣ добычи. Абу Бекръ и Омаръ благодаря строгому нелицепріятію успѣшно сдерживали рознь. Мудро распредѣляли они какъ набожнымъ, такъ и мірянамъ, по возможности равномерно, должности военачальниковъ и годовые оклады, неослабно провѣряя исполненіе этихъ должностей. Поощады не было никому. Ни Амръ, ни Са'дъ не могли быть увѣрены, что не получатъ строгаго выговора отъ Омара, а то и удалены немедленно съ занимаемаго ими поста. Чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ халифа, приходилось работать усиленно,

е было ни времени, ни охоты затѣвать ссору, либо обижать ближняго. Наконецъ, это было почти невозможно. Лишь только доходило до слуха халифа, что какого-нибудь намѣстника обвиняють въ присвоеніи, справедливо или несправедливо — безразлично, Омаръ не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не было возвращено пострадавшимъ все до послѣдняго дирхема. Онъ не допускалъ, чтобы какойнибудь Халидъ или Амръ могли дѣлать незаконныя пріобрѣтенія. Тѣмъ не менѣе непріязнь и рознь не прекращались, а что это ощущалось, отчасти указываетъ одно замѣчательное признаніе, сорвавшееся съ устъ Халида. Когда онъ былъ смѣщенъ съ поста главнокомандующаго въ Сиріи и невольно выразилъ свое неудовольствіе, одинъ изъ присутствующихъ воскликнулъ: «что ты говоришь, вѣдь это пахнетъ возмущеніемъ.—Нѣтъ, отвѣчалъ Халидъ, этого не будетъ при жизни сына Хаттабы. Со временемъ же, дѣйствительно, одни станутъ по одну сторону, другіе по другую».—Халидъ умеръ прежде Омара, теперь наступалъ предвидѣнный имъ моментъ. Благодаря великимъ завоеваніямъ, произошли одновременно значительныя перемѣны въ образѣ жизни всей Аравіи. Онѣ-то и привели къ возраставшимъ взаимно неудовольствіямъ обѣихъ партій. Какъ бы идеально честно ни распредѣлялись прежде сборъ податей и раздѣлъ годовыхъ окладовъ, но теперь, со времени завоеванія Ирака, каждому мусульманину приходилось получать въ годъ такую сумму, какой въ давнишнія времена не привыкъ обладать даже зажиточнѣйшій изъ жителей Мекки. Съ другой стороны, сыны пустыни быстро переняли у покореннаго населенія, обитавшаго въ средоточіи самой изысканной цивилизаціи, множество излишествъ, которыя для большинства, понятно, стали вскорѣ насущною потребностью. Съ сожалѣніемъ и неохотно, въ послѣдніе уже годы управленія Омара, замѣчали люди искренно набожныя, съ аскетическими наклонностями, что особенно въ городахъ начала распространяться роскошь и пышность. Прививаясь все глубже, стала она вскорѣ, къ величайшей ихъ досадѣ, достояніемъ всѣхъ. Особенно отличалась своею роскошью Мекка, главный разсадникъ великихъ намѣстниковъ, гдѣ по большей части проживали постоянно ихъ родственники. Богатства росли, а съ ними и распущенность нравовъ, позаимствованная изъ Персіи. Въ этой именно мѣстности почва давно уже была подготовлена, благодаря мірскимъ наклонностямъ всего населенія. Стыдъ и негодованіе овладѣвали душами набожныхъ, совершавшими паломничества, при видѣ того, какъ тутъ же, рядомъ со святыми воспоминаніями о дѣяніяхъ и страданіяхъ пророка, легкомысленность и порокъ съ каждымъ годомъ все наглѣе свивали себѣ гнѣздо. Даже строгость Омара не могла надолго сдержать этого естественнаго развитія; не помогли конечно благоразумныя распоря-

женія Османа и личный примѣръ его собственной простой и воздержной жизни, веденной имъ неуклонно въ подражаніе обоимъ своимъ предшественникамъ.

Къ партиямъ набожныхъ и мірскаго направленія пристроилась вскорѣ и третья. Самостоятельно выступила она нѣсколько позже, но и первыя проявленія ея способствовали дальнѣйшей запутанности отношеній въ самой гибельной формѣ. Оба постоянные лагеря иракско-персидской провинціи, Басра и Куфа, съ перваго же момента ихъ основанія, оказались мѣстностями съ безпокойнымъ, своенравнымъ и мятежнымъ населеніемъ. Ядромъ жителей перваго лагеря были старинныя бедуины Халида, соплеменники Мусанны изъ отдѣла Бекръ ~~В~~аиль, а также темимиты и нѣкоторые другіе, и наконецъ союзники изъ мединцевъ. Въ Куфѣ, главной квартирѣ Садъ, поселились большею частью вспомогательныя войска изъ южной Аравіи, пришедшія послѣ боя «у Моста», земляки Амръ Ибнъ Ма'дикариба и Ап'аса Ибнъ Кайса. Многіе изъ нихъ были люди неукротимые. Уже при Кадесіи, когда Садъ по болѣзни не могъ лично участвовать въ боѣ и рѣшился руководить сраженіемъ издали, сложено было не мало сатирическихъ пѣсенекъ насчетъ полководца, а послѣ постройки Куфы они не переставали попрекать его то тѣмъ, то другимъ. Одни жаловались на несправедливости при раздѣлѣ добычи, другіе смѣялись надъ его судейскими приговорами, третьи, наконецъ, смѣло порицали за то, что молится не такъ какъ слѣдуетъ—совсѣмъ невѣроятное нареканіе на одного изъ старѣйшихъ товарищей пророка, вмѣстѣ съ нимъ съ самаго начала ислама присутствовавшаго на молитвѣ. Точившій постоянно зубы на своихъ намѣстниковъ, Омаръ позволилъ себя уговорить и смѣстилъ его въ 21 г. (642); какъ разъ въ это время войскамъ мусульманъ предстояло быстро двинуться впередъ по различнымъ направленіямъ, и халифу не казался особенно важнымъ постъ распорядителя въ Куфѣ. Съ другой стороны, въ этой главной квартирѣ оставались еще резервныя войска, въ которыхъ ежеминутно могла оказаться надобность: вѣроятно повелитель побоялся возбуждать въ нихъ серьезное неудовольствіе. Во всякомъ случаѣ онъ совершилъ положительную ошибку, уступая нѣсколькимъ безпокойнымъ головамъ и думая, что можно ихъ чѣмъ-либо удовлетворить. Посланный замѣстителемъ Аммаръ Ибнъ Ясиръ былъ челоуѣкъ набожный и разумный, но не обладалъ къ сожалѣнію большой энергіей. Не прошло и года, какъ жители Куфы стали снова жаловаться на намѣстника, говоря, что онъ слишкомъ слабъ и ничего не понимаетъ въ управленіи. Вздохнулъ Омаръ: что стану дѣлать съ этими людьми Куфы; поплешь имъ челоуѣка энергичнаго, кричатъ—негодяй! а мягкосердаго въ грошъ не ставить. Онъ спросилъ ихъ самихъ, кого-жъ они желаютъ. По ихъ

просьбѣ далъ онъ имъ Абу Мусу Аль-Аш'арія, управлявшаго раньше въ Басрѣ (22=643). Но черезъ годъ въ глазахъ его подчиненныхъ и за нимъ уже числилась цѣлая куча преступленій. Приходилось по-неволѣ и его смѣстить. Тутъ халифъ далъ имъ настоящаго мошенника, Мугиру. Не взирая ни на какія жалобы, онъ продержался до самой смерти Омара. Какъ говорятъ, халифъ убѣдился тѣмъ временемъ, что настоящимъ человѣкомъ на этомъ отвѣтственномъ посту могъ быть только Са'дъ; одна смерть помѣшала ему назначить его вновь. Намѣреніе предшественника выполнилъ Османъ. Са'ду поручено было вновь управленіе страной, имъ же завоеванной, но черезъ годъ или два наступила снова смѣна. О ней рѣчь будетъ впереди. Жители Басры въ первое время не были, какъ кажется, такими необузданными, какъ куфійцы. Позже же и ихъ стала обуревать подобная же склонность къ переменамъ и непокорству. Въ этомъ, конечно, виною была горячая бедуинская кровь, но всего объяснить ею одною невозможно. Въдѣ и въ Сиріи бѣльшая часть гарнизоновъ состояла изъ бедуиновъ, между тѣмъ ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ вначалѣ, тамъ не происходило. Итакъ, слѣдуетъ искать другихъ причинъ, и ихъ нетрудно найти въ различіи среды, въ которую попали завоеватели здѣсь и тамъ. Населеніе Сиріи по преимуществу состояло изъ родственныхъ арабамъ семитовъ, добродушныхъ, нѣсколько медлительныхъ и тупыхъ въ духовномъ смыслѣ арамейцевъ. Привыкшіе издавна къ спокойствію и порядку, они ни разу не давали повода новымъ завоевателямъ къ неудовольствіямъ, но зато рѣдко возбуждали въ нихъ новыя понятія и воззрѣнія; къ тому же главныя квартиры размѣщены были тамъ по старымъ, существовавшимъ уже давно, провинціальнымъ городамъ. Вслѣдствіе выселенія греческихъ крупныхъ чиновниковъ и другихъ зажиточныхъ людей, города эти пришли въ упадокъ и оживились нѣсколько лишь послѣ размѣщенія тамъ мусульманскихъ гарнизоновъ. Въ Басрѣ и Куфѣ дѣло происходило совсѣмъ иначе. Сначала между палатками, потомъ между мазанками, а наконецъ между строе-ніями изъ кирпича, ставшими исключительно постройкой обоихъ молодыхъ городовъ, сразу же закипѣла пестрая жизнь. Сюда стекались большими толпами персидскіе купцы и ремесленники, съ каждымъ новымъ походомъ на востокъ приливала масса добычи: толпы рабовъ и рабынь, разнообразіе новинокъ иноземныхъ въ видѣ сосудовъ, матерій и всего прочаго. Въ сношеніяхъ съ плутоватымъ и скрытнымъ, но часто умнымъ и хитрымъ персомъ самый неотесанный степной арабъ ежедневно расширялъ кругозоръ своихъ понятій. Неудивительно поэтому, что вскорѣ онъ становился гораздо развитѣе остававшихся тамъ въ Мединѣ, а тѣмъ болѣе проживавшихъ въ глубинѣ страны. Понятно также, что персидскія понятія и воззрѣнія, вмѣстѣ съ рабами

и рабынями, пролагали постепенно путь въ дома новыхъ властелиновъ и произвели глубокое вліаніе если не на настоящее, то на слѣдующее поколѣніе. Вѣроятность становилась тѣмъ болѣе, когда матерями этого второго поколѣнія бывали персіянки. Потомки рядомъ съ необыкновенными способностями, выказывали также и дурныя качества, присущія нѣкоторымъ смѣшаннымъ расамъ, въ особенности непоостоянство и безхарактерность въ высокой степени. Едва-ли можно было устранить эти послѣдствія какими-либо политическими мѣрами; дурно направленная уступчивость Омара, для успокоенія прихотливыхъ требованій куфійцевъ, повела къ тому только, что жители обоихъ, неизвѣрно быстро разрастающихся, городовъ *) возмнили еще болѣе о своемъ значеніи и преимуществахъ. Самоиѣніе ихъ росло, мало-по-малу они разучились повиноваться безмолвно. Положимъ, всѣ эти неисчислимые грѣхи—результатъ непокорности и даже возникновенія превратныхъ идей—приносившіе не однажды великій ущербъ государству и наконецъ приведшіе ихъ самихъ на край гибели, произвели, съ другой стороны, много хорошаго. Этотъ безпокойный элементъ въ то же время былъ самою подвижною духовною частью арабскаго населенія во всемъ государствѣ халифа, начиная съ его возникновенія. Въ то время, какъ въ Сиріи лишь въ нѣкоторыхъ ограниченныхъ кружкахъ едва успѣли уйти немного дальше запаса идей древне-арабскихъ, а въ Мединѣ всѣ постоянныя размышленія набожныхъ людей ограничивались исключительнымъ стремленіемъ какъ можно точнѣе собрать и передать потомкамъ то, что посланникъ Божій когда-либо въ жизни своей сказалъ, не опуская ни одного его откашливанія или плевка, въ Куфѣ и Басрѣ возникло, подъ дальнѣйшимъ персидскимъ вліаніемъ, становившееся все свободнѣе въ духѣ народномъ арабско-мухаммеданское знаніе, вызванное потребностью взаимнаго обмѣна между побѣдителями и побѣжденными, развившееся и доведенное до полнаго расцвѣта благодаря только внутренней подвижности этого, въ наилучшемъ значеніи слова, любопытнаго и ненасытнаго поколѣнія. Но если оба пракскихъ города служили настоящими очагами духовной жизни для того времени, то ихъ политическая несостоятельность, даже опасность выказались издавна: стоя пока въ независимомъ положеніи между набожными и партіей мірянъ, они были первые, благодаря легкомысленному мятежническому духу которыхъ потрясено было послушаніе по отношенію къ намѣстнику посланника Божія.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, поведеніе 70-лѣтняго халифа, про-

*) По умѣренному исчисленію было въ каждомъ изъ нихъ въ 50 г. (670) по крайней мѣрѣ отъ 150—200.000 жителей.

должавшаго беззаботно поступать съ полнымъ отсутствіемъ политическаго пониманія, трудно даже объяснить. Въ искренности его личной набожности не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, но его религіозность была настолько ограниченнаго свойства, что не могла производить никакого глубокаго вліянія даже на обыкновеннаго человѣка, такъ какъ состояла въ пунктуальномъ исполненіи богослужебныхъ церемоній и незапятнанной частной жизни. Онъ не имѣлъ никакого понятія о своей обязанности, какъ бы не сознавалъ необходимости заботливо сохранять справедливость по отношенію къ разнообразнымъ направленіямъ, возникшимъ внутри общины. Въ особенности не умѣлъ онъ принимать къ свѣдѣнію съ должнымъ уваженіемъ мнѣнія остальныхъ приверженцевъ Мухаммеда, какъ единственныхъ носителей духа его ученія. И теперь онъ не могъ забыть, что онъ—членъ первой семьи Мекки, дома Омейи, и постоянно относился къ народу, какъ аристократъ къ плебеймъ. Уже прежде, во времена Мухаммеда и Омара, обращеніе съ народомъ на равной ногѣ было для его гордой природы невыносимо тяжело. Мы видѣли раньше, что прежде всего пришлось пророку отбросить всѣ старинныя понятія о нерасторжимости узъ семейныхъ и племенныхъ для того, чтобы дать своей проповѣди открытый доступъ среди всѣхъ арабовъ: правильность этого образа дѣйствій вѣроятно навсегда осталась непонятной для Османа. И дѣйствительно, тотчасъ же по своемъ возвышеніи, когда, понятно, всѣ родные, со старикомъ Абу-Суфьяномъ во главѣ, сгруппировались вокругъ него и набросились съ обычной жадностью на все, что возможно было присвоить, урвать если не для себя, то для кумовьевъ и добрыхъ пріятелей, у слабаго властелина не нашлось ни прозорливости, ни силы воли, чтобы ограничить хотя бы въ благоразумной мѣрѣ притязанія своей семьи. Въмѣсто того, чтобы оставить имъ по старому только то, чѣмъ они завладѣли во время намѣстничества Му'ави въ Сиріи, принимая широкое участіе въ событіяхъ внѣшней войны, Османъ успѣлъ въ какія-нибудь нѣсколько лѣтъ раздать почти всѣ военачальнческія мѣста членамъ семьи Омейи: въ Куфѣ, куда онъ самъ же въ 24 г. (645) благоразумно назначилъ Са'да, онъ замѣстилъ его въ 25 или 26 г. (646 или 647) Аль-Валидомъ-Ибнъ-Укбой, въ Басрѣ же вмѣсто Абу Мусы въ 29 г. (649/50) поставилъ Ибнъ-Амира. Всего же безразсуднѣй были смѣщенія въ Египтѣ. Вскорѣ послѣ своего вступленія въ управление, халифъ удалил Амръ Ибнъ Аль-Асá; позднѣе (благодаря александрійскому возстанію) понадобилось снова послать его туда; но Османъ тотчасъ же по отстраненіи опасности, не долго думая, опять смѣстилъ его для того, чтобы дать мѣсто Ибнъ-Абу-Сарху. Положимъ, назначенія эти въ сущности не были особенно дурны. За исключеніемъ одного только Аль-Валида, отозваннаго въ 30 г. (650/51) и замѣщен-

наго доблестнымъ Са'идъ Ибнъ Аль-Асомъ, тоже Омайядомъ, всѣ новые намѣстники были люди сильные и умственно развитые: мы уже знаемъ заслуги Ибнъ Абу Сарха по устройству флота; Ибнъ Амиръ энергически продолжалъ завоеваніе Персіи, а Му'авія былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ на занимаемомъ имъ посту. Но неограниченное предпочтеніе своихъ собственныхъ родственниковъ все же волновало большинство. Что могли думать набожные, вида среди этихъ людей Ибнъ Абу Сарха, котораго самъ пророкъ подвергъ опалѣ, послѣ взятія Мекки, за одно уголовное преступленіе *) и лишь позже и не безъ колебаній помиловалъ, или же Аль-Валида, сына того безбожнаго Укбы, котораго слѣдовало бы казнить послѣ сраженія при Бедрѣ. Да и самъ Аль-Валидъ былъ плохимъ мусульманиномъ: разъ даже онъ осмѣлился явиться въ мечеть въ пятницу на богослуженіе совсѣмъ пьяный. Положимъ, за это Османъ его отставилъ и наложилъ на него тяжкое наказаніе, но преемникомъ ему опять-таки назначенъ былъ Омайядъ Са'дъ. Эти люди, по всѣмъ провинціямъ, становятся все безстыднѣе: они грабятъ государственную казну безъ зазрѣнія совѣсти, покровительствуютъ своимъ родственникамъ и приверженцамъ, раздаютъ имъ должности, одѣляютъ незаконными подарками. Вышеупомянутый Са'идъ безбоязненно увѣряетъ, что Савадъ, богатѣйшая провинція халифата, есть «садъ курейшитовъ» **). Ко всему этому присоединились уклоненія отъ предписаній Омара касательно владѣнія землей и годового оклада; тутъ тоже давалось всегда предпочтеніе Омайядамъ и ихъ пріятелямъ; особенно терпѣли ближайшіе родственники и старѣйшіе сподвижники пророка. Однимъ словомъ, за исключеніемъ партіи мекканскихъ аристократовъ, всѣ были недовольны; ненависть набожныхъ возрастала съ каждымъ днемъ. Такъ что вскорѣ, хотя бы халифъ объявлялъ и дѣйствительно цѣлесообразное повелѣніе, всѣ начинали кричать и роптать. Прикажетъ ли онъ Ибнъ Абу Сарху строить флотъ,—что за безбожное отступленіе отъ Омаровскихъ предписаній!—Османъ задумалъ расширить постройки вокругъ Ка'бы и вознести ихъ болѣе достойнымъ образомъ, для чего понадобилось сломать сосѣдніе дома. Когда нѣкоторые изъ владѣльцевъ стали не соглашаться на уступку зданій за назначенную цѣну и вслѣдствіе этого ихъ отняли

*) Ибнъ Абу Сархъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ мекканцевъ, которые умѣли писать; поэтому Мухаммедъ часто диктовалъ ему въ Мединѣ, когда требовалось, свои откровенія. При этомъ Ибнъ Абу Сархъ замѣчалъ иногда, что у пророка прорывались маленькія неточности, такъ напр. вмѣсто продиктованнаго ему „слышащій всезнающій“ онъ позволялъ себѣ писать „всезнающій мудрый“. Изъ этого маловѣрный человѣкъ выводилъ заключеніе, что божеское вдохновеніе Мухаммеда не Богъ вѣсть что и сталъ равнодушенъ къ исламу.

**) Т. е. принадлежатъ именно Омайядамъ и ихъ мекканскимъ друзьямъ.

насилно ради государственной пользы, возникъ шумъ, всё жаловались на самоуправство, такъ что Османъ въ припадкѣ негодованія воскликнулъ: «одна моя кротость придаетъ вамъ смѣлости! Если бы то же самое сдѣлалъ Омаръ, вы бы не пикнули!»—Во время войнъ, веденныхъ противъ Арменіи въ 32 г. (653), сирійскія и иракскія войска дѣйствовали совмѣстно. Тутъ въ первый разъ обнаружались различія текстовъ корана, которыми руководствовались въ обоихъ лагеряхъ. Иначе и не могло быть, такъ какъ по большей части божія слова передавались устно, притомъ арабскія письменна были еще несовершенны, поэтому-то мало-по-малу, то тамъ, то здѣсь, вкрадывались маленькія отступленія. Сверхъ того между куфійцами и сирійцами не существовало никакого согласія; уже здѣсь, изъ-за этихъ мелкихъ отступленій въ чтеніи текстовъ, легко могла вспыхнуть кровавая рѣзня. Османъ взглянулъ совершенно правильно, онъ понималъ, что подобныя столкновенія легко могутъ повториться и повести за собой печальныя послѣдствія. Поэтому онъ отдалъ приказаніе составить собраніе всѣхъ откровеній, подвергнувъ ихъ тщательному просмотру, съ тѣмъ, чтобы новый сводъ одинъ имѣлъ офиціальное значеніе. Вопросъ этотъ возбуждался Омаромъ еще въ управленіе халифатомъ Абу Бекра. Тогда уже являлось опасеніе въ возможности исчезновенія нѣкоторыхъ откровеній и чувствовалась необходимость начертанія подобнаго сборника, такъ какъ въ борьбѣ съ Мусейлимой пали многіе лучшіе знатоки корана. Обязанность эта поручена была тогда Зейду Ибнъ Сабиту, благоразумному и надежному человѣку, къ тому же служившему нѣкогда секретаремъ при самомъ Мухаммедѣ. Работа его послужила лишь для частнаго пользованія халифа. Теперь же Османъ повелѣлъ пересмотрѣть снова этотъ трудъ и предписалъ предпринять всевозможныя мѣры предосторожности. Такъ и было сдѣлано. Явился сборникъ, протверженный по самымъ достовѣрнымъ устнымъ и письменнымъ свидѣтельствамъ, получившій дѣйствительно характеръ совершенной подлинности и надежности. Съ этого первоначальнаго образца, остававшагося въ Мединѣ, снято было нѣсколько точныхъ списковъ; ихъ разослали въ главные города областей, и прежде всего въ Дамаскъ, Куфу и Басру, съ наставленіемъ по возможности размножить ихъ и распространить среди мусульманъ, а существующіе доселѣ частныя экземпляры отобрать и сжечь. Было ихъ немного. Изъ арабовъ рѣдко кто умѣлъ читать: истый правовѣрный старался выучить наизусть какъ можно болѣе откровеній и этимъ не мало кичился. Къ тому же у мірянина сабля часто заступала священное писаніе. Во всякомъ случаѣ мѣропріятія эти почти вездѣ были приняты безропотно — лучшее доказательство, что Зейдъ добросовѣстно исполнилъ свое дѣло. Въ коранѣ Османа, легшемъ въ основаніе всѣхъ

позднѣйшихъ редакцій, дѣйствительно повторены слова Мухаммеда все равно какъ бы въ ихъ первоначальномъ видѣ. Но люди Куфы, само собой, должны были въ этомъ обладать еще лучшими свѣдѣніями. Среди нихъ находился Абдулла Ибнъ Мас'удъ, одинъ изъ старѣйшихъ, принявшихъ въ Меккѣ исламъ. Его признавали постоянно за отличнаго знатока откровеній, а самъ онъ, понятно, считалъ себя за наилучшаго изъ всѣхъ; онъ озлобленъ былъ къ тому же, что работа ввѣрена была болѣе молодому Зейду, а не ему именно. Что же касается одобренія самого Омара, то это ровно ничего не значило для жителей Куфы. Свой человекъ въ глазахъ тамошнихъ жителей считался неоспоримо единственнымъ знатокомъ. И вотъ они стали ревностно сѣять обвиненія, что текстъ Османа неправиленъ, что недостаетъ нѣкоторыхъ откровеній, которыя въ свое время появлялись противъ враговъ Мухаммеда, между прочимъ и Омайядовъ, а теперь, изъ лицепріятія къ семьѣ халифа, они исключены. Толковали и про многое другое, тому подобное. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ эти обвиненія лишены всякаго основанія. Старѣйшіе и надежнѣйшіе товарищи пророка, люди, подобные Алію, Тальхѣ, Зубейру, Са'ду и другимъ, дурно отзывавшіеся вообще о халифѣ, ни разу не возбуждали ни одного возраженія противъ его корана. Между тѣмъ, нѣсколько иное чтеніе текстовъ Ибнъ Мас'удомъ касалось, насколько извѣстно, мелочного различія отдѣльныхъ буквъ. Позднѣе всѣ правовѣрные мусульманскіе, не исключая куфійскихъ, окончательно успокоились и приняли текстъ Османа; но въ данную минуту поднялась жестокая перекорка и шумъ объ искаженіи, будто бы, слова божія. Нападали на то самое, что для позднѣйшей мухаммеданской богословіи раскрыло наилучшіе горизонты. Мало-по-малу недовольство халифомъ распространялось и въ Куфу, на другія мѣстности.

Въ 31 г. (651/2) умеръ въ Мединѣ Абу Суфьянъ, дожившій до глубокой старости 88-ми лѣтъ. Онъ покидалъ этотъ міръ съ сознаниемъ, во всякомъ случаѣ для него самымъ утѣшительнымъ, что успѣлъ въ тяжкія времена, благодаря предусмотрительности и мудрости своей, поставить себя, своихъ родныхъ и друзей такъ, что они выдвинулись гораздо болѣе, чѣмъ прежде въ Меккѣ, и заняли въ огромномъ царствѣ халифа вездѣ первыя мѣста, стали самыми богатыми людьми. Когда Османъ самъ лично произнесъ молитву по усопшимъ надъ тѣломъ дяди *), наступалъ моментъ, когда могуществу дома Омейи, болѣе блестящему, чѣмъ прочному, угрожало, и не въ одномъ только мѣстѣ, сильнымъ потрясеніемъ. Уже въ 30 г. (650/1) возникло броженіе среди набожныхъ при видѣ ненавистнаго распространенія рос-

*) Абу Суфьянъ приходился двоюроднымъ братомъ отцу Османа Аффану.

коши и безнравственности, что дало повод одному сотоварищу Мухаммеда, высокопочитаемому за его строгую набожность, Абу Зарру, выступить официально въ Дамаскъ противъ подобнаго нечестія. Онъ сталъ проповѣдывать возвращеніе къ болѣе благочестивому образу жизни и обращенію пріобрѣтаемыхъ мусульманами богатствъ на богоугодныя цѣли, вмѣсто распространенія грѣховной роскоши. Въ заключеніе онъ напалъ на самого намѣстника. Подобныя шутки и тотъ, однако, не допускалъ. Повелѣно было схватить дерзновеннаго и отослать подъ конвоемъ въ Медину. Но и тамъ этотъ ревностный фанатикъ не уговорился, продолжалъ попрежнему проповѣдывать свои аскетическіе принципы. Стоя у воротъ мечети пророка, громилъ онъ безбожниковъ, и всякій понималъ, что эти гнѣвные слова относились не къ кому иному, какъ къ Аль-Хакаму, дядѣ халифа. Въ наказаніе за свою непріязненность къ исламу, еще при жизни пророка и позже, до самой смерти Омара, Аль-Хакамъ жилъ въ изгнаніи въ маленькомъ мѣстечкѣ, а теперь онъ кичился, снова осыпанный богатствами и почестями въ свитѣ халифа. Сынъ же его Мерванъ, самый довѣренный совѣтникъ властелина, имѣлъ особенно гибельное вліяніе на халифа. Вдобавокъ Абу Зарръ сталъ возбуждать народъ противъ самого Османа, требуя отъ общины «предоставленія идти впередъ тому, кто у Бога предстоить, и покинуть того, кто Богомъ покинутъ, а владычество и наследство стараться укрѣпить въ семьѣ пророка». Это значило поставить халифомъ Алія, вмѣсто Османа. Потерявъ всяческое терпѣніе, призвалъ халифъ Абу Зарра и возвѣстилъ ему изгнаніе въ близъ лежащее маленькое мѣстечко, Рáбáзá. Обернувшись къ присутствующему на аудіенціи Мервану, властелинъ добавилъ: «выведи его изъ города, смотри, чтобы никто съ нимъ не разговаривалъ здѣсь!» Дальше рассказываютъ, что довѣренное лицо посадило изгнанника вмѣстѣ съ его женой и дочерью на верблюда. Случайно проѣзжали они мимо Алія. Съ нимъ были двое его сыновей, Аль-Хасанъ и Аль-Хусейнъ, а также Аммаръ Ибнъ Ясиръ. Изгнанникъ подѣловалъ у встрѣченнаго руку и сталъ съ нимъ бесѣдовать. Алій охотно вступилъ въ разговоръ. Мерванъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «повелитель правовѣрныхъ воспретилъ говорить кому-либо съ нимъ». Тогда Алій ударилъ кнутомъ по мордѣ верблюда Мервана, такъ что животное отпрянуло, и крикнулъ вслѣдъ: «убирайся ты, котораго Господь ввергнетъ въ геенну!» Затѣмъ самъ преспокойно проводилъ дальше Абу Зарра; прощаніе было продолжительное. Абу Зарръ умеръ въ Рáбáзѣ, но чувство возмущенія противъ мірскихъ воззрѣній господствующей партіи, которое онъ первый высказалъ, не заглохло среди вѣрующихъ. Взоры всѣхъ тѣхъ, которые серьезно исповѣдывали религію, естественно стали еще болѣе обращаться на членовъ семьи пророка: не они ли такъ не-

справедливо отодвинуты были на задній планъ Омайядами, отцы которыхъ когда-то, въ мучительныя времена пребыванія намѣстника божія въ Меккѣ, не мало терзали его.

Все болѣе и болѣе стало распространяться широкими кругами по Аравіи мнѣніе, что халифатъ по праву принадлежитъ Алію. Въ 32 г. (652/3) вдругъ совершенно въ другомъ пунктѣ государства та же самая мысль была въ высшей степени замѣчательнымъ образомъ выражена въ видѣ догмата вѣры. Нѣкто Абдулла Ибнъ-Саба, родомъ изъ южной Аравіи, іудейскаго происхожденія, но перешедшій въ исламъ, не могъ никакъ ужиться ни въ Басрѣ, ни въ Куфѣ, благодаря вѣчнымъ своимъ поползновеніямъ къ религіознымъ спорамъ. Наконецъ онъ вынырнулъ въ Египтѣ и сталъ проповѣдывать тамъ ученіе, имѣвшее нѣкоторый наружный видъ правовѣрія, благодаря ссылкѣ на одинъ изъ стиховъ корана *). Ученіе это гласило: подобно тому какъ, христіане говорятъ о Спасителѣ, такъ точно по всей справедливости и пророкъ Мухаммедъ вернется передъ кончиной міра, а пока долженъ заступать его тотъ, кто былъ при жизни ему помощникомъ—ибо каждый пророкъ имѣетъ своего помощника **). Кто же другой можетъ быть имъ, какъ не Алій, у котораго Абдурахманъ отнялъ его право. Эти основы, въ которыхъ уже легло зерно позднѣйшаго шіитизма, тѣмъ болѣе находило отголосокъ среди египетскихъ арабовъ, что тамъ и безъ того царствовало всеобщее недовольство: Мухаммедъ, сынъ Абу Бекра, въ той же мѣрѣ ограниченный фанатикъ, насколько отецъ его былъ разумнымъ и спокойнымъ человѣкомъ, давно уже толковалъ о негодности намѣстника Ибнъ Абу Сарха, о его нечестивомъ замыслѣ заставить правовѣрныхъ ѣздить на корабляхъ по морямъ; другіе ревностно помогали ему въ распространеніи этихъ и тому подобныхъ жалобъ.

Между тѣмъ броженіе въ Иракѣ все усиливалось. Здѣсь не требовалось для его поддержанія никакихъ богословскихъ тонкостей. Ничѣмъ не прикрытая жадность, съ которой Омайяды и ихъ кліенты совершали свои поборы, надменность, съ которой позволяли они себѣ выступать передъ побѣдителями при Кадесіи и Нихавендѣ, возмущали издавна до крайнихъ предѣловъ впечатлительную гордость арабовъ

*) Сура 28, ст. 85. „Тотъ, кто далъ тебѣ коранъ, приведетъ тебя къ мѣсту возвращенія“, т. е. въ Мекку, которая для прогнаннаго невѣрующими пророка обозначается какъ цѣль позднѣйшаго возвращенія. Но слово имѣетъ два значенія: мѣсто возвращенія, а также воскресеніе мертвыхъ, поэтому можетъ вообще приниматься за всякаго рода возвращеніе.

***) Это воззрѣніе древнѣйшее и основывается главнымъ образомъ на отношеніяхъ, существовавшихъ между Моисеемъ и Аарономъ, Іереміей и Варухомъ, Давидомъ и его сотоварищами.

Куфы и Басры. Съ величайшимъ рвеніемъ ухватились они поэтому какъ за предлогъ, данный имъ Османомъ этимъ новымъ сборникомъ корана. Пользуясь удобнымъ случаемъ, вездѣ и открыто смѣялись мѣстные арабы надъ намѣстниками и ихъ клеветами. Вскорѣ дошло даже до непріязненныхъ дѣйствій. Послѣ дошедшихъ въ 33 г. (653/4) донесеній къ Осману, повелѣно было схватить главныхъ зачинщиковъ и отослать ихъ въ Сирію. Тамъ, надѣялся халифъ, при твердомъ управленіи Му'авіа, вѣрности войскъ и маломъ сочувствіи къ иракцамъ туземцевъ, сумѣютъ справиться съ этими безпокойными головами. Такъ оно дѣйствительно и случилось. Му'авіа засадилъ ихъ подъ замокъ, обходился съ ними съ презрѣніемъ и жестокосердо, такъ что они вскорѣ смирились и обѣщали исправиться. Ихъ выпустили на волю, но пока оставались они еще въ Сиріи. Одному только, и самому опасному изъ нихъ, Малику Аль Аштару, удалось пробраться тайкомъ, сначала въ Медину, а затѣмъ въ Куфу. Тамъ началъ онъ снова разыгрывать свою печальную роль. Намѣстникъ Османа, Са'идъ Ибнъ-Аль-Асъ, не понималъ всей опасности продолжавшагося броженія и отправился въ Медину для личныхъ переговоровъ съ халифомъ; его отсутствіемъ воспользовались Маликъ и нѣкоторые другіе.—Какъ утверждаетъ одно извѣстіе, Тальха и Зубейръ помогали ему денежными суммами изъ Медины.—Имъ удалось склонить на свою сторону войска, такъ что, при первомъ извѣстіи о предстоящемъ возвращеніи Са'ида, большинство воиновъ выступило за городъ. Когда приблизился намѣстникъ, окруженный небольшой свитой, ему объявлено было прямо, что намѣстникомъ болѣе его не признають и не впустятъ въ городъ. Ничего болѣе не оставалось ему дѣлать, какъ вернуться въ Медину. Небольшой запасъ энергіи Османа окончателно изсякъ; со страхомъ отклонилъ онъ предложеніе укротить непослушныхъ силой оружія. Онъ согласился дать куфійцамъ другого намѣстника въ лицѣ ими же требуемаго Абу Мусы Аль-Аш'арія, который началъ свое управленіе конечно съ того, что сталъ убѣждать населеніе оказать повиновеніе халифу; но заставить ихъ не было у него ни склонности, ни силы.

Подъ большимъ однако сомнѣніемъ остается, была ли какая возможность, даже при большей рѣшимости, чѣмъ у этого 80-лѣтняго властелина, возстановить повповненіе властямъ. А теперь, когда самъ Османъ нашелъ нужнымъ уступить, духъ возмущенія росъ вездѣ съ необычайной быстротой. Исторія съ Абу Зарромъ показала уже, какъ непріязненно настроены были два года тому назадъ въ самой Мединѣ старинные сподвижники Мухаммеда по отношенію къ халифу; теперь они заняли угрожающее положеніе. Конечно они имѣли право чувствовать себя отстраненными и обиженными, объ этомъ было уже упоминаемо, но манера, съ которой выражали свое неудовольствіе, высказы-

вала, что они имѣли въ виду окончательно не дѣло вѣры, а эгоистическіе интересы на первомъ планѣ. При болѣе спокойномъ, свободномъ отъ своекорыстныхъ цѣлей размысленіи, они должны были бы понять, что въ виду своевольства арабовъ, особенно въ Куфѣ и Басрѣ, а съ другой стороны принимая во вниманіе твердое положеніе Му'авіи въ Сиріи, слѣдовало прежде всего сохранить въ неприкосновенности авторитетъ намѣстника Мухаммеда, единственный, существующій во всемъ государствѣ, и что никто не былъ въ состояніи замѣнить этотъ авторитетъ другимъ. Безъ сомнѣнія, люди, какъ набожнаго, такъ и свободомысленнаго направленія, могли придти къ тому убѣжденію, что власть, прибрѣтенная, собственно говоря, благодаря свободному признанію со стороны общины, могла поколебать свое положеніе прегрѣшеніями противъ слова божія; но только одному слѣпому могло показаться, что мірскую партію, имѣющую въ рукахъ такіа значительныя средства, можно было устранить изъ занятаго ею положенія, не вступая съ нею въ жесточайшую борьбу. А съ возникновеніемъ братоубійственной распри пришлось бы, можетъ быть, навѣки распроститься съ возможностью единодушнаго на пользу ислама дѣйствія различныхъ партій, существующихъ уже въ общинѣ. И кто бы въ будущемъ осмѣлился въ качествѣ халифа рассчитывать на повиновеніе подданныхъ, если бы поданъ былъ примѣръ тому, чтобы первая встрѣчная толпа бунтовщиковъ могла предписывать законы намѣстнику Мухаммеда, къ тому же еще его зятю. Отъ фанатика, подобнаго Мухаммеду Ибнѣ Абу Бекру, и неспокойной головы такой, какъ Маликъ, нельзя было конечно требовать разумныхъ убѣжденій, но сподвижникамъ и ближайшимъ родственникамъ пророка: Алію, Тальхѣ, Зубейру слѣдовало бы, кажется, ясно понять все неблагоразуміе ихъ поведенія, когда они протянули руку первому встрѣчному мятежному движенію. Имъ хорошо должно было быть извѣстнымъ, какъ участникамъ въ кружкѣ избирателей послѣ смерти Омара, что ихъ собственныя притязанія, въ случаѣ новаго избранія властелина, будутъ оспариваемы также точно другими. И если, несмотря на все это, эти люди позволили себѣ незаконно увлечься бунтовщиками, потакали имъ, а можетъ быть и поддерживали ихъ тайно, съ тѣмъ, чтобы потрясти тронъ халифа, то это возможно объяснить лишь надеждой поставить слабаго Османа, съ помощью возмущившихся, въ такое критическое положеніе, что онъ будетъ вынужденъ искать у нихъ поддержки и покинуть своихъ родныхъ; такимъ образомъ думали они возвратитъ себѣ слѣдуемое имъ по праву вліяніе. Насколько ошибоченъ былъ расчетъ, показали дальнѣйшія событія. Ни набожные ревнители, ни личные непріатели Омайядовъ и не думали удовольствоваться полумѣрами. Такъ или иначе, уже въ 34 г. (654—55) даже вліятельныя личности Медины выступали прямо противъ халифа.

Разъ явился къ Осману Алїи и сталъ жестоко упрекать своего свояка отъ имени всѣхъ правовѣрныхъ, какъ онъ утверждалъ, за предпочтеніе, оказываемое имъ своимъ родственникамъ. Османъ защищался какъ умѣлъ, а затѣмъ на пятничномъ бослуженіи произнесъ рѣчь къ собравшейся общинѣ, въ которой старался доказать, что онъ вѣдь ничего такого не дѣлаетъ, чего бы и Омаръ не считалъ для себя дозволеннымъ. Но ему не удалось утишить недовольство. Не проходило дня, чтобы не долетали до его ушей, когда онъ шелъ по улицамъ, возмутительные возгласы, требовавшіе смѣщенія нечестивыхъ намѣстниковъ и удаленія изъ его свиты Мервана. На это онъ не хотѣлъ конечно согласиться, но также не умѣлъ принять соответствующихъ мѣръ для восстановленія порядка: такъ напр. въ концѣ 34 г. (въ серединѣ 655) халифъ созвалъ въ Медину намѣстниковъ изъ различныхъ провинцій, желая съ ними посовѣтоваться о положеніи государственныхъ дѣлъ, но это не привело ни къ чему; каждый изъ нихъ предлагалъ разное, а Османъ, въ виду возрастающихъ трудностей, становился все нерѣшительнѣе. Онъ отклонилъ предложеніе Му'ави переселиться къ нему, въ безопасную и спокойную Сирію, или же позволить занять Медину большимъ отрядомъ надежныхъ войскъ, вѣрно оцѣнивая, что то и другое должно было повести неминуемо къ страшному взрыву. Бездѣятельно присматривался онъ, какъ личные его враги, Амръ Ибнъ Аль-Асъ и почитаемая набожными за «мать правовѣрныхъ», очень вліятельная Айша, обозленная на него главнымъ образомъ за сокращеніе годового оклада, возбуждали все болѣе и болѣе народъ противъ халифа.

И вотъ, въ началѣ второй половины 35 г. (начало 656), внезапно пришло донесеніе Ибнъ Абу Сарха въ Медину, что нѣкоторые изъ недовольныхъ въ Египтѣ намѣреваются, подъ предлогомъ посѣщенія святынь Мекки, отправиться въ Аравію, напасть тамъ на халифа въ его резиденціи и принудить къ отреченію. Тотчасъ же намѣстникъ получилъ повелѣніе помѣшать предпріятію силой. Когда онъ бросился за заговорщиками, выступившими уже въ числѣ 500 человекъ подъ предводительствомъ Мухаммеда Ибнъ Абу Бекра, и не успѣлъ ихъ нагнать, въ тылу его вспыхнуло возстаніе, къ которому вскорѣ примкнула большая часть египетскихъ войскъ. Ибнъ Абу Сарху невозможно было долѣе держаться на почвѣ, подрываемой непріятелями Османа и приверженцами Абдуллы Ибнъ Сабы. Онъ принужденъ былъ удалиться въ Сирію. Въ то же время какъ бунтовщики продолжали подвигаться безпрепятственно къ Мединѣ, толпа изъ нѣсколькихъ сотенъ недовольныхъ изъ Куфы и Басры двинулась, вслѣдствіе предварительныхъ переговоровъ, также къ резиденціи халифа. Уже въ Шаввалѣ 35 г. (апрѣль 656) прибыли почти одновременно: Му-

хаммедъ Ибнъ Абу Бекръ съ египтянами, Маликъ Аль Аштаръ съ куфійцами и толпы Басры, всего въ числѣ 1000 человекъ, и расположились въ трехъ маленькихъ мѣстечкахъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Медины. Посланы были довѣренныя лица въ городъ: отъ египтянъ къ Алию, отъ куфійцевъ къ Зубейру, отъ басрійцевъ къ Тальхѣ, съ просьбами исходатайствовать имъ доступъ въ городъ. Они намѣревались сдѣлать халифу представленія объ образѣ его правленія и потребовать смѣны нѣкоторыхъ намѣстниковъ. Какъ ни склонны были эти три вышепоименованныя лица къ тому, чтобы друзья ихъ надѣлали въ провинціяхъ какъ можно болѣе шуму, дабы устрашенный халифъ дался имъ въ руки, но ихъ намѣренія вовсе не простирались такъ далеко, чтобы допустить вторженіе въ столицу вооруженныхъ полчищъ бунтовщиковъ. Они хотѣли управлять самолично, не допуская близко людей, между которыми находилось не мало отчаянныхъ головъ и фанатиковъ. Все населеніе Медины призвано было къ оружію,—въ первый разъ послѣ возстанія арабовъ, по смерти пророка,—а просьба бунтовщиковъ отклонена. Съ другой стороны, теперь, въ виду угрожавшей опасности, Османъ дѣйствительно обратился къ сподвижникамъ пророка, а Алиі оказался готовымъ къ услугамъ и для прекращенія дѣла предлагалъ свою помощь.

Слѣдующія затѣмъ событія передаются весьма противорѣчиво и часто какъ бы намѣренно въ извращенномъ видѣ: старинные источники относятся ко времени Аббасидовъ, когда вообще Омайядовъ презирали, всему готовы были повѣрить, а кое-что подходящее даже придумано, лишь бы оклеветать враговъ въ сомнительныхъ случаяхъ. Въ извѣстіяхъ этихъ Османъ рисуется въ видѣ впавшаго въ дѣтство и окончательно поглупѣвшаго старца; онъ общается все возможное подъ давленіемъ страха передъ бунтовщиками, а затѣмъ въ ближайшій моментъ снова все перерѣшаетъ подъ вліяніемъ злого своего генія, Мервана, такъ что даже ангельское терпѣніе Алиа допадетъ, и онъ вынужденъ предоставить все теченію судьбы. Особенно непонятна исторія одного документа, которому приписывается въ рѣшительномъ ходѣ дѣлъ роковая роль. Офіціальное повѣствованіе гласитъ, что возмущившіеся успокоились и удалились послѣ того, какъ Османъ общалъ имъ смѣстить намѣстниковъ Омайядовъ и измѣнить всю политику образа правленія; всѣ были увѣрены, что опасность миновала. Но при самомъ началѣ отступленія бунтовщиковъ, рассказывается далѣе, египтяне перехватили, будто бы, гонца къ Ибнъ Абу Сарху, посланнаго съ офіціальнымъ письмомъ съ печатью *) халифа. Въ этомъ

*) И понынѣ на Востокѣ правительственные указы и тому подобныя документы не подписываются; къ нимъ прикладывается печать, носящая имя чиновника или присутственнаго мѣста.

письмѣ повелѣвалось переловить зачинщиковъ мятежа, по ихъ возвращеніи на родину, и отрубить имъ всѣмъ руки и ноги. Возмущенные вѣроломствомъ, мятежники повернули назадъ. Такъ какъ отнынѣ, убѣдились они, невозможно болѣе довѣряться обѣщаніямъ халифа, бунтовщики потребовали немедленно его отреченія. Османъ отговаривался, что ничего не знаетъ про эту записку, и дѣйствительно оказалось впоследствии, что она составлена была и отослана Мерваномъ безъ вѣдома властелина. При такомъ оборотѣ дѣла бунтовщики вынуждены были продолжать настаивать на отреченіи правителя, слабостью котораго можно было до такой степени злоупотреблять. Но Османъ упорно отказывался сложить власть; рѣшено было принудить его къ этому силой. Кучка безсовѣстныхъ злодѣевъ умертвила зятя посланника божія, почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, неприкосновеннаго властелина въ глазахъ всякаго вѣрнопопданнаго мусульманина.

Всѣ подробности разсказа объ этомъ мрачномъ событіи клонятся къ тому, чтобы выгородить населеніе Медины отъ соучастія въ царевубійствѣ и дать понять, почему старѣйшіе сподвижники пророка и пальцемъ не шевельнули для спасенія ближайшаго своего родственника; но при безпристрастномъ разсмотрѣніи случившагося можно убѣдиться, что они совершенно не достигли своей цѣли. Изъ разсказа мы положительно приходимъ къ убѣжденію, что Алій повѣрилъ увѣренію Османа будто онъ ничего не зналъ о запискѣ; въ такомъ случаѣ на его обязанности конечно лежало постараться спасти жизнь халифа. Отклоненіе отъ себя этой обязанности никонимъ образомъ нельзя оправдать, и какъ ни тяжело наказаніе, которое ниспослано было на него позже справедливымъ рокомъ, онъ заслужилъ его вполне. Существуетъ даже предположеніе, что онъ вовсе не считалъ Мервана авторомъ этой записки. Во всякомъ случаѣ вся эта исторія съ запиской кажется намъ въ высшей степени сомнительной и подозрительной. Бунтовщики утверждали, что задержали гонца въ трехъ дняхъ пути отъ Медины, по дорогѣ въ Египетъ. А между тѣмъ вернулись къ Мединѣ не только египтяне, но тотчасъ же вслѣдъ за ними куфійцы и басрійцы. Безъ предварительныхъ переговоровъ едва ли могло это случиться; то же можно сказать и о самой запискѣ: ее могли поддѣлать сами бунтовщики. Положимъ, многіе утверждаютъ весьма основательно, что едва ли когда-нибудь удастся разъяснить вполне это событіе. Но нельзя отрицать дѣйствія разнообразнѣйшихъ вліяній, приведшихъ къ гибели несчастнаго халифа, въ особенности озлобленнаго своекорыстія личностей, имѣвшихъ вліяніе. Они какъ бы выжидали лишь подходящаго случая для удовлетворенія своего мелочнаго мщенія. Достаточно привести одну исторію, о которой сообщаетъ

писатель, вовсе непристрастный къ Осману. Во время переговоровъ между халифомъ и бунтовщиками, Амръ Ибнъ Аль-Ась находился въ Медияѣ. Османъ попросилъ его, какъ рассказываетъ этотъ писатель, замѣнить его на каедрѣ и сказать рѣчь къ народу, въ которой по возможности оправдалъ бы его правленіе. Что же сдѣлалъ Амръ? Онъ превознесъ выше небесъ пророка и всѣхъ предшественниковъ Османа, а о послѣднемъ ничего не нашелъ сказать иного, какъ то, что всѣ его порицають, а онъ готовъ оправдываться. «Имѣйте же терпѣніе,—заклучилъ онъ;—кто малъ, когда-нибудь станетъ великимъ, кто худъ—потолстѣетъ. Возможно, что отсрочка цѣлесообразнаго дѣйствія лучше, чѣмъ торопливость». Это почти не маскированное оправданіе бунта возбудило глубокое негодованіе въ халифѣ. «Ты еще болѣе возмущаешь людей противъ меня», крикнулъ онъ этому лукавому человѣку. Тотъ отвѣтилъ съ спокойнымъ безстыдствомъ: «Помилуй, я все сказалъ, что зналъ о тебѣ наилучшаго». На это халифъ съ горечью замѣтилъ: «Знаю, знаю, съ тѣхъ поръ какъ я удалилъ тебя изъ Египта, ты не перестаешь злиться».

Наступило время, когда пришлось отвѣчать за каждую ошибку, которую когда-либо совершилъ этотъ добродушный, но слабый властелинъ; конецъ пришелъ не сразу, дѣло еще тянулось. Въ послѣдней бесѣдѣ между Османомъ и Алиемъ, посредникомъ главъ возстанія, халифъ отклонилъ рѣшительно требованіе отреченія и произнесъ мужественно: «не сниму одежду, которая самъ Богъ возложилъ на меня». Бунтовщики ушли, открыто грозя, что отнынѣ пустятъ въ ходъ силу. Несмотря на это, ни Алій, ни Тальха, ни Зубейръ ничего не предпринимали, чтобы снова поставить городъ въ оборонительное положеніе. Какъ кажется, на основаніи какихъ-то соображеній, они потеряли всякую надежду заставить Османа, при помощи мирныхъ переговоровъ, на продолжительное время подчиниться ихъ вліянію. Толпы взбунтовавшихся проникли теперь безпрепятственно въ городъ и начали приводить въ трепетъ большую часть жителей, вовсе несклонныхъ къ открытому возстанію. Въ сознаніи несомнѣнныхъ правъ высокаго своего поста и проникнутый беззавѣтной преданностью къ волѣ Господней, Османъ съ каждымъ днемъ выказывалъ все болѣе и болѣе нравственныхъ силъ, что было особенно поразительно видѣть въ этомъ, достигшемъ глубокой старости, человѣкѣ. Онъ не пропускалъ ни одного дня и ежедневно предстоялъ предъ общиной на молитвѣ въ мечети, но благоговѣйное вниманіе, подобающее богослуженію, было нарушаемо самымъ постыднымъ образомъ дикимъ шумомъ чужеземныхъ полчищъ. Даже тѣлесныя оскорбленія, которыя этотъ старый человѣкъ долженъ былъ выносить, не въ состояніи были отклонить его отъ исполненія имъ своихъ обязанностей. Дошло наконецъ до того, что бунтовщики разогнали мо-

лящихся, бросая въ нихъ камнями и нанося удары направо и налѣво, такъ что халифъ вынужденъ былъ волей-неволей удалиться къ себѣ въ домъ. Чтобъ защитить жизнь повелителя отъ открытаго нападенія, вокругъ него собралась маленькая кучка преданныхъ людей, состоящая большею частью изъ родныхъ и слугъ; къ нимъ примкнули нѣкоторые изъ горожанъ. Алій, Тальха и Зубейръ послали также каждый по одному изъ своихъ сыновей туда же, къ этой горсточкѣ оборонявшихся входъ въ домъ Османа. Но это было одно недостойное лицемеріе. Если бы они дѣйствительно пожелали защитить своего законнаго властелина, нетрудно бы было, кажется, этимъ почтеннымъ товарищамъ пророка созвать мужественныхъ воиновъ и положить конецъ всякаго рода насиліямъ.

Предводителемъ возмущившихся явно считался Мухаммедъ Ибнъ Абу Бекръ, но руководила очевидно другая рука. Началась настоящая блокада халифа въ собственномъ его домѣ. Нѣкоторое время осаждающіе какъ бы страшились пролить кровь открыто, надѣясь, что принудятъ голодомъ небольшой отрядъ, собравшійся вокругъ Османа, къ безусловной сдачѣ. Тщетно старый властелинъ обращался съ крыши дома къ народу съ рѣчью, тщетно пробовалъ онъ еще разъ обратиться къ Алію съ просьбой освободить его нападеніемъ на осаждающихъ; ни у кого изъ тѣхъ, коихъ считали первыми между правотѣрными, не дрогнула совѣсть, никто и пальцемъ не пошевелилъ, чтобы заставить осаждающихъ дать по крайней мѣрѣ глотокъ воды тѣмъ, которые мучились жаждой въ домѣ халифа подъ раскаленными лучами іюньскаго солнца. Что бы тамъ ни случилось, вліятельнѣйшіе люди довольствовались только тѣмъ убѣжденіемъ, что бунтовщикамъ безъ авторитета старѣйшихъ товарищей Мухаммеда не добыть прочнаго успѣха у всей общины мусульманъ; ослѣпленные близорукимъ себялюбіемъ, они позабыли окончательно объ обѣтѣ вѣрности властелину правотѣрныхъ. Мудро поступили только Айша и хитрый Амръ. Первая примкнула къ выступавшему въ Мекку каравану пилигримовъ, прикрываясь настоятельно необходимостью посѣщенія святыхъ мѣстъ, а Амръ удалился съ обоими сыновьями въ свое имѣніе, находившееся въ Палестинѣ: они разсуждали совершенно основательно, что отсутствующіе современемъ могутъ дѣйствовать свободно. Прошло 10 недѣль съ тѣхъ поръ, какъ появились бунтовщики; наступило наконецъ 18 Зуль-хиджжы 35 г. (17 іюня 656), день катастрофы. Давно уже отправлены были послы по областямъ для призыва намѣстниковъ на защиту халифа. Абу Муса въ Куфѣ не могъ или не хотѣлъ ничего сдѣлать, но Омайяды—Ибнъ Амиръ въ Басрѣ и Му'авія въ Дамаскѣ—немедленно выслали для освобожденія повелителя отряда войскъ. Именно теперь дошла до Медины вѣсть,

что оба эти отряда находятся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. На Му'авію падаетъ особенно обвиненіе въ преднамѣренной медлительности, обвиненіе повидимому довольно правдоподобное, такъ какъ уже давно онъ могъ предвидѣть опасность. Если бы, съ своей обычной энергіей, вздумалъ онъ самъ предупредить несчастіе, а не ждать прямого приказанія, то вѣроятно подоспѣлъ бы во время. И здѣсь, какъ и всегда, для холоднаго политика собственная выгода стояла выше всего. Ему казалось всего благоразумнѣй насколько возможно менѣе дѣйствовать въ пользу халифа ставшаго безнадежно непопулярнымъ. Въ вѣрной своей Сиріи можно было выжидать спокойно тотъ моментъ, когда въ скоромъ будущемъ, при неизбѣжномъ наступленіи междоусобицы, легко будетъ половить рыбку въ мутной водичкѣ. Но позднѣйшее преданіе идетъ дальше. Оно прямо обвиняетъ Му'авію въ томъ, будто онъ жаждалъ смерти Османа. Мы встрѣчаемся тутъ опять съ одной изъ обычныхъ клеветъ, которыя систематически придумывались и распространялись противъ Омайядовъ. Во всякомъ случаѣ извѣстіе о прибытіи сирійскихъ и басрійскихъ войскъ подало сигналъ къ гибели халифа. Со всѣхъ сторонъ набросились бунтовщики на домъ. Главный входъ былъ заваленъ изнутри, но отдѣльныя небольшія группы бунтарей успѣли проникнуть во дворъ, спрыгивая съ крышъ сосѣднихъ домовъ, напали на защитниковъ съ тылу и быстрымъ натискомъ разогнали ихъ. При этомъ Мерванъ былъ запертъ опрокинутъ ударомъ меча по шеѣ. Ворвавшіеся устремились неудержимымъ потокомъ въ домъ, проникли въ комнату, гдѣ Османъ съ полной величія рѣшимостью выжидалъ свою судьбу. Невозмутимо продолжалъ онъ, не взирая на бряцаніе оружія, читать дальше коранъ, подкрѣпляясь бодро словомъ божьимъ: «Господь не допуститъ того, чтобы правовѣрный не былъ вознагражденъ... тѣ, которые, когда имъ говорятъ: «враги собрались противъ васъ, опасайтесь ихъ!» еще болѣе укрѣпляются въ вѣрѣ и отвѣчаютъ: «Богъ защититъ насъ, онъ лучшій изъ защитниковъ» [*—такіе люди возвращаются османные милостями Божиими, зло не касается ихъ; они исполнили волю Божию*] *). Когда толпа убійцъ ворвалась, въ первый моментъ никто не осмѣливался дотронуться до сѣдой главы халифа. Со спокойной кротостью отвѣчалъ онъ на градъ вопросовъ, упрековъ и обвиненій, сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ, пока наконецъ грубый Мухаммедъ, этотъ выродокъ Абу Бекра, не ухватилъ старца за бороду и не крикнулъ яростно: «гляди, тебя Богъ покаралъ, старый дуралей» **).—Твердо отвѣтствовалъ халифъ: «я не дуракъ, мое имя Османъ, я повелитель правовѣрныхъ.—Теперь ника-

*) Коранъ, III, 167—8. Слова въ скобкахъ добавлены для полноты смысла; въ нѣмецк. текстѣ ихъ нѣтъ.

Ред.

**) Такъ обыкновенно звали Османа его враги.

кой Му'авія и никто на свѣтѣ не спасеть тебя.—Сынъ брата моего! Отецъ твой никогда не рѣшился бы вырывать изъ рукъ другого могущество.—Если бы мой отецъ,—возразилъ Мухаммедъ,—увидѣлъ твои поступки, онъ счелъ бы тебя недостойнымъ правленія. Но я отъ тебя хочу совсѣмъ другого, не правленіе только вырву отъ тебя».—Тогда халифъ воскликнулъ: «Господи, защити меня отъ него, молю Тебя, помоги!» Это были послѣднія слова, произнесенныя старцемъ. Хотя Мухаммедъ вышелъ изъ комнаты, но другіе напали на безоружнаго. Его заслонила собой жена, Наила, она старалась рукою отразить мечъ, и ей обрубили пальцы. Вслѣдъ затѣмъ брызнула фонтаномъ кровь зятя пророка, его намѣстника, и залила страницы святой книги, которую умирающій крѣпко прижималъ къ груди. Когда оторопѣвшіе защитники успѣли послѣ перваго нападенія снова собраться и ринулись въ домъ, неся спасеніе, все уже было покончено.

Едва свершилось кровавое дѣло, задуманное и исполненное слѣпымъ фанатизмомъ и личною ненавистью, допущенное слабою ограниченностью и близорукимъ эгоизмомъ, какъ раскрылись съ роковою ясностью для всѣхъ соучастниковъ и попустителей неизбѣжныя, тяжкія послѣдствія. И въ данномъ случаѣ результаты случившагося факта оказались не таковыми, какія ожидались до его наступленія. Теперь только сразу стало понятно, какъ Алію, такъ Тальхѣ и Зубейру, что подозрѣніе въ соучастіи должно неминуемо пасть на того, кто приметъ халифатъ изъ рукъ убійцъ. Они даже и представить себѣ не могли, чтобы въ общинѣ нашелся такой смѣльчакъ, который рѣшился бы попытаться завоевать власть. Только въ такомъ случаѣ, если бы первѣйшіе люди Медины согласились добровольно и единогласно избрать кого-либо, казалось возможно было, и то отчасти, возстановить уваженіе къ высокому сану властелина, повергнутому во прахъ, залитому кровью. Въ такомъ только случаѣ съ такимъ злодѣйскимъ легкомысліемъ порванные узы законности скрѣпились бы снова, хотя не вполне и кое-какъ. Увы, слишкомъ скоро обнаружилась на дѣлѣ вся трудность подобной попытки, но сдѣлать ее было во всякомъ случаѣ необходимо, и не таковы были эти люди, Маликъ съ сыномъ Абу Бекра, чтобы отступить отъ разъ начатаго ими предпріятія. Египтяне, превышавшіе другихъ числомъ и страстностью, большею частью люди богатые, желали видѣть во главѣ государства Алія, въ то время какъ басрійцы поддерживали Тальху, а кувейты Зубейра. Всѣ трое вначалѣ отказывались стать у кормила правленія. Тогда бунтовщики потребовали настойчиво отъ мединцевъ, обуреваемыхъ отвращеніемъ и страхомъ къ убійцамъ, произвести выборы напирая на ихъ неотложную необходимость. Въ то же время про-

должались дѣятельные переговоры съ Алиемъ, изъ всѣхъ трехъ имѣвшимъ, въ качествѣ двоюроднаго брата и зятя пророка, болѣе правъ, къ тому же обладавшемъ наибольшимъ количествомъ личныхъ приверженцевъ. Наконецъ онъ объявилъ, что готовъ принять власть, если Зубейръ и Тальха согласятся его признать. Они же съ своей стороны вовсе и не думали изъявлять это желаніе и уступили только тогда, когда куфійцы и басрійцы, такъ какъ надо же было на чемъ либо порѣшиться, перешли на сторону Алиа. Такимъ образомъ, 8 дней спустя послѣ смерти Османа (25 Зуль-хиджжы 35 г.—24 іюня 656), Алиі признанъ былъ халифомъ, принявъ по обычаю легкія похлопыванія рукъ отъ мединцевъ и чужестранцевъ. Позднѣе Тальха и Зубейръ утверждали, что они дѣйствовали подъ давленіемъ принужденія,—а именно угрозъ энергическаго Малика. Въ нѣкоторыхъ преданіяхъ сообщается напр., что Маликъ подгонялъ Тальху къ присягѣ мечемъ какъ заупрямившагося верблюда. Очевидное преувеличеніе; одно только справедливо, что вся Медина трепетала отъ страха предъ саблями царубійцы. Трудно дѣйствительно даже понять то жалкое положеніе, въ которое поставлены были эти люди. Нѣкогда, въ качествѣ ближайшихъ помощниковъ пророка, они бодро вели войну со всей Аравіей; хотя бы этотъ Тальха: своимъ собственнымъ тѣломъ заслонилъ онъ посланника божія у Охода отъ цѣлой толпы непріятелей. Легко догадаться, что и здѣсь, какъ и всегда, нечистая совѣсть обращаетъ храбрѣйшихъ въ трусовъ.

Итакъ, Алиі избранъ былъ наконецъ халифомъ. Лишь немногіе изъ мединцевъ отказали ему въ ударѣ рукой, въ числѣ ихъ находился и Садъ Ибнъ Абу Ваккасъ, покоритель Персіи. Ему все опротивѣло, можетъ быть брало и раскаяніе въ томъ, что онъ не рѣшился помѣшать катастрофѣ. Онъ отправился въ одинъ отдаленный уголокъ Аравіи, въ свое имѣніе, отказался отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, выжидая, когда вся община очутится снова подъ управленіемъ единаго имама. Позднѣе онъ не хотѣлъ признавать таковымъ и Му'авію; такъ онъ и умеръ въ своемъ уединеніи, почти забытый, въ 50 г. (670). Нѣсколько личныхъ друзей Османа и родственники его, Омайяды, бѣжали тотчасъ же послѣ совершенія убійства. Между ними находился и Мерванъ, быстро очнувшійся отъ мнимой смерти, а также Ну'манъ Ибнъ Аль-Беширъ, отвезшій вещественныя доказательства смерти Османа—пропитанную кровью рубашку и обрубленные пальцы Нэйлы къ Му'авію въ Сирію. На время въ Мединѣ наступило спокойствіе; бунтовщики тоже потянулись въ обратный путь. Но это было затишье передъ грозой. Алиі, номинальная продолжительность правленія котораго считается отъ—25 Зуль-хиджжы 35 г. (24 іюня 656) до 17 Рамадана 40 г. (24 января 661), началъ

свое правленіе мѣрой настоящей, но въ то же время и безцѣльной. Не считая возможнымъ оставлять на прежнихъ постахъ намѣстниковъ изъ Омайядовъ, такъ какъ управленіе ихъ послужило главнымъ мотивомъ къ нареканіямъ на Османа, халифъ постѣшилъ уведомить ихъ о смѣщеніи. Въ то же время назначилъ новыхъ главнокомандующихъ: на мѣсто Ибнъ Амира, въ Басрѣ, Османа Ибнъ Хунейфа, вмѣсто Абу Мусы, въ Куфѣ, Аммара Ибнъ Шихаба; Кайсъ Ибнъ Са'дъ послался въ Египеть, а Убейдулла, сынъ Аббаса, дяди пророка, умершаго въ послѣдніе годы царствованія Османа—въ южную Аравію. Тамъ до этого времени управлялъ Я'ла Ибнъ Мунья, родомъ темимитъ, раньше проживавшій въ Меккѣ въ качествѣ кліента одной родственной хашимитамъ семьи; впоследствии же перешелъ онъ на сторону Омайядовъ. Ибнъ Амиръ, который не могъ чувствовать себя въ Басрѣ въ безопасности, уступилъ свой постъ безъ спора Ибнъ Хунейфу. Я'ла тоже не далъ отпора, но захватилъ съ собою въ Мекку туго набитую государственную кассу и тамъ вскорѣ сталъ разыгрывать весьма неприятную для Алія роль. Кайсъ Ибнъ Са'дъ былъ временно принятъ египтянами также миролюбиво, за исключеніемъ нѣкотораго числа личныхъ приверженцевъ Османа засѣвшихъ въ мѣстечкѣ Харбитá, неподалеку отъ Александріи; намѣстникъ оставилъ ихъ пока въ покоѣ, ему и безъ того довольно трудно было держаться, въ виду недовольства крайней партіи, предводимой Мухаммедомъ Ибнъ Абу Бекромъ, который рассчитывалъ самъ, стать намѣстникомъ. Но Аммаръ оказался не понутру куфійцамъ; имъ было такъ хорошо подъ начальствомъ вѣчно уступчиваго, осторожавшагося отъ всякаго энергическаго воздѣйствія Абу Мусы. Когда Аммаръ прибылъ съ грамотой Алія, его попросту попросили убраться по добру по здорову. Менѣе всего, понятно, можно было ожидать готовности подчиниться отъ Му'авіи; сирійскія войска слѣпо вѣрили въ него. Лишь мѣсяцъ спустя послѣ полученія извѣщенія отъ Алія, Му'авія послалъ съ Кабисой, однимъ бедуиномъ изъ племени Гатафанъ, письмо съ лаконической надписью: отъ Му'авіи къ Алію. —Когда халифъ разорвалъ конвертъ, тамъ ничего не оказалось.—Тогда обратился повелитель къ послу съ вопросомъ: что это значитъ?—Тотъ въ свою очередь спросилъ: а рискую ли я жизнью? Онъ получилъ въ отвѣтъ: посланниковъ не убиваютъ.—Тогда бедуинъ сталъ объяснять. Въ этомъ вотъ какой смыслъ: я оставилъ за собой людей, которыхъ можетъ удовлетворить одно мщеніе.—Какъ, мщеніе, спросилъ въ изумленіи Аліи, кому же?—Бедуинъ воскликнулъ съ паѳосомъ: мозгу твоихъ позвонковъ. Тамъ 60.000 человекъ; всѣ они рыдали надъ рубашкой Османа, выставленной всенародно; ею обтянута каеэдра мечети Дамаска.—Такъ оно и было дѣйствительно. Старый Амръ

Ибнъ-Аль-Асъ принадлежалъ не къ числу набожныхъ. Все его вѣроченіе заключалось собственно въ одномъ изреченіи; зато же и привязался онъ къ нему съ неимовѣрною цѣпкостью. Гласило оно такъ: нѣтъ другого намѣстника для Египта, кромѣ Амра. Онъ считалъ эту страну своею собственностью, завоеванною для самого себя лично; вполне былъ бы счастливъ, если бы дозволили ему снова продолжать собирать съ терпѣливыхъ коптовъ выплачиваемые ими налоги. Но за эту дойную корову упрямо держатся еретики халифы. Алій также вздумалъ обойти настоящаго хозяина; и тотъ перешелъ къ Му'авіѣ. Со смертью Османа этотъ послѣдній становился несомнѣнно главою дома Омейи. Взоры намѣстника Сиріи начали обращаться къ болѣе возвышеннымъ цѣлямъ. Для мірской партіи старинной мекканской аристократіи уступить Алію значило отдать въ руки набожныхъ мединцевъ занятое ими могущественное положеніе; объ этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Борьба между этими взаимно противоположными партіями становилась неизбѣжною. Не такою былъ политикъ Му'авія, чтобы упустить очень важную поддержку, которую предоставляло ему общественное мнѣніе въ роли борца поправаго права и мстителя за отвратительное преступленіе. Поэтому намѣстникъ, тотчасъ же послѣ умерщвленія халифа, хотя самъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ для спасенія главы своей семьи, поднять кличъ: отомстимъ за Османа! Это былъ ударъ, направленный прямо противъ Алія. Двусмысленное поведеніе его во время бунта, хотя едва ли возбуждало серьезное подозрѣніе въ соучастіи въ умѣ Му'авіи, который понималъ хорошо людей, для менѣе проницательныхъ могло казаться болѣе или менѣе преступнымъ. Въ Сиріи принимались всѣ мѣры, понятны, чтобы превратить это подозрѣніе въ увѣренность и скорѣй народъ повѣрилъ въ справедливость обвиненія. Тоже и Амръ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ самъ же раздувавшій пламя недовольства, возбуждавшій мединцевъ противъ халифа, оказался настолько наглъ, что сталъ ревностно кричать съ прочими объ отомщеніи убійцамъ несчастнаго Османа. Ему, хитрѣйшему изъ хитрѣйшихъ, пришелъ въ голову сатанинскій замыселъ выставить въ Дамаскѣ кровавую рубаху и обрубленные пальцы Нѣилы, чтобы довести до крайнихъ предѣловъ общественное негодованіе, имѣющее среди горячихъ арабовъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

И въ то самое время, когда извнѣ все складывалось такъ, чтобы усилить еще болѣе могущество партіи Омайядовъ, халифу внутри государства начинали отказывать въ поддержкѣ тѣ, которые доселѣ считались основными столпами ислама. Какъ ни старался Алій по наружному, по крайней мѣрѣ, виду выказать полнѣйшее равнодушіе, заставляя себя упрашивать передъ принятіемъ всенароднаго почитанія, онъ не могъ

однако скрасить то обстоятельство, что дѣло это въ концѣ концовъ тѣсно связано съ царевубійствомъ. Нельзя было также никакъ устранить того непріятнаго впечатлѣнія, что онъ велъ себя трусливо и вѣроломно. Вотъ что произвело среди всѣхъ набожныхъ, за исключеніемъ фанатиковъ, недовольство новымъ властителемъ. Всѣ старательно начали сторониться новаго халифа. Хотя вначалѣ мало нашлось такихъ, которые, слѣдуя примѣру Садъа, покидали городъ, зато призывъ къ борьбѣ съ Му'авіей, объявленный Алиемъ вслѣдъ за безстыднымъ вызовомъ перваго, никѣмъ не былъ поддержанъ. За исключеніемъ личныхъ приверженцевъ, которыхъ халифъ, положимъ, имѣлъ въ достаточномъ количествѣ, высоко цѣнившихъ его храбрость, краснорѣчіе и поэтический даръ, а также почитавшихъ въ немъ двоюроднаго брата и зятя пророка, никто другой не выказалъ желанія взяться за оружіе, хотя всякій долженъ былъ понимать, что Омайяды не ограничатся однѣми угрозами. Межъ тѣмъ у Алиа, при всѣхъ его разнообразныхъ дарованіяхъ, не доставало именно того, что прежде всего необходимо было въ его затруднительномъ положеніи: способности къ быстрому рѣшенію. Послѣ назначенія новыхъ намѣстниковъ проходили мѣсяцы, а онъ буквально ничего не предпринималъ, несмотря на то, что по извѣстнымъ обстоятельствамъ происходившаго въ провинціяхъ ему представлялось не мало случаевъ къ примѣненію быстрыхъ, рѣшительныхъ мѣръ. Попрежнему продолжалъ онъ слишкомъ терпѣливо выжидать, не согласятся ли наконецъ медивцы добровольно принять участіе въ Сирійскомъ походѣ. Изъ состоянія летаргіи подняло его наконецъ потрясающее извѣстіе.

Безучастность медивцевъ показала ясно, что дѣло Алиа не пустило прочныхъ корней въ народѣ. У побѣжденныхъ соперниковъ, Тальхи и Зубейра, возродились поэтому новыя надежды, что можно будетъ попытаться вырвать владычество изъ его рукъ. Свергнуть же возмущившимися Османъ, не крѣпче его и Алиі! А вѣрность и вѣра для этихъ людей давно уже стали пустымъ звукомъ. Оба направились въ Мекку, чтобы тамъ подготовить тайкомъ возмущеніе, подъ покровительствомъ безнаказанности, даруемой этими святыми мѣстами. Здѣсь встрѣтились они съ Айшей. Послѣ катастрофы отсюда она не выѣзжала, соединившись съ Я'лой, обладателемъ южно-арабской казны. Этотъ послѣдній конечно охотно соглашался играть съ ними заодно; что же касается «матери правовѣрныхъ» — для нея не могло быть вышаго наслажденія, какъ опозорить Алиа, а тѣмъ паче составить заговоръ *) противъ своего смертельнаго врага. Такъ поступала она и

*) „Ничего она не говорила объ немъ хорошаго, даже и тогда, когда представлялась возможность промолчать“, говоритъ одинъ современный свидѣтель.

раньше по отношенію къ Осману. Ея набожность весьма легко мирилась съ гибельною склонностью къ интригамъ; теперь, понятно, стала она не менѣе Амра и Му'авіи возмущаться этимъ ужаснымъ, чудовищно совершеннымъ преступленіемъ. Всего оригинальнѣе было то, что большинство Омайядовъ съ Мерваномъ во главѣ примкнуло также къ этому движенію. Вообще не выяснено, почему послѣ умерщвленія Османа, вмѣсто того, чтобы отправиться къ Му'авіѣ, они удалились въ Мекку. Можетъ быть Омайяды полагали найти болѣе вѣрную безопасность въ самомъ святомъ градѣ, округъ котораго ограждался строго соблюдаемымъ правомъ неприкосновенности убѣжища, и предпочитали укрыться тамъ, чѣмъ подвергаться риску встрѣчи съ бунтовщиками, разсѣянными по дорогамъ въ Сирію. Возможно также, что они задумали сначала собрать всѣхъ своихъ приверженцевъ въ этомъ старинномъ мѣстопробываніи ихъ семьи. Во всякомъ случаѣ, считали они полезнымъ, когда Тальха и Зубейръ въ Меккѣ стали во главѣ недовольныхъ, помогать пока всѣми зависящими отъ нихъ способами расширенію возникшаго раскола въ нѣдрахъ партіи правовѣрныхъ. Они понимали, что чѣмъ болѣе силъ истратитъ Алій въ борьбѣ со своими противниками, тѣмъ вѣрнѣе въ концѣ концовъ достанется побѣда Му'авіѣ. И эти «прямодушные люди» склонялись по наружному виду признать справедливость взводимой клеветы, а потому соглашались отомстить Алію за пролитую кровь Османа. Когда же оба главные заговорщика вмѣстѣ съ Айшей потянулись, въ сопровожденіи 1000 человекъ, въ Иракъ, чтобы тамъ съ помощью своихъ приверженцевъ перетянуть на свою сторону многочисленныя войска этой провинціи, во главѣ этой странной пестрой толпы очутились и Омайяды. Только одинъ изъ нихъ оказался вполнѣ честнымъ—это былъ бывший намѣстникъ Османа въ Куфѣ, Са'идъ Ибнъ Аль-Асъ. Когда онъ увидѣлъ своихъ родственниковъ, ѣхавшихъ впереди Тальхи и Зубейра, то насмѣшливо окликнулъ ихъ: «Куда вы идете? Взгляните, мщеніе позади васъ, на спинахъ верблюдовъ»,—этимъ давалъ онъ ясно понять совинность обоихъ, ѣхавшихъ позади, съ бунтовавшими противъ Османа. Лицемѣріе ихъ онъ тоже удачно разоблачилъ. На вопросъ его—кто же изъ васъ послѣ побѣды станетъ халифомъ, они отвѣтили: «тотъ, кого выберетъ община». Тогда онъ сталъ имъ доказывать, что если они действительно хотятъ мстить за кровь Османа, то обязаны вручить власть одному изъ сыновей покойнаго. Они отвѣтили разумѣется уклончиво. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, послѣдовавшими его примѣру, Са'идъ такъ и не участвовалъ въ общемъ предпріятіи. Да и участникамъ въ заговорѣ было какъ-то не по себѣ; на это лучше всего указываетъ поведеніе Айши. Одно неприятное предзнаменованіе, случившееся во время похода, такъ встревожило нечистую ея совѣсть, что она чуть

было не вернулась назад; едва ее уговорили. Раби' II, 36 (октября 656) войско союзниковъ достигло Басры; по дорогѣ оно возросло съ присоединившимися со всѣхъ сторонъ до 3000 человекъ. Здѣсь, какъ и въ Куфѣ, мнѣнія раздѣлились. Въ обоихъ городахъ издавна были многіе, лично благожелательствующіе Тальхѣ или Зубейру. Хотя большинство участвовавшихъ въ бунтѣ противъ Османа, услышавъ дикіе вопли о мщеніи за Османа, должны были волей неволей держаться Алія, но, съ другой стороны, прибытіе Тальхи и Зубейра, благодаря капризному непостоянству настроенія населенія, быстро увеличило силы другой партіи. Намѣстникъ Алія, Османъ Ибнъ Хунейфъ, распорядился благоразумно: неувѣренный въ надежности своихъ людей, онъ не рѣшился запретить противникамъ занять часть города. Когда же тѣ стали публично обращаться съ рѣчами къ народу на главной площади города, стараясь умножить число своихъ приверженцевъ, Ибнъ-Хунейфъ сталъ съ успѣхомъ и ревностно противодействовать имъ, при чемъ нашелъ сильную поддержку у нѣкоторыхъ изъ болѣе благоразумныхъ. Союзникамъ приходилось въ этихъ спорахъ услышать много непріятныхъ истинъ: противники указывали на распоряженіе пророка, по которому слѣдовало «матери правовѣрныхъ» сидѣть у себя дома спокойно, а не таскаться по лагерямъ вмѣстѣ съ мужчинами. Тальхѣ же и Зубейру, когда они стали неистово громить убійцъ Османа, сказали прямо въ лицо—не желаютъ ли они взглянуть на свои письма, въ которыхъ сами же подстрекали когда-то народъ противъ несчастнаго халифа. Рядомъ съ приверженцами союзниковъ и людьми Алія образовалась въ городѣ еще нейтральная партія, отъ которой собственно и зависѣлъ окончательный перевѣсъ. Эти послѣдніе потребовали представленія достовѣрнаго доказательства, что Тальха и Зубейръ, какъ они утверждали, присягнули дѣйствительно Алію по принужденію. Такимъ образомъ на нѣкоторое время настало затишье, но когда посланные въ Медину вернулись съ извѣстіемъ, что и тамъ по этому поводу мнѣнія не одинаковы, все осталось попрежнему въ выжидательномъ положеніи. Разъ ночью напали союзники, при помощи нѣсколькихъ измѣнниковъ, на домъ Ибнъ Хунейфа и взяли его въ плѣнъ. Потерявъ своего предводителя, друзья Алія все еще не сдавались, но послѣ долгихъ безцѣльныхъ переговоровъ были наконецъ побѣждены въ открытомъ бою. Басра очутилась теперь въ рукахъ Тальхи и Зубейра. Чтобы заставить всѣхъ окончательно увѣровать въ искренность ихъ стремленія мстить за кровь Османа, совершенъ былъ рядъ ужаснѣйшихъ злодѣяній. Принялись казнить приверженцевъ Алія всѣхъ поголовно, какъ соучастниковъ въ царевубійствѣ, во всякомъ случаѣ не болѣе виновныхъ, какъ и тѣ, которые ихъ умерщвляли. Отвратительная рѣзня оказалась къ тому же вскорѣ не-

простительной ошибкой, навлекшей на виновниковъ ея справедливую кару. Между убитыми были люди всѣми почитаемые, находившіеся въ близкихъ отношеніяхъ съ наиболѣе вліятельными жителями Куфы. Поэтому, хотя до сихъ поръ въ этомъ послѣднемъ городѣ у Алія было не особенно много приверженцевъ, теперь мнѣніе большинства окончательно склонялось въ ущербъ союзникамъ. Какъ'а, герой Кадесіи, громко сталъ выражать свое негодованіе вмѣстѣ съ другими наиболѣе вліятельными людьми началъ противодѣйствовать Абу Мусѣ Аль-Аш'арию, доселѣ почитаемому всѣми. Этотъ послѣдній, понятно, былъ противникомъ Алія за его попытку смѣстить его съ должности. Когда почти одновременно прибыли послы Алія и басрійцевъ, намѣстникъ старался уговорить своихъ согражданъ, чтобы они по крайней мѣрѣ оставались нейтральными. И дѣйствительно, посланникамъ Алія, неоднократно прибывавшимъ, не удавалось добиться желаемой цѣли. Всѣхъ, которыхъ посылалъ Аліи: Мухаммеда Ибнъ Абу Бекра, Малика Ибнъ-Аштару и другихъ—Абу Мусѣ легко было дискредитировать, какъ завѣдомыхъ царевубійцъ. Наконецъ явился въ Куфу сынъ Алія, Аль-Хасанъ. Былъ это довольно обыкновенный и безхарактерный человѣкъ, но, какъ внукъ пророка, пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ; къ тому же его сопровождалъ старый Аммаръ Ибнъ Ясиръ, изучившій хорошо мѣстные обстоятельства еще со времени неудачнаго управленія своего при Омарѣ. Отъ имени Алія объявлялось всеуслышаніе, что онъ избираетъ Куфу мѣстомъ своей резиденціи—въ Мединѣ ему становилось тѣсно, что уже выяснилось теперь окончательно. Это заявленіе, совмѣстно съ кипучею дѣятельностью Аммара и присутствіемъ Хасана, возымѣло значительное дѣйствіе. Какъ'а съ соумышленниками открыто принялъ сторону Алія, а Абу Муса былъ совершенно оттѣсненъ. Вынужденный покинуть городъ, намѣстникъ удалился озлобленный, готовый ежеминутно дать волю своему недовольству, но пока не находилъ еще удобнаго случая.

Повидному положеніе вещей сразу мѣнялось. Тотчасъ же по полученному въ Мединѣ извѣстію о движеніи Тальхи и Зубейра, Аліи собралъ маленькую группу своихъ приверженцевъ,—ихъ было едва ли болѣе 900. Предстояло поторопиться насколько возможно, дабы предупредить союзниковъ въ Иракѣ. Дни за днями тянулись, а халифъ все не могъ выступить въ походъ, такъ что, прежде чѣмъ онъ успѣлъ достигнуть границъ Ирака, Басра уже пала. Когда онъ вступалъ въ Зу-Каръ, гдѣ когда-то происходило большое сраженіе между племенемъ Бену Бекръ и войсками Хиры, передъ нимъ предсталъ съ печальной вѣстью Ибнъ Хунейфъ, прогнанный изъ Басры союзниками, съ обрѣзанными волосами на бородѣ, бровяхъ и рѣсницахъ. Итакъ, со своей маленькой толпой приверженцевъ Аліи очутился сразу въ

виду вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля. Но вскорѣ прибыли въ лагерь 900 кувейцевъ, сопровождавшихъ Хасана, присоединилось также нѣсколько тысячъ басрійскихъ бѣглецовъ; мало-по-малу стали подходить все новыя толпы вспомогательныхъ войскъ, такъ что въ небольшой арміи его вскорѣ насчитывалось отъ 15.000 до 20.000 человекъ, болѣе ни въ какомъ случаѣ не могло быть у союзниковъ. Но халифъ прежде всего рассчитывалъ на обаяніе ввѣренной ему власти и все еще надѣялся возстановить миръ безъ пролитія крови. Еще не покидая Зу-Каръ, послалъ онъ Ка'ка' въ Басру, и дѣйствительно предложенія его были выслушаны союзниками. Не взирая на ослѣпленіе личныхъ самолюбіи, трудно было скрыть даже отъ самихъ себя, что во всѣхъ отношеніяхъ,—не только въ виду внѣшнихъ враговъ, но и общины,—тяжкая отвѣтственность падала на того, кто направитъ оружіе мусульманъ другъ противъ друга, вмѣсто того, чтобы соединенными силами защищаться и далѣе распространять вѣру въ предѣлахъ Персіи и Византійской имперіи. Весьма возможно, что Алій пытался указать путь и средства къ совмѣстному управленію. Такъ или иначе, Ка'ка' вернулся съ извѣстіемъ, что союзники готовы вступить въ переговоры, если Алій согласится удалить изъ своего войска всѣхъ подозрѣваемыхъ въ царевубійствѣ. Партіи недовольныхъ необходимо было поставить это условіе, такъ какъ она же раструбила всюду, и съ такимъ превеликимъ шумомъ, что мщеніе за смерть Османа—единственная цѣль всего похода. Тѣмъ не менѣе предложеніе было слишкомъ дерзкое. Давно ли Мухаммедъ Ибнъ Абу Бекръ вмѣстѣ съ Маликъ Аль-Аштаромъ усердно хлопотали, убѣждая кувейцевъ перейти на сторону Алія; было бы грубой неблагодарностью отстранить ихъ теперь отъ себя. Алій однако рѣшился и на это. Неизмѣнно вѣрный и признательный доселѣ къ своимъ приверженцамъ, въ данномъ случаѣ онъ жертвовалъ ради высшихъ цѣлей давно сложившимися убѣжденіями. Выступая изъ Зу-Каръ къ Басрѣ, халифъ послалъ напередъ свое согласіе на предложенное ему условіе и одновременно отдалъ повелѣніе всѣмъ участвовавшимъ въ возмущеніи противъ Османа отдѣлиться отъ войска и оставаться здѣсь на мѣстѣ. Новый оборотъ дѣла не могъ, разумѣется, понравиться этимъ послѣднимъ; ни на минуту не могли они сомнѣваться, что подвергнутся опасности быть пожертвованными ради возстановленія всеобщаго мира. По выступленіи Алія съ войсками далѣе, они стали совѣщаться. Долго они спорили и наконецъ рѣшились выискать случай и нечаяннымъ нападеніемъ на союзниковъ вызвать междоусобную войну. Втихомолку потянулася эта небольшая, но воодушевленная крайней рѣшимостью толпа *) вслѣдъ за

*) По свидѣтельству одного преданія, было ихъ отъ 2500—2600 человекъ. Такъ какъ по достовѣрнымъ извѣстіямъ число бунтовщиковъ, покушавшихся

войсками Алія. Когда халифъ размѣстился въ одномъ изъ предмѣстій Басры, они укрылись въ сосѣдней Хурейбѣ. Нѣсколько дней продолжались дружескія сношенія между людьми Алія и союзниками; оба войска видимо старались сблизиться. Казалось раздоръ постепенно утихалъ; Зубейръ, какъ говорили, прямо общалъ Алію не подымать противъ него оружія—носились слухи, что халифу удалось поссорить его съ Тальхой и заманчивыми общаніями перетянуть на свою сторону. Вдругъ однажды, въ утреннихъ сумеркахъ, въ мѣсяцѣ Джумада I, 36 (ноябрь 656) *), царевійцы внезапно напали на отряды союзниковъ, стоявшихъ также въ Хурейбѣ. Какъ они рассчитывали такъ и случилось; съ обѣихъ сторонъ были убѣждены, что перемиріе прервано; оба войска бросились съ остервенѣніемъ другъ на друга. Судя по тѣмъ спутаннымъ извѣстіямъ, которыя дошли до насъ объ этомъ сраженіи, оказывается, что первая битва, въ которой дрались мусульмане съ мусульманами же, была жестока и упорна. Прочно установившееся религиозное единеніе до извѣстной степени расторгло старинныя племенные узы; многіе члены одного и того же племени жили одни въ Басрѣ, другіе въ Куфѣ: вотъ и дерутся теперь Рабі'а противъ Рабі'а, Мударъ противъ Мударъ *), сражаются равно другъ противъ друга герои персидскихъ войнъ и набожные начетчики корана. Неохотно вступалъ въ бой конечно одинъ Зубейръ, которому слишкомъ много было общано Аліемъ во время веденныхъ предварительно мирныхъ переговоровъ; погнало его въ сраженіе, какъ говорятъ, издѣвательство собственнаго сына Абдуллы. Вскорѣ оставилъ онъ однако поле сраженія, когда успѣлъ поддержать старинную честь испытанной своей храбрости. Но недалеко отъ сражающихся настигла его безславная смерть отъ руки безвѣстнаго бедуина; коварно поразилъ этотъ воинъ стоявшаго спокойно на молитвѣ полководца, полагая заслужить этимъ благосклонность Алія. Въ пылу сраженія Тальха былъ тоже тяжело раненъ и изопелъ кровью прежде, чѣмъ успѣлъ достигъ города. Его смерть и удаленіе Зубейра ослабили стойкость очутившагося безъ предводителей войска. Толпы бѣгущихъ мчались мимо верблюда, на которомъ въ своемъ паланкинѣ возсѣдала Айша, «мать правовѣрныхъ». Пронзительнымъ, визгливымъ голосомъ взывала она къ

на жизнь Османа, не превышало 1000, слѣдуетъ предположить, что къ царевійцамъ примкнули ихъ единомышленники и единоплеменники.

*) Разнородныя попытки опредѣлить день сраженія не привели ни къ какому результату; одно только положительно вѣрно, что многія встрѣаемыя въ преданіи прибавленія, указывающія на Джумада II (декабрь 656), неосновательны.

***) Мударъ и Рабі'а—это два главные отдѣла измаильтанскихъ (сѣверныхъ) арабовъ. Выѣстъ съ другими образовали они племена Бекръ и Таглибъ. Южнѣе идутъ—Гатафанъ, Хавазинъ, Сулеймъ, Темимъ, Хузейль; Асадъ, Курейшъ и т. д.

своимъ «сынамъ», приглашая ихъ снова начать прерванную битву. Одинъ изъ близъ стоявшихъ приверженцевъ ея высоко поднялъ святую книгу божію и ринулся очертя голову на напиравшаго непріятеля, а Айша снова завывала: «Аллахъ! Аллахъ! Вспомните объ Аллахѣ и объ отчетѣ ему». И снова заколыхались вокругъ энергической вдовы пророка волны сражающихся; высоко воздымался надъ бойцами ея верблюжій паланкинъ. Наконецъ и онъ усѣянъ былъ сплошь стрѣлами, словно ежъ иглами. Даже Маликъ, вступившій такъ храбро въ бой съ Абдуллою Ибнъ Зубейромъ и нанесшій ему значительную рану, и тотъ принужденъ былъ отступить за невозможностью ухватиться за поводья верблюда Айши: кругомъ животного выросла живая стѣна; особенно храбро дрались люди изъ племени Дабба. Невольно подался Маликъ назадъ и наткнулся какъ разъ на могучаго Ка'ка'. На брошенный ему мимоходомъ укоризненный вопросъ, уже не вздумалъ ли онъ бѣжать—храброму воину ничего не оставалось, какъ промолчать. За дѣло надо было иначе приняться. На сторонѣ Алія оказался одинъ изъ даббитовъ; онъ крикнулъ своимъ землякамъ, прося пропустить его къ нимъ для переговоровъ. А самъ между тѣмъ, не проронивъ ни словечка, быстрымъ ударомъ перерѣзалъ одно изъ колѣнныхъ сухожилій у верблюда; животное закачалось и рухнуло. Живо подскочилъ Ка'ка' со своими, овладѣлъ паланкиномъ съ Айшей, и мужественнымъ защитникамъ ничего не оставалось, какъ отступить. Всякое преслѣдованіе, умерщвленіе раненыхъ и грабежъ города были строго воспрещены Аліемъ. Сама Айша, взятая въ плѣнъ, нисколько не смутилась отъ понесенной неудачи и гнѣвно стала разносить брата своего, Мухаммеда Ибнъ Абу Бекра, а также и другихъ, вымещая на нихъ свою досаду. Ее конечно не тронули пальцемъ и отпустили съ миромъ въ Мекку; по окончаніи паломничества, въ томъ же году, она вернулась въ Медину. Смерть обоихъ соперниковъ болѣе, чѣмъ самая побѣда въ «верблюжемъ сраженіи», доставила Алію неоспоримое владычество надъ всѣмъ Иракомъ, населеніе котораго теперь безъ сопротивленія признало его своимъ властелиномъ. Такъ какъ въ Аравіи нельзя было предполагать возмущенія, по крайней мѣрѣ открытаго, оставался одинъ Му'авія, продолжавшій оказывать явное неповиновеніе халифу. Между тѣмъ, какъ ни мала была по внѣшнему пространству сирійская провинція въ сравненіи съ владѣніями Алія, Му'авія все-таки располагалъ средствами если не значительно болѣшими, то далеко болѣе надежными. Необходимо было прилагать постоянныя усилія, чтобы держать въ рукахъ только что завоеванныя страны къ востоку отъ Тигра; поэтому въ настоящее время эти области были скорѣе бременемъ, чѣмъ помощію для того, кто ими владѣлъ. Съ другой стороны, Египетъ имѣлъ вообще малую связь съ остальными провинціями и при малѣйшемъ неуспѣхѣ легко могъ

перейти на сторону сосѣдей Сиріи. Такимъ образомъ, кромя бѣглецовъ и союзниковъ пророка, притекавшихъ многочисленными толпами для борьбы съ безбожнымъ Омайядомъ, Алію можно было рассчитывать собственно только на иракцевъ, но ихъ быстро мѣняющееся настроеніе не обѣщало большой выдержки. Му'авія между тѣмъ не дремалъ. Лишь только дѣла Алія стали немного поправляться, онъ позаботился притянуть къ себѣ всѣ войска, подъ благовиднымъ предлогомъ держать въ страхѣ ненадежные пограничные округа Арменіи. Хотя войско его не особенно превосходило численностью пестрыхъ толпы Алія, но онъ могъ во всякомъ случаѣ уповать на сирійцевъ, какъ на самого себя. Издавна счумѣлъ онъ привязать ихъ къ себѣ мудро рассчитанной системой строгой дисциплины и личнаго вмѣшательства, а главное—искуснымъ примѣненіемъ подчасъ широкаго одѣленія щедротами. И все же, когда въ середина 36 (въ началѣ 657) Алій, перенесшій свою резиденцію въ Куфу, обратился къ нему снова съ требованіемъ признать его халифомъ по примѣру остальныхъ товарищей пророка, наступилъ и для Му'авіи трудный моментъ. Становилось слишкомъ яснымъ, что новый отказъ поведетъ къ страшной междоусобной войнѣ и исламъ можетъ быть потрясенъ въ самыхъ основаніяхъ, грозя гибелью тѣмъ, которые осмѣлились пожертвовать дѣлами вѣры ради удовлетворенія личнаго честолюбія. Нельзя было также представителямъ мекканской аристократіи обманываться, что вся ихъ кропотливая работа, при помощи которой унижительное пораженіе племени курейшъ Мухаммедомъ преобразилось въ могущественную власть предводителей этого самаго племени надъ возникшей новой міровой имперіей, обратится въ прахъ, лишь только они согласятся подчиниться. Поэтому Му'авія вмѣстѣ со старымъ Амромъ, ставшимъ отнынѣ душой его политики, рѣшили продолжать сопротивленіе, понятно, подъ благовиднымъ предлогомъ все прежняго лозунга — мщенія за Османа. Кто былъ поумнѣе, не болѣе Му'авіи вѣрилъ въ эту побудительную причину. Въ то же самое время написалъ намѣстникъ Сиріи письмо къ Са'ду Ибнъ Абу Ваккасу, въ которомъ выражалъ упованіе, что тѣ превосходные люди, которые когда-то участвовали въ выборѣ Османа, изъ первыхъ помогутъ отомстить за пролитую его кровь. Онъ напоминалъ, что такъ поступили Тальха, Зубейръ и Айша; слѣдовало бы, по его мнѣнію, къ нимъ примкнуть и Са'ду. Послѣдній отвѣтилъ сухо: упомянулъ, что Алій, въ числѣ избирателей Османа былъ изъ первыхъ, что же касается Тальхи и Зубейра, они бы сдѣлали гораздо лучше, если бы оставались дома, а «матери правовѣрныхъ»—да проститъ Аллахъ. Такъ и не пожелалъ онъ выступить изъ своего уединенія.

Му'авіѣ зато лучше удался другой маневръ. Именемъ Алія управлялъ Египтомъ энергическій и притомъ разсудительный Кайсъ Ибнъ

Са'дъ. Онъ былъ настолько благоразуменъ, что не трогалъ въ Харбитѣ поселившихся тамъ противниковъ халифа; съ своей стороны и они нисколько не выказывали желанія вступать въ открытый бой. Человѣкъ этотъ для Му'авіи былъ какъ бѣльмо на глазу. На одно письмо, въ которомъ онъ было попытался отвлечь его отъ Алія, Кайсъ отвѣтилъ прямо и не особенно вѣжливо: «вижу, попрежнему ты остался мекканскимъ идолопоклонникомъ, неохотно принялъ когда-то исламъ, а теперь покинуть его хоть сейчасъ готовъ». Поэтому Му'авія съ радостью общалъ Амру намѣстничество въ Египтѣ; тому тоже страстно хотѣлось заполучить въ руки всѣ средства доходной страны; для этого необходимо было прежде всего устроить такъ, чтобы Алію послать вмѣсто Кайса человѣка вѣзломшнаго, дабы тотъ надѣлалъ побольше глупостей въ намѣстничествѣ. Состряпано было отъ имени Кайса письмо, въ немъ постарались помѣстить какъ можно болѣе выражений мнимой дружбы намѣстника къ мстителямъ за Османа. Это поддѣланное посланіе быстро пошло по рукамъ, пока не достигло халифа. Дарованія Алія, увы, не имѣли зачастую ничего общаго съ политикой, въ которой онъ оказывался постоянно чистымъ ребенкомъ. Ослѣпленный въ свою очередь дикимъ фанатизмомъ, Мухаммедъ Ибнъ Абу Бекръ первый объявилъ ему про «измѣну» Кайса, и халифъ пошелъ прямо на ловушку. Немедленно же на смѣну дѣловитаго правителя посланъ былъ этотъ самый Мухаммедъ, успѣвшій въ самое непродолжительное время привести весь Египетъ въ замѣпательство и породить смуту. Великодушный Кайсъ и не думалъ мстить своему повелителю за его глупость: онъ предложилъ ему даже свой мечъ въ предстоящей войнѣ съ Му'авіей, такъ какъ именно теперь войска Алія отдѣльными отрядами передвигались черезъ Месопотамію къ границамъ Сиріи. Были это войны изъ всевозможныхъ провинцій, предводимые своими намѣстниками; тутъ находились Аль-Аш'асъ Ибнъ Кайсъ изъ Азербейджана, Джариръ Ибнъ Абдулла изъ Хамадана, Абдулла Ибнъ Аббасъ изъ Басры. Ядро войска составляли болѣе 1000 человѣкъ старинныхъ сподвижниковъ пророка; между ними оставалось еще 70, сражавшихся подъ Бедромъ; встрѣчались также люди изъ Куфы, покорители Персіи. Когда армія подошла къ Евфрату, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка образуетъ большую дугу къ юго-востоку, командованіе авангардомъ было ввѣрено храброму и безпощадному, но надежному Малику; онъ принудилъ непокорныхъ жителей Раки построить немедленно мостъ. Успѣвшіе переправиться на южный берегъ вскорѣ ощутили наступленіе войскъ Му'авіи. Полчища Алія перевалили наконецъ черезъ мостъ. Но халифъ отдалъ строгое приказаніе на первыхъ порахъ лишь отражать дѣлаемые непріателемъ нападенія: и здѣсь, какъ и передъ «верблюжьимъ сраженіемъ», онъ не

лѣтъ тому назадъ; вскорѣ дѣйствительно обнаружилось, что въ рядахъ ихъ не одинъ измѣнникъ выжидалъ только время для того, чтобы повигоднѣ продаться Му'авіѣ. Конечно, при характерѣ Алія, вовсе не удивительно, что онъ, который по одному доносу смѣнилъ преданнаго ему Кайса Ибнъ Са'да, бывшего далеко отъ него, теперь ни за что не повѣрилъ бы, что измѣна назрѣваетъ тутъ же, на его глазахъ. Цѣлый мѣсяць развѣзжали послы, направляясь отъ одного лагеря къ другому, продолжали усердно толочь воду въ ступѣ, повидимому изыскивая всевозможныя ухищренія, чтобы добиться наконецъ рѣшенія, кто собственно виновенъ въ умерщвленіи Османа. Требования Му'авіи выслать изъ войска убійць Османа, Аліѣ на этотъ разъ, конечно, не исполнилъ: настолько-то его умудрилъ опытъ со времени «верблюжьяго сраженія». Но онъ самъ, въ теченіе четырехъ недѣль, ничего не предпринималъ, межъ тѣмъ какъ Му'авія совмѣстно съ Амромъ не упускали ни единого подходящаго случая: вывѣдывали у каждаго посланника все, что было имъ нужно, и сѣяли въ неприятельскомъ лагерѣ чрезъ своихъ пословъ щедрою рукою любезности и обѣщанія.

Наступилъ послѣдній день Мухаррема, перемиріе истекало. Аліѣ торжественно отринувъ всѣ предложенія сирійцевъ. Войска стали готовиться къ бою. Но противники еще медлили: страшновато становилось обѣимъ сторонамъ поставить все на карту; такъ проходили первые дни (1—7 Сафаръ 37=19—25 іюля 657), завязывались отдѣльныя стычки, случались по старинному единоборства, но до общей свалки еще не доходило, ни та ни другая сторона не одерживала значительнаго перевѣса. Наконецъ вечеромъ, на седьмой день, Аліѣ рѣшился развернуть всѣ свои силы. При вечернемъ богослуженіи воспослѣдовало окончательное распоряженіе, и ночью всѣ приготовились. На другое утро (въ среду 8=26 іюля) все войско выступило противъ сирійцевъ, соединенныя полчища которыхъ стояли также въ боевомъ строю. При расположеніи войскъ Аліѣ старался, гдѣ только было возможно, заставить сражаться родственныя племена другъ противъ друга: аздовъ Басры противъ аздовъ сирійскихъ, хат'амовъ куфійскихъ противъ хат'амовъ сирійцевъ, и такъ повсюду, гдѣ только находились въ обоихъ войскахъ части, принадлежавшія къ однимъ и тѣмъ же племенамъ. Въ этихъ тактическихъ передвиженіяхъ, какъ кажется, прошла большая часть времени, ибо до насъ дошло вообще одно только, что въ этотъ день сражались. Во всякомъ случаѣ бой разгорѣлся съ полной силой лишь на слѣдующее утро (четвергъ 9=27 іюля). Самъ Аліѣ, окруженный мединцами, старинными бѣглецами и союзниками пророка, командовалъ центромъ, правымъ крыломъ руководилъ Ибнъ Будейль, лѣвымъ—Абдулла Ибнъ Аббасъ, конни-

цей котораго управлялъ Маликъ Аль-Аштаръ. И на сторонѣ противниковъ полководецъ также находился въ срединѣ. Здѣсь Му'авія приказалъ разбить для себя большую палатку, оставленную подъ прикрытіемъ конницы Дамаска, предводимой Амромъ Ибнъ Аль Асомъ. На лѣвомъ крылѣ командовалъ Хабибъ Ибнъ Маслама — покоритель Арменіи, правымъ—химьяритъ Ибнъ Зуль-Келá; авангардъ состоялъ попрежнему подъ управленіемъ Абуль - А'вара, пѣхотой Дамаска въ центрѣ командовалъ Муслимъ Ибнъ Укба. Силы обѣихъ армій почти были равны: противъ 70.000 воиновъ Алія стояло никоимъ образомъ не болѣе 80.000 сирійцевъ. Какъ то, такъ и другое войско могло похвалиться особымъ отборнымъ отрядомъ: тщательно подобранные люди торжественно поклялись Му'авіѣ побѣдить или умереть. Между куфійцами также нашлось порядочное количество ревностно набожныхъ, которыхъ прозвали за ихъ непрестанное изученіе корана «чтецами»; они держались крѣпко другъ за друга и теперь раздѣлились на три отряда, предводимые Ибнъ Будейлемъ, Кайсомъ Ибнъ Са'домъ и старымъ Аммаромъ Ибнъ Ясиромъ. Были это люди рѣшительные, многіе изъ нихъ принимали участіе въ царевубійствѣ; отвращеніе свое къ Осману они перенесли съ удвоенной силой на Му'авію. Бой открылъ Ибнъ Будейль, напирая съ необыкновенной силой на лѣвое крыло сирійцевъ. Ему удалось оттѣснить Хабиба и при помощи своихъ «чтецовъ» проложить дорогу къ центру неприятельскаго войска—чуть что не дошли они до палатки Му'авіи; но тутъ встрѣтили отпоръ; отрядъ присягнувшихъ принудилъ ихъ податься назадъ. Даже посланные къ нимъ на подмогу Аліемъ изъ центра мединцы, на этотъ разъ впрочемъ дѣйствовавшіе вяло, не могли возстановить перевѣса. Между тѣмъ на лѣвомъ крылѣ иракцевъ дѣло шло не совсѣмъ благополучно. Арабы юга, предводимые Ибнъ Зуль-Келá одержали здѣсь перевѣсъ, такъ что это крыло держалось благодаря лишь особенной храбрости нѣкоторыхъ, находившихся тамъ изъ племени Рабі'а. Самъ Алій бросился къ нимъ на выручку, удержалъ бѣгущихъ и возобновилъ бой, а на правое крыло послалъ Малика со всей его конницей. Малику также удалось остановить начавшееся было тамъ бѣгство и проложить дорогу саблями къ находившемуся въ большой опасности со своими «чтецами» Ибнъ Будейлю. И снова началось наступленіе. При первомъ же движеніи впередъ палъ Ибнъ Будейль, врѣзавшійся со своими «подобно тарану»; Маликъ тотчасъ же принялъ начальство и успѣлъ даже самихъ «клятвенниковъ» оттѣснить снова до самой палатки Му'авіи. Уже первые четыре ряда отчаянныхъ храбрецовъ были смяты нападающими, Му'авія потребовалъ лошадей, приготавлиаясь сѣсть и ускакать. Но вдругъ раздался старый мужественный голосъ, какъ бы случайно прокатившійся до него эхомъ и пробудившій въ

немъ чувство чести—и намѣстникъ не сдвинулся съ мѣста. Объ этомъ постарался, какъ оказалось, Амръ, спокойно крикнувшій: сегодня—«танецъ смерти», на утро—«блескъ владычества». «Клятвенники» стояли стѣной. Разъ еще удалось проникнуть сюда толпѣ «чтецовъ», подъ предводительствомъ Аммара. «А, вотъ гдѣ ты, Амръ, за Египетъ готовъ и совѣсть продать, такъ погибни же!» крикнулъ онъ. — Несмотря на свою глубокую старость, товарищъ пророка, Аммаръ, сражался съ неприятелемъ подобно льву, но даже принесенная имъ въ жертву жизнь не могла доставить окончательной побѣды. Оба войска продолжали драться безъ передышки—казалось, не будетъ и конца бою. Тогда Алій, завидя издали Му'авію, крикнулъ своему противнику: «зачѣмъ намъ продолжать эту бойню людскую, выходи, вызываю тебя на судъ божій. Кому изъ насъ удастся положить на мѣстѣ другого, пусть тотъ и властвуетъ». Амръ сталъ убѣждать Му'авію принять вызовъ, но тотъ рѣшительно отклонилъ предложеніе. «Развѣ ты не знаешь», проговорилъ онъ, «что еще не было такого, который бы, сражаясь съ нимъ, не былъ убитъ». Когда же Амръ продолжалъ настаивать, доказывая, что не совсѣмъ то прилично такъ принижаться, намѣстникъ съ сердцемъ отвѣтилъ: «я вижу тебѣ желательно стать властелиномъ вмѣсто меня».—Всѣмъ были, дѣйствительно, извѣстны храбрость и искусство владѣть оружіемъ Алія, такъ что Му'авіѣ нельзя было ждать благоприятнаго исхода единоборства. Трудно поэтому было его обвинять за то, что онъ отклонилъ такое рискованное рѣшеніе боя. Даже ночь не въ силахъ была развести бойцовъ: во многихъ мѣстахъ на полѣ сраженія борьба продолжалась вплоть до самаго утра.—Это была вторая «ночь грохота» подобная той, которую пережили когда-то побѣдители при Кадесіи. Наконецъ утромъ на третій день (10 Сафаръ=28 іюля 657) казалось близилась развязка. Маликъ былъ окончательно назначенъ предводителемъ праваго крыла; онъ собралъ всю свою конницу и приготовился къ послѣднему рѣшительному удару; напирая съ бѣшенствомъ на сирійцевъ, онъ успѣлъ-таки загнать ихъ въ самый лагерь. Командовавшій попрежнему центромъ Алій, замѣтя побѣдоносное наступленіе своего подчиненнаго полководца, бросился съ пѣхотинцами центра на Му'авію. Намѣстнику предстояла великая опасность; нападеніе велось съ двухъ сторонъ, такъ какъ лѣвое его крыло было окончательно истреблено. Но «война — игра въ обманъ», самъ пророкъ такъ выражался. Можетъ быть уже заранѣе на всякій случай подготавлилась одна изъ самыхъ недостойныхъ комедій всемірной исторіи. Опять-таки за Амромъ остается заслуга изобрѣтенія ея: вдругъ на коняхъ очутилось столько корановъ, сколько можно было ихъ достать. Сирійскіе войны стали громко кричать иракцамъ: «смотрите, вотъ гдѣ, въ книгѣ божіей, слѣдуетъ искать правозѣрнымъ разборъ

распрей, а не во взаимномъ истребленіи. Прекратимъ бой, назначимъ третейскій судъ, пусть разберетъ онъ притязанія Алія и Му'авіи, руководствуясь словомъ Наивысшаго, и все уладится». Какъ ни смѣшно было подобное предложеніе и въ то именно мгновеніе, когда уже наступала рѣшительная побѣда, и хотя легко было возразить, зачѣмъ же не было предложено это ранѣе, передъ пролітіемъ крови *). тѣмъ не менѣе воззваніе это произвело на обѣ воюющія стороны громадное впечатлѣніе. Столь велико было уваженіе, которое питали дѣйствительно набожные мусульмане къ священному писанію, что на нихъ во всякомъ случаѣ должна была произвести потрясающее дѣйствіе та мысль, что слѣдуетъ почерпнуть рѣшеніе изъ непреложнаго источника истины. Къ тому же «чтецы» были людьми не только набожными, но и пропитанными насквозь стариннымъ арабскимъ чувствомъ безграничной независимости. Ихъ демократическому складу ума показалось въ высшей степени лестнымъ, въ качествѣ лучшихъ знатоковъ откровеній, стать представителями общины въ рѣшеніи вопроса о халифатѣ. Вотъ почему первыми перестали драться именно эти люди. Ихъ примѣру послѣдовали очень многіе, но по совершенно иного рода побудительнымъ причинамъ: это были измѣнники, прислушивавшіеся во время перемирія къ нашептываніямъ пословъ Му'авіи; очень можетъ быть, что они именно приняли на себя роль, которую не постыдились теперь разыгрывать. Во главѣ ихъ стоялъ все тотъ же Аль-Аш'асъ Ибнъ Кайсъ, князю, измѣнникъ своему собственному народу. Никогда не могъ онъ простить набожной Мединѣ за свое развѣнчанное южно-арабское королевство и ухватился съ горячностью за случай помочь выкрасть побѣду и утѣшить себя позднимъ мщеніемъ. Тотчасъ же сталъ онъ громко ораторствовать, убѣждалъ Алія поскорѣе отозвать Аштара, продолжавшаго сражаться на противоположномъ краю позиціи и предложилъ свои услуги отправиться къ Му'авіѣ, дабы условиться насчетъ предстоящаго третейскаго суда. Тщетно халифъ сталъ сгоряча упрекать «чтецовъ», какъ они не понимаютъ, что отъ подобныхъ людей, какъ Му'авія, Амръ, Ібнъ Абу Сархъ и всѣхъ прочихъ ихъ сотоварищей, достаточно извѣстныхъ какъ исконныхъ враговъ вѣры и корана, можно ждать лишь одного обмана.

Не помогло ничто: слѣпые фанатики и измѣнники напирали со всѣхъ сторонъ на повелителя, посыпались глухія угрозы, слышались громкіе крики, что онъ готовитъ себѣ судьбу Османа, если станетъ медлить — волей-неволей приходилось уступить и послать вѣстника къ Мэллку. Смѣлый начальникъ кавалеріи выходилъ просто изъ себя,

* Достоверныхъ извѣстій о числѣ павшихъ въ этихъ бояхъ не существуетъ. Но изъ всѣхъ описаній сраженія вытекаетъ, что потери съ обѣихъ сторонъ должны были быть значительныя.

сначала не хотѣлъ ничего и слышать; только тогда, когда ему объявили прямо, что Алія умертвятъ, если онъ не прерветъ немедленно сраженія, съ сокрушеннымъ сердцемъ долженъ былъ этотъ храбрый воинъ остановить бой. Когда же онъ приблизился къ «чтецамъ», то не выдержалъ и разразился жесточайшими ругательствами за совершенную ими глупость. Гнѣвно кричалъ онъ имъ: «вѣдь мы ужъ побѣдили, дозвоьте хоть на минуту вернуться къ моимъ войскамъ. Я живо покончу съ безбожникомъ, который никогда въ жизни не прибѣгалъ за совѣтомъ къ корану». Все было напрасно. Поддѣрпываемые въ своемъ набожномъ упрямствѣ измѣнниками, «чтецы» настаивали на своемъ желаніи. Отрѣзанный отъ своихъ личныхъ приверженцевъ, окруженный толпами отказывающихся повиноваться, Алія, не взирая на свое испытанное безстрашіе въ бою, отступилъ въ ужасѣ передъ прямой угрозой положить его тутъ же на мѣстѣ. Вѣчно неспособный на смѣлое рѣшеніе, онъ дозволилъ наконецъ вырвать согласіе и послать Ап'аса къ сирійцамъ, подготавливая этимъ самымъ проигрышъ всего своего дѣла.

Если онъ воображалъ, быть можетъ, что ему удастся добиться по крайней мѣрѣ назначенія безпристрастнаго третейскаго суда, то и въ этомъ вскорѣ пришлось разочароваться. Ап'асъ вернулся съ извѣстіемъ, что тамъ соглашаются назначить съ каждой стороны по одному третейскому судѣ; по корану должны они будутъ рѣшить, кому подобаешь владычество: Алію или Му'авіѣ. Сирійцы избрали конечно Амра, мятежные же иракцы, все еще не выпускавшіе Алія, потребовали, по наущенію Ап'аса, чтобы онъ назначилъ Абу Мусу Аль-Ап'арія, того самаго намѣстника Ирака, который потерялъ свое мѣсто при переходѣ куфійцевъ на сторону Алія. Правда, онъ объявилъ, что не приметъ никакого участія въ войнѣ, но на него падаетъ подозрѣніе, что былъ заодно съ Му'авіей и Ап'асомъ — чего конечно набожные «чтецы», уважавшіе въ немъ старѣйшаго сподвижника пророка, и не подозрѣвали. Такъ или иначе, человѣкъ этотъ находился не вдалекѣ: поджидалъ въ маленькомъ мѣстечкѣ, нѣсколько на югъ отъ Сиффина, чѣмъ дѣло кончится. Алія зналъ, разумѣется, что въ этомъ человѣкѣ онъ не можетъ встрѣтить особенно теплаго заступника своихъ интересовъ, но, съ другой стороны, ясно понималъ, что несогласіе его ни къ чему не послужитъ. Предложеніе его назначить Малика было отвергнуто съ издѣвательствомъ. Между тѣмъ подходили войска Малика, но нерѣшительный халифъ опять испугался ответственности, въ случаѣ если подастъ поводъ къ вооруженному столкновенію между своими собственными приверженцами, и сталъ снова принаравливаться къ обстоятельствамъ какъ умѣлъ, наперекоръ внутреннему своему убѣжденію. Абу Мусу разыскали, и дня два спустя былъ подписанъ договоръ: оба третейскіе судьи должны были отправиться въ мѣсяцѣ Рамаданѣ те-

кущаго года въ Думатъ-Аль-Джандаль, оазисъ сирійской пустыни, лежащей на середнѣи пути между Сиріей и Иракомъ, для постановленія своего рѣшенія; а оба войска тѣмъ временемъ должны были отступить на мѣста прежнихъ своихъ стоянокъ *).

Подумать только, какое пагубное бессмысленное заблужденіе: 70.000 посѣдѣвшихъ въ бояхъ воиновъ, огромное большинство которыхъ обладало притомъ недюжиннымъ умомъ, выступило въ дальнѣи походъ, дабы подавить возмущеніе извѣстной партіи, отличавшейся далеко не религіознымъ направленіемъ. А затѣмъ, въ моментъ достиженія побѣды, послѣ неслыханныхъ напряженій и жертвъ, эти воины преспокойно возвращаются домой, удовольствовавшись простымъ заявленіемъ противниковъ, что и они, собственно говоря, люди тоже весьма набожные. — Но порывъ дикаго безумія прошелъ скоро: наступило покойное разсужденіе, и въ войскѣ Алія возникло всеобщее недовольство. Тѣсный кругъ приближенныхъ—Маликъ, Ибнъ Аббасъ и Кайсъ, хотя тоже сильно озлобленные вообще на ходъ дѣлъ, не отказываются служить попрежнему своему властелину, но настроеніе людей изъ Куфы и Басры было весьма неблагоприятное. Преобладавшее чувство гордости свободнаго араба заставило многихъ взглянуть съ презрѣніемъ на дѣйствія на мѣстника пророка, дозволившаго себѣ уступить толпѣ мятежниковъ потому только, что они угрожали ему смертью. Главные же виновники печальнаго исхода похода, проявившіе набожность не по разуму, куфійскіе «чтецы», мало-по-малу додумались наконецъ, что Абу Муса, хотя и сподвижникъ пророка, пристрастный судья, и что въ концѣ концовъ Му'авія съ Ап'асомъ ловко таки ихъ поднадули. Казалось проще всего было сознаться въ совершеніи большой глупости и стараться на будущее время лучше соблюдать дисциплину, а они дотолковались до того, что стали упрямо отвергать обоихъ третейскихъ судей и потребовали отъ Алія нарушенія договора. На это, конечно, онъ не могъ согласиться. Тогда толпа въ 12.000 человекъ отдѣлилась отъ него и

* Такъ рассказанъ ходъ событій у большинства арабскихъ историковъ. Но въ только что открытой хроникѣ Якубія встрѣчаются и инныя подробности. Онъ тѣмъ болѣе достоинъ вниманія, что указываетъ на дѣятельное участіе племенныхъ счетовъ, имѣющихъ обыкновенно мѣсто во время раздоровъ въ общинѣ, а также и потому, что представляютъ въ менѣе яркомъ свѣтѣ дальнѣйшее поведеніе „чтецовъ“ корана. По этому описанію послѣдніе не принимали выдающагося участія въ событіяхъ, по крайней мѣрѣ до момента избранія третейскихъ судей, а будто бы Ап'асъ возстановилъ своихъ южно-арабскихъ земляковъ противъ находившихся въ войскѣ многочисленныхъ сѣверянъ, въ особенности же противъ Малика. Между тѣмъ, въ виду единогласія всѣхъ остальныхъ преданій, нельзя прямо принять это новое, во многомъ далеко отступающее повѣствованіе, пока не собранъ будетъ новый матеріалъ, способный разъяснить все темное, заключающееся въ этомъ событіи.

продолжала обратное движеніе въ Куффу отдѣльно отъ главнаго войска. Среди этихъ отщепенцевъ очутились самые разнообразныя элементы: рядомъ со многими подозрительными личностями, которыми руководилъ инстинктъ буйства и исканіе случая къ грабежу и насиліямъ, были и многіе ревностные приверженцы Алія, но нынѣ разочаровавшіеся въ немъ, когда онъ ради сохраненія жизни вздумалъ уронить достоинство халифа; такъ напр. очутился между ними Шабасъ, одинъ изъ отъявленныхъ противниковъ Му'авія. Далѣе попадалось здѣсь множество бедуиновъ, закаленныхъ бойцовъ, участвовавшихъ въ персидскихъ походахъ; прежде всего они желали, если ужъ это такъ нужно было, мощнаго властелина, а этого презирали за его малодушное поведеніе. Наконецъ были здѣсь «чтецы», поддерживающіе упорно фактически примѣненное противъ Османа старинное основное положеніе, что халифъ теряетъ право на санъ за нечестивый образъ жизни, либо за прегрѣшенія противъ предписаній св. писанія. Вскорѣ они стали развивать свое вѣрученіе какъ догматъ, пока теоретически. Такъ какъ по самой природѣ вещей среди союзниковъ по общему дѣлу мало-по-малу устанавливается извѣстнаго рода уравненіе взглядовъ, такъ какъ сверхъ того и «чтецамъ», и представителямъ свободолюбія, столь укорененнаго въ средѣ бедуинства, равно присущи были одни и тѣ же основныя демократическія воззрѣнія, прямо противоположныя притязаніямъ халифа на безусловное повиновеніе, то, поэтому не удивительно, что всѣ эти люди скоро выработали и признали обязательными нѣкоторыя ясно формулированныя положенія, которыя и характеризировали ихъ впоследствии какъ религіозно политическую секту рѣзко пуританскаго оттѣнка. «Владычество должно быть предметомъ совѣщанія послѣ побѣды. Богу одному подобаетъ благоговѣніе, предписывается совершать добро, запрещается несправедливость». Таковы были основныя начала для этихъ послѣдовательныхъ приверженцевъ суверенитета общины. «Никакого рѣшенія внѣ Божескаго» *)—былъ ихъ воинскій кличъ. Пока же выжидали они, какъ поступить далѣе Алію по отношенію къ словамъ господнимъ; онъ все еще былъ для нихъ бесконечно ближе, чѣмъ этотъ безбожный мірянинъ Му'авія; быть можетъ, думали они, халифъ снова вступитъ на стезю господню. Когда иракскія войска приблизились къ Куффѣ, недовольные расположились лагеремъ въ Харурѣ, сосѣдней деревнѣ. Придерживаясь слога корана, они говорили, что пожелали отдѣлиться отъ невѣрующихъ «выходомъ на божій путь», вотъ почему и называли ихъ хариджиты, «выходцы» **).

Если хариджитовъ слѣдуетъ считать за представителей арабо-ислам-

*) Тѣмъ болѣе никакого третейскаго суда людей съ мірскими наклонностями.

***) Хариджъ по-арабски значитъ выходящій, выступающій, хариджій—принадлежащій къ выходцамъ.

скаго духа, такъ сказать, въ самой чистой, абстрактной формѣ, то они были естественною пртивоположностью по отношенію къ личнымъ приверженцамъ Алія, когда и эта послѣдняя партія твердо сложилась. Персидско-пантеистическіе взгляды послѣдней выросли на только что завоеванной почвѣ Ирака и восточной Персіи и должны были подготовить совершенно новое религиозное и національное развитіе. «Партію Алія», Ші'ат-Алії, составляли просто тѣ, которые требовали, чтобы владычество разъ избраннаго халифа не подвергалось никакому надзору пуританъ общины. Къ нимъ принадлежали прежде всего истинно вѣрные, подобные Малику и Кайсу, затѣмъ находившіеся въ родствѣ съ Аліемъ, какъ представителемъ семьи пророка, такъ напримѣръ двоюродный братъ его, Ибнъ Аббасъ, со своими приверженцами; далѣе—послѣдователи ученія Абдуллы, сына Сабы, которые сплотились вокругъ халифа, питая особое почтеніе къ самой личности Алія; наконецъ многіе иракцы, примкнувшіе изъ отвращенія къ сирійцамъ и къ Му'авію его главному врагу. Весьма естественно, что эти Ші'иты халифа изыскивали тоже всевозможныя доказательства противъ тѣхъ, которые на какомъ бы то ни было основаніи ничего не хотѣли знать объ Аліѣ. Съ другой стороны персы, въ странѣ которыхъ приходилось жить, если даже не принимать въ расчетъ рабовъ и рабынь, во всякомъ случаѣ составляли въ этихъ провинціяхъ большинство городскихъ жителей *). Это населеніе издавна привыкло, со времени еще своей независимости, подчиняться старинной и глубоко укоренившейся династіи. Задолго до ислама, подъ давленіемъ пантеистическихъ идей, проникшихъ изъ Индіи, широко усвоено было убѣжденіе что Шаханшахъ, могущественный великій царь имперіи, есть воплощеніе божественнаго духа **), который переходитъ отъ отца къ сыну и одушевляетъ все поколѣніе владыкъ. Поэтому для каждаго перса казалось какою-то бессмыслицей избраніе главы государства; даже ставъ мусульманиномъ, онъ не могъ себѣ представить надобности искать законнаго владыку внѣ потомковъ пророка. Съ перваго же взгляда легко подмѣтить, какъ сильно эти воззрѣнія могли придтись по нраву тѣмъ арабамъ, которые въ свою очередь по другимъ, конечно, мотивамъ привязаны были къ Алію, и какъ просто въ данныхъ обстоятельствахъ могло произойти сліяніе персидскаго элемента съ Ші'итами. Пока же существовала лишь посредственная связь между обоими элементами, такъ что члены «Ші'а», шіиты,

*) Имѣются положительныя доказательства, что на ярмаркахъ въ Куфѣ, ко времени Алія, былъ во всеобщемъ употребленіи персидскій языкъ.

***) Всѣмъ извѣстно, какую великую роль играло ученіе о воочеловѣченіи Бога въ буддійской религіи. И по сіе время Лама, владыка Тибета, считается за воплощеніе Наивысшаго.

(пристрастные) были вначалѣ не что иное, какъ именно принадлежавшіе къ партіи Алія.

Разница между х́ариджитами и шиитами сперва была едва замѣтна; между первыми находились самые страстные нѣкогда приверженцы Алія, и халифъ не покидалъ еще надежды привлечь снова на свою сторону этихъ отщепенцевъ. Какъ кажется, онъ общалъ имъ, въ самое короткое время—на успѣшный исходъ третейскаго суда онъ, разумѣется, давно уже не рассчитывалъ—нарушить договоръ и снова выступить въ походъ противъ Му'ави. Во всякомъ случаѣ, нѣсколько времени спустя, они вернулись въ Куфу въ свои постоянные кварталы. Но тайные переговоры, веденные съ ними, вѣроятно благодаря несвоевременной откровенности самихъ же х́ариджитовъ, которые съ каждымъ днемъ постепенно дѣлались все болѣе послѣдовательными и все менѣе заботились о послѣдствіяхъ, стали извѣстны большинству. Опасаясь возникновенія крупныхъ недоразумѣній въ средѣ своихъ приближенныхъ, Аліи вынужденъ былъ открыто отвернуться отъ сектантовъ. Большинство нисколько этимъ не встревожилось, но настоящее ядро партіи, такъ называемые честные фанатики, завзятые пуритане, окончательно порвали связь съ недостойнымъ, который въ дѣлѣ господнемъ не въ состояніи обойтись безъ нечестивыхъ увертокъ. Они покинули Куфу, потянулись по Месопотаміи, переправились черезъ Тигръ и остановились въ Нахраванѣ, мѣстечкѣ, лежавшемъ нѣсколько на сѣверъ отъ позднѣйшаго Багдада. Здѣсь фанатики избрали даже своего собственнаго халифа въ лицѣ Абдуллы Ибнъ Вахба (10 Шавваля 37=21 марта 658). Такъ какъ они пребывали тамъ пока смирно, поджидавшій въ это самое время рѣшенія третейскаго суда халифъ оставилъ ихъ въ покоѣ. Согласно заключенному договору, Амръ и Абу Муса прибыли въ Думать аль Джандаль въ Рамаданѣ 37 (февраль 658) и открыли совѣщаніе въ присутствіи многихъ уважаемыхъ личностей, какъ напримѣръ Ибнъ Аббаса, Абдуллы, сына Омара, Абдуррахмана, сына Абу Бекра, и другихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, помышляли о возможности сыграть какую-нибудь роль въ данномъ случаѣ, приглядывались зорко, на чемъ дѣло станетъ, нельзя ли будетъ и для самихъ себя заполучить выгоду—были это такіе представители мусульманской общины, свойства которыхъ значительно отличались отъ стариннаго кружка мединцевъ: всѣ они держались большею частью въ сторонкѣ, замѣтя основательно, что со смерти Османа на нихъ не обращаютъ никакого вниманія. Бесѣда между Амромъ и Абу Мусой, надо полагать, происходила въ нѣсколько юмористическомъ тонѣ. Подъ благовиднымъ предлогомъ соблюденія вѣжливости, заговорилъ первый: «ты старше меня, принадлежишь къ ближайшимъ сподвижникамъ пророка, скажи же свое мнѣніе», пону-

ждалъ хитрецъ своего менѣе коварнаго товарища, готовый ежеминутно поддѣть его, лишь только тотъ обнаружитъ слабую свою сторону. Почти невѣроятно, чтобы Абу Муса, будто бы даже подкупленный Му'авіей, сознательно шель въ ловушку, подставленную ему Амромъ: этому прямо противорѣчитъ позднѣйшій образъ его дѣйствія. Конечно, онъ хотѣлъ прежде всего отблагодарить Алія за свое смѣщеніе съ высокаго поста, занимаемаго имъ въ Кувѣ, оттого такъ охотно и согласился разыгрывать роль третейскаго судьи. Тѣмъ не менѣе было противно всѣмъ его убѣжденіямъ увидѣть Му'авію полновластнымъ властелиномъ. Для стариннаго товарища пророка мірскаго нечестиваго воззрѣнія намѣстника Сиріи были крайне несимпатичны. И сталъ онъ съ Амромъ препираться вообще обо всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ кандидатахъ, которыхъ слѣдовало бы выставить вмѣсто обоихъ противниковъ. О соглашеніи, конечно, Амръ и не думалъ, но онъ успѣлъ наконецъ принудить стараго болтуна высказать окончательное свое мнѣніе: тотъ признавалъ Алія и Му'авію недостойными халифства и полагалъ предоставить общинѣ выборъ преемника. Вѣроятно подстрекаемый чрезмѣрнымъ тщеславіемъ, онъ надѣялся при этомъ снова воспользоваться своимъ вліяніемъ. Но дѣло вышло совсѣмъ иначе. Воскуряя ейміамъ мудрости товарища Мухаммеда, Амръ сталъ убѣдительно упрашивать его отъ имени третейскаго суда объявить о рѣшеніи предъ народнымъ собраніемъ. Такъ тотъ и сдѣлалъ: произнесъ прекрасную рѣчь о нуждахъ общины, а затѣмъ объявилъ, что по единогласному рѣшенію третейскихъ судей слѣдуетъ признать притязанія обоихъ претендентовъ не дѣйствительными и заключилъ торжественно: «итакъ, объявляю Алія и Му'авію потерявшими право на владычество. Вы же уполномочиваетесь избрать владыкою того, кого считаете достойнѣйшимъ». Затѣмъ вошелъ на каѳедру Амръ и сказалъ: «вы слышали, что онъ сказалъ. Онъ объявилъ своего господина лишеннымъ права на владычество. Я также согласенъ на это смѣщеніе, если ужъ онъ считаетъ Алія недостойнымъ, и предлагаю вручить высокій санъ моему господину Му'авіѣ, такъ какъ онъ ближайшій родственникъ Османа, мститель за его кровь и достойнѣйшій наследовать ему». Можно себѣ представить, каково было изумленіе слушателей, негодованіе друзей Алія, а въ особенности ярость обманутаго кругомъ Абу Мусы. Онъ разразился отборными ругательствами, громко укоряя Амра въ коварствѣ, и бросилъ ему въ лицо стихъ корана (7.175): «ты уподобился собакѣ, высунувшей языкъ, когда на нее нападаютъ; высунуть языкъ у ней и тогда, когда ее оставляютъ въ покоѣ» *).

*) Сравненіе съ человѣкомъ, погрязшимъ въ невѣріи и мірскомъ, котораго откровенія такъ же мало беспокоятъ, какъ и собаку все окружающее; отъ усталости и жажды свѣсилъ у ней языкъ на шею.

заботился поступать согласно его предписаніямъ, и отвѣтилъ по своему обыкновенію не задумываясь (сура 62.5): «а ты все единственно что осель, несущій книги» *). Увы, оба были правы. Абу Мусъ чуть не пришлось плохо. Сирійцы рѣшились забрать его съ собой изъ опасенія, какъ бы не распространилась дурная молва про весь третейскій судъ, если Абу Муса станетъ болтать о продѣланномъ надъ нимъ обманѣ. Стоило ему большихъ усилій ускользнуть отъ преслѣдователей и укрыться благополучно въ Мекку. Съ нимъ было покончено разъ навсегда, болѣе уже онъ не появлялся публично.

Серьезно говоря, весь этотъ фарсъ въ Думатѣ, не принимая въ расчетъ официальныхъ заявленій сирійцевъ, въ сущности ни къ чему не привелъ. Одно развѣ, онъ послужилъ для населенія Медіны предлогомъ соблюдать попрежнему нейтралитетъ. Межъ тѣмъ Му'авія позаботился потребовать изъ всѣхъ мѣстностей своей провинці признанія себя халифомъ. Алію ничего болѣе не оставалось, какъ снова двинуться походомъ въ Сирію. Еще разъ попытался онъ привлечь хариджитовъ; написалъ къ нимъ, что третейскіе судьи исполнили свою обязанность не по слову божію; такимъ образомъ остается все попрежнему, и онъ собирается двинуться противъ общаго врага: они могутъ присоединиться и принять участіе въ войнѣ. Но было уже поздно. Они избрали своего собственнаго халифа и отвѣтили по своему разумѣнію совершенно правильно: ревность Алія себялюбива, не имѣетъ въ виду дѣла божія. И если онъ самъ лично не пожелаетъ засвидѣтельствовать что впалъ въ невѣріе, что обѣщаетъ полное раскаяніе, имъ придется и на будущее время его отвергнуть. Вести дальнѣйшіе переговоры становилось невозможно. Если бы даже Аліи и пожелалъ согласиться на подобное унижительное признаніе, онъ не могъ этого сдѣлать ради своихъ же Ші'а. Въ ихъ глазахъ онъ повредилъ бы себѣ гораздо болѣе, чѣмъ могли принести ему пользу хариджиты. Халифъ было порѣшилъ выступить въ Сирію немедленно же, но его войска отказались слѣдовать за нимъ; ему объяснили, что нельзя же такъ покидать страну, пока не истреблены бунтовщики; по выступленіи войскъ они могутъ безнаказанно производить всякія безчинства. Посредникомъ при передачѣ этого мнѣнія, какъ говорятъ, опять-таки былъ Аш'асъ Ибнъ Кайсъ, поэтому и тутъ можно усматривать нѣчто фальшивое. Но всѣ извѣстія единогласно утверждаютъ, что хариджиты дѣйствительно пытались распространиться въ окрестностяхъ Нахравана и затѣяли серьезную пропаганду своего ученія. Послѣдовательные фанатики съ перваго же момента выказали готовность дѣйствовать насильственнымъ путемъ:

*) Намекъ этотъ первоначально касался іудеевъ, имѣвшихъ въ книгахъ Моисея божеское откровеніе, но не заботившихся объ истинномъ значеніи писанія.

всѣхъ, кто имъ ни попадался, онъ принуждали торжественно отречься отъ Османа и Алія и проклинать ихъ; если же кто отказывался—попросту убивали. Подобный образъ дѣйствія, конечно, нельзя было долѣе терпѣть. Уже готовое къ выступленію въ сирійскій походъ войско свернуло въ сторону и вскорѣ раскинуло лагерь у Нахравана. Мирные переговоры, которые снова попытался завязать Алій, а еще болѣе впечатлѣніе громаднаго превосходства силъ заставило большинство разсѣяться по ближайшимъ округамъ Персіи и Ирака. Лишь 1800 самыхъ упорныхъ не захотѣли уступить. Послѣ короткой схватки они всѣ до послѣдняго человѣка были уничтожены (9 Сафаръ 38=17 іюля 658).

Какъ ни ничтожно было событіе съ чисто военной точки зрѣнія, но оно имѣло для Алія гибельныя послѣдствія. Тѣхъ изъ хариджитовъ, которые успѣли укрыться въ сосѣднія провинціи, мученическая смерть фанатическихъ товарищей подстрекала къ новымъ усиліямъ пребывать неуклонно на «стезѣ божіей». Роились они во мракѣ, въ особенности среди сельскаго населенія Хузистана и Фарса *). Жители этихъ провинцій и безъ того были недовольны тягостью арабской системы налоговъ. Поэтому секта продолжала мало-по-малу развиваться. Цѣлое столѣтіе и болѣе пришлось арабскому правительству неустанно преслѣдовать ее, а зимой въ 658/9 (38) стала тревожить она и Алія рядомъ маленькихъ возстаній въ южномъ Иракѣ, Хузистанѣ и Фарсѣ. Отдѣльнымъ отрядамъ удавалось, правда, обращать вездѣ бунтовщиковъ въ бѣгство. Зіядъ же, сынъ Сумайи **), намѣстникъ Фарса, съ большимъ благоразуміемъ умѣлъ поджигать различныхъ предводителей одного противъ другого, частью улещаль обѣщаніями, и возстановилъ нѣкоторое спокойствіе относительно въ короткій промежутокъ времени (39=659). Но всѣ эти волненія сильно способствовали раздробленію силъ халифа, сосредоточеніе которыхъ потребно было болѣе, чѣмъ когда-либо. Между тѣмъ походъ въ Нахраванъ ознаменовался роковымъ эпилогомъ. Раздумывая о длинномъ походѣ отъ восточнаго Тигра въ Сирію, куфійцы вдругъ объявили, что съ нихъ на этотъ годъ совершенно достаточно. Никакія убѣжденія о необходимости совершить давно рассчитанное, необходимое неотложно предпріятіе не могли ихъ заставить безпрекословно повиноваться. Можетъ быть и здѣсь играли роль измѣнническіе происки; главная же побудительная причина неповиновенія заключалась въ глубокомъ потрясеніи авторитета Алія всѣми предыдущими событіями. Столь мало развитые въ политическомъ отношеніи, не взирая на ихъ воинскія способности, чему не мало встрѣчалось примѣровъ и въ войнахъ противъ пророка, едва ли пони-

*) Фарсъ это Персида, исконная родина Ахеменидовъ; Хузистанъ лежитъ между Фарсомъ и южнымъ Иракомъ.

**) О немъ будетъ говорено болѣе подробно далѣе.

мали эти наивные и мало соображающіе бедуины, что противъ подобнаго основательнаго непріятеля, какъ Му'авія, необходимы быстрота и полное напряженіе, дабы не упустить малѣйшаго успѣха, а повиноваться приказаніямъ халифа безпрекословно они были еще менѣе склонны, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ послѣднее средство, могшее еще спасти Алія, ускользало изъ его рукъ.

Между тѣмъ въ то же время его постигла большая потеря, къ несчастію нарушавшая значительно равновѣсіе вѣдшихъ силъ. При передачѣ управленія Египтомъ (36=656) Кайсъ Ибнъ Са'дъ, предмѣстникъ Мухаммеда Ибнъ Абу Бекра, предупреждалъ его о небезопасности вообще положенія и о необходимости осторожнаго обхожденія съ недовольными, запершимися въ Харбитѣ. Не посмотрѣлъ на это храбрый и энергическій, но ограниченный и упрямый человекъ, выслалъ противъ нихъ отрядъ въ нѣсколько тысячъ, который однако потерпѣлъ полное пораженіе. Эта первая неудача намѣстника Алія послужила какъ бы сигналомъ къ открытому возстанію для всѣхъ тѣхъ, которые тайно держали въ Египтѣ руку Амра и Му'авія, и Мухаммедъ сразу очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Теперь халифъ понималъ, что тотъ не сдумѣетъ выполнить задачи и нѣсколько времени спустя послѣ сраженія при Сиффинѣ (37=657-8) послалъ въ Египтъ лучшаго изъ своихъ полководцевъ, Малика Аль-Аштара. Къ несчастію провѣдалъ объ этомъ Му'авія. Онъ постарался черезъ своихъ приверженцевъ въ Египтѣ подкупить сборщика податей въ Кулзумѣ *), пообѣщавъ ему пожизненно всѣ доходы съ этого мѣста сполна. Когда Маликъ прибылъ сюда, измѣнникъ угостилъ его отравленнымъ медомъ; такъ злополучно погибъ храбрѣйшій изъ храбрѣйшихъ. Немедленно вторгнулся въ страну изъ Сиріи Амръ. Послѣ пораженія одного изъ подчиненныхъ полководцевъ, большинство приверженцевъ покинули Мухаммеда; его настигли бѣжавшаго и умертвили (38=658), а Амръ вступилъ побѣдителемъ въ Фустатъ. Старая лиса добилась наконецъ цѣли своей жизни. По предварительному условію съ Му'авіей, расположился онъ по домашнему въ излюбленной своей провинціи и безъ особенныхъ приключеній управлялъ ею до конца жизни. Послѣдніе свои годы пожелалъ онъ прожить въ спокойствіи, поэтому и послѣ того, когда вездѣ былъ признанъ Му'авія, онъ не предпринималъ ни одного военнаго похода на западъ. 1-го Шаввала 43 (6 января 664) умеръ онъ, какъ передаетъ преданіе, не совѣмъ съ спокойной совѣстью, мучимый сомнѣніями о томъ, что ждетъ его тамъ, на томъ свѣтѣ. Должное возмездіе заслужилъ конечно вполне этотъ весьма даровитый, остроумный и безконечно лукавый, къ тому же, въ качествѣ

*) Древній Клизма, нынѣшній Суэцъ.

полководца, если не гениальный, то во всякомъ случаѣ весьма искусный и счастливый человекъ. Сверхъ того былъ онъ великій проныра и никогда не руководился иной цѣлью, какъ только своими личными выгодами. Исторія всей его жизни переполнена интереснѣйшими эпизодами; извѣстно множество случаевъ, когда его лукавая сноровка противъ всякаго вѣроятія сразу повидимому мѣняла порядокъ вещей. Трудно не изумляться его понинѣ изобрѣтательному уму, его основательному знанію человѣческой природы; тѣмъ не менѣе его глубоко циническій эгоизмъ, его полнѣйшая неспособность воспринимать что либо благородное и истинное производятъ въ высокой степени отталкивающее впечатлѣніе. При всемъ томъ это такой замѣчательный, въ нѣкоторомъ родѣ классическій образецъ истаго араба, что лишь одному филистеру можетъ прійти въ голову смотрѣть на это созданіе какъ на отвратительное исчадіе.

Потеря Египта была тяжкимъ ударомъ для Алія. Не говоря уже про доходы изъ богатой страны, правое крыло Му'авія было обезпечено и онъ могъ самъ предпринять наступательное движеніе. Вскорѣ дѣйствительно появляются летучіе отряды сирийцевъ повсемѣстно—въ Месопотаміи, въ Мединѣ и Меккѣ. Даже въ южную Аравію забрались войска непокорнаго намѣстника. Въ теченіе двухъ лѣтъ безъ перерыва (38—40=658—660) продолжалась борьба во всѣхъ провинціяхъ. Мекка и Медина, жители которыхъ равнодушно относились къ обоимъ претендентамъ, не однажды перемѣняли своихъ властителей, болѣе же всего страдали пограничные округа. Все таки Аліи выдерживалъ борьбу стойко. Всякій разъ, когда можно было поставить на ноги куфійцевъ, онъ посылалъ неустанно все новыя экспедиціи и за послѣднее время пользовался значительнымъ успѣхомъ даже въ Аравіи. Какъ вдругъ, разъ въ пятницу 15 Рамадана 40 (22 января 661) три хариджита *) напали въ Куфѣ на халифа, слѣдовавшаго на богослуженіе по пути въ мечеть. Одинъ изъ нихъ, Ибнъ Мульджамъ, нанесъ ему смертельную рану, разсѣлп черепъ. Два дня спустя, въ воскресенье (17 Рамадана 40=24 января 661) Аліи испустилъ духъ,

*) На основаніи высказаннаго въ элегии, написанной однимъ изъ приверженцевъ Алія, въ соединеніи съ замѣткой стариннаго сирийскаго хроникера. Ранке (Weltgeschichte, V 1.170) подозреваетъ—не Му'авія ли подослалъ убійцу. Но это едва ли вѣроятно. Омайяды понятно возликовали совершенно открыто, узнавъ о происшедшемъ, и озлобленный поэтъ могъ легко бросить намекъ на соучастіе, которое можетъ быть и самъ только предполагалъ. Лѣтописецъ же сириецъ жилъ вдалекѣ отъ совершившагося. Положимъ, Му'авія былъ способенъ на такое дѣло, но если бы это дѣйствительно произошло, какъ напр. тяготѣвшее на его совѣсти умерщвленіе Аштара, въ такомъ случаѣ преданіе, приписывавшее намѣстнику все наихудшее, безъ сомнѣнія обвинило бы его и въ этомъ. Въ данномъ случаѣ указы-

павъ, какъ и оба его предшественника, искупительной жертвой власти повелителя.

Во всѣхъ отношеніяхъ Алій представляетъ собой прямую противоположность обоимъ своимъ противникамъ, Амру и Му'авіѣ. Ревностный мусульманинъ, приверженецъ и непоколебимо вѣрный другъ пророка, честная и, какъ кажется, исполненная энтузіазма натура, даровитый поэтъ и ораторъ, воинъ непреклонной храбрости, халифъ не могъ похвастаться именно тѣмъ, что требовалось настоятельно его временемъ: могучимъ талантомъ правителя и политической проницательностью. Всего же хуже было то, что у этого отважнаго меча, подобно башнѣ непоколебимаго въ сраженіи, недоставало во всемъ остальномъ ни капли рѣшимости. Привыкши подчиняться, пока была въ живыхъ, вліянію супруги своей Фатимы, дочери пророка, онъ и позже не могъ выработать никакой властной самостоятельности. Поэтому и пришлось нести горькое искупленіе за единственную роковую ошибку жизни, бросившую тѣнь на всѣ остальные вполне благородныя побужденія — за допущеніе умерщвленія Османа. Отринувъ обязанность сохраненія вѣрности по отношенію къ несчастному своему свояку, правителю плохому, но все же по данной имъ присягѣ властелину законному, Алій устремился на нечистое скользкое поле всемірной политики, на которомъ безыскусственной натурѣ поэта и солдата невозможно было выдержать борьбу съ людьми такого закала, какъ Амръ и Му'авія. Человѣкъ съ половинной натурой и могъ совершать лишь полудѣйствія. Но судьбѣ угодно было, чтобы своимъ печальнымъ концомъ онъ какъ бы смылъ свою вину. Послѣдующее развитіе исторіи ислама привело къ тому, что и нынѣ его образъ для каждаго мусульманина представляется озареннымъ солнечнымъ блескомъ. Подобно тому, какъ никто въ настоящее время не вспомнеть о его некрасивой вѣншности *), давно забыто также участіе его въ печальной судьбѣ Османа. Во всѣхъ мусульманскихъ странахъ извѣстенъ онъ какъ герой, поэтъ и мудрецъ. Такъ какъ собственныя его стихотворенія и поговорки большей частью безслѣдно исчезли, то ему приписываютъ безчисленное множество новыхъ, пользующихся величайшею популярностью. Половина исламской общины

вается безспорно на хâриджита Ибнъ Мульджама, стало быть виновникъ именно онъ. Далѣе въ извѣстіяхъ прицѣплена баснословная прикраса, что Ибнъ Мульджамъ поклялся вмѣстѣ съ двумя другими умертвить въ одинъ и тотъ же день злодѣевъ: Алія, Му'авію и Амра, безмѣрное честолюбіе которыхъ потрясло исламскую общину, что только, будто бы случайно, избѣгли оба остальные той же участи.

*) По странной случайности, подобно своему противнику Му'авіѣ, былъ онъ, несмотря на свою воинскую расторопность, до безобразія тученъ.

почитають его чуть не болѣе, чѣмъ самого пророка, видятъ въ немъ святаго мученика незапятнанной чистоты и высшаго благородства души. Словно самъ народъ пожелалъ сотворить себѣ кумирь, воплотивъ въ немъ, такъ сказать, духовнаго носителя высшихъ религіозныхъ воззрѣній. Счастливымъ его соперникъ мудро и хитро отвоевалъ себѣ великую всемірную имперію; съ сознательнымъ могуществомъ и превосходнымъ пониманіемъ обстоятельствъ, онъ счумѣлъ далеко лучше управлять ею, чѣмъ когда либо былъ въ состояніи Алій. Между тѣмъ въ глазахъ Персіи, растоптанной арабами Му'авіи, именно потому противникъ его и представляется наиблагороднѣйшимъ человѣкомъ, а имя Му'авіи стало синонимомъ проклятія. Такимъ образомъ послѣдній изъ легитимныхъ халифовъ, которымъ заключилась патріархальная эпоха ислама, выступаетъ въ новѣйшемъ періодѣ на передній планъ и ликъ его затмеваетъ все. Онъ какъ бы предназначенъ былъ для дальнѣйшаго поступательнаго въ непредвидѣнной формѣ развитія народа и религіи арабовъ при взаимодействіи внѣшнихъ столкновеній съ чужеземцами, въ особенности же съ элементами персидскими и внутренними народными теченіями.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
6	9 снизу	Абудллы	Абдуллы
34	9 "	южнс	южно
40	2 "	Бо'аса	Бу'аса
41	7 сверху	противоположеніи	противоположеніе
47	15 "	отрана	страна
81	4 "	Ад-Надръ	Ав-Надръ
90	28 "	(629)	(619)
156	6 снизу	Келбъ	Кельбъ
162	5 "	Мохарремъ	Мухарремъ
166	18 сверху	Бадхана	Базана
170	9 снизу	стало	стала
178	15 сверху	всй	всей
181	17 снизу	Тяфейлу	Туфейлю
183	8 "	рабы	арабы
188	4 "	мѣсяць	мѣсяцы
193	13 "	налагалось	налагалась
199	12 "	Уйна	Уейна
214	22 "	представляется	предоставляется
216	15 "	река	рак'атовъ
252	12 "	Севадъ	Савадъ
283	1 "	армянць	армянъ
288	10 сверху	этой	это
289	2 "	набожныхъ	набожнымъ
293	8 снизу	Фостать	Фустать
303	18 сверху	(647)	(641)
307	3 "	сбузу	обузу
322	19 снизу	24	23
324	11 сверху	Бекръ Баиль	Бекръ Ваиль
330	16 снизу	позднѣйшей мухаммеданской богословіи	позднѣйшаго мухаммеданскаго богословія
341	20 сверху	какія	казіе

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Августъ Мюллеръ. Біографическій очеркъ. I—VI.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Арабы и исламъ.

ГЛАВА I. (Стр. 1—47).

До Мухаммеда.

Племенные распри арабовъ (1).—Зачатки образованія государства (9).—Оленатъ и Зенобія (11).—Династія царей Хиры и Гассанидовъ (13).—Гассаниды (14).—Лахмиды въ Хирѣ (17).—Лахмиды и Киндиты (19).—Имруулъ Кайсъ и Лахмиды (21).—Измаилиты и Йоктаниды (24).—Сабен и Минеи (25).—Химьяры и переселенія южныхъ арабовъ (28).—Владычество иноземцевъ въ южной Аравіи (30).—Хиджъазъ (31).—Мекка и ея святыня (32).—Курейшиты (34).—Предки пророка (36).—Іасрибъ (39).—Арабы какъ нація (41).—Поэзія арабовъ до Мухаммеда (42).

ГЛАВА II. (Стр. 48—90).

Мухаммедъ пророкъ.

Рожденіе и дѣтство Мухаммеда (48).—Мухаммедъ въ домѣ Хадѣджи (51).—Семейная жизнь Мухаммеда (53).—Положеніе религіи въ Аравіи (54).—Призваніе Мухаммеда какъ пророка (58).—Первыя откровенія (59).—Быль ли Мухаммедъ пророкомъ? (61).—Характеръ его пророческой дѣятельности (62).—Вѣрующіе и враги (66).—Коранъ (69).—Проповѣдь въ Меккѣ и ея противники (71).—Выселенія и неудачная попытка примиренія (73).—Новыя преслѣдованія; второе выселеніе (75).—Обращеніе Хамзы и Омара; ученіе о предупредѣленіи (77).—Разказы изъ Старога Завѣта; новыя столкновенія (80).—Гоненія противъ родственниковъ Мухаммеда; компромисъ (82).—Смерть Хадѣджи; новая женитьба (85).—Смерть Абу-Талиба. Неудачная проповѣдь въ Таифѣ (87).—Бѣгство изъ Таифа и возвращеніе въ Мекку (89).

ГЛАВА III. (Стр. 91—154).

Хиджра. Мухаммедъ въ Мединѣ.

Обращеніе вѣсколькихъ жителей Іасриба (91).—Дальнѣйшіе успѣхи прозелитизма въ Іасрибѣ (93).—Чудесное путешествіе Мухаммеда; приготовленія къ бѣгству (95).—Официальная присяга жителей Іасриба (98).—Бѣгство Мухаммеда въ Іасрибъ (Хиджра) (100).—Мухаммедъ въ Іасрибѣ; личность пророка (102).—Свадьба съ Айшей; сближеніе съ іудеями (104).—Договоръ съ арабами и іудеями Іасриба (106).—Возрастающее вліяніе Мухаммеда, дальнѣйшая организація общины (108).—Составъ новой общины (112).—Противники Мухаммеда въ Іасрибѣ (113).—Пререкавія съ іудеями, націонализированія ислама (115).—Позднѣйшія части корана (117).—Война противъ мекканцевъ (119).—Внезапное нападеніе при Нахлѣ (120).—«Священная война» (121).—Сраженіе при Бедрѣ (123).—Побѣда Мухаммеда надъ мекканцами (125).—Раздѣлъ добычи; послѣдствія побѣды (126).—Казнь противниковъ вѣроученія (127).—Гоненія на іудеевъ (130).—Капитуляція іудеевъ племени Кейнока (132).—Нечаянное нападеніе Абу-Суфьяна (132).—Новыя убійства. Походъ мекканцевъ противъ Медины (133).—Битва при горѣ Оходъ (137).—Пораженіе Мухаммеда (138).—Послѣдствія битвы; столкновенія съ бедуинами (140).—Осада и капитуляція евреевъ племени Надиръ (143).—Запрещеніе вина; коалиція вѣшнихъ непріятелей (144).—Набѣги Мухаммеда; приключеніе Айши (147).—Приближеніе войска союзниковъ; война изъ-за окоповъ (150).—Снятіе осады Медины; истребленіе въ ней послѣднихъ іудевъ (152).

ГЛАВА IV. (Стр. 155—229).

Послѣдніе годы пророка и окончательная побѣда его религіи. Система вѣроученія ислама.

Небольшіе набѣги; паломничество въ Мекку (156).—Переговоры передъ Меккой; договоръ при Худейбіи (159).—Послѣдствія договора; походъ противъ Хейбара (161).—Завоеваніе Хейбара; мирное паломничество въ Мекку (163).—Первыя попытки расширенія вліянія ислама за границы Аравіи (165).—Пораженіе при Мутѣ; походъ противъ Мекки (167).—Капитуляція Мекки (171).—Мухаммедъ въ Меккѣ; война съ племенемъ Хавазинъ (172).—Битва при Хунейнѣ; неудачная осада Таифа (174).—Раздѣлъ добычи; неудовольствія, возникшія между мединцами и вновь обращенными (176).—Подчиненіе многочисленныхъ арабскихъ племенъ (179).—Дальнѣйшія обращенія; походъ въ отомщеніе за Муту (181).—Походъ на сѣверъ. Смерть Ибнъ Убайи (184).—Мѣры противъ невѣрныхъ; прощальное паломничество (186).—Новыя приготовленія противъ визавтійцевъ (189).—Кончина Мухаммеда. Его характеръ (191).—Возмущенія въ южной и центральной Аравіи (193).—Мединѣ угрожаютъ бедуины (196).—Усмиреніе возстанія; битва при Бузакъ (198).—Жестокія расправа Халида съ плѣнными темимитами (201).—Садъ смерти; покореніе востока полуострова (202).—Конецъ возмущенія на югѣ (203).—Система вѣроученія ислама: понятіе о Богѣ (205).—Система вѣроученія ислама: предопредѣленіе; свойства Бога (203).—Система вѣроученія ислама: пророчество, коранъ, преданія (211).—Система вѣроученія ислама: загробная жизнь (213).—Система вѣроученія ислама: религіозныя обязанности (214).—Система вѣроученія ислама: молитва и богослуженіе (216).—Система вѣроученія ислама: посты, паломниче-

ство (219).—Система вѣроученія ислама: паломничество въ Мекку (220).—Система вѣроученія ислама: подать въ пользу бѣдныхъ, священная война (224).—Система вѣроученія ислама: различные законы (226).—Заключеніе (228).

КНИГА ВТОРАЯ.

Правовѣрные халифы.

ГЛАВА I. (Стр. 230—241).

Халифатъ.

Трудности установленія престолонаслѣдія (230).— Споръ между бѣглецами и ансарами (233).—Халифъ Абу Бекръ; введеніе выборнаго начала (234).—Духовная и мірская власть халифа (237).—Правовѣрные халифы: Абу Бекръ и Омаръ (239).

ГЛАВА II. (Стр. 242—300).

Великія завоеванія.

Завоевательная политика халифовъ. Омаръ (242).—Обзоръ первыхъ завоеваній (244).—Причины побѣдъ ислама (245).—Положеніе Персіи и востока Римской имперіи; арабскій способъ веденія войнъ (248).—Мусанна и Халидъ противъ персовъ. Цѣпной бой (251).—Битвы Халида на равнинѣ Евфрата (254).—Занятіе Хиры. Халидъ откомандированъ въ Сирію (255).—Отступленіе Мусанны; битва у моста (257).—Сраженіе при Бувейбъ; основаніе Басры (260).—Смерть Мусанны; Садъ и Рустемъ при Кадесіи (263).—Битва при Кадесіи (264).—Пораженіе персовъ; завоеваніе Ктезифона (268).—Новое сопротивленіе персовъ: Джалула; Хурмузанъ (270).—Основаніе Куфы; битва при Нихавендѣ (272).—Завоеваніе персидскихъ провинцій; смерть Іездегерда (274).—Выступленіе мусульманскаго войска въ Сирію (276).—Немногочисленность сирійскаго войска; походъ Халида чрезъ пустыню (279).—Завоеваніе Палестины; первая капитуляція Дамаска (280).—Приготовленія Ираклія къ войнѣ; битва при Геромаксѣ (283).—Второе занятіе Дамаска: кончина Халида (285).—Вѣздъ Омара въ Іерусалимъ. Чума въ Эммаусѣ (286).—Арменія, Грузія, Кипръ, Малая Азія (289).—Амръ въ Египтѣ; занятіе Вавилона (291).—Переговоры объ Египтѣ; заключеніе мира (294).—Барка и Триполисъ; неудачная попытка къ возстанію Александріи (298).

ГЛАВА III. (Стр. 301—370).

Организація государства и междоусобная война.

Законы о податяхъ и другія предписанія Омара для иновѣрцевъ (301).—Устройство войска и управленіе (305).—Намѣстникъ и судія. Особыя мѣры (306).—

Позднѣйшія измѣненія въ организаціи Омара (309).—Отношенія арабовъ къ побѣжденнымъ (312).—Общія послѣдствія мусульманскихъ завоеваній (314).—Смерть Омара (316).—Характеръ Омара (317).—Османъ халифъ (321).—Обостреніе внутреннихъ несогласій (323).—Населеніе городовъ Куфы и Басры (324).—Начало неудовольствій.—Изданіе корана Османомъ (326).—Подкопы подъ халифа (336).—Угрожающее поведеніе мединцевъ; приближеніе мятежниковъ (332).—Переговоры между Османомъ и бунтовщиками (335).—Халифъ, осажденный въ своемъ собственномъ домѣ (338).—Смерть Османа; Алій принимаетъ халифатъ (340).—Му'авія отказывается присягнуть халифу (343).—Выступленіе Айши, Тальхи и Зубейра въ Басру (345).—Алій подъ Басрой; переговоры о мирѣ (348).—Нарушеніе перемирія; верблюжья битва; смерть Тальхи и Зубейра (350).—Походъ Алія противъ Му'авіи (353).—Битва при Сиффинѣ (355).—Побѣда Алія, уничтоженная коварствомъ Амра (357).—Алій соглашается на выборъ третейскаго суда (359).—Расколъ въ войскѣ Алія: хариджиты и шииты (361).—Безрезультатность третейскаго суда (364).—Борьба Алія съ хариджитами (365).—Потеря Египта (367).—Умерщвленіе Алія. Личность его (368).
